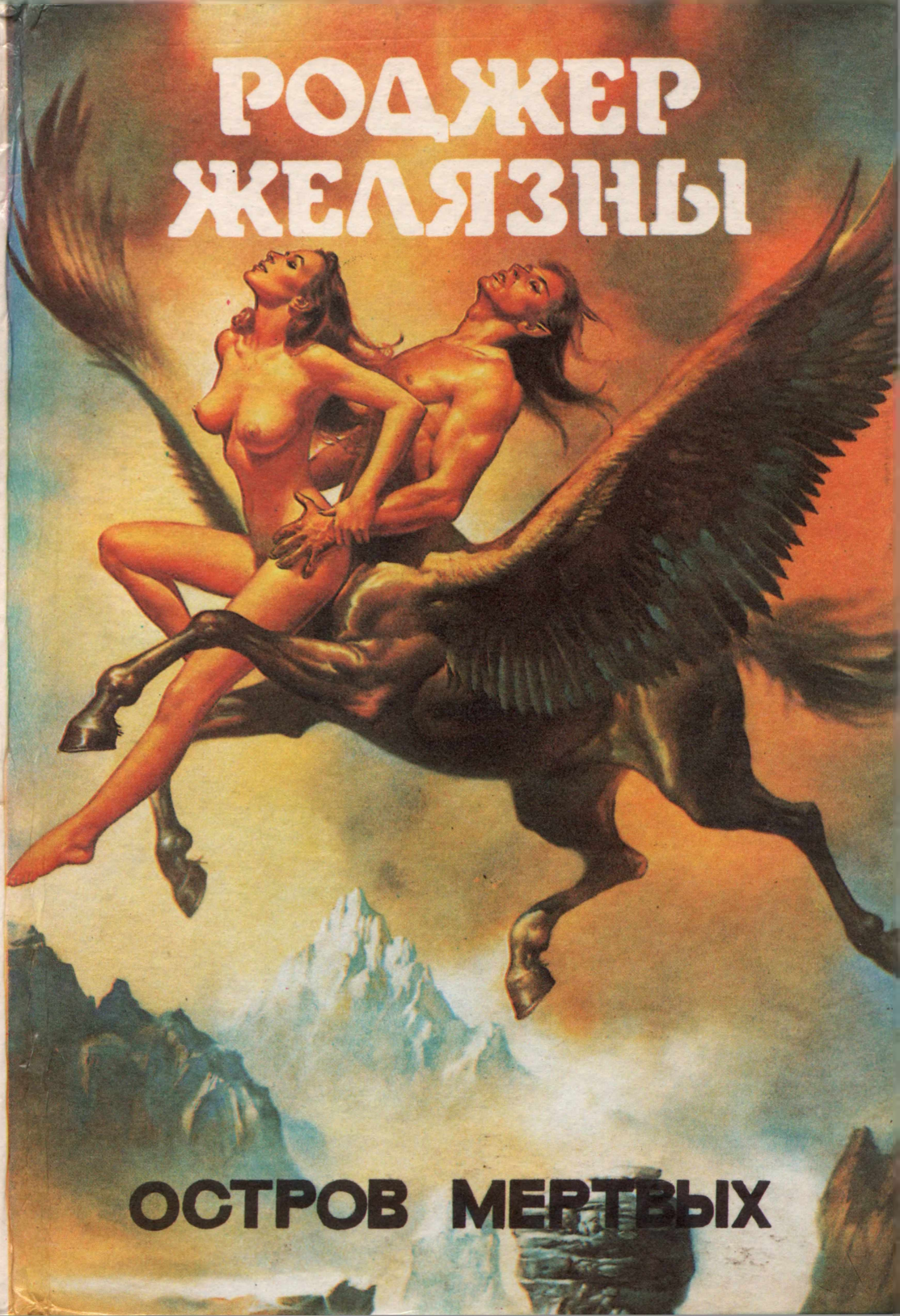
5 МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Киев
Благотворительный
фонд «Сердце»
«ТДК»
1993

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
5

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

КНИГА ПЯТАЯ

ББК 84.7 США
Ж52

В оформлении обложки использованы работы американского художника Бориса Валледжо.

Желязны Р.
Ж52 Хроники Амбера. Остров мертвых. Роман/Пер. с англ.— К.: ЧП «ТДК», 1993 — 608 с.
5-87272-055-6

Серия романов Р. Желязны «Хроники Амбера» — одно из лучших фантастических произведений автора. Свои произведения он посвящает проблемам выживания человечества в условиях воздействия ядерной энергии, а также неимоверным приключениям действующих лиц на загадочных планетах, где возникли неизвестные ранее цивилизации.

Ж $\frac{470304100}{93}$ Без объявления

ББК 84(7 США)

ISBN 5-87272-055-6
Благотворительный фонд «Сердце»

© Составление, оформление «ТДК», 1993.

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Глава 1

Жизнь — прошу простить за маленькое философское отступление, прежде чем станет ясно, что за историю я собираюсь рассказать,— иногда напоминает мне берег Токийского залива.

Конечно, не одно столетие прошло с тех пор, как я в последний раз видел залив, поэтому сейчас, быть может, я не совсем в курсе, но, как мне рассказывали, изменилось не так уж много, если не говорить о кондомах.

Я помню огромное пространство грязной воды — у горизонта вода была более чистая, наверное, и более яркая,— помню, как она воняла и хлюпала, холодная, и, словно время, приносила и уносила разные предметы. Каждый день волны Токийского залива выбрасывали на берег какую-нибудь вещь. Что ни назови — вода рано или поздно выбросит на песок: мертвеца, раковину, белую как алебастр или розовую, будто тыковка, с завитым в левую сторону спиральным рогом, невинным, как у единорога, бутылку с запиской или без, если с запиской, то ее или можно прочесть, или нельзя, человеческий зародыш, кусок отполированного водой дерева с дыркой от гвоздя — возможно, остаток Того Самого Креста, кто знает? — и белую гальку, и темную гальку, рыбешку, пустые лодки, куски каната, кораллы, водоросли — словом, «не счесть жемчужин...» и так далее. Вы оставляете лежать вынесенную морем вещь, где она лежала, и вскоре вода забирает ее обратно. Вот как все происходит. Ах да, в те времена в заливе было полно использованных кондомов, желеобразных, почти прозрачных свидетельств неумирающего инстинкта к продолжению рода, «но не сейчас, а в следующий раз». Иногда их украшал залихватский рисунок или надпись, а иногда на одном конце имелось перо. Говорят, что теперь они уже исчезли, подобно клепсидрам и одежным крючкам, их изничтожили противозачаточные пилюли. Молочные железы так же неизменно увеличиваются в объеме, так кто там недоволен? Иногда я ходил вдоль берега ранним солнечным утром, знобкий бриз помогал мне преодолеть последствия отдыха и восстанавливающего лечения после впечатлений небольшой и строго локальной войны в Азии, где я потерял младшего брата, так вот, иногда я слышал крики птиц, хотя никаких птиц видно не было. Это придавало сцене привкус таинственности, и сравнение становилось неизбежным: жизнь — это что-то такое,

что очень напоминает мне берег Токийского залива. Все в движении. Странные и невероятные предметы выбрасывает на берег волна. Один из таких предметов — это вы, другой — это я. Некоторое время мы остаемся на берегу, возможно, бок о бок, а потом хлюпающая, воняющая, вызывающая зноб кую дрожь волна холодными пальцами прогребает песок, и какие-то предметы снова исчезают. Таинственные крики птиц — это как бы символ неведомого человеческого будущего, открытый конец жизни. Голоса богов? Возможно. И, наконец, последний штрих к сравнению, прежде чем мы покинем эту часть: во-первых, некоторые исчезнувшие предметы, как мне кажется, могут по воле случая и капризного течения снова вернуться на покинутые берега. Мне такого наблюдать не приходилось, но, видимо, я был недостаточно терпелив. И кроме того, кто-то мог бы прийти на берег, подобрать какой-нибудь предмет и унести с собой.

Когда я понял, что первое из названных выше явлений все-таки возможно, меня стошнило. Я уже три дня как пил и наслаждался ароматами одного экзотического растения. Потом я выставил своих гостей. Шок — отличное отрезвляющее средство, хотя я знал, что явление второго рода, когда подбирают и уносят предмет с берега залива, может иногда случиться, как это уже произошло со мной. Но я и представить не мог, что когда-нибудь столкнусь наяву с происшествием вида первого. Поэтому я проглотил таблетку, за три часа гарантировавшую сделать меня прозрачнее стеклышка, добавил для верности сауну и вытянулся на кровати, пока все мои слуги, механические и немеханические, занимались уборкой дома. Затем меня начала бить дрожь. Я боялся.

Вообще-то я трус.

Да, существует множество вещей, которые меня пугают, и все они из разряда явлений, над которыми у меня нет никакого — или очень маленький, если есть,— контроля. Как, например, над Большим Деревом.

Я приподнялся на локте, взял с ночного столика пакет и в который раз принялся рассматривать содержимое.

Ошибки быть не могло, особенно если такая вот штука адресована лично мне.

Я получил это заказное письмо, сунул его в карман куртки и распечатал на досуге.

Понял, что это уже шестое послание, и мне стало плохо, тогда решил, что пора кончать.

В пакете лежала любопытная объемная фотография Кати в белом платье. Снимок был сделан в прошлом месяце, как указывала отметка.

Кати была моей первой женой, единственной, наверное, женщиной, которую я когда-либо любил, и она умерла пятьсот лет тому назад. Подробнее я расскажу об этом позже.

Я внимательно рассмотрел снимок. Шестая фотография по-

добного рода за последние месяцы. Снимки разных людей, и все они были мертвы уже многие столетия.

За спиной Кати на снимке были только скалы и голубое небо.

Такой снимок можно было сделать где угодно, имелись бы скалы да голубое небо. Снимок мог быть и подделкой, есть люди, которые могут подделать все, что угодно.

Но кто мог послать его мне и зачем? Кто столько знал, чтобы это сделать? В пакете не было никакого письма, только снимок — так же как и в предыдущих: снимки моих друзей, снимки моих врагов.

И вот почему я опять вспомнил о Токийском заливе. И еще об Апокалипсисе.

Я накрылся одеялом с головой и лежал в искусственных сумерках посреди полудня. Ведь мне было так хорошо все эти годы. И вот рана, давно затянувшаяся, снова прорвалась и начала кровоточить.

Если существовал хотя бы один шанс из миллиона, что в руках у меня не подделка...

Я отложил пакет в сторону. Потом забылся и, проснувшись, не мог вспомнить, какой кошмар заставил меня покрыться потом. И к лучшему, так я думаю.

Проснувшись, я принял душ, надел все чистое, наспех поел и, захватив полный кофейник, отправился в кабинет. Я привык называть кабинет конторой — в те времена, когда я в нем еще работал. Но где-то лет тридцать пять тому назад привычка исчезла. Я переворошил всю рассортированную корреспонденцию за последние месяцы и среди просьб помочь деньгами от неких странных благотворительных учреждений и не менее странных личностей, намекавших на использование бомб, если я не внемлю, четырех приглашений прочесть лекцию, одного письма с предложением работы, которая несколько лет тому назад могла бы быть интересной, кипы журналов и газет, письма от внезапно появившегося наследника, какого-то моего горячо нелюбимого родственника со стороны жены, третьей, с предложением встретиться с ним у меня дома, трех настойчивых просьб любителей искусства, ищущих покровителя, тридцати одной повестки, извещающих о том, что против меня возбуждено уголовное дело, и писем моих адвокатов, сообщающих, что тридцать одно начатое против меня дело было прекращено. Среди этого я, наконец, нашел те письма, которые искал.

Первым было письмо от Марлинга с Мегапеи.

В общих чертах в нем говорилось следующее:

«Сын Земли, приветствую тебя всеми двадцатью семью именами, что еще существуют, в надежде, что ты успел погрузить не одну пригоршню жемчужин во мрак и придал им сияние всех цветов жизни.

Боюсь, что время жизни совсем древнего и темно-зеленого тела, которое я имею честь носить, близится к концу и истечет

полностью в начале следующего года. Уже давно сии пожелтелые и близорукие глаза не видели моего чужеземного сына. Пусть до начала пятого периода он посетит меня, потому что все мои тревоги явятся тогда ко мне, а его рука на моем плече облегчит ношу».

Следующее сообщение было от «Компании по бурению глубоких скважин» — вывески, под которой, как всем известно, скрывается авангардное отделение Центрального Бюро Безопасности Земли. Компания интересовалась, не захочу ли я приобрести уже бывшее в употреблении, но все еще очень хорошее горное оборудование, находящееся в местах столь отдаленных, что транспортировка его для нынешних владельцев не представляется выгодной.

На самом деле в этом послании кодом, которому я был обучен во времена, когда выполнял одну работу по контракту с федеральным правительством Земли, сообщалось вот что:

«В чем дело? Верны ли вы по-прежнему родной планете? Вот уже двадцать лет мы просим вас вернуться на Землю для консультации по делу жизненной важности для Земли. Вы последовательно игнорируете просьбы. Настоящим удостоверяется необходимость вашего немедленного прибытия по делу чрезвычайной важности. Верим в вашу лояльность и т. д.».

Третье письмо было написано по-английски:

«Я не хочу беспокоить тебя и напоминать о каких-то давно ушедших в прошлое узах, нас соединявших, но ты единственный человек, который может мне помочь. У меня очень большие неприятности. Если у тебя будет возможность, загляни в ближайшем будущем на Альдебаран-5. Адрес тот же, хотя декорации несколько изменились. Искренне твоя Рут».

Три воззвания к человечности Френка Сандау. Какое отношение имеет, если имеет, хотя бы одно из них к снимку в моей куртке в левом кармане?

Веселая пирушка, которую я устраивал у себя, была своего рода прощальным ужином. В данный момент все гости покинули мою планету и находились на пути к родным мирам. Когда я устраивал эту пирушку, чтобы наиболее веселым и эффектным способом отделаться от гостей, я знал, куда потом отправлюсь сам. Но снимок Кати заставил меня изменить планы.

Все три моих адресата знали Кати. Знали, чем и кем она была для меня. Рут в свое время могла заполучить снимок Кати, который теперь мог использовать ловкий монтажер. Марлинг запросто мог сотворить такую штуку тоже. Бюро Безопасности имело достаточно обширные архивы и лаборатории, в которых ничего не стоило подделать снимок. Но все это с таким же успехом могли быть мои пустые домыслы. Странно, что в пакете не было никакой записки. Ведь этот кто-то должен что-то хотеть от меня получить?

Просьбу Марлинга нужно будет уважить, иначе я никогда больше не смогу уважать себя. Но до пятого периода в северном по-

лушарии Мегапеи еще далеко — почти целый год. Следовательно, по дороге можно будет сделать несколько остановок.

Какие и где?

Бюро Безопасности не имело никакого права требовать от меня услуги, и подданным Земли я тоже не был. Конечно, я всегда был готов помочь родной планете всеми силами, но дело было не столь уж жизненной важности, если тянулось двадцать лет. В конце концов Земля, насколько я знаю, по-прежнему существовала и функционировала так же, как и всегда, то есть плоховато. И если я им был до такой степени необходим, как они уверяли во всех письмах, они могли бы уже кого-нибудь прислать встретиться со мной.

Оставалась Рут.

Рут — это было совсем другое дело. Мы прожили почти год вместе, пока не поняли, что просто мучаем друг друга и ничего путного у нас не выйдет. Мы расстались друзьями. Рут значила для меня немало. Хотя я был удивлен, что она все еще жива. Но если ей нужна моя помощь, я сделаю все, что смогу.

Значит, так и сделаем. Я отправлюсь к Рут, быстро вытяну ее из переплета любого рода, потом проследую на Мегапею. И где-то в пути я могу напасть на след, получить хоть какой-нибудь намек относительно того, кто, когда и зачем и каким образом присылал мне снимки. Если же я ничего не узнаю, то отправлюсь на Землю и свяжусь с ЦДРЗ. Предложу им услугу за услугу.

Я курил и потягивал кофе. Потом, впервые за пять лет, я вызвал порт и приказал готовить «Модель-Т» к отправлению в дальний путь. «Модель-Т» — это мой подпространственный джампер. Приготовления займут весь вечер и ночь, а на рассвете я смогу стартовать к Рут. Затем я справился у моего Автоматического Секретаря и Архивариуса Секара относительно нынешнего владельца «Модели-Т». Секар объяснил, что зовут его Лоуренс Дж. Коппер. Родом он с Лошира. Дж. означало «Джон».

Я велел приготовить необходимые бумаги, которые через несколько секунд мягко стукнули о подбитое бархатом дно приемной корзинки. Я изучил внешность Коппера, потом призвал моего парикмахера на колесах, и он перекрасил мои волосы — я стал блондином, осветлил мой загар, добавил пару морщинок и несколько веснушек, в три раза усилил оттенок глаз и наложил новые папиллярные линии на подушечки пальцев.

Я в свое время заготовил целый список несуществующих людей, с полностью составленными и вполне надежными, если вы вдалеке от «родной планеты», биографиями. Все эти люди поочередно приобретали и продавали «Модель-Т» друг другу, и таким образом они будут поступать и в будущем. У них много общего: все они примерно пяти футов ростом и весом около ста шестидесяти фунтов. В любого из них я могу легко превратиться с помощью минимума грима и небольшого напряжения памяти, чтобы запомнить необходимые факты. Потому что во время путешествий я не переношу регистрировать судно на имя Фрэнсиса Сан-

дау, Планета Вольная, или, как ее еще называют, планета Сандау. Хотя я всегда готов на жертвы, но вот вам маленькое неудобство, от которого никуда не денешься, если ты один из ста самых богатых людей в Галактике. (Кажется, мой номер 87 в настоящий момент, в крайнем случае, наверняка или 88, или 86).

Кому-то постоянно что-то от меня требуется, как правило, это или деньги, или кровь. Ни то, ни другое я не склонен тратить попусту. Я человек ленивый и тревожный, и деньги, и кровь мне нужны самому. Честолюбие у меня отсутствует, иначе я постарался бы стать 85 самым богатым человеком в Галактике, потом 84 и так далее. Отсутствие честолюбия мало меня беспокоило. Может, только поначалу, и то не очень сильно, потом новизна чувства притупилась. После первого миллиарда у вас возникает философское отношение к деньгам. Я долго мучился мыслью, что наверняка финансирую множество черных дел, даже не подозревая об этом. Потом я придумал Большое Дерево и решил — катись оно все к черту.

Большое Дерево старо, как общество, потому что это оно и есть. Общая сумма всех листьев и листиков на его ветвях, ветках и сучках представляет собой общую сумму всех существующих денег. На каждом листе написаны имена. Некоторые листья опадают, появляются новые, и через два-три сезона все имена меняются, и все начинается снова. Но дерево остается практически тем же самым, оно только успевает еще больше вырасти, и свои жизненные функции оно исполняет тем же старым способом. Было время, когда я думал отсечь все гнилые ветки на Большом Дереве. Оказалось, что едва я успевал отсечь одну ветку, как начинала гнить новая, а ведь мне приходилось делать перерывы для отдыха. Проклятье, в наше время даже деньги нельзя потратить по-человечески, и Дерево — не карликовое растение в горшке, оно не сгибается и не растет в указанном направлении. Ну и пусть себе растет, как ему нравится, и мое имя тоже останется на некоторых листьях, не желтых, увядающих, а зеленых и свежих, и я доставляю себе маленькое удовольствие прыгать по его ветвям под именем, какого на листьях не отмечено. Вот и все, что касается меня и Большого Дерева. История же о том, каким образом в моем распоряжении оказалось столько зелени, может навести на еще более забавную, более сложную и менее растительную метафору. Но об этом позже. На сегодня достаточно, и вообще, вспомните, что случилось с бедным Джоном Донном: он перестал считать себя островом. Где он теперь? На дне Токийского залива. А я каким был — таким и остался, нисколько не уменьшился.

Я начал вводить в Секара инструкции по поводу того, что должна и не должна делать прислуга во время моего отсутствия. После множества перезаписей и мучительного напряжения мыслей я, наконец, упомянул все, что следовало. Просмотрев завещание, я решил ничего не менять. Я переложил некоторые бумаги в бокс деструктора и оставил приказ активизировать устройство в такого случае. Я послал уведомление одному из моих представителей

на Альдебаране-5, гласящее, что если человеку по имени Лоуренс Дж. Коппер случится быть проездом в тех местах и если ему что-то потребуется, то он должен будет это получить. Я не забыл упомянуть и секретный аварийный код — на тот случай, если мне придется доказывать, что я — это я. Потом я обнаружил, что миновало почти четыре часа и мне хочется есть.

— Сколько осталось до заката, округляя до минуты? — спросил я Секара.

— Сорок три минуты, — ответил голос среднего рода сквозь открытый динамик.

— Я буду обедать на Восточной террасе через тридцать три минуты, — сказал я, сверяясь с хронометром. — На обед желаю отведать омара с картофелем по-французски и капустным салатом, ватрушек, полбутылки нашего собственного шампанского, кофе, лимонный шербет, самого выдержанного коньяку из запасов в погребе и две сигары. Спросите у Мартина Бремена, не окажет ли он честь лично подавать мне?

— Понимаю, сэр. А салата не надо?

— Не надо.

Затем я отправился обратно в свои апартаменты сунуть кое-какие вещи в сумку и начал переодеваться. Я задействовал тамошний вывод Секара и, ощущая холодок на шее и пустоту в желудке, отдал приказ, давно уже подготовленный, который я все откладывал и который необходимо было наконец привести в действие.

— Ровно через два часа одиннадцать минут, — произнес я, сверяясь с хронометром, — позвони Лизе и спроси, не захочет ли она выпить со мной на Западной террасе. Приготовь для нее два чека, каждый по пятьсот тысяч долларов. Подготовь также копию рекомендации по форме «А». Доставь названные предметы сюда в отдельных, незапечатанных конвертах.

— Понял, сэр, — последовал ответ, и, пока я вкладывал запонки в манжеты, названные документы скользнули в корзинку приемника на туалетном столике.

Я проверил содержимое каждого конверта, запечатал их, положил во внутренний карман пиджака и отправился на Восточную террасу.

Солнце снаружи уже превратилось в янтарного гиганта. Оно как раз попало в тенета тонких перистых облачков, менее чем в минуту истаявших и уплывших прочь. Купол неба над головой закрывали стада пылающих золотом, желтизной и багрянцем туч. Солнце спускалось на отдых по безжалостной голубой дороге прямо между двух пиков-близнецов, Урима и Тумима, которые я поместил в том месте, чтобы указать ему путь и приютить на ночь. В последние мгновения его радужная кровь расплещется по туманным склонам пиков.

Я сел за стол под вязом. Установленный наверху силовой проектор немедленно пришел в действие, лишь только я коснулся сиденья стула, удерживая своим невидимым конусом сухие листья,

насекомых, птичий помет и прочий мусор от попадания на стол. Спустя несколько мгновений показался Мартин Бремен, толкая перед собой тележку с крышкой.

— Добрый вечер, сир.

— Добрый вечер, Мартин. Как дела?

— Фросто замечательно, мистер Сандау. А как фы?

— Я уезжаю.

— О?!

Он расставил тарелки, разложил приборы, поднял крышку тележки и начал подавать.

— Да,— заметил я.— Возможно, что надолго.

Я продегустировал шампанское и одобрительно крякнул.

— Поэтому я хочу, прежде чем уеду, сказать тебе кое-что, что ты, наверное, и так знаешь. Да, так вот, ты готовишь самые лучшие блюда из всех, что я когда-либо пробовал...

— Плахотарю вас, мистер Сандау,— его от природы красноватое лицо потемнело в два раза, и он погасил улыбку, скромно опустив глаза.— Очень пыл рат рапотать с вами.

— Поэтому, если ты не возражаешь против годового отпуска с полной оплатой плюс дополнительный фонд на испытание новых рецептов, если такие интересы возникнут, то я вызову контору Бурсара и все с ним улажу.

— Кохда уезшаете, сир?

— Завтра рано утром.

— Понимаю, сир. Плахотарю фас. Ошень приятное претложение.

— Наверное, забавно готовить блюда, которые даже не можешь попробовать?

— О нет, сир,— запротестовал он.— На пробователи можно полностью положиться. Часто тумал я, какой фкус у того, что я готовил, но это как у химика — он не фсехда шелает знать, какие на фкус его химикалии. Вы понимаете, что я хочу сказать, сир?

В одной руке он держал корзиночку с ватрушками, в другой сжимал ручку кофейника, еще одной рукой подавал блюдо с капустным салатом, а последней рукой опирался на тележку. Сам он был ригелианец, имя его звучало примерно так: Ммммирт'ы Бооон. В Галактике нет лучших поваров, чем ригелианцы, если только снабдить их соответствующими приставками-пробователями. К славе они относятся довольно спокойно. Подобные беседы мы с ним вели уже не раз, и он знает, что я просто шучу, когда пытаюсь заставить его признать, что человеческая пища наводит его на мысли об отходах — производственных и органических. Очевидно, профессиональная этика воспрещает ему подобные признания. Обычно он спокойно отражает мои выпады. Лишь иногда, если ему уж очень досаждает избыток лимонного сока, грейпфрутового или апельсинового, он признается, что готовить еду для гомо сапиенс считается низшим уровнем, до какого может опуститься ригелианец. Я стараюсь от него не отстать, потому что люблю его и то, как он готовит, а раздобыть повара

ригелианца очень трудно, независимо от суммы, которую вы можете предложить.

— Мартин, если что-нибудь случится со мной в отъезде, я хочу, чтобы ты знал — о тебе я сделал специальное упоминание в завещании.

— Я... я не знаю, что сказать, сир.

— Тогда ничего не говори. Но я надеюсь вернуться.

Мартин был одним из немногих людей, которым я мог бы с полной безопасностью говорить подобные вещи. Во всяком случае, он служит у меня тридцать два года и давно заработал хорошую пожизненную пенсию. Готовить еду было его бесстрастной страстью, и по непонятной причине он, кажется, неплохо ко мне относился. Он недурно зажил бы, помри я вдруг на месте, но не настолько уже хорошо, чтобы подбавлять мне в салат муританского яду от бабочек.

— Взгляни-ка только на этот закат! — перешел я на другую тему.

Он смотрел минуты две, потом заметил:

— Хорошо вы их подрумянили, сир.

— Благодарю за комплимент. Можешь оставить коньяк и сигары и быть свободным. Я посижу еще немного.

Он оставил коньяк и сигары на обеденном столе, выпрямился во все свои восемь футов, отвесил поклон и произнес:

— Щасливого пути, сир, и спокойной ночи.

— Приятных снов.

— Плахотарю фас,— и он заскользил прочь в сумерки.

Когда подул прохладный ночной бриз и соловьеголосые лягушки затянули вдалеке баховскую кантату, моя оранжевая луна, Флорида, взошла точно в том месте, куда опустилось солнце. Ночецветущие розоодуванчики испускали в индиговый воздух вечера свой аромат, звезды рассыпались по небу, как алюминиевое конфетти, рубиново светящаяся свеча затрещала на столе, омар был словно масло и таял на языке, шампанское было ледяным, как сердцевина айсберга. Меня охватила некоторая грусть и желание сказать всему вокруг: «Я вернусь!»

Итак, я покончил с омаром, с шампанским, с шербетом, и прежде, чем плеснуть себе глоток коньяку, я зажег сигару, что, как мне говорили, признак дурного тона. В качестве извинения я произнес тост за все, что видят мои глаза, и налил себе чашечку кофе.

Завершив ужин, я поднялся и обошел сложное и объемное строение, которое я называю домом. Я двигался к бару на Западной террасе. Там я опустился на табурет, поставив перед собой рюмку с коньяком, и зажег вторую сигару. Потом в проходе появилась она. На Лизе было что-то шелковистое, голубой шарф, пенящийся вокруг нее в свете фонарей террасы, все такое искрящееся и воздушное. Она надела высокий воротник с бриллиантами и белые перчатки. Лиза была пепельная блондинка, губы бледно-розовые, сложенные таким образом, что между ними появлялась

дырочка. Головка слегка склонена набок, один глаз закрыт, второй прищурен.

— Приятная встреча под луной,— проворковала она, и дырочка между губами перелилась в улыбку, влажную и неожиданную. Я все рассчитал правильно, и именно в этот момент вторая луна, чисто белая, взошла над западным горизонтом. Голос Лизы напоминал мне пластинку, которую заело на ноте «до». Пластинку теперь никогда не заедает, но я помню другие времена. Больше никто не помнит.

— Привет,— сказал я.— Что будешь пить?

— Шотландское виски с содовой,— заказала она, как всегда.— Какая ночь!

Я взглянул в ее голубые глаза и улыбнулся.

— Да,— я выбил заказ, и появился бокал.— Действительно.

— А ты изменился. Повеселел.

— Да.

— Полагаю, что ты не задумал ничего недоброго, правда?

— Возможно,— я подтолкнул в ее сторону бокал.— Сколько получается? Пять месяцев?

— Немножко больше.

— Твой контракт на год.

— Да, на год.

Я передал ей конверт:

— Я расторгаю контракт.

— Что ты хочешь этим сказать?— Ее улыбка замерла и исчезла.

— Как всегда, то, что говорю.

— Ты хочешь сказать, что я свободна?

— Боюсь, что так. Здесь соответствующая сумма, чтобы заглушить твою тревогу,— я передал ей второй конверт.

— Я подожду.

— Нет.

— Тогда я поеду с тобой.

— Даже если существует опасность погибнуть вместе со мной? Если до того дойдет?

Я надеялся, что она скажет «да». Но все-таки, как мне кажется, я действительно немного знаю людей. Поэтому запасаюсь рекомендациями по форме «А».

— В наше время все возможно,— добавил я.— Иногда человек вроде меня должен идти на риск.

— Ты даешь мне рекомендацию?

— Вот она.

Она сделала глоток из бокала:

— Хорошо.

Я отдал ей конверт.

— Ты меня ненавидишь?— спросила она.

— Нет.

— Почему?

— А с чего мне тебя ненавидеть?

— Потому что я слабая и берегу свою жизнь.
— То же самое делаю я, хотя не всегда уверен в гарантиях.
— Поэтому я принимаю отставку.
— Поэтому я все приготовил.
— Ты думаешь, что все знаешь, так?
— Нет.
— Что мы делаем сегодня вечером? — поинтересовалась она, приканчивая бокал.
— Я же сказал, что мне не все известно.
— Но кое-что известно мне. Ты хорошо ко мне относился.
— Спасибо.
— Я не хотела бы расставаться.
— Но я тебя напугал?
— Да.
— Очень?
— Очень.

Я допил свой коньяк, пыхнул сигарой, рассматривая Флориду и вторую белую луну под названием Биллиардный Шар.

— Но сегодня,— промолвила она, беря меня за руку,— ты забудешь про ненависть.

Она не распечатала конвертов и потягивала вторую порцию виски, также рассматривая Флориду и Бильярдный Шар.

— Когда ты улетаешь?
— Завтра, едва забрезжит утро.
— Боже, ты стал поэтом.
— Нет, я стал тем, что есть.
— Это я и говорю.
— Не думаю, но приятно было провести время в вашем обществе.
— Становится прохладно,— она допила виски.
— Да.
— Нужно согреться.
— И я не прочь.

Я выкинул сигару, мы поднялись, и она поцеловала меня. Я обвил рукой ее голубую искрящуюся талию, и мы покинули бар. Пройдя под аркой, мы вернулись в дом, который вскоре должны были покинуть.

Очевидно, состояние, которое я приобрел на пути к себе настоящему, сделало меня тем, чем я стал, то есть в некотором роде параноиком. Но нет. Это слишком просто.

Таким образом я легко бы мог объяснить приступы малодушия, посещающие меня всякий раз, когда я покидаю Вольную. После чего можно повернуть на сто восемьдесят градусов и сказать, что это совсем не паранойя, так как действительно имеются люди, жаждущие добраться до моей глотки. И поэтому я один вместе с моей планетой могу противостоять любому правительству или отдельному лицу, если они пожелают до меня добраться. Им придется убить меня, а это весьма дорогостоящее предприя-

тие, так как повлечет разрушение целой планеты. И даже на этот крайний случай у меня приготовлен запасной выход — правда, его не приходилось пока испытывать в рабочих условиях.

Нет, настоящая причина беспокойства не в мании преследования, а в обычном страхе перед смертью и небытием, что присуще всем людям, но в данном случае усилено в несколько раз. Хотя однажды я все-таки приподнял завесу за краешек и что это было — объяснить не могу. Но оставим этот предмет. Сейчас во всей обитаемой Вселенной только я да несколько секвой остались живым анахронизмом двадцатого века в нынешнем тридцать втором. Но, обладая бесстрастной пассивностью этих представителей растительного царства, я на собственном опыте убедился, что, чем дольше живешь, тем сильнее тебя охватывает чувство смертности всего живого. Следовательно, стремление выжить, занятие, о котором я раньше рассуждал только в терминах теории Дарвина и относил к развлечениям низших видов, становится основной заботой. А джунгли теперь стали значительно сложнее, чем во времена моей молодости. Теперь у нас полторы тысячи обитаемых миров, на каждом — собственные способы лишить человека жизни, чрезвычайно легко экспортируемые в эпоху, когда путешествие между небесными мирами на требует времени вообще. Добавьте к этому семнадцать внепланетных разумных рас, четыре из них, как мне кажется, превосходят людей в умственном отношении, а семь или восемь — также дураки, как и люди, и у них тоже свои способы лишать разумное существо жизни, мириады обслуживающих нас машин, ставшие такими же привычными, как автомобиль в мою молодость, — и они по-своему способны убивать людей, плюс новые болезни, новые виды оружия, новые яды и новые хищные животные, новые предметы ненависти, жадности, похоти и прочих пагубных привычек — и они тоже могут убивать. Потом есть еще множество, превеликое множество мест, где ничего не стоит потерять драгоценную жизнь. Я видел и сталкивался с множеством образцов этого нового богатства в силу моего несколько необычного занятия, и только двадцать шесть других людей во всей Галактике могут знать о них больше, чем знаю я.

Поэтому мне страшно, хотя никто не стреляет в меня сейчас, как тогда, за две недели до моего прибытия в Японию, куда меня направили на отдых и лечение, и где я увидел Токийский залив. Когда же это было? Да, двенадцать веков назад. Недолгий срок. Всего лишь жизнь.

Я улетел в самый темный предрассветный час, ни с кем не прощаясь. Правда, я помахал рукой неясной фигуре в контрольной башне, и фигура помахала мне в ответ, когда, припарковав свой багги, я пересекал взлетное поле. Но для него я тоже был только смутным силуэтом. Я нашел док, где припала к плитам покрытия «Модель-Т», поднялся на борт, уложил вещи и посвятил полчаса

проверке бортовых систем, затем вышел наружу, чтобы осмотреть фазоизлучатели. И закурил мятную сигарету.

Небо на востоке пожелтело. Из-за далеких гор на западе докатился раскат грома. По небу ползло несколько тучек, и звезды все еще цеплялись за выцветшее ночное небо. Теперь они больше походили на капли росы, чем на конфетти.

«Нет,— подумал я,— сегодня этого не случится».

Запели птицы. Откуда-то появился серый кот, потерся о мою ногу и удалился в сторону птичьих голосов.

Бриз сменил направление, теперь он дул с юга, просачиваясь сквозь шелестящий фильтр леса на дальнем конце поля. Ветер нес утренние запахи влажной земли и живой листвы.

Когда я в последний раз затянулся сигаретой, небо уже порозовело. Большая голубая птица села на мое плечо. Я погладил ее хохолок и отправил своей дорогой.

Я шагнул к кораблю...

Носок ботинка зацепился за торчащий из плиты болт, и я едва не упал. Но успел ухватиться за распорку. И все-таки я упал на одно колено. И не успел подняться, как маленький черный медведь уже лизал мне лицо. Я почесал его за ухом, погладил по голове, потом хлопнул по огузку и встал на ноги. Медведь повернулся и направился в лес.

Я попытался сделать еще один шаг, но тут оказалось, что мой рукав зацепился в том месте, где распорка пересекалась со стойкой.

Пока я освобождал рукав, на плечо мое села еще одна птица и целая стая неслась из леса. Сквозь их крики я услышал новый раскат грома.

Все-таки это началось. Я как угорелый бросился к кораблю, едва не споткнувшись о зеленую крольчиху, сидевшую на задних лапках у люка и следившую за мной розовыми близорукими глазами. По плитам люка ко мне заскользила стеклянная змейка, прозрачная и сверкающая.

Я забыл пригнуться, стукнулся головой о верхний край люка и отшатнулся. За лодыжку меня схватила русошерстая обезьянка, подмигивая мне голубым глазом.

Похлопав ее по макушке, я высвободился. Обезьянка оказалась сильнее, чем я предполагал.

Я проскочил в люк, но крышку заѐло.

К тому времени, когда я наладил крышку, пурпурные попугаи выкрикивали мое имя и стеклянная змейка пыталась пробраться на борт.

Тогда я нашел электроввод и воспользовался им.

— Ну ладно, черт вас побери! — прокричал я.— Я улетаю! До встречи! Я вернусь!

Засверкала молния, грянул гром, в горах начиналась гроза, и она двигалась в мою сторону. Я освободил крышку люка.

— Уходите с поля! — крикнул я и захлопнул крышку.

Я задраил ее намертво, плюхнулся в кресло управления и задействовал все системы.

На экране я увидел, как уходят звери. Через поле протянулись клочья тумана, и первые капли ливня застучали по корпусу.

Я поднял корабль, началась гроза.

Я миновал ее, вышел из атмосферы и лег на нужную орбиту, чтобы установить курс.

И так вот каждый раз, когда я покидаю Вольную, а покидать ее я стараюсь незаметно, без прощания. Но у меня ничего не выходит.

Как бы то ни было, а приятно чувствовать, что тебя где-то ждут.

В соответствующий момент я покинул орбиту и начал удаляться от Вольной. Несколько часов подряд меня мутило и руки ходили ходуном. Я выкурил слишком много сигарет, и во рту пересохло. Там, на Вольной, я отвечал за целый мир, и целый мир хранил меня. Теперь я сам выходил на большую арену. На какой-то миг я и в самом деле решил вернуться домой.

Потом я вспомнил о Кати и Марлинге, о Рут и Нике — давно умершем карлике, и о брате Чаке, и, ненавидя самого себя, продолжал приближаться к точке фазоперехода.

Это случилось внезапно, едва только я вошел в фазу, и корабль переключился на автопилот.

Я начал хохотать, и чувство пренебрежения опасностью охватило меня, совсем как в старые времена.

Ну и что, если я погибну? Для чего необычайно важного я живу? Развлекаться с наемной куртизанкой? Черта с два! Рано или поздно все мы попадем в Токийский залив, не исключая меня самого,— это я прекрасно понимаю. Пусть лучше костлявая старуха настигнет меня на пути к чему-то хоть в малой доле благородному. Это лучше, чем, подобно цветку в кадке, дожидаться, пока кто-то не вычислит способ прикончить меня в собственной постели.

И тут на меня нашло...

Я затянул старую литанию, написанную на языке более древнем, чем человечество. Впервые за многие годы я пел ее, потому что впервые за многие годы чувствовал себя к этому готовым.

Казалось, свет в кабине померк, хотя я знал, что светильники горят, как всегда, ярко. Казалось, что указатели приборов на панели управления уплыли вдаль и превратились в горящие глаза ночных хищников, следящих за мной из темноты леса. Мой голос теперь, казалось, уже не принадлежал мне и звучал как голос другого человека, сидящего передо мной. И в своем сознании я последовал за ним.

Потом к пению присоединились другие голоса. Мой голос вскоре исчез, но остальные продолжали звучать, слабые, высокие, замирающие, будто несомые бесплотным ветром. Они едва доносились до меня, почти никуда не звали. И вокруг были еще голоса,

и не приближаясь и не удаляясь, где-то впереди брезжило слабое зарево, как закат в пасмурный день. Я понимал, что все это мне только снится и что я могу проснуться, если захочу. Но я не хотел. Я двинулся на запад.

Через некоторое время я оказался на гребне утеса и дальше идти не мог. Надо мной было бесцветное, как в сером сне, небо, передо мной была вода, водное пространство, и я не мог его пересечь. Вода тоже была бесцветной, но иногда вдруг вспыхивала искрами, туманные видения то появлялись, то исчезали над волнами, и вдали от места, где я стоял, наполовину вытянув одну руку, там, где скала вздыбилась на скалу рядами промозглых террас, в окружении гранитных бастионов, где окутанные туманом башни указывали острыми пальцами в небо, в сердце айсберга из полированного эбена, я узрел источник пения — и холод тронул мне шею, и волосы, наверное, встали дыбом.

Я видел тени мертвых, то плывущие, как клочья тумана, то стоящие неподвижно, наполовину скрытые скалами. И я знал, что это мертвые, потому что среди них я видел карлика Ника, и телепата Майка Шендона, того, что едва не поверг во прах мою империю и которого я прикончил собственными руками, и там же был мой старый враг Данго Нож. И Коткор Боджис, человек с мозгом компьютера, и леди Карли с Алгола, которую я любил и ненавидел.

И тогда я воззвал к тому, к чему еще надеялся воззвать.

Грянул гром, и небо осветилось и стало ярким, как озеро лазурной ртути. Я увидел на мгновение, как она стоит там, за пределом вод в сердце темного острова — я увидел Кати, всю в белом, и наши глаза встретились, и она произнесла мое имя, но ничего больше, потому что снова грянул раскат и вместе с ним тьма окутала остров и фигуру, стоящую на утесе с полупротянутой рукой. Кажется, это был я сам.

Когда я проснулся, то едва мог сообразить, что все это могло бы значить. У меня была одна гипотеза, но очень приблизительная. Хотя я пытался проанализировать ее, но тем не менее никакой ценности в ней не обнаружил.

Некогда я создал Остров Мертвых. Это была нелегкая работа, особенно если учесть, что я мыслю в основном в формате книжной иллюстрации. Так вот, всякий раз, когда мне думается о смерти, а это бывает часто, два видения сменяют друг друга в моем воображении. Первое — Долина Теней, большая, темная долина, бравшая начало меж двух серых скальных выступов среди ранних сумерек и постепенно все темневшая и темневшая, пока она не превратилась во тьму межзвездного пространства, и вы смотрели в нее, полную и беспросветную, без звезд, комет, метеоров — без ничего.

Второе — это сумасшедшая картина Беулина «Остров мертвых». То место, что я видел во сне. Из этих двух мест Остров Мертвых более зловещий. Долина Теней содержит какой-то намек на умиротворение. Это, очевидно, мне только кажется, потому что я так до конца и не создал Долины, проливая ручьи трудо-

вого пота над каждым нюансом и выверяя каждую ноту эмоционального звучания. Но в самом центре планеты, которая иначе могла бы быть настоящим Эдемом, я много лет тому назад возвел к небу скалы, Острова Мертвых, и с тех пор это воспоминание горело в моем сознании и за прошедшие годы я сам стал его частью настолько же, насколько оно стало частью меня. И эта часть меня обращалась ко мне теперь единственным возможным способом, отвечая на своего рода молитву. Это было как бы предупреждение, я чувствовал это, и кроме того, Остров Мертвых был еще намеком, зацепкой, которая со временем может обрести большой смысл. Проклятье, символы так же хорошо скрывают, как и указывают!

Кати, она видела меня, так сплелась ткань сна, и, значит, может быть надежда...

Я включил экран. Световые спирали вращались по и против часовой стрелки над и под невидимой точкой прямо по моему курсу,—это были звезды, но только видимые с моей стороны, с изнанки пространства. И пока я висел там, а Вселенная проплывала мимо, я чувствовал, как десятилетние слои мира, обволакивающие мою душу, затлели и начали выгорать. Человек, которым я так долго старался стать, умер, а другой человек по имени Шимбо из Башни Темного Дерева, он же Громотворец, все еще жил.

Я смотрел на звездные волчки с благодарностью, с чувством печали и гордости, как человек, проживший предназначенную ему судьбу и почувствовавший, что, возможно, ему выпадет другая.

Немного погодя, водоворот неба всосал меня в свой темный центр, где таился сон, прохладный и без сновидений, спокойный и мирный. Совсем как Долина Теней, наверное.

Прошло недели две, прежде чем Лоуренс Дж. Коппер привел «Модель-Т» к благополучному завершению полета на Альдебаран-5, который по имени своего первооткрывателя зовется также Дрисколлом. Две недели прошло внутри «Модели-Т», хотя сама фаза не заняла времени вообще. Не спрашивайте, почему. У меня нет сейчас времени написать целую книгу. Но реши вдруг Лоуренс Коппер повернуть обратно и направиться к Волъной, он смог бы еще две недели наслаждаться гимнастикой, чтением и интроспекциями, и вполне вероятно, что прибыл бы назад в тот же день, когда Фрэнсис Сандау покинул планету, но только не утром, а после полудня. Несомненно, вся живность пришла бы в неописуемый восторг. Но он такого решения не принял, впрочем, вместо этого он помог Сандау обстряпать одно дельце, связанное с вересковым корнем, чего ему особо не хотелось, но, пока он изучал части головоломки, которую обнаружил, ему приходилось выдерживать конспирацию. Быть может, это были части нескольких головоломок, перемешанные между собой. Кто знает?

Я нарядился в белый тропический костюм и надел солнцезащитные очки, потому что в желтом небе проплывало лишь несколько оранжевых облачков и солнце низвергало на меня тепловые

волны, разбивавшиеся о пастельные плиты тротуара, откуда поднималось ровное тепло мелких брызг. Я въехал на своей взятой напрокат машине-скользанке в колонию художников этого города, который назывался Миди. Место это было слишком хрупким, пестрым и слишком приморским, на мой вкус. Почти все его башни, шпили, кубы, овоиды, которые люди называют домами, конторы, студии и мастерские были выстроены из особого вещества, называемого стеклит, который можно было сделать прозрачным, с любым оттенком, или непрозрачным, любого цвета — путем простого контролируемого взаимодействия. Я искал улицу Нуаж (по-французски это означает туча), располагающуюся у самой линии прибоя, и проехал через весь город, постоянно менявший свой цвет, напомнив мне фигурный мармелад — малиновый, земляничный, вишневый, лимонный и так далее — со множеством ягод и фруктов внутри.

Я нашел нужное мне место. Адрес был старый, но Рут была права. Здесь многое изменилось, и очень. Раньше это был один из последних оплотов, противостоящих надвигающемуся мармеладу, поедавшему город. Это было в те времена, когда мы жили здесь вдвоем. Теперь же там, где раньше каменная стена окружала вымощенный камнем двор, в арке ворот чернели железные створки, внутри раскинулась гасиенда рядом с небольшим прудом, в котором вода расплескивала солнечные зайчики по грубому камню стен и по плиткам покрытий,— теперь там стоял замок из четырех мармеладовых башен. Малиновых, кстати. Я припарковал машину, пересек радугу-мостик, коснулся пластинки-сигнала на дверях.

— Этот дом свободен,— доложил монашеский голос из спрятанного громкоговорителя.

— Когда вернется мисс Ларри?— спросил я.

— Этот дом свободен,— повторил голос.— Если вы думаете купить его, то обратитесь к Полу Глиддену из «Солнечного Сиона». Его адрес — Авеню Семи Бэдоков, 173.

— Не оставила ли мисс Ларри нового адреса?

— Нет.

— Какие-нибудь сообщения?

— Нет.

Я вернулся к своей скользанке, поднял ее на восьмидюймовой подушке воздуха и отправился искать Авеню Семи Бэдоков, которая некогда называлась Главной улицей.

Он оказался толстым и совершенно лысым, не считая седых бровей с промежутком в два дюйма и таких тонких, будто их нарисовали одним-единственным росчерком карандаша. Его брови располагались высоко над синевато-серыми и серьезными глазами. Еще ниже находился розовый цепкий рот, который улыбался, должно быть, даже во сне. Надо ртом имелось некое курносое образование, через которое он дышал, казавшееся еще меньше из-за солидных кусков теста, служивших щеками, угрожавших подняться еще выше и полностью поглотить его. В общем, это был шумно двигающийся гладкий толстяк (слегка не вписывались

в картину маленькие уши с сапфировыми серьгами в них), такой же румяный, как и рубаха с широкими рукавами, покрывавшая его северное полушарие. Это был мистер Глидден, и он сидел за своим рабочим столом в конторе «Солнечного Сиона». Я пожал его влажную руку, и масонский перстень на его пальце звякнул о керамический протуберанец пепельницы, когда он взял сигару, чтобы, наподобие рыбы, изучить меня из глубин озера табачного дыма.

— Присаживайтесь, мистер Коппер,— промычал он, не вынимая сигары.— Чем могу служить?

— Вы занимаетесь домом Рут Ларри по улице Нуаж, так?

— Да. Что, подумываете о покупке?

— Я ищу Рут Ларри. Не знаете, куда она уехала?

В его глазах определенно погас какой-то огонек.

— Нет,— проронил он.— Я даже никогда ее не видел.

— Она наверняка оставила вам указания переслать деньги за дом. Но куда?

— Почему я должен это вам рассказывать?

— А почему нет? Я хочу ее найти.

— Я должен поместить их на счет в банке.

— Здесь в городе?

— Да. Художественный фонд.

— Но она лично с вами не договаривалась?

— Нет. Это сделал ее адвокат.

— Не подскажете, как его имя?

Он пожал плечами, покоясь в водах своего дымного озера.

— Могу сказать. Андре дю Буа, «Венсен, Карлинг и Ву». Восемь кварталов к северу отсюда.

— Благодарю.

— Выходит, дом вас не интересует?

— Наоборот. Я куплю дом. Если только смогу вступить в права владения сегодня после полудня и связаться с ее адвокатом. Пятьдесят две тысячи вас устроят?

Совершенно неожиданно он выбрался на сушу из табачного озера.

— Как мне с вами связаться, мистер Коппер?

— Я остановлюсь в «Спектре».

— Я позвоню вам после пяти, идет?

— Вполне.

Итак, что я должен делать?

Сначала я отправился в «Спектр» и снял номер. Во-вторых, используя секретный код, я связался со своим человеком на Дрисколле и отдал распоряжение подготовить достаточную сумму наличными, дабы Лоуренс Коппер смог произвести покупку дома. В-третьих, я поехал в квартал религиозных заведений, оставил скользянку на стоянке и пошел вдоль улицы.

Я шел мимо храмов и святилищ, посвященных кому угодно: от Зороастра до Иисуса Христа. Я замедлил шаг, когда оказался в Пейанском секторе.

Немного погодя я нашел его. Над поверхностью находился лишь один вход — зеленое сооружение размером с гараж на одну машину.

Я вошел и начал спускаться по узкой лестнице.

В маленьком фойе, которое освещали свечи, я прошел под низкой аркой.

Теперь я оказался в самом святилище, где находился главный алтарь, выкрашенный в темно-зеленый цвет и окруженный рядами скамей.

На всех пяти стенах сотни стеклитовых панелей изображали деяния пейанцев. Быть может, не стоило мне лететь туда... Как давно это было.

В святилище было шесть пейанцев и восемь людей. Из шести пейанцев четверо были женщины. Все с молитвенными лентами.

Ростом пейанцы достигают примерно семи футов, кожа у них зеленая, как трава. Головы напоминают воронки, плоские на макушках, а шеи — как горловины воронок. Глаза большие, влажно-зеленые или желтые. Носы плоские — просто две морщины, заключающие в себе ноздри с отверстиями в четвертак. Волос на теле у них вообще нет. В большом рту у пейанцев зубов как таковых тоже не имеется. Вместо зубов — роговые наросты на том месте, где должны находиться зубы, а точнее, губы. С их помощью они жуют. Как бы это ни звучало для тех, кто никогда не видал пейанцев, нужно заметить, что они грациозны, как кошки, очень приятны на взгляд, раса их значительно превосходит возрастом человеческую. И они мудры, очень. Кроме всего, они имеют двухстороннюю симметрию тела, по две руки и ноги с пятью пальцами на каждой. И мужчины и женщины носят куртки, юбки и сандалии, преимущественно темных тонов. Женщины несколько ниже мужчин, шире в бедрах и грудной клетке, хотя грудей у них нет. Своих детей они, в отличие от людей, не кормят молоком, поскольку те питаются на самом раннем этапе запасом жира в подкожной клетчатке, которого хватает на первые несколько недель. Потом они уже могут употреблять жидкую кашицу и всякую морскую пищу. Вот вам и пейане.

Изучить язык пейанцев трудно. Но я его знаю. У них очень сложные философские учения. Некоторые мне знакомы. Многие из них обладают даже даром телепатии или другими необычными способностями. Так же, как и я.

Я уселся на скамье и расслабился. Всякий пейанский храм придает мне сил и энергии благодаря обучению, которое я прошел на Мегапее. Пейанцы — исключительные политеисты. Их религия напоминает мне немного индуизм, потому что они никогда ничего не отбрасывают насовсем и, похоже, всю свою историю только и делали, что накапливали богов, ритуалы и традиции. Религия эта называется странти, и в последние годы она значительно распространилась. У нее имеется приличный шанс в один прекрасный день стать универсальной религией, потому что в ней есть нечто, что удовлетворяет почти кого угодно — от анимистов до пантеи-

стов, включая агностиков и тех, кому просто нравится совершать обряды. Настоящие пейанцы сейчас составляют лишь десять процентов странтиан, и это, наверное, будет первая масштабная религия, которая переживет расу-прародительницу. С каждым годом число пейанцев уменьшается. Как индивиды они отличаются безумно долгим сроком жизни, но не слишком плодовиты. Поскольку их великие мыслители уже дописали великую главу, то есть последнюю в необозримой «Истории пейанской культуры» в 14926 томах, то они вполне могли решить, что нет смысла продолжать тянуть кота за хвост. Они ужасно уважают своих мыслителей. Забавные у них понятия в этом отношении.

Пейанцы создали галактическую империю уже в те времена, когда человек еще обитал в пещерах. Затем целыми веками они вели войны с расой, которая больше не существует — бакулианцами, войны, которые истощали ресурсы обеих сторон, значительно уменьшив оба народа по численности. Потом они покинули свои внешние владения и постепенно сконцентрировались в небольшой планетной системе, где и обитали по сей день. Их родная планета, которую они также называли Мегапея, была уничтожена бакулианцами, которые, судя по всему, были существами безжалостными, злобными, лютыми и до предела развращенными. Конечно, все исторические хроники были написаны пейанцами, поэтому, как я подозреваю, мы никогда не узнаем, какими на самом деле были бакулианцы. Но они не были странтианами, во всяком случае потому, что, как я где-то читал, они поклонялись идолам.

На противоположной от арки входа стороне святилища кто-то затянул литанию, которую я знал гораздо лучше, чем остальные, и я быстро поднял глаза, чтобы посмотреть, случится ли это.

Это случилось.

Стеклитовая панель, изображающая Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворца, теперь сияла зеленым и желтым.

Некоторые из пейанских божеств можно, заимствуя термин, назвать пейаномофными, другие же, подобно египетским богам, напоминают результаты скрещивания пейанцев и существ, которых вы найдете в зоопарке. Но, в сущности, у них просто необычный вид. И я уверен, что в какие-то времена пейанцы определенно посещали Землю, потому что Шимбо — человек. Почему цивилизованной расе вздумалось сделать богом дикаря — это вне возможностей моего понимания, но вот он, Шимбо, стоит передо мной, голый, со слегка зеленоватой кожей, лицо его частично скрыто поднятой левой рукой, в которой он держит посреди желтого неба громовую тучу. В правой руке у него большой лук, и полный громовыми стрелами колчан висит на бедре. Вскоре все шесть пейанцев и восемь людей запели ту же самую литанию.

Появились новые посетители. Помещение наполнялось.

Сильнейшее чувство легкости и силы родилось где-то в области моей диафрагмы и постепенно заполнило всего меня.

Я не понимаю, почему так происходит, но всякий раз, когда я вхожу в пейанский храм, изображение Шимбо начинает светиться, вот как сейчас, и я опять чувствую мощь и восторг. Когда я закончил тридцатилетний курс обучения и двадцатилетний курс ученичества, в области моей профессии я был единственным землянином. Все остальные мирофомисты были пейанцами. Каждый из нас несет имя одного из пейанских божеств, и это странным и сложным способом помогает в нашей работе. Я выбрал Шимбо — или, скорее, он выбрал меня,— потому что он был похож на человека. Я выбрал Шимбо! Считается, что, пока я жив, Шимбо через мое посредство существует в физической Вселенной. Когда я умру, он вернется в счастливое ничто, пока кто-нибудь не примет опять его имя. Всякий раз, когда Имя-носящий входит в пейанский храм, начинает светиться изображение соответствующего божества. В любом святилище, на любой планете Галактики. Я не понимаю, как это происходит. Даже пейанцы не понимают, честно говоря.

Я привык думать, что Шимбо давно уже поставил на мне крест и позабыл меня — за все то, что я сделал с Силой и своей жизнью. И в этот храм я пришел, как мне кажется, проверить, так ли это.

Я встал и направился к входной двери. Когда я проходил через нее, меня охватило неодолимое желание поднять левую руку. Тогда я сжал кулак и поднял его на уровень плеча. Едва я успел это сделать, как откуда-то сверху донесся раскат грома.

Когда я вышел наружу, Шимбо продолжал сиять на своей панели и уши мои наполняло пение. Снаружи легкий дождь начал падать на поднебесный мир.

Глава 2

Мы встретились с Глидденом в конторе Андре дю Буа и заключили сделку на продажу дома за пятьдесят шесть тысяч. Андре оказался невысоким человеком с суровым обветренным лицом и копной снежно-седых волос. Он согласился открыть свою контору, потому что я настаивал заключить сделку в этот же день. Я выплатил деньги, бумаги были подписаны, ключи положены в мой карман. Мы пожали друг другу руки и покинули контору адвоката. Когда мы неторопливо шагали по влажному тротуару к нашим машинам, я сказал, как бы невзначай:

— Проклятье, кажется, я забыл ручку у вас на столе, Андре!

— Я ее вам пришлю. Вы ведь остановились в «Спектре»?

— Боюсь, я очень скоро уеду оттуда.

— Я могу послать вам домой, на улицу Нуаж.

Я отрицательно покачал головой:

— Она мне будет необходима сегодня вечером.

— Вот, пожалуйста, возьмите мою,— и он протянул мне ручку.

К этому времени Глидден уже сел в свою машину и не мог слышать нас. Я помахал ему рукой и объяснил:

— Это все из-за Глиддена. Мне нужно было поговорить с вами наедине.

Вокруг его темных глаз тут же проявились морщинки, от чего глаза потеряли появившееся в них выражение отвращения и в них загорелось любопытство.

— Ладно,— коротко бросил он, и мы возвратились в здание его конторы, где он снова отомкнул дверь.

— Так в чем же дело?— спросил он, вновь усаживаясь в кресло с мягкой обивкой за своим рабочим столом.

— Я разыскиваю Рут Ларри.

Он закурил сигарету — так всегда делают, когда хотят потянуть время и поразмышлять.

— Зачем?— поинтересовался он.

— Это мой старый друг. Вы знаете, где она?

— Нет.

— А вам это не кажется слегка необычным — вкладывать такие суммы на счет лица, местонахождение которого вам неизвестно?

— Кажется,— согласился он.— Кажется, скажем прямо. Но именно это мне и было поручено.

— Рут Ларри?

— Как прикажете вас понимать?

— Она лично давала вам поручение или кто-то другой сделал это от ее лица?

— Я не понимаю, каким образом это касается вас, мистер Коппер. Думаю, нам пора прекратить этот беспредметный разговор.

Подумав не больше секунды, я принял быстрое решение.

— Но прежде я хочу, чтобы вы знали — ее дом я купил лишь для того, чтобы найти там какие-то намеки на то место, где она может сейчас находиться. После этого я намерен трансформировать его обратно в гасиенду, потому что мне не нравятся архитектурные вкусы в этом городе. Это вам о чем-то говорит?

— Только о том, что у вас, вероятно, не совсем в порядке с головой,— заметил он.

Я кивнул и добавил:

— Сумасшедший, имеющий средства удовлетворить свои безумные прихоти. Ненормальный, способный натворить кучу неприятностей кое-кому. Сколько стоит это здание? Пару миллионов?

— Не знаю,— удивился он. На его лице отразилось некоторое беспокойство.

— Что, если бы кто-нибудь купил его и вам пришлось искать помещение для своей конторы?

— Не так-то просто было бы разорвать мой контракт на аренду, мистер Коппер.

Я тихо засмеялся.

— ... и кроме того,— продолжал я,— вы бы вдруг оказались в поле внимания местной Юридической Ассоциации. А?

Он вскочил на ноги:

— Вы действительно сумасшедший!

— Вы в этом уверены? Я не знаю, в чем вас будут обвинять. Пока не знаю. Но вы понимаете, что даже простое дознание причинит вам массу беспокойства. А потом, если у вас возникнут затруднения с новым помещением...— не люблю вести дела таким образом, но у меня не было времени. Что ж...— Так вы уверены? Совершенно уверены, что я ненормальный?— заключил я свой монолог.

Он помолчал, но затем произнес:

— Нет. Я не уверен.

— Тогда, если вам нечего скрывать, почему вы не расскажете, как Рут договаривалась с вами об этом деле? Меня не интересуют какие-то личные подробности, лишь обстоятельства, при каких дом был оставлен для продажи. Почему Рут не оставила письма или какого-то другого сообщения, вот что меня удивляет.

Он откинул голову на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня сквозь дым сигареты.

— Переговоры велись по телефону...

— Ее могли одурманить наркотиками, запугать...

— Исключено! Какое вы, собственно, имеете к этому отношение?

— Я уже сказал, она мой старый друг.

Его зрачки расширились, потом снова сжались. Некоторые люди до сих пор помнят, кто был одним из старых друзей Рут.

— Кроме того,— продолжал я,— недавно я получил от нее письмо, в котором она приглашала меня приехать по чрезвычайно важному делу. И вдруг она исчезает, не оставив письма или адреса. Появляются некоторые подозрения. Поэтому я намерен найти ее, мистер Андре.

Он был, конечно, не слепой и видел, какой на мне костюм, и понимал, сколько он может стоить, и, возможно, в голосе моем еще сохранились командирские нотки — после многих лет, когда я только и делал, что отдавал приказы. Во всяком случае, он не вызвал по телефону полицию.

— Все переговоры велись по телефону и почтой,— повторил он.— И я говорю вам совершенно искренне, я не имею представления, где она сейчас. Она просто сказала, что уезжает, и просила продать дом, а деньги поместить на ее счет в банке. Я согласился обо всем позаботиться и передал дом в «Солнечный Сион».— Он посмотрел в сторону, а затем снова на меня.— В общем, она действительно оставила у меня письмо для лица, которое должно обратиться ко мне. Но это не вы. Если же указанное лицо не обратится ко мне вообще, то по истечении тридцати дней я должен буду отправить ему это письмо почтой.

— Могу ли я узнать, сэр, кому оно адресовано?

— К сожалению, сэр, это личное дело клиента.

— Включите телефон,— сказал я,— и наберите 73737373, это в Гленкое. Соединитесь с Домеником Малисти, управляющим

«Нашего Объединения» на этой планете. Назовите себя, скажите ему «Бе-бе, черная овечка» и попросите установить личность Лоуренса Джона Коппера.

Андре дю Буа сделал все, как было указано, и когда он выключил телефон, он встал и прошел к небольшому вделанному в стену сейфу, достал оттуда конверт и вручил его мне. Конверт был запечатан, а на его лицевой стороне имелась надпись, напечатанная на машинке: «Френсису Сандау». Мне пришлось сдерживать чувства, пока я рассматривал три предмета, лежавшие в конверте. Там была новая фотография Кати, на несколько изменившемся фоне, фотография Рут, чуть постаревшей и погрузневшей, но все еще привлекательной, и записка.

Записка была написана по-пейански. В приветствии указывалось мое имя и далее следовал условный знак, которым в священных текстах обозначался Шимбо, Громотворец. Подписано послание было именем «Грин Грин» (это имя представляет собой игру слов. «Грин» по-английски — «зеленый». Имя должно читаться как «Зеленый Зеленый». Смысл этого станет ясен позднее) и сопровождалось знаком Белиона, который к двадцати семи существовавшим именам не относился.

Я был сбит с толку. Лишь очень немногим были известны личности Имя-носящих, а Белион — бог Огня, Живущий в Недрах. По традиции он был врагом Шимбо. Он и Шимбо рубили друг друга почем зря в периодах между воскресениями.

Я внимательно прочитал записку. В ней говорилось:

«Ищи своих женщин на Острове Мертвых. Боджис, Данго, Шендон и карлик тоже ждут».

Дома, на Вольной, я оставил объемные фото Боджиса, Данго, Шендона, Ника, леди Карли (ее тоже можно было причислить к женщинам, к «моим женщинам») и Кати. Все шесть фотографий, которые я получил. И вот теперь они захватили еще и Рут.

Кто они?

Я не мог припомнить имени Грин Грин, как ни старался, но что такое Остров Мертвых, я, конечно, знал.

— Благодарю вас, Андре.

— Что-то не так, мистер Сандау?

— Да. Но я все улажу. Не волнуйтесь, это вас не касается. И забудьте мое имя.

— Уже забыл, мистер Коппер.

— До свидания.

— До свидания.

Я направился в дом на улице Нуаж. Там я прошелся по комнатам, нашел спальню Рут и внимательно осмотрел ее. Вся обстановка полностью оставалась на местах. Одежда Рут тоже оставалась в шкафах и ящиках, включая разного рода мелкие личные вещи, которые люди не оставляют в старых жилищах, если меняют адрес. Было забавно и странно бродить по дому, который не был уже

таким, как раньше, и то тут, то там натыкаться на знакомые предметы: старинные часы, разрисованную ширму, инкрустированный портсигар,— это напоминало мне о жизни, которая перетасовывает вещи, некогда значимые, с предметами, чужими для вас, уничтожая их особое тонкое очарование, остающееся лишь в вашей памяти о прошлом времени и месте, и это вас беспокоит, недолго, непонятно, каким-то сверхреальным образом, а потом и это очарование умирает, продырявленное фактом встречи с ним, и чувства, которые вы уже успели позабыть, снова исчезают, покидая воображаемую картину в вашем сознании. По крайней мере именно это я чувствовал, пока отыскивал какой-то след, намек на то, что́ здесь могло произойти. Час проходил за часом, и одна за другой все вещи в доме прошли сквозь сито моего пристального внимания, и тогда мысль, осознанная мною в конторе адвоката, все то, что не покидало меня по пути с Вольной и еще раньше, с того дня, когда я получил первое письмо с фотографией, эта мысль завершила круг обращения: из мозга в чрево и обратно в мозг.

Я присел и закурил сигарету. Фотографию Рут делали в этой комнате, не на фоне голубого неба и скал, как на остальных снимках. Я тщательно обыскал комнату, но ничего не нашел. Никакого намека на насилие, ни одного намека на личность моего врага. Эти слова я сказал вслух: «Моего врага»,— первые слова, которые я произнес после «До свидания», с которым покинул седоволосого, внезапно оказавшегося любезным адвоката, и слова отозвались странным эхом в пустом доме-аквариуме. Моего врага...

Теперь все стало ясно. Я был на прицеле. Почему — этого я пока не мог сказать наверняка. Самый простой ответ — меня хотят прикончить. Если бы я только мог знать, кто из моих многочисленных врагов стоит за всем этим, решать было бы гораздо легче. Я постарался припомнить каждую деталь. Я постарался тщательно взвесить выбор моим противником места встречи, нашего поля битвы. Я вспомнил о посетившем меня сне, где я видел это место.

Если кто-то хотел нанести мне вред, то глупо было с его стороны заманивать меня именно сюда, если только он что-то знал о той силе, которую я получу, едва ступлю на землю созданного мною мира. Но если я вернусь на Иллирию, то найду там союзников во всем, потому что много столетий тому назад именно я пустил эту планету вращаться по ее орбите, и именно там находится Остров Мертвых, мой Остров Мертвых...

...и я вернусь туда. Я это знал. Рут, а может быть, Кати... Это требовало моего возвращения в необычный Эдем, некогда сотворенный моими руками. Рут и Кати... Два образа, которые мне не хотелось бы помещать рядом, но другого выхода не было. Но раньше они не существовали для меня одновременно, и теперь перемена совсем не нравилась мне. Да, я отправлюсь туда, и тот, кто наживил для меня эту наживку, горько пожалеет об этом, но жа-

леть будет недолго, потому что останется на Острове Мертвых навсегда.

Я раздавил сигарету, запер розовые ворота замка и возвратился в «Спектр». Мне вдруг захотелось есть.

Я переоделся к ужину и спустился в холл. Там я приметил приличного вида ресторанчик, но он, как назло, как раз закрылся. Поэтому у стола регистрации я навел справки о приятном местечке, где бы в этот час я смог поужинать.

— Поезжайте в Башню Барта у Залива,— простонал ночной портье, подавляя зевок.— Они не закрывают до самой ночи. У вас еще есть несколько часов.

Итак, я узнал у него, как туда проехать, покинул отель и уладил одно дело, касающееся верескового корня. Смехотворно, это слово подходит здесь больше, чем «странно», но ведь все мы живем под сенью Большого Дерева, верно?

Я подъехал к ресторану и оставил скользанку на попечение какой-то ливреи. Обычной ливреи, которую встречаешь повсюду, с улыбающимся лицом, они открывают дверь, которую я могу открыть сам, и подают полотенце, которого мне не нужно, подхватывают чемодан, который мне не нужно нести, и правую руку всегда держат на уровне пояса, ладонью кверху при первом же блеске металла или похрустывании соответствующего сорта бумаги, и карманы у них глубокие, туда может войти много. Они не отстают от меня уже тысячу лет, и я вовсе не против этой униформы. Я ненавижу проклятую улыбку, которая включается лишь по сигналу и никак иначе. Моя скользанка была припаркована меж двух полосок краски на покрытии дороги.

В свое время на чай давали лишь в случае, если услугу трёбовалось оказать быстро и расторопно, и это должно было компенсировать низкий заработок определенного класса служащих. Это понимали и принимали. Но уже в моем веке туризм в развивающихся странах дал понять, что все туристы — это копилки, и таким образом был создан прецедент, распространившийся затем во все страны, даже в родные страны туристов. Теперь все, носившие униформу, знали о выгодах, которые могли бы получить, и поставляли клиентам ненужное и незаконное с любезной улыбкой. Армия ливрейных покорила мир. После их безмолвной революции в XX веке мы все превращаемся теперь в туристов, едва только перешагнем порог дома, мы становимся гражданами второго класса, которых безжалостно эксплуатируют улыбающиеся легионы, коварно и навсегда одержавшие победу.

Теперь в любом городе, стоит только приехать, ливреи кидаются мне навстречу, смахивают несуществующую пыль с моего воротника, суют в руку какую-нибудь брошюру, пересказывают сводку погоды, молятся за мою душу, перебрасывают мостки через ближайшую лужу, держат над моей головой раскрытый зонтик — и в солнечные и в дождливые дни, или светят на меня ультра-инфра-фиолетово-красным фонариком, если день выдался облачным, извлекают торчащую нитку из пуговицы у меня на

поясе, чешут мне спину, подбривают сзади шею, застегивают ширинку, полируют мне туфли, и улыбаются — и это все прежде, чем я успеваю заявить протест,— и правая рука их уже торчит на уровне пояса. Проклятье, каким приятным местом стала бы Вселенная, если бы мы все носили блестящие, скрипящие униформы-ливреи. Нам бы всем приходилось тогда улыбаться друг другу.

На шестидесятый этаж, где располагалось заведение, я поднялся на лифте. Там я понял, что следовало занять столик еще из отеля по телефону. Все было занято. Я забыл, что завтра на Дрисколле должен быть праздник. Распорядительница записала мое имя и попросила подождать минут пятнадцать — двадцать, и я отправился в один из баров и заказал пиво.

Потягивая из кружки, я огляделся по сторонам. Напротив, через фойе, виднелся в полумраке еще один такой же бар. Там я заметил толстощекое лицо, которое показалось мне знакомым. Я нацепил очки, функционирующие как подзорная труба, и внимательно изучил лицо, на этот раз в профиль. Волосы были другого цвета, и кожа тоже стала несколько темнее. Но это ничего не стоило сделать.

Я встал и направился в том направлении, но меня остановил официант, заявив, что я не могу выносить спиртные напитки за пределы бара. Когда я объяснил, что иду в бар напротив, он улыбнулся и предложил отнести кружку за меня,— руку он держал на уровне пояса. Я прикинул и решил, что дешевле обойдется купить новую кружку пива, поэтому я сказал, что он может выпить мою кружку сам.

Толстощекий сидел один. Перед ним на столике стоял бокал с чем-то ярким. Я снял очки и спрятал их, пока подходил к столику. Затем произнес фальшивым фальцетом:

— Позвольте присоединиться, мистер Бейкер?

Он подскочил слегка, внутри собственной кожи, и слои жира немного заволновались на мгновение. Он сфотографировал меня своими глазами величиной с блюдце, и я знал, что машинка внутри его черепа уже набрала полные обороты, как дьявол на тренажере.

— Видимо, вы ошиблись...— начал он, улыбаясь, но затем нахмурился.— Нет, это я ошибся,— поправился он,— ведь прошло столько времени, Френк, мы оба изменились...

— ... и надели походные сюртуки,— промолвил я нормальным голосом, садясь напротив него за столик.

Ему удалось поймать внимание официанта так легко, словно действовал арканом, и он спросил:

— Что будешь пить?

— Пиво. Любого сорта.

Официант принял заказ, кивнул и удалился.

— Ты поужинал?

— Нет, я сидел напротив и ждал места в ресторане, когда заметил тебя.

— А я уже поужинал,— сообщил он.— И не удовлетвори я желания заглянуть сюда на минутку, я бы мог тебя пропустить.

— Странно,— проронил я.— Грин Грин.

— Что?

— Вер вер. Грин Грин.

— Боюсь, что не понимаю тебя. Это что, какой-то код и я должен дать отзыв?

Я спокойно пожал плечами:

— Можешь считать это молитвой, проклятьем моих врагов. Что новенького?

— Ну, теперь, когда ты здесь, нужно с тобой поговорить, конечно. Можно, я к тебе присоединюсь?

— Само собой.

И когда объявили заказ Л. Коппера, мы перешли за столик в одной из бесчисленных комнат ресторана, занимавшего этот этаж Башни. Отсюда мы могли бы иметь прекрасный вид на залив, но небо затянуло тучами и над темными волнами океана лишь изредка посверкивали огни буев, и вспыхивал случайный режущий луч прожектора. Бейкер решил, что его аппетит еще не погиб окончательно, и заказал полный ужин. Он заглотнул целый холм спагетти в сопровождении кровавого вида колбасы; пока я лишь наполовину прикончил бифштекс, он тем временем перешел к десерту и кофе.

— Да, неплохо,— удовлетворенно откинулся он от стола и тут же воткнул зубочистку в верхнюю половину улыбки, каковую на его лице я видел впервые лет за сорок.

— Сигару?— предложил я.

— Не откажусь.

Зубочиска была извлечена, были зажжены сигары, нам принесли счет. Я всегда так делаю в многолюдных местах, если официанты не спешат со счетом. Закуриваю сигару, один клубок голубоватого дыма — и вот счет уже на столе.

— Плачу я,— объявил Бейкер, когда я принимал счет.

— Чепуха! Ты мой гость.

— Тогда... ладно.

В конце концов Билл Бейкер был сорок пятым богатым человеком в Галактике. Не каждый день выпадает возможность поужинать с удачливым человеком.

Когда мы вышли, он пробурчал:

— Я знаю тут одно местечко, мы можем там поговорить. Я буду вести машину.

И мы поместились в его машину, оставив на стоянке очередную ливрею с досадно нахмуренным лбом, и минут двадцать кружили по городу, освобождаясь от гипотетических «хвостов». В конце концов мы прибыли к многоквартирному дому в восьми кварталах от Башни Барта. Войдя в холл, Бейкер кивнул привратнику, тот кивнул в ответ.

— Завтра будет дождь, как вы считаете?— глубокомысленно заметил Бейкер.

— Будет, ясное дело,— не стал возражать привратник.

Потом мы поднялись лифтом на шестой этаж. Обшивка панелей в коридоре была украшена искусственными самоцветами, часть из них по совместительству работала объективами. Он постучал в одну самого обычного вида дверь: три торопливых стука, пауза, два стука, пауза, два стука. Завтра же сигнал будет другой — я-то знаю Бейкера. На стук дверь открыл молодой человек с суровым лицом и в темном костюме. Он удалился лишь после того, как Бейкер указал через плечо большим пальцем. Мы вошли, и он запер дверь, но я все-таки успел заметить, что между двумя фальшивыми деревянными листами заключена на манер бутерброда металлическая пластина. Еще пять или десять минут он проверял комнату поразительно разнообразным набором детекторов, отыскивая прослушивающие устройства, мне он дал знак хранить тишину,— потом в качестве дополнительной предосторожности включил пару помехосоздающих устройств, вздохнул, снял пиджак, повесил его на спинку стула, повернулся ко мне и сказал:

— Порядок, теперь можно поговорить. Выпить желаешь?

— Ты уверен, что это не опасно?

С минуту он размышлял и неуверенно кивнул:

— Да.

— Тогда налей мне коньяку с содовой, если она у тебя есть.

Он отправился в соседнюю комнату и вернулся через минуту с двумя бокалами. В одном, по-видимому, находился чай, если он собирался поговорить со мной о деле. А меня это мало волновало.

— Итак, в чем дело?— начал я разговор.

— Черт побери, все истории, которые о тебе ходят, оказываются правдой. Как ты узнал?

Я пожал плечами.

— Но на этот раз ты меня так не обставишь, как тогда, с горными разработками на Веге.

— Не понимаю, о чем ты говоришь?— удивился я.

— Шесть лет назад.

Я рассмеялся:

— Почти не помню. Послушай, я мало слежу за тем, что делают мои деньги, пока они там, где им положено быть. Я доверяю многочисленным служащим заботиться о них и распоряжаться ими вместо меня. Если я совершил выгодную сделку в системе Веги шесть лет назад, то это потому, что какой-то мой хороший служащий постарался на славу для своего хозяина. Я вовсе не возвышаюсь над своим состоянием, как бдительный пастух, в отличие от того, что делаешь ты. Я все передал в другие руки.

— Конечно, конечно, Френк! Я понимаю, ты на Дрисколле инкогнито, и ты ухитрился наскочить на меня в самый вечер перед сделкой. Скажи, кого из моих людей ты подкупил?

— Никого, честное слово.

Кажется, он обиделся.

— Я тебя заверяю,— пропыхтел он.— Я ничего ему не сделаю, просто переведу в другое место, где он мне больше не повредит.

— Но я сюда приехал совсем не по какому-то делу. И тебя я встретил совершенно случайно.

— Что бы ты там ни укрывал в тайне, но весь пирог на этот раз тебе не проглотить,— предупредил он меня.

— Я и не стремлюсь. Честно.

— Проклятье! воскликнул он.— Все шло так гладко! — и его кулак хлопнул по ладони.

— Я даже не видел его,— проронил я.

Он поднялся, вышел из комнаты, вернулся и протянул мне трубку.

— Отличная трубка! — похвалил я.

— Пять тысяч,— сообщил он.— Дешево.

— Я трубками особенно не увлекаюсь.

— Больше чем на десять процентов в долю не возьму,— произнес он.— Я лично устраивал это дело и не желаю, чтобы ты мне подгадил.

И тогда я разозлился. Этот паразит, кроме еды, думал только о преумножении своего богатства. Автоматически он представлял, что я свое время провожу точно так же, потому что многие листья на Большом Дереве носили имя «Сандау».

— Я беру треть или действую сам,— пригрозил я.

— Треть?

Он вскочил — и началось. Хорошо, что комната была звуконепроницаемой и без «клопов». Многие выражения я слышал впервые за многие годы. Он побагровел и стал мерить комнату нервным шагом. Потом стал при ходьбе подскакивать. А жадное, загребущее «я» сидело за столом и спокойно размышляло на предмет курительных трубок, пока Бейкер старался убедить меня в чем-то.

Человек с моей памятью держит в голове много необычных фактов. В дни моей молодости, дома, на Земле, лучшие трубки делались из пенки или эрики, особого рода вереска. Глиняные трубки слишком нагреваются, а деревянные трескаются или быстро прогорают. В более поздний период XX века благодаря отчетам хирургического общества о заболеваниях органов дыхания, курение трубок пережило нечто вроде возрождения. Если к началу следующего века мировые запасы были истощены, я имею в виду запасы пенки и эрики, то это благодаря хирургическому обществу. Пенка, или гидроксилат магния, скальная порода осадочного типа, встречающаяся в слоях отложившихся за тысячелетия морских раковин, будучи выработанной, исчезла совсем. Вересковые трубки изготовлялись из корня белого вереска, или по-латыни «Эрика Арбореа», который рос лишь в ограниченных районах вокруг Средиземного моря, и на достаточное созревание одного растения должно было уйти лет сто, иначе никакой трубки из его корня не получится. Белый вереск был подвергнут бурному сбору,

а о сохранении ресурсов на будущее никто даже и не подумал. Вследствие чего курильщикам трубок приходится теперь удовлетворяться веществами вроде пиролитического углерода, а пенка и вереск остались лишь в воспоминаниях и в коллекциях. Небольшие запасы пенки иногда обнаруживались на других планетах, и владельцы этих месторождений мгновенно обогащались. Но Эрика Арбореа или подходящий заменитель был пока встречен лишь на Земле, и нигде больше. А в наши дни подавляющее большинство курило трубки. Я и Андре дю Буа являлись отщепенцами. Трубка, которую показал мне Бейкер, была сделана из отличного вереска. Следовательно...

— Черта с два! Этот вереск стоит в десять раз больше своего веса в платине!

— Ты разорвешь мое больное сердце, если потребуешь больше восемнадцати процентов.

— Тридцать.

— Френк, будь благоразумен.

— Мы разговариваем о деле или не о деле?

— Двадцать процентов — это все, что я могу себе позволить. И это обойдется тебе в пять миллионов.

Я захохотал ему в лицо.

Из чистого упрямства и хулиганства я торговался с ним еще целый час, отметая предложения Бейкера, и наконец настоял на своем. Мы сошлись на двадцати пяти с половиной процентах и четырех миллионах, и мне нужно было позвонить Доменику Малисти, чтобы перебросить финансы. Честное слово, мне было жаль его будить.

Вот таким образом я уладил дело с вересковым корнем. Смехотворно — это слово подходит больше, чем «странно», но ведь мы живем в тени Большого Дерева, верно?

Когда все было кончено, он похлопал меня по плечу, сказав, что я хладнокровный игрок и что лучше быть на одной стороне со мной, чем на противной, и вновь наполнил бокалы, намекнув при этом на желание перекупить у меня Мартина Бремена, потому что ему никак не удавалось завести повара-регилианца, и снова спросил, кто дал мне знать о деле с вереском.

Он высадил меня у Башни Барта — ливрея открыла мне дверцу машины, получила свою мзду, отключила улыбку и удалилась, после чего он уехал. Я отправился в «Спектр», жалея, что не поужинал в отеле и не лег пораньше спать, а вместо этого весь вечер чертил автографы на листьях.

Радио в машине наигрывало какую-то диксилендовскую мелодию: я сто лет не слышал ее. От этого и еще из-за дождя, который припустил немного спустя, мне вдруг стало одиноко и более чем грустно. Машин на улицах почти не было. Я прибавил скорость.

На следующее утро я послал курьерграмму Марлингу из Мегапею. В ней я заверил его в том, что Шимбо будет с ним до начала пятого периода и поэтому он может почивать спокойно. И еще

я спрашивал, не знает ли он пейанца по имени Грин Грин, или с эквивалентным именем,— который каким-то образом может быть связан с именем Белиона. Я просил его ответить курьерграммой на имя Лоуренса Дж. Коппера, ч/п Вольная, и депешу свою я не подписал. Я планировал в этот же день покинуть Дрисколл и вернуться домой. Курьерграмма — один из быстрейших и самых дорогих видов межзвездной коммуникации, и поэтому, как я знал, пройдет пара недель, прежде чем я получу уже оплаченный ответ.

Конечно, я несколько нарушал свое прикрытие на Дрисколле, посылая депешу тайного класса с обратным адресом на Вольной, но я улетал в тот же день и хотел облегчить себе дело.

Я расплатился за номер в отеле и поехал к дому на улице Нуаж, в последний раз окинуть дом Рут взглядом. По дороге я остановился и съел легкий завтрак.

В Малиновом дворце меня поджидала всего одна новость: что-то лежало в приемнике почты. Это был большой конверт без обратного адреса.

На конверте значилось: «Фрэнсису Сандау, по месту жительства Рут Ларри». Я извлек конверт и вошел в дом. И не распечатывал конверта, пока не убедился, что в нем нет подвоха. Тогда я снова спрятал в карман небольшую трубочку, способную исторгнуть бесшумную и мгновенную смерть, имевшую вид естественной, уселся в кресло и открыл конверт.

Так и есть!

Еще один снимок.

На снимке был изображен Ник, старый друг Ник. Ник-карлик. Ник-покойник. Он сердито скалился сквозь бороду и явно был готов прыгнуть на фотографа. Он стоял на скалистом утесе.

«Прилетай на Иллирию. Здесь все твои друзья».

Так говорилось в записке, написанной по-английски.

Я закурил первую в этот день сигарету.

Личность Лоуренса Джона Коппера знали тут Малисти, Бейкер и Андре дю Буа.

Малисти был моим агентом на Дрисколле, и я платил ему достаточно, чтобы, как мне казалось, не бояться подкупа. Отметим, что к человеку могут применить другие средства давления, но Малисти сам узнал о моей настоящей личности лишь вчера, после того, как была произнесена кодовая фраза, являющаяся ключом к специальной инструкции. Прошло не так много времени, чтобы к нему могли успеть приложить давление.

Бейкер, с другой стороны, ничего не выигрывал, приценившись ко мне. Мы были партнерами в совместном предприятии, одной из капель в том ведре, о котором столько говорят люди. И это все. Если наши капиталы каким-то образом вступали в конфликт, то это был конфликт совершенно не персонального характера. Бейкер исключался.

Андре дю Буа тоже, как мне показалось, не принадлежал к числу разговорчивых людей, особенно после нашего разговора

и моих намеков на применение крайних мер к достижению необходимого мне результата.

На Вольной тоже никто не знал о месте моего назначения, никто, кроме Секара, а его память я предварительно стер перед вылетом.

Я решил рассмотреть другую возможность.

Если Рут была похищена и ее принудили написать записку, которую она мне послала, тогда тот, кто ее похитил, мог предположить, что если я отреагирую, то получу и это письмо, а если нет — то ничего страшного.

Предположение казалось возможным.

Это означало, что на Дрисколле был человек, имя которого я не прочь был бы узнать.

Стоило ли терять время? С помощью Малисти я мог бы, наверное, выловить отправителя последнего снимка.

Но если за этим человеком находился другой человек и если тот второй не дурак, то его подчиненный будет знать очень мало и вообще может не иметь отношения к делу. Я решил пустить по следу Малисти, а о результатах пусть доложит мне на Вольную. Но сразу же звонить ему из Малинового дворца я, конечно, не стал.

Всего несколько часов спустя уже не будет иметь значения, кто знал, что Коппер — Сандау. Я уже буду в пути и никогда больше не буду Коппером.

— Все несчастья в этом мире,— сказал мне однажды Никкарлик,— происходят из-за красоты.

— Может, из-за правды или доброты?— возразил я.

— Они тоже помогают. Но главный преступник — это красота. Вот где изначальное зло.

— А не богатство?

— Деньги — это тоже красиво.

— Что-нибудь еще, чего не хватает: еда, вода, женщины...

— Точно! воскликнул он, с такой силой опуская на стол кружку с пивом, что в нашу сторону повернулся десяток голов.— Красота, черт ее побери!

— А как насчет красивых мужчин?

— Все они или подонки — те, которые знают, что получили все даром, или тихони, потому что знают, что остальные парни их терпеть не могут. Подонки портят жизнь остальным людям, тихони — мучают сами себя. Обычно они слегка съезжают с дорожки — и все из-за проклятой красоты!

— А как насчет красивых вещей?

— Они заставляют людей красть или завидовать, если они не могут ими завладеть, черт побери!

— Погоди. Вещь не виновата, что она красива, и симпатичные люди тоже не виноваты, что они такие. Так получилось, и все тут.

Он пожал плечами.

— Вина? А кто говорит о вине?

— Ты говорил о зле. Это уже подразумевает вину, рано или поздно. Это вне сомнений.

— Тогда красота тоже виновата, черт бы ее побрал!

— Красота как абстрактный принцип?

— Да.

— Присущий отдельным вещам?

— Да.

— Это чепуха! Вина подразумевает ответственность, какого-то рода намерение...

— Отвечать должна красота!

— Возьми еще одно пиво.

Он взял и снова рыгнул:

— Ты погляди вон на того смазливого парня возле бара. Вон того, что старается подцепить девку в зеленом платье. Кто-то скоро даст ему в морду. А если бы он был урод, ничего такого не случилось бы.

Чуть позже Ник доказал свою правоту, расквасив парню нос, потому что тот назвал его коротышкой. Поэтому в том, что он говорил, могла быть доля истины. Ростом Ник был примерно четыре фута. У него были руки и плечи силача. Он мог кого угодно побить на кулачках. Голова у него была нормальных размеров с шапкой нормальных густых русых волос, над бородой и курносым носом голубели глаза. Нос был свернут вправо, и усмешка у него была недобрая, как правило, она открывала только с полдюжины желтоватых зубов. Но ниже пояса он весь пошел узлами. Он вырос в какой-то жутко военной семье. Отец его был генералом, и все его братья и сестры, не считая одного, были офицерами. Детство Ник провел в обстановке, насыщенной приемами военного искусства. Назовите любой вид оружия — будьте уверены, Ник умел с ним обращаться. Он умел фехтовать, стрелять, ездить верхом, закладывать подрывные снаряды, ломать доски и шеи ударом ладони, жить в дикой местности — и проваливался на любой медкомиссии в Галактике, потому что был карликом. Я нанял его в свое время как охотника, приканчивать продукты моих неудачных экспериментов. Он ненавидел все красивое и всех, кто был выше его ростом.

— То, что красивым считаю я или ты,— заявил я,— может вызвать приступ тошноты и отвращения у регилианца, и наоборот. Следовательно, красота — понятие относительное. Ты не можешь низвести ее как абстрактный принцип...

— Дерьмо! — возразил он.— Просто они воруют, насилуют и калечат из-за других вещей. И все равно это потому, что красота сидит себе посиживает и заставляет рвать жизнь на части.

— Тогда как ты можешь обвинять красоту в отдельной вещи...

— Мы с регилианцами ведем дела, так?

— Так.

— Тогда можно сделать перевод. Вот и все, и рассуждать тут нечего. Все ясно.

Потом тот смазливый парень, который пытался подцепить девицу в зеленом, прошел мимо, направляясь в известную комнату для джентльменов, и назвал Ника коротышкой, требуя, чтобы тот убрал с дороги свой стул, и на этом наш вечер в баре кончился. Ник клялся, что умрет в походе, на каком-нибудь экзотическом сафари, но на самом деле нашел свою вершину Килиманджаро в госпитале на Земле, где его вылечили от всего, что его беспокоило, кроме ураганного воспаления легких, которое он похватил в госпитале.

Случилось это примерно двести пятьдесят лет назад. На похоронах я нес покрывало.

Я раздавил свою сигарету и направился к скользанке. Что бы ни прогнило в Миди, я займусь этим позднее. Сейчас пора было улетать.

Мы слишком крепко связаны с покинувшими этот мир.

Все две недели пути я размышлял над тем, что обнаружил, и поддерживал себя в форме. Когда я вошел в систему Вольной, жизнь моя осложнилась еще более, потому что, как обнаружилось, Вольная раздобыла еще один спутник. Искусственный, разумеется.

«ПРОКЛЯТЬЕ! = В ЧЕМ ДЕЛО?»

— послал я запрос кодом на Вольную.

Пришел ответ:

«ПОСЕТИТЕЛЬ. ЗАПРОШЕНО РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОСАДКУ. ОТКАЗАНО. ПРОДОЛЖАЕТ ОБЛЕТ. ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ОН АГЕНТ ЗЕМНОЙ РАЗВЕДКИ».

«ПУСКАЙ САДИТСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ МОЕЙ ПОСАДКИ!»

— ответил я.

Пришло подтверждение получения моей инструкции, и я вывел «Модель-Т» на низкую орбиту и стал сужать круги все ниже и ниже.

После веселой встречи со зверушками я укрылся в доме, принял душ, избавился от копперовского грима и переоделся к обеду.

Итак, что-то все-таки заставило богатейшее правительство из всех существующих санкционировать путешествие какого-то малообеспеченного гражданского чиновника на одном из дешевейших межзвездных средств передвижения.

Я поклялся по крайней мере как следует его накормить.

Глава 3

Льюис Бриггс и я изучали друг друга, разделенные остатками обеда и широким столом, который они занимали. Предъявленные

им бумаги удостоверяли, что податель сего является агентом Центрального Департамента Разведки Земли. Внешностью он напоминал выбритую обезьяну. Это был маленький, высохший, сморщенный человек с неотступно-назойливо-любопытствующим взглядом. К тому же ему явно пора было на пенсию. Когда он представлялся, то держался немножко робко, но обед, как оказалось, произвел на него расслабляющее действие, и заикание прекратилось.

— Обед был превосходным, мистер Сандау. Теперь, если позволите, я хотел бы обсудить дело, по которому я прибыл сюда.

— Тогда давайте перейдем наверх. Там мы сможем подышать свежим воздухом.

Мы встали из-за стола, захватив с собой наши бокалы, и я повел его к лифту.

Пять секунд спустя лифт доставил нас в сад на крыше, и я жестом пригласил усаживаться в шезлонги под каштанами.

— Здесь вам удобно?

Он кивнул и опустился в шезлонг. Сумерки дышали прохладным бризом.

— Это врезается в память и впечатляет,— проронил он, оглядывая погруженный в тени сад.— Вы умеете удовлетворять все свои прихоти.

— Та прихоть, в которой мы сейчас находимся, рассчитана на полную маскировку места при разведке с воздуха.

— О, об этом я даже не подумал!

Я предложил ему сигару, от которой он отказался. Поэтому я закурил сам и поинтересовался:

— Итак, о чем вы должны были со мной поговорить?

— Вы согласитесь отправиться вместе со мной на Землю и встретиться с моим начальником?

— Нет. На этот вопрос я ответил уже дюжину раз в дюжине писем. Земля вредно действует на мою нервную систему. Такое потрясение мне уже не под силу. Поэтому я и живу здесь. На Земле слишком тесно, там полно бюрократов. Это совершенно нездоровое место и страдает к тому же от такого количества массовых психозов, что их не перечислишь. Что бы ни хотел мне сказать ваш начальник, вы можете сказать вместо него, а я отвечу вам, и вы передадите ему ответ.

— Обычно,— произнес он,— такие вещи решаются на уровне отдела.

— Мне очень жаль, и поэтому я готов, если потребуется, оплатить кодированную курьерграмму отсюда на Землю.

— Ответ слишком дорого обойдется Департаменту. Бюджет, вы меня понимаете.

— Ради Бога, я оплачу и ответ! Только прекратите забивать мне почтовый ящик этими письмами, которые до сих пор странным образом именуются почтой наземной доставки.

— Нет! Ни в коем случае! — В его голосе зазвучали панические нотки.— Прежде подобным образом никогда не поступали. Чело-

веко-часы, затраченные на решение вопроса об оплате вашего ответа, окажутся слишком дорогостоящими!

Я глубоко вздохнул о твоей судьбе, мать-Земля. Что за чудесные создания оккупировали тебя? Вот правительство — оно рождается, сторожит границы, потом наступает пора затвердения, специализации, рождаются слои управления и цепи команд. Да-да, об этом говорил еще Макс Вебер. Он считал бюрократию неизбежным результатом эволюции всякого учреждения, и он думал, что это хорошо. Если считаете нужным, после последнего слова поставьте запятую, добавьте восклицание «Боже!». Потому что в истории любой бюрократии наступает время, когда система начинает пародировать саму себя. Вспомните, что сотворила застрявшая машина громадной Австро-Венгерской империи с Кафкой, а русская — с Гоголем. Бедняги, они потеряли разум. И вот теперь я видел перед собой человека, выжившего в общении с бесконечно более сложной структурой. Это указывало на то, что его умственные способности находились на уровне ниже среднего и он эмоционально уравновешен, или наоборот: что он был мазохистом с железной волей. И поэтому, мать-Земля, я внутренне рыдал о тебе в тот момент грандиозного парада, называемого Время: мимо проходят клоуны, и все знают, что где-то внутри их сердца навеки разбиты.

— Тогда скажите, что вам от меня нужно, и я отвечу вам сразу на этом самом месте. — Мне все это начинало надоедать.

Он вытащил из внутреннего кармана запечатанный конверт, украшенный многочисленными штампами и значками службы безопасности, которые я не стал внимательно изучать, даже после того, как он вручил конверт мне.

— В случае, если вы откажетесь вернуться вместе со мной на Землю, я должен вручить вам это.

— А если бы я согласился лететь, что бы вы сделали с конвертом?

— Вернул бы его начальнику.

— Чтобы он вручил его мне?

— Вероятно.

Я разорвал конверт и вытащил листок бумаги.

В сумеречном вечернем свете я поднес листок поближе к глазам, чуть прищуриваясь. Это был список шести имен, и я тщательно следил за выражением лица посетителя, пока читал его.

Это были имена людей, которых я ненавидел или любил, и все они были из давно покрывшегося пылью списка некрологов.

А кроме того, все они фигурировали на первом плане в шести фотоснимках, которые мне в недалеком прошлом довелось узреть.

Я выдохнул облачко дыма, свернул лист, положил его в конверт и опустил на столик между нами.

— Что это должно означать? — поинтересовался я немного спустя.

— Все они — потенциально живы. Я прошу вас уничтожить список при первой же возможности.

— Ладно. А почему они считаются потенциально живыми?

— Потому что были похищены их Воспроизводящие Ленты.

— Каким образом?

— Этого мы не знаем.

— И вы прилетели сюда...

— ...потому что вы — единственная зацепка, которую мы смогли обнаружить. Вы знали их всех.

Первой моей реакцией было недоверие, но я не подал виду и ничего не сказал. Воспроизводящие Ленты, как я полагал,— это была единственная вещь во Вселенной, которую невозможно было украсть или раздобыть каким-то способом. Тридцать дней длится их короткая жизнь — и потом не остается и следа. Я сам пытался добраться до такой Ленты однажды — и ничего не вышло. Их охранники не поддаются подкупу, их хранилища абсолютно недоступны.

И по этой причине я тоже никогда теперь не посещаю Землю. Я не переношу необходимости носить воспроизводящую панель, даже короткое время. Все рождающиеся на Земле получают такую панель с первого дня жизни — она подсаживается в их тела. Лица, посещающие Землю или временно живущие там, обязаны носить панель, пока не покинут Землю.

Эти панели транслируют электромагнитную матрицу нервной системы. Они записывают подвижный отпечаток человеческого бытия, каждый из которых так же уникален, как и отпечатки пальцев. Их назначение — передать финальное состояние матрицы в момент смерти человека. Смерть — спусковой крючок, пуля — психика человека, цель — сенсоры машины. Это очень сложная и громоздкая машина, и она записывает принятые сигналы на отрезок Ленты, который спокойно умещается на вашей ладони. Все, чем человек был или надеялся быть,— теперь будет весить меньше унции. А через тридцать дней Ленту уничтожают. Так-то вот! И все.

Но бывали случаи, очень редкие и хранящиеся в секрете,— когда Ленты постигала иная участь. Назначение этого сложного и дорогостоящего процесса состоит в следующем: имеются люди, которые, умирая внезапно во время пребывания на планете Земля, уносят в эту слезную долину небытия информацию, необходимую экономике, технологии, национальным интересам Земли. Вся система воспроизведения и направлена на возвращение этих ценных данных. Но даже сверхмогучая машина не в состоянии извлечь из Ленты всю необходимую информацию. Поэтому у каждого носителя панели берется и замораживается образец ткани. Эту ткань вместе с Лентой хранят тридцать дней и тоже уничтожают. Если необходимо совершить воспроизведение, то из образца ткани выращивается целое новое тело с помощью РУРа, Резервуара Ускоренного Роста, которое полностью дублирует старое, не считая того, что мозг его — чистый лист. На этот чистый лист наклады-

вается затем записанная матрица сознания, и новый индивид обладает теперь всеми мыслями и памятью погибшего оригинала вплоть до самого момента смерти. И он способен теперь сообщить информацию, которую Мировой Конгресс счел требующей воспроизведения. Вся система находится в квадратной, в четверть мили площадью, крепости в Далласе и охраняется, как зеница ока.

— Вы полагаете, что это я похитил Ленты? — спросил я.

Он скрестил и снова расправил ноги и отвел взгляд.

— Согласитесь, что здесь имеется система, и она каким-то образом связана с вами.

— Все это так, но я не крал Лент.

— Но согласитесь, что однажды вы уже были под следствием по обвинению в попытке подкупить работника правительства и получить в свое владение Ленту вашей первой жены, Кэтрин?

— Это зафиксированный факт, и я не буду его отрицать. Но обвинение было отброшено.

— Верно, вы могли позволить себе нанять слишком много отличных адвокатов, и Ленту вы в конце концов так ведь и не получили. Но позже она была похищена, и лишь годы спустя мы обнаружили, что она не была уничтожена в назначенный расписанием день. Вас сюда мы не могли привязать никоим образом. Но и связаться с вами тогда мы тоже не могли.

Я улыбнулся, заметив, как он сделал ударение на слове «связаться». У меня тоже есть своя система безопасности.

— И что же, по-вашему, я сделал бы с Лентой, если бы завладел ею с некоей целью?

— Вы богатый человек, мистер Сандау, один из немногих, кто может позволить себе дублировать оборудование для воспроизведения. И ваше обучение...

— Признаюсь честно, что такое желание у меня однажды было. И поскольку я не получил Ленту, то попытка так и не была осуществлена, к сожалению.

— Тогда как вы объясните остальные происшествия? Последовательные хищения, происходившие на протяжении веков. И все они касаются ваших друзей.

— Я не обязан ничего объяснять, и тем более вам. Но я скажу вам вот что: я их не трогал. И до настоящего момента даже не имел понятия о том, что они похищены.

«Но великий Боже! Это же та самая шестерка!»

— Принимая ваше утверждение за правду на настоящий момент, — продолжал он, — не могли бы вы дать нам какой-нибудь ключ к вопросу: кто мог бы быть так заинтересован в этих людях, чтобы пойти на такие крайности?

— Я не могу вам ничем помочь, — ответил я, видя в своем воображении Остров Мертвых. Я понимал, что мне самому придется выяснять эту загадку.

— Мне кажется, — произнес Бриггс, — что я должен напом-

нить вам о том, что это дело не будет закрыто до тех пор, пока мы не добудем достоверных сведений о местонахождении Лент.

— Понимаю,— согласился я.— Не скажете ли, сколько незакрытых дел на счету вашего Департамента к настоящему моменту?

— Количество не имеет значения. Дело в принципе. Мы никогда не сдаемся.

— Нет, просто я слышал, что таких дел слишком мало,— заметил я,— и все они очень уж заросли пылью.

— Как я понимаю, вы отказываетесь сотрудничать с нами?

— Не «отказываюсь». Просто не могу. Я ничего не могу вам рассказать.

— И на Землю вы со мной не вернетесь?

— Чтобы ваш шеф повторил все, что вы мне только что сказали? Нет, спасибо. Передайте ему, что я очень сожалею. Скажите, что я помог бы, если бы смог, но просто не вижу, как я могу это сделать.

— Хорошо. Тогда я подумаю. Мне пора. Благодарю за обед.

Льюис Бриггс поднялся.

— Вы вполне можете остаться до утра и отлично выспаться в удобной кровати,— предложил я ему.

Он покачал головой:

— Спасибо, но я не могу. Я должен дать отчет за каждый день, проведенный на задании.

— А как считаются дни, когда вы в субпространстве?

— Это сложная система,— ответил Бриггс.

Итак, я принялся ждать почтальона. Это большая факсимильмашина, которая превращает полученные по бучу сообщения в письма и передает их Секару, а тот их сортирует и подает в мою приемную корзинку. Тем временем я готовился к посещению Иллирии. Я проводил Бриггса до самого взлетного поля. Я видел, как он сел в корабль, и проследил за взлетом по своей системе мониторов, пока его корабль не покинул систему Вольной. Я предполагал, что в один прекрасный день я снова увижу Бриггса или его начальника, если мне удастся и в самом деле разузнать, что происходит, и вернуться потом домой. Мне стало ясно, что, кто бы ни ждал меня на Иллирии, банкетов в мою честь он давать не станет. Вот почему подготовка состояла в основном в выборе оружия. Пока я перебирал и откладывал смертоносные игрушки младшего разряда из моего арсенала, я размышлял о воспроизведении.

Бриггс был прав, конечно. Только очень богатый человек может продублировать дорогое воспроизводящее оборудование, такое же, что упрятано в Далласе. Потребуется и определенная исследовательская работа, потому что некоторые тонкости процесса до сих пор содержались в строгом секрете. Я искал подходящие кандидатуры среди моих конкурентов. Дуглас? Нет. Он меня ненавидел, но к таким изощренным способам, чтобы разделаться со мной, прибегать бы не стал. Креллсон? Этот сделал бы, если бы

мог, но я держал его под таким скрупулезным наблюдением, что был уверен — ничего столь масштабного он не предпринимал. Леди Гноил с Ригаля? Практически она впала в старческое слабоумие. Империей руководят дочери, и они вряд ли пойдут на такие расходы ради мести, и в этом я был уверен. Кто же тогда?

Я проверил свои записи, в них финансовые операции такого масштаба не отмечались. Поэтому я послал курьерграмму в Центральное Регистрационное Отделение местного астрорайона. Но прежде, чем пришел ответ, я получил сообщение от Марлинга — ответ на мою депешу с Дрисколла.

«ПРИЛЕТАЙ НА МЕГАПЕЮ НЕМЕДЛЕННО».

Вот и все, что в нем говорилось. Никаких формальных украшений, характерных для стиля пейанца. Одно лишь голое предположение и повелительное наклонение. Предположение, причем не одно, с моей стороны, а повелительное наклонение в курьерграмме от Марлинга. Значит, требовалось поспешить. Или Марлингу стало хуже, чем я мог предполагать, или мой запрос вызвал большие волны.

Я приказал послать курьерграмму о моем вылете и отправился в путь.

Глава 4

МЕГАПЕЯ. Если вы выбираете место умереть, то вполне разумно выбрать место поудобнее. Пейанцы так и сделали и поступили мудро, как мне кажется. Место это, как мне говорили, было довольно заброшенным, но они сначала как следует поработали над ним, потом переселились и принялись доживать дни тихой старости.

Диаметр Мегапеи составляет семь тысяч миль. В северном полушарии имеется два больших континента и еще три поменьше в южном. Больший из северных континентов напоминал высокий чайник с отломанной ручкой, который наклонили, чтобы налить чаю. Второй похож на лист плюща, от которого некая прожорливая гусеница отгрызла приличный кусок на северо-западе. Эти континенты разделены восемью сотнями миль и днище меньшего на пять градусов забирается в тропическую зону. Континент-чайник размерами приблизительно равен Европе. Три континента в южном полушарии выглядят как континенты, то есть неправильной формы осколки зелени и коричневого, окруженного кобальтом моря, и ничего больше они мне не напоминают. По всему шару планеты разбросано много довольно больших островов и множество маленьких. Полярные шапки невелики и тенденций к увеличению не проявляют. Температура приятная, потому что плоскость эклиптики и экватора весьма близки. У всех континентов красивые берега и мирного вида горы, и множество пространств для любого вида приятного пейзажа, какой вы только можете вообразить. Так все задумали пейанцы.

Тут нет больших городов, и город Мегапея на континенте Мегапея планеты Мегапея — совсем небольшой город; следовательно, Мегапея — это тот континент, который похож на надгрызенный лист. Город Мегапея расположен на берегу моря в средней точке выеденного куска. Между двумя ближайшими жилищами в черте города лежит расстояние не менее мили.

Я совершил два оборота на орбите, потому что хотел посмотреть вниз и полюбоваться искусной работой. И по-прежнему не мог найти ни единой детали, которую стоило бы изменить. Во всем, что касалось древнего искусства, они были учителями, и так предполагается во все будущие времена.

Память нахлынула потоком о тех счастливых давних днях, когда я еще не стал богатым и знаменитым, когда у меня еще не было врагов и завистников. Население всей планеты было меньше миллиона. Вероятно, я мог бы затеряться там, внизу, и провести на Мегапее остаток жизни. Но я знал, что не стану этого делать. Пока, во всяком случае. Но иногда приятно погрезить наяву.

На втором витке я вошел в атмосферу, и немного спустя вокруг запел ветер, и небо из индигового превратилось в фиолетовое, и потом в темно-лазурное. Несколько прядей облачков повисли в глубине между реальностью и небытием.

Местность, на которую я опустился, была практически двором дома Марлинга. Я замкнул корабль и, захватив небольшой саквояж, зашагал к башне. Идти нужно было примерно с милю.

Когда я брел по знакомой дороге в тени широколиственных деревьев, я тихонько засвистел один раз, и птица повторила ноту. Я чувствовал запах моря, хотя видеть его не мог. Все было таким же, как годы назад, в те дни, когда я поставил перед собой неразрешимую задачу и вышел на борьбу с богами, надеясь обрести забвение и найдя нечто совсем другое. Воспоминания, словно диапозитивы, загорались одно за другим, пока я, последовательно, встречал на пути громадный, заросший мохом валун, или необычное гигантское партоновое дерево, или крибла (существо, размером с небольшую лошадь, похожее на собаку бледно-лилового цвета, с длинными ресницами и короной розовых перьев на голове), который быстро убежал прочь, или желтый парус, когда показалось море. Затем я увидел причал Марлинга на берегу бухты, а позже и саму башню, суровую, высокую, вознесшуюся над плещущими волнами под солнечным небом, гладкую, как зуб, и древнюю, еще древнее меня.

Последние сто ярдов я почти бежал и, добежав, застучал по решетке, закрывавшей вход в виде арки, ведущий в небольшой внутренний двор.

Минуты через две показался некий молодой пейанец и остановился по ту сторону, рассматривая меня. Я заговорил с ним по-пейански.

— Меня зовут Фрэнсис Сандау. Я пришел увидеть Дра Марлинга.

Услышав это, пейанец открыл решетку. Но, по их обычаю, он заговорил лишь после того, как я вошел во двор.

— Добро пожаловать, Дра Сандау. Дра Марлинг примет вас после того, как колокол известит о приливе. Позвольте показать вам место, где вы отдохнете. Я принесу вам туда легкой еды и освежающих напитков.

Я поблагодарил его и последовал за ним по винтовой лестнице.

В комнате, куда он привел меня, я немного перекусил. До прилива оставалось больше часа, поэтому я закурил сигарету и стал наблюдать за океаном из широкого низкого окна, рядом с которым находилась ложе-кровать. Локти я упер в подоконник, который был серым и более прочным, чем интерметаллидный пластик.

Странный образ жизни, говорите? Раса, умеющая практически все, человек, такой, как Марлинг,— умеющий создавать миры? Возможно. Марлинг мог бы быть богаче меня и Бейкера, вместе взятых и помноженных на десять, если бы пожелал. Но он выбрал башню на крутом берегу у моря и лес за ней и решил жить здесь, пока не умрет, что потихоньку и делает. Я не стану выводить мораль и рассуждать о стремлении уединиться от контактов со сверхцивилизованными расами, заполонившими Галактику, или отвращении ко всякому обществу соплеменников. Всякое объяснение будет слишком простым. Он жил здесь, потому что хотел жить здесь, и дальше этого факта я заглянуть не могу. И все же мы с ним были родственными душами, я и Марлинг, несмотря на наши разные крепости. И он заметил это раньше, чем я, хотя каким образом он мог определить, что Сила действительно тлеет где-то внутри несчастного инопланетника, оказавшегося у ворот его башни много столетий тому назад,— этого я понять не могу.

Устав от скитаний, напуганный Временем, я отправился искать совета у расы, которую называли старейшей. Страх, охвативший меня в ту пору, я с трудом могу описать. Вряд ли вы понимаете, что это такое — видеть, как все умирает и все умирают. Но именно поэтому я отправился на Мегапею. Не должен ли я рассказать вам немного о себе? И ожидая удара колокола, я снова рассказал сам себе эту историю.

Я родился на планете Земля в середине XX века. Это был период истории, когда раса человека успешно отбросила в сторону многие табу и традиции, веселилась некоторое время, потом обнаружила, что никакой, собственно, разницы не получилось: человек был таким же мертвым, когда умирал, и по-прежнему перед ним старые проблемы жизни и смерти, как и раньше, осложненные тем фактом, что Мальтус оказался прав. Я покинул колледж в конце второго курса и пошел в армию. Вместе со мной записался и младший брат — он только что окончил школу. Таким вот образом я открыл Токийский залив. Затем я снова вернулся в колледж, чтобы стать инженером, но решил, что это ошибка, и захотел поступить на медицинский. Где-то на моем извилистом пути стре-

млений я попал под увлечение биологией, и в особенности экологией. Мне было двадцать шесть лет, и шел 1991 год. Отец мой умер, мать вышла замуж во второй раз. Я влюбился в девушку, сделал предложение, получил отказ и подал заявление на участие добровольцем в одной из первых попыток достичь другой звездной системы. Мне помогла разнообразная подготовка, и я был заморожен для столетнего путешествия. Мы достигли Бартона, начали создавать колонию. Не прошло и года, как меня поразила местная болезнь, от которой у нас не было средств, не говоря уже о ее названии. Тогда меня вторично заморозили в той же камере. Двадцать два года спустя я был выпущен на свет божий. К тому времени прибыло еще восемь транспортов с колонистами, и вокруг простирался новый мир. В тот же год прибыло еще четыре корабля с колонистами, из них осталось лишь два. Остальные должны были продолжить полет к еще более отдаленной системе, чтобы присоединиться к еще более новой колонии. Я раздобыл место на одном из кораблей флотилии, обменявшись с колонистом, который решил, что и первого этапа полета с него хватит. Это была единственная в моей жизни возможность, или мне так показалось, и поскольку я не мог вспомнить даже лица, не говоря об имени, той девушки, что побудила меня на первоначальный порыв, то желание мое было продиктовано, я уверен, единственно любопытством и тем фактом, что окружающая среда старой колонии уже была окультурена и укрощена, и я в этом укрощении не принимал участия. Прошло столетие с четвертью, прежде чем мы достигли цели назначения, и планета мне совсем не понравилась. Поэтому я попросился в экипаж дальнего рейса всего лишь через восемь месяцев, проведенных на планете, для перелета за двести двадцать семь лет на Бифрост, которому предстояло в случае нашей удачи стать самым дальним форпостом человека в космосе. Бифрост оказался мрачным и неприветливым миром, он меня напугал. Я стал подумывать о том, что мне не было предназначено стать колонистом. Я отправился в новый перелет,— и все, было уже поздно. Люди оказались неожиданно расселенными повсюду, были установлены контакты с разумными существами, межзвездные путешествия занимали недели и месяцы вместо столетий. Смешно? Я тоже так думал. Я подумал, что все это одна большая шутка. Потом мне сказали, что я являюсь, по всей видимости, старейшим из всех живущих людей и, без сомнения единственным представителем XX века. Люди рассказывали мне о Земле. Показывали фотографии. И я уже больше не смеялся, потому что Земля стала совсем другим миром. Внезапно я стал очень одиноким. Все, что я учил в школе, было теперь на уровне средних веков. Что же я сделал? Я решил поискать себе место в жизни. Я вернулся в школу, обнаружил, что в состоянии еще учиться. Но страх не покидал меня ни на минуту. Я чувствовал себя не в своей тарелке. И тогда я услышал об одной вещи, которая могла мне помочь, избавить меня от чувства, будто я — последний житель Атлантиды, бредущий по Бродвею, вещи, которая могла дать мне

превосходство над странным миром, в котором я оказался. Я узнал о пейанцах — в те времена только что обнаруженной расе, для которых все чудеса Земли XXVII века, включая и способы лечения, прибавившие позже пару веков к моей средней продолжительности жизни, могут оказаться сущим каменным веком. И я прилетел на Мегапею — наполовину не в своем уме, подошел к первой попавшейся башне, постучал в ворота, пока кто-то не вышел, и попросил:

— Научите меня, пожалуйста...

Это оказалась башня Марлинга, чего я совсем не мог знать, Марлинга, одного из двадцати шести Имя-носящих, что еще жили.

Когда прозвучал звон приливного колокола, за мной пришел молодой пейанец. Он проводил меня по ступеням винтовой лестницы наверх. Он первым вошел в комнату, и я услышал голос Марлинга, приветствовавший его.

— Дра Сандау решил проведать вас,— сообщил пейанец.

— Тогда проси его войти.

Молодой пейанец вышел от Марлинга и произнес:

— Он просит вас войти.

— Благодарю.

И я вошел.

Как я и предчувствовал, Марлинг сидел спиной ко мне, лицом к окну на море. Три широких стены его веерообразной комнаты были светло-зелеными, напоминая цветом кадент, и кровать его была низкой, длинной и узкой. Одна стена была громадной консолью, немного запылившейся, а возле кровати на столике, который вполне могли не двигать с места уже несколько веков, по-прежнему стояла оранжевая фигурка животного, похожего на прыгающего рогатого дельфина.

— Добрый день, Дра,— промолвил я.

— Подойди сюда, чтобы я тебя увидел.

Я обошел его кресло и остановился перед ним. Он похудел, а его кожа стала темнее.

— Ты быстро прилетел,— заметил он, а его глаза всматривались в мое лицо.

Я кивнул:

— Ты сказал «немедленно».

Он зашипел и защелкал — у пейанцев это означает смешок.

— Что думал ты о жизни в последнее время?

— Что она достойна уважения и боязни.

— А как твоя работа?

— Одну я закончил, за следующую пока не брался.

— Садись.

Он указал на скамью рядом с окном, и я перешел туда.

— Расскажи мне, что случилось?

— Фотографии. Я стал получать снимки людей, которых знал раньше и которые уже давно мертвы. Все они умерли на Земле.

Совсем недавно я узнал, что их Воспроизводящие Ленты были похищены. Поэтому возможно, что сейчас они опять живы — в некоем месте. Затем я получил вот это.

Я протянул ему письмо, подписанное «Грин Грин». Он поднес его к самым глазам и медленно прочел.

— Ты знаешь, где находится Остров Мертвых?

— Да. Это на планете, которую я сам создал.

— Ты полетишь?

— Должен полететь.

— Грин Грин... Я думаю, это Грингрин-тари из города Дипек. Он тебя ненавидит.

— Почему? Я его даже не знаю.

— Это не имеет значения. Его оскорбляет одно твое существование. Естественно, он намерен отомстить. Очень печально.

— Действительно, особенно если это ему удастся. Но каким образом мое существование нанесло ему обиду?

— Ты единственный чужепланетник, ставший Имя-носящим. Одно время считалось, что лишь пейанец способен овладеть искусством, которым овладел ты, и далеко не каждый пейанец был на это способен. Конечно, Грингрин сам прошел обучение и завершил его. Он должен был стать двадцать седьмым. Но он провалился на последнем испытании.

— На последнем испытании? Я предполагал, что это почти чистая формальность.

— Нет. Возможно, это так тебе показалось, но на самом деле все не так. И вот, после полувека занятий с Делгреном из Дилпеи, он не был принят в наши ряды. Он был несколько этим обеспокоен. Он часто повторял, что последний принятый в Имяносящие не был пейанцем. Потом он покинул Мегапею. При его знаниях он, конечно, быстро, очень быстро разбогател.

— Как давно это было?

— Несколько столетий тому назад. Кажется, шесть.

— И ты думаешь, что все это время он продолжал ненавидеть меня и планировать святую месть?

— Да. Спешить было некуда, а хорошая месть требует тщательной подготовки.

Всякий раз испытываешь странное чувство, когда пейанец говорит что-то в этом роде. Сверхцивилизованный народ, они тем не менее сделали месть и вендетту образом своей жизни. Несомненно, это одна из причин малочисленности пейанцев. Некоторые из них ведут даже книги вендетт — длинные, подробные списки людей или лиц, с которыми следует свести счеты, чтобы не позабыть кого-нибудь, кого они намерены наказать. Сюда же включаются отчеты о ходе каждой операции по отмщению. Месть ничего не стоит для пейанца, если только это не сложная, тщательно подготовленная и приведенная в действие схема, которая приводит к точно рассчитанному результату через много лет после того, как была нанесена сама обида. Мне объяснили, что все удовольствие заключается именно в планировании и предвкушении

результата. Смерть жертвы собственно, а также безумие, унижение или обезображивание, являющееся результатом акции, считаются вторичными эффектами. Марлинг однажды признался мне, что вел одновременно три подготовки к мести, в общей сложности покрывавших тысячелетия. Это и в самом деле образ жизни. Это предмет, занятие которым дает массу положительных эмоций, когда все остальные дела идут отвратительно. Удовлетворение приносит само наблюдение за тем, как развитие акции переходит из одной фазы в другую, как один маленький триумф за другим ведет к окончательной развязке. И в тот момент, когда со старанием вырезанная и отполированная дубина опускается на голову жертвы, автору надлежит получить громадное эстетическое наслаждение, как утверждают некоторые, он может пережить и мистическое озарение. Детей знакомят с этой системой с самого раннего детства, чтобы они успели изучить ее как следует,— это необходимо для достижения ими преклонного возраста. Мне пришлось изучать ее наспех, и до сих пор я хромал по некоторым наиболее тонким вопросам.

— Какие будут предложения?— спросил я.

— Все очень просто — один из вас должен будет умереть. Этим разрешится ваше противостояние и все противоречия. Если погибнет он, тебе не надо торопиться. Если погибнешь ты, мои наследники отомстят за тебя.

— Спасибо, Дра.

— Не за что.

— А какое к Грингрину отношение имеет Белион?

— Он с ним.

— Каким образом?

— Эти двое сумели каким-то образом договориться.

— И...?

— Больше я ничего не знаю.

Помолчав, он добавил:

— Давай посмотрим, как поднимается вода.

— Посмотрим, Дра.

Я повернулся и смотрел, пока он не заговорил снова, примерно полчаса спустя.

— Вот и все.

— Все?

— Да.

Небо темнело, и больше уже не было парусов. Я слышал море, чувствовал его запах, вдали блестел звездными искрами его громадный черный бок. Я знал, что скоро вскрикнет невидимая птица, и она вскрикнула. Долго я сидел, не шевелясь, и в соответствующем отделе моего сознания я видел и перебирал многие вещи, которые были оставлены мною так давно, что я их почти забыл, и другие вещи, которые я никогда полностью не понимал. Большое Дерево рухнуло, Долина Теней исчезла, а Остров Мертвых оказался лишь обломком скалы, который бросили посреди Залива, и он быстро шел ко дну. Без всплеска. Я был один, я был

совершенно один. Я знал, какие слова сейчас я услышу, и затем, немного позже, я их услышал:

— Пойдем со мной этой ночью,— промолвил он.

— Дра...

Молчание.

— Именно сегодня ночью? — спросил я.

Молчание.

— Где же пребудет тогда Лоримель Многорукий?

— В счастливом ничто, дабы прийти опять. Как всегда.

— А твои враги и долги?

— Все и всем уплачено.

— Ты говорил о пятом сезоне в будущем году.

— Теперь срок другой.

— Понимаю.

— Мы проведем ночь в беседе, Землерожденный, чтобы до восхода я успел передать тебе мои главные секреты. Садись.

Я сел у его ног, как в те дни, что различимы далеко за дымом памяти, когда я был моложе. Он начал говорить, и я закрыл глаза, вслушиваясь.

Он знал, что делает, знал, что хочет.

Но от этого моя печаль и страх не уменьшились. Он избрал меня в сопровождающие... Я буду последним живым существом, которое он увидит. Это была высочайшая честь, и я ее не заслужил. Я не воспользовался тем, что он мне дал когда-то, так хорошо, как мог бы. Я многое испортил. И я знал, что он знает это. Но это было не важно. Он выбрал меня. И поэтому во всей Галактике лишь он один мог напомнить мне об отце, умершем тысячу с чем-то лет назад. Он простил мне мои промахи.

Страх и печаль...

Почему сейчас? Почему он выбрал это время?

Потому что другого могло бы и не оказаться.

Было совершенно очевидно, что, по мнению Марлинга, я скорее всего, не вернусь из рискованного похода. Поэтому эта встреча должна стать нашей последней. «Человек, я пойду с тобой бок о бок, в любой нужде тобою буду я руководить». Эти слова произносит Знание, но они отлично подходят и для Страха. У них много общего, если вы на минуту задумаетесь над этим.

Вот почему я боялся.

О печали мы тоже не говорили. Такой разговор оказался бы не к месту. Мы говорили о мирах, которые мы создали, о планетах, нами построенных и заселенных, о всех науках, участвующих в превращении кучи хлама в жилище, и естественно, мы разговаривали об искусстве. Экологическая игра безмерно сложнее любых шахмат, она за пределами возможностей лучших компьютеров. Это оттого, что проблемы здесь имеют скорее эстетическую, чем научную природу. Да, она требует напряжения всех мыслительных способностей всех семи черепных зон, но прилив чего-то, что лучше всего описывается словом «вдохновение», играет решающую роль. И мы говорили о вдохновении, и ночной мор-

ской ветер стал вдруг резким и холодным, и мне пришлось затворить окно и побеспокоиться об огне, который в богатой кислородом атмосфере пылал, как святая реликвия. Я не могу вспомнить ни одного слова из сказанных в ту ночь, лишь глубоко внутри меня сохраняются безмолвные картины, которыми мы обменивались. Теперь это только память. «Вот и все»,— так сказал он, и скоро наступила заря.

Он отдал мне корни ГЛИТТЕНА, когда небо лишь посерело в предвестии рассвета, потом посидел немного, и после этого мы совершили последние приготовления.

Примерно три часа спустя я призвал слуг и велел им нанять погребальников, а также послать людей в горы, подготовить фамильный склеп Марлинга. Использовав оборудование Марлинга, я послал формальные приглашения всем двадцати пяти Имяносящим, что еще жили, и всем друзьям, и тем, кого он хотел пригласить на похороны. Потом я подготовил, как требовалось, старое зеленое тело, которое он носил, и отправился на кухню позавтракать. Затем, закурив сигару, я бродил вдоль ярко-голубого моря, где пурпурные и ярко-желтые паруса опять прочертили горизонт. Я нашел маленькое приливное озерцо, уселся на берег и курил, раздумывая.

Я чувствовал онемение, так точнее всего можно описать мои ощущения. Я был уже здесь — там, откуда я только что вышел, и, как в прошлый раз, я покинул это место с нечитаемыми письменами на душе. Если бы я снова мог почувствовать страх или печаль, что угодно! Но я ничего не чувствовал, даже злости. Это придет позже, я знал, а пока я слишком юн или слишком стар.

Отчего так ярок день и море так искрится у моих ног? Почему соленый воздух так приятно сгорает внутри меня и музыкой звучат в ушах крики лесной жизни за спиной? Природа далеко не так сострадательна, как хотели бы поэты. Лишь люди иногда горюют, если вы закрыли за собой двери и больше не откроете их никогда. Я останусь на Мегапее еще немного и услышу литанию Лоримеля Многорукого, пока тысячелетней давности флейты будут покрывать ее, словно покрывало статую. Затем Шимбо еще раз отправится в горы в процессии с остальными, и я, Фрэнсис Сандау, увижу, как открывают серую, черную воронку склепа. Я задержусь еще на несколько дней, чтобы помочь привести в порядок дела моего наставника, а потом отправлюсь в путь. Если в конце меня ждет то же самое,— что ж, такова жизнь.

И на том пришел конец ночным мыслям в час разгара утра. Я поднялся и вернулся в башню. Ждать.

В последовавшие дни снова явился Шимбо. Словно во сне, я помню звуки грома. Гром и флейты, огненные иероглифы молний над горами, среди туч.

На этот раз Природа тоже рыдала, потому что Шимбо дернул за проволоку звонка. Я помню серо-зеленую процессию, которая прошла по извилистой дороге через лес, а потом мокрая земля сменилась камнем и лес кончился. Я шел за скрипящей повозкой,

с положенным убором Шимбо на голове, плечи жег траурный плащ, в руках я нес маску Лоримеля, глаза ее покрывала полоска черной ткани. Никогда больше не будет загораться его изображение в святилищах, пока кто-то другой не получит это Имя. Я понимал, что в этот момент движения процессии он горел в последний раз во всех святилищах по всей Галактике. Потом затворились последние двери, серые, черные, угольные. Какой странный сон, ужели?

Когда все кончилось, я неделю провел в башне, как от меня и ожидали. Я постился, и мысли мои принадлежали лишь мне. В один из этих дней пришел ответ из Центрального Регистрационного Отделения — через Вольную. Но я не дотронулся до него до конца недели, а когда прочел, то узнал, что Иллирия находится в собственности компании «Гриновские Разработки».

Прежде чем день подошел к концу, я уже знал наверняка, что компания «Гриновские Разработки» — это Грингрин-тари собственной персоной, в прошлом — житель Дилпеи, в прошлом — ученик Делгрена из Дилпеи, носящего имя Клиса Радуги Исторгающего. Я вызвал Делгрена и договорился о встрече на следующий день. Наконец, мой пост завершился, и я заснул. Я спал долго, очень долго. Если я и видел сны, то ничего о них не помню.

Малисти из Дрисколла ничего не смог выяснить. Никаких следов. Делгрен из Дилпеи тоже мало чем мог мне помочь, поскольку не видел своего бывшего ученика уже несколько столетий. Он намекнул, что, вполне возможно, он подготавливает сюрприз для Грингрина, если тот когда-нибудь вернется на Мегапею. Я подумал, что чувства и планы могут оказаться взаимными.

Как бы там ни было, все уже не имело решающего значения. Время моего визита на Мегапею подошло к концу.

Я поднял «Модель-Т» в небеса и разгонялся, пока время и пространство прекратились для моего собственного времени и пространства. Я продолжал путь.

Заморозив анестезией, я рассек средний палец левой руки, подсадил в него лазерный кристалл и несколько пьезоэлектрических контуров, закрыл разрез и четыре часа держал палец в заживляющем аппарате. Шрама не осталось. Будет больновато, и придется пожертвовать клочком кожи, но теперь, если я только вытяну этот палец, сожму остальные и поверну ладонью кверху, луч из кристалла пробьет двухфутовую гранитную плиту. В легкий рюкзак я уложил концентраты, медикаменты, корни глиттена. Компас и карты мне не понадобятся, но вот несколько огневых булавок, полотно тонкой пленки, фонарик и какие-нибудь инфраочки вполне могли пригодиться. Я отложил все, что показалось мне подходящим, включая мои планы.

Я решил не опускаться на «Модели-Т», а выйти на орбиту и совершить посадку на неметаллическом дрифтере. На поверхности Иллирии, как я решил, мне понадобится провести неделю. «Модель-Т» получит инструкции по истечении этого срока опуститься

к поверхности, найти самый мощный узел-энерговвод и зависнуть над ним. И затем возвращаться в это место ежедневно.

Я спал, ел, ждал и ненавидел.

Потом в один прекрасный день послышался гул, перешедший в вой, звезды вдруг посыпались огненным дождем и неподвижно застыли. Одна, яркая, повисла впереди.

Я установил точное положение Иллирии и двинулся к точке встречи. Два дня — или две жизни — спустя, я уже рассматривал ее: опаловая планета со сверкающими морями, множеством заливов, островов, фиордов, с буйной растительностью на трех тропических континентах, с прохладными лесами и многочисленными озерами на четырех континентах в умеренной зоне. Без особо высоких гор, но с большим количеством холмов, с девятью небольшими пустынями, разнообразия, одна извилистая река длиной в половину Миссисипи, система океанических течений, которой я действительно гордился, и пятисотмильный скальный мост между континентами, который я возвел лишь потому, что геологи их ненавидят в той же степени, в какой антропологи обожают. Я наблюдал, как формируется штормовой фронт в зоне экватора, как он движется на север, рассеивая свой влажный груз над океаном. Одна за одной, по мере моего приближения к планете, ее частично затмили луны — Флопсус, Мопсус и Каттонталус.

Я вывел «Модель-Т» на длиннющую эллиптическую орбиту, за пределами самой дальней из лун и, как я надеялся, за пределами действия всех обнаруживающих устройств. Потом я занялся делом — подготовкой спуска, как моего, первого, так и последующих спусков уже самого корабля.

Наконец, я выверил настоящее положение «Модели-Т», включил таймер и немного соснул.

Проснувшись, я сходил в латрину, проверил дрифтер и весь свой багаж. Приняв ультразвуковой душ, я оделся в черную рубашку и черные брюки из водоотталкивающей противонасекомной синтетики, название которой я никак не мог запомнить, хотя компания по ее производству принадлежала мне. Затем я застегнул ремешок мягкого кожаного пояса. Две его пряжки могли в случае необходимости превратиться в ручки проволоки удавки, спрятанной в центральном шве ремня. Потом я обулся в тяжелые армейские ботинки, которые в эти дни носят название туристических, и заправил в них низ штанин. Справа на бедро я подвесил ремешок с ручным лазером, а по поясу за спиной прикрепил гирлянду маленьких гранат. На шее у меня покачивался медальон с бомбой внутри, а на правое запястье прицепил хронометр, имевший способность извергать пара-газ, если потянуть за соответствующий штырек. В карманы были уложены носовой платок, расческа и остатки тысячелетней давности кроличьей лапки. Я был готов.

Но мне нужно было обождать. Я хотел совершить спуск ночью, черной пушинкой опуститься на континент Великолепия, в точке, удаленной не более трехсот и не менее ста миль от цели моего назначения. Я влез в лямки моего рюкзака, закурил и на-

правился к отсеку дрифтера. Загерметизировов его изнутри, я занял место на борту аппарата. Надвинув полусферу, я закрепил соединения, чувствуя, как легкий ветерок шевелит волосы и под ногами прокатывается приятная волна тепла. Потом нажал кнопку, поднимавшую створку люка. Открылся выход, и я увидел под собой полумесяц планеты. «Модель-Т» должна была запустить дрифтер в соответствующий момент. В мою задачу входило управление скольжением дрифтера, как только он войдет в атмосферу. Сама машина вместе со мной будет весить всего несколько фунтов — благодаря антигравам, встроенным в корпус. У дрифтера имелись рули высоты, элероны, стабилизаторы, а также паруса и парашюты. Но он меньше похож на лайнер, чем можно подумать, услышав его описание. Скорее, это парусник для плавания в трехмерном воздушном океане. Я ждал, сидя внутри него, и смотрел вниз, где волна ночи смывала день с лица Иллирии. В поле зрения показался Мопсус, а Каттонталус, наоборот, исчез. У меня зачесалась правая лодыжка. Пока я ее чесал, над головой загорелся голубой сигнал. Едва я застегнул ремни, как этот сигнал сменился красным. Я расслабился, послышался звонок, красный цвет погас, и в спину меня лягнул мул, а вокруг уже были звезды, передо мной темнела Иллирия, и не было уже рамки из краев люка. Потом был дрейф — не вниз, а вперед. Не падение, а скольжение, и настолько незаметное, что я закрыл глаза. Планета стала входом в темную шахту, черным отверстием, которое медленно увеличивалось в размерах. Капсулу наполнило тепло, и я слышал лишь собственное дыхание, биение сердца и шуршание струи воздуха над головой.

Когда я обернулся, то уже не увидел «Модели-Т». Хорошо.

Я очень давно не пользовался дрифтером, кроме как для развлечения. И всякий раз, как и сейчас, в памяти моей возникало серое предрассветное небо, волны, запах пота и соли, и горький привкус драмамина в горле, и первые «Угх» артиллерийского огня, и наша десантная баржа, приближавшаяся к берегу. И как сейчас, я вытер тогда ладони о колени и потрогал старую кроличью лапку в левом боковом кармане. Смешно. У брата тоже была такая же лапка. Ему наверняка понравились бы дрифтеры. Он любил самолеты, планеры, парусники. Он любил кататься на водных лыжах и нырять с аквалангом, и еще любил акробатику и аэробатику — поэтому, видимо, и пошел в авиацию. Поэтому, видимо, и повстречался со старухой. Много ли можно ожидать от одной-единственной паршивой лапки!

Звезды сияли как слава Божия, холодные и далекие, потому что я надвинул на купол фильтр и отгородился от солнечного света. Мопсус же продолжал отражать лучи и отбрасывать их вниз, в яму. Эта луна была средней. Флопсус располагался на более низкой орбите, но сейчас находился по другую сторону планеты. Благодаря тройке лун на Иллирии моря были относительно безмятежными, и лишь раз в несколько лет они сообща поднимали впечатляющую приливную волну. Отхлынувшие воды явят вдруг острова кораллов посреди неожиданно возникших оранжевых

и пурпурных пустынь. Воды, взгорбленные в зеленую гору, прокатятся вокруг планеты, и камни, кости, рыбы и всякое плавучее дерево будут лежать на дне, подобно следам ноги Протея. За водами последуют ветры и колебания температуры, инверсия, скопления туч, вздыбление облаков. В небе соберутся облачные соборы, и придут дожди, и водяные горы разобьются о берега, рухнут сказочные города и волшебные острова вернутся на морское дно, и Протей, спрятавшись бог знает где, станет смеяться, как гром при виде добела раскаленного трезубца Нептуна, что станет вонзаться в волны, а они будут отвечать шипением. Удар — шипение, удар — шипение. Потом вам придется тереть глаза.

Сейчас Иллирия казалась уже тонкой кисеей, на которую падают таинственные лунные лучи. Где-то там, внизу, скоро пробудится ото сна похожее на кошку существо. Оно проснется, потянется, поднимется и примется крадучись обходить окрестности. Немного погодя оно на миг взглянет на небо, на луну, куда-то дальше луны. Затем по долине разнесется бормотание, и на деревьях забеспокоятся листья. Они почувствуют. Они, рожденные от моих нервов, выделенные из моей собственной ДНК, получившие лик в первичной клетке благодаря лишь Силе моего мозга, они почувствуют, все до одного. Предощущение... Да, дети мои, я иду к вам. Ибо Белион осмелился появиться среди вас...

Если там, внизу, меня ждал обыкновенный человек, все было бы просто. Все мое оружие — это просто бутафория. И я понимал это. И если бы там был просто человек, то я даже не стал бы с ним возиться. Но Грин Грин не был человеком. Он даже не был пейанцем, что уже довольно страшно. Собственно, он был чем-то большим, чем первое и второе.

Он носил Имя, а Имя-носящий может странным образом воздействовать на вещи и их элементы, когда они каким-то образом взаимодействуют с тенью, лежащей за Именем. Я вовсе не впадаю в теологию. Мне приходилось слышать вполне наукообразное объяснение всего, что касается феномена Имени, если только вас устроит такой диагноз, как самовызванная шизофрения с комплексом божественного величия и экстрасенсорными способностями. Выбирайте, что понравится, но не забывайте о времени, которое уходит на обучение мироформиста, и количество успешно закончивших обучение.

Я чувствовал, что у меня есть преимущество перед Грин Грином, потому что для встречи он избрал мой собственный мир. Конечно, я не знал, как долго он возился с ним и насколько успел его испортить, и это меня беспокоило. Что удалось ему изменить? Он избрал наилучшую приманку. Но насколько хорошо подстроена его ловушка? Какое, по его мнению, преимущество имеет он надо мной? В любом случае в противоборстве с другим Имя-носящим он не мог полностью быть уверенным во всем. Так же, как и я.

Вам приходилось когда-нибудь наблюдать, как дерутся «бетта сплендес», сиамские боевые рыбки? Это ни на что более не похоже: ни на бой петухов, ни на схватку собак, ни на встречу кобры

и мангусты. Это уникальное зрелище. Вы подсаживаете двух самцов в аквариум. Они начинают быстро двигаться, расправив плавники, яркие, как алые, голубые, зеленые лепестки, и раздувая свои жаберные мембраны. От этого возникает иллюзия, будто обе рыбы вдруг распустились, наподобие цветка, и заметно увеличились в размерах. Они медленно приближаются друг к другу, бок о бок. Потом быстрое движение, такое быстрое, что глаз не успевает следить за ним. Потом снова медленно и мирно они плывут рядом. Внезапно рыбы сплетаются в разноцветный вихрь. Опять замирают. И так далее, подобным образом. Мелькание ярких плавников. Немного спустя их уже окутывает красноватый туман. Новая схватка. Оба замирают. Они сцепились ртами. Проходит минута, может две. Один из самцов открывает рот и отплывает в сторону. Второй остается недвижим.

Вот так мне представлялось то, что мне вскоре предстояло.

Я миновал луну. Впереди, затемняя звезды, рос темный диск планеты. Когда дрифтер приблизился к планете, его спуск замедлился. Пришли в действие спрятанные под кабиной устройства, и в тот момент, когда я наконец вошел в верхние слои атмосферы, я заскользил вниз очень медленно. Вокруг сияли под луной сотни озер, будто монеты на дне темного пруда.

Я включил монитор, проверил, нет ли внизу искусственных огней. Ничего не обнаружил. Еще одна луна, Флопсус, показалась над горизонтом, помогая своим сестрам. Примерно полчаса спустя я уже мог различить наиболее выдающиеся черты континента подо мной. Я сверился с изображением в моей памяти и начал манипулировать рулями дрифтера.

Словно лист с дерева в безветренный день, я приближался к поверхности планеты. Озеро под названием Ахерон с Островом Мертвых посреди него находилось, как я вычислил, в шести сотнях миль к северо-западу.

Далеко внизу показались облака. Я продолжал скольжение, и они вскоре исчезли. Потеряв совсем немного в высоте, я продвинулся на сорок миль к своей цели. Следят ли за мной снизу какие-нибудь точные приборы, думал я.

Дрифтер попал в полосу высотных ветров. Некоторое время я сражался с ними, но потом пришлось спуститься на несколько тысяч футов, чтобы убежать от самых неприятных из них.

В течение нескольких последующих часов я упорно продвигался на север и запад. На высоте в пятьдесят тысяч футов мне попрежнему оставалось до цели еще четыреста миль. Следят ли за мной снизу какие-нибудь точные приборы, подумал я.

За следующий час я спустился на двадцать тысяч футов и выиграл еще семьдесят миль. Все шло прекрасно.

Наконец на востоке загорелась высотная заря, и я сбросил милю, чтобы пройти под ней. Скорость увеличилась. Я будто спускался в океан, из освещенной воды в темную.

Но свет преследовал меня. Через некоторое время я снова предпринял побег от зари, пробился сквозь облачный слой, опре-

делил свое положение, продолжая спуск. Сколько миль до Ахерона?

Двести, наверное.

Свет настиг меня.

Я опустился до пятнадцати тысяч футов, выиграл еще сорок миль. Я деактивировал еще несколько пластин-антигравов.

Когда я шел на высоте трех тысяч, началась настоящая заря.

Я падал еще несколько минут, подыскал подходящее место и опустился на землю.

В щели расколовшегося горизонта на востоке показалось солнце. Я находился в сотне миль от Ахерона, плюс-минус десять. Я поднял купол кабины, потянул за шнур деструктора, спрыгнул на землю и отбежал подальше.

Минуту спустя дрифтер провалился сам в себя, и остатки его начали тлеть. Я перешел на шаг, сориентировался на местности и взял направление к противоположному концу поля, где начинались деревья.

Глава 5

Через пять минут моя Иллирия уже вернулась ко мне, словно я никуда не улетал. Профильтрованный сквозь лесной туман солнечный свет стал розовым и янтарным. Воздух был прохладен, пахло влажной землей и прошлогодними листьями. На ветвях и цветах блестела роса. Над головой у меня описала круг маленькая желтая птичка, неслышно опустилась на плечо, посидела там чуть-чуть и улетела. Я приостановился, чтобы вырезать себе палку на дорогу, и запах живого дерева напомнил мне Огайо и ручей, где я срезал ивовые ветки и делал свистки, опуская ветки на ночь в воду, и потом снимал кору, предварительно постучав по ней ручкой ножа, чтобы отделить ее от сердцевины. Неподалеку от того места росло много земляники. Я нашел несколько диких ягод: они были крупные, пурпурные. Я раздавил их между пальцами и слизнул сок, кислый и терпкий. Ящерица с плюмажем, яркая, как помидор, медленно сползла с верхушки камня и устроилась на моем ботинке, пока я слизывал сок. Я потрогал ее корону, потом сдвинул зверька в сторону и продолжил путь. Когда я обернулся, крапчато-черно-белые глаза ящерицы встретились с моими. Я проходил под высокими, в тридцать и сорок футов деревьями, и время от времени на меня падали капли влаги. Начали просыпаться птицы и насекомые. Толстобрюхий зеленый свистун завел десятиминутную песню, выпуская накопленный воздух. Где-то слева от меня к нему присоединился товарищ или родственник. Шесть пурпурных «кобра де капелла», это были всего лишь цветы, выпрыгнули из земли, покачиваясь на стеблях, издавая шипение, размахивая лепестками, как флажками, а их мощный аромат распространялся по округе со скоростью и эффективностью разорвавшейся газовой гранаты. Но я не удивился, потому что мне казалось, будто я никогда отсюда не улетал.

Я продвигался вперед, и трава встречалась все реже. Деревья пошли более высокие, от пятидесяти до семидесяти футов, среди них попадалось довольно много валунов. Отличное место для засады. С другой стороны, хорошее место для укрытия.

Над головой трещали и верещали пара мартышек. Тем временем с запада подполз легион туч. Низкое еще солнце воспламенило их края, пробивая световые шахты сквозь листья. На некоторых лианах, приклеившихся к древесным гигантам, распустились цветы, похожие на серебряные канделябры, и в воздухе вокруг них что-то напоминало о залах соборов и запахе ладана. Я форсировал жемчужный ручей, и хохлатые водяные змейки плыли за мной, ухая, словно совы. Змейки были довольно ядовитые, но дружелюбные.

На другом берегу местность начала немного подниматься, и по мере продвижения я почувствовал, что в мире что-то переменилось. Ни к какому объективному предмету я это чувство отнести не мог, просто ощущал, что в миропорядке произошла некая перемена.

Прохлада утра и лесной чащи не исчезла с развертыванием дня. Наоборот, она, казалось, углубилась. В воздухе повисла явная злобность. Позже холод стал почти что влажным. Правда, небо было наполовину затянуто облаками и ионизация, предшествующая грозе, частенько вызывает подобные ощущения.

Когда я присел отдохнуть и поесть, прислонившись спиной к стволу дерева, я вспугнул пандрилла, который копался в его корнях. Едва он бросился наутек, я понял — что-то не в порядке.

Я заполнил мозг желанием, чтобы пандрилла вернулся, и направил желание на него.

Тогда он замер, повернулся и посмотрел на меня. После чего медленно приблизился. Я угостил его крекером и попытался заглянуть в его глаза.

Страх, чувство благодарности, снова страх... На секунду — непонятная паника.

С чего бы все это? Странно.

Я дал пандрилле свободу, но тот не убежал, намереваясь сожрать все мои крекеры. Но о первоначальной его реакции нельзя было забывать. Она могла означать то, чего я опасался.

Я вступил на вражескую территорию!

Я завершил завтрак и двинулся дальше. Я спустился в полную туманов долину, а когда покинул ее, туман остался вместе со мной. Небо почти полностью закрыли тучи. Животные разбегались при моем появлении, и я не пытался настроить их на мой лад. Я шагал вперед, и дыхание мое вырывалось двумя влажными струйками прелого пара. Я осторожно обошел два энерговвода. Если я использую хоть один, это выдаст мое местоположение.

Что такое энерговвод? Это, в общем, часть любой системы с электромагнитными полями. У каждого мира есть в его гравитационной матрице особые, подвижные точки. Находясь в этих точках, особые машины или наделенные особым даром люди мо-

тут как бы подключаться к электромагнитному полю планеты и действовать наподобие батарей, конденсаторов, переключателей. Энерговвод — термин, обозначающий такой энергетический узел, им пользуются люди, способные использовать это явление. Но я не хотел пользоваться им, пока не буду уверен в природе врага, поскольку все Имя-носящие, как правило, обладали такой способностью.

Потому я терпел, пока туман пропитывал влагой одежду и покрывал каплями испарины мои блестящие ботинки, хотя я мог бы высушить их. Я продолжал свой путь: посох — в левой руке, правая — свободная, готовая к стрельбе.

Но никто меня не атаковал. Фактически уже давно ни одно живое существо не пересекало моей тропы.

Я шел до вечера, проделав в тот день миль двадцать. Было очень влажно, но без дождя. Я обнаружил небольшую пещеру в склоне холма, по которому как раз взбирался, расположился на взятом загодя куске пленки — десять на десять, три молекулы толщиной, но страшно крепкой, чтобы предохранить себя от грязи и частично от влаги. Я съел сухой паек и заснул с пистолетом в руке.

День оказался таким же унылым, как и ночь в предыдущие сутки. Туман стал гуще. Я подозревал, что это подстроено специально, и продвигался с большой осторожностью. Однако это мелодрама, подумал я. Если он намерен потрясти мои чувства туманами, тенями, холодом до костей и совращением с пути истинного нескольких моих созданий, то он зря старался. Неудобства лишь раздражают меня, я злюсь и даю слово добраться до их причины, и как можно быстрее.

Почти весь второй день я взбирался на вершины холмов и спускался по склонам вниз. К самому вечеру ко мне привязался попутчик.

Слева от меня появился свет и начал двигаться параллельным курсом. Огонь парил где-то между двумя и восемью футами от земли, и цвет его менялся от бледно-желтого до оранжевого и белого. Расстояние до него в разное время могло быть любым — от двадцати до ста футов. Время от времени он исчезал, но всегда возвращался. Блуждающий огонь, посланный заманить меня в какую-нибудь расщелину или болото? Может быть. И все же мне было интересно, я восхищался его настойчивостью. Кроме того, приятно идти вдвоем.

— Добрый вечер,— произнес я.— Я иду покончить с тем, кто вас послал, между прочим.

— Но вы можете быть всего лишь болотным огнем,— добавил я.— В этом случае можете не обращать внимания на мое последнее замечание.

— В любом случае,— продолжал я,— забредать в заблуждение я сейчас не намерен. Можете сделать перерыв на обед, если хотите.

Затем я стал насвистывать «Долог путь до Типперери». Огонь

продолжал следовать за мной и со мной. Я остановился под защитой дерева, закурить сигарету. Я стоял и урывками курил под деревом. Огонь парил над землей футах в пятидесяти, поджидая меня. Я попытался мысленно потрогать его, но там словно вообще ничего не было. Я вытащил пистолет, но передумал и положил его в кобуру. Докурил сигарету, загасил ее и двинулся дальше.

И вновь огонь тронулся вместе со мной.

Примерно час спустя я разбил лагерь на небольшой прогалине. Прислонившись спиной к скале, я замотался в пленку. Затем разжег маленький костер и подогрел банку с супом. В такую ночь свет издалека не разглядишь.

Блуждающий огонь висел в воздухе как раз за границей светового круга.

— Желаете чашку кофе? — спросил я. Ответа не последовало, ну и хорошо. У меня была всего одна чашка.

Поев, я зажег сигару и наблюдал как угасает костер. Я потягивал сигару и жалел, что не видно звезд. Ночь была безмолвна и холод пробирал до позвонков. Он уже проглотил пальцы ног и успешно переваривал их. Жаль, что я не захватил фляжку бренди.

Мой молчаливый спутник не двигался, замер, и я смотрел на него. Если это не естественный феномен, то он следит за мной. Осмелюсь ли я заснуть? Я осмелился.

Когда я проснулся, хронометр указывал, что прошло полтора часа. Ничего не изменилось. Так же, как и сорок минут назад, я спал, так и два часа спустя я тоже спал, иногда просыпаясь.

Я проспал остаток ночи и утром обнаружил, что огонь ждет меня.

Третий день был таков же, как и второй — холодный и серый. Я свернул лагерь и тронулся в путь. Я находился примерно в трети пути от моей цели, как и предполагал.

Неожиданно произошло нечто новое. Мой спутник покинул свою позицию слева и медленно выдвинулся вперед. Потом он повернул направо и замер, паря в футах шестидесяти передо мной. К тому времени, когда я достиг этой точки, он передвинулся вперед, предугадывая направление моего движения.

Мне это не понравилось. Получалось, словно кто-то разумный, управляющий этим огнем, издевался надо мной, говоря: «Смотри, старина, я знаю, куда ты идешь и как ты намерен туда добираться. Позволь, я немного облегчу тебе дорогу». Да, это была настоящая насмешка, потому что я почувствовал себя полным дураком. Можно было кое-что предпринять по этому поводу, но я решил подождать.

Итак, я шел за ним до обеда. Огонь вежливо подождал, пока я подкреплялся, и во время ужина тоже.

Лесные цветы уже не подмигивали мне, но я не отчаивался.

Немного спустя огонь изменил свое поведение. Он отплыл влево и исчез. Я остановился и с минуту стоял неподвижно, потому что привык к нему за это время. Может, предполагалось, что за

день у меня выработался условный рефлекс и усталость с привычкой заставят меня последовать за огнем, отклонившись от пути? Возможно.

Как далеко заведет он меня, если я дам ему эту возможность?

Я решил, что двадцати минут пути вслед за ним будет вполне достаточно. Я поправил пистолет в кобуре и ждал появления огня.

И он появился. Я повторил предшествующий трюк и пошел за ним следом. Огонь поспешил вперед, подождал, пока я догоню его, и снова заспешил. Минут через пять пошел небольшой дождь. Хотя стало темнее, я мог видеть даже без фонарика. Скоро я совсем промок. Вздрагивая, я уныло ругался.

Через полмили пути, когда день стал еще пасмурнее и холоднее, а чувство отчуждения еще более усилилось, я был оставлен в одиночестве: огонь исчез. Я ждал, но он не возвращался.

Я осторожно пробрался к месту, где видел его в последний раз, обойдя его справа, с пистолетом в руке, ощупывая местность взглядом и мыслью.

Я задел сухой сучок и услышал, как он треснул.

— Не надо! Ради Бога, не надо!

Я бросился на землю и откатился в сторону.

Крик раздался справа, и я взял это место на прицел.

Крик? Был ли это действительно крик или лишь нечто в моем мозгу? Я не был уверен, что именно.

Я терпеливо ждал.

Потом, на пределе слуха, до меня донеслось всхлипывание. Тихий звук трудно определить. Не поймешь, откуда он исходит, и в данном случае трудность определения звука, его источника, увеличивалась в результате моей подозрительности и мнительности. Я медленно повернул голову слева направо, но никого не увидел.

— Кто здесь? — спросил я громким шепотом, потому что шепот тоже трудно зафиксировать.

Молчание. Но всхлипывания продолжались. Проникнув вперед мыслью, я ощутил боль, растерянность, и ничего больше.

— Кто здесь? — повторил я.

Снова молчание.

— Это ты, Френк? — спросил чей-то голос.

Теперь я решил помолчать. Прошла минута, и тогда я назвал себя.

— Помоги мне, — взмолился голос.

— Кто ты и где?

— Здесь...

И тут я осознал ответ, и по шее к позвоночнику побежали мурашки, и ладонь непроизвольно сжала рукоятку пистолета.

— Данго! Данго Нож!

Теперь я знал, что произошло, но у меня духу не хватало включить фонарик и посмотреть как следует. Необходимости такой не было.

Потому что мой блуждающий огонь выбрал этот момент, чтобы вернуться.

Он проплыл мимо, разгораясь все ярче, чем когда-либо раньше, и завис на высоте пятнадцати — двадцати футов, сияя, как осветительная ракета. Под ним стоял Данго. И другого выбора у него не оставалось, кроме как стоять.

На месте его держали корни.

Его худое треугольное лицо обрамляла черная борода, длинные волосы переплелись с листьями и ветвями. Глаза его были темные, провалившиеся, измученные. В стволе, который был его частью, виднелись дыры от насекомых, его пятнал птичий помет, а у подножия чернели следы кострищ. С ветки, которую я обломил, капала кровь.

Я медленно встал:

— Данго...

— Они грызут мои ноги! — воскликнул он.

— Извини, мне очень жаль,— проронил я, опуская пистолет и едва не выронив его.

— Почему он не оставил меня в мертвых?

— Потому что ты когда-то был моим другом, а потом врагом. Ты хорошо знал меня.

— Из-за тебя? — Дерево затряслось, слово стараясь дотянуться до меня. Он принялся проклинать меня, а я стоял и слушал, пока кровь смешивалась с дождем и впитывалась в землю. Когда-то мы были партнерами по одному предприятию, и он попытался обмануть меня. Я обвинил его, он был исключен из доли и пытался прикончить меня. Затем я засадил его в больницу, там, на Земле, и он погиб в автомобильной катастрофе через неделю после выхода из больницы. Он бы меня убил, если бы добрался до меня с ножом, но я не предоставил ему такой возможности. В каком-то смысле можно сказать, что я помог его несчастью, когда дело дошло до аварии. Я знал, что он не успокоится, пока не пригвоздит меня или пока сам не умрет, а мне дырявиться совсем не хотелось.

В направленном свете лицо казалось страшным, мертвенно-бледным. Кожа цвета мухомора и глаза злого кота. Зубы, казалось, были выбиты, что и в самом деле соответствовало действительности. На щеке гноилась рана. Затылок его был соединен с деревом, плечи уходили в ствол, и две большие ветви могли скрывать внутри руки. Начиная от пояса и ниже он был деревом.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Этот зеленый подонок. Пейанец,— зло буркнул он.— Я вдруг оказался здесь. Ничего не понимал. Была авария...

— Я его достану,— угрожающе процедил я.— Я его убью! Потом я вытащу тебя...

— Нет! Не уходи!

— Но я должен, Данго.

— Ты не понимаешь, что это такое. Я не могу ждать... пожалуйста...

— Всего несколько дней.

— ...и выиграть может он. Тогда я здесь навсегда... Боже! Как больно! Фрэнк, я раскаиваюсь, что старался обмануть тебя, честное слово... Поверь мне!

Я посмотрел вниз, на землю, и наверх, на огонь.

Подняв пистолет, тряхнул им и опустил.

— Я больше не могу тебя убить,— проронил я.

Он закусил губу, и кровь побежала вниз по подбородку в бороду, и в глазах его показались слезы. Я старался не встречаться с ним взглядом.

Спотыкаясь, я отступил и что-то принялся бормотать по-пейански. И только тогда я понял вдруг, что рядом находится энерговвод. Внезапно я почувствовал его. И я стал расти все выше и выше, а Фрэнсис Сандау становился все меньше, и стоило мне пожать плечами, как раздавался раскат грома. Когда я поднял левую руку, громы взревели. Когда я опустил ее к плечу, вспышка ослепила меня, и от потрясения волосы встали дыбом у меня на голове.

Я снова был один. Лишь пахло озоном и дымом. Я находился перед обуглившимися, раздробленными в щепы остатками того, что было Данго Ножом. Даже блуждающий огонь пропал. Порывами налетал дождь и скоро прибил запахи.

Пошатываясь, я направился туда, откуда пришел. Ботинки хлюпали, одежда была мокрее воды.

Не помню, где и когда я заснул.

Вероятно, из всех свойств и способностей человека именно сон в наибольшей степени помогает ему сохранить здравый рассудок. Сон — это скобки, в которые заключается каждый день. Если вы сегодня сделали что-то глупое, что-то неприятное, то стоит кому-то напомнить вам об этом — и вы начинаете злиться. Это сегодня. Но если это произошло вчера, то вы, вполне возможно, только кивнете или усмехнетесь, вот и все. Через нематериальность сна вы уже перебрались на другой остров Времени. Как много можно сделать во сне и как много можно вспомнить за один раз? Много — так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле — лишь небольшую часть того, что спрятано в закромах вашего мозга. И чем дальше, тем запас ваш обширнее. Поэтому стоит мне проснуться, как на помощь мне приходит множество вещей, и они помогают удалить боль в каком-то отдельном воспоминании. Может показаться, что это черствость. Это не так. Это вовсе не означает, что я живу, не болея за все, что прошло, не жалея и не чувствуя своей вины. Просто за века у меня выработался мозговой рефлекс. После всякого эмоционального потрясения я сплю. Проснувшись, я чувствую, как заполняют меня мысли о вчерашнем дне. Немного погодя стервятник-память сужает круги, опускаясь ниже и ниже к причине боли. И он расчленяет ее, пожирает, и прошлое стоит рядом, как свидетель. Кажется, это называется взглядом со стороны. Многие люди умирали на моих глазах, раз-

ными способами. Равнодушным я никогда не оставался. Но сон дает памяти возможность завести двигатель, и на следующий день моя голова снова полностью моя. Потому что кроме смерти есть еще и жизнь, и многие цвета радости, печали, любви, ненависти, умиротворения, удовольствия.

Ее я нашел однажды утром в горах, в дальних горах, и губы ее уже стали синими, а пальцы она едва не отморозила. Одета она была лишь в одно полосатое трико и лежала свернувшись в клубок у маленького кустика. Я завернул ее в куртку и оставил на той же скале все мешки с образцами и инструментами и даже не вернулся за ними потом. Она бредила, и, кажется, я расслышал имя «Ноэль», произнесенное ею несколько раз, пока я тащил ее к машине. На теле ее было несколько серьезных ушибов и много мелких порезов, ссадин и синяков. Я отвез ее в больницу, где ей помогли и оставили на ночь. На следующий день я пришел ее навестить и узнал, что она отказалась назвать себя. Она не могла также заплатить за лечение. Поэтому я уплатил по счету и поинтересовался, что она думает делать дальше. Этого она тоже не знала. Я предложил ей остановиться в коттедже, который снимал, и она согласилась. Всю первую неделю у меня было такое впечатление, будто в доме поселилось привидение. Она постоянно хранила молчание, если только ее о чем-нибудь не спрашивали. Она готовила для меня еду, убирала в доме, а все остальное время проводила, запершись в своей комнате. Во вторую неделю она услышала, как я играю на мандолине — я первый раз за многие годы взял в руки инструмент,— она вышла из своей комнаты, присела напротив меня в гостиной и стала слушать. Поэтому я продолжал играть еще целый час, хотя и не намеревался сначала делать этого, потому что впервые за все это время она проявила какую-то реакцию. Когда я опустил мандолину, она спросила, можно ли ей поиграть. Я не возражал. Она подошла ко мне, взяла инструмент, склонилась над ним и начала играть. Конечно, она была далеко не виртуоз, впрочем, как и я сам. Я послушал, потом принес ей кофе, пожелал спокойной ночи, и все. Но на следующий день это был уже другой человек. Она причесала и слегка подрезала свои темные волосы. И припухлость пд ее глазами тоже уменьшилась. За завтраком мы разговаривали с ней о чем угодно: о погоде, последних новостях, о моей работе с минералами, о музыке, об антиквариате и даже экзотических раках и тропических рыбках. Обо всем, кроме нее самой. После этого мы начали ходить вместе — в ресторан, театр, на пляж — куда угодно, только не в горы. Так прошло четыре месяца. Я вдруг понял, что, должно быть, полюбил ее. Конечно, я ничего не сказал, но она не могла не заметить. Но, проклятье, я ничего о ней не знал и чувствовал неловкость. Может, у нее где-то муж и шестеро детей. Она попросила пойти с ней на танцы. Мы пошли и танцевали на террасе под звездами до самого закрытия, до четырех утра. Когда я проснулся около полудня, ее уже не было. На столе в кухне лежала записка. В ней говорилось:

«Спасибо. Пожалуйста, не ищите меня. Я должна вернуться. Я вас люблю».

Подписи, конечно, не было. Вот и все, что я знаю об этой девушке без имени.

А когда мне было где-то лет пятнадцать, под деревом я нашел птенца скворца. Я косил траву во дворе и обнаружил птенца, у него были сломаны ножки. По крайней мере, мне так показалось, потому что они торчали в разные стороны под странным углом. Когда птенец заметил меня, он отвел голову назад и раскрыл клюв. Я наклонился и увидел, что его всего покрывали муравьи, поэтому я поднял и отряхнул его. Затем я стал искать место, куда его положить, и решил, что корзина со свежескошенной травой вполне подойдет. Корзину я поставил на летний столик в нашем патио, под кленами. Я попытался пипеткой влить ему несколько капель молока в клюв, но он едва не захлебнулся. Я снова принялся за работу. Попозже я вернулся посмотреть на птенца и рядом с ним заметил на траве пять или шесть больших черных жуков. Я с отвращением выкинул их. На следующее утро, когда я вернулся с молоком и пипеткой, то обнаружил в корзине новых жуков. Я вновь навел порядок. Некоторое время спустя, я увидел, как на край корзины опустилась большая черная птица. Она прыгнула в корзину и мгновение спустя улетела. Я продолжал наблюдение за ней: за полчаса она прилетела еще три раза. Потом я заглянул в корзину и нашел там жуков. Я понял, что птица ловила жуков и приносила их, пытаясь покормить птенца. Есть он не мог, поэтому она просто оставляла их в корзине. В ту ночь птенца обнаружил кот. И на следующий день, когда я пришел к корзине, в ней осталось всего несколько перьев и капель крови среди больших черных жуков.

А где-то в пространстве есть одно место. Там, вокруг красного солнца, кружит кольцо астероидов. Несколько веков назад в этом месте мы обнаружили разумную расу членистоногих, которые называли себя «виллизами». Контакта с ними мы установить не могли. Они отказывались от предложений дружбы и сотрудничества со всякой разумной расой. Кроме того, они умертвили наших посланников и в расчлененном виде прислали тела обратно. Во время первой встречи с виллизами у них были еще межпланетные корабли. Совсем немного спустя они уже научились межзвездным перелетам. И куда бы они ни отправлялись, они убивали, грабили и потом скрывались в своей системе. Очевидно, они не представляли размеров межгалактического общества того времени, а возможно, их это не волновало. Они верно предположили, если они так думали, что на достижение взаимной договоренности и объявления войны у нас уйдет уйма времени. Собственно, межзвездная война — очень редкое явление. Пейанцы — почти единственная раса, которая имеет о ней представление. Итак, наше нападение не удалось, остатки объединенного флота были отосланы, и мы начали обстреливать их планету издалека. Но технологически вил-

лизы оказались куда развитее, чем мы думали. У них имелась почти абсолютно совершенная антиракетная защита. Поэтому мы вновь отступили, попытались блокировать их и таким образом примирились с их существованием. Но своих набегов они не прекращали. Тогда были призваны Имя-носящие, и три мироформиста: Санг-ринг из Кралдеи, Карфтинг из Мордеи и я, были выбраны, дабы использовать наши силы и знания процесса реверса. И вот в системе виллизов, за пределами орбиты планеты, астероиды начали формировать планетоид. Скала за скалой, осколок за осколком, планетоид рос и рос, и постепенно орбита его менялась. Мы с нашими машинами расположились за орбитой самой дальней планеты, управляя ростом нового мира и его спиральным путем; когда виллизы поняли, что происходит, было уже поздно, хотя они и попытались уничтожить его. Но пощады они не просили и никто из них не попытался бежать. Они ждали — и день настал. Орбиты двух планет пересеклись, и теперь в этом месте кольцо каменных осколков кружит вокруг красного солнца. Неделю после этого я пил беспробудно.

А однажды я погибал в пустыне, когда моя машина разбилась и я пытался дойти до поселения. Я шел четыре дня, и нёбо мое превратилось в наждачную бумагу, а ноги, казалось, отделены были от меня миллионом миль. Я потерял сознание. Не знаю, как долго я пролежал. Вероятно, целый день. Затем, как мне тогда показалось в кошмаре мук жажды, ко мне подошло существо и нагнулось надо мной. Оно было пурпурного цвета, с брыжами вокруг шеи и тремя роговыми выступами на ящероподобном лице. В длину оно было около четырех футов и покрыто чешуей. Сзади имелся короткий хвост, а на каждом пальце был коготь. Глаза его были темные, овальные, с мигательными мембранами. С собой оно несло длинную тростинку и маленький мешок. Я до сих пор не знаю, что или кто это был. Несколько секунд существо рассматривало меня, потом отбежало в сторону. Я перевернулся на бок и наблюдал за ним. Оно воткнуло тростинку в землю и обхватило второй конец ртом. К одиннадцатому разу его щеки стали раздуваться, как резиновые пузыри. Затем, оставив тростинку воткнутой, оно подбежало ко мне и коснулось моего рта передней лапой. Я угадал, что она хочет сказать, и открыл рот. Наклонившись так, чтобы не потерять ни капли, оно впрыснуло горячую грязную воду из своего рта в мой. Шесть раз вода из тростинки переходила в рот существа, а затем в мой. Потом я снова потерял сознание. Когда я пришел в себя, был вечер, и это существо опять принесло мне воды. Утром я уже мог сам подойти к тростинке, присесть и вытянуть порцию влаги. Существо медленно просыпалось, вялое в утреннем холоде. Когда оно подошло ко мне, я вытащил свой хронометр, охотничий нож и все деньги, какие нашлись в кармане, и положил все это перед ним. Оно посмотрело на вещи. Я подтолкнул их поближе и показал на мешочек, который оно несло с собой. Существо отодвинуло вещи назад и защелкало языком. Поэтому я коснулся его передней лапки и поблагодарил на

всех языках, мне известных, подобрал свои пожитки и отправился дальше. На следующий день к вечеру я пришел к селению.

Девушка, птица, планета, глоток воды и Данго Нож, расколотый с головы до ног.

В кругах воспоминаний боль помещается рядом с мыслью, видением, чувством и вечными «кто-что-почему». Сон, проводник памяти, сохраняет мой разум в целости. Больше я ничего не знаю. И не думаю, что я зачерствел, если на следующий день я проснулся, полный еще большей решимости совершить то, что предстояло мне, и думал об этом больше, чем обо всем лежавшем позади.

Передо мной лежали пятьдесят или шестьдесят миль пересеченной местности. Чем дальше, тем более трудно-проходимой становилась дорога. Окрестности стали скалистее, суше, у листьев появились острые зазубренные карликовые защипы.

И деревья здесь были другие, и животные иные. Это были карикатуры на мои создания, которыми я так гордился. Мои ночные певуньи издавали хриплое карканье, у насекомых объявились жала, а цветы просто воняли. Исчезли стройные, высокие деревья. Стволы приобрели узловатую, прижатую к земле форму. Мои газели-леогазы начали хромать. Звери фыркали и убегали от меня. Некоторых, покрупнее, пришлось даже осаживать.

Уши мои болели — я взбирался все выше,— и туман меня не покидал, но я продвигался вперед, медленно, но верно. В тот день я сделал, наверное, миль двадцать пять.

Еще два дня, прикинул я. Или еще меньше. И один день на все остальное.

В ту ночь меня разбудил самый жуткий взрыв, какой я только слышал в жизни. Я сел и прислушался к эху, но лишь звон стоял у меня в ушах. Я сидел с пистолетом в руке и ждал, прислонившись к старому, большому дереву.

На северо-западе, несмотря на туман, я видел зарево, оранжевое полыхание. Оно начинало разрастаться.

Второй взрыв не был таким громким, как первый. И третий, и четвертый тоже. Но к этому времени меня отвлекли другие неприятности.

Земля подо мной задрожала.

Толчки усиливались. Я оставался на месте и ждал.

Судя по виду неба, четверть планеты полыхала огнем.

Поскольку по этому поводу я ничего предпринять не мог, я сунул пистолет обратно в кобуру и закурил сигарету. Что-то тут не так. Совершенно ясно, что Грин Грин лезет из шкуры вон, чтобы поразить меня, хотя должен был бы знать, что произвести на меня впечатление не так-то просто. Естественными здесь такие процессы быть не могут, а кроме Грин Грина и меня больше на сцене не имелось лиц, способных на подобное. Почему? Не хотел ли он просто сказать: «Смотри, я разнесу твой мир в щепки, что ты те-

перь станешь делать, а?» Неужели он демонстрировал мощь Белиона, надеясь запугать меня?

На мгновение у меня появилось желание найти энерговвод и выдать ему такую электрическую бурю, какой он в жизни не видал, чтобы знал, как я испугался. Но я эту идею сразу оставил. Я не желал вести бой на расстоянии, я хотел встретиться с ним лицом к лицу и сказать все, что я о нем думаю. Я хотел, чтобы он меня видел и ответил мне, отчего он уродился таким чертовым болваном, отчего он меня ненавидит только за то, что я принадлежу к расе гомо сапиенс, и прилагает могучие усилия, лишь бы нанести мне удар и боль.

Он не мог не знать, что я уже прибыл и нахожусь в каком-то месте планеты, иначе блуждающий огонь не вывел бы меня к Данго. Поэтому то, что я сделал, уже не могло меня выдать.

Я закрыл глаза, наклонил голову и вызвал Силу. Я попытался вызвать в сознание его картину — как он там, неподалеку от Острова Мертвых следит за поднимающимся конусом своего вулкана, смотрит, как летит черными листьями пепел, как кипит лава, как змеи сернистого дыма ползут в небеса, и со всей силой своей ненависти я послал злорадному пейанцу сообщение:

> «Терпение, Грин Грин, терпение, Грингринтари. Терпение. Всего через несколько дней мы встретимся на короткое время. Очень короткое время».

Ответа не было, но я и не ожидал его.

Утром идти стало труднее. Сквозь туман начал падать черный пепел, и время от времени земля еще вздрагивала, и животные убегали из этих мест в противоположном моему движению направлении. Меня они полностью игнорировали, и я также старался не замечать их.

Весь северный горизонт пылал огнем. Если бы на любой из моих планет я не обладал абсолютным чувством направления, то мог бы подумать, что направляюсь прямо на восход. Жестокое разочарование.

И это был пейанец, почти что Имя-носящий, представитель самой утонченной в искусстве расы. А в искусстве мести им не было равных из всех существовавших и существующих, а он строил из себя клоуна перед презренным землянином. Ну ладно, он меня ненавидел и хотел со мной покончить. Но это еще не повод делать глупости и забывать прекрасные древние традиции своего народа. Ведь вулкан — всего лишь детская демонстрация силы, которую я, ясное дело, и так предполагал встретить. Мне было даже слегка стыдно за Грин Грина, за такую безвкусицу, совершаемую на моей планете. Даже я, за свой краткий период ученичества, узнал достаточно об изящном искусстве вендетты, чтобы понимать, какую он совершает нелепость. Теперь я, кажется, начал понимать, отчего он не прошел последнего испытания.

Я пожевал на ходу немного шоколада, решив не делать оста-

новки на обед до вечера. Я хотел пройти в этот день как можно больше, чтобы утром мне оставалось всего несколько часов пути. Я выбрал средний равномерный темп, а свет впереди становился все ярче и ярче, пепел падал все гуще, земля вздрагивала почти каждый час довольно ощутимо.

Примерно в полдень на меня напал бородавчатый медведь. Я попытался взять его под контроль, но не смог. Мне пришлось убить его, проклиная имя того, кто довел животное до такого состояния. Туман к этому времени почти развеялся, но сыпавшийся пепел более чем компенсировал эту потерю. Кашляя, я пробирался сквозь сумерки посреди дня. Из-за изменений в характере местности я продвигался медленнее, чем предполагал, и поэтому добавил к пути еще один день.

Но ко времени, когда я расположился на ночлег, мне удалось покрыть приличное расстояние, и я теперь знал, что достигну Ахерона к полудню следующего дня.

Я отыскал сухое место на склоне холма. Его покрывали наполовину ушедшие в землю валуны, торчавшие под разнообразными углами. Я привел в порядок все свои принадлежности, растянул пленку, развел костер и немного перекусил. Затем я закурил одну из моих последних сигар, дабы внести лепту в загрязнение воздуха, и забрался в спальный мешок.

Когда это произошло, мне снился сон. Что именно снилось — сейчас я вспомнить не могу, помню только, что сперва это был приятный сон, который превратился потом в кошмар. Помню, что я начал мечтать во сне, но вдруг понял, что это уже не сон и что я уже проснулся. Но глаз я не открыл и продолжал шевелиться, как будто во сне. Моя ладонь коснулась пистолета. Я лежал и прислушивался, стараясь определить источник опасности. Я напряг «глаза и уши» внутреннего сознания.

В воздухе я ощущал запах дыма и пепла. Я чувствовал пронизывающую холодную влажность земли, на которой лежал. И то, что рядом есть кто-то или что-то. Вслушавшись, я уловил тихий стук потревоженного камня где-то справа от меня. И снова повисла тишина.

Я коснулся пальцем изгиба дужки спуска и повернул ствол в направлении звука.

И вот, нежно-нежно, слово птичка колибри, которая спускается на медоносный цветок, в голову мою, в это мое сумрачное жилище, проникло какое-то щупальце.

«СПИШЬ, СПИШЬ,— казалось, шептал кто-то,— и пока просыпаться не будешь. Не будешь, пока не разрешу. Ты спишь и слышишь меня. Так и должно быть. Нет причин просыпаться. Спи крепко, глубоко, как я тебе велю. Это очень важно, чтобы ты...»

Я не мешал, потому что уже полностью проснулся. Я подавил реакцию и разогнал дремоту, пока пелась усыпляющая формула.

Минуту спустя, когда я по всем правилам наверняка был по-

гружен в сон, в том же направлении, где и раньше, послышался шум движения.

Тогда я приоткрыл глаза и внимательно всмотрелся в очертания теней.

За одним из валунов, примерно в тридцати футах от меня, появился силуэт, которого не было в момент моего отхода ко сну. Я наблюдал за ним, пока не заметил легкого шевеления. Удостоверившись в его местоположении, я щелкнул предохранителем, очень тщательно прицелился и потянул спуск, прочертив линию по грунту примерно в пяти футах от силуэта. Благодаря углу выстрела в его сторону полетели куски гравия, грязи и песка.

«ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО ВЗДОХНУТЬ
— И Я РАССЕКУ ТЕБЯ ПОПОЛАМ!»

— пригрозил я ему.

Затем я встал, не спуская его с прицела. Когда я заговорил, то заговорил по-пейански, потому что в свете луча успел заметить, что за валуном притаился пейанец.

— Грин Грин,— усмехнулся я.— Такого увальня я среди пейанцев еще не встречал.

— Да, я совершил несколько ошибок,— признался он, не выходя из тени.

Я тихо рассмеялся:

— Мягко сказано.

— Но у меня были на то извиняющие обстоятельства.

— Оправдания... Ты даже не выучил как следует закон скалы. Рано ты поднял на меня руку. Скала кажется неподвижной, но незаметно движется,— я покачал головой.— Бедные твои предки, как могут они покоиться в мире после такого халтурного отмщения, а?

— Я опасаюсь, что приближается мой конец.

— А почему бы и нет! Не станешь же ты отрицать, что выманил меня сюда единственно с целью добиться моей гибели?

— Почему я должен отрицать очевидное?

— Тогда почему бы мне не довести дело до логического конца?

— Но подумай, Фрэнсис Сандау, будет ли это логично? Почему я должен был действовать таким образом, когда мог дождаться твоего появления там, где я находился бы в более выгодном положении?

— Вероятно, я потряс твои чувства вчера вечером.

— Не такой уж я нервный. Нет, я пришел сюда, чтобы получить над тобой контроль.

— И проиграл!

— ... и проиграл.

— Зачем тебе это понадобилось?

— Мне нужен ты.

— Для чего?

— Мы должны как можно быстрее улететь отсюда, ведь в твоем распоряжении имеется средство передвижения.

— Естественно, но чего ты испугался?

— За всю жизнь, Фрэнсис Сандау, ты приобрел несколько друзей и множество врагов.

— Называй меня просто Френк. У меня такое чувство, словно мы давно знакомы, мертвый.

— Тебе не следовало посылать вчера сообщение, Френк. Теперь о твоем присутствии знают, и если ты не поможешь мне бежать, то встретишься с еще более страшным, суровым мстителем, чем я.

Ветер переменил направление, и до меня донесся сладковатый, отдающий плесенью запах, так пахнет кровь пейанцев. Я щелкнул кнопкой фонарика и направил луч на Грин Грина.

— Ты ранен?

— Да.

Я опустил фонарик, отступил боком к рюкзаку и раскрыл его левой рукой. Отыскав пакет первой помощи, я перебросил его пейанцу.

— Сделай перевязку,— произнес я, снова поднимая фонарик.— Они дурно пахнут, твои раны.

Он развернул бинт и повязал его поверх глубокой раны на плече и предплечье. На несколько ран помельче, на груди, он не стал обращать внимания.

— Похоже, тебе пришлось драться.

— Пришлось.

— И как дела противника?

— Я ранил его. Мне повезло, я почти его убил. Но теперь уже слишком поздно.

Я заметил, что у него нет оружия, поэтому уложил пистолет в кобуру и подошел к нему.

— Делгрен из Дилпеи шлет тебе горячий привет,— сообщил я.— По-моему, тебе посчастливилось попасть в его ассенизаторский список.

Он усмехнулся:

— Делгрен был следующим на очереди после тебя.

— Ты по-прежнему не убедил меня. Почему я должен оставить тебя в живых?

— Но я возбудил твое любопытство, что и охраняет пока мою жизнь. Ты даже снабдил меня бинтами.

— Но терпение мое истощается, как песок, просеивающийся сквозь мелкое сито.

— Тогда это ты не овладел законом скалы.

Я закурил сигарету.

— Сейчас пословицы выбираю я, а не ты.

Он завершил перевязку ран.

— Предлагаю сделку.

— Какую?

— У тебя где-то есть спрятанный корабль. Возьми меня с собой и увези с этой планеты.

— А что я получу взамен?

— Жизнь!

— Едва ли ты можешь мне угрожать.

— Я тебе не угрожаю. Я предлагаю свои услуги, чтобы спасти твою жизнь, если ты спасешь мою.

— От чего спасать?

— Ты знаешь, что я возвратил к жизни нескольких людей?

— Да, ты стащил Воспроизводящие Ленты... Кстати, как ты это смог сделать?

— Телепортация. Это мой дар. Я могу переносить небольшие предметы с места на место. Много лет назад, когда я только начинал подготавливать мою месть, я несколько раз посетил Землю, и каждый раз, кстати, кто-то из твоих врагов ли, друзей ли, но умирал. Потом я ждал, пока не накопил достаточных средств, чтобы купить эту планету, которая казалась мне самым подходящим местом. А для мироформиста несложно научиться обращаться с Лентами.

— Друзей, врагов... Ты воспроизвел их тут?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы ты увидел, как снова будут страдать твои близкие и любимые, прежде чем сам умрешь. О Боже, жаль, что это не получилось. А твои враги должны были наслаждаться твоими мучениями.

— А почему ты поступил так нехорошо с человеком по имени Данго?

— Он меня раздражал. Это должен был быть образец и предвестие для тебя. Заодно я избавился от него, доставив ему максимум мучений. Таким образом он служил сразу трем полезным делам.

— Какое же третье?

— Мое удовольствие, конечно.

— Понятно. Но почему здесь, на Иллирии?

— О Боже! Разве это не твоя любимая планета после Вольной, которая недоступна? Разве это не твое любимое детище?

— Это так.

— Чего же лучше искать?

Я выбросил сигарету и загасил ее каблуком.

— Ты оказался сильнее, чем я предполагал,— добавил после паузы Грин Грин.— Ты, Френк, смог его однажды убить, а меня он победил и отобрал у меня нечто, не имеющее цены...

А я вдруг оказался на резной крыше дома, на Вольной, в саду на крыше. Я покуривал сигару, а напротив сидел Льюис Бриггс в образе бритой мартышки, и я пробегал глазами список имен, который он мне вручил. Так что телепатия здесь ни при чем. Просто память и логическое мышление плюс мрачные предчувствия.

— Майк Шендон,— прошептал я.

— Я не знал, что это такое, а иначе я бы его не воспроизвел ни в коем случае.

Я мог бы и пораньше догадаться. Ведь я знал, что он воспроизвел всех, но был занят мыслями о Кати и прочем.

— Ты дурак с куском кости вместо мозга,— выругался я.— Дурак и сукин сын!

В моем родном XX веке искусство или же ремесло, можно судить и так и этак, шпионажа пользовалось куда более лестной известностью среди широких народных масс, чем, скажем, морская пехота США или Американская Медицинская Ассоциация. Как я понимаю, в условиях международной напряженности срабатывал механизм романтического бегства от действительности. Затем он выбился из-под контроля, как и все прочее, если оно оставляет след на эпохе. В длинном ряду популярности героев, начиная с принцев Эпохи Возрождения и кончая бедными трудолюбивыми юношами, которые жили честно, старательно трудились и женились в результате на дочерях своих начальников, люди с капсулами цианистого калия в дупле зуба, с прекрасными любовницами-шпионками и невозможно трудными заданиями, в которых секс и насилие на скорую руку заменяли любовь и смерть, эти люди пришли к славе в семидесятые годы, и в самом деле их вспоминают теперь с ностальгией, подобно Рождеству в средневековой Англии. Конечно, это была абстракция подлинного явления. Но в наши дни шпионы — это еще более тоскливое зрелище, чем в двадцатом веке. Они собирают всякие мелочи для передачи своему начальству, которое вводит их в компьютеры. Таким образом становится известным какой-то второстепенный факт, кто-то пишет малопонятный доклад, доклад помещают в архив и о нем забывают. Как я уже упоминал, по сравнению со стратегической или тактической тайной межзвездная война — исключительное явление, а классический шпионаж имеет дело с военными сведениями. Поэтому в наши дни настоящие, талантливые шпионы работают в промышленной сфере. В двадцатом веке мало кто знал о человеке, доставившим в руки компании «Дженерал моторс» микрофильмы чертежей последнего детища мозгового треста Форда, или о девице, у которой на подкладке лифчика или лобке помещался набросок последней модели Диора. Эти шпионы не удостаивались особого внимания. Но теперь только они и сохранили древние навыки. Межзвездная торговля невозможно напряженна. Все, что может дать вам какое-то преимущество: новый технологический процесс, секретное расписание поставок — приобретает особую важность, сравнимую с Манхэттенским проектом. Если вы желаете знать что-то, что имеется у кого-то другого, то в этом деле хороший шпион без преувеличения стоит своего веса в пенке для курительных трубок.

Майк Шендон был настоящим шпионом, лучшим из всех, какие у меня когда-либо работали. При мысли о нем я не могу сдержать некоторого укола зависти. Он был всем, чем я когда-то хо-

тел стать. Он был примерно на два фута выше меня ростом и фунтов на двадцать пять тяжелее. Глаза у него были цвета только что отполированного красного дерева, а волосы черными, как чернила. Он был чертовски ловок, голос имел до отвращения красивый и одевался всегда безукоризненно. Бывший выходец с планеты фермеров Вава, он обладал дорогостоящими вкусами и неспособностью сидеть на одном месте. В школу он не ходил и обучался самостоятельно, когда проходил перевоспитание после совершения одного антиобщественного поступка. В дни моей молодости было бы сказано так: он проводил все свободные часы в тюремной библиотеке, отбывая срок за крупную кражу. Сейчас так не говорят, но смысл тот же самый. Перевоспитание его было успешным, если судить по тому факту, что во второй раз его поймали не очень скоро. Конечно, у него были блестящие способности. Я был даже удивлен, что его выследили вторично, хотя он любил говорить, что ему это было на роду написано. Он был телепатом и обладал почти фотографической памятью. Он был силен, вынослив, умел пить, и женщины вешались ему на шею. Поэтому, как мне кажется, укол зависти имеет свои основания.

Он работал на меня несколько лет, прежде чем я познакомился с ним лично. Один из моих вербовщиков обнаружил его и направил в «Специальную учебную группу при Объединении Сандау», проще говоря, «шпионскую школу». Год спустя он уже был вторым в своем классе. Он проявил себя, когда дело дошло до производственных исследований, как мы это называем. Его имя продолжало появляться в секретных донесениях, и я решил пригласить его на обед.

Искренность и хорошие манеры — вот и все, что я мог потом вспомнить. Это был прирожденный проходимец.

Телепаты встречаются редко, и полученная телепатическим путем информация не имеет цены в суде, и все же дар этот явно чего-то стоил. Но чего бы он ни стоил, работать с ним было не так-то легко. Сколько бы он ни зарабатывал, он всегда тратил больше.

Лишь годы спустя после его смерти я узнал о размерах его деятельности по шантажу. Но попался он, конечно, при работе «на сторону».

Мы знали, что в системе секретности Объединения имеется серьезная течь. Но мы не знали, где и как утекают сведения, и потребовалось пять лет, чтобы выяснить причину. К этому времени Объединение Сандау порядочно лихорадило.

Но мы его прищпилили. Это было трудное дело, и нам пришлось нанять еще четырех телепатов. Мы загнали его в угол и отдали под суд. Он был осужден, приговорен и отправлен на очередное перевоспитание. Мне пришлось взять три контракта на мироформирование, чтобы поддержать наше ОС. Мы пережили немалые трудности, но все обошлось благополучно.

В неприятности входил также побег Шендона из заключения.

Это произошло несколько лет спустя, но весть разнеслась быстро. Суд проявил к нему излишнюю снисходительность.

Таким образом, имя его было занесено в список лиц, разыскиваемых полицией. Но ведь Вселенная велика...

Это произошло на побережье Кусбей, в Орегоне, где я выбрал себе местечко для отдыха, на Земле, у моря. Два или три месяца представлялись вполне подходящим сроком, пока я наблюдал за нашим объединением с несколькими североамериканскими компаниями.

Жизнь рядом с морем — целительное время для утомленной психики. Морские запахи, чайки, песок, то прохлада, то жара, то сухость, то влажность, вкус морской соли на языке и постоянное присутствие сине-серо-зеленого испещренного барашками пены беспокойного водного пространства производят омывающий эффект на эмоции, проясняют взгляд на мир и очищают сознание. Я прогуливался вдоль берега каждый день до завтрака и каждый вечер после ужина. Звали меня Карлос Палермо, если это кого-то интересовало. После шести недель я начал чувствовать себя чистым и здоровым снаружи и внутри, и к тому же после объединений с местными компаниями моя финансовая империя снова пришла в состояние равновесия.

Мой дом — белое каменное строение с красной черепичной крышей и закрытым задним двориком — находился на берегу небольшой бухты. В стене со стороны моря имелась черная железная решетка-калитка, а сразу за ней располагался пляж. С юга пляж ограничивал высокий откос серой глины, с севера берег заключали непролазные кусты и древесная поросль. Здесь все дышало миром, и я ощущал мир в себе.

Ночь была прохладной, можно даже сказать зябкой. Большая, в три четверти, луна, не спеша, опускалась на западе, разбрасывая блики на волнах. Звезды казались соцветиями ярких растений. В дали вздыхающего морского полотна собравшиеся вместе восемь плавучих буровых платформ время от времени загораживали звезды. Временами на металле плавучего острова отсвечивали лунные лучи.

Я не слышал, как он подобрался. Очевидно, он прокрался сквозь заросли на севере, подождал, когда я подойду насколько возможно ближе, приблизился насколько мог и напал, когда я ощутил его присутствие.

Одному телепату скрыть свое присутствие от другого легче, чем это может показаться. Одновременно он имеет возможность следить за действиями второго. Это достигается с помощью «блокирования» — когда воображается экран вокруг себя и эмоционально человек старается оставаться, насколько удается, нейтральным.

Признаю, что это довольно трудно сделать, если вы до смерти ненавидите человека и подкрадываетесь к нему с целью прикончить его. И это, вероятно, спасло мне жизнь.

Не могу сказать, что я действительно почувствовал чье-то зло-

вещее присутствие за спиной. Просто получилось, что, прогуливаясь вдоль линии прибоя и вдыхая ночной воздух, я вдруг был охвачен тягостным чувством. Подобные безымянные мысли порой будят человека посреди тихой теплой ночи, когда вы вдруг просыпаетесь без определенной причины, некоторое время лежите, раздумывая, что за дьявол вас разбудил, потом вдруг слышите непонятный звук в соседней комнате, усиленный тишиной, наэлектризованный неожиданной тревогой и сжимающим все внутри напряжением, такие вот мысли вдруг промчались у меня в голове, я почувствовал мурашки в пальцах рук и ног — старый антропоидный рефлекс,— и ночь показалась мне еще темней, и в море вдруг объявились невиданные чудовища, и щупальца их, скрытые волнами, уже тянулись ко мне.

Светящаяся полоска над головой означала пролетавший стратосферный транспорт, который в любую секунду мог выйти из строя и метеором низринуться мне на голову.

Словом, когда я услышал позади хруст песка, адреналин был уже на своем месте в крови.

Я быстро обернулся, одновременно пригибаясь. Правая нога моя поскользнулась, и я упал на одно колено.

Удар в голову бросил меня на правый бок. Тут он на меня кинулся, и мы сцепились на песке, стараясь каждый занять ключевую позицию. Кричать было бесполезным расходом сил, потому что поблизости никого не было. Я попытался запорошить ему глаза песком. Я попытался ударить его коленом в пах и еще в дюжину чувствительных мест. Но он был отлично натренирован, весил больше, и реакция у него была мгновенной.

Как это ни странно, но минут пять мы дрались молча, прежде чем я узнал его. Мы дрались уже на мокром песке, под ногами была вода, и он уже сломал мне нос прямым ударом головы и вывернул два пальца, когда я попытался сжать его горло. На его мокрое лицо упал лунный свет, и я увидел, что это Шендон, и понял, что мне придется убить его, чтобы остановить. Оглушить — этого будет мало. Тюрьмы или больницы лишь отодвинут новую встречу с ним на будущее. Он должен был умереть, чтобы я мог спокойно жить. Как мне кажется, и он рассуждал подобным образом.

Секунду спустя в спину мне воткнулось что-то твердое и острое, и я дернулся в сторону. Если этот человек решил убить меня, то не имеет значения, каким способом я с ним покончу. Главное — успеть первым.

Вокруг плескались волны прибоя. Он прижал мою голову, чтобы опустить ее под воду, но я нащупал рукой камень.

Первый удар скользнул по предплечью, которое он поднял для защиты. У телепатов иногда бывает преимущество в драке, потому что они знают, что через долю секунды собирается предпринять противник. Но страшная штука — знать и не иметь возможности предотвратить удар. Со второго раза я раздробил ему левую глазницу, и он, очевидно, понял, что ему пришла смерть, потому что завыл как собака. Через мгновение я опустил камень на

его висок и на всякий случай ударил его еще два раза. Потом оттолкнул в сторону и откатился. Камень выскользнул из моих пальцев и упал рядом, в воду.

Я долго лежал там, смотрел на звезды, пока волны прилива окатывали меня и лениво покачивали тело смертельного врага в нескольких футах от меня.

Когда я собрался с силами, я обыскал его и среди прочего обнаружил пистолет. Он был заряжен и отлично функционировал.

Другими словами, он хотел прикончить меня голыми руками. Он предположил, что у него хватит для этого сил, и был готов рискнуть получить рану, лишь бы убить меня именно так. Он мог спокойно пригвоздить меня из-за кустов, но мне повезло, что он послушался голоса своей ненависти. Это мог бы быть самый опасный человек, с каким я только сталкивался, но он иногда забывал подумать головой. И за это я его уважал, потому что на его месте поступил бы наоборот, пошел бы путем полегче. Даже если причины любого насилия, в которое я ввязываюсь, и лежат в кругу эмоций, я никогда не позволял чувствам диктовать мне средства.

Я заявил о нападении в полицию, и Шендон остался лежать мертвым там, на Земле. Где-то в Далласе он превратился в кусочек Ленты, и все, чем он был и надеялся быть, весило теперь меньше унции. А через тридцать дней и эта Лента должна была исчезнуть.

Несколько дней спустя, накануне моего отлета, я стоял на том самом месте, на одном берегу Большого Озера, а по другую его сторону располагался Токийский залив, и я знал, что если вы уже отправились в его воды, то назад вам дороги нет. Отражения звезд мерцали и двоились, как сквозь поле деформационного генератора, и хотя я знать этого не знал, но где-то уже посмеивался некто с зеленой кожей. Он вышел на рыбалку в Залив.

— Ты дурак и сукин сын! — повторил я.

Глава 6

Необходимость начинать все сначала раздражала меня. Но кроме раздражения я испытывал и определенный страх. Шендон один раз промахнулся, поддавшись чувствам. Едва ли он дважды допустит одну и ту же ошибку. Это был опасный человек, а теперь он явно обзавелся еще чем-то, от чего стал еще более опасным. Кроме того, он знал о моем присутствии на Иллирии из посланного мною Грин Грину сообщения накануне вечером.

— Ты поставил на мою задачу, — заявил я. — Поэтому ты мне и поможешь ее разрешить.

— Не понимаю, — произнес Грин Грин.

— Ты поставил на меня ловушку, теперь у нее выросли новые зубцы, — объяснил я. — Но приманка осталась на месте, как и раньше, и я пойду на все, и ты пойдешь со мной.

Он засмеялся.

— Прошу прощения, но мудрость обволакивает мой мозг и подсказывает, что мой путь лежит в противоположном направлении. По доброй воле я назад не пойду, а пользы от меня как от пленника не будет. Практически, я стану лишь ненужным балластом.

— Передо мной только три возможности,— проронил я.— Я могу прикончить тебя на месте, могу позволить тебе уйти на все четыре стороны, могу позволить идти со мной. Первую возможность мы пока оставим в стороне, потому что мертвый ты для меня не представляешь никакой пользы. Если ты отправишься своей дорогой, то я продолжу свой путь. Добившись того, чего хочу, если мне это удастся, я вернусь на Мегапею. Там я всем расскажу, как провалился твой многовековой план мести назойливому землянину. Я расскажу, как ты отказался от своего плана и бежал, потому что тебя до безумия напугал другой человек, тоже землянин. И если после этого ты вдруг надумаешь жениться, то подыскивать пару тебе придется на другой планете, да и там среди пейанцев разнесется слух. И никто не будет называть тебя «Дра», несмотря на твое состояние. Мегапея откажется принять твои кости, когда ты сдохнешь. Ты никогда больше не услышишь звона приливного колокола, зная, что он звонит по тебе.

— Да будут слепые твари на морском дне, чьи брюхи как круги света, вспоминать удивительный вкус твоих потрохов,— сказал он.

Я выдул колечко дыма.

— И если я отправлюсь дальше один и меня убьют, то неужели ты думаешь, что тебе удастся убежать? Если ты сражался с Майком Шендоном, то неужели ты не заглянул в его мысли? Ведь ты, кажется, упомянул, что ранил его? И ты полагаешь, что этот человек простит тебе это? Он не настолько тонок, как пейанцы. Он не станет тратить время на изысканные ритуалы. Он просто начнет искать тебя, а когда найдет, то прирежет, как свинью. Поэтому, выиграю ли я или проиграю, конец у тебя один — бесчестие и смерть.

— А если я решу идти с тобой и помогать тебе, что тогда?— поинтересовался он.

— Я забуду о мести, которую ты намеревался свершить. Я докажу тебе, что «пайбадра» не имела здесь места, то есть отсутствовал состав оскорбления, и ты сможешь отменить месть с честью. Я не стану требовать возмещения убытков, и каждый из нас отправится своим путем, каждый будет свободен от обязанностей пред другим.

— Нет,— возразил он.— Пайбадра была — это твое избрание в Имя-носящие. Я не принимаю твоего предложения.

Я лишь пожал плечами:

— Ладно. Тогда что ты скажешь вот на это. Поскольку твои чувства и намерения мне известны, то для нас обоих бесполезно строить мост по классическим канонам. Тот самый решающий

момент, когда враг осознает и инструмент, и движущего его, и пайбадру и понимает, что вся его жизнь была лишь предисловием к этому моменту большой иронии, весь этот миг будет почти, если не полностью, разрушен.

— Тогда я могу предложить тебе удовлетворение вместо прощения,— продолжал я.— Помоги мне, а потом я предоставлю тебе честную возможность свести со мной счеты, когда все останется позади. Что ты на это скажешь?

— Какие средства ты думаешь избрать?

— Пока не знаю. Подойдет все, на что ты согласишься.

— Какие гарантии ты даешь?

— Я клянусь Именем, которое ношу.

Он отвернулся и некоторое время молча размышлял, после чего произнес:

— Согласен. Я пойду с тобой и буду помогать.

— Тогда вернемся в лагерь и расположимся поудобнее. Ты должен побольше рассказать мне о некоторых вещах, которые ты лишь слегка затронул.

Я повернулся к нему спиной и направился в лагерь. Там я расстелил пленку, чтобы мы могли поместиться на ней вдвоем, и подбросил дров в костер.

Прежде чем мы оба уселись, земля вздрогнула.

— Это ты наделал?— я показал рукой на северо-запад.

— Частично.

— Зачем? Пытался меня напугать?

— Нет, не тебя.

— Шендон тоже не испугался.

— Наоборот.

— Может быть, ты расскажешь мне поподробней, что случилось?

— Во-первых, относительно нашего соглашения. У меня только что возникло встречное предложение... его тебе будет интересно выслушать, надеюсь.

— Какое?

— Ты направляешься туда, чтобы спасти своих друзей,— он показал рукой, куда я иду.— Предположим, имеется возможность совершить это без риска? Предположим, что Майк Шендон будет сейчас нами обойден? Не лучше ли все сделать именно так? Или ты жаждешь его крови немедленно?

Я сидел и обдумывал его предложение. Если я оставлял Майка в живых, то рано или поздно он снова до меня доберется. С другой стороны, если я получу сейчас то, что нужно, и не буду при этом стоять у него на пути, то потом я найду тысячу безопасных способов вывести его из игры. К тому же я прибыл на Иллирию готовый стрелять или предпринимать другие действия по отношению к врагу. Я был готов встретиться лицом к лицу со смертельным врагом. Какая разница, если переменятся лица и декорации? И все же...

— Я внимательно слушаю твое предложение.

— Те люди, которых ты ищешь, находятся здесь потому, что я воспроизвел их. Ты знаешь, как я это сделал. Я использовал Ленты. Ленты до сих пор у меня, в сохранности, и лишь я знаю, как их найти. Я рассказал уже, как они ко мне попали. То же самое я могу сделать и сейчас. Я могу переправить Ленты сюда немедленно, если ты попросишь. Затем мы можем покинуть это место, и ты вновь восстановишь этих людей, по своему желанию. Когда мы взлетим, я укажу тебе место, куда надо стрелять или бросить бомбу, и мы уничтожим Майка Шендона, не подвергая себя опасности. Разве это не более простой и безопасный способ? Наши разногласия мы обсудим потом, как и было договорено.

— В твоем предложении две большие дыры. Для Рут Ларри Ленты не будет, это раз. Мне придется покинуть остальных, это два. То, что я смогу снова воспроизвести их потом, не имеет значения, если я должен оставить их позади сейчас.

— Аналоги, которые ты воспроизведешь, помнить об этом не будут.

— Это не существенно. Они есть уже сейчас. Они также реальны, как ты и я. И не важно, что их можно продублировать... Они на Острове Мертвых, правильно?

— Да.

— Выходит, если я должен буду разрушить его, чтобы погубить Шендона, я погублю и остальных?

— Это неизбежно.

— Я отклоняю твое предложение.

— Это твое право.

— Будут какие-либо иные предложения?

— Нет.

— Теперь, когда мы можем вернуться к первоначальному предмету нашей беседы, расскажи мне, что произошло между тобой и Шендоном.

— Теперь у него есть Имя.

— Что?!

— За ним стоит тень Белиона.

— Этого не может быть. Так не бывает. Он не мироформист...

— Потерпи минутку, Френк, я понимаю, что здесь необходимо разъяснение. Вероятно, некоторые вещи Дра Марлинг тебе не сообщил. Он был из ревизионистов, так что это понятно. Ты знаешь, что Имя-носящий должен иметь не только Имя, чтобы формировать миры...

— Но это необходимо. Это неотъемлемый психологический прием, который позволяет высвободить подсознательный потенциал, необходимый на определенных ступенях работы. Чтобы творить миры, человек должен ощущать себя Богом.

— Тогда почему я не могу?

— Я никогда о тебе не слышал, пока ты не стал моим врагом. Я не видел образцов твоей работы, кроме тех, что у меня перед глазами, сработанные поверх моих творений. Если это образец,

то заявляю, что работать ты не можешь. Паршивый из тебя вышел мастер.

— Считай, как тебе угодно. Тем не менее я с очевидностью в состоянии манипулировать необходимыми процессами.

— Это может выучить любой. Мы разговариваем о творческой работе, следов которой я тут не примечаю.

— Я говорил о пантеоне Странти. Он существовал еще до появления мироформистов, как ты знаешь.

— Ну и что из этого?

— Ревизионисты, такие, как Дра Марлинг и его предшественники, использовали старую религию для своей работы. Они видели ее символы не как таковые, а как средство психологической настройки. Твое утверждение как Шимбо Громотворца было лишь средством закрепить в подсознании особый способ организации. Для фундаменталиста это святотатство.

— А ты фундаменталист?

— Да.

— Тогда зачем ты сам пошел учиться делу, которое считаешь грязным? Ответь!

— Чтобы получить Имя.

— Кажется, я что-то не понял.

— Мне нужно было Имя, а не профессия. Я руководствовался религиозными, а не экономическими соображениями.

— Но это лишь психологическое средство...

— В том-то и дело! Это не просто средство. Это подлинная церемония и влечет за собой подлинный результат — контакт с божеством. Это обряд посвящения для высших жрецов странти.

— Тогда почему бы тебе было не принять святой сан, вместо того чтобы изучать инженерию планет?

— Потому что произвести обряд может только Имя-носящий, я двадцать семь живых имен — все были ревизионистами. Они не санкционировали бы обряда по известной причине.

— Двадцать шесть,— уточнил я.

— Двадцать шесть?

— Дра Марлинг покоится в недрах горы, и Лоримель Многорукий пребывает в счастливом ничто.

Он склонил голову и помолчал.

— Еще на одного меньше. Я помню время, когда их было сорок три.

— Печально.

— Да.

— Зачем же тебе понадобилось Имя?

— Чтобы стать священником, но не мироформистом. Но ревизионисты не потерпели бы такого среди своих. Они позволили мне завершить учение и затем отвергли меня. Потом, чтобы больше оскорбить и унизить меня, следующим посвященным стал инопланетянин.

— Понимаю. Поэтому ты предназначил меня для отмщения?

— Да.

— Но это едва ли моя вина. Практически всю эту историю я слышу впервые. Я всегда считал, что присвоение Имени лишь формальный обряд.

— Теперь ты станешь знать больше. Ты должен понять, что к тебе лично я зла не питаю. Я ударяю через тебя по тем, кто святотатствует. Ясно?

— Зачем же ты занялся мироформированием, если, по-твоему, это аморальное занятие?

— Мироформирование само по себе ничего дурного не представляет. Я протестую только против использования истинной религии в данных целях. В ортодоксальном смысле слова Имени я не ношу, и работа эта хорошо оплачивается. Так отчего же мне не заниматься ею?

— Не вижу причин отказываться, если кто-то действительно вздумает дать тебе заказ. Но какое тогда ты имеешь отношение к Белиону, а Белион к Майку Шендону?

— Грех и наказание — таковы наши отношения, как мне кажется. Я самостоятельно произвел обряд присвоения Имени в храме в Прилбеи. Ты знаешь, как это делается — приносится жертва, произносится формула, и ты начинаешь продвигаться вдоль внешней стены храма, почтительно приветствуя каждое божество, а потом загорается одна из пластин с изображением, и в тебя входит Сила. И это будет твоим Именем.

— Ну и?

— У меня загорелось изображение Белиона.

— Значит, ты утвердил себя?

— Скорее, это он утвердил меня своим Именем. Я не желал именно его, потому что он разрушающий бог, а не созидающий. Я надеялся, что ко мне придет Кирвар Четырехлицый Отец всех Цветов.

— Каждому по делам его.

— Верно, это была самая первая и самая главная моя ошибка. Белион начал управлять мною, даже если я его не призывал. Не знаю, но, быть может, он даже руководил мною в подготовке мести для тебя, потому что ты носишь Имя его исконного врага. Да, даже сейчас я чувствую, как происходит перемена в моих мыслях. С тех пор как он меня оставил, все пошло не совсем так, как раньше...

— Как он мог тебя оставить? Союз заключается на всю жизнь!

— Но характер моего утверждения мог не обязывать к этому. Теперь его со мной нет.

— Значит, Шендон...

— Да. Он один из редких представителей среди вас, землян, таких, как ты, которые могут разговаривать без слов.

— Я не всегда это умел. Дар развивался во мне медленно, пока я учился у Марлинга.

— Когда я возвратил его к жизни, то в его сознании я тут же обнаружил гнев по поводу того, что он погиб от твоей руки. Но потом он быстро погасил гнев и начал разбираться в обстановке.

Его умственные процессы заинтересовали меня, и я стал выделять его среди остальных, начал давать ему поручения. Я часто с ним разговаривал и многому его научил. Он помогал мне подготовиться к твоему прибытию.

— Давно он здесь?

— Примерно один спланф,— сообщил Грин Грин (один спланф — это где-то восемь с половиной земных месяцев).— Я воспроизвел их всех примерно в одно время.

— Зачем ты похитил Рут Ларри?

— Я подумал, что ты можешь и не поверить в воскресение мертвых. После того, как я начал посылать снимки, ты не начал широкого расследования. Да, как приятно было бы заставить тебя искать подольше, чтобы ты, наконец, обнаружил, что все они именно здесь. Поскольку ты не реагировал, я решил подать более прозрачный намек. Я позволил себе похитить одного из тех людей, которые что-то для тебя значили. Если бы ты опять не прореагировал, даже после моего послания, я бы похитил еще одного, и еще, пока ты не надумал бы начать свой розыск.

— Выходит, Шендон стал твоим любимцем. И ты ему доверял.

— Если так можно сказать. Он был очень старательным и способным учеником. Он умен и обладает приятными манерами, с ним было интересно проводить свободное время.

— До последних дней.

— Да. Как я сожалею, что неправильно оценил его старательность и желание помогать. Естественно, он разделял мое желание отомстить тебе. Так же, как и остальные твои враги, но они были глупее, и среди них не было телепатов. Я наслаждался возможностью непосредственного общения хоть с кем-нибудь.

— Что за кошка пробежала между такими милыми друзьями?

— Это случилось вчера, и я сперва подумал, что это из-за желания отомстить. Но это означало уже Силу. Он оказался хитрее, чем я мог предположить. Он провел меня, как мальчишку.

— Каким образом?

— Он заявил, что желает не просто мертвого Сандау. Он хочет отомстить тебе лично и убить своими руками. Мы начали спорить. В конце концов, он отказался подчиниться моим приказам, и я пригрозил ему суровым наказанием.

С минуту Грин Грин молчал, после чего продолжил:

— Тогда он меня ударил. Он напал на меня без оружия, с голыми руками. Пока я защищался, во мне рос гнев, и я решил, что он умрет мучительной смертью. Я воззвал к Имени, которое носил, и Белион услышал и пришел ко мне. Я достиг энерговвода и, стоя в тени Белиона, заставил землю дрожать, вызвал пламя и дым, заключенные в сердце мира. И таким образом он на мгновение заколебался, ища опоры на краю бездны. Я сильно обжег его, но он сумел удержаться и не упал. Он достиг своей цели: вынудил меня вызвать Белиона.

— Зачем это ему понадобилось?

— Он знал историю моего посвящения. Я рассказал ее ему также, как и тебе. Он знал, как я получил Имя, и относительно его он составил план, который удачно скрыл от меня. Даже узнай я об этом плане, я бы только посмеялся. Не более. И даже когда я понял, что он пытается сделать, я лишь захохотал, поскольку был уверен, что ему ничего не удастся. Но я ошибался. Он сумел заключить договор с Белионом.

— Он вызвал во мне гнев и подверг мою жизнь опасности, зная, что я вызову Белиона, если у меня будет достаточно времени. И когда я встал в тени Белиона, он напряг свою мысль и волю и заключил контракт. Итак, он начал игру за власть — не на жизнь, а на смерть. Он сказал: «Взгляни на сосуд, то есть на меня. Разве я не более превосходное вместилище силы и разума, чем то, которое ты избрал когда-то. СМОТРИ на меня. Сложи все силы моего ума и тела. Сделав это, ты, быть может, оставишь пейанца и перейдешь ко мне, чтобы мы шагали вместе до конца моей жизни. Я призываю ТЕБЯ. Я способен лучше всех живущих людей служить тебе и твоим целям — огню и разрушению. Этот, что стоит передо мной,— он слаб, он рад был бы заключить союз с Отцом Цветов, если бы у него был выбор. Приди ко мне, и мы оба выиграем от этого союза».

Здесь Грин Грин сделал паузу.

— И что же дальше?

— Неожиданно я остался один.

Где-то каркнула птица. Ночь заготовила в своих кладовых запасы влаги и принялась обильно покрывать ею мир. Скоро на востоке разгорится горизонт. Я смотрел на огонь и ничего не видел.

— Да, похоже, теории автономного комплекса придется собирать собственные кости,— вымолвил я.— Но мне приходилось слышать об обмене психозами между телепатами. Это было что-то в таком роде.

— Нет. Белион и я были связаны обрядом. Но он нашел более подходящего носителя и покинул меня.

— Но я не уверен, что он существует, как таковой.

— Ты... Имя-носящий... ты не веришь? Я начинаю разочаровываться в тебе.

— А пайбадры? Подумай, до чего тебя довела предыдущая? Я сказал только, что не убежден. Я не знаю... Что произошло после того, как Шендон заключил союз с Белионом?

Он медленно отвернулся от трещины, раскрытой между нами, и повернулся ко мне спиной, будто я вовсе не существовал. Я коснулся его мыслью и почувствовал Белиона. Шендон поднял руки, и весь остров задрожал. Тогда я бросился бежать. У причала я сел в лодку и поплыл к берегу озера. Вскоре вокруг меня начала кипеть вода. Затем началось извержение. Я добрался до берега, и когда взглянул назад, там уже показался над водой конус вулкана. Я еще мог различить на берегу острова фигуру Шендона. Руки его были подняты, в воздухе вокруг вились искры и дым. И я отправился искать тебя. Немного позже я получил твое послание.

— А до этого он мог пользоваться энерговводами?

— Нет. Он даже не ощущал их присутствия.

— А что с остальными?

— Они все остались на острове. Некоторые из них в наркотическом трансе, чтобы не волновались.

— Понятно.

— Вероятно, теперь-то ты изменишь планы и сделаешь, как предлагал я?

— Нет.

Мы сидели у костра. Через пятнадцать минут на востоке показался свет зари. Начал подниматься туман, небо по-прежнему было затянуто тучами. В лучах солнца тучи запылали огнем. Поднялся прохладный ветер. Я все раздумывал о моем бывшем шпионе, который сейчас играет с вулканами и заключает союз с Белионом. Да, ударить необходимо было именно сейчас, пока он еще опьянен новым могуществом. Если бы можно было выманить его с острова в неиспорченную Грин Грином область Иллирии. Там все живое стало бы моим союзником. Но он на эту удочку не попадется. И еще я бы хотел отделить его от всех остальных, но не мог придумать способа, как это сделать.

— Сколько у тебя ушло времени, чтобы загадить эту местность?

— Этот район я начал изменять лет тридцать назад,— произнес он.

Я покачал головой, встал и забросал костер комьями земли, пока он не погас.

— Пошли. Нам лучше поспешить.

Как считали древние скандинавы, на заре времен в центре всего пространства существовал Гинцунга-гап в окружении вечных сумерек. Северный его край был закован во льды, а южный пылал в огне. В течение веков эти силы сражались, и в результате потекли реки, а в бездне замерцали первые проблески жизни. Согласно цеумерианскому мифу, Еп-ки сражался с Тиматом, морским драконом, и таким образом земля была отделена от суши. Сам Еп-ки был чем-то вроде огня. Ацтеки были уверены, что первые люди были сделаны из камня и что огненные небеса предзнаменуют новую эру. А о том, как миру наступит конец, существует множество историй: о Судном Дне, а также о Геттердаймерунге и расщеплении атомов. Я лично не раз видел, как рождаются и гибнут миры и люди и на самом деле, и в переносном смысле. И всегда одно и то же. Всегда огонь и вода.

Пусть вы и ученый, но в душе вы остаетесь алхимиком. Вы живете в мире жидкостей, твердых веществ, газов и тепловых эффектов, которыми сопровождаются переходы из одного состояния в другое. Эти процессы вы видите, ощущаете. Все, что вы знаете об их подлинной природе, остается в уме. Поэтому когда речь идет о повседневной жизни, о приготовлении чашки кофе или о полете змея в потоках времени и ветра, то вы имеете дело с че-

тырьмя основами древних философий: землей, огнем, водой и воздухом.

Скажем прямо, воздух вызывает ощущение чего-то легковесного, с какой стороны ни подходи. Конечно, без него не проживешь, но его не видно глазом, и пока он ведет себя тихо, то его принимаешь как данность и почти не обращаешь на него внимания. Земля? Тут все дело в том, что она очень долгопрочная. Все твердые вещества тяготеют к монотонной неизменчивости.

Но вода и огонь — совсем не то. Они не имеют формы, они многоцветные, и они постоянно в движении. Предрекая наказание, пророки редко грозят землетрясением или ураганами. Нет! За многочисленные прегрешения вам грозят пламенем и потопом. Первобытные люди встали на верный путь, когда научились управляться с первым и не забывали иметь под рукой немного второго, чтобы вовремя погасить костер. Разве не случайно мы заполняем преисподнюю огнем, а океаны чудовищами? Не случайно, я думаю. Огонь и вода — они оба подвижны, а это в первую очередь ассоциируется с жизнью. Оба они загадочны и умеют ранить или убивать. Не удивительно, что и другие разумные существа во Вселенной относились к ним подобным образом. Это все алхимический подход.

И в наших отношениях с Кати было что-то подобное. Что-то грозное, подвижное, загадочное, полное сил рождения и способное ранить или убить. Она два года работала моим секретарем до того, как мы познакомились и поженились. Невысокая, темноволосая девушка, которая любила яркие платья, а также кормить крошками птиц. У нее были маленькие красивые руки. Я нанял ее через агентство на Маале. Во времена моей молодости люди были довольны, если брали на работу сообразительную девушку, умевшую печатать, стенографировать и вести переписку. Но в наши более сложные и напряженные дни я взял ее на работу по совету моего агентства, поскольку она имела степень доктора по теории и практике секретарской деятельности Маальского института. Боже! Первый год все шло вверх тормашками. Она перепутала весь мой личный архив, и переписка шла с опозданием на полгода. Потом я, за солидную цену, заказал машинку образца XX века, научил ее стенографии, и она превратилась в прекрасную прилежную выпускницу колледжа со специализацией по ведению дел. Дела вернулись в свое нормальное русло, и я думаю, что мы были единственными людьми, которые могли разобрать каракули Грегга, что имело свою ценность для секретности и рождало что-то общее между нами. Но она была ярким маленьким языком пламени, а я — мокрым одеялом, и в течение первого года я частенько доводил ее до слез. Потом я уже не мог без нее работать и понял, что дело не только в том, что она хорошая секретарша. Мы поженились и счастливо прожили шесть лет, шесть с половиной. Фактически. Она погибла в пожаре при катастрофе в космопорте Майами, когда ехала встречать меня. У нас было два сына, один еще

жив. И с тех пор огонь преследовал меня, так или иначе, все годы. Вода всегда была моим другом.

Хотя я чувствую больше расположения к воде, чем к огню, все мои миры рождены как первым, так и вторым. Кокитус, Новая Индиана, Святой Мартин, Бунинград, Мерсия, Иллирия и остальные — все они появились на свет в процессе расплавления, охлаждения, испарения и омовения. Вот я шел сквозь леса Иллирии — мир, который был задуман как парк, курорт — вся Иллирия, которую купил враг, идущий рядом со мной. Исчезли люди, которым предназначался этот мир: отдыхающие, туристы — все те, кто верил еще в деревья и гладь озер, и в горы с их тропами. Они исчезли отсюда, и деревья, среди которых я шел, были согнуты, стволы их скручены узлами, озеро, к которому мы направлялись, было замутнено. Земля эта стонала от ран и огня, кровь ее вытекала из горы, поднимающейся перед нами. Огонь, как всегда, поджидал меня. Над головой висели низкие тучи, из их серой белизны сыпался посланный огнем пепел, бесконечный поток приглашений на погребение. Иллирия понравилась бы Кати, если бы она увидела ее в другое время и в другом месте. Одна мысль о ее присутствии здесь и сейчас, когда карнавалом управлял Шендон, вызывала у меня тошноту. Продвигаясь все дальше вперед, я тихонько слал проклятия. Вот и все, что я думаю об алхимии.

Мы брели примерно с час, и Грин Грин начал жаловаться, что у него болит плечо и что он вообще устал. Я сказал, что горячо сочувствую ему, но только пока пусть он продолжает свой путь. Этого ему, наверное, хватило, потому что он сразу затих. Еще через час я позволил ему передохнуть, а сам залез на дерево и разведал, что лежит впереди. Мы приближались к цели, и скоро местность должна была перейти в главный склон холма. Вся дальнейшая дорога будет идти по спуску. День посветлел, насколько это позволяли тучи, и туман почти полностью исчез. Стало гораздо теплее. Пока я карабкался по дереву, по мне текли струйки пота, а на каждой ветке я поднимал облако пепла и пыли. Несколько раз я чихнул, глаза у меня запорошились и заслезились.

Над верхушками дальних деревьев я уже видел верхнюю часть острова. Слева от него и немного сзади я видел дымящийся конус свежевыросшего вулкана. Я с чувством выругался и спустился вниз.

До берега Ахерона мы добрались через два часа.

В маслянистой воде моего озера отражались языки пламени, и ничего больше. Лава и раскаленные камни жутко шипели, попадая в воду. Глядя на останки своего творения, я чувствовал себя грязным, потным и липким. Маленькие ленивые мысли соответствовали маленьким ленивым волнам, которые выбрасывали на берег полосы пены и пемзовые осколки. По всему озеру целые плавучие острова подобной грязи медленно плыли в направлении берега. На мелководье белела брюхом мертвая рыба, и в воздухе

пахло тухлыми яйцами. Я сел на камень и закурил сигарету, рассматривая пейзаж.

В миле от берега, посреди озера, находился мой Остров Мертвых. Он не изменился — все такой же мрачный и неподвижный, словно тень без хозяина. Я наклонился и кончиками пальцев попробовал воду. Она была довольно горячей. За островом к востоку виднелся свет. Там как будто светился конус еще одного вулкана, но поменьше.

— Я выбрался на берег в четверти мили к западу отсюда,— сообщил Грин Грин.

Я кивнул и продолжал смотреть. Было еще рано, и я решил позволить себе передышку, чтобы рассчитать свои шансы. Под южной стороной острова — той, которая была обращена к нам, лежала узкая полоска песчаного пляжа. Тут же была небольшая бухта в двести футов в поперечнике. От бухты вверх шла естественного вида извилистая тропинка, выводившая к высоким острым пикам верхушки.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — обратился я к Грин Грину.

— Примерно в двух третях от подножия, в домике-шале. Там у меня была лаборатория. Я расширил многие пещеры в стене за ним.

Сам собой напрашивался при этом единственный путь — брать остров с лицевой стороны, потому что все остальные не имели побережья у подножья и отвесно поднимались прямо из воды.

Единственный, но не совсем.

Я сомневался, что Грин Грин, Шендон или еще кто-нибудь знал, что и по северной стене можно было взобраться вверх. На вид она была неприступной — так я ее и задумал,— но на самом деле все было не так уж и плохо. Я всегда любил устраивать запасной выход наравне с парадным подъездом. Если мы пойдем этим путем, то придется взбираться на самый верх и с тыла спускаться к шале.

Я решил, что так и сделаю. И еще я решил, что буду держать при себе этот план до последней минуты. В конце концов, Грин Грин был телепатом, и вся история, которую он мне выложил, вполне могла быть кучей навоза. Я-то это хорошо понимал. Шендон и он вполне могли играть на одной стороне, и даже никакого Шендона могло и не быть. Я не верил Грин Грину ни на ломаный цент, хотя уже не имелось в природе центов, да еще ломаных.

— Двинули,— буркнул я, поднимаясь и бросая сигарету в мой бывший Ахерон, ныне сточную канаву.— Покажи, где ты оставил лодку.

Мы двинулись по берегу влево, к тому месту, где, как он помнил, была им вытащена на берег лодка. Только на месте ее не оказалось.

— Ты уверен, что это то самое место?

— Конечно.

— А где же лодка?

— Очевидно, один из толчков сбросил ее обратно в озеро, и она уплыла.

— Ты смог бы доплыть до острова с раненым плечом?

— Я пейанец,— ответил он с таким видом, словно спокойно мог бы переплыть Ла-Манш с обеими ранеными плечами, а потом развернуться и переплыть его в обратную сторону без отдыха. Я его специально спрашивал, чтобы поддеть.

— ... но плыть до острова нельзя,— добавил он.

— Почему?

— Там горячие потоки от вулкана. И чем ближе к острову, тем горячее.

— Тогда будем строить плот. Я буду срезать пистолетом деревья, а ты пока найдешь что-нибудь подходящее, чтобы связывать бревна.

— Например? — поинтересовался он.

— Ты лично довел местные леса до такого безобразия, так что тебе лучше знать. Я заметил по пути еще крепкие лианы.

— Они несколько шероховатые. Мне понадобится нож.

Я на секунду заколебался.

— Ладно. Держи!

— Вода может покрыть плот. Будет горячо.

— Тогда воду придется охладить.

— Как?

— Скоро пойдет дождь.

— Но вулканы...

— Дождь будет не такой сильный.

Он пожал плечами, кивнул и направился резать лианы. Я начал валить и обдирать деревья, выбирая одинаковые, дюймов шести в диаметре, не меньше. При этом я не забывал, насколько возможно, следить за происходящим у меня за спиной.

Скоро начался дождь.

В течение последующих нескольких часов с небес непрерывно падал мелкий холодный дождик, промочив нас до костей. Дождь усыпал оспинами поверхность Ахерона, смыл частично пыль и пепел с прибрежной растительности. Я выстругал два широких весла и срезал пару длинных шестов, пока поджидал Грин Грина, набиравшего достаточный запас связочного материала, чтобы скрепить плот. Пока я его ждал, земля вдруг страшно дернулась и жуткого вида расселина появилась в конусе вулкана, рассекая его до половины. Река лавы цвета неба на закате стала изливаться из прорехи. В моих ушах еще несколько минут звучало эхо взрыва. Затем поверхность озера вздыбилась и в виде небольшой приливной волны, миниатюрного цунами, стремительно понеслась в мою сторону. Я бросился бежать изо всех сил и успел взобраться на самое высокое дерево, растущее вблизи.

Вода добралась до подножия дерева, но выше чем на фут не поднялась. За двадцать минут прошло три таких волны. Потом

вода начала отступать, оставив мне вдоволь ила взамен бревен и уже вырезанных весел.

Я разозлился. Я знал, что дождь не загасит вулкана, и может даже подстегнуть его деятельность, и все же...

Я был зол, как черт. Смыло всю мою работу.

Я прильнул к земле и в нескольких сотнях ярдов слева почувствовал ощутимое притяжение энерговвода. Откуда-то издалека донесся крик пейанца, но я не стал обращать на него внимания. В общем, в этот момент я уже был не совсем Фрэнсис Сандау.

Я двинулся в сторону энерговвода, взобрался на небольшой холмик, чтобы достигнуть самого узла. С этой точки у меня был отличный вид на все озеро и на сам остров за гранью встревоженных вод. Видимо, моя зрительная чувствительность возросла. Я вполне ясно видел это шале. Мне представилось, что я даже заметил какое-то движение в том месте, где поручень огораживал конец двора, выходившего на обрыв над водой. Глаза землян уступают по остроте зрения пейанцам. Ведь Грин Грин сказал, что ясно различал Шендона после того, как переплыл на берег с острова.

Я стоял над одной из крупных вен Иллирии, или небольшой артерией, и чувствовал ее пульс, и в меня вошла Сила, и я послал ее вперед.

Довольно скоро моросивший дождик перешел в мощный ливень, и когда я опустил поднятую ладонь, сверкнула молния и прокатился гром, словно кто-то бил в жестяной барабан. Ветер, внезапный, как прыгнувший кот, и холодный, как арктический ореол вокруг солнца, ударил мне в спину и, проносясь мимо, погладил щеку.

Грин Грин вновь что-то закричал. Кажется, он находился где-то справа от меня.

Затем небеса принялись с шипением слать вниз тяжкие дождевые потоки, шале совсем исчезло из виду, и сам остров превратился в серый призрак. Пламя вулканов виднелось слабой искрой над водами острова. Вскоре ветер понесся вперед, как грузовой поезд, и его завывания слились с раскатами грома в непрерывный жуткий грохот. Воды Ахерона собрались в волны вроде тех, что получили мы, и двинулись в противоположном направлении — туда, откуда пришли раньше. Если Грин Грин что-то и кричал мне, то я уже не мог его слышать.

Вода струями бежала у меня по волосам, стекала по лицу и шее. Я ничего не видел, но мне и не нужны были глаза. Меня окутывала энергия. Температура упала, дождь хлестал почти целыми полотнищами, которые с текучим треском разрывались, и звук напоминал удар кнута. День стал темен, как ночь. Я захохотал — и воды поднялись столбами, закачались, как великаны-джинны, и молнии снова швыряли ослепительную перчатку, и вся моя машина еще ни разу не сказала мне: «Предел — полный ход!»

«Френк, остановись, он узнает, что ты здесь!» —

пришла мысль, адресованная той части меня, к которой и хотел направить ее Грин Грин.

«Но он и так уже знает, что я тут, разве не так?— примерно так ответил я.— Спрячься, пока это не кончится! Жди!»

И вместе с низринувшимся дождем и поднявшимся ураганом грунт подо мной снова стал вздрагивать. Искра вулкана, плававшая в сумерках передо мной, разгорелась и засияла, как погребенное в море солнце. Затем вокруг него заплясали молнии, клюя макушку острова, покрывая его разными именами, и одно из них было моим.

Следующий толчок бросил меня на колени, но я снова встал и поднял обе руки.

...И теперь я стоял в каком-то месте, состоявшем не из твердого вещества, не из воды и не из газа. Здесь не было света, но не было и тьмы. Было не холодно и не жарко. Быть может, оно находилось внутри моего сознания, а может, и нет.

Мы смотрели друг на друга, и в своих бледно-зеленых руках я сжимал громомолнию, держа ее как винтовку перед грудью наискосок.

Он своим видом напоминал широкую серую колонну, и был покрыт чешуей. У него была морда крокодила и огненные глаза. Когда он говорил, три пары его рук постоянно меняли положение. Но в целом он также не двигался с места.

«Старый враг, старый товарищ»,— обратился он ко мне.

«Да, Белион, я здесь».

«Твой цикл завершен. Избавь себя от унижения пасть от моей руки. Уступи, Шимбо, и сохрани мир, тобой созданный».

«Едва ли этот мир должен погибнуть, Белион».

Молчание.

И немного спустя:

«Тогда будет противоборство».

«...Если ты не отступишь».

«Я не отступлю».

«Да будет так».

И он исчез.

...И я снова находился на маленьком холме, медленно опуская руки, потому что сила покинула меня.

Это была странная метаморфоза, ничего подобного со мной никогда не случалось. Сон наяву, если хотите. Фантазия, рожденная напряжением и гневом.

Дождь продолжал идти, но уже не с такой силой, как раньше. Ветер потерял долю свирепости. Молнии больше не сверкали, и гром тоже утих. Земля больше не вздрагивала. Огневая активность вулкана прекратилась, оранжевое свечение на макушке уменьшилось, и трещина в склоне уже не кровоточила лавой.

Глядя на все это, я вновь почувствовал холод, и то, что я про-

мок, и что земля под ногами твердая. Наша бесконечная битва была прервана в самом начале. Лично я был этим сейчас доволен: вода в озере стала на вид прохладнее, и серый остров казался не таким уж и недоступным.

Пока я смотрел, сквозь прореху в тучах пробилось солнце и на сверкающих каплях воздушной влаги развернулась радуга. Она изогнулась сквозь промытый воздух, окантовав аркой Ахерон, остров, дымящийся конус, словно картинку внутри блестящего пресс-папье, отчего все стало похоже на нереальную миниатюру.

Я покинул свой холмик и возвратился на место, где находился до этого. Нам еще нужно было построить плот.

Глава 7

Оплакивая с горя отсутствие у себя трусости, я вдруг обнаружил, что последняя прореагировала тем, что навалилась на меня, отчего я опять был напуган чуть ли не до смерти.

Я прожил уже слишком долго, и с каждым новым днем шансы моей гибели все больше увеличивались. Хотя факт этот формулируется иными словами, но отношением к нему моего страхового агентства может служить размер страховой премии. Их компьютер классифицировал меня в один разряд со случаями неизлечимой ксенопатии — в соответствии с их критериями и показаниями моих шпионов. Это придает уверенности, возможно, они правы. Впервые за очень долгий срок я предпринял новое опасное предприятие. И я чувствовал, что немного вышел из формы. Если Грин Грин и заметил, что мои руки дрожат, то никаких замечаний он не сделал. В этих руках заключалась его жизнь, и у него и без того на этот счет мысли имели мрачную окраску. Сейчас он мог убить меня в любое время — если вы подумаете как следует, то согласитесь. Он это знал. И я знал. И он знал, что я знаю. И...

Сдерживал его единственный факт, что он не мог выбраться с Иллирии без меня. Рассуждая логически, это означало, что его корабль остался на острове. Из чего следовало, что, если в распоряжении Шендона имеется корабль, он может отправиться на наши поиски с воздуха, что бы ни имели в виду наши иллюзорные покровители под перспективой противоборства. Что означало, что мы поступим разумно, укрывшись под кронами деревьев на берегу, и что в путешествие следует отправиться под покровом ночи. Соответственно, я перенес наши строительные работы в глубь леса. Грин Грин нашел эту идею великолепной.

В облачном одеяле в тот день появилась проплешина, но полностью небо не очистилось. По-прежнему шел дождь. Стало немного светлее, и над нами проплыли две белые луны, Каттонталус и Флопсус, нельзя было только рассмотреть их ухмылки и глазницы.

Позже, в тот же день, с острова поднялось большое серебряное насекомое, втрое большее «Модели-Т», отвратительного вида, как личинка жука, и шесть раз описала круг над озером, сначала

расширяя круги по спирали наружу, а потом сужая их внутрь. Мы укрылись под многочисленными ветвями, при этом еще зарылись в листья и оставались там, пока «насекомое» не вернулось на Остров Мертвых. Все это время я судорожно сжимал мой древний амулет. Старина-кролик не выдал и на этот раз.

Плот мы закончили за пару часов до заката и остаток дня провели, сидя на земле, прислонившись спинами к деревьям.

— Грош за идею,— проронил я.

— Что такое грош?

— Древняя денежная единица, когда-то распространенная на моей родной планете. Впрочем, обдумав предложение, я его снимаю — теперь они очень ценятся.

— Странное предложение — купить мысль. В древности это было обычным среди твоего народа?

— Это было связано с развитием торговли. У всего есть своя цена и так далее.

— Чрезвычайно интересная концепция. И я понимаю, кстати, как люди вроде тебя вполне могут в нее верить. Ты бы выкупил пайбадру?

— Это уже сутяжничество. Пайбадра — это причина действия.

— Но ты бы заплатил человеку, чтобы он оставил намерение отомстить тебе?

— Нет.

— Почему же?

— Ты бы взял деньги, но продолжал бы искать удовлетворения, надеясь усыпить меня чувством ложной безопасности.

— Я говорил не о себе. Ты же знаешь, что я богат и что пейанцы не бросают своих вендетт ни за что и никогда... Нет. Я подумал о Майке Шендоне. Он твой соплеменник и тоже может думать, что у всего имеется своя цена. Как мне помнится, первый ущерб тебе он нанес потому, что ему требовались деньги, и, стараясь добыть их, он делал это за твой счет. Теперь он ненавидит тебя за то, что ты послал его в тюрьму, а потом убил его. Но поскольку он твой сонародник, а ваша раса любит назначать денежную плату за все вещи, то, может быть, если ты заплатишь ему достаточно за его пайбадру, он будет удовлетворен и уйдет с нашего пути.

Купить выход из нашего положения за деньги? Эта мысль мне в голову не приходила. Я прибыл на Иллирию, готовый сражаться с врагом — пейанцем. Теперь я держал его в руках, и он мне больше не угрожал. Его место занял землянин, ставший теперь моим врагом номер один. Может быть, Грин Грин и прав. Мы народ корыстный, хотя нельзя сказать, что сильно отличаемся в этом от других рас, но некоторых и в самом деле превосходим. И в неприятности Шендон вляпался в первую очередь из-за своих дорогостоящих вкусов. События на Иллирии разворачивались стремительно, и, к моему удивлению, мне и в голову не пришло, что выход можно найти в моих деньгах.

С другой стороны, учитывая список расходов Шендона, кото-

рый был представлен еще на первом суде, он тратил деньги со скоростью горного потока, падающего с высоты. Допустим, я дам ему полмиллиона в универсальных кредитных карточках. Всякий другой поместил бы эти деньги понадежней и всю жизнь жил бы на дивиденды. Шендон же истратит их за пару лет. И потом у меня вновь возникнут проблемы. Он решит, что, выдоив их у меня один раз, сможет сделать это и во второй, и так далее. И, возможно, он не станет съедать свою гусыню, несущую золотые яйца. Но такой вариант, в этом я был уверен, меня не устроит.

И все же, если он пойдет на соглашение, я мог бы купить его — сейчас. После я успею организовать команду профессиональных убийц, и они быстро выведут его из игры, насколько можно будет.

Но если они промахнутся...

Тогда он снова сядет мне на хвост, и вновь один вариант — или он, или я.

Я обдумывал эту мысль, рассматривая ее со всех сторон. В конце концов я пришел к единственному выходу, вернее выводу.

У него имелся пистолет, но он желал прикончить меня голыми руками.

— Ничего не выйдет,— заявил я.— Он не из числа торговцев.

— Гм, я не хотел оскорбить тебя. Я все еще не совсем понимаю психологию землян.

— И не только ты.

Я наблюдал, как гаснет день и тучи зашнуровываются на ночь. Скоро наступит время подтащить плот к воде и отправиться в путь по утихомирившимся водам. Лунный свет нам помогать не будет.

— Грин Грин,— произнес я.— В тебе я узнаю себя, потому что я, вероятно, стал более пейанцем, чем землянином. Я не думаю, что дело именно в том, что «я — настоящий»,— это продолжение того, что уже было во мне. Я тоже могу убивать, как делал бы ты, и я также буду держаться моей пайбадры, разверзнись хоть земля, хоть небо.

— Я знаю,— промолвил он,— и уважаю тебя за это.

— Я вот что хочу сказать, когда все закончится, и если мы оба доживем до конца, я мог бы найти в тебе друга. Я мог бы ходатайствовать за тебя перед другими Именами, чтобы они дали тебе возможность нового посвящения. Я был бы рад видеть высшего жреца странти с Именем Кирвара Четырехлицего Отца Всех Цветов.

— Ты пытаешься узнать мою цену, землянин?

— Нет. Я делаю разумное предложение. Думай, как здесь подсказывает тебе твоя совесть. И все же, ты не нанес мне пайбадры.

— Пытаясь убить тебя?

— Из-за ложной пайбадры. Это меня не волнует.

— Ты знаешь, что я могу покончить с тобой, когда захочу.

— Я знаю, что ты так думаешь.

— Мне казалось, что я надежно защитил эту мысль.

— Это результат дедукции, а не чтения мыслей.

— Ты действительно во многом как пейанец,— проговорил он немного погодя.— Я обещаю не убивать тебя и отсрочить месть, пока мы не рассчитаемся с Шендоном.

И мы сидели и ждали, пока не наступит ночь. И она наступила.

— Пора,— сказал я.

— Пора,— откликнулся он, мы поднялись и подняли плот с двух сторон.

Мы отнесли его к воде и опустили в теплые волны.

— Весла взял?

— Да.

— Тогда с Богом.

Мы забрались на плот, установили равновесие и начали грести и отталкиваться о дно.

— Если он выше взяток,— спросил Грин Грин,— то почему продавал твои секреты?

— Если бы мои люди заплатили ему больше, он продал бы противоположную сторону.

— Тогда почему нельзя подкупить его сейчас?

— Потому что он мой соплеменник и ненавидит меня. Вот и все. Такая пайбадра не продается.

Тогда я думал, что я прав.

— В сознании землян всегда присутствуют темные области,— заметил он.— Мне всегда хотелось узнать, что там творится.

— И мне тоже.

Неожиданно появилась луна, за тучками возникло расплывчатое световое пятно, которое медленно поплыло к зениту.

Рядом с плотом тихо плескалась вода, и маленькие волны разбивались о наши ботинки. Нам вслед с берега полетел прохладный ветерок.

— Вулкан успокоился,— вымолвил Грин Грин.— О чем вы говорили с Белионом?

— Так ты, значит, заметил?

— Я несколько раз попытался войти с тобой в контакт, и я понял то, что обнаружил.

— Белион и Шимбо ожидают. Потом будет быстрый выпад, и один из них получит удовлетворение.

Вода была черной, как тушь, и теплой, как кровь. Остров высился угольной горой на фоне сероватой беззвездной ночи. Мы отталкивались, пока дно не ушло от нас вниз, тогда мы снова начали грести, тихо и осторожно. У Грин Грина была пейанская любовь к воде. Я чувствовал это по тому, как он двигался, по тем клочкам эмоций, которые я улавливал.

Путь через лик темных вод... Чувство было жутковатое — из-за всего, что это место для меня значило, из-за той струны, что была тронута во мне, когда я его благоустраивал. Здесь отсутствовало чувство мирного ухода, как в Долине Теней. Это был скорее обух мясника в конце загона. Я ненавидел его и боялся. Я знал, что у меня не хватит духу повторить его еще раз. Это было одно из тех творений, что случаются раз в жизни, и лучше бы

они не случались. Этот путь через черное озеро означал для меня столкновение с чем-то, чего я сам не понимал и не принимал. Я плавал себе по Токийскому заливу — и вдруг передо мной ответ на все вопросы: нависает над головой туча, куча остатков всего, что тонет и не возвращается на берег, мусорный контейнер для всего, что осталось от прошлого, которое не вернешь, место, символизирующее бесплодность всех изменений, плохих и хороших, камень, дробящий ценности, вот он, дает нам знать о бесполезности жизни вообще, которая в один день должна быть окончена. У меня под ногами плескалась теплая вода, но я дрожал в ознобе и сбился с ритма. Грин Грин коснулся моего плеча, и мы снова начали грести в лад.

— Зачем ты создал его, если так ненавидишь? — спросил он меня.

— Мне хорошо платили,— ответил я.— Бери влево. Активнее. Пойдем через черный ход.

Наш курс изменился, и мы начали забирать к западу. Я греб потише, он усилил работу веслом.

— Черный ход? — удивился он.

— Да,— буркнул я и не стал вдаваться в подробности.

Когда мы приблизились к острову, я прекратил всякие раздумья и стал механическим устройством, как и всегда делаю, если думать приходится сразу слишком о многом. Я греб, и мы скользили сквозь ночь, и скоро среди темноты справа по борту выросла громада острова. Его таинственные огни мерцали во тьме. Впереди на вершине конуса вулкана горел огонь, его свет пересек наш путь, бросая слабый красный отсвет на прибрежные скалы.

Мы обогнули остров и начали подплывать к нему с севера. Несмотря на темноту, я словно видел весь северный склон, как днем. На карте памяти отпечатались все его шрамы и зубцы, на кончиках пальцев я ощущал шероховатость его камней.

Мы очень осторожно подплыли ближе, и я тронул черную скалу веслом. Мы держались под стеной, пока я смотрел вверх, после чего тихо прошептал:

— На восток.

Несколько сотен ярдов — и мы оказались у места, где был упрятан мой «ход». Внутри скалы шла расщелина-труба сорока футов, где, упираясь спиной и ногами, можно было взобраться на узкий уступ, откуда, пройдя по узкому карнизу в шестьдесят футов, добраться до «лестницы» из скоб, ведущей наверх.

Я объяснил все это Грин Грину, и он занялся плотом, а я отправился наверх. Затем полез и он, без жалоб, хотя его плечо наверняка сильно болело.

Когда я добрался до верхушки трубы, то взглянул вниз, но плот различить уже не смог. Я сообщил об этом Грин Грину, и он облегченно вздохнул. Я подождал, пока он взберется наверх, и помог ему выкарабкаться из расщелины. После этого мы двинулись вдоль выступа в восточном направлении.

На это ушло примерно пятнадцать минут, и снова перед нами

лежал путь наверх. Первым опять пошел я, объяснив, что взбираться предстоит пятьсот футов, пока не достигнем следующего выступа. Пейанец вздохнул еще раз и последовал за мной. Скоро руки у меня начало саднить, и, когда мы выбрались на выступ, я улегся плашмя, закурив сигарету. Через десять минут мы двинулись дальше. К полуночи, без несчастных случаев, мы выбрались на верхушку берегового склона.

Мы шли еще минут десять, а потом увидели его.

Он бродил с потусторонним видом. Несомненно, он был накачан наркотиками по самые уши. А может, и нет. Трудно сказать наверняка.

В общем, я подошел к нему, взял за плечо, встал перед ним и поинтересовался:

— Коткор, как поживаешь?

Он взглянул на меня из-под тяжелых век. Весил он приблизительно триста пятьдесят фунтов, был одет в белое (идея Грин Грина, надо понимать), глаза имел голубые, светлую кожу и тихий голос. Он слегка шепелявил, отвечая мне:

— Я думаю, что у меня все данные.

— Отлично. Ты знаешь, я пришел сюда, чтобы встретиться в своего рода поединке вот с этим человеком — Грин Грином. Но совсем недавно мы стали союзниками против моего бывшего сотрудника — Майка Шендона.

— Одну минуту,— промямлил он.— Да,— заявил он чуть погодя.— Ты проигрываешь.

— Как это понимать?

— Шендон убивает тебя через три часа и десять минут.

— Нет. Он не сможет.

— Если не убьет, то потому, что его уничтожишь ты. Тогда мистер Грин прикончит тебя через пять часов и двадцать минут.

— Почему ты в этом уверен?

— Грин — это мироформист, сработавший Коррлин?

— Да.

— Тогда он тебя убьет.

— Как?

— Вероятно, с помощью тупого оружия. Если тебе удастся этого избежать, то, возможно, ты покончишь с ним своими руками. Ты всегда оказывался сильнее, чем выглядел. Это обманывало людей. Но полагаю, что на этот раз это тебе не поможет.

— Спасибо. Тебе не мешает выспаться.

— ...Если только вы оба не имеете тайного оружия,— продолжал он.— А это возможно.

— Где сейчас Шендон?

— В шале.

— Мне нужна его жизнь. Как до него добраться?

— В тебе присутствует определенный динамический фактор. Какая-то способность, которую я не могу оценить полностью.

— Понимаю.

— Не используй ее.

— Почему?
— У него она тоже есть.
— Это я тоже знаю.
— Если ты сможешь его убить вообще, то без ее помощи.
— Ладно.
— Ты мне не доверяешь?
— Я никому не доверяю.
— Помнишь тот вечер, когда ты принял меня на работу?
— Смутно.
— Это был лучший ужин в моей жизни. Свиные отбивные. Причем сколько угодно.
— Теперь припоминаю.
— Ты мне тогда рассказывал о Шимбо. Если пробудишь его, то Шендон пробудит другого. Слишком много перемен и фатальный конец.
— Может, Шендон с тобой договорился?
— Нет. Я просто оцениваю вероятности.
— Может ли Яри Всемогущий сотворить камень, который не сможет поднять? — вмешался в разговор Грин Грин.
— Нет,— коротко ответил Коткор.
— Почему нет?
— Он не станет его сотворять.
— Это не ответ.
— Ответ. Подумай. Ты бы стал?
— Я ему не верю,— проронил Грин Грин.— Когда я его воспроизвел, он был вполне нормальный. Вероятно, его подкупил Шендон.
— Нет,— возразил Коткор.— Я пытаюсь вам помочь.
— Тем, что предрекаешь Сандау гибель?
— Но он погибнет.

Грин Грин поднял руку — и неожиданно в ней очутился мой пистолет. Видимо, он телепортировал его из кобуры у меня на поясе таким же путем, каким получил Ленты. Он дважды выстрелил и вернул пистолет назад.

— Зачем ты это сделал?
— Он лгал, пытался тебя запугать и разрушить твою уверенность.
— Когда-то он был моим близким помощником. Он научился мыслить наподобие компьютера. Думаю, он старался быть объективным.
— Получишь Ленту — и тогда сможешь попробовать воспроизвести его снова.
— Пойдем. У меня осталось два часа и пятьдесят минут.

И мы отправились в путь.

— Я не должен был этого делать? — спросил он меня немного погодя.
— Нет.
— Мне жаль.

— Великолепно. Только больше никого не убивай без моей просьбы.

— Ладно... Ты много раз убивал, Френк, да?

— Да.

— Почему?

— Я или они — так стоял вопрос. Я решил — лучше они.

— Разве?

— Ты мог бы не убивать Боджиса.

— Я думал...

— Заткнись!

Мы двинулись дальше. Миновали расщелину в скале. Мимо вились щупальца тумана, трогая нашу одежду. Еще одна фигура-тень показалась в стороне, там, где мы вышли на путь, ведущий вниз по склону.

— ...Идете на смерть,— прошелестела она, и я остановился, глядя на нее.— Леди Карли.

— Проходи, проходи,— промолвила она.— Спеши к своей гибели. Ты и знать не мог бы, что это значит для меня.

— Когда-то я тебя любил,— выскочило у меня совсем не к месту.

Она покачала головой.

— Кроме себя самого, ты любил только деньги. И ты получил их. Ты убил больше людей, чем я знаю, чтобы сохранить свою империю. И вот, наконец, появился человек, который может прикончить тебя. Я радуюсь, что присутствую при твоем конце.

Я включил фонарик и направил на нее. Волосы ее были такие огненно-рыжие, а лицо такое белое... Овал ее лица напоминал формой сердце, и у нее были зеленые глаза, как я помнил. На секунду я снова страшно потянулся к ней.

— Что, если погибнет он?— предположил я.

— Тогда, вероятно, я вновь ненадолго стану твоей. Но надеюсь, что нет. Ты черный человек, и я желаю твоей смерти. Я сама найду способ, если ты снова попытаешься завладеть мною.

— Тихо,— угрожающе произнес Грин Грин.— Я вернул тебя к жизни. Я заманил сюда этого человека, чтобы убить. Мне пришлось подчиниться воле другого человека, который, к счастью или к несчастью, имеет такое же намерение по отношению к Сандау. Но сейчас наши с Френком судьбы скреплены вместе. Не забывай обо мне. Я воспроизвел тебя, и я, создатель, сохраню тебя. Помоги нам в бою с врагом, и я награжу тебя.

Она вышла из светового пятна, и до нас донесся ее смех.

— Нет!— воскликнула она.— Нет! Благодарю!

— Но я тебя любил,— промолвил я.

Наступила тишина, затем она прошептала:

— Ты смог бы снова?

— Я не знаю, но ты что-то для меня значишь, что-то важное...

— Проходите мимо. Все долги списаны. Иди, ищи Шендона на свою погибель.

— Пожалуйста. Когда-то ты была моя, и это очень много для

меня значило. Леди Карли, я никогда не забывал о тебе, даже когда ты ушла. И Альгольскую Десятку я не трогал, хотя часто говорят, что это моих рук дело.

— В этом я уверена.

— Я могу доказать тебе обратное.

— Не старайся. Уходи!

— Хорошо. Но я не перестану...

— Что не перестанешь?

— Думать о тебе, хоть немного.

— Уходите, пожалуйста, уходите!

Что нам оставалось делать?

Все это время мы разговаривали на дралмине. Я даже не заметил, как переключился на него с английского. Забавно!

— Ты любил многих женщин, Френк?— прервал молчание Грин Грин.

— Да.

— Ты говорил ей правду... что будешь думать о ней?

— Да.

Мы шли по спуску, пока внизу я не различил свет окна в шале. Мы продолжали движение в том же направлении, и, наконец, появился последний силуэт. Он приблизился.

— Ник!

— Верно, мистер, это я! Будь я проклят, это его голос! Подойдите-ка поближе!

— Сейчас. Вот свет,— я окатил себя лучом фонарика, чтобы ему было видно.

— Боже! Это действительно ты! Тот парень, внизу, он свихнулся. Ты знаешь, он тебя хочет убрать.

— Догадываюсь.

— Он хотел, чтобы я ему помог, а я сказал, пусть идет и займется самоэротизмом. Он страшно разозлился. Мы подрались. Я расквасил ему нос и сбежал оттуда. Но он меня искать не стал. Сильный малый.

— Знаю.

— Я помогу тебе достать его.

— Отлично.

— Но мне не нравится этот тип, который с тобой.

«Старина Ник бушует, совсем как раньше... Великолепно!»

— То есть?

— Это он все сварганил. Это он вернул меня сюда, как и всех остальных. Хитрый такой, сукин сын! На твоем месте, Френк, я бы его убрал, и поживее.

— Теперь мы союзники. Он и я.

Ник сплюнул.

— Я-то вас не забуду, мистер,— обратился он к Грин Грину.— Когда мы покончим с тем парнем, я займусь вами. Лично. Помните, как вы меня допрашивали, вначале? Думаете, было смешно? Теперь наступила моя очередь!

— Ладно, ладно... Хорошо.

— Нехорошо! Совсем нехорошо! Вы обозвали меня коротышкой или каким-то пейанским словом в том же смысле. Ты тупое растение! Теперь я тебя зажарю! Я, конечно, рад, что снова живу, и обязан этим вам. Но я тебя отлуплю, зараза! Погоди немного. Я с тобой покончу тем, что будет у меня под рукой.

— Сомневаюсь, малыш,— спокойно промолвил Грин Грин.

— Давайте подождем, а там посмотрим,— предложил я.

Итак, к нам присоединился Ник. Он зашагал рядом со мной.

— Он сейчас внизу?— спросил я.

— Да. У тебя есть бомба?

— Есть.

— Тогда лучше будет кинуть бомбу. Убедимся, что он внутри, и запузырим ее в окно.

— Он один?

— Ну... Нет. Но ведь это не будет убийством. Как только ты получишь Ленты, ты восстановишь девушку.

— Кто она?

— Ее зовут Кати. Я ее не знаю.

— Это моя жена,— проронил я.

— Ладно. Тогда этот вариант отпадает. Придется входить.

— Да уж,— промычал я.— Если придется, то я займусь Шендоном, а ты хватай Кати и прикрывай ее.

— Он ее не тронет.

— Почему?

— Понимаешь, Френк, мы здесь уже несколько месяцев, с тех пор как проснулись. Мы не знали, где мы и почему. И этот зеленый сказал, что знает об этом не больше нашего. Все, что мы знали,— это что мы умерли. И о тебе узнали, только когда он и Майк начали спорить. Грин забыл про защиту, и Майк залез ему в мозги. Так было, кажется. Словом, Майк и девушка... да, Кати... у них что-то такое, значит, между ними. Словом, вроде как любовь.

— Грин, почему ты мне этого не сообщил?

— Я полагал, это не важно. Разве нет?

Я не ответил, потому что не знал, так ли это. Я быстро думал. Я прислонился спиной к скале и нажал на педаль газа в уме до предела. Я пришел, чтобы найти и убить врага. Теперь он стоит рядом, пока я ищу другого вместо него. И теперь я узнаю, что он спит с воспроизведенной моей женой, которую я прибыл спасать... Это меняло дело. Каким образом — я точно не знал. Если Кати любит его, я не мог ворваться туда и застрелить его у нее на глазах. Даже если он просто пытался использовать ее, если ему было наплевать, я этого сделать не мог, пока он что-то для нее значит. Похоже, что оставалось испробовать предыдущее предложение Грин Грина — попытаться купить его. У него теперь новый дар силы и красивая женщина. Добавьте к этому мешок денег — и, возможно, его удастся склонить к отступлению.

Я мог бы просто повернуться и уйти. Взобраться на борт «Модели-Т» и менее чем через день уже лег бы на курс к Вольной. Если

ей нужен Шендон, то оставим его ей. Я мог свести счеты с Грин Грином и возвратиться домой. «Мой дом — моя крепость».

— Нет, это важно.

— Это вносит изменения в твои планы? — поинтересовался Грин Грин.

— Да.

— Из-за девушки?

— Вот именно.

— Ты странный человек, Френк. Пройти такой путь, добраться сюда и передумать из-за девушки, которая всего лишь древнее воспоминание, не более.

— У меня отличная память.

Идея оставить врага моего Имени, да еще в теле ловкого человека, мне совсем не нравилась. Ловкого и умного, который не прочь увидеть меня мертвым. Такое сочетание не даст мне покоя даже ночью, даже на Вольной. С другой стороны, какая польза от мертвой гусыни, если она несет золотые яйца. Забавно все же, прожив достаточно долго, наблюдать врагов, друзей, любимых, ненавидимых в хороводе вокруг себя, как в гигантском маскараде, где они то и дело меняются масками.

— Что будешь делать? — спросил Ник.

— Поговорю с ним. Попробую договориться, если получится.

— Будь добр, повтори, что ты сказал. Ведь ты заявил, что он не продаст своей пайбадры, — заметил Грин Грин.

— Я так и думал, когда говорил. Но теперь, из-за Кати, мне необходимо попытаться купить его.

— Этого я не понимаю.

— И не старайся. Наверное, вам обоим лучше подождать здесь, на случай, если он начнет стрелять.

— Что нам делать, если он всадит тебе пулю в живот? — поинтересовался Грин Грин.

— Тогда это твоя забота. До свидания, Ник!

— Пока, Френк.

Я стал спускаться к шале, прикрывшись своим телепатическим экраном. Приблизившись, стал пробираться ползком среди камней. Наконец, я оказался в полутораста футах от шале. Меня прикрывали два громадных валуна, отбрасывавших могучие тени. Я положил ствол пистолета на предплечье и взял на прицел черный ход.

— Майк! — позвал я. — Это Френк Сандау! — и стал дожидаться его ответа.

Прошло примерно полминуты, пока он решил откликнуться:

— Чего тебе?

— Я хочу поговорить.

— Говори.

Свет в домике подо мной неожиданно погас.

— Это правда? То, что мне рассказали о тебе и Кати?

После непродолжительного молчания он произнес:

— Думаю, что да.

— Она с тобой?

— Возможно. А что?

— Пусть она сама скажет.

И я услышал ее голос:

— Наверное, это правда, Френк. Мы не понимали, где мы оказались... и я не могла забыть пожар... Я не знаю, как...

Я закусил губу.

— Не надо извинений. Это было давно, и я переживу.

Майк засмеялся:

— Кажется, ты в этом уверен.

— Да. Я решил выбрать самый легкий способ.

— Умереть?

— Сколько ты хочешь?

— Деньги? Френк, ты испугался.

— Я пришел прикончить тебя, но я этого не сделаю, если тебя любит Кати. Она утверждает, что это так. Ладно. В таком случае я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Сколько ты возьмешь за то, чтобы упрятать свое наследство и смыться отсюда?

— Что за наследство?

— Не важно, забудь. Так сколько?

— Я не думал, что ты мне это предложишь, поэтому не могу сказать сразу. Я потребую гарантированный пожизненный доход, причем большой. Потом несколько крупных приобретений на мое имя... Мне нужно составить список... Ты действительно намерен? Это не твои фокусы?

— Мы оба телепаты. Я предлагаю одновременно снять защитные экраны. То есть я настаиваю на этом, как на одном из условий.

— Кати просила не убивать тебя, и, если бы я сделал это, она бы мне не простила. Ладно, она значит для меня много. Я возьму твои деньги, жену и уйду.

— Благодарю.

Он засмеялся:

— В конечном итоге мне повезло. Как ты думаешь оформить все это?

— Если не возражаешь, я выдам тебе всю сумму сразу, а потом мои юристы оформят передачу.

— Не возражаю. Я желаю, чтобы все было законно. Я хочу миллион, и еще по сто тысяч ежегодно.

— Многовато.

— Только не для тебя.

— Я просто комментирую... Хорошо, я согласен.— «Как все это принимает Кати,— подумал я.— Она не могла настолько измениться за несколько месяцев. От такого разговора ее должно тошнить».— Еще два условия,— добавил я.— Пейанец, Гринтари — теперь он мой. У нас с ним счеты.

— Бери. Кому он нужен? Что еще?

— Ник-карлик тоже уйдет со мной целым и невредимым.

— Этот маленький ублюдок? — Майк рассмеялся. — Конечно. Он мне даже где-то понравился. Это все?

— Все.

Первые лучи солнца защекотали брюхо неба, и вулканы задымили, словно факелы титанов.

— Что теперь?

— Подожди, пока я поговорю с остальными.

«Грин Грин, он согласен. Я купил его пайбадру. Мы улетаем через несколько часов. Передай Нику».

«Я слышу, Френк. Мы скоро подойдем к тебе».

Теперь осталось рассчитаться с пейанцем. Все получилось слишком легко. Я все еще не исключал возможности ловушки. Это должна быть очень хитрая драконовская ловушка. Я был склонен сомневаться в возможности сделки между Грин Грином и Майком. И все же окончательно это выясню через несколько минут, когда я и Майк снимем экраны.

Но после всех моих трудов уладить дело, как бизнесмены заключают сделку...

Потом я понял, что это неправильно. Это? Да, что-то, но я не знал, что. Какое-то чувство, корни которого таятся в пещерах, или, может, на ветвях деревьев, или в самых древних океанах. Сквозь пепел, дым и туман светился Флопсус, и был он цвета крови.

Ветер стих, и все вокруг, казалось, погрузилось в покой. Затем на меня напал сжимающий внутренности страх, но я подавил его. Гигантская ладонь была готова опуститься с неба и расплющить меня, но я не дрогнул. Я завоевал Остров Мертвых, и Токийский залив пылал вокруг. Теперь я смотрел вниз, в Долину Теней.

С моим воображением легко отыскать зловещее предзнаменование в чем угодно. Я вздрогнул и подавил дрожь. Не стоит показывать Шендону страх в моем сердце.

Я не мог уже больше ждать.

— Шендон. Я снимаю экран. Снимай тоже.

— Договорились.

...и наши мысли встретились, сплелись и расплелись.

— Ты не лгал.

— И ты тоже.

— Тогда по рукам.

— По рукам.

И в это мгновение из подземных пределов мира пришло громовое «НЕТ» и отразилось от башен неба, подобно цимбалам загрохотало внутри наших голов. Тело мое пронзила вспышка красного жара. Затем, медленно, я встал, и ноги мои были тверды, как горы. Сквозь зеленые и красные полосы я видел все ясно, как днем. Я видел, как внизу из шале вышел Майк Шендон и не спеша поднял голову к небу. Наконец, наши глаза встретились, и я понял, что сказанное или написанное в том месте, где я держал в руках громомолнию, оказалось правдой:

«Будет противоборство».

«Да будет так».

Тьма. Таков был изначальный курс событий с самого моего отправления с Вольной и вплоть до настоящего момента. И ход вещей был сильнее соглашения двух людей. Наш конфликт был жалок и мелок, и исход его не имел роли для противоборства того, что управляло сейчас нами.

Да. Управляло.

Я всегда считал, что Шимбо искусственный довесок, часть моей измененной личности, встроенной в меня пейанцами, чтобы я мог конструировать миры. Наши воли никогда не сталкивались. Он приходил только по моему зову и уходил по моей воле.

Он никогда не пытался принудить меня к чему-то. Возможно, где-то глубоко внутри я действительно хотел, чтобы это был Бог, и, возможно, это желание было движущей силой, а мои паранормальные способности — материалом для того, что происходило. Не знаю... Однажды, когда он пришел, вспыхнул такой яркий свет, что я заплакал без причины. Проклятье! Это не ответ. Но я просто не знаю ответа.

И мы стояли, смотрели друг на друга, два врага, которыми управляли два еще более древних противника. Я представлял удивление Майка. Я попробовал связаться с ним, но мои телепатические способности оказались полностью погашенными. Наверное, он и сам припомнил более раннюю сцену противостояния.

Потом я заметил, что над головой сгущаются тучи. Я понимал, что это означает. Земля под ногами слегка задрожала. И это я тоже понимал.

Один из нас умрет, хотя оба хотели жить.

— Шимбо, Шимбо,— прошептал я внутри себя.— Господин Башни Темного Дерева, нужно ли так?

... И я сразу же понял, что ответа не будет, даже для меня, не считая всего, что последует.

Прокатился гром: тихий, протяжный, как отзвук дальней дроби барабана.

Огни за водами озера вспыхнули ярче.

Мы находились на концах дуэльного поля в аду, нас омывали волны света, прочерченные туманом и испещренные пеплом. И Флопсус спрятал свой лик, тронув края туч багровым.

Когда напряжение сил достигло предела, им требуется некоторое время, чтобы прийти в движение. Я чувствовал, как входят они в меня из ближайшего энерговвода и наплывают волнами. Я стоял, не в силах шевельнуть пальцем или закрыть глаза под неподвижным взглядом противника. Сквозь световые узлы я видел, как он время от времени мигает, и разобрал очертания Того, кто был мне известен под именем БЕЛИОН.

Я сжимался и расширялся одновременно и через долгие мгновения понял, что все более неподвижным, маленьким и подчиненным становится Сандау. И одновременно я чувствовал, как гнездятся в моих пальцах молнии, их вершины качались высоко надо мной в небесах, ожидая, когда их направят вниз, чтобы впияви-

ться в землю. Это был я, Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворец.

Серый конус вулкана снова был рассечен сверху донизу, и оранжевая кровь выплескивалась в Ахерон, шипя и клубясь паром. Потом я расколол небо и послал на землю потоп света. Небесные мортиры салютовали, и небесные ветры снова пришли в движение, и низринулся дождь.

Он был как тень, как ничто. Потом он вновь оказался на том же месте, когда погас свет. Мой враг. Домик за его спиной горел, и кто-то крикнул:

— Кати!

— Френк, назад! — закричал зеленокожий человек, а карлик потащил меня за руку, но я смахнул их в сторону и сделал первый шаг в сторону врага.

Мой противник также сделал шаг, и земля задрожала, сползая и проваливаясь сама в себя местами.

Когда он сделал второй шаг, ударили ветры, и он упал, вызвав вокруг себя трещины. Я сделал второй шаг и тоже упал, потому что земля ушла из-под ног.

Мы лежали, и остров трясся, вздрагивал, стонал, дергая каменным плечом, на котором мы лежали, и изо всех трещин лез дым.

Когда мы поднялись и сделали третий шаг, мы оказались почти друг против друга. Я разнес в пыль скалу за его спиной, сделав четвертый шаг, а он, ступив вперед, обрушил на меня лавину камней сверху. И опять — ветер, шестой — дождь, огонь и скалы.

Вулканы озарили подоблачную часть неба и сражались с молниями за верхнюю. Ветер хлестал волны, и с каждым толчком мы все больше и больше погружались в эти огромные волны. Я слышал сквозь завывания ветра, раскаты грома, неутихающий дождь, как они бьются о скалы. За спиной моего врага все еще горело наполовину рухнувшее шале.

После моего двенадцатого шага разразился ураган, а после его шага — весь остров начал раскачиваться и стенать, дым повалил гуще и более едкий.

Что-то тронуло меня, это было неправильно, и я захотел узнать причину.

На скале стоял зеленокожий человек, а в его руках был пистолет. Секунду назад пистолет висел у меня на поясе, он не предназначался для нашей схватки.

Сперва он направил его на меня. Потом рука его заволновалась и, прежде чем я успел ударить его, он направил пистолет вправо.

Метнулась огненная линия — и мой враг упал.

Но подвижность острова спасла его, потому что зеленокожий упал при следующем толчке, и пистолет выпал. Тогда мой враг снова поднялся, оставив на земле кисть правой руки. Сжимая рану левой, он сделал шаг мне навстречу.

Между нами начала раскрываться трещина, и тут я увидел девушку.

Она выбралась из горного шале и отступила к тропе наверху, по которой я спускался. Тут она замерла, наблюдая, как мы приближаемся друг к другу. И перед ней раскрылась трещина, и кто-то закричал внутри меня, потому что я понял, что не дотянусь до нее и не спасу.

...Потом оно лопнуло, я задрожал и бросился к ней, потому что Шимбо исчез.

— Кати! — закричал я, когда она покачнулась и стала падать.

...И откуда-то выпрыгнул Ник, замер на краю трещины и ухватил ее за кисть руки. На мгновение я подумал, что он удержит ее.

Дело оказалось не в силе. Сил у него хватило бы. Дело было в весе и моменте, в равновесии.

Они упали в трещину, и я слышал, как чертыхнулся Ник.

Тогда я поднял голову и повернулся к Шендону. Смертельная ненависть и ярость жгли меня. Я потянулся к пистолету и, словно во сне, вспомнил, куда он пропал.

Тут меня накрыли катящиеся камни, и падая, я почувствовал, как сломалась правая нога. Вероятно, я на миг потерял сознание, но боль привела меня в чувство. За это время он сделал еще один шаг, и был совсем близко, и мир вокруг меня скользил в ад. Я видел обрубок его правой руки, и глаза маньяка, открытый рот — для последнего слова и хохота, и я поднял правую руку и, поддерживая ею левую, сделал пальцами, как было нужно. Я вскрикнул, когда мне обожгло палец, а его голова отделилась от туловища, подскочила и откатилась, глаза его были открыты, смотрели, последовав за моей женой и лучшим другом в раскрытую пасть трещины. Остатки Шендона с глухим стуком рухнули на землю, и я долго смотрел на тело, пока темнота не утащила меня к себе на дно.

Глава 8

Я очнулся, когда начало рассветать. Сверху по-прежнему падал дождь. В правой ноге пульсировала боль, под коленом — плохое место. И боль не из приятных. Гроза прошла. Земля не дрожала. Когда я смог приподняться, то от потрясения даже забыл о боли.

Большая часть острова исчезла, погрузившись в Ахерон, а все, что осталось, изменилось до неузнаваемости. Я находился примерно в двадцати футах над уровнем воды на широком скальном полотне. Шале полностью исчезло, рядом валялся обезглавленный труп, благо он еще не смердел. Я отвернулся и оценил собственное положение.

Затем, под дымящимися еще факелами вчерашней ночи кровавого пира, я медленно протянул руку и начал один за другим снимать с себя камни. Один чертов камень за другим...

Боль и монотонное движение притупляют восприятие, берегут мысли от блужданий и перенапряжения.

Даже если это были настоящие боги, какое это имело значение? Что они мне? Я снова был там, где и родился тысячу лет назад — в шкуре человека, в боли и грязи. Если боги и реальны, то они лишь используют нас, чтобы играть в свои игры. Всех их в одно место. «И тебя тоже, Шимбо,— добавил я.— Ты ко мне больше не подходи». Какого черта должен я искать порядка, если его нет? Я вымыл руки в луже. Это утешило мой большой палец на левой руке. Не будем вдаваться в подробности. В основе лежат вещи, которые можно потрогать и купить. И если мне не удастся попасть в Залив, то сколько бы там Имен ни оставалось, но вся собственность будет моей. Я буду владеть всем Большим Деревом, всем Деревом Познания и Зла. Я откатил последний камень и оказался на свободе.

Теперь оставалось только найти энерговвод и отдыхать до вечера, пока не прилетит «Модель-Т». Я открыл каналы сознания и ощутил, что неподалеку кто-то живой. Немного погодя, почувствовав себя лучше, я уселся и выпрямил ногу обеими руками. Когда боль утихла, разорвал штанину и обнаружил, что перелом открытый. Я обвязал его насколько мог крепче, медленно перевернулся на живот и пополз в направлении энерговвода, оставив позади останки Шендона.

По ровному месту ползти было не так уж и тяжело. Но когда пришлось затаскивать себя на сорокапятиградусный склон, то я так выдохся, что даже не смог выругаться. Склон оказался не только крутой, но еще и скользкий. Я оглянулся на Шендона и покачал головой. Он не просто сам знал — вся его жизнь была тому подтверждением. Я почувствовал сожаление. Он почти сумел. Но он ввязался в неподходящую игру, совсем как мой брат.

Я пополз дальше. До энерговвода оставалось всего несколько сот ярдов, но я выбрал путь подлиннее и полегче. Один раз, когда я отдыхал, мне послышался звук, похожий на всхлипывание. Но я не был в этом уверен.

Потом я услышал его вновь. Теперь громче, и доносился он откуда-то из-за моей спины.

Я подождал, пока он повторится, и направился в ту сторону.

Десять минут я лежал и отдыхал рядом с огромным валуном. Он находился у высокой каменной стены. Приглушенный плач доносился откуда-то отсюда. Похоже, здесь была пещера, но я не имел желания проводить научные исследования и поэтому заорал:

— Эгей, в чем дело?

Полная тишина.

— Эгей!

— Это ты, Френк?

Это был голосок леди Карли.

— Привет, красотка. Прошлой ночью ты пожелала мне идти навстречу гибели. А как твой собственный поход?

— Меня завалило в пещере, Френк. Я не могу отодвинуть камень.

— Дорогуша, это не камень, это каменище. Я как раз по другую сторону.

— Ты можешь вытащить меня?

— А зачем ты туда залезла?

— Я спряталась, когда началась буря. Потом я пыталась прорыть ход наружу, но у меня обломались все ногти... и я не могу найти способ обойти камень.

— Карли, милашка. Его, кажется, не обойдешь.

— Что случилось?

— Все умерли. Остались только мы с тобой да кусочек Острова. Тут была целая битва, а сейчас идет дождь.

— Ты сможешь вытащить меня?

— Сомневаюсь. Мне повезет, если я сам выберусь отсюда в моем состоянии.

— Ты в соседней пещере?

— Нет, я снаружи.

— Тогда что значит «отсюда»?

— С этой проклятой скалы обратно на Вольную — вот что это значит, леди Карли.

— Значит, придет помощь?

— Для меня. «Модель-Т» спустится лишь к вечеру. Такая у нее программа.

— На борту должны быть машины... Ты смог бы взорвать скалу или прорыть под ней ход?

— Леди Карли. У меня переломана нога, парализована рука, и такое множество растяжений, напряжений, порезов, ушибов и ссадин, что я даже не стал их считать. Мне повезет, если я влезу в корабль, не потеряв сознания, после чего обязательно просплю неделю. Прошлой ночью я предоставил вам возможность вновь стать моим другом. Помните, что вы мне ответили?

— Да...

— Ну вот, сейчас ваша очередь.

Я развернулся на локтях и стал отползать.

— Френк!

Я не ответил.

— Френк! Подожди! Не уходи! Пожалуйста!

— Почему бы и нет? — остановился я.

— Помнишь, что ты сказал мне тогда, ночью?

— Да. И помню ваш ответ. Впрочем, все это было прошлой ночью, когда я был другим человеком... У вас был шанс, но вы его упустили. Если бы у меня остались силы, я бы выцарапал ваше имя и дату на этом камне. Очень приятно было с вами познакомиться.

— Френк!

Я даже не обернулся.

«Перемены в твоем характере продолжают изумлять меня, Френк».

«Ага, ты тоже выбрался, Грин. Подозреваю, что ты в другой пещере и тоже желаешь, чтобы тебя откопали».

«Нет, я, собственно, всего в нескольких сотнях ярдов от тебя. Решил подождать тебя по направлению твоего движения. Рядом со мной энерговвод, но мне он уже ни к чему. Я дам знать, когда услышу тебя близко».

«Зачем?»

«Близится мое время. Я уйду в край смерти. В прошлую ночь меня сильно ранило».

«Что ты от меня хочешь? У меня полно своих забот».

«Меня беспокоит последний обряд. Ты говорил, что совершал его для Марлинга, поэтому ты должен его знать. К тому же ты сказал, что у тебя имеется глиттен...»

«Я в это больше не верю. И никогда не верил. Я сделал это для Марлинга, потому что...»

«Ты высший жрец. Ты носишь имя Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворца. И ты не можешь отказать мне в последней просьбе».

«Я отказался от Имени и отказываю тебе».

«Ты заявил, что если я тебе помогу, то ты скажешь за меня слово на Мегапсе. Я тебе помог».

«Знаю. Но теперь поздно, ты умираешь».

«Тогда выполни мою последнюю просьбу».

«Я помогу тебе всем, чем смогу, кроме последнего обряда. После вчерашней ночи я с такими вещами покончил навсегда».

«Ладно. Тогда просто приди ко мне».

И я дополз до него. К этому моменту дождь прекратился. Жалко. Он делал честное дело — вымывал из его тела жизненную влагу. Грин Грин лежал, прислонившись спиной к камню, и сквозь его плоть местами просвечивала белизна костей.

— Жизненная сила пейанцев — удивительная вещь,— констатировал я.— И все это ты заработал прошедшей ночью?

— Мне больно говорить. Я знал, что ты остался в живых, поэтому не позволял себе умереть, пока ты меня не отыщешь.

Мне пришлось снять остатки рюкзака со спины и открыть его.

— Вот, прими. Это от боли. Действует на представителей пяти рас.

Он вежливо отстранил мою руку:

— Я не желаю туманить сознание в последние минуты.

— Грин, я не буду исполнять обряд, а дам тебе корень глиттена, и ты сможешь принять его сам. Но ничего больше я не предприму.

— Даже если в обмен я дам тебе то, чего ты больше всего хочешь?

— Что я хочу?

— Возможность вернуть их всех к жизни. У них не останется памяти о том, что произошло.

— Ленты?!

— Да.

— Где они?

— Услуга за услугу, Дра Сандау.

— Обряд?

— Кати, новая Кати, которая никогда не встречала Майка Шендона. И Ник — любитель бить по чужим носам.

— Это тяжелое условие, пейанец.

— У меня нет выбора. И пожалуйста, поскорее!

— Хорошо. Я пойду с тобой этой ночью. А где Ленты?

— Когда обряд уже нельзя будет остановить, я скажу тебе.

Я засмеялся:

— Ладно, ты мне не доверяешь, но я тебя не виню.

— Ты держал экран и мог задумать уловку.

— Возможно. Я и сам не уверен.

Я развернул глиттен и разломил корень на куски нужной величины.

— Мы отправляемся в путь вместе с тобою,— начал я,— и только один из нас вернется сюда...

Пройдя через холодную серость, а потом через черную теплоту, мы зашагали в сумеречном свете. Здесь не было ни звезд, ни ветра. Была лишь ярко-зеленая трава, высокие холмы и холодная северная заря. Казалось, что все звезды были сброшены с черного лунного неба, после чего их истолкли в ступе и распылили по вершинам холмов.

Идти было легко. Мы словно весело прогуливались, хотя у нас была цель. Тела наши были вновь невредимы. Грин Грин шагал слева. Мы находились среди холмов сна, навеянного глиттеном. Или это был не сон? Все казалось реальным, и воспоминание о наших измученных телах, лежавших под дождем на голой скале, казалось памятью о сне давней давности. Мы словно всегда были здесь, Грин Грин и я — так казалось,— и нас окутывало чувство мира и дружелюбия. Все было почти так же, как и в прошлый раз, когда я посетил это место. Возможно, я действительно не уходил отсюда.

Некоторое время мы пели старинную пейанскую песню, после окончания которой он сказал:

— Я отдаю тебе пайбадру, которую держал на тебя, Дра. Больше у меня нет к тебе претензий.

— Благодарю, Дра-тари.

— Я обещал тебе кое-что сказать. О Лентах... Они лежат под моим пустым телом, которое я имел честь носить, будучи живым.

— Ясно.

— Но они тебе не пригодятся. Я перенес их туда силой сознания из тайника, где они хранились. Они были повреждены, так же как и образцы тканей. Таким образом, я сдержал свое слово, хотя и не лучшим образом. Но у меня не было выбора. Я не мог пойти сюда один.

Я должен был бы расстроиться, но почему-то этого не произошло. Это было не то место.

— Ты сделал то, что должен был сделать. Не беспокойся. Возможно, это даже к лучшему, что я не смогу их воскресить. Со времени их смерти они все так переменились. Они могли бы почувствовать себя одиноко в непривычном мире, как когда-то почувствовал себя я. Они могли бы и не поступить, как поступил я: вступил в борьбу с миром. Не знаю, пусть будет так, как есть. Кончено.

— Теперь я должен рассказать о Рут Ларри. Она находится в больнице для умалишенных в Фаллоне Кобача на Дрисколле. Она зарегистрирована там под именем Риты Лоуренс. Ее лицо изменено, так же, как и сознание. Тебе необходимо освободить ее и отправить к докторам.

— А почему она там?

— Это было проще, чем переправлять ее на Иллирию.

— Вся боль, которую ты причинил, она ничего для тебя не значила?

— Нет. Видно, я долго работал с веществом жизни.

— ...И довольно плохо работал. Я склонен считать, что это Белион был внутри тебя.

— Я не хотел этого говорить, потому что не желал оправдываться, но я тоже это подозреваю. Вот почему я пытался убить Шимбо. И когда ты стал лицом к лицу с ним, который был частью меня, я ударил по нему. После того, как он меня оставил, я почувствовал отвращение ко многим вещам, сделанным мною. Белион должен был отправиться назад, в Ничто, поэтому и пришел Шимбо. Нельзя было позволить Белиону сотворять новые игры жестокости и уродства. Шимбо, рассыпающий планеты, как жемчужины жизни в океане темноты, должен был вступить с ним в противоборство. И он победил.

— Нет! — воскликнул я. — Нам не обойтись друг без друга. Я оставляю себе Имя!

— Ты огорчен всем этим, и справедливо. Но нельзя так просто забыть о таком призвании, как твое. Пройдет время...

Я не ответил. Мысли мои обратились внутрь.

Мы шли путем смерти. Как бы ни было нам приятно, но это было лишь следствием действия глиттена. И если обычные люди могут пристраститься к нему из-за эйфории и видений, то те лепаты используют его особым образом.

Когда его принимает один человек, он увеличивает его силы.

Если же его примут двое, они могут увидеть общий сон, всегда приятный. И для странтианцев это всегда один и тот же сон, потому что из-за их психической тренировки подсознание воспроизводит его рефлекторно. Такова традиция.

...И оба они видят один сон, и лишь один из них проснется.

Таким образом глиттен используют в обряде смерти, чтобы умирающий уходил в некое место, от которого я тысячу лет старался держаться подальше, не в одиночку.

Этот эффект используют также и для дуэлей. Потому что, если только это не оговорено и не закреплено ритуалом, назад возвращается сильнейший. Такова природа наркотика, она вводит какие-то спящие части мозга в конфликт с другим сознанием, хотя вы сами этого не осознаете.

Григ Грин был в таком состоянии, что я не опасался ловушки. Даже если это была дуэль, мне нечего было бояться, учитывая его состояние и его обещание.

Но когда мы шагали рядом, я вдруг подумал, что под видом приятного, почти мистического обряда я уже несколько часов ускоряю его смерть.

Телепатическая эвтанезия.

Убийство мыслью.

Я был рад помочь сотоварищу пройти последний путь, если он этого хотел. Но это заставило меня подумать о собственной последней дороге. Я был уверен, что она уж никак приятной не будет.

Говорят, что как бы вы ни любили жизнь, как ни наслаждались каждой минутой, но когда-нибудь вы захотите смерти, будете ждать ее прихода, просить прийти. Когда об этом говорят, то подразумевают мучения и то, что все были бы рады избежать мучений и уйти таким приятным путем.

Я не надеялся, что уйду приятным путем в тихую теплую ночь. Нет, я буду драться за каждый дюйм света. Болезнь, которая и забросила меня в такую даль времен, заставила меня пережить достаточно мучений, даже агонию, пока меня не заморозили. Я много об этом раздумывал и решил, что никогда не соглашусь на легкий способ. Я желал жить и чувствовать. Есть книга. Ее написал человек, которого я уважаю,— Андре Жид. Она называется «Плоды Земли». Он уже лежал на смертном одре, знал, что осталось немного, несколько дней, он писал ее словно голубыми молниями. И завершил ее за три дня — и умер. В ней он перечисляет все прекрасные взаимопревращения воды, воздуха, огня и земли, вещей, которые его окружали, всего, что он любил, и видно, что он говорил им всем: «Прощайте»,— и, несмотря ни на что, не хотел уходить. Примерно так же думаю и я. Поэтому несмотря на мое сочувствие Грин Грину, я не сочувствовал и не одобрял его выбора. Я бы предпочел лежать на камнях с переломанными костями, ощущать дождь, и удивляясь этому, и немного сожалея, и много еще чего желая. Может быть, вот этот голод и позволил мне стать мироформистом.

...Мы взошли на холм и остановились на его вершине. Я уже знал, что мы увидим внизу.

Беря начало между двумя массивными выступами серого камня, с дном из зеленой травы, такой же яркой под ногами, которая потом становилась все темнее, она лежала перед нами. Большая Темная Долина. И вдруг я увидел перед собой темноту, совершенную тьму, где не было ничего, совсем ничего.

— Я пройду с тобой еще сотню шагов,— произнес я.

— Спасибо, Дра.

И мы спустились с холма, направляясь в долину.

— Что скажут обо мне на Мегапее, когда узнают, что я ушел?

— Не знаю.

— Скажи им, что я был глупцом, который пожалел о своей глупости прежде, чем пришел сюда.

— Скажу.

— И...

— Да, это я тоже передам. И попрошу, чтобы твои останки были перенесены в горы, в место твоего рождения.

Грин Грин благодарно склонил голову:

— Тогда это все. Ты будешь смотреть, как я уйду?

— Да.

— Как печально, что в конце виден свет.

— Так говорят.

— Пойду на его поиски.

— Счастливой дороги, Дра Грингрин-тари.

— Ты выиграл свои битвы, и ты покинешь это место. Построишь ли ты миры, которых я уже никогда не смогу увидеть и создать сам?

— Возможно,— прошептал я, глядя в темноту — ни звезд, ни комет, ни метеоров.

Но вдруг там что-то появилось.

В пустоте плыла Новая Индия. До нее, казалось, миллион миль, но все детали были ясно видны и светились. Она медленно отодвинулась вправо, пока ее не закрыла скала. К тому времени в поле зрения вошел Кокитус. За ним последовали все остальные: Святой Мартин, Бунинград, Ужасный, М-2, Хонкитонк, Мерсия, Иллирия, Вершина, Тангия, Безумство, Родена, Вольная, Кастор, Поллукс, Централия, Дэнди и так далее.

По какой-то глупой причине глаза мои вдруг наполнились слезами. Мимо проходили все миры, какие я придумал и построил. Я уже позабыл, что это так красиво.

Чувства, наполнявшие меня во время их создания, снова возвратились ко мне. Там, где была пустота, теперь висели миры. Это был мой ответ. Когда я наконец уйду в Долину, они останутся после меня. Я совершил что-то в жизни и знал, как совершить больше.

— Там действительно свет!— воскликнул Грин Грин, и я не сразу понял, что он ухватил меня за руку, глядя на парад планет.

Я дотронулся до его плеча:

— Да встретишься ты с Кирваром Четырехлицым, Отцом всех Цветов!

Я не собрался с мыслями и не разобрал его ответ, когда он прошел мимо двух камней, вошел в Долину и исчез из виду.

Я повернулся лицом на восток, если таковой здесь имелся, и направился обратно.

Обратный путь...

Медные гонги и головастики.

Я лежал на шершавом потолке. Нет. Лежа лицом вверх — подо мной находилось ничто,— я пытался удержать мир на плечах. Планета была тяжелая, в спину давили камни. Потом подо мной был залив с его кондомами, плавающими деревяшками, канатами водорослей, пустыми бутылками. Я слышал, как плещутся волны. Они плескались, и брызги долетали до моего лица. Жизнь — холод, запахи. Может быть, я слышал крики птиц. Я побывал у Долины Теней и теперь возвращался назад. Если повезет, я вновь убегу от ледяных пальцев волны Залива. Я упал, и мир вокруг раздвоился, затем снова соединился и стал таким, каким я его покинул.

Небо было словно грифель, испятнанное сажей. Моросило. Камни впились в спину. Было отвратительно знобко.

Я уселся, тряся головой, чтобы прояснить мысли. Рядом лежало тело зеленокожего человека-пейанца. Я произнес последние слова, и голос мой дрогнул, когда я произносил их.

Я уложил тело Грин Грина в более удобное положение и накрыл своей пленкой. Я вытащил Ленты и биоцилиндры, прикрытые его телом. Он был прав: они были разрушены. Я уложил их в рюкзак. По крайней мере, Бюро Безопасности будет счастливо узнать, что все так разрешилось. Потом я дополз до энерговвода и стал ждать, подняв экран над Силой, чтобы привлечь внимание «Модели-Т». И продолжал следить за небом.

Я видел, как она уходила от меня, ее стройные бедра обтянуты белым и слегка покачиваются, ее сандалии щелкают по плитам патио. Я хотел пойти за ней, объяснить, какую роль я играл во всем случившемся. Но я знал, что это ничему не поможет, так зачем терять лицо. Когда сказка кончена и звездная пыль грез садится на землю, и вы чувствуете, что последняя строчка никогда не будет написана, то зачем лишние упражнения в бесплодных попытках? Ведь были же и великаны и карлики, и жабы и волшебные грибы, и полные драгоценностей пещеры, и не один, а целых десять волшебников...

Я почувствовал приближение «Модели-Т» еще прежде, чем увидел ее воочию.

Десять волшебников финансовых, десять торговых баронов Алгола.

И все они были ее дяди.

Я надеялся, что союз будет сохранен, скрепленный поцелуем. Я не планировал двойной игры, но когда та сторона стала играть нечестно, нужно было что-то предпринимать. И все же это было не моих рук дело. Был вовлечен весь механизм, и я был не в силах его остановить, если бы даже захотел.

Я чувствовал, как садится моя старушка «Т», и потер ногу в месте перелома. Стало больно, и я отдернул руку.

Деловое соглашение, сказка, вендетта... В конце я выиграл и должен был бы великолепно себя чувствовать.

Показалась «Модель-Т». Она быстро снижалась и повисла надо мной, как планета, пока я управлял посадкой через узел энерговвода.

В своей жизни мне случалось бывать в шкуре труса, бога, сукина сына, да всего и не перечислить. Если живешь очень долго, без этого не обойтись. Приходится проходить все фазы. Сейчас я был просто обеспокоен, сильно устал, и у меня было лишь одно желание.

Я посадил «Модель-Т» на ровное место, открыл люк и пополз к кораблю.

Теперь уже было все равно, все то, о чем я думал, когда пламя взметалось высоко, все это не имело значения. Как ни смотри на вещи, они уже не имели значения.

Я добрался до корабля и залез в люк.

Усевшись за пульт, я повысил чувствительность управляющих приборов до максимума.

Болела нога.

Мы медленно взлетели.

После этого я взял все необходимое, посадил корабль и еще раз вылез наружу.

Прости, что я ушел, малыш.

Я тщательно прицелился и распилил валун.

— Френк, это ты?

— Нет, семеро козлят.

Леди Карли выбежала из пещеры, вся в земле, с огромными безумными глазами.

— Ты вернулся за мной!

— Я и не уходил.

— Ты ранен.

— А я что говорил.

— Ты сказал, что уйдешь и оставишь меня там одну.

— Тебе давно пора бы понимать, когда я шучу, когда говорю серьезно, леди.

Она крепко расцеловала меня и помогла мне встать на одной здоровой ноге, забросив одну руку к себе на плечо.

— Теперь сыграем в «кенгуру»,— предложил я.

— Что это такое?

— Одна старая игра. Когда я снова смогу ходить, я, так и быть, тебя научу.

— А куда мы теперь?

— Домой, на Вольную. Ты можешь остаться там или уйти, как захочешь. Ты вольная пташка.

— Я могла бы и догадаться, что ты меня не бросишь, но когда ты заявил... Бог мой! Какой жуткий день! Что здесь случилось?

Остров Мертвых постепенно погружается в Ахерон. Идет дождь.

На ее нежных руках запеклась кровь, волосы были спутаны.

— Ты же понимаешь, что я вовсе не думал тебя оставлять здесь.

— Понимаю.

Я осмотрелся. Когда-нибудь я восстановлю все это.

— Боги! Ну что за жуткий день!

— Наверху сияет солнышко. Думаю, мы доберемся туда, если ты мне поможешь.

— Обопрись на меня.

И я положил руку на ее плечико...

СОЗДАНЬЯ СВЕТА, СОЗДАНЬЯ ТЬМЫ...

Поколения исчезают, уступая место новым,
и так было со времени наших предков.
Те, кто строят здания,
не имеют больше места.
Что сделали с ними?

Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
чьи речи так любят повторять люди.
Где теперь их место?

Их стены обвалились,
их домов не существует,
как будто их не было вовсе.

Никто не возвращается оттуда,
чтобы сказать нам, где их место,
чтобы сказать нам, как им живется,
чтобы сказать нам, как успокоить сердце,
пока мы сами не отправимся за ними.

Так празднуйте и оставайтесь молодыми!
Смотрите, человеку не дано
забрать туда с собой свои владенья.
Смотрите, кто ушел туда, назад
не возвратится.

Харрис

И вот, вошел он туда с Волшебной Палочкой в одной своей руке и Стаканом в другой, а с ним множество Чудовищ с головами диких Зверей. Они шли и страшно шумели, с факелами в руках.

Мильтон

Людская одежда – железо,
А тело — подарок небес.
Лицо как закрытая книга,
И жадное сердце как бес.

Блейк

Прелюдия в Доме Мертвых

Человек идет в канун Тысячелетия в Доме Мертвых. Если вам удастся окинуть взглядом огромную комнату, по которой он идет, вы ничего не увидите. Слишком темно для глаз, чтобы что-нибудь различить.

И в это темное время мы будем называть его просто «человек».

Для этого есть две причины: во-первых, он полностью подходит под такое описание — мужчина, модель — человек, ходит прямо, на двух ногах, большие пальцы рук отстоят в стороны, обладает и другими характерными признаками человека, и во-вторых, потому что имя его было отнято у него.

И пока что нет причин заострять на этом вопросе внимание.

В правой руке человек держит посох своего Господина, и тот направляет его в темноте. Он тянет его то в одну сторону, то в другую. Он обжигает его руку, его пальцы, его отстоящий боль-

шой палец, если только нога его хоть немного уклонится от предназначенного пути.

Когда человек приближается в темноте к определенному месту, он поднимается на семь ступенек к каменному помосту и три раза стучит своим посохом.

И тогда появляется свет, туманный и оранжевый, рассеивающийся к углам. Он освещает огромную пустую комнату.

Человек переворачивает посох и засовывает его углубление в камне.

Если бы у вас были уши в этой комнате, вы бы услышали звуки крылатых насекомых, кружащихся вокруг вас,— удаляющихся, возвращающихся.

Но только человек слышит их. Здесь присутствуют еще больше двух тысяч людей, но все они мертвы.

Они выходят из прозрачных прямоугольников, которые сейчас появляются в полу, выходят недышащие, неморгающие, в горизонтальном положении, отдыхают на невидимых катафалках на высоте двух футов, их одежда и кожа всех возможных цветов, а их тела — всех веков. У некоторых из них есть крылья, у некоторых — хвосты, у других имеются рога, а у третьих — длинные когти. У четвертых есть абсолютно все, а у пятых встроены механизмы, хотя у шестых их нет вовсе. Многие из них выглядят как обычные люди — вообще без всего.

На человеке надеты желтые брюки и рубашка без рукавов того же цвета. Пояс и плащ черные. Он стоит рядом со светящимся посохом своего Господина и смотрит на мертвых.

— Вставайте,— говорит он.— Все вы!

И слова его смешиваются с жужжанием в воздухе и повторяются вновь и вновь, не как эхо, затихая, а настойчиво и решительно, с силой электрического сигнала тревоги.

Весь воздух заполнен звуками и наэлектризован. Раздаются стоны и скрип суставов, затем дыхание.

Шуршание, звон, кряхтение, они садятся, они встают.

Затем звуки и движение прекращаются, и мертвые стоят, как незажженные свечи, перед своими раскрытыми могилами.

Человек сходит с помоста, стоит мгновение перед ними, потом произносит:

— Следуйте за мной!

И идет обратно тем же путем, которым пришел, оставив посох своего Господина дрожать светом в сером воздухе.

Вот он подходит к высокой женщине с золотистой кожей — самоубийце, смотрит в ее невидящие глаза и спрашивает:

— Ты узнаешь меня?

И оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы шепчут:

— Нет.

Но он смотрит еще пристальней и говорит:

— Ты знала меня?

И воздух гудит его словами, потом она отвечает снова:

— Нет!

И он проходит мимо нее.

Тогда он спрашивает двух других: человека древнего веками, у которого часы встроены в левую кисть, и черного карлика с рогами и копытами и хвостом козла. Но оба говорят:

— Нет.

И они пристраиваются к нему и идут сзади, и следуют за ним из этой огромной комнаты в другую, где под каменным полом находятся другие мертвые, не слишком ожидающие, чтобы их вызвали в канун его Тысячелетия в Доме Мертвых.

Человек ведет их. Он ведет мертвых, которых вызвал к движению, и они следуют за ним. Они следуют за ним по коридорам, и галереям, и залам, вверх, по узким витым лестницам, и вниз, по широким прямым лестницам, и они приходят, наконец, в Большой Зал Дома Мертвых, где его Господин принимает подданных.

Он сидит на черном троне из отполированного камня, а слева и справа от него стоят металлические чаши с огнем. На каждой из двухсот колонн в этом высоком Зале пылает факел, мигая, и дым с искрами завивается и уходит вверх, становясь, наконец, серой частью плывущего облака, которое полностью покрывает потолок.

Господин не двигается, он смотрит на человека, который идет, приближаясь, по Залу с пятью тысячами мертвых за его спиной, и глаза его сверкают красным огнем, когда он смотрит, как человек идет вперед.

Человек простирается у его ног и не двигается, пока к нему не обращаются.

— Ты можешь приветствовать меня и подняться,— слышатся слова, каждое из которых — резкий горловой звук посредине выдоха.

— Хайль, Анубис, Господин Дома Мертвых! — говорит человек.

И встает.

Анубис слегка наклоняет свою черную морду, клыки в его рту белы. Красная молния, его язык, высовывается, опять исчезает во рту. Потом он встает, и тени скользят вниз по его голому человеческому телу.

Он поднимает левую руку, и жужжащий звук раздается по всему залу: он разносит его слова сквозь мигающий свет и дым.

— Слушайте, вы, те, кто мертв,— говорит он.— Сегодня вы будете развлекаться ради моего удовольствия. Пища и вино пройдут между вашими мертвыми губами, хотя вы не почувствуете их вкуса. Ваши мертвые желудки удержат все это внутри вас, а ваши мертвые ноги будут танцевать. Ваши мертвые рты будут говорить слова, которые не будут иметь для вас значения, вы будете обнимать друг друга и ничего при этом не испытывать. Вы будете петь для меня, если я пожелаю. Вы опять ляжете, когда я велю вам.

Он поднимает правую руку.

— Пусть начинается пир,— говорит он и хлопает в ладоши.

И тогда из-за колонн выдвигаются столы, заставленные едой и напитками, и в воздухе слышится музыка.

Мертвые двигаются, чтобы повиноваться ему.

— Ты можешь присоединиться к ним,— говорит Анубис человеку и вновь садится на свой трон.

Человек подходит к ближайшему столу, слегка закусывает и выпивает стакан вина, мертвые танцуют вокруг него, но он не танцует с ними. Они издают шумы, которые являются словами без смысла, он не слушает их. Наливает второй стакан вина, и глаза Анубиса смотрят, как он пьет его. Он наливает третий стакан вина, держит его в руках, отхлебывает из него по глоточку и смотрит в него неотрывным взглядом.

Он не может сказать, сколько проходит времени, пока Анубис не говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Приблизься,— говорит Анубис, и он делает это.

— Ты можешь подняться. Ты знаешь, какая сегодня ночь?

— Да, Господин. Это — канун Тысячелетия.

— Это канун твоего Тысячелетия. Сегодня ночью мы празднуем годовщину. Ты служил мне в Доме Мертвых полную тысячу лет. Ты рад?

— Да, Господин...

— Ты помнишь мое обещание?

— Да. Ты сказал мне, что если я буду верно служить тебе тысячу лет, ты отдашь мне мое имя обратно. Ты скажешь мне, кем я был на Средних Планетах Жизни.

— Прости меня, но я этого не обещал.

— Ты?..

— Я сказал тебе, что дам тебе имя, какое-то имя, а это совершенно разные вещи.

— Но я думал...

— Мне все равно, что ты думал. Ты хочешь получить имя?

— Да, Господин...

— Но ты предпочел бы свое старое? Ты это хочешь сказать?

— Да.

— Неужели ты действительно думаешь, что кто-нибудь вспомнит твое имя после десяти веков? Неужели ты считаешь, что был такой важной персоной на Средних Мирах, что кто-нибудь отметил твое имя, что оно могло иметь для кого-нибудь значение?

— Я не знаю.

— Но ты хочешь получить его обратно?

— Если это можно, Господин.

— Почему? Почему ты его хочешь получить?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Я хотел бы знать, кем я был, когда жил там.

— Почему? Зачем тебе это?

— Я не могу ответить тебе, потому что не знаю.

— Из всех мертвых,— говорит Анубис,— одному тебе дал я полное сознание, чтобы ты служил здесь мне. Ты это знаешь. Может быть, поэтому ты чувствуешь, что в тебе есть нечто такое особенное?

— Я часто задумывался, зачем ты это сделал.

— Тогда разреши мне успокоить тебя, человек. Ты — ничто. И был ничем. Тебя не помнят. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает глаза.

— Ты не веришь мне?

— Нет, Господин...

— А почему? Я забрал воспоминания твоей жизни, потому что они не причиняли бы тебе ничего, кроме боли. А сейчас позволь мне продемонстрировать твою безликость.

В этом зале более пяти тысяч мертвых из многих веков и мест.

Анубис встает, и голос его доносится до каждого присутствующего в зале.

— Слушайте меня, личинки! Поверните свои глаза к этому человеку, который стоит перед моим троном! Повернись к ним лицом, человек!

Человек поворачивается.

— Знай, человек, что сегодня ты не носишь того тела, в котором спал еще прошлой ночью. Сейчас ты таков, как тысячу лет назад, когда пришел в Дом Мертвых. Мои мертвецы, есть ли кто-нибудь из присутствующих здесь, кто может выйти и сказать, что знает этого человека?

Девушка с золотистой кожей выходит вперед.

— Я знаю этого человека,— говорит она оранжевыми губами,— потому что он говорил со мной в другой комнате.

— Это я знаю,— говорит Анубис,— но кто он?

— Он тот, который говорил со мной.

— Это не ответ. Иди и обнимайся вон с той розовой ящерицей. А ты что, старик?

— Со мной он тоже говорил.

— Это я знаю. Ты можешь назвать его?

— Не могу.

— Тогда иди и танцуй на том столе и поливай свою голову вином. А ты что скажешь, негр?

— Этот человек разговаривал и со мной.

— Ты знаешь его имя?

— Я не знал его, когда он спросил меня...

— Тогда сгори!— вскрикивает Анубис, и огонь падает с потолка, вырывается из стен, и от негра остается один лишь пепел, который затем медленно движется по полу мимо ног танцующих и превращается в пыль.

— Ты видишь?— спрашивает Анубис.— Никто не может назвать тебя именем, которое ты когда-то носил.

— Вижу,— отвечает человек,— но этот, последний, хотел еще что-то сказать...

— Такую же бессмыслицу! Ты никому не известен и никому не нужен, кроме меня. И только потому, что ты хорошо знаешь искусство бальзамирования и иногда можешь сочинить неглупую эпитафию.

— Благодарю тебя, Господин.

— Какую пользу принесут тебе здесь твои воспоминания и твое имя?

— Наверное, никакой.

— И тем не менее ты хочешь получить имя, и я дам его тебе. Вытащи свой кинжал.

Человек вытаскивает кинжал, который висит у него с левой стороны.

— А теперь отрежь свой большой палец.

— Какой, Господин?

— Сойдет и левый.

Человек закусывает нижнюю губу, и глаза его сужаются, когда он водит лезвием по суставу большого пальца. Кровь течет на пол. Она стекает с лезвия ножа и скапливается каплями на его кончике. Он падает на колени, но продолжает резать, и слезы текут по его щекам и смешиваются с кровью. Он тяжело и часто дышит, и с уст его срывается рыдание.

Затем...

— Готово, Господин,— говорит он.— Вот.

Он роняет кинжал и протягивает свой большой палец Анубису.

— Мне он не нужен! Брось его в огонь!

Своей правой рукой человек бросает большой палец в жаровню. Он шипит, трещит и сгорает.

— А сейчас сложи горсткой свою левую руку и собери в нее кровь.

Человек делает это.

— А теперь подними ее над головой, пусть кровь протечет тебе на лоб.

Он поднимает руку, и кровь течет на его лоб.

— А теперь повторяй за мной: «Я крещу себя... Оаким, из Дома Мертвых»...

— Оаким, из Дома Мертвых...

— Именем Анубиса...

— Именем Анубиса...

— ОАКИМ...

— ОАКИМ...

— Посланником Анубиса на Средние Миры...

— Посланником Анубиса на Средние Миры...

— ...и те, что за ними...

— ...и те, что за ними...

— А теперь слушайте меня, о мертвые! Я объявляю этого человека Оакимом. Повторите его имя!

— О А К И М!— слышатся слова из мертвых губ.

— Быть по сему! Теперь у тебя есть имя, Оаким,— говорит он.— А следовательно, необходимо, чтобы ты почувствовал рождение своего имени, чтобы ты ушел измененный этим событием, о мой поименованный!

Анубис поднимает обе руки над головой и опускает их.

— Продолжайте танцевать! — приказывает он мертвым.

Они вновь начинают двигаться под музыку.

В зал въезжает телоразделочная машина, а за ней следует машина, заменяющая члены.

Оаким отворачивается от них, но они подъезжают к нему и останавливаются.

Первая машина высовывает зажимы и держит его.

— Человеческие руки слабы,— говорит Анубис.— Пусть их уберут.

Человек кричит, когда видит, как лезвия начинают жужжать. Затем он теряет сознание. Мертвые продолжают свой танец.

Когда Оаким приходит в себя, то видит: серебряные руки висят по обеим сторонам, холодные и бесчувственные. Он сжимает пальцы.

— А человеческие ноги медленны и способны уставать. Пусть те, что он носит, будут заменены никогда не устающими металлическими.

Когда Оаким очнулся во второй раз, он стоит на серебряных колоннах. Он шевелит пальцами ног. Язык Анубиса выскакивает вперед.

— Положи свою правую руку в огонь,— говорит он,— и держи ее там, пока она не раскалится добела.

Музыка льется повсюду вокруг них, а пламя ласкает его руку, пока она не становится такой же красной, как и само пламя. Мертвые разговаривают на свои мертвые темы и пьют вино, вкуса которого не чувствуют. Они обнимают друг друга без всякого удовольствия.

Рука раскаляется добела.

А теперь,— говорит Анубис,— возьми свой член в свою правую руку и сожги его.

Оаким облизывает губы.

— Господин...— говорит он.

— Сделай это!

И он делает это и падает без чувств, не успев довершить дело до конца.

Когда он вновь открывает глаза и смотрит вниз, на себя, видит: он весь состоит из сверкающего серебра, без признаков пола и сильный. Когда он дотрагивается до своего лба, слышится звон металла о металл.

— Как ты себя чувствуешь, Оаким?— спрашивает Анубис.

— Я не знаю,— отвечает он голосом странным и хриплым.

Анубис делает знак, и ближайшая сторона разделочной машины становится зеркалом.

— Посмотри на себя.

Оаким смотрит на сверкающее яйцо — свою голову, желтые линзы — свои глаза, сияющую бочку — свою грудь.

— Люди могут начинать и кончать самыми разнообразными путями, — говорит Анубис. — Некоторые начинают так, как машины, и медленно завоевывают свою человечность. Другие могут кончить машинами, медленно теряя человечность в течение всей своей жизни. То, что потеряно, всегда может быть возвращено. То, что найдено, всегда может быть потеряно. Что ты, Оаким, человек или машина?

— Я не знаю.

— Тогда разреши мне запутать тебя еще больше.

Анубис делает знак — и руки и ноги Оакима отпадают в стороны. Его металлическое туловище звякает о каменный пол, катится, потом останавливается у самого трона.

— Теперь ты лишен подвижности, — говорит Анубис.

Он вытягивает вперед свою ногу и дотрагивается до крохотного выключателя на затылке Оакима.

— Теперь у тебя отсутствуют все чувства, кроме слуха.

— Да, — отвечает Оаким.

— А теперь к тебе делают подсоединение. Ты ничего не чувствуешь, но голова твоя открыта, и сейчас ты станешь частью машины с мониторами, которая поддерживает весь этот мир. Смотри на него, на весь!

— Я смотрю, — отвечает он, и осознает каждую комнату, коридор, зал в этом всегда мертвом, не бывшим живым мире, который никогда и не был миром, миром сделанным, а не созданным звездным взрывом и животворящим огнем, сколоченным и соединенным, склепанным и сваренным, изолированным и украшенным не морями, землями и воздухом, но смазкой, металлом и камнем и стенами энергии, висящими в ледяной пустоте, где не светит никакого солнца, и он ощущает расстояние, вес, давление, материалы и тайное количество мертвых. Он осознает только поддерживающие волны движения, проходящие сквозь Дом Мертвых. И он течет вместе с ними, познавая бесцветный цвет восприятия.

Затем Анубис опять говорит:

— Ты знаешь каждую тень в Доме Мертвых. Ты глядел через все самые сокровенные глаза.

— Да.

— А теперь посмотри, что лежит за всем этим.

Звезды, звезды, звезды, рассеянные звезды, и в промежутках — темнота. Они вспучиваются, сворачиваются и изгибаются, и они бегут к нему, пробегают мимо него. Они сияют светом, чистым, как глаза ангелов, и они проскальзывают близко от него, далеко от него, в той вечности, через которую он, кажется, движется. Нет ни чувства времени, ни чувства движения. Нет — лишь меняется поле. Огромный голубой гигант солнца мгновение висит рядом

с ним, потом опять возвращается, окутывает его со всех сторон, и другие огоньки пролетают мимо, как в тумане.

И, наконец, он появляется в мире, который не является миром, лимонным и лазурным и зеленым, зеленым, зеленым. Зеленая корона висит над ним, в три раза больше его самого, и он пульсирует приятным ритмом.

— Смотри на Дом Жизни,— говорит Анубис откуда-то.

И он смотрит. Там тепло, светло и живо. Он чувствует там жизнь.

— Озирис правит Домом Жизни,— говорит Анубис.

И он смотрит на большую птичью голову на человеческих плечах, ярко-желтые глаза, живые, о, какие живые!, и стоит это существо перед ним на бесконечной равнине, вечнозеленой, через призму которой он взирает на весь свой мир, и он держит посох Жизни в одной руке и Книгу Жизни в другой. Он — как источник животворящего тепла.

Затем Оаким опять слышит голос Анубиса.

— Дом Жизни и Дом Мертвых управляют Средними Мирами.

А затем неожиданное бесконечное падение, такое, что кружится голова, и Оаким опять смотрит на звезды, но звезды эти отделены одна от другой видимыми силовыми линиями, потом невидимыми, потом опять видимыми, постепенно исчезающими, появляющимися, уходящими белыми сверкающими линиями, неустойчивыми.

— Сейчас ты воспринимаешь Средние Миры Жизни, – говорит Анубис.

И дюжины миров катятся перед ним, как шарики из экзотического мрамора, с пунктирными линиями, калиброванные, отполированные, раскаленные.

— ...находятся,— говорит Анубис.— Они находятся внутри поля, которое создается между двумя единственными полюсами, которые имеют значение.

— Полюсами?— вопрошает металлическая голова, которая Оаким.

— Домом Жизни и Домом Мертвых. Средние Миры двигаются вокруг своих солнц, и все вместе идут по дорогам Жизни и Смерти.

— Я не понимаю,— говорит Оаким.

— Жизнь или Смерть. Конечно, ты не понимаешь. Что является в одно и то же время величайшим благословением и величайшим проклятием во вселенной?

— Я не знаю,— отвечает Оаким.

— Жизнь,— повторяет Анубис,— или Смерть.

— Не понимаю,— говорит Оаким.— Ты употребил превосходную степень. На твой вопрос требовался один ответ. Тем не менее ты назвал две вещи.

— Вот как? Правда? Только потому, что я использовал два слова, можно ли сделать вывод, что имелись в виду две совершен-

но различные вещи? Разве у одной не может быть более чем одно название? А возьми, например, себя. Что ты?

— Я не знаю.

— Значит, это может быть началом мудрости. Ты с такой же легкостью можешь быть машиной, которую я решу инкарнировать, как и человеком на время, который сейчас вернулся в свой металлический облик, так же, как ты мог быть человеком, которого я решил инкарнировать машиной.

— Тогда в чем же разница?

— Ни в чем. Ее вообще нет. Но ты не можешь отличить себя сам. Ты не можешь вспомнить. Скажи, ты жив?

— Да.

— Почему?

— Я мыслю. Я слышу твой голос. Я понимаю. Я могу говорить.

— Какая из этих особенностей есть жизнь? Вспомни, что ты не дышишь, что твоя нервная система — путаница проводов, и я сжег твое сердце. Вспомни также, что у меня есть машины, которые умнее тебя, обладают лучшей памятью, умеют лучше разговаривать. Какое еще извинение ты придумаешь себе, говоря, что жив? Ты говоришь, что слышишь мой голос, а восприятие звуков — субъективный феномен? Прекрасно. Я отключу и твой слух. Внимательно следи, прекратишь ли ты при этом свое существование.

одна снежинка, опускающаяся в колодец, колодец без воды, без стен, без дна, без верха. А сейчас убери эту снежинку и подумай о падении...

После безвременного времени опять слышится голос Анубиса.

— Ты знаешь разницу между жизнью и смертью?

— «Я» — это жизнь,— ответствует Оаким.— Что бы ты ни дал или забрал от меня, если «Я» остаюсь — это жизнь.

— Спи,— говорит Анубис.

И ничто больше не слышит его там, в Доме Мертвых.

Когда Оаким пробуждается, он осознает, что сидит за столом рядом с троном, что он опять смотрит на танец мертвых и слушает музыку, под которую они двигаются.

— Ты был мертв?— спрашивает Анубис.

— Нет,— говорит Оаким.— Я спал.

— Какая разница?

— «Я» все еще присутствовал, хотя и не осознавал этого.

Анубис смеется.

— Допустим, я никогда не разбудил бы тебя?

— Тогда, думаю, это была бы смерть.

— Смерть? Если бы я решил не использовать своих сил, чтобы разбудить тебя? Даже несмотря на то, что эта сила все время присутствовала бы, так же как и потенциально спящий «Ты»?

— Если бы это никогда не было сделано, если бы я навечно остался только потенциально способным быть разбуженным, то это была бы смерть.

— Мгновение назад ты говорил, что сон и смерть — это разные вещи. Неужели имеет значение только период времени?

— Нет,— говорит Оаким.— Только существование имеет значение. После сна всегда наступает бодрствование, и жизнь при этом присутствует. Когда я существую, я это знаю. Когда не существую, я ничего не знаю.

— Значит, жизнь — ничто?

— Нет.

— Значит, жизнь — существование? Как эти мертвые?

— Нет,— говорит Оаким.— Это знание о том, что ты существуешь хотя бы незначительное время.

— Тогда что же является выражением этого процесса?

— «Я»,— отвечает Оаким.

— А что такое «Я»? Кто ты?

— Я — Оаким.

— Я дал тебе имя совсем недавно! Чем ты был до этого?

— Не Оакимом.

— Мертвым?

— Нет! Живым! — вскрикивает Оаким.

— Не повышай своего голоса в стенах моего дома,— говорит Анубис.— Ты не знаешь, что ты и кто ты, ты не знаешь разницу между существованием и несуществованием, и тем не менее ты споришь со мной о жизни и смерти! Теперь я не буду спрашивать тебя, я скажу тебе. Я скажу тебе о жизни и смерти.

— Есть слишком много жизни,— начинает он.— и есть ее недостача. И то же самое можно сказать о смерти. А теперь я отброшу в сторону парадоксы.

Дом Жизни находится так далеко отсюда, что луч света, который оставил его в тот день, когда ты впервые вошел сюда, не успел пройти и незначительной доли самого малого расстояния, которое разделяет нас. Между нами находятся Средние Миры. Они двигаются в прибое Жизни-Смерти, который проходит между моим домом и домом Озириса. Когда я говорю «проходит», я не имею в виду, что они двигаются, как жалкий луч света, который еле-еле ползет во вселенной. Скорее они движутся как волны океана, у которого всего два берега. Мы можем устроить бурю в любом месте, и при этом остальная часть океана останется спокойной. Что это за волны, и что они делают?

— Некоторые миры,— продолжает он,— обладают слишком большой жизнью. Жизнь — ползающая, испражняющаяся, жалкая, миры, слишком милосердные, со слишком развитой наукой, которая позволяет людям жить долго, миры, которые готовы утопить себя в своем семени, миры, которые заполняют все свои земли брюхатыми женщинами,— и таким образом ведущие себя к смерти под тяжестью своей собственной плодовитости. Есть и другие миры, холодные, бесплодные и пустынные, которые перемалывают жизнь, как мельница зерно. Даже улучшая свое физическое тело, имея машины, управляющие всем миром, имеется всего несколько сот миров, населенных шестью разумными

расами. На самых неудачных из них жизнь крайне необходима. Она — благословение. Когда я говорю, что жизнь нужна или не нужна в определенном месте, я, конечно, точно так же говорю о том, нужна или не нужна там смерть. Я говорю не о двух разных вещах, а об одном и том же. Озирис и я — хранители. Кредит и дебет. Мы поднимаем бурю или заставляем ее успокаиваться. Можно ли рассчитывать, что смерть ограничит сама себя? Никогда. Это такое же бездумное желание нуля достичь бесконечности.

— Но должен существовать контроль над жизнью и смертью,— продолжает далее он,— иначе плодовитые миры будут возвышаться и падать, с циклами между империями и анархией, а затем кончат полным разрушением. Жизнь не может поддерживать себя внутри статистических данных, которыми она направляется. А следовательно, ее надо направлять, и это делается. Озирис и я держим Средние Миры в своих руках. Они находятся в нашей сфере деятельности, под нашим контролем, и мы даем или отнимаем жизнь, когда захотим. Теперь ты понимаешь, Оаким? Ты начинаешь понимать?

— Ты ограничиваешь жизнь? Вызываешь смерть?

— Мы можем наложить стерильность на любую из шести рас любого мира на такой период времени, который сочтем необходимым. Это может быть сделано на полной или на частичной основе. Мы можем так же увеличивать или уменьшать продолжительность жизни, уничтожать целые народы.

— Как?

— Огонь. Голод. Чума. Война.

— А стерильные миры, бесплодные миры? Как же с ними?

— Можно сильно увеличить деторождаемость и не вмешиваться в продолжительность жизни. Умершие отправляются в Дом Жизни, а не сюда. Там их чинят, или части их используются при создании новых индивидов, которые могут обладать, а могут и не обладать человеческим разумом.

— А остальные мертвые?

— Дом Мертвых — кладбище всех шести рас. На Средних Мирах нет законных гробниц и могил. Было время, когда Дом Жизни посылал к нам за людьми или их частями. Были и такие случаи, когда они посылали нам излишки.

— Это трудно понять. Это кажется жестоким, зверским...

— Это жизнь и это смерть. Это величайшее благословение и величайшее проклятие во вселенной. Тебе не надо понимать этого, Оаким. Твое понимание или его отсутствие, твое одобрение или неодобрение ни в коей мере не изменит существующего порядка вещей.

— А откуда появился ты, Анубис, и Озирис, как вы управляете всем этим?

— Есть вещи, которые ты не должен знать.

— А как Средние Миры принимают ваше управление?

— Они живут под ним и умирают под ним. Это выше их возражений, потому что необходимо для того, чтобы они продолжа-

ли существовать. Это стало законом природы, а следовательно, с одинаковой силой действует для всех, кто живет согласно законам природы.

— Есть и такие, которые не живут согласно им?

— Ты узнаешь об этом больше, когда я сочту нужным сказать тебе, но не сейчас. Я сделал тебя машиной, Оаким. Теперь я сделаю тебя человеком. Кто может сказать, с чего ты начал, кем ты начал? Если бы я стер всю твою память до этой минуты, а затем дал бы тебе новое тело, ты помнил бы только, что был машиной.

— Ты так и сделаешь?

— Нет. Я хочу, чтобы ты обладал памятью, которой обладаешь сейчас, перед тем, как я сообщу тебе твои новые обязанности.

Машина снимает Оакима с полки и отключает его чувства. Музыка пульсирует и льется между танцорами, двести факелов сверкают на колоннах, как бессмертные мысли. Анубис смотрит на почерневшее место на полу Большого Зала, а наверху облако дыма движется, подчиняясь своему собственному ритму.

Оаким открывает глаза и смотрит неотрывно в серое пространство.

Оаким открывает глаза и смотрит неотрывно в серое пространство. Он лежит на спине, глядя вверх. Ему холодно на каменных плитах, а слева от него какое-то мерцание света. Внезапно он сжимает левую руку в кулак, ищет свой большой палец, находит его и вздыхает.

— Да,— произносит Анубис.

Он садится перед троном, оглядывает себя, смотрит на Анубиса.

— Ты был окрещен, ты вновь родился во плоти.

— Спасибо.

— Не за что. Здесь, у нас, полно исходного материала. Встань! Ты помнишь свои уроки?

Оаким встает.

— Какие?

— Темпоральную фугу. Заставить время следовать за умом, а не тело.

— Да.

— А убийство?

— Да.

— А соединение и того и другого?

— Да.

Анубис встает. Он на целую голову выше Оакима, новое тело которого больше двух ярдов в высоту.

— Тогда покажи мне!

— Пусть прекратится музыка!— громко кричит Анубис.— Пусть тот, кого в жизни называли Даргот, встанет передо мной!

Мертвые перестают танцевать. Они стоят не двигаясь, глаза

их не мигают. Несколько секунд длится тишина, не нарушаемая ни словом, ни звуком, ни дыханием.

Даргот продвигается между неподвижно стоящими мертвыми, сквозь тень, сквозь свет факелов. Оаким выпрямляется еще больше, когда видит его, потому что мускулы на его плечах, спине и животе напрягаются.

Металлическая полоса цвета меди пересекает лоб Даргота, закрывая щеки, исчезая под подбородком, как у медведя гризли. Круговая полоса идет по бровям, вискам, заканчивается на затылке. Глаза широко раскрыты, с желтыми зрачками и красными белками. Его нижняя челюсть делает постоянные жевательные движения, когда он идет вперед, и зубы его как длинные тени. Голова качается из стороны в сторону на двенадцатидюймовой шее. Плечи — трех футов в ширину, и выглядит он, как перевернутый треугольник, потому что бока его резко заканчиваются сегментированной нижней частью туловища, которая начинается там, где заканчивается плоть. Его колеса вращаются медленно — левое заднее скрипит при каждом повороте. Его руки достигают в длину четырех футов, так что кончики пальцев почти касаются пола. Четыре короткие острые металлические ноги направлены вверх и сложены по бокам. Лезвия бритв встают на его спине и опадают по мере продвижения. Восьмифутовый хлыст его хвоста разворачивается позади него, когда он останавливается перед троном.

— На эту ночь, канун Тысячелетия,— говорит Анубис,— я даю тебе обратно твое имя — Даргот. Когда-то ты считался одним из самых могущественных воинов на Средних Мирах, Даргот, пока не решил помериться силами с бессмертным и не нашел смерти у его ног. Твое сломанное тело было починено, и сегодня ночью ты должен использовать его, чтобы еще раз вступить в битву. Уничтожишь этого человека, Оакима, в равном бою — и ты сможешь занять его место первого слуги в Доме Мертвых.

Даргот подносит свои огромные руки ко лбу и кланяется, пока они не касаются пола.

— У тебя есть десять секунд,— говорит Анубис Оакиму,— чтобы приготовить свой ум к битве. Готовься, Даргот!

— Повелитель,— спрашивает Оаким,— как я могу убить того, кто уже мертв?

— Это — твоя проблема,— отвечает Анубис.— Но теперь ты потерял все свои десять секунд на дурацкие вопросы. Начинайте!

Раздается ломающийся звук и серия резких пощелкиваний.

Металлические ноги Даргота опускаются вниз, выпрямляются, поднимают его на три фута выше уровня пола. Он подпрыгивает на месте, поднимает руки, сгибая и разгибая их.

Оаким наблюдает, ожидая.

Даргот поднимается на задние ноги, так что голова его уже на десять футов выше уровня пола.

Затем он прыгает вперед, вытягивая руки, свернув хвост, наклонив голову, обнажив клыки. Лезвия бритв поднимаются на его

спине, как сверкающие плавники, его копыта бьют, как молоты по наковальне.

В самую последнюю долю секунды Оаким отступает в сторону и наносит удар, который блокирует предплечье его соперника. Затем он прыгает высоко в воздух, и хлыст безрезультатно хлещет по тому месту, где он только что стоял.

Несмотря на свои размеры, Даргот быстро поворачивается. Он снова нападает и бьет передними копытами, а Оаким опять подпрыгивает, избегая удара, но когда он опускается, руки Даргота падают на его плечи.

Оаким хватает Даргота за обе кисти и бьет ногой в грудь. Хлыст хвоста хлещет его по правой щеке, когда он делает это. Тогда он отрывает эти огромные руки от своих плеч, наклоняет голову и ребром ладони сильно бьет противника в бок. И вновь хлещет хлыст, теперь уже по его спине. Он прицельно бьет в голову, но она на длинной шее отворачивается в сторону, и он слышит, как опять свистит хлыст, чуть не задевая его.

Кулаки Даргота бьют его по скулам, он спотыкается, теряя равновесие, и падает на пол. Потом перекатывается несколько раз, чтобы не попасть под копыта, но кулак вновь посылает его на пол, когда он пытается встать.

Когда ему наносят следующий удар, он хватается за кисть обеими руками, и всей тяжестью своего тела налегает на эту руку, отворачивая голову в сторону. Кулак Даргота ударяет в пол, а Оаким быстро вскакивает на ноги, нанося при этом удар левой рукой. Голова Даргота запрокидывается от удара, а хлыст щелкает над самым ухом Оакима. Он наносит еще один удар по этой запрокинутой голове, а затем отлетает назад, потому что задние ноги Даргота выпрямляются, как пружины, и плечо его бьет Оакима в грудь.

Даргот опять кидается в бой.

Затем, впервые, он подает голос.

— Сейчас, Оаким, сейчас! — говорит он.— Даргот станет первым слугой Анубиса.

Когда молнией мелькают копыта, Оаким, падая вниз, ловит эти металлические ноги обеими руками. Он прочно сидит на корточках, губы его растягиваются, показываются стиснутые зубы, в то время как Даргот висит неподвижно в воздухе, застыв посреди атаки.

Оаким смеется, вновь вскакивает на ноги и вытягивает обе руки, так что его противник висит сейчас высоко в воздухе, с трудом удерживая равновесие, чтобы не упасть на спину.

— Глупец! — говорит он. И голос его странно изменен.

Это слово, как удар большого железного колокола, звучит по всему Залу. Среди мертвых слышится слабый стон, такой же, как тогда, когда их поднимали из могилы.

— «Сейчас»,— говоришь ты. «Оаким»,— говоришь ты.

И он смеется, шагая вперед, держа в руках эти так и не успевшие упасть копыта.

— Ты сам не знаешь, что говоришь!

И он обнимает руками огромный металлический торс, и копыта беспомощно болтаются за его спиной, а хлыст хвоста щелкает и бьет его по плечам. Руки его лежат на острых бритвах спины, и он прижимает это не поддающееся сегментированию тело из металла к своему собственному.

Огромные руки Даргота находят его шею, но большие пальцы никак не могут сомкнуться на горле, и мускулы шеи Оакима напрягаются и выделяются, когда он чуть сгибает свои колени и начинает давить сам.

Они стоят так, словно замершие на какое-то мгновение, не исчисляемое временем, и свет огня кидает на их тела зловещие тени.

Затем одним мощным рывком Оаким поднимает Даргота высоко над головой, разворачивает и швыряет прочь от себя.

Ноги Даргота бешено дрыгают, когда он, поворачиваясь, летит по воздуху. Лезвия на его спине поднимаются и опадают, а хвост выгибается и щелкает. Он закрывает руками лицо, со страшным треском падает у трона Анубиса и остается лежать там, неподвижный. Металлическое тело его сломано в четырех местах, а расколотая голова лежит на нижней ступени трона.

Оаким поворачивается к Анубису.

— Удовлетворительно? — спрашивает он.

— Ты не применил темпоральной фуги, — отвечает Анубис, даже не глядя вниз, на останки того, что было Дарготом.

— В этом не было необходимости. Он был не таким уж могущественным противником.

— Он был могуществен, — говорит Анубис. — Почему ты смеялся, как будто сомневаешься в своем имени, когда дрался с ним?

— Я не знаю. На мгновение, когда я почувствовал, что меня невозможно победить, у меня возникло такое ощущение, что я — это кто-то другой.

— Кто-то без страха, жалости и угрызений совести? Ты все еще сохранил это ощущение?

— Нет.

— Тогда почему ты перестал называть меня «Господином»?

— Пыл битвы вызвал эмоции, которые пересилили во мне мою покорность.

— В таком случае немедленно исправь это упущение.

— Конечно, Господин.

— Извинись. Проси у меня прощения как можно более униженно.

Оаким простирается на полу.

— Я прошу у тебя прощения, Господин. Смиренно прошу.

— Встань и можешь считать себя прощенным. В твоем желудке совсем не осталось содержимого после того, что ты испытал. Пойди сейчас и освежись едой и питьем. И пусть вновь будут песни и танцы! Пусть все пьют и веселятся, празднуя крещение име-

нем Оакима в канун Тысячелетия! Пусть жалкие останки Даргота пропадут с глаз моих.

И все так и происходит.

После того как Оаким заканчивает есть, и кажется, что пение и танцы будут продолжаться чуть ли не до скончания века, Анубис делает знак, сначала налево, потом направо, и огонь каждого факела угасает, уходит внутрь колонны, исчезает. Его рот открывается и слова обращаются к Оакиму:

— Уведи их назад. Принеси мне посох.

Оаким встает и отдает нужные распоряжения. Затем он выводит мертвых из огромного зала. Когда они уходят, столы исчезают за колоннами. Страшный ветер обрушивается на дымный потолок. Однако прежде чем этот большой серый матрац разорван на куски, затухают остальные факелы, единственным освещением в зале остаются две чаши, горящие по обеим сторонам трона.

Анубис пристально всматривается в темноту, и лучи света изгибаются по его воле: он вновь видит, как Даргот падает у подножия трона и лежит неподвижно, он видит того, кому дал имя Оаким, стоящего и улыбающегося улыбкой надменной и страшной, и на мгновение — или это только игра света? — знак на его лбу.

Далеко, в огромной комнате, где свет туманен и оранжев и тени толпятся по углам, мертвые вновь ложатся на свои невидимые катафалки над открытыми могилами. Оаким слышит слабый, затухающий, потом вновь поднимающийся и снова затухающий звук, который не похож ни на один из звуков, слышанных им ранее. Он держит руку на посохе и спускается вниз с помоста.

— Старик,— говорит он тому, с кем разговаривал раньше, борода и волосы которого залиты вином, а на левой руке находятся остановившиеся часы,— старик, услышь мои слова и ответь, если знаешь: что это за звук?

Немигающие глаза смотрят вверх, мимо его головы, а губы двигаются:

— Господин...

— Я здесь не Господин.

— Это... Господин, всего лишь вой собаки.

Оаким возвращается на помост и посылает их всех обратно в могилы.

Затем свет гаснет, и посох ведет его сквозь темноту; по пути, ему предназначенному.

— Я принес твой посох, Господин.

— Поднимайся и приблизься.

— Все мертвые находятся там, где им надлежит быть.

— Очень хорошо... Оаким, ты — мой человек?

— Да, Господин.

— Чтобы делать то, что я велю, исполнять все мои приказы, верно служить мне?

— Да, Господин.

— Поэтому ты и будешь моим посланником на Средние Миры и те, что лежат за ними.

— Я должен покинуть Дом Мертвых?

— Да, я посылаю тебя отсюда с поручением.

— Каким поручением?

— Это долгая история, сложная. На Средних Мирах есть много людей, которые очень стары. Ты знаешь об этом?

— Да.

— И среди них есть люди, не подчиняющиеся течению времени, не умирающие.

— Не умирающие, Повелитель?

— Тем или иным путем определенные индивиды достигли своего рода бессмертия. Возможно, они проследили потоки жизни и пользуются их силой, избегая волн смерти. Возможно, они переделали биохимический состав своего тела, или заменяют одни органы другими, или у них есть много тел и они меняют их или крадут новые. Возможно, они пользуются металлическими телами или не имеют никаких тел вовсе. Каким бы способом они этого ни достигали, ты услышишь разговор о Трехстах Бессмертных, когда появишься на Средних Мирах. Это лишь приблизительная цифра, потому что мало кто знает о них правду. Если быть точным, то всего этих Бессмертных двести восемьдесят три человека. Они обманывают и жизнь и смерть, и само их существование нарушает баланс, вдохновляет других людей думать, что они боги. Некоторые из них — просто безвредные скитальцы, другие — нет. Все они могущественны и неуловимы, все они — адепты по продлению своего существования. Один из них особенно опасен, и я посылаю тебя уничтожить его.

— Кто же это такой, Господин?

— Его называют Принц Имя Которому Тысяча, он обитает за Средними Мирами. Его власть распространяется на владения, лежащие за жизнью и смертью, там, где всегда сумерки. Однако его трудно разыскать, потому что часто он бывает и на Средних Мирах и в других местах. Я желаю, чтобы он погиб, потому что он противник и Дома Жизни и Дома Мертвых уже давно.

— Как он выглядит, Принц Имя Которому Тысяча?

— Как он сам того пожелает.

— Где я найду его?

— Я не знаю. Ты должен искать.

— Как я его узнаю?

— По его делам, по его словам. Он наш противник во всем.

— Но ведь и другие наверняка тоже противятся вам?

— Уничтожай каждого такого человека, если он встретится на твоем пути. Ты, однако, сразу узнаешь Принца Имя Которому Тысяча, потому что его труднее всего уничтожить. Он ближе других подойдет к тому, чтобы уничтожить тебя.

— Допустим, ему это удастся.

— Тогда мне понадобится еще тысяча лет, чтобы вымуштровать другого посланника и отправить его для решения этой зада-

чи. Я не желаю его падения немедленно, сегодня или завтра. Несомненно, пройдет много веков, прежде чем ты даже сумеешь найти, где он находится. Время мало что значит. Пройдет вечность, прежде чем он станет реальной угрозой для меня или Озириса. Ты узнаешь о нем больше во время своих путешествий и отправившись на поиски его. Когда ты найдешь его, ты его сразу узнаешь.

— Достаточно ли я могуществен, чтобы противостоять ему?

— Думаю, что да.

— Я готов.

— Тогда я направляю тебя по этому пути. Я дам тебе силы призывать меня и в тяжелые времена пользоваться энергией полей Жизни и Смерти, пока ты находишься на Средних Мирах. Это сделает тебя неуязвимым. Ты будешь докладывать мне только тогда, когда сам сочтешь это необходимым. Если я почувствую, что необходимость эта настала, я сам помогу тебе.

— Благодарю тебя, Господин.

— Ты будешь подчиняться всем моим посланиям незамедлительно.

— Да.

— А сейчас иди и отдохни. После того, как ты поспишь и подкрепишься, ты отправишься выполнять мое поручение.

— Благодарю тебя.

— Это будет твой второй сон в этом доме, Оаким. Медитируй над загадками, которые он будет содержать.

— Я делаю это постоянно.

— Я — одна из них.

— Господин...

— Это часть моего имени. Никогда не забывай этого.

— Господин, как я могу?

Пробуждение Рыжей Ведьмы

Ведьма Лоджии ворочается во сне и даже вскрикивает. Служка подбегает, чтобы успокоить ее, но только все портит и лишь будит ее. Ведьма садится среди подушек в своем высоком, как собор, зале, и Время вместе с Тарквином уходят от ее дивана крадущимися шагами, но она видит его, и по ее знаку и слову он становится статуей, и слышит свой двойной вскрик, и оглядывается назад, на ту странную вещь, которую она породила в своем сне. Пусть будет десять пушечных салютов, и пусть удалят их из воздуха и из слуха, оставив лишь девять напряженных молчаний между ними. Пусть это будут сердцебиения, чтобы почувствовалась загадка своего тела. В этом спокойствии, в этом центре вселенной положите сухую шкуру, которая покинула тело змеи. Теперь пусть не будет стонов в кабачке, если затонувший корабль вернется в гавань. Вместо этого уберите порожденную сном вещь, с ее дождем, как быстрый огонь розариев твоей вины, холодной и не высказанной в твоем животе. Вместо этого думай об объезженных

лошадях, проклятии Летучего Голландца и, возможно, о строчке сумасшедшего поэта Брамина, например, такой:

Электрическая лампочка воскрешает желтый нарцисс, когда приходит пора цветения.

Если вы когда-нибудь любили что-нибудь в своей жизни, попытайтесь запомнить это. Если вы кого-нибудь предали, сделайте на мгновение вид, что вас простили. Если вы когда-нибудь испытывали страх, представьте себе на минуту, что эти дни ушли и никогда больше не вернутся. Покупайте ложь и держите ее у себя так долго, как только сможете. Прижмите своего служку, как бы его ни звали, к своей груди и ласкайте до тех пор, пока он не замурлычет.

Торгуйте жизнью и смертью в обмен на забвение, но свет или тьма дойдут до самых ваших костей или до вашей плоти. Придет утро, а вместе с ним и воспоминания.

Рыжая Ведьма спит в своем высоком, как собор, зале, между прошлым и будущим. Ее быстро убегающий насильник — сон исчезает в темных аллеях, а Время тикает Историей вокруг событий. И сейчас она улыбается во сне, потому что Янус опять делает все только наполовину...

Вернувшись назад, к славе, она купается в ее теплом зеленом взгляде.

Смерть, жизнь, маг и розы

Прислушайтесь к миру. Он называется Блис, и его совсем не трудно слушать: звуки могут быть смехом, вздохами, осторожными отрыжками. Они могут «тук-тукать» машинами или бьющимися сердцами. Они могут быть дыханием бесконечного множества их слов. Они могут быть шагами, звуками поцелуя, пощечины, плачем младенца. Музыкой. Да, музыкой. Звуки клавиш машинки всю Черную Ночь — сознание, целующее только бумагу? Возможно. Они забывают о звуках и словах и смотрят на мир.

Во-первых, цвет. Назовите один. Красный? Вот берега реки этого цвета, и между ними струится зеленый ручеек с пурпурными камешками на дне. Желтый, серый и черный — город в отдалении. Здесь, на открытом поле, по обеим сторонам реки, стоят павильоны. Назовите любой цвет — они всюду вокруг. Больше тысячи павильонов, как воздушные шары, как парики, как грибы без ножки, сверкают на голубом поле, украшенные вымпелами, движущиеся разноцветные люди. Три ярко-лимонных моста перекинуты через реку. Река течет к тягучему морю, которое волнуется, но редко бушует. Оттуда, вверх по реке, идут барки, и лодки, и другие корабли, которые пристают вдоль берегов. Многие спускаются с неба, приземляются повсюду на голубом газоне поля. Их пассажиры двигаются среди павильонов. Это люди разного сорта и разных рас. Они играют. Они издают звуки и носят разноцветные одежды. Подходит?

Запахи цветущей природы нежны, и их поцелуем приносит ве-

терок. Когда этот ветерок и эти запахи доносятся до ярмарки, они неуловимо меняются. Появляется запах пыли, который очень неприятен, и запах пота, который не может быть очень неприятен, если часть его — твоя собственная. Затем, там имеются запахи дымка костра, пищи и чистый аромат спиртных напитков. Понюхайте мир. Попробуйте его, проглотите, оставьте в своем желудке. Горите им.

... как человек с повязкой на глазу и альпенштоком.

Он ходит среди потаскух и кобыл, толстый, как евнух, каковым не является. У него очень странного цвета кожа, а его правый глаз — вращающееся серое колесо. Недельной давности борода обрамляет лицо, а пятно его одежды вообще лишено какого-то цвета. У него ровная походка. Его руки сильны.

Он останавливается купить кружку пива, подходит, чтобы посмотреть на бой петухов.

Он делает ставку на меньшую птицу, которая разрывает большую пополам, и оплачивает свое пиво.

Он смотрит на представление лишения невинности, пробует образец наркотика, отодвигает в сторону коричневого человека в белой рубашке, который пытается угадать его вес. Затем из ближайшей палатки появляется коротышка с близко посаженными черными глазами, подходит к нему, дергает его за рукав.

— Да?

Голос у него глубокий, как бы исходящий из какого-то центра внутри, и очень впечатляющий.

— По вашей одежде я могу судить, что вы проповедник.

— Да, я проповедник не-теистического, не-сектантского толка.

— Очень хорошо. Хотите заработать немного денег? Это займет всего несколько минут.

— Что мне надо будет делать?

— Человек собирается совершить самоубийство и будет похоронен в этой палатке. Могила уже вырыта, и все билеты проданы. Но публика уже начинает волноваться. Исполнитель отказывается работать без соответствующего религиозного сопровождения, а нам никак не удается протрезвить проповедника.

— Понимаю. Это будет стоить вам десятку.

— Пятерка.

— Найдите себе другого проповедника.

— Ну, хорошо, десятка. Пойдемте! Они уже начали хлопать в ладоши и свистеть!

Он заходит в палатку, моргает.

— Вот проповедник! — кричит распорядитель. — Теперь мы готовы и можем начинать. Как твое имя, папаша?

— Иногда меня называют Мадрак.

Человек замолкает, поворачивается, облизывает губы.

— Я... я не знал.

— Не важно, давайте начнем.

— Хорошо, сэр. Эй, расступитесь! Дайте пройти! Дорогу!

Толпа расступается. В палатке собралось, наверное, человек триста. Наверху сверкают огни, освещая огороженный веревкой круг земли, в которой вырыта могила. Насекомые летают в пыльных дорожках, идущих по лучам света. Открытый гроб стоит перед вырытой могилой. На небольшой деревянной платформе — стул. Человеку, сидящему на стуле, наверное, лет пятьдесят. У него плоское лицо со множеством морщин, худое тело. Глаза слегка навыкате. На нем только шорты, и у него много седых волос на груди, руках и ногах. Он наклоняется вперед, косится на двоих людей, пробирающихся через толпу.

— Все готово, Домлин,— говорит коротышка.

— Моя десятка,— напоминает Мадрак.

Коротышка сует ему сложенную бумажку, которую тот осматривает и кладет в бумажник.

Коротышка взбирается на платформу и улыбается толпе. Затем он сдвигает на затылок свою соломенную шляпу.

— Теперь все в порядке, друзья,— начинает он,— и мы можем начать. Я знаю, что вы сами увидите, что ждали не напрасно. Как я объявил ранее, этот человек, Домлин, готов совершить самоубийство прямо на ваших глазах. По личным причинам покидает он Большую Гонку и решил заработать немного денег для своей семьи, согласившись сделать это на людях. За его представлением последуют самые настоящие похороны в этой самой земле, на которой вы сейчас стоите. Несомненно, прошло очень много времени с тех пор, как кто-нибудь из вас видел настоящую смерть, и я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из присутствующих хоть раз видел похороны. Поэтому мы почти готовы передать это наше представление в руки проповедника и мистера Домлина. Похлопаем им обоим.

Раздаются звуки аплодисментов.

— ... И последнее слово предостережения. Не стойте слишком близко. Мы держим наготове пожарных, несмотря на то, что наша палатка обладает полной огнестойкостью. А теперь все, начинаем!

Он спрыгивает с платформы, и Мадрак восходит на нее. Он наклоняется к сидящему человеку, рядом с которым ставят жестянку с надписью «ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЕ».

— Вы уверены, что хотите этого?— спрашивает он человека.

— Да.

Он глядит ему в глаза, но зрачки не расширены и не затуманены.

— Почему?

— По личным причинам, Отец. Я бы предпочел не говорить об этом. Причасти меня, пожалуйста.

Мадрак кладет свою руку на голову человека.

— Если я только буду услышан чем-нибудь, что может прислушаться, а может и не обратить внимания на мои слова, если это вообще имеет значение, я прошу, чтобы ты был прощен за все, что мог сделать и не успел сделать и что требует прощенья. Соот-

ветственно, если не прощенье, а что-то другое будет необходимо, чтобы принести тебе хоть малейшую пользу после того, как ты погубишь свое тело, то я прошу, чтобы это другое, каким бы оно ни было, дано было тебе или не дано, как это может оказаться, в общем, чтобы ты получил вышеуказанное прощение. Я прошу об этом, являясь посредником между тобой и тем, что может быть не тобой, но что может получить выгоду в том, чтобы ты получил как можно больше от нее, и на что может повлиять эта церемония. Аминь!

— Спасибо, Отец!

— Как прекрасно! — рыдает в переднем ряду толстая женщина с голубыми крыльями.

Человек по имени Домлин поднимает жестянку с надписью «ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЕ», отвинчивает крышку, поливает себя с головы до ног.

— Есть у кого-нибудь сигарета? — спрашивает он, и коротышка протягивает ему одну.

Домлин сует руку в карман своих шорт и достает зажигалку. Но останавливается и смотрит на толпу. Кто-то выкрикивает:

— Зачем вы делаете это?

Он улыбается и отвечает:

— Протест против жизни, которая, возможно, всего лишь глупая игра, разве не правда? Следуйте моему примеру...

Он чиркает зажигалкой. К этому времени Мадрак уже далеко ушел за огороженный веревками круг.

Ударная волна пожара следует сразу же за пламенем, единственный крик, как раскаленный гвоздь, заглушает все звуки.

Шестеро, которые стоят с огнетушителями, расслабляются, когда видят, что пламя не распространяется дальше.

Мадрак складывает руки под подбородком и кладет их на свой посох. Через некоторое время пламя затухает, и люди в асбестовых перчатках выходят вперед, чтобы собрать останки. В публике тихо. До сих пор еще не звучали аплодисменты.

— Значит, вот что это такое! — наконец шепчет кто-то, и этот шепот разносится по всей толпе.

— Возможно, — раздается веселый голос от входа в тент, — а возможно, и нет.

Головы поворачиваются к говорящему, который проходит вперед. Он — высокого роста с зеленой бородой и соответствующими глазами и волосами, худ, у него длинный и тонкий нос, одет в черное и зеленое.

— Это маг, — говорит кто-то, — из шоу на том берегу реки.

— Верно, — отвечает тот, кивая головой и улыбаясь, и идет вперед сквозь толпу, расчищая себе путь тростью с серебряным набалдашником. Крышка гроба закрывается.

Он останавливается и шепчет:

— Мадрак Могущественный.

Мадрак поворачивается и роняет:

— Я искал тебя.

— Я знаю. Поэтому я и здесь. Что это за глупости?

— Шоу самоубийства,— говорит Мадрак.— Человек по имени Домлин. Они забыли, что такое смерть.

— Так скоро, так скоро,— вздыхает пришедший.— Тогда давай дадим им насладиться зрелищем на полную катушку— замкнутым кругом!

— Брамин, я знаю, что ты можешь сделать это, не учитывая состояние, в котором он...

Коротышка в соломенной шляпе подходит к ним и смотрит на них маленькими черными глазками.

— Сэр,— говорит он Мадраку,— будете ли вы исполнять еще какие-нибудь церемонии перед похоронами?

— Я...

— Конечно, нет,— говорит Брамин.— Ведь хоронят только мертвых.

— Что вы хотите сказать?

— Этот человек не умер, он только дымится.

— Вы ошибаетесь, мистер. У нас честное шоу.

— И тем не менее я говорю, что он жив и будет ходить для вашего развлечения.

— Вы, наверное, какой-нибудь сумасшедший.

— Всего лишь скромный драматург,— отвечает Брамин, вступая в круг.

Мадрак идет за ним. Брамин поднимает свою трость и делает ею в воздухе загадочный знак. Она загорается зеленым огнем, который затем по воздуху переносится и падает на гроб.

— Домлин, выйди вон! — взывает Брамин.

Толпа напирает, подается вперед. Брамин и Мадрак двигаются к краю тента. Коротышка последовал было за ними, но его внимание отвлекает стук из гроба.

— Брат, нам лучше уйти,— говорит Брамин и разрезает край тента кончиком своей трости.

Когда они проходят сквозь стену, крышка гроба позади медленно приподнимается.

Позади них раздается какой-то звук. Это сложный звук, который состоит из криков и восклицаний.

— Жульничество!

— Верните нам наши деньги!

— Посмотрите на него!

— Какие глупцы все эти смертные,— говорит зеленый человек, который является одним из немногих живущих на свете людей, могущих делать такие заявления и знать почему.

Он приближается по небу на спине огромного зверя из вороненого металла. У зверя восемь ног и вороненые копыта. Длина его тела как у двух лошадей. Шея такой же длины, что и тело, а голова китайского божка — из золота. Лучи голубого цвета вырываются из его ноздрей, а хвост разделяется на две антенны. Он движется сквозь темноту, лежащую между звездами, и его механические

ноги двигаются медленно, переступая из ничего в ничто, но каждый последующий шаг его в два раза длиннее предыдущего, хотя каждый новый шаг занимает то же количество времени, что и предыдущий. Солнца мелькают мимо, остаются позади, гаснут. Он пробегает сквозь твердое вещество, ад, прокалывает туманности, быстрее и быстрее движется сквозь ураган падающих звезд в лесу ночи. Говорят, что если его только пришпорить, он может перепрыгнуть через всю вселенную одним прыжком. Что произойдет, если он будет продолжать свой бег после этого, никто не знает.

Его наездник был когда-то человеком. Он тот, кого называют Железным Генералом. Это не тяжелые доспехи одеты на нем, это его тело. Он отключил почти всю свою человечность на протяжении этого путешествия и пристально смотрит сейчас прямо перед собой на чешую, как бронзовые дубовые листья, на шее своего скакуна. Он держит две пары поводьев, каждое толщиной с шелковую нить, пальцами левой руки. На мизинце он носит кольцо из загорелой человеческой кожи, потому что для него бессмысленно и слишком шумно носить металлические драгоценности. Кожа когда-то принадлежала ему, по крайней мере она окружала его со всех сторон много времени тому назад.

Куда бы он ни направлялся, он всегда носит с собой около того места, где было его сердце, складное пятиструнное банджо. Когда он играет на нем, то становится похожим на некоего Орфея-наоборот, и люди следуют за ним в ад.

Он также один из немногих во всей вселенной мастеров темпоральной фуги. Говорят, что ни один человек не может прикоснуться к нему, если он сам того не пожелает.

Его скакун был когда-то лошадью.

Задумайтесь о мире под названием Блис, о его разноцветности, его схеме, его ветерках. Смотрите на мир под названием Блис, как Мегра из Калгана.

Мегра — нянечка в калганских Центральных Яслях номер 73, и она знает, что мир — это дети. На Блисе живет примерно десять миллиардов человек, дышащих один на другого, и с каждой минутой прибавляется все больше и больше, а уходят совсем немногие. Больные органы заменяются. Среди детей вообще нет смертности. Вопли новорожденных и смех их создателей — самые частые звуки на Блисе.

Мегра из Калгана смотрит на весь мир сквозь кобальтового цвета глаза под длинными светлыми ресницами. Красивые пряди ее золотистых волос щекочут ее обнаженные плечи, а два тугих завитка образуют букву X, пересекаясь на ее лбу. У нее маленький носик, а рот — крошечный голубой цветок, у нее такой маленький подбородок, что о нем можно даже не говорить. Она носит на груди серебряную полоску, золотой пояс на талии и короткую серебряную юбку. Она едва пяти футов росту, и от нее естественно пахнет цветами, которых она никогда не видела. На шее у нее зо-

лотой кулон, который становится теплым, если мужчины тайком кладут рядом с ней афродизиак.

Мегра ждала девяносто три дня, прежде чем ей удалось попасть на ярмарку. Список ожидающих был долог, потому что ярмарочное место, все разноцветное, с запахами и движением, одно из немногих открытых мест, оставшихся на Блисе. Всего четырнадцать городов имеется на Блисе, но они занимают все четыре континента от моря до моря, погребены глубоко под землей и возносятся в небо. Часть их находится и под морями. Все они соединены между собой как континентальные ОЧАГИ ЦИВИЛИЗАЦИИ, но так как существуют четырнадцать отдельных государств с четкими территориальными правами, говорят, что на Блисе всего четырнадцать городов. Город Мегры — Калган, где она имеет дело с жизнью вопящей и новой, а иногда и с вопящей и старой, жизнью разноцветной, всех форм. Так как генетический код может быть заложен с целью удовлетворения специальных требований родителей и хирургически помещен в ядро оплодотворенной клетки, она может угадать, кто родится, и редко ошибается. Старомодные родители Мегры хотели девушку с глазами цвета кобальта и сильную, как дюжина мужчин, чтобы в жизни ребенок мог постоять за себя.

Однако, успешно постояв за себя в течение восемнадцати лет, Мегра решила, что пришло время внести свою лепту во всеобщее дыхание. Чтобы стремиться к бесконечности, требуются двое, и Мегра выбрала разноцветную романтику открытых мест ярмарки для своих стремлений. Жизнь — ее занятие и ее религия, и она желает служить ей и дальше. Впереди — целый месяц отпуска.

Все, что ей надо, это найти еще одного...

Вещь Что Плачет в Ночи поднимает свой голос в своей тюрьме без решеток. Она подвывает, кашляет и лает, хнычет, причитает. Она находится в серебряном коконе энергий флуктуации, в невидимой паутине сил, помещенная там, где никогда не бывает дня.

Принц Имя Которому Тысяча опаляет ее лазерными лучами, купает в гамма-радиации, бьет ультразвуком и субзвуковыми вариациями.

Тогда она замолкает, на какое-то мгновение Принц поднимает голову от оборудования, которое он принес с собой, и его зеленые глаза расширяются, а уголки тонких губ ползут вверх, за улыбкой, которой им никогда не удается достичь.

Крики начинаются вновь.

Он скрежещет своими молочно-белыми зубами и откидывает назад темный капюшон.

Его волосы — светло-желтый нимб в сумерках Места Без Дверей. Он глядит вверх на почти видимую форму, которая извивается в свете. Как часто он проклинал ее, поэтому и сейчас губы его

механически начинают двигаться, образуя слова, которые они обычно образуют, когда его постигает неудача.

Уже десять веков он пытается убить ее, а она все живет.

Он скрещивает руки на груди, склоняет голову и исчезает.

Темная Вещь плачет в ночи.

Мадрак наклоняет кувшин, наполняет стаканы.

Брамин поднимает свой, глядит поверх его на широкую эспланаду перед павильонами, пьет.

Мадрак наливает еще раз.

— Это не жизнь, и это нечестно,— говорит наконец Брамин.

— И все же ты сам активно поддерживал программу.

— Какое это имеет значение? Я говорю о том чувстве, которое контролирует меня в последний момент.

— Чувство поэта?

Брамин перебирает пальцами свою бороду.

— Я никогда не мог полностью посвятить себя кому-нибудь или чему-нибудь,— наконец отвечает он.

— Жаль, бедный Ангел Седьмого Поста.

— Этот титул погиб вместе с Постом.

— В ссылке аристократия всегда предпочитала сохранить хотя бы свой титул.

— Посмотри на себя в темноте — и что ты увидишь?

— Ничего.

— Вот именно.

— Какая тут связь?

— Темнота.

— Не вижу.

— Для темноты это вполне естественно.

— Прекрати эти загадки, Брамин. В чем дело?

— Почему ты искал меня здесь, на ярмарке?

— У меня сейчас с собой самые последние данные о количестве населения. Похоже, они близки к мифическому Критическому Уровню, который никогда не наступает. Хочешь посмотреть?

— Нет. Мне это ни к чему. Какие бы цифры ты ни привел, они верны.

— Ты чувствуешь это своим особым восприятием в прибоях Энергий?

Брамин кивает.

— Дай мне сигарету,— говорит Мадрак.

Брамин делает жест рукой, и зажженная сигарета появляется между его пальцев.

— На этот раз происходит что-то особое,— говорит он.— Это не простое отступление прибоя Жизни. Боюсь, будет ураганная волна.

— В чем она будет выражаться?

— Я не знаю, Мадрак. Но я не собираюсь оставаться здесь дольше, чем это будет необходимо для того, чтобы выяснить это.

— Да? Когда же ты отправишься в путь?

— Завтра вечером, хотя я знаю, что опять играю с Черным Прибоем. Придется мне снова поработать со своим желанием, и чем скорее, тем лучше, и желательно в пентограмме.

— Кто-нибудь еще остался?

— Нет, нас всего лишь двое бессмертных на Блисе.

— Откроешь ли ты мне путь, когда уйдешь?

— Конечно.

— Тогда я останусь здесь, на ярмарке, до завтрашнего вечера.

— Я настоятельно рекомендую тебе уйти немедленно. Я могу открыть путь прямо сейчас.

Брамин делает жест рукой и затягивается своей сигаретой. Он замечает свой наполненный стакан и прихлебывает из него.

— Уйти немедленно будет проявлением мудрости,— решает он,— но сама мудрость — это продукт знания, а знание, к несчастью, в основном продукт тех глупостей, которые мы делаем. Итак, чтобы пополнить мои знания и увеличить мудрость, я останусь еще на один день, чтобы посмотреть, что произойдет.

— Значит, ты ожидаешь, что завтра произойдет что-то необыкновенное?

— Да. Ураганная волна. Я чувствую приход энергии. Недавно было заметно какое-то движение в том великом Доме, куда все уходят.

— Тогда и я тоже хочу приобрести это знание,— говорит Мадрак,— так как оно влияет на моего бывшего Господина Имя Которому Тысяча.

— Ты оправдываешься изношенной преданностью, о могущественный.

— Возможно. А у тебя какой предлог? Почему ты хочешь увеличить свою мудрость такой ценой?

— Мудрость конечна сама в себе. К тому же то, что произойдет, может послужить для меня источником вдохновения для одной из поэм.

— Если смерть является источником вдохновения для великого искусства, то я предпочту его в более жалкой форме. Однако мне кажется, что Принцу следует знать об этих новых изменениях в Средних Мирах.

— Я пью за твою преданность, старый друг, хотя и чувствую, что наш бывший монарх, по крайней мере частично, ответствен за теперешнюю заварушку.

— Твое отношение ко всему этому мне известно.

Он отпивает глоток вина и ставит стакан. Глаза его становятся одного цвета — зеленого. Белки, окружавшие зрачки, исчезают, так же как и черные точки, которые были в самом центре. Сейчас его глаза бледно-изумрудные, и в каждом живет желтая искорка.

— Говоря как маг и пророк,— говорит он голосом, ставшим отдаленным и лишенным выражения,— я заявляю, что на Блис уже прибыло то, что предвещает хаос. Я также заявляю, что грядет и другой, потому что я слышу беззвучный топот копыт

в темноте, над звездами. Даже мы сами можем быть вовлечены во все это, хотя это против нашего желания.

— Где? И как?

— Здесь. И это не жизнь, и это нечестно.

Мадрак кивает головой.

— Аминь.

Маг скрежещет зубами.

— Такова наша участь — быть свидетелями,— решает он, глаза его горят внутренним блеском, а костяшки пальцев белеют на черной трости с серебряным набалдашником.

... Евнух, священник, высшей касты, ставит тонкие свечи перед парой старых башмаков.

Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

... Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорожка голубого света. Зеркало оживает образами некоего, стоящего перед ним.

Оно висит в комнате, в которой никогда не было мебели, на стене, завешенной темными портьерами, висит перед ведьмой, рыжей, и ее огнем.

Глядеть в него — все равно что глядеть через окно в комнату, заполненную розовой паутиной, колеблемой внезапными порывами ветра.

Ее служка стоит на ее правом плече, его безволосый хвост свисает с ее шеи, между грудей. Она гладит его по голове, и тот виляет хвостом.

Она улыбается, и паутину медленно сдувает. Огонь вздымается еще выше над ней, но ничего не загорается.

Затем паутина исчезает, и она смотрит на разноцветный Блис.

Но в основном она смотрит на высокого, окруженного людьми мужчину, который стоит, обнаженный до пояса, в середине круга в тридцать пять футов.

У него широкие плечи и очень узкая талия. Он босиком, на плечах его видны шрамы. На нем черные обтягивающие брюки. Он смотрит вниз. У него песочного цвета волосы, большие руки с великолепно развитой мускулатурой, очень бледная кожа. На талии широкий черный пояс со зловещим рядом кнопок на нем. Он смотрит вниз своими желтыми глазами на человека, который пытается подняться с земли, где лежит.

Человек, лежащий на земле, тяжел в плечах, груди и животе. Он приподнимается, опираясь на одну руку. Борода его скользит по его плечу, когда он запрокидывает голову наверх и смотрит в небо. Губы его двигаются, но зубы сжаты.

Стоящий человек делает движение ногой, практически небрежное, по опирающейся руке. Лежащий падает лицом вниз и больше не двигается.

Через некоторое время в круг входят двое и уносят упавшего.

— Кто? — спрашивает служка.

Рыжая Ведьма, однако, качает головой и продолжает наблюдать.

Четырехрукий человек входит в круг. Ступни его ног огромны и широки, как еще одна пара гигантских рук в самом конце его кривых ног. Он безволос, весь сияет, и когда подходит близко к стоящему человеку, то пригибается таким образом, что верхние руки касаются земли. При этом колени его расходятся в стороны, и он отклоняется назад, так что голова его и плечи все еще остаются перпендикулярными земле, хотя сейчас он всего лишь на три фута над ней.

Прыгая как лягушка, он не достигает своей цели, а вместо этого сзади получает удар ребром ладони по шее и второй удар — ниже пояса. Потом обе руки описывают полукруг, и он летит: голова-ноги-голова-ноги. Он весь сжимается на том самом месте, где упал, бока его вздымаются три раза, и он опять прыгает.

На этот раз высокий человек хватает его за лодыжки и держит головой вниз, на расстоянии вытянутой руки от своего тела.

Но четырехрукий изворачивается, хватается за кисти, держащие его, и ударяет головой в живот. На его черепе появляется кровь, потому что он ударился об одну из кнопок на поясе высокого человека, который не отпускает его. Высокий поворачивается на носках и начинает вертеть его. Он поворачивается снова и снова, пока не начинает двигаться со скоростью пропеллера. Через минуту он замедляет вращение. Глаза четырехрукого закрыты. Тогда он опускает его на землю, падает на него, делает быстрое движение руками, встает. Четырехрукий лежит неподвижно. Через некоторое время его тоже уносят.

И еще трое падают перед ним, включая Колючку Вилли, Чемпиона Блиса С Механическими Щипчиками. После этого человека сажают на плечи и украшают гирляндами, несут на платформу и чествуют чашей победы и деньгами. Он не улыбается, пока глаза его не падают на Мегру из Калгана, стоящую там, останавливаются на золотом знаке X, и ждет, пока освободится, чтобы последовать за этим знаком.

Она ждет его.

Рыжая Ведьма смотрит за губами толпы.

— Оаким, — наконец говорит она. — Они зовут его Оаким.

— Почему мы наблюдаем за ним?

— Я видела сон и поняла, что его нужно читать следующим образом:

Наблюдай за тем местом, где меняется прибой. Даже здесь, за Средними Мирами, мысль колдуньи связана с приливами и отливами энергии. Хоть я и не могу ими сейчас пользоваться, я все еще воспринимаю их.

— А почему этот человек, этот Оаким, в том месте, где меняется прибой?

— Достоинство этого зеркала — всезнание. Оно показывает все, но ничего не объясняет. Но оно выбирает направление, руко-

водствуясь моим сном, поэтому мне остается интерпретировать все виденное через медитацию.

— Он силен и очень быстр.

— Верно, я не видела таких, как он, с тех пор, как солнцеглазый Сет пал от Молота Разбивающего Солнца в битве с Безымянным. Оаким — более того, чем он кажется толпе или этой маленькой девочке, с которой сейчас идет. Смотри, как от моих слов зеркало становится все ярче и ярче. Вокруг него черная аура, которая мне не нравится. Он имеет отношение к причине, по которой был тревожен мой сон. Мы должны сделать так, чтобы за ним следили. Мы должны узнать, кто он.

— Он отведет девушку за тот холм,— говорит ее служка, засовывая свой холодный нос в ее ухо.— Ох, давай посмотрим за ними!

— Хорошо,— соглашается она, а он виляет хвостом и радостно чешет свою кудрявую голову.

Человек стоит на земле, которая окружена забором из розового кустарника и где растут цветы всевозможных расцветок. Повсюду скамейки, диваны, стулья, стол и растут розы, и все это находится под гигантским зеленым зонтичным деревом, которое закрывает собой все небо. Все заполнено запахами и ароматами цветов, слышится музыка, которая висит в воздухе и медленно проникает сквозь него. Бледный свет движется меж ветвей. Крохотный фонтанчик сверкает рядом со столом у корней дерева.

Девушка закрывает калитку. С наружной ее стороны загорается и начинает мерцать надпись: «Не беспокоить». Она подходит к человеку.

— Оаким,— говорит она.

— Мегра,— отвечает он.

— Ты знаешь, зачем я попросила тебя прийти сюда?

— Ведь это сад любви, а мне кажется, я понимаю обычаи этой страны...

Мегра улыбается, снимает полоску со своей груди, вешает ее на куст и кладет руки ему на плечи.

Он делает движение, чтобы привлечь ее, но у него это не получается.

— Ты сильна, малышка.

— Разве я привела тебя сюда, чтобы бороться?— произносит она.

Он бросает взгляд на голубую кушетку, потом опять на девушку, и на губах у него появляется слабая улыбка.

Она медленно качает головой.

— Не так, как ты думаешь. Сначала ты должен побороть меня. Мне не нужен обычный мужчина, спина которого может сломаться от моих объятий. Не нужен мне и мужчина, который устанет через час или через три. Я хочу мужчину, сила которого будет течь, как река, бесконечно. Ты такой, Оаким?

— Ты видела мою борьбу.

— Что с того? Я сильнее любого из тех, кто встречался на моем пути. Даже сейчас ты все еще пытаешься прижать меня к себе, но у тебя ничего не выходит.

— Я не хочу причинить тебе боль, дитя.

Она смеется, вырывает свою руку из его руки, перекидывает его руку через свое плечо и хватает его за бедро, вариантом н а г е - в а з а, который называется к а т а - г а р у м а, и кидает его через сад любви.

Он встает на ноги и поворачивается к ней. Затем снимает с себя белую рубашку, стягивая ее через голову. Она подходит и останавливается перед ним.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

В ответ он срывает розу с куста и протягивает ей. Она отводит локти далеко назад, стискивая кулаки. Затем обе ее мелькающие руки наносят удар, двойной удар прямо в живот.

— Как я понимаю, тебе не нужен цветок,— говорит он на выдохе, роняя его.

— А теперь ты будешь бороться со мной?

— Да,— отвечает он.— Я научу тебя приему, который называется «Поцелуй».

И он сжимает ее в могучем объятии, все сильнее прижимая к себе. Его рот находит ее губы, хотя она выворачивает голову на сторону. Он выпрямляется, поднимая ее над землей. Она не может дышать в его объятии и не может выйти из него, а их поцелуй продолжается, пока она не ослабевает. Тогда он несет ее к дивану и ложится на нее.

Повсюду розы, розы, розы, музыка, движущиеся огоньки, сломанный цветок.

Рыжая Ведьма молча плачет.

Ее служка не понимает.

Скоро он поймет.

Зеркало заполнилось мужчиной на женщине и женщиной под мужчиной.

Они смотрят на движения мира Блис.

Интерлюдия в Доме Жизни

Озирис сидит в Доме Жизни и пьет кроваво-красное вино. Зеленые сумерки наполняют воздух, здесь нет ни жары, ни холода. Он сидит в Зале Ста Гобеленов, и стены за ними не видны. Пол покрыт ковром, толстым, мягким, золотистого цвета.

Он ставит пустой стакан и встает. Двигаясь через Зал, он подходит к зеленому гобелену, поднимает его и заходит в кабинку, где дотрагивается до трех координационных пластин, находящихся в стене, отодвигает гобелен в сторону и входит в комнату, расположенную в 348 милях к юго-западу от Зала Ста Гобеленов на глубине 7,754 фута.

Комната, в которую он входит, полутемная, но в ней чувствуются зеленые сумерки.

Тот, кто сидит на полу скрестив ноги, в красной набедренной повязке, замечает его. У него обычное человеческое тело, довольно изящное, мускулатура развита, как у пловца. Он сидит спиной и не двигается. Волосы его густые, темные, но не черные. Белая кожа. Он наклонился и производит впечатление человека, который не дышит.

Мгновение — и еще один сидит напротив него в такой же позе. И одет точно так же. Его фигура, мускулатура, волосы — точно такие же. Он и на самом деле тот же самый, он поднимает темные глаза от маленького желтого хрусталика, в который смотрел. Взглянув вверх, он видит оранжевую, зеленую, желтую и черную птичью голову Озириса, глаза его расширяются, и он произносит.

— Опять у меня все так получилось.

И тот, кто сидит спиной к Озирису, исчезает.

Он берет в руки кристаллик, кладет его в полотняный мешочек, затянутый сверху веревочкой, и вешает его себе на пояс. Затем встает.

— Девятисекундная фуга,— говорит он.

— Это твой лучший результат? — спрашивает Озирис, и голос его звучит как плохая магнитофонная запись, пропущенная со слишком большой скоростью.

— Да, Отец.

— А ты можешь его контролировать?

— Нет.

— Сколько еще времени это у тебя займет?

— Кто знает? Иннбака говорит, что, быть может, триста лет.

— И тогда ты станешь мастером?

— Никто не может сказать это наперед. На всех Мирах меньше тридцати мастеров. Двести лет ушло у меня, чтобы продвинуться до сегодняшнего результата, а ведь еще и года нет, как я почувствовал первые движения. Конечно, после того как что-то получилось, развитие пойдет более быстрыми темпами...

Озирис качает головой и делает шаг вперед, кладя руку на его плечо.

— Гор, сын мой и мститель, я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Если ты станешь мастером фуги, это будет прекрасно, но это не основное. Для выполнения моего поручения вполне достаточно и других твоих сил.

— Какого поручения, Отец?

— Твоя мать, желая вновь приобрести мое благословение и разрешение вернуться из ссылки, предоставила мне дальнейшие сведения о делах моего коллеги. Похоже, что Анубис послал нового посланника в Средние Миры, несомненно для того, чтобы обнаружить нашего старинного врага и уничтожить его.

— Это будет совсем неплохо,— говорит Гор, кивая головой.— У меня, однако, есть на этот счет сомнения, потому что он уже много раз пытался сделать это и терпел неудачу. Какого по счету он послал сейчас — пятого? Шестого?

— Седьмого. Имя этого человека Оаким.

— Оаким?

— Да, и ведьма говорит мне, что он кажется ей чем-то особенным.

— Как это?

— Возможно, что этот шакал провел тысячу лет, готовя его к этому поручению. Его способность в битве не меньше, чем у самого Мадрака. И он обладает возможностью, которой не обладал ни один до него: он способен брать энергию прямо из поля.

— Интересно, как он до этого додумался? — произнес Гор, улыбаясь.

— По-моему, он просто изучил те приемы, которыми пользуются против нас смертные.

— Что же ты хочешь, чтобы я сделал? Помог ему против нашего врага?

— Нет. Я решил, что тот, кому удалось бы погубить Принца Имя Которому Тысяча, получит поддержку его падших Ангелов, которых не так много среди Бессмертных. Остальные последуют за ними сами. Те, кто не захочет, несомненно, отправятся в Дом Мертвых от рук своих товарищей. Время сейчас хорошее. Старая преданность забыта. Нового, единственного монарха, я уверен, с радостью будут приветствовать,— монарха, который покончит с их изгнанием. А при поддержке Бессмертных один из Домов может стать главенствующим.

— Я понимаю твою мысль, отец. Вполне может быть, что ты прав. Ты хочешь, чтобы я нашел Принца Имя Которому Тысяча до того, как его найдет Оаким, и убил его во имя Жизни?

— Да, мой мститель. Ты думаешь, что способен сделать это?

— Меня беспокоит, что ты задаешь мне этот вопрос, зная мои силы.

— Принц — нелегкая добыча. Силы, которыми он обладает практически неизвестны, и я не могу сказать тебе, как он выглядит и где он находится.

— Я найду его. Я покончу с ним. Но, возможно, мне лучше будет уничтожить этого Оакима прежде, чем я начну поиски?

— Нет! Он на мире Блис, где сейчас должна будет начаться чума. Но не подходи близко к нему, Гор! Пока я сам не скажу тебе. У меня странное чувство по отношению к Оакиму. Сначала я должен выяснить, кем он был, прежде чем разрешить тебе эту попытку.

— Но почему, о могущественный Отец? Какое это может иметь значение?

— Воспоминания о тех днях, когда ты еще не появился на свет и о которых нельзя говорить, возвращаются и тревожат меня. Не спрашивай меня больше об этом.

— Хорошо, Отец.

— Эта ведьма, твоя мать, предложила мне несколько планов относительно Принца. Если ты встретишься с ней во время своих поисков, не поддавайся на ее советы о снисходительности. Принц должен умереть.

— Она хочет, чтобы он жил?

Озирис кивает.

— Да, он ей очень нравится. Она могла проинформировать нас насчет Оакима только для того, чтобы спасти ему жизнь. Она скажет тебе любую ложь, лишь бы добиться своего. Не обманывайся ею.

— Хорошо, Отец.

— Тогда я посылаю тебя, Гор, мой мститель и мой сын, как первого посланника Озириса на Средние Миры.

Гор наклоняет голову, и Озирис на какое-то время дотрагивается до его головы рукой.

— Считай, что он уже мертв,— медленно говорит Гор,— потому что разве не я уничтожил самого Железного Генерала?

Озирис не отвечает, потому что он тоже однажды уничтожил Железного Генерала.

Темная тень лошади

В Большом Зале Дома Мертвых огромная тень на стене, за троном Анубиса. Ее можно было бы принять за картину, наклеенную или нарисованную, если бы не ее чернота — абсолютная, как бы содержащая внутри себя бездонную глубину. К тому же она слегка движется.

Это тень гигантской лошади, и сверкающие чаши по обеим сторонам трона не оказывают своим мигающим светом на нее ровно никакого действия.

В Большом Зале нет ничего, что могло бы отбрасывать такую тень, но если бы у вас были уши, вы бы услышали легкое дыхание. С каждым выдохом пламя в чашах опускается вниз, потом опять подымается.

Лошадь движется беззвучно, меняя свои размеры и форму по мере движения. У нее есть грива, и хвост, и четыре ноги, подкованные.

Затем опять слышится дыхание, как у органных мехов.

Она поднимается на задние ноги, как человек, и ее передние ноги образуют тень наклоненного креста на троне.

В отдалении слышится звук шагов.

Когда Анубис входит, Зал наполняется ураганным ветром, оканчивающимся смешком.

Затем все смолкает, только собачья голова смотрит на тень за троном.

Изменение прибоя

Прислушайтесь к звукам на Блисе: на ярмарке раздаются крики.

В павильоне для гостей обнаружен труп.

Когда-то он был мужчиной. Сейчас — это пятнистый мешок, прорвавшийся во многих местах, и тягучая жидкость течет из него

на землю. Он уже начал пахнуть. По этой причине его и обнаружили.

Закричала девушка.

А от крика собралась толпа.

Видите, как они толкаются, задавая друг другу вопросы, на которые никто не может дать ответа.

Они позабыли, что надо делать перед лицом смерти.

Большинство из них скоро узнает это.

Мегра из Калгана пробирается сквозь толпу.

— Я — медицинская сестра,— говорит она.

Многие удивляются, глядя на нее, потому что медицинские сестры обычно заботятся о детях, а не о зловонных трупах.

Высокий человек, идущий рядом с ней, ничего не говорит, но идет сквозь толпу, как будто ее и нет.

Коротышка в соломенной шляпе уже огородил это место веревкой и начал продавать билеты тем, кто проходит мимо останков. Мегра просит высокого человека, которого зовут Оаким, остановить его. Оаким одним ударом разбивает машину, выпускающую билеты, и выгоняет коротышку из павильона.

— Он мертв,— говорит Мегра, глядя на тело.

— Конечно,— соглашается Оаким, который после тысячи лет в Доме Мертвых легко узнает это состояние.— Давай закроем его простыней.

Я не знаю ни одной болезни, от которой вот так умирают.

Значит, это новая болезнь.

Надо что-то сделать. Если болезнь заразна, то может быть эпидемия.

- Она будет. Люди будут умирать быстро, потому что она распространяется с небывалой скоростью. Такое множество людей находится вместе на Блисе, что ничто не сможет помешать этому. Даже если способ лечения будет найден в несколько дней, население, вне всякого сомнения, уменьшится в десятки раз.

- Мы должны держать этот труп в изоляции, отправить его в Первый Медицинский Центр.

Если ты этого хочешь...

- Как можешь ты быть таким безразличным при виде такой ТРАГЕДИИ?

— Смерть не трагична. Возможно, она патетична, но трагедии в ней нет. Давай закроем тело простыней.

Она бьет его по лицу, и звук пощечины настолько громок, что разносится по всему павильону. Потом она отворачивается от него. Глазами она ищет кольцо телесвязи на стене, но когда она делает шаг к нему, одноглазый человек, весь одетый в черное, останавливает ее и говорит:

— Я уже позвонил в ближайший Центр. Аэрокар уже в пути.

— Спасибо, отец. Ты не можешь заставить всех этих людей уйти отсюда? Они скорее прислушаются к твоему голосу.

Оаким закрывает тело. Мегра снова поворачивается к нему.

в то время как одноглазый уговаривает толпу разойтись. Люди начинают двигаться, повинуясь его словам и его посоху.

— Как можешь ты смотреть на смерть с такой легкостью? — спрашивает Мегра.

— Потому что она происходит,— отвечает он.— Это неизбежно. Я не скорблю о том, что с дерева падает лист или волна разбивается о берег. Я не печалюсь, что падающая звезда сгорает в атмосфере. С какой стати?

— Все, о чем ты говорил, не живое.

— И люди не живые, когда они вступают в Дом Мертвых, а туда идут все.

— Это было очень давно. Никто с Блиса не отправлялся туда уже много веков. Это трагедия, когда жизни человеческой приходит конец.

— Жизнь и смерть не так уж сильно отличаются друг от друга.

— Ты отклонение от социальной нормы! — объявляет она и вновь бьет его.

— Это оскорбление или утверждение? — спрашивает он.

Потом из другой части Ярмарки доносятся новые крики.

— Мы должны немедленно помочь,— говорит она, делая движение, чтобы пойти туда.

— Нет!

Он хватает ее за руку.

— Пусти!

— Нет. Ты ничего не добьешься, стоя рядом со всеми трупами, которые могут тут оказаться. Но чем больше ты будешь рядом с ними находиться, тем больше будешь подвергаться опасности. Мне бы не хотелось потерять такую женщину, как ты, не успев найти ее. Я отведу тебя назад в сад, где мы сможем переждать, пока все это не кончится. Там есть пища и вода. Мы повесим знак: «Не беспокоить»...

— ... и будем трахаться, пока весь мир умирает?! Ты бессердечный!

— Разве ты сама не хочешь создать больше жизней, чтобы заменить те, которые будут потеряны?

Она ударяет его свободной рукой, от силы удара он падает на одно колено и поднимает перед собой руку.

— Отпусти меня! — кричит она.

— Отпустите леди, пусть идет куда хочет.

В павильоне присутствуют еще двое. Тот, кто произнес эти слова,— воин-священник Мадрак, который остался после того, как толпа разошлась. Рядом с ним стоит зеленый маг, известный людям под именем Брамина.

Оаким встает и смотрит на них.

— Кто вы? — спрашивает он.— Кто вы такие, что приказываете мне?

— Меня называют Мадрак, и многие зовут меня Могущественным.

— Мне это ни о чем не говорит. Приказы не принадлежат тебе, чтобы ты мог раздавать их направо и налево. Уходи.

Он хватает Мегру за другую руку, коротко борется с ней, поднимает ее на руки.

— Я предупреждаю тебя. Отпусти леди.

С этими словами Мадрак поднимает перед собой свой посох.

— Уйди с моей дороги, Мадрак.

— Лучше я предупрежу тебя, прежде чем продолжу, что я Бессмертный и что о моей силе вести разнеслись по всем мирам. Это я убил кентавра Даргота, послав его в Дом Мертвых. Песни все еще поют об этой битве, которая продолжалась день, ночь и еще один день.

Оаким опускает Мегру на землю.

— Это действительно меняет дело, Бессмертный. С девушкой я разберусь через несколько минут. А теперь ответь мне, ты против могущества Дома Жизни и Дома Мертвых?

Некоторое время Мадрак жует кончик своей бороды.

— Да,— отвечает он затем.— А тебе что за дело?

— Я сейчас уничтожу тебя и твоего друга, стоящего рядом с тобой, если он тоже относится к числу двухсот восьмидесяти трех Бессмертных.

Маг улыбается и отвешивает поклон.

Мегра уходит из павильона.

— Леди все-таки ушла от тебя,— замечает Брамин.

— Кажется. Но я сделаю так, как будто этого никогда не было.

Оаким поднимает левую руку и приближается к Мадраку.

Посох Мадрака начинает вращаться в его руке, пока практически не перестает быть видимым, потом бьет.

Оаким уклоняется от первого удара, но второй попадает ему в плечо. Он пытается поймать посох, но ему это не удается. И получает еще один удар. Пытается наброситься на Мадрака, бежит к нему, но посох горизонтально стоит уже у его груди и бьет его. Затем он отступает назад, чтобы быть вне радиуса действия посоха, и начинает кружить вокруг своего противника.

— Как, ты все еще не падаешь?— спрашивает Брамин, который стоит в стороне, покуривая.

— Я не могу упасть,— говорит Оаким.

Затем он прыгает вперед, но его атаку опять отбивают.

Тогда и Мадрак тоже начинает нападать, но каждый раз Оаким избегает ударов и пытается схватить посох.

В конце концов Оаким останавливается и делает несколько шагов назад.

— Хватит заниматься глупостями! Время идет, и я могу не найти девушку! Ты хорошо дерешься своей палкой, жирный Мадрак! Но сейчас это тебе не поможет.

Затем, слегка наклонив голову, Оаким исчезает с того места, где стоял, а Мадрак лежит на земле, и его посох, сломанный, лежит рядом с ним.

Оаким стоит сейчас возле него, с поднятой рукой, как будто после удара, который он только что нанес.

Брамин роняет свою сигарету, его трость подпрыгивает у него в руках, очерчивая вокруг него круг зеленого огня. Оаким поворачивается к нему лицом.

— Фуга! — говорит Брамин. — Настоящий мастер фуги! Да еще вперед идущий! Кто ты?

— Меня зовут Оаким.

— Как могло получиться, что ты знаешь точное число Бессмертных, то есть двести восемьдесят три?

— Я знаю, что я знаю, и этот огонь не спасет тебя.

— Возможно и нет, а возможно и да, Оаким, но я не противник Дома Жизни и Дома Мертвых.

— Ты Бессмертный. Одного твоего существования достаточно для того, чтобы оно выдало ложь твоих слов.

— Я слишком безразличен, чтобы быть противником чего-либо в принципе. Моя жизнь, однако, — совсем другое дело. — Его глаза сверкают зеленым. — Прежде чем ты попытаешься повернуть свою силу против меня, Оаким, знай, что уже поздно...

Он поднимает свою трость.

— Либо собака, либо птица послали тебя, а кто именно — не имеет значения...

Зеленый фонтан устремляется вверх, охватывая огнем весь павильон.

— Я знаю, что ты более чем предвестник чумы. Слишком ты силен, чтобы быть кем-нибудь другим, кроме посланника.

Павильон исчезает, и они оказываются на открытом пространстве в центре Ярмарки.

— Знай же, что перед тобой были другие и что ни один из них не добился успеха...

Зеленый огонь вылетает из его трости и устремляется в небо, как ракета.

— Двое из них пали перед тем, кто приближается сейчас...

Свет наверху настойчиво пульсирует.

— Так бойся того, кто приходит в самый хаос и чья холодная металлическая рука поддерживает слабых и угнетенных.

Он появляется, мчась по небу на спине огромного зверя из вороненого металла. Его восемь ног и копыт — бриллиантовые. С каждым шагом он скачет все медленнее и медленнее, пробегая все меньшее расстояние.

— Его зовут Железный Генерал, и он тоже мастер фуги, Оаким. Он спешит на мой призыв.

Оаким запрокидывает голову и смотрит на того, кто когда-то был человеком. То ли из-за волшебства Брамина, то ли веря своему предчувствию, он понимает, что за всю тысячу лет его памяти это будет первое его серьезное сражение.

Зеленый огонь теперь падает уже на Мадрака, он шевелится и поднимается со стоном.

Восемь бриллиантовых копыт ударяют о землю, и Оаким слышит отдаленные звуки банджо.

Рыжая Ведьма вызывает свою Колесницу Запряженную Десятью и приказывает подать ей золотой плащ. В этот день она направляется по небу к тому кольцу, внутри которого лежат Средние Миры.

В этот день она направляется по небу своими неизведанными путями...

Туда, в миры Жизни и Смерти, миры, которые она когда-то знала.

Теперь же одни говорят, что ее имя — Жалость, другие — что Жажда. Но ее тайное имя — Изида. Ее тайная душа — пыль.

... Евнух, священник высшей касты, ставит тонкие свечи перед парой старых башмаков.

... Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

... Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорожка голубого света.

Место Сокровенных Желаний

Принц Имя Которому Тысяча идет по берегу моря и над морем. Другой разумный обитатель этого мира, по которому он идет, не уверен, создал ли его Принц или открыл.

Это происходит потому, что никогда нельзя быть уверенным, создает ли мудрость или просто находит, а Принц — мудр.

Он идет вдоль берега. Его следы начинаются в семи шагах позади него. Высоко наверху над его головой висит море.

Море висит над его головой, потому что море ничего не может с этим поделать. Мир, внутри которого он идет, создан таким образом, что кто бы ни приблизился к нему с любой стороны, он покажется приблизившемуся миром, полностью лишенным суши. Если ему, однако, придет в голову опуститься в глубину моря, окружающего этот мир, он вынырнет с другой стороны вод и войдет в атмосферу планеты. Опустившись еще ниже, он достигнет суши. Идя по этой суше, он сможет обнаружить другие водоемы, окруженные землей, под морем, которое висит в небе.

Огромное море течет примерно на тысячу футов над головой. Яркие рыбы плавают по его дну, как подводные создания. А внизу, на земле, все сверкает.

Говорят, что такой мир, как этот, безымянный, с морем вместо неба, не может существовать. Те, кто говорит это, ошибаются. Если подумать о бесконечности, остальное станет совсем легко.

Принц Имя Которому Тысяча — единственный в своем роде. Он помимо всего прочего умеет телепортировать, а это встреча-

ется еще реже, чем мастер темпоральной фуги. По правде говоря, он один такой. Он может переносить себя в ничтожные доли секунды в любое место, которое он сможет себе представить.

А у него очень живое воображение. Считая, что любое место, о котором вы только можете подумать и какое можете себе представить, существует где-то в бесконечности, он в состоянии отправиться туда, если ему придет в голову подумать о нем. Некоторые теоретики утверждают, что, когда Принц представляет себе какое-нибудь место и желает попасть туда, это на самом деле есть акт созидания. Никто не может найти его, тогда вполне возможно, что на самом деле он просто делает так, что это происходит. Однако, если подумать о бесконечности — остальное станет совсем легко.

Принц не знает, не имеет ну ни малейшего представления о том, где находится этот мир, по крайней мере по отношению к остальной вселенной. Да ему это и безразлично. Он может уходить и приходить, когда только пожелает, беря с собой кого пожелает.

Однако сейчас он один, потому что хочет навестить свою жену.

Он стоит на берегу моря, под морем, и зовет ее по имени — а имя ей Нефита — и ждет, пока легкий ветерок не обовьет его с моря, называя имя, которое является его именем.

Тогда он склоняет голову и чувствует ее присутствие вокруг себя.

— Как живется тебе, любимая? — спрашивает он.

В воздухе раздается сдавленное рыдание, прерываемое монотонным блеском прибоя.

— Хорошо, — слышится ответ. — А тебе, мой повелитель?

— Лучше я буду правдив, чем вежлив, и отвечу «плохо».

— Оно все еще плачет в ночи?

— Да.

— Я думала о тебе, когда струилась и текла. Я создала птиц, чтобы они были со мной в воздухе, но их крики или резки, или печальны. Что могу я сказать тебе, чтобы быть вежливой, а не правдивой? Что я не устала от этой жизни, которая не жизнь? Что я не мечтаю больше стать женщиной, а не просто дыханием, цветом, движением? Что я не мечтаю дотронуться до тебя и почувствовать твое прикосновение к моему телу? Ты ведь знаешь, что я могу сказать, но ни один бог не обладает всемогуществом. Мне не следовало бы жаловаться, но я боюсь, мой повелитель, я боюсь того сумасшествия, которое иногда находит на меня. Никогда не спать, никогда не есть, никогда не дотронуться до твердого предмета. Как долго это уже продолжается?..

— Много веков.

— ... Я знаю, что все жены — ведьмы по отношению к своим мужьям, и поэтому прошу у тебя прощения. Но кому еще могу я пожаловаться и посетовать, как не тебе?

— Хорошо сказано, моя Нефита. Хотел бы я обнять тебя

вновь, потому что я тоже одинок. Но ты ведь знаешь, я пытался это сделать.

— Да. Когда ты победишь То Что Плачет, ты призовешь к порядку Анубиса и Озириса?

— Конечно.

— Пожалуйста, не уничтожай их сразу же, если они могут помочь мне. Смилостивься над ними немного, если они отдадут меня тебе обратно...

— Возможно.

— ...потому что я так одинока. Я бы так хотела, чтобы мне можно было уйти отсюда.

— Ты захотела себе мир, окруженный водой, чтобы выжить. Ты потребовала целый мир, чтобы заниматься им и не скучать.

— Я знаю, знаю...

— Если бы Озирис не был таким мстительным, все могло бы быть по-другому. А сейчас, ты ведь знаешь, я должен буду убить его, как только решу вопрос с Безымянным.

— Да, я знаю, я согласна. Но Анубис?

— Время от времени он пытается убить меня, что не так уж и важно. Может быть, я прощу его. Но моего Ангела с головой птицы — никогда.

Принц Имя Которому Тысяча (среди прочих имен) садится на камень и смотрит в воду, а потом вверх, в море. Огни лениво плещутся над его головой. Высокие вершины гор уперлись своими пиками в бездонную глубину. Свет — бледный и рассеянный, как будто отовсюду. Принц кидает плоский камешек таким образом, что он делает блинчики на воде перед ним.

— Расскажи мне опять о днях той битвы, тысячу лет тому назад,— говорит она,— о днях, когда он пал, тот, кто был твоим сыном и твоим отцом, самым могущественным воином, когда-либо существовавшим, чтобы бороться за шесть рас людских.

Принц безмолвно глядит на воду.

— Зачем? — наконец спрашивает он.

— Потому что каждый раз, когда ты рассказываешь об этом, ты непременно предпринимаешь какое-нибудь новое действие.

— ...И оно оканчивается новой неудачей,— возражает Принц.

— Расскажи же,— просит она.

Принц вздыхает, и небеса, в которых плавают яркие рыбы с прозрачными животами, ревут над его головой. Он вытягивает вперед руку, и камешек вываливается из нее в море. Ветер затихает и возвращается, лаская его.

Он начинает рассказывать.

Ангел Дома Огня

Вверх смотрит Анубис, видя смерть. Смерть — это тень черной лошади, которую отбрасывает она.

Анубис смотрит, схватившись за свой посох обеими руками.

— Хайль, Анубис, Ангел Дома Мертвых,— раздается голос,

глубокий и вибрирующий, как песня, разносящаяся по Большому Залу.

— Хайль,— мягко отвечает Анубис,— Повелитель Дома Огня, которого нет больше.

— У тебя здесь все как-то переменилось.

— Прошло много времени,— говорит Анубис.

— Ты прав.

— Могу я спросить, как твое здоровье сейчас?

— Я нахожу его вполне удовлетворительным, как и всегда.

— Могу я спросить, что привело тебя сюда?

— Да. Можешь.

Наступает пауза.

— Я думал, что ты мертв,— говорит Анубис.

— Я знаю.

— Однако я рад, что тебе удалось остаться в живых после той смертельной резни.

— Я тоже. Много веков заняло у меня возвращение из того места, куда я был закинут в результате такого идиотского использования молота. Как ты знаешь, я отступил во внекосмическое пространство за мгновение до того, как Озирис нанес свой удар, который разбивает солнца. И меня закинуло дальше, чем я намеревался, в мир, который не является миром.

— И что ты делал все это время?

— Возвращался.

— Ты один, Тайфун, из всех богов мог выжить после такого страшного падения.

— Что ты пытаешься сказать?

— Сет Разрушитель, твой отец, погиб в этой битве.

— Айиииии!

Анубис затыкает себе уши и закрывает глаза, не обращая внимание на то, что посох падает на пол. Крик, звучащий по всему Залу,— это раздирающий душу крик, получеловеческий, полузвериный, и его больно слушать даже с зажатыми ушами.

Через некоторое время наступает тишина, и Анубис открывает свои глаза и опускает руки. Тень сейчас меньше и ближе.

— Как я понимаю, Безымянный тоже был уничтожен в это же время?

— Я не знаю.

— Тогда что стало с твоим господином Тотом?

— Он отрекся как Повелитель Жизни и Смерти и ушел за пределы Средних Миров.

— В это трудно поверить.

Анубис пожимает плечами.

— Это факт жизни и смерти.

— Зачем он так поступил?

— Не знаю.

— Я хочу видеть его. Где мне найти его?

— Не знаю.

— Ты не слишком услужлив, Ангел. А теперь скажи мне, кто управляет всем в отсутствие моего брата, твоего господина?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Ну-ну, собачья морда, ты достаточно пожил на этом свете, чтобы ответить на простой вопрос. Кто контролирует потоки энергии?

— Дом Жизни и Дом Мертвых, кто же еще?

— «Кто же еще», вот как! И кто же сейчас управляет Домом Жизни?

— Естественно, Озирис.

— Понятно...

Тень вновь надвигается, становится больше.

— Собачья морда,— говорит Тайфун, и тень лошади неспокойна,— я подозреваю заговор, но я никогда не убиваю по одному только подозрению. Мой отец умер и требует мщения, а если и моему брату была причинена несправедливость, то и здесь прольется кровь. А сейчас отвечай мне быстро, не задумываясь. Ты можешь сказать больше, чем хотел бы. Так вот, выслушай меня: я знаю, что больше всего на свете ты боишься меня. Ты всегда боялся тени лошади, и ты правильно делал, что боялся. Если эта тень упадет на тебя, Ангел, ты прекратишь свое существование. И следа от тебя не останется. А она упадет на тебя, если ты имел отношение к вещам, которые я не одобряю. Я ясно высказался?

— Да, могущественный Тайфун. Ты — единственный бог, которому я поклоняюсь.

Внезапно Анубис прыгает, с воем, а в правой руке его неожиданно сверкает уздечка.

Тень от копыта проходит совсем рядом с ним, и он падает на пол. Тень падает на сверкающую серебряную уздечку, и она исчезает.

— Анубис, ты глупец! Зачем ты пытался связать меня?

— Потому что ты заставляешь меня бояться за свою жизнь, о Повелитель!

— Не сметь подыматься! Не шелохнись или превратишься в ничто! Единственная причина, по которой ты мог бы бояться меня, это чувство вины.

— Это не так! Я боялся, что ты можешь неправильно понять и напасть на меня, не разобравшись. Я не хочу превращаться в ничто. Я хотел связать тебя для самозащиты, чтобы я мог предоставить тебе факты, а потом отпустить. Потому что я признаю, что мое положение с первого взгляда представляет меня виноватым.

Тень двигается и падает на вытянутую руку Анубиса. Правая рука иссыхает и становится неподвижной, обвисая.

— Никогда ты не сможешь заменить эту руку, которую ты поднял на меня, шакал! Сделай себе новую — и она тоже иссохнет. Приставь металлическую руку — и она откажется служить тебе. Я оставляю тебе лишь левую руку за твой проступок. Я соберу факты — все факты — сам. Если ты виновен в том, в чем я сейчас

почти уверен, что ты виновен, я буду судьей, присяжным и палачом в одном лице. Знай, ни серебряная уздечка, ни золотые поводья не остановят Тайфуна. И знай, что если вся моя тень упадет на тебя, не останется даже пыли. Скоро вернусь я в Дом Мертвых, и если что-нибудь будет не в порядке, новый пес будет править здесь.

Огонь загорается по краям черного силуэта. Он ревет, вырываясь вперед, как бы намереваясь нанести еще один удар, пламя ярко пылает, и вот Анубис остается один на полу Большого Зала.

Он медленно встает и поднимает посох левой рукой. Его красный язык высовывается, спотыкаясь, он идет к своему трону. Огромное окно появляется в воздухе, и он смотрит в него на Создание Жизни.

— Озирис! — говорит он.— Дьявол жив.

— Что ты хочешь этим сказать? — слышит он в ответ.

— Сегодня тень лошади упала на меня.

— Это плохо. В особенности сейчас, когда ты послал своего нового посланника.

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть свои способы. Но и я сделал то же самое, впервые, и это мой сын, Гор. Надеюсь, что мне удастся отозвать его вовремя.

— Да, мне всегда нравился Гор.

— А как с твоим посланником?

— Я не буду отзывать его. Мне было бы очень любопытно посмотреть, как Тайфун попробует уничтожить его.

— Твой Оаким — кто он на самом деле? Кем он был?

— Это мое дело.

— Если... если окажется, что он тот, кем, я думаю, он может быть,— а ты знаешь, кого я имею в виду,— отзови его, пес, или между нами никогда не будет мира, если оба мы вообще останемся при этом живы.

Анубис усмехается.

— А был ли между нами когда-нибудь мир?

— Нет,— отвечает Озирис,— раз уж зашел такой откровенный разговор.

— Но Принц действительно начал угрожать нам в первый раз, он грозил, что покончит с нашим правлением.

— Да, уже двенадцатый год на исходе, и мы должны действовать. Может быть, пройдут века, как он говорил, прежде чем он выступит против нас. Но выступит он непременно, потому что он всегда держит свое слово. Кто знает, однако, что у него на уме?

— Не я.

— Что случилось с твоей правой рукой?

— Тень упала на нее.

— Так вот, оба мы погибнем под этой тенью, если ты не отзовешь своего посланника. Появление Тайфуна полностью все изменило. Мы должны связаться с Принцем, попытаться договориться с ним, упросить его.

— Он слишком умен, чтобы быть обманутым фальшивыми обещаниями, и ты недооцениваешь Оакима.

— Может быть, нам надо договориться с ним по-честному, не восстанавливать его, само собой...

— Нет! Мы восторжествуем!

— Докажи это, заменив свою руку такой, которая работала бы!

— Я сделаю это.

— Прощай, Анубис, и помни — даже фуга бессильна против Ангела Дома Огня.

— Я знаю. Прощай, Ангел Дома Жизни.

— Почему ты называешь меня моим древним именем?

— Потому что ты боишься, что возвращаются старые времена, Озирис.

— Тогда отзови Оакима.

— Нет.

— Тогда прощай, глупый Ангел, падший из падших.

— Адье.

И окно заполняется звездами и энергией, пока не закрывается полностью от движения левой руки между пламенем чаш.

Молчание наступает в Доме Мертвых.

Наброски

... Евнух, священник высшей касты, ставит тонкие свечи перед парой рваных башмаков.

... Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

... Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорожка голубого света.

Явление Железного Генерала

Вверх смотрит Оаким, видя Железного Генерала.

— Где-то в глубине моей души я чувствую, что должен знать о нем,— говорит Оаким.

— Перестань,— говорит Брамин, трость и глаза которого сверкают зеленым огнем.— Все знают о Генерале, который скачет в одиночку. По страницам истории раздается топот его боевого коня Бронзы. Он летал в эскадрилье Лафайэта. Он бился, удерживая Джарамскую долину. Он помогал оборонять Сталинград лютой зимой. С горсткой друзей он пытался захватить Кубу. На каждом поле сражения он оставлял частичку самого себя. Он разбил свой лагерь в Вашингтоне, когда настали тяжелые времена, пока более великий генерал не попросил его уйти. Он был побежден в битве при Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой. Он был в черных списках, потому что когда-то состоял членом подполья. Все правые дела, за которые он сражался, давно

похоронены, но частичка его умирала каждый раз, когда появлялось новое дело, за которое он бросался в бой. Он выжил, каким-то чудом пережив свой век, с искусственными конечностями и с искусственным сердцем и венами, со вставленными зубами и стеклянными глазами, с пластинкой в черепе и костями из пластика, с кусочками проволоки и фарфора внутри тела, пока, наконец, наука не научилась делать все это лучше, чем то, с чем человек появлялся на свет. Его вновь собрали, кусочек за кусочком, пока в следующем веке он не стал превосходить любого человека из плоти и крови. И вновь он бился в повстанческих отрядах, и вновь его разбивали на мелкие кусочки в войнах, которые отдельные миры вели против федерации. Он всегда в каком-нибудь черном списке, он играет на своем банджо и не обращает внимания на это, потому что он поставил себя вне закона, всегда подчиняясь его духу, а не букве. Много раз он заменял металлические части своего тела и вновь становился полноценным человеком, но всегда бросался на помощь, как бы далеко она ни требовалась — и тогда вновь он терял свою человечность. Он резко спорил с Троцким, который объяснял ему, что писателям мало платят, он одно время поддерживал Фиделя Кастро — и понял, что юристам тоже платят мало. Почти всегда его побеждают, и используют, и пользуются им, но ему это все равно, потому что его идеалы значат для него больше, чем его плоть. Теперь же, конечно, дело Принца Имя Которому Тысяча не очень кое-кому нравится. Из того, что ты говорил, я понял, что те, кто против Дома Жизни и Дома Мертвых, будут считаться сторонниками Принца, которому никакие сторонники не нужны, хотя это и не имеет значения. Я также рискну высказать предположение, что Генерал будет поддерживать его, так как для него Принц является меньшинством — один против всех. Генерала можно победить, но его никогда нельзя уничтожить, Оаким! А вот и он. Спроси его сам, если желаешь.

Железный Генерал спешивается со своего коня и стоит сейчас перед Оакимом и Брамином, как железная статуя в десять часов вечера, летом, когда нет луны.

— Я увидел твой маяк, Ангел Седьмого Поста.

— Увы, этот титул исчез вместе с постом, сэр.

— Тем не менее я признаю права правительства в изгнании,— говорит Генерал, и голос его настолько красив, что его можно слушать годами.

— Благодарю вас. Но я боюсь, что вы пришли слишком поздно. Этот Оаким, который является мастером темпоральной фуги, я чувствую, уничтожит Принца, и таким образом уничтожит всякую надежду на наше возвращение. Разве не так, Оаким?

— Конечно.

— Если, конечно, нам не удастся найти Героя,— говорит Брамин.

— Вам не надо больше искать,— говорит Генерал.— Лучше будет, если ты сдашься мне прямо сейчас, Оаким. Я говорю это, не питая к тебе враждебных чувств.

— А я отвечаю, не питая никаких чувств: убирайся к дьяволу! Если каждый твой кусочек уничтожить, на свете не останется больше Железного Генерала, и никогда больше его не будет. Я считаю, что такой возмутитель спокойствия, как ты, подлежит полному уничтожению, а я нахожусь здесь.

— Многие так думали, а я все еще жду.

— Тогда не жди больше,— говорит Оаким и двигается вперед.— Время здесь, оно ждет, когда его заполнят.

В этот момент Бронза встает на задние ноги, и шесть бриллиантов сверкают среди разноцветного мира Блиса.

Предсказатель города Лигламенти

Гор отправился в Средние Миры и появился на Мире Туманов, который его обитатели называют Д'донори, что означает Планета Удовольствий. Когда он сходит со своей колесницы, которая пересекла холодную и безвоздушную ночь, он слышит, в сильных туманах, которые покрывают всю Д'донори, звуки битвы вокруг себя.

Убив голыми руками трех рыцарей, которые наткнулись на него, он подходит наконец к высоким стенам города Лигламенти, монархи которого в прошлом имели основания полагать, что он — бог, доброжелательно относящийся к их процветанию.

Д'донори — мир, который, хотя и находится внутри прибоя энергий, никогда не был подвержен чуме, войнам, голоду, ограничивающим численность населения на других мирах. Это происходит потому, что обитатели Д'донори сами решают свои проблемы. Ведь Д'донори состоит из маленьких городов-государств и герцогств, которые беспрестанно воюют друг с другом, объединяясь только для того, чтобы уничтожить всякого, кто пытается объединить их навсегда.

Гор приближается к огромным воротам Лигламенти и ударяет в них кулаком. Гудящий звук проносится по всему городу, ворота сотрясаются.

Часовой низко опускает факел, чтобы высветить сумрак, и посылает вниз стрелу, которая, конечно, не попадает в цель, потому что Гор может прочесть мысль напавшего на него и отклонить полет стрелы. Когда стрела свистит мимо, он отступает в сторону так, чтобы оказаться в луче света.

— Открой ворота, или я снесу их с петель! — громко кричит он.

— Кто ты такой, что ходишь в одной набедренной повязке без оружия и приказываешь мне?

— Я — Гор.

— Я не верю тебе.

— Тебе осталось жить меньше минуты, если ты не откроешь мне ворота. Твоя смерть будет доказательством того, что Гор не лжет. Потом я вышибу эти ворота и войду по твоему трупу в поисках твоего господина.

— Подожди! Если ты действительно Гор, то пойми, что я только исполняю свои обязанности и выполняю приказ моего господина. Не считай меня еретиком только потому, что я отказываюсь впустить каждого, кто может назваться Гором. Откуда я знаю, что ты не враг, который говорит это с целью обмануть меня?

— Неужели хоть один враг осмелится на такую глупость?

— Может быть. Потому что почти все люди — глупцы.

Гор пожимает плечами и опять поднимает свой кулак. Вибрирующий музыкальный звук на одной ноте разносится в воздухе — и ворота Лигламенти начинают дрожать на петлях, а часовой — в своих доспехах.

Гор в этот момент стал больше, достиг почти трехметровой высоты. Его набедренная повязка — цвета крови. Факел горит где-то у его ног. Он отводит кулак как для удара.

— Подожди! Я впущу тебя!

Гор опускает кулак, и музыка затихает. Его рост уменьшается на одну треть.

Часовой что-то делает, ворота открываются, и Гор входит в Лигламенти.

Дойдя наконец до окруженного туманом дворца его монарха, Лорда Дилвит, Герцога Лиглы, Гор узнает, что весть о его прибытии уже проникла в эти стены. Торжественный чернобородый Герцог, корона которого когда-то была вделана в его череп, выдавливает из себя такую улыбку, на которую только способен, то есть показывает двойной ряд зубов под тонкими губами. И слегка кивает.

— Ты действительно Гор? — спрашивает он.

— Да.

— Говорят, что каждый раз, когда бог Гор проходит здесь, его трудно бывает узнать.

— Ничего удивительного, — говорит Гор. — Просто чудо, что вы в таком тумане узнаете друг друга.

Дилвит хрипит, что является для него эквивалентом смеха.

— Верно, часто мы не узнаем сами себя и по ошибке убиваем наших людей. Но каждый раз, когда приходит Гор, царствующий монарх испытывает его. В прошлый раз...

— ...в прошлый раз для Лорда Бульваг я послал деревянную стрелу сквозь толстый куб мрамора, так что ее конец торчал с другой стороны.

— Ты помнишь?

— Конечно. Я — Гор. У тебя еще сохранился этот куб?

— Да. Конечно.

— Тогда отведи меня к нему.

Они входят в освещенный факелами Тронный Зал, где лохматые шкуры хищников предлагают единственное разнообразие при взгляде на стены, увешанные сверкающим оружием. На небольшом пьедестале слева от трона стоит серо-оранжевый мраморный куб, из которого торчит стрела.

— Вот он, видишь,— говорит Дилвит, указывая рукой.

Гор приближается и оглядывает его внимательно.

— На этот раз я сам придумаю для себя испытание. Я достану тебе стрелу обратно.

— Ее легко можно вытащить. Это не ис...

Гор поднимает правую руку на уровень плеча и резко наносит удар вперед и вниз, ударяя кулаком по камню, который раскалывается на мелкие осколки. Потом берет стрелу и подает ее Дилвиту.

— Я — Гор,— говорит он.

Дилвит берет стрелу, подбирает и осматривает осколки мрамора.

— Ты действительно Гор,— соглашается он.— Чем мы можем служить тебе?

— Д'донори всегда по справедливости славился своими предсказателями. Предсказателей Лигламенти часто называли самыми лучшими. Следовательно, я хочу поговорить с твоим главным предсказателем, так как у меня есть несколько вопросов, на которые мне нужны ответы.

— Тогда надо говорить со старым Фрейдагом,— предлагает Дилвит, отряхивая каменную пыль со своего красного и зеленого пояса.— Он один из великих, это так, но...

— Что — но?— спрашивает Гор, уже прочитав мысль Дилвита, но тем не менее вежливо ожидая.

— Он, Великий Гор, читает будущее по внутренностям, но никакие другие, кроме человеческих, не подходят ему. А мы редко держим пленников, так как это может недешево обойтись, а добровольцев на такое дело найти еще труднее.

— Нельзя ли уговорить Фрейдага погадать по внутренностям какого-нибудь животного в этом одном-единственном случае?

Вновь Гор читает мысли и вздыхает.

— Конечно, о Великий Гор, но тогда он не сможет гарантировать тот же уровень восприятия.

— Интересно, почему так?

— Я не могу ответить на это, о Могущественный Гор, потому что сам я не предсказатель, хотя моя мать и сестра обладали даром ясновидения, но из всех предсказателей скотологисты самый странный народ. А теперь возьмем Фрейдага. Он, очевидно, близорук, как он сам говорит, а это означает...

— Достань ему все необходимое для гадания, а потом сообщи, когда он сможет отвечать на мои вопросы!— приказывает Гор.

— Да, Благородный Гор. Я немедленно пошлю отряд на поиски, так как вижу, что ты очень торопишься.

— Очень.

— ...И у меня как раз есть сосед, которого давно пора научить правильно соблюдать границы!

Дилвит одним прыжком садится на свой трон и, протягивая руку вверх, снимает рог, который висит над ним. Три раза подно-

сит он его к губам и дует, пока щеки его не становятся красными, а глаза не вылезают из орбит. Потом он вешает рог на место и в изнеможении откидывается на спинку трона.

— Военачальники будут здесь через минуту,— с трудом дыша, объявляет он.

Через минуту слышится стук копыт, и три воина в доспехах, верхом на похожих на единорога голинди скачут, скачут, скачут вокруг тронного зала, пока Дилвит не поднимает руку и не кричит:

— Набег! Набег, мои любезные! На Юскига Рыжего. Полдюжины пленных нужны мне от него до того, как туман посветлеет утренней зарей!

— Ты сказал «пленных», Господин?— спрашивает один из черно-коричневых.

— Ты понял правильно.

— До зари!

Поднимается вверх копье.

Они делают круг по залу и отбывают.

Следующим утром Гора будят и сопровождают в комнату, где лежат шестеро голых людей, руки которых связаны за спиной, а ноги на уровне лодыжек и тела которых покрыты ссадинами и ушибами. Комната небольшая, холодная и освещена только четырьмя факелами: из ее единственного окна видна стена тумана. Множество листов ежемесячного журнала «Лигла таймс» расстелены по полу, покрывая его полностью. Прислонившись к подоконнику, высокого роста старик с розовым лицом, впалыми щеками, нервно дергаясь, затачивает на мокром бруске несколько кинжалов. Его выцветшие глаза смотрят на Гора, и он одобрительно кивает.

— Как я понимаю, у тебя есть несколько вопросов,— говорит он, тяжело хватая воздух ртом перед каждым последующим словом.

— Ты понимаешь правильно. Я хочу задать три вопроса.

— Только три, Святой Гор? Это означает, что потребуется только один комплект внутренностей. Неужели бог, такой мудрый, как ты, не имеет больше вопросов? Раз уж у нас есть необходимый материал, просто стыдно не использовать его. Прошло так много времени с тех пор...

— Тем не менее я желаю задать оракулу только три вопроса.

— Ну что ж, хорошо,— вздыхает Фрейдаг.— В таком случае, мы используем его.— Он указывает кинжалом в сторону седобородого человека, темные глаза которого неотрывно смотрят прямо в его глаза.— Его зовут Болтаг.

— Ты знаешь его?

— Он мой дальний родственник, к тому же он главный предсказатель Лорда Юскига, шарлатан, конечно. Мне повезло, что наконец-то он попал мне в руки.

Тот, кого зовут Болтаг, плюет на раздел «разное» в газете «Лигла таймс», когда произносятся эти слова.

— Ты жулик, о могущественный чтец по внутренностям! — говорит он.

— Лжец! — кричит Фрейдаг, подскакивая к нему и хватая за бороду.— Сейчас я покончу с твоей шарлатанской карьерой!

И он вспарывает ему живот. Сунув руку внутрь, он вытаскивает пригоршню кишок и разбрасывает их по полу. Болтаг кричит, стонет, лежа недвижно. Фрейдаг режет по изгибающейся длине кишок, перебирая их пальцами. Он приседает на корточки и наклоняется вперед.

— А теперь, что это за вопросы, сын Озириса? — спрашивает он.

— Во-первых, где мне найти Принца Имя Которому Тысяча? Во-вторых, кто посланник Анубиса? В-третьих, где он сейчас?

Фрейдаг бормочет и дует на дымящиеся на полу внутренности. Болтаг опять стонет и чуть шевелится.

Гор пытается прочитать мысли предсказателя, но они настолько туманны, что это все равно что смотреть из единственного окна этой комнаты.

Затем Фрейдаг начинает говорить.

— В Цитадели Марачек, в Центре Средних Миров, встретишься ты с тем, кто отведет тебя пред очи того, кого ты ищешь.

— Странно,— бормочет Болтаг, качая головой,— ты прочитал эту часть правильно. Но твое падающее зрение было затуманено... Этим кусочком ободочной кишки, которую ты по ошибке... положил вместе с другими...

Огромным усилием Болтаг перекатывается ближе, хватая ртом воздух.

— И ты... не сказал... Великому Гору... что ему грозят... страшные силы... и что в результате он будет побежден...

— Молчание! — вскрикнул Фрейдаг.— Я не приглашал тебя для консультаций!

— Это мои кишки, и я не желаю, чтобы над ними гадал жулик!

— Следующие два ответа неясны мне, дорогой Гор,— говорит Фрейдаг, рассекая еще одну кишку.

— Фальшивый колдун! — рыдает Болтаг.— Марачек также приведет его к посланнику Анубиса, имя которого написано моей кровью... там... на передовице журнала! Это имя... Оаким...

— Ах, лгун! — вскрикивает Фрейдаг, рассекая дальше.

— Подожди! — останавливает его Гор. Рука падает на плечо предсказателя.— Здесь твой коллега говорит правду, потому что я знаю, что в настоящее время его действительно зовут Оаким.

Фрейдаг замолкает, внимательно глядя на передовицу.

— Аминь,— соглашается он.— Даже любитель иногда может иметь прозрение.

— Значит, все-таки мне судьба встретиться с этим Оакимом, если я отправлюсь в это место — Марачек,— а я должен туда отправиться. Но как же все-таки насчет моего второго вопроса? Я хочу знать настоящее имя этого человека, которого называют

Оакимом. Кем он был перед тем, как Повелитель Анубис дал ему это новое имя и послал его своим эмиссаром из Дома Мертвых?

Фрейдаг водит своей головой почти у самого пола, перемешивает кишки, лежащие перед ним, опять что-то режет.

— Это, Великолепный Гор, скрыто от меня. Оракул не желает открывать...

— Негодяй! — с трудом вскрикивает Болтаг.—...Это... здесь так ясно... видно...

Гор прослеживает за умирающей мыслью, и волосы поднимаются на его голове по мере того, как он прослеживает ее все глубже и глубже. Но имени он не может прочесть, потому что у колдуна кончились силы.

Гор закрывает глаза и дрожит, потому что имя это, которое он чуть было не уловил, внезапно исчезает совсем.

Когда Гор опускает руку, Фрейдаг опять стоит на ногах и, улыбаясь, смотрит на своего мертвого родственника.

— Шарлатан! — говорит он, фыркая и вытирая руки о передник.

Странная, маленькая, звериная тень шевелится на стене.

Оружие и Железный Генерал

Бриллиантовые копыта бьют в землю, поднимаясь, падая. Поднимаясь...

Оаким и Железный Генерал стоят лицом друг к другу, не двигаясь.

Проходит минута, затем три, и теперь уже копыта зверя по имени Бронза бьют землю с грохотом грома в центре ярмарки на Блисе, потому что с каждым ударом их сила увеличивается в два раза.

Говорят, что битва фуги и ее исход в основном предрешаются в самые первые моменты концентрации внимания, перед началом самой темпоральной фуги, в те самые мгновения, которые будут стерты с лица Времени исходом самой битвы; как будто их никогда не существовало вовсе.

Земля теперь уже дрожит от ударов Бронзы, и голубой огонь вырывается из его ноздрей, прямо на Блис.

Оаким сейчас весь блестит от пота, а пальцы Железного Генерала дергаются, особенно тот, на котором он носит кольцо из человеческой кожи.

Проходит одиннадцать минут.

Оаким исчезает.

Железный Генерал исчезает.

Бронза опять ударяет о землю, и тенты падают, рушатся здания, в земле появляются трещины.

Тридцать секунд назад Оаким стоит позади Генерала, и Оаким стоит перед Генералом, и Оаким, который стоит позади, который только что появился в это самое мгновение, сжимает обе руки вместе и поднимает их высоко над головой, чтобы нанести мощ-

ный удар по металлическому шлему... В то время как тридцать пять секунд назад Железный Генерал появляется позади Оакима того момента времени, отводит назад руку, резко выбрасывает ее вперед...

...в то время как Оаким тридцати секунд назад, видя себя в фуге, с занесенными наверх руками для удара, освобождается для того, чтобы исчезнуть, что он и делает, на десять секунд назад, где он готовится подражать своему будущему образу, глядя... как Генерал Тридцатипяти секунд тому назад отводит свою руку для удара и исчезает еще на двенадцать секунд назад. И все это потому, что осторожность во времени необходима, чтобы сохранить свое будущее существование...

Когда идешь вперед во времени...

Или назад...

... В то время, как все это время где-то, вероятно, сейчас...

Бронза вздымается на задние ноги и бьет копытами по земле, и город дрожит до основания.

... И Оаким сорока секунд до начала атаки, видя его появление, отправляется на двадцать секунд назад — таким образом завершая одну минуту вероятного времени битвы фуги, которая, собственно, может быть подвержена изменениям.

... Генерал сорока секунд до начала атаки отступает еще на пятнадцать секунд, чтобы напасть, в то время как его образ этого момента смотрит на него и отступает на восемь секунд...

Оаким одной минуты тому назад отступает на десять секунд...

Фуга!

Оаким за спиной Железного Генерала, атакуя, в минус семьдесят секунд, видит Генерала за спиной Оакима, в то время, как оба они видят его, а он видит их обоих.

Все четверо исчезают, с разницей в одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать и двадцать секунд.

... и все это время где-то, вероятно, сейчас, Бронза поднимается на дыбы и бьет копытами землю, а волны землетрясения идут все дальше и дальше.

Начало их поединка остается прежним, и Генерал перед Генералом, и Оаким перед Оакимом стоят в фуге.

Пять минут и девять секунд в будущем двенадцать Генералов и девять Оакимов глядят друг на друга, застыв как в трансе... Восемь минут и шестнадцать секунд до начала атаки, сто двадцать три Оакима и сто тридцать один Генерал напряглись, выбирая момент...

Чтобы атаковать всем вместе в пределах этого мгновения, оставив себя из прошлого защищаться, и возможно, если это мгновение выбрано неправильно, пасть и таким образом кончить поединок. Опираясь на свои моментальные решения и интуицию, каждый выбрал именно это мгновение, как самое выгодное для того, чтобы обеспечить себе будущее и держать его в фокусе. В то время как армии Оакимов и Генералов сталкиваются в битве, земля начинает дрожать под их ногами, а канва самого Времени

протестует против такого грубого с ним обращения. Начинает дуть ветер, и все вокруг них становится нереальным, колеблясь между бытием, сознанием и после-бытием. А где-то Бронза бьет своими бриллиантовыми копытами в континент и сжигает его лавинами огня. Окровавленные, с переломанными позвоночниками, трупы Оакимов и куски уничтоженных Генералов несутся в местах, далеких от сражения, и сдуваются ветром. Это вероятностные мертвые, потому что и теперь они не могли быть убиты в прошлом, а будущее не переделывается. Фокус фуги определяется этим напряженным мгновением, и они сталкиваются с такой силой, что перемены происходят по всей Вселенной, поднимающейся, сжимающейся, проходящей мимо, в то время как Время обманывает Историю, обводя ее вокруг событий.

Недалеко от места их схватки Бронза бьет копытами в землю, и где-то начинает разваливаться город. Поэт поднимает свою трость, но ее зеленый огонь не может затмить голубого огня, который вырывается из ноздрей Бронзы, как фонтан над миром. Теперь на Блисе осталось уже девять городов, и Время сжигает их. Здания, машины, трупы, дети, павильоны — все уносится ветром, раздувающим пламя, и они проносятся мимо ярмарки. Посмотрите, какие они разноцветные. Красный? Вот берега реки, над которыми висит зеленый пар и летят пурпурные камешки. Желтый, серый, черный город под тремя лимонно-желтыми мостами. Теперь море стало небом, в котором гуляют ураганные ветры. Запахи Блиса — дым и горелая плоть. Звуки — крики, звон, быстрый топот бегущих ног, как вина перед черной ночью, которая теперь придет, как потеря сознания.

— Прекратите! — кричит Брамин, становясь огромным, сверкающим великаном посреди этого хаоса. — Вы уничтожите весь мир, если не остановитесь! — кричит он, и голос его громыхает, как гром, и в нем слышится звон литавр и мощь труб.

— Штатские умирают! — кричит Мгновение Генерал.

Мгновение Оаким смеется.

— Какую разницу может иметь форма в Доме Мертвых?

Большая зеленая дверь начинает открываться в воздухе, материализуется, Брамин уменьшается в размерах.

Когда дверь распахивается настежь, они бегут к ней, глядя как за дверью перекатываются большие волны океана.

Армии Оакима и армии Генерала тоже подхватывают волны Хаоса и несут ветрами перемен, пока их тоже, наконец, не доносит до зеленой двери, которая сейчас распахнута настежь, как сверкающий магнит-водоворот. Все еще продолжая сражаться, они влетают в нее, и их всасывает туда одного за другим.

Бронза начинает двигаться более медленно, когда дверь закрывается, но каким-то образом ей удается протиснуться сквозь нее, прежде чем Хаос возникает на том месте, где она только что была.

Затем рев и движение прекращаются, и весь мир Блис, кажется, вздыхает с облегчением. Многое на нем уничтожено, и люди уми-

рают в эту минуту, которая может быть теми тридцатью секундами до того, как Оаким и Генерал начали фугу, которая сейчас уже не начнется на земле уничтоженной ярмарки, покрытой трещинами и дымящимися кратерами.

Среди сломанных арок, разрушенных башен, остатков зданий идет Спасение с обнаженной огненной шпагой. Лихорадка дня опускается на Блис из Домов Энергии, и где-то лает собака.

Гнев рыжеволосой

Мегра из Калгана бежит, полуослепленная, сквозь многоликую толпу. В это время раздается новый ужасный крик, вырывающийся из многих глоток. Холодный дикий ветер начинает дуть по разноцветной и разнообразной ярмарке. Оглядываясь назад, она видит знак, от которого не может оторвать глаза, и ноги ее начинают заплетаться среди обрушившихся тентов и хлопающих на ветру флагов.

Это Железный Генерал на спине Бронзы, скачущей вперед. Он опускается вниз, все медленнее и медленнее. Она читала о нем, слышала о нем, потому что он существует в апокалипсисах всех наций и народов.

Огромный зверь Бронза меняет направление, замедляя свой бег, замедляя его с каждым шагом, опускаясь на разрушенный павильон, где она оставила Оакима и Мадрака - - воина-священника сражаться друг с другом. Она оглядывается в том направлении, но ее маленький рост мешает ей видеть в толпе - - перед ее глазами лишь живая стена.

Потом она перестает видеть и Железного Генерала и продолжает протискиваться сквозь множество ног по направлению к павильону, где умер человек.

Сейчас она уже пользуется своей силой, чтобы проложить себе путь, и там, где другим было бы не протолкнуться, она двигается, как пловец среди водорослей рук и ног, машин с лицами и перьями, женщин с мигающими огоньками в грудях, мужчин со шпорами в суставах, обычных людей всех шести рас, женщин, у которых с музыкальной нотой все время вываливается одна голубая грудь, нотой, которая достигает крещендо, которую больно слушать, проходит рядом с человеком, который несет свое сердце рядом с собой в гудящей корзинке, она ударом отбрасывает в сторону существо, похожее на нераскрытый зонтик, которое в страхе пытается присосаться к ней своими щупальцами, пробирается сквозь толпу зеленых карликов, сворачивает на дорожку между павильонами, пересекает открытое пространство, где земля завалена пылью и соломой, она двигается между двумя павильонами, а вокруг нее свет постепенно начинает меркнуть, и она ударяет по чему-то небольшому, которое кругами летает над ее головой и верещит.

Тогда она поворачивается и видит зрелище, равного которому не видела до сих пор.

Там стоит красная колесница, с пустыми местами для лоша-

дей, все еще дымящаяся от пыльного неба. Колеса ее проделали глубокие борозды в земле на расстоянии примерно трех метров. До этого следов нет вообще.

В колеснице стоит закутанная в плащ с капюшоном фигура высокой женщины с лицом, закрытым вуалью. Локон ее рыжих волос, с оттенком красного, как кровь, свисает вниз. Ее красивая рука, почти такая же красная, как и ногти, держит поводья, которые идут к ничему перед колесницей. Летящее создание, которое верещало над головой Мегры, и которое она ударила, сейчас сидит на ее плече, и безволосый хвост его дергается.

— Мегра из Калгана,— говорит голос, что ударяет ее как перчатка, усыпанная драгоценными камнями,— ты пришла ко мне, как я только пожелала.

И пар, который поднимается от колесницы, кружится вокруг красной женщины.

Тогда Мегра начинает дрожать, чувствуя, будто кусок черного льда, лежащего в межзвездном пространстве, дотронулся до ее сердца.

— Кто ты?— спрашивает она.

— Меня зовут Изидой, Матерью Праха.

— Зачем ты искала меня? Я знаю тебя, Леди, только по легендам.

Изида смеется, и Мегра протягивает руку и хватается за крепление павильона справа от себя.

— Я искала тебя, мой маленький кролик, чтобы наложить страшное заклятие.

— Но почему, Леди? Я ничего плохого не сделала.

— Может быть, и нет. Я могу ошибиться, хотя не думаю. Однако скоро я это узнаю. Мы должны подождать.

— Чего?

— Исхода битвы, которая, как я предвижу, скоро произойдет.

— Как ни приятно мне находиться в твоем обществе, я не могу ждать, какой бы благородной целью ты не задавалась. Ты должна извинить меня. У меня есть дело...

— ...Жалости! Я знаю.

И она опять смеется, а рука Мегры сжимается на металлической стойке, так что она подается под ее рукой и вырывается из павильона, который сильно кренится справа от нее.

Смех Изиды затихает в воздухе.

— Наглое дитя! Ты посмела поднять на меня руку?

— Если будет необходимо, хотя я сомневаюсь в этом, Госпожа.

— Тогда замри на месте, как статуя, на том месте, где стоишь!

И вместе с этими словами ведьма дотрагивается до рубиновой подвески на шее, луч света исходит из ее центра и падает на Мегру.

Борясь с параличом, который начинает ее охватывать, Мегра кидает металлический прут по направлению к Изиде. Он сверкает в воздухе, как серое колесо, острые пилы, диск, падая к колеснице.

Выронив вожжи и подняв руку, Изида продолжает держать

свою подвеску, из которой сейчас вырываются лучи. Те падают на летящий вращающийся металл, который на мгновение сверкнул, как метеор, а потом исчез, и только расплавленный кусочек металла падает на землю рядом с колесницей.

В течение этого времени Мегра чувствует, что свободна от ледяного оцепенения, охватившего ее, и броском кидается к колеснице, ударяя в нее своим плечом, так что Изида оказывается сброшенной на землю, а ее служка скулит и верещит за большим колесом.

Мегра быстро подскакивает к ней, готовая ударить ребром ладони, видит, что вуаль упала, и мгновение колеблется, не решаясь ударить такую красоту: огромные черные глаза на овальном лице, сверкающем жизненной силой, ресницы, которые порхают, как крылья бабочки, достигая до самых бровей, зубы, розовые, как кожа, обнаженные во внезапной улыбке, которую иногда можно видеть, когда смотришь в огонь.

Темнота продолжает становиться все глубже, а ветер все сильнее, внезапно сотрясается сама земля, как от какого-то далекого удара.

Свет подвески вновь падает на Мегру, Изида пытается подняться на ноги, падает на колени и хмурится.

— Ох, дитя, что тебя ожидает! — говорит она, и Мегра вспоминает старые легенды, молится не только единственному богу существующей религии, но и тому, который давно пал:

— Озирис, Повелитель Жизни, избавь меня от гнева твоей наложницы! Но если ты не услышишь моей молитвы, то я обращусь тогда к мрачному богу Сету, которого одновременно и любит и страшится эта Леди. Спаси мою жизнь!

А затем слова застревают у нее в горле. Теперь уже Изида стоит на ногах и смотрит на нее, а земля дрожит и сотрясается от бешеных ударов, и все небо и земля затянуты пылью. Вдалеке теперь можно видеть голубое сияние, и откуда-то доносится звук битвы двух армий. Раздаются крики, вопли, свист. Горизонт колеблется, будто омываемый волнами моря.

— Может быть, ты думаешь,— вскрикивает Изида,— что все это — ответ на твои кощунственные молитвы! Но ты ошибаешься! Я знаю, что не должна убивать тебя сейчас, но я сделаю с тобой нечто куда более страшное. Я дам тебе в дар то, что будет одновременно и великой человеческой мудростью, и самым большим человеческим стыдом. Потому что я узнала все, для чего и явилась на Блис, и должна отомстить! А сейчас пойдем со мной в колесницу! Живо! Этот мир может скоро прекратить свое существование, потому что Генерал не побеждает твоего любовника! Проклятье!

Медленно, неохотно подчиняются мускулы Мегры этому приказу, и она входит в колесницу. Рыжая Ведьма входит за ней и становится рядом, поправляя вуаль. Где-то далеко зеленый великан бросает на ветер слова, которые невозможно расслышать. Какие-то блестящие осколки кружатся повсюду на том месте, которое

когда-то было ярмаркой. Все туманится, раздваивается, растраивается, одни образы исчезают, другие остаются. На земле появляются трещины и пропасти. Вдали рушится целый город. Маленький служка с визгом прячется в плаще ведьмы. Пыль исчезает, и ночь летит на них, как гром, и все разноцветное собирается вместе в тех местах, где вообще не должно быть никакого цвета. Изида поднимает поводья, и красное пламя поднимается над колесницей, ничего не сжигая, но окружая их рубиновым сердечником или языком феникса, и внезапно, пропадает всякое движение и звук его и все другие звуки, но теперь уже мир, который называется Блис, с его горестями, мешаниной, чумой и его спасением, лежит далеко позади них, как яркое отверстие колодца, в который они опускаются, и по краям которого сверкают уходящие звезды.

То Что Плачет в Ночи

В те дни, когда я правил,
Как Повелитель Жизни и Смерти,—
говорит принц Имя Которого Тысяча,—
в те дни
по просьбе людей
окружил я Средние Миры
океаном энергии,
с его прибоями, приливами и отливами,
чтобы все менялось вместе
с этим мирным океаном:
рождение,
рост,
смерть,
волны в нем;

Затем все это я отдал
под управление Ангелам,
создав Посты их
на границах
Средних Миров,
чтобы руки их управляли
приливами и отливами.
И много веков
мы провели так,
поддерживая жизнь,
смягчая смерть,
помогая росту,
расширяя
берега этого огромного,
огромного
океана,
и все больше и больше
Внешних Миров

омывалось
его прибоем
в короне из пены созидания.
Затем однажды,
мечтая в огромной пучине
такого мира,
который был храбр,
прекрасен,
но мертв и бесплоден,
не тронутый тогда еще
жизнью,
я разбудил что-то спящее
поцелуем прибоя,
который бился.

И я, боясь того, что проснулось,
кинулся вперед,
на меня
напало,
выйдя из чрева земли
пыталось меня уничтожить,
то, что пожрало жизнь той планеты.
спало в ней всю зиму,
потом поднялось,
голодное,
и стало жадно искать.
Кормясь приливами жизни,
оно проснулось.
Оно коснулось тебя, моя жена,
и не смог я
сохранить твое тело,
хоть оставил твое дыхание.

Оно упивалось, как человек вином,
Жизнью,
и все оружие
в моем арсенале
испробовал я
на это нечто, но он
не умер,
не отправился в небытие,
только
попытался улизнуть.

Я задержал его.
Забрав энергию
своих Постов,
я создал поле,
поле нейтральных энергий,
заключив этот мир

весь, как в клетку.

Потому что, если б
оно вырвалось к планетам жизни,
оно бы пожрало их все,
и его
необходимо поэтому
было разрушить.
Я пытался его уничтожить,
но тщетно,
много раз я пытался
и каждый раз тщетно,
и все это время
он был моим пленником
на этом безымянном мире.

Затем в Средних Мирах
начался
хаос
от недостатка моего
управления
жизнью,
ростом
и смертью.
Велика была моя боль.
И новые я
начал строить Посты,
но медленно.

Я мог опять окружить их полем
энергии,
но не мог я
отпустить Безымянного.
И не было у меня такой силы,
такой силы,
чтобы и держать его в плену
и поддерживать
Миры Жизни.
И вот
среди моих Ангелов
начались раздоры и разногласья,
и быстро пресек я их,
но поплатился за это
их преданностью,
как знаю теперь.
Ты, моя Нефита,
была недовольна,
когда мой Отец,
рискуя гневом Агнела Озириса,

возвратился
из крайнего Среднего Мира,
чтобы познать
бесконечность любви,
которая есть разрушение.
Ты была недовольна,
потому что мой отец Сет,
самый могущественный
из всех, кто когда-либо жил,
был также
нашим сыном
в те давно минувшие дни,
нашим сыном
в те дни, в Марачеке,
после того, как я
сломал темпоральный барьер,
чтобы вновь
жить во всех временах
для мудрости Прошлого.

Не знал я тогда,
когда время прошло,
что стану отцом того,
кто моим отцом был,—
солнцеглазого Сета,
Властелина Звездного Посоха,
Носителя Перчатки,
Горного Наездника.
Ты была недовольна,
но ты
ничего не сказала ему,
и Сет
приготовил себя для битвы.

Ведь Сет никогда
не бывал побежденным,
и не будет.
И не было такой вещи,
которую он победить бы не взялся.
Он знал,
что Железный Генерал
был уничтожен
и развеян
Безымянным.
И он не боялся.

Вытянув правую руку,
одел на нее он
Перчатку Энергии,
которая выросла тут же,

покрыв его тело,
оставив лишь одни глаза, что сверкали.
Потом он обулся,
надев башмаки,
которые ему позволяли
ходить по воде и по суше,
по воздуху тоже.
Затем черной лентой прикрепил
он к поясу
Звездный свой Посох,
непобедимое оружие,
выкованное слепыми кузнецами
Севера,
ведь только один он
сражаться мог.
Нет,
он не боялся.

Тогда он готов был
покинуть ту крепость,
где мы обитали,
опуститься на мир,
где жил Безымянный,
и ползал,
и тащился,
голодный и злой.
Тогда вдруг
другой его сын появился,
мой брат, мой Тайфун,
черная тень пустоты,
нуля,
чтобы ему разрешили
отправиться вместо него.

Но Сет отказался,
открыл он дорогу,
и сквозь пустоту
он отправился в мир тот.

И триста часов
бились они
по старому исчислению Времени,
прежде чем Безымянный
начал слабеть.
С еще большей яростью
Сет нападать стал,
и ранил он его,
готовясь удар нанести
свой смертельный.

Он бился на водах с ним океанских,
под океаном,
он бился на суше,
и в воздухе
бился холодном,
на горных вершинах.
За ним он гонялся по всей
той планете,
готовя смертельный
последний удар.

Их страшная битва
уничтожила
два континента,
кипели вокруг океаны,
и пар поднимался
на небе,
заполнив его облаками.
И плавились скалы,
кололись
под лазерными лучами,
сверкавшими, как бриллианты,
в тумане
и паре.

И часто удерживал я Тайфуна,
который все порывался
к Отцу поспешить на помощь.
Затем,
когда отступил Безымянный
на высоту
в три мили
коброй дыма,
а Сет остался на месте,
одною ногою в воде,
а другою — на суше —
тогда эта жалкая тварь,
Ангел Дома Жизни —
Озирис проклятый,
привел в исполнение
свой замысел
страшный, предатель.

Когда еще Сет
наложницу выкрал его Изиду,
что потом родила ему
и меня, и Тайфуна,
Озирис поклялся,
что Сет

поплатится горько за это.
Заручившись
поддержкой Анубиса,
Озирис
сжал часть поля
энергий,
как сжимают его,
чтобы вспыхнуло солнце сверхновой,
и нарушил
он в солнцах стабильность.
Я еле успел понять,
что случилось сейчас.
А Сет не успел.
Никогда еще
удар такой силы
на планету
направлен не был.
Он разрушил весь мир.
Я успел уйти,
переносясь
на много лет световых,
далеко.

Тайфун
попытался бежать
туда, за пространство,
где был его дом.
Но и он не успел.
И больше не видел я брата.
И тебя, дорогая Нефита.
Отца потерял я,
что был мне сыном,
брата
и тело моей жены,
но остался
в живых Безымянный.

Как-то
создание это
выжило после
удара
Молота Разбивающего Солнца.
Оглушенный,
нашел я его позднее
среди обломков мира,
как маленькое созвездие,
окруженное пламенем алым.

Я обвил его

паутиной энергий,
и, ослабнув,
оно рухнуло само в себя.
Тогда поместил я его
в тайное место,
за Миры Жизни,
где оно до сих пор в плену
в комнате,
где нету ни окон,
ни дверей.
Часто пытался я его уничтожить,
но не знаю,
что Сет обнаружил,
почему не покончил с ним
своим посохом,
если б не это несчастье.
И оно все живет
и все плачет.

И если его хоть кто-нибудь выпустит
из плена,
то оно
может уничтожить
всю Жизнь,
что на Средних Мирах.
Вот почему
никогда я не бился
против тех узурпаторов,
что власть захватили,
и вот почему
не борюсь до сих пор.
Я должен остаться
надсмотрщиком вечным,
пока будет он для
Жизни угроза.

И не мог я предотвратить того,
что последовало дальше.
Ангелы многих Постов
развратились,
пока я отсутствовал, и
стали биться друг с другом,
чтоб первыми быть.

И войны Постов
длились примерно лет тридцать.
Озирис с Анубисом
все поделили,
что осталось,

между собой в самом конце.
Других же Постов
не осталось.

Теперь же, конечно, всем полем
великих энергий
стали править те двое,
подвергнув
Миры голоду,
войнам,
чуме,
чтоб баланса достичь,
которого легче достичь было
мирным путем
и с помощью
многих Постов.

Но они не могли
поступить иначе,
потому что боялись
многим открыть к Энергии доступ.
Они не хотели
ту власть уступить, себе что
захватили,
кому-то еще
и даже друг с другом
они не могли поделиться.

А я
все так же ищу,
как Безымянного мне уничтожить,
и когда это сделано будет,
использую я свою силу,
чтобы Ангелов своих сместить
из двух Постов остающихся.

Легко это будет мне сделать,
хоть новые руки
должны быть готовы,
чтоб воле моей поклониться.
Тем временем будет
ужасно,
коль руки, что столько добра творят
в мире,
уничтожены будут,
в то время как власть
вершится другими руками.

И когда

закончу я то, что
должен закончить,
использую я
энергию двух оставшихся станций,
чтоб тело твое
тебе вернуть,
моя Нефита.

И Нефита плачет у самого моря и говорит:

— Это слишком много! Этого никогда не будет!

И Принц Имя Которому Тысяча встает и поднимает вверх руку.

Внутри облака, которое возникает и колеблется перед ним, появляется силуэт женщины. Пот выступает у него на лбу, и силуэт делается более отчетливым. Тогда он делает шаг вперед, пытаясь обнять ее, но руки его смыкаются только на дыме, и в ушах звучит произнесенное его имя, а зовут его Тот.

Затем он остается один у моря, под морем, и свет на небе — это брюха рыб, которые пережевывают свою рыбью пищу.

Глаза увлажняются, и он извергает проклятье, потому что знает, что это в ее власти — прекратить ее собственное существование. Он зовет ее по имени, но не получает ответа, не слышит даже эха.

Тогда он узнает, что Безымянный умрет.

Он кидает камушек в океан, но камушек не возвращается.

Он скрещивает руки на груди и исчезает, а следы его ног остаются на песке и смываются морем.

Морские птицы кричат во влажном воздухе, и огромные рептилии вытягивают свои длинные шеи на тридцать футов вверх над волнами, качая головами, а потом опять исчезают в море, но уже в другом месте.

Марачек

А теперь обратите внимание на Цитадель Марачек в центре Средних Миров... Мертвое. Мертвое. Цвет — прах.

Это то место, которое часто посещает Принц Имя Которому Бог, чтобы завершить множество дел.

На Марачеке нет океанов. Здесь течет лишь несколько жалких ручейков, пахнущих как мокрые собаки, теплых и солоноватых. Солнце этого мира — очень усталая крохотная звезда, слишком себя уважающая или просто слишком ленивая даже для того, чтобы стать сверхновой и засверкать блеском славы, а вместо этого проливающая свой анемичный свет, от которого глубокие синие тени отбрасывают гротескные куски камней, стоящих на огромном желтом и оранжевом пляже, которым является весь Марачек, продуваемый со всех сторон ветрами, и звезды над Марачеком можно видеть в полдень, правда слабо, хотя вечером они светят с яркостью неона, ацетилена, фотовспышки над продуваемыми тусклыми равнинами, и почти весь Марачек плоский, хотя равни-

ны дважды меняются в течение дня, когда ветры достигают своего максимума, наметая горы песка и сметая их, дробя песок все мельче и мельче, так что утренняя и вечерняя пыль целый день висит в воздухе, отчего сверху Марачек кажется еще более неприятным: все там под одну гребенку: горы постоянно изнашиваются и становятся ниже, камни все время приобретают разную форму под руками невидимого скульптора — ветра, и все вечно захоранивается,— такова поверхность Марачека, который, конечно, когда-то был славным, могущественным, плодородным и так далее, к этому заключению можно прийти, даже глядя на его сегодняшнее запустение, но на Марачеке осталось одно здание, Центр Средних Миров, которое сохранилось со старых времен и которое, несомненно, будет существовать так долго, как и сам этот мир, хотя, может быть, пески похоронят и вновь отстроят его много раз. Цитадель настолько старинна, что никто не может точно сказать, когда она была построена. Цитадель, которая может быть самым древним городом во Вселенной, разрушавшаяся и возрождавшаяся (кто знает сколько раз) на том же самом основании, фундаменте, возможно с самого воображаемого начала иллюзий, которая называется Временем, Цитадель, которая самим своим существованием показывает, что есть вещи вечные, независимые от того, в каком они находятся состоянии, о чем Брамин писал в «Городе Ископаемом»: «...всей сладости уничтожения не испытывали твои порталы; служить, существовать — вот вечный твой удел».

Цитадель Марачек-Карнак, в котором живут всякие твари, в основном насекомые и рептилии, которые пожирают друг друга и одна из которых (жаба) существует в данный момент времени под перевернутым кубком на старинном столе в самой высокой башне Марачека (северо-восточной), в то время как больное солнце поднимается над пылью и тусклостью, и звездный свет становится не так заметен. Это и есть Марачек.

Когда Брамин и Мадрак появляются там из дверей Блис, они усаживаются за этот стол, который сделан из единого куска розовой субстанции, неестественно выглядевшей и которую не может уничтожить само время.

Это то самое место, куда духи Сета и чудовищ, с которыми он дерется, переносятся в мраморной памяти уничтоженного и заново отстроенного Марачека, самого древнего и вечного города.

Брамин восстанавливает левую руку и правую ногу Генерала, он поворачивает его голову, так что теперь она снова смотрит в правильном направлении, затем делает какое-то приспособление на шее, чтобы голова держалась.

— А как поживает другой? — спрашивает он.

Мадрак поднимает правое веко Оакима и опускает его кисть.

— Наверное, шок. Интересно, вырывали ли кого-нибудь раньше из самого разгара битвы фуги?

— Насколько я знаю, нет. Мы, несомненно, открыли новый

синдром: «усталость фуги» или «темпоральный шок» — можно назвать и так. Может быть, наши имена еще внесут в учебники.

— Что ты собираешься делать с ними? Ты в состоянии их оживить?

— Чего же тут сложного? Но только тогда они все начнут по новой и, вероятно, не остановятся, пока не уничтожат и этот мир.

— Не особенно много придется им здесь уничтожать. Может быть, нам заняться продажей билетов, а потом освободить их? Можем заработать кучу денег.

— О циничное чудовище, продавец индульгенций! Только монах мог придумать такой план!

— Вот еще. Мне подсказали его на Блисе, если ты помнишь.

— Верно, когда выяснилось, что игральная карта Жизни тоже может быть бита. Тем не менее в данном случае я думаю, что нам лучше отправить их каждого на свой мир, и пусть дальше разбираются сами.

— Тогда зачем ты привез их в Марачек?

— Я этого не делал, их вытянуло через дверь, когда я открыл ее. Сам я стремился в это место, потому что центра достичь легче всего.

— Тогда у меня нет больше предложений.

— Давай немного отдохнем, а этих двоих я погружу в транс. В конце концов, мы всегда можем открыть себе новый путь и уйти отсюда.

— Это будет вопреки моим этическим правилам, брат.

— Не говори мне об этике, нечеловечный ты человек! Поставщик лжи жизни, выбираемой человеком! Тоже мне святой!

— Все равно я не могу оставить человека умирать!

— Ну хорошо... Эге! Кто-то здесь был до нас и удушил жабу!

Мадрак поворачивает голову и смотрит на кубок.

— Я слышал рассказы о том, что много веков они могут выдержать в крохотных безвоздушных пространствах. Интересно, как долго находилась здесь эта? Если бы только она была жива и могла говорить! Подумай только о тех славных событиях, свидетелем которых она могла бы быть!

— Не забывай, Мадрак, что я поэт, и будь так добр, оставь свои замечания для тех, кто умеет лучше тебя разговаривать и рассказывать басни с непроницаемым лицом. Я...

Брамин подходит к окну.

— Кто-то идет,— говорит он.— Теперь мы можем с чистой совестью оставить здесь этих двоих.

На зубчатой стене, стоя как статуя, Бронза ржет, как паровой свисток, и бьет тремя копытами. Потом она выдыхает лазерные лучи в наступающий день, и ее глаза начинают моргать.

— Что-то приближается, хотя еще неощутимо, сквозь пыль и ночь.

— Так уходим?

— Нет.

— Я разделяю твои чувства.
Они ждут вместе.

Сексоскоп

Каждый знает, что некоторые машины умеют заниматься любовью, плотской, за метафизическими описаниями Святого Иакова, Механофила, который считает мужчину сексуальным органом машины, создавшей его, и чье существование необходимо, чтобы исполнилась судьба механизма, производящего поколение за поколением машиноподобных, совершая все модели механической эволюции через человека, до той поры, пока он не исполнит своего предназначения и не будет достигнуто совершенство, а вот тогда уже может произойти Великое Кастрирование. Святой Иаков, вне всякого сомнения, еретик. Было доказано в слишком большом количестве случаев, чтобы их здесь перечислить, что машине необходим род. Теперь, когда человек и машина часто обмениваются компонентами и целыми системами, для цельного существа можно начинать когда угодно и добиться любого соотношения человек-машина. Сам человек, орган предположительный, таким образом достигнет своего апофеоза через самопожертвование и искупление. Тогда можно больше не говорить о Великом Кастрировании и не задумываться о том, как бы отделить машину от ее создателя. Человек всегда остается частью Большой Картины.

Все знают, что машины занимаются любовью. Не в грубом смысле этого слова, конечно, как те мужчины и женщины, что по каким-то экономическим соображениям сдают свои тела на год или на два одной из компаний, чтобы быть присоединенными к машинам, когда их кормят внутривенно, дают изомерические упражнения, погружают их в сознание (или скорее отключают его) или подключают мозговые стимуляторы, которые обеспечивают правильные движения на период не более пятнадцати минут за сеанс, на кушетках клубов удовольствия и наслаждений (а часто в лучших домах и просто публичных заведениях) для развлечения других. Нет. Машины занимаются любовью через человека, но многие функции так перемешались, что они в основном занимаются духовной любовью.

А теперь подумайте о том уникальном феномене, который только что возник.

Плежер-Комп — компьютер удовольствий и наслаждений, который, как оракул, может отвечать на бесконечно большой круг вопросов, и делает это, но только в том случае и так долго, если вопрошавший будет правильно стимулировать его, то есть удовлетворять. Многие ли из вас входили в программирующий будуар, чтобы поставить и разрешить важнейшие проблемы, и не замечали при этом, как быстро течет время. Вот именно. Как кентавр наоборот: человек от талии вниз, он представляет собой лучшее из двух миров и их слияние в один. Это самая настоящая история любви, которая следует за всем нашим описанием, когда

человек входит в комнату Вопросов, чтобы узнать у машины о своей любимой и ее чувствах. Это встречается повсюду и всегда, и часто не может быть ничего важнее. Но об этом позже.

Поручение

Это идет Гор, который, видя на стене Бронзу, останавливается и говорит:

— Открой эти дурацкие ворота, или я разобью их!

На что Брамин отвечает через стену:

— Я не закрывал их и открывать не собираюсь. Входи сам, как можешь, или ешь пыль.

Гор бьет ногой в ворота, и те падают, при этом Мадрак слегка удивляется, а Гор поднимается по витой лестнице в самую высокую башню. Войдя в комнату, он смотрит на поэта и священника-воина с некоторой угрозой, вопрошая:

— Кто из вас двоих отказался впустить меня?

Оба делают шаг вперед.

— Два дурака! Знаете ли вы, что я Бог Гор, только что пришедший из Дома Жизни?

— Извини, что на нас это не произвело потрясающего впечатления, Бог Гор,— говорит Мадрак,— но нас тоже сюда никто не впускал, и мы тоже вошли сами.

— Как вас зовут, мертвецы?

— Я — Брамин, к вашим услугам, конечно, смотря к каким...

— ...А я — Мадрак.

— А! Я кое-что знаю о вас двоих. Почему вы здесь и что это за падаль на столе?

— Мы здесь, потому что мы не в другом месте,— говорит Брамин,— а на столе находятся два человека и одна жаба, и должен заметить, что любой из них лучше, чем ты.

— Неприятностей можно легко добиться, хотя, во что они выльются, не всегда можно предугадать,— говорит Гор.

— Могу я поинтересоваться, что привело так скудно одетого бога мести в это злосчастное место?— спросил Брамин.

— Ну конечно же, месть. Кто-нибудь из вас, бродяг, не видел недавно Принца Имя Которому Тысяча?

— Лично я отрицаю, причем говорю правду.

— Я тоже.

— Я пришел сюда в поисках его.

— Почему сюда?

— Оракул назвал мне это место. И хоть мне не очень хочется биться с героями, а я знаю вас как таковых, я считаю, что вы должны извиниться за тот прием, который здесь мне оказали.

— Справедливо,— говорит Мадрак,— потому что знай, что волосы наши стояли дыбом при виде недавней битвы, и за последние несколько часов мы утомились. Может быть, глоток доброго красного вина выразит наши чувства — тем более что во всем этом мире всего одна фляга его?

— Этого достаточно, если вино будет хорошим.

— Тогда подожди немного.

Мадрак достает свою фляжку с вином, делает глоток, чтобы показать, что вино не отравлено, оглядывает глазами комнату.

— Подходящий сосуд, сэр,— говорит он и поднимает перевернутый кубок, который лежит на столе.

Вытирает его чистой тряпкой, наливает вино и протягивает кубок богу.

— Благодарю тебя, священник-воин. Я принимаю его в том духе, в котором он был мне предложен. Что это была за битва, так взволновавшая вас, что вы даже забыли о хороших манерах?

— Это, кареглазый Гор, была битва на Блисе, между Железным Генералом и тем, кого называют Оакимом Скитальцем.

— Железный Генерал? Невозможно! Он мертв уже несколько веков. Я сам убил его!

— Многие его убивали. Но ни один не уничтожил.

— Эта куча металлического лома на столе? Неужели это действительно Принц Недовольных, который когда-то стоял передо мною как бог?

— Еще до того, как ты появился на свет, он был могуществен,— говорит Брамин,— и когда люди забудут о Горе, он все еще будет Железным Генералом. Это не имеет никакого значения, на чьей стороне он сражается. Выигрывает он или проигрывает, он — дух восстания, который никогда не может умереть.

— Мне совсем не нравятся эти разговоры,— говорит Гор.— Ведь если разобрать его по частям и уничтожить каждую часть в отдельности, а потом развеять пыль по всему космосу, он перестанет существовать.

— И это тоже было сделано. И много веков подряд его последователи собирали его, пока не собрали заново; этот человек, этот Оаким, похожего на которого я раньше не встречал,— продолжал Брамин,— высказал ту же мысль, что и ты, как раз перед сражением в фуге, которая сотрясла весь мир. Единственная причина, по которой они валяются таким образом — извини меня за то, что я не выбираю выражений,— на этом мире Марачека, это та, что я не позволяю им пробудиться из состояния темпорального шока.

— Оаким? Это и есть смертоносный Оаким?.. Да, могу в это поверить, приглядевшись к нему повнимательнее. Как вы думаете, кто он на самом деле? Такие герои не появляются просто так, из пустоты.

— Я ничего о нем не знаю, кроме того, что он настоящий силач и мастер фуги, который появился на Блисе в его последние дни, перед черным прибоем,— может, для того, чтобы ускорить его приближение.

— И это все, что ты о нем знаешь?

— Это все.

— А ты, могущественный Мадрак?

— Так же, как и я.

— Допустим, мы разбудим его и допросим?

Брамин поднимает свою трость.

— Только дотронься до него, и я буду оспаривать твое право присутствовать здесь. Он слишком опасен как индивид, а мы пришли сюда отдохнуть.

Гор кладет руку на плечо Оакима и слегка трясет его. Оаким стонет.

— Знай же, что жезл жизни также и копье смерти! — вскрикивает Брамин и одним движением пронзает жабу, которая сидит прямо у левой руки Гора.

Прежде чем Гору удается повернуться к нему, внезапно по комнате проходит порыв ветра — и жаба взрывается, превращаясь в какую-то огромную форму, сидящую в центре стола.

Его длинные золотистые волосы чрезвычайно густы, его тонкие губы раздвигаются в улыбке, его зеленые глаза смотрят на стол у его ног.

Принц Имя которому Жаба дотрагивается до красного пятна на своем плече и говорит Брамину:

— Разве ты не знаешь, что было написано: «Будь добр к птице и зверю»?

— Киплинг, — говорит Брамин, улыбаясь. — А также Коран.

— Изменяющий свою форму недоносок, — говорит Гор, — ты и есть тот, кого я ищу, называемый многими «Принц»?

— Должен признаться, что я ношу этот титул. И знай, что ты отвлек меня от медитации.

— Приготовься же встретить свою судьбу, — говорит Гор, вытаскивая стрелу, его единственное оружие, из-за пояса и ломая ее наконечник.

— Неужели ты думаешь, что я не осведомлен о твоих силах, брат?.. — говорит Принц, в то время как Гор поднимает наконечник стрелы, зажатый между большим и указательным пальцами.

— Неужели ты думаешь, брат, что я не знаю, что ты можешь увеличивать силой своего разума массу и скорость любого предмета в тысячу раз?

Что-то сверкает в руке Гора — и на другом конце комнаты раздается громкий треск, а Принц в это время неожиданно оказывается в двух футах слева от того места, где стоял раньше, и наконечник стрелы пронзает шестидюймовую металлическую плиту и продолжает свой полет в пыльное ветреное утро, в то время как Принц продолжает говорить:

— ... и разве ты не знаешь, брат, что я с такой же легкостью могу перенестись на любое расстояние, как и та, с которой я избежал твоего удара? Да, даже покинуть Средние Миры?

— Не называй меня братом, — говорит Гор, поднимая вверх древко стрелы.

— Но ведь ты мой брат, — говорит Принц. — По крайней мере у нас одна мать.

Гор роняет древко на пол.

— Я тебе не верю!

— А как ты думаешь, откуда у тебя вообще силы бога. От

Озириса? Косметическая хирургия могла дать ему голову цыпленка, а его наибольшие потуги принесли успехи в математике, но ты и я, оба умеющие изменять наш образ,— дети Изиды, Ведьмы Лоджии!

— Будь проклято имя моей матери!

Миг — и Принц уже стоит рядом с ним на полу комнаты и бьет его по щекам обратной стороной ладони.

— Я мог бы убить тебя сотню раз, если бы только пожелал,— говорит Принц,— пока ты стоишь здесь. Но я удержался, потому что ты — мой брат. У меня нет никакого оружия, потому что я в нем не нуждаюсь. Я не желаю никому вреда, потому что иначе жизнь стала бы мне слишком в тягость. Но не говори плохо о нашей матери, потому что то, что она делает,— это ее личное дело. Я не хвалю, но и не упрекаю. Я знаю, что ты явился сюда убить меня. Если ты действительно желаешь получить эту возможность, попридержи свой язык по этому поводу, брат.

— Тогда давай больше не говорить о ней.

— Очень хорошо. Ты знаешь, кем был мой отец, потому ты должен знать, что я не новичок в воинском искусстве. Я дам тебе шанс убить меня в битве один на один, без оружия, только руками, если сначала ты выполнишь одно мое поручение. В противном случае я уйду и найду себе для этой цели кого-нибудь другого, а ты можешь весь остаток своих дней провести в розысках моей особы.

— Тогда это, наверное, и есть то, что имел в виду оракул,— говорит Гор.— И это принесет мне несчастье. Тем не менее я не могу упустить шанс исполнить свою миссию прежде, чем ее выполнит посланник Анубиса, этот Оаким... Потому что я не знаю о его силах, которые могут и превосходить твои. Я согласен на мир с тобой, согласен выполнить твое поручение и потом убить тебя.

— Этот человек — убийца из Дома Мертвых?— спрашивает Принц, глядя на Оакима.

— Да.

— Ты знал об этом, мой Ангел Седьмого Поста?

— Нет,— говорит Брамин, слегка кланяясь.

— И я не знал, повелитель,— вторит Мадрак.

— Поднимите его и Генерала.

— Наше соглашение не состоится,— говорит Гор,— если это будет сделано.

— Пробудите их обоих,— говорит Принц, складывая руки на груди.

Брамин поднимает свою трость, языки зеленого света выходят из нее и опускаются на распростертые тела.

Снаружи ветер начинает дуть с еще большей силой. Гор переводит глаза с одного присутствующего на другого, потом говорит:

— Ты повернулся ко мне спиной, брат. Повернись так, чтобы

я видел твое лицо, когда буду тебя убивать. Как я сказал, наше соглашение не состоится.

Принц поворачивается.

— Эти люди тоже нужны мне.

Гор качает головой и поднимает руку.

Затем...

— Какая трогательная семейная встреча,— звучит голос, заполняющий собой всю комнату.— Наконец-то мы, три брата, встретились вновь.

Гор отдергивает руку, как от осы, потому что тень черной лошади ложится между ним и Принцем. Он закрывает глаза рукой и опускает голову.

— Я забыл,— ведь сегодня я узнал, что я и твой брат тоже.

— Не расстраивайся так сильно,— звучит голос,— потому что я знал об этом много веков и научился не отчаиваться от этого знания.

И Оаким и Железный Генерал пробуждаются от смеха, который похож на поющий ветер.

Бротц, Пуртц и Дульп

— Передай булавку, пожалуйста.

— Что-что?

— Булавку! Булавку!

— У меня ее нет.

— О! Она у меня.

— Почему же ты не сказал об этом?

— А почему ты меня не спросил?

— Прости. Просто дай ее мне. Спасибо.

— Почему ты все время продолжаешь над ней работать? Она готова.

— Просто чтобы провести время.

— Неужели ты серьезно думаешь, что он серьезно пошлет за ней?

— Конечно нет. Но это еще не причина, чтобы выпускать недоброкачественную продукцию.

— А вот я думаю, что он обязательно пошлет за ней.

— А кто тебя спрашивает?

— Я высказываю свое мнение добровольно.

— Для чего она ему нужна? Орудие, которое никто не может использовать.

— Если он ее заказал, значит, она ему нужна. Он единственный из них всех, кто приходит сюда по делу, и должен сказать, что он настоящий джентльмен. В один из этих дней либо он сам за ней придет, либо кого-нибудь пришлет.

— Ха!

— Вот тебе и «Ха!». Подожди, сам увидишь.

— А что еще нам остается делать?

— На, возьми свою булавку обратно.

— Можешь сесть на нее.

Цербер зевает

Пес швыряет перчатку от головы к голове, пока, зевая, не роняет ее, промахиваясь.

Он выгребает ее из-под костей, которые лежат у его ног, машет своими хвостами, сворачивается и закрывает четыре глаза.

Другие его глаза горят, как угли, в той плотной темноте, которая лежит за Не Той Дверью.

Наверху, в заваленной пещере, ревет минотавр...

Бог — это любовь

Пятьдесят тысяч молящихся на Старые Башмаки, ведомые шестью кастратами-священниками, поют изумительный гимн на арене.

Тысяча напоенных наркотиками воинов,— слава, слава, слава, слава,— потрясают своими копьями перед алтарем Неносимых.

Начинается дождь, мягко, но мало кто его замечает.

Никогда не может быть

Озирис, держа в руках череп и нажимая на кнопку сбоку, обращается к нему:

— Знай же, смертная, что ты теперь навсегда обитательница Дома Жизни. Когда-то красивая, цветущая — ты увяла. Когда-то правдивая — ты дошла до этого.

— А кто,— вопрошает череп,— довел меня до этого? Только ведь Повелитель Дома Жизни и дает мне покой.

И Озирис отвечает ей:

— Знай также, что я использую тебя вместо пресс-папье.

— Если ты действительно когда-то любил меня, то разбей на кусочки и позволь умереть! Не мучай остатки той, что когда-то любила тебя.

— Ах, но моя дорогая, однажды я могу решить опять дать тебе тело, чтобы вновь почувствовать твои ласки.

— Одна мысль об этом мне отвратительна.

— И мне тоже. Но когда-нибудь это сможет развлечь меня.

— Неужели ты мучаешь всех, кто вызывает у тебя неудовольствие?

— Нет, нет, о раковина смерти, не думай так! Правда, Ангел Девятнадцатого Дома пытался убить меня, и его нервная система живет, вплетенная в ткань этого ковра, на котором я стою, правда также и то, что другие мои враги существуют в элементарных формах в различных местах моего дома, например в каминах, холодильниках и пепельницах. Но не думай, что я мстителен. О нет, никогда. Как повелитель жизни я чувствую себя обязанным отплатить всем тем, кто угрожает жизни.

— Я не угрожаю тебе, милорд.

— Ты угрожала покою моего ума.

— Потому что я напоминала тебе покойную жену, леди Изиду?

— Молчать!

— Да! Я напоминала тебе Королеву Проституток! По этой причине ты возжелал меня, а потом возжелал моего уничтожения!

— Молчать!

Слова черепа на этом прерываются, потому что Озирис что есть силы швыряет его о стену.

Когда он распадается на куски, и детали и микросхемы падают на ковер, Озирис ругается и кидается к ряду выключателей на своем столе, после включения которых раздаются различные голоса, один из которых доносится из громкоговорителя, расположенного высоко на стене:

— О, умный череп, так обмануть глупого бога!

Посмотрев на панель управления и узнав, что это говорит ковер, Озирис идет в центр комнаты и начинает прыгать.

Раздаются тяжкие стоны.

Могущество пса

В пространствах темных и чем-то постыдных, на Мире Валдик, появляются два героя, Мадрак и Тайфун. Посланные Тотом Гермесом Трисмегустисом украсть перчатку, обладающую необычной силой, они отправились сражаться с хранителем этой перчатки. Мир Валдик давно опустошен, на нем живет орда существ, обитающих под поверхностью планеты — в пещерах и комнатах, далеко от огня и ночи. Темнота, сырость, мутации, братоубийство, кровосмешение и изнасилование — слова, наиболее употребляемые теми немногими, кто пишет комментарии об этом мире — Валдике. Перенесенные сюда с помощью какого-то пространственного фокуса, известного только Принцу, герои либо выполняют его поручения, либо остаются здесь. Сейчас они проходят по норам, так как им было велено ориентироваться на рев.

— Как ты думаешь, черная тень лошади,— спрашивает священник,— сможет твой брат помочь нам выбраться в нужный момент?

— Да,— отвечает тень, которая движется рядом с ним.— Хотя если не сможет, то мне все равно. Я способен уйти куда и как захочу, в любое удобное для меня время.

— Да, но я этого не могу.

— Вот ты и волнуйся, толстячок. А мне-то что. Ты вызвался сопровождать меня. Мне это было не нужно.

— Тогда в руки Того Что Может быть больше, чем жизнь и смерть, я отдаю себя, если такой поступок сможет сохранить мне жизнь. Если же нет, то я отдаю себя в руки Того Что Может быть больше, чем жизнь и смерть. Если же то, что я говорю, само-

надеянно, а следовательно не будет принято Тем, что может меня слышать, а может и не слышать, тогда я забираю свои слова назад и прошу прощения, если это прощение для меня необходимо. Если нет, то я не прошу прощения...

— Аминь! И заткнись, пожалуйста! — негодует Тайфун. — Я слышал нечто похожее на рев слева от нас.

Скользя невидимкой вдоль темной стены, Тайфун огибает поворот и идет дальше. Мадрак смотрит сквозь инфракрасные очки и посылает луч, как благословение на все, на что смотрит.

— Эти пещеры глубоки и просторны, — шепчет он.

Нет ответа.

Внезапно он подходит к двери, которая может оказаться нужной дверью.

Открывает ее и видит минотавра.

Он поднимает свой посох, но минотавр исчезает в мгновение ока.

— Куда?.. — спрашивает он.

— Прячется, — отвечает Тайфун, внезапно оказавшись рядом, — среди множества извилин и поворотов своего лежбища.

— Но почему?

— Мне кажется, что за такими, как он, охотятся создания, похожие на тебя, и ради мяса, и ради охотничьих трофеев. Поэтому он боится прямого нападения и отступает, ведь люди используют дубинки для скота. Давай войдем в лабиринт и будем надеяться, что больше мы его не встретим. Вход, который мы ищем, чтобы проникнуть в нижние помещения, находится где-то в этом лабиринте.

Примерно полдня блуждали они, безуспешно пытаясь найти Не Ту Дверь. Три двери находят они, но за каждой лежат лишь белые кости.

— Интересно, а как у других дела? — спрашивает священник-воин.

— Лучше или хуже, а может быть, и так же, — отвечает другой и смеется.

Мадрак не смеется.

Наткнувшись на гору костей, Мадрак едва успевает заметить кинувшегося на него быка. Он поднимает посох, и начинается битва.

Он ударяет его меж рогов и сбоку. Он бьет его, колет, ударяет, отметает в сторону, борется с ним голыми руками.

Причиняя друг другу боль, они продолжают сражаться, пока наконец его не швыряют через всю комнату, Мадрак поднимается высоко в воздух и падает левым плечом на груду костей. Когда он пытается приподняться, он как бы погружается в заполняющий весь воздух рев. Опустив голову, минотавр кидается на него. Мадрак находит опору для ног.

Но тень черной лошади падает на сознание, и оно исчезает.

Он наклоняет голову и начинает читать Молитву Вероятной Смерти.

— Прекрасно,— фыркает его товарищ, когда Мадрак доходит до последнего «Аминь».— А теперь, толстячок, мне кажется, что мы с тобой нашли Не Ту Дверь. Я могу войти, не открывая ее, но ты этого не сделаешь. Что скажешь?

— Подожди минутку,— говорит Мадрак, наконец-то вставая.— Немного допинга, и я буду совсем как прежде, сильный. Тогда мы войдем вместе.

— Хорошо. Я подожду.

Мадрак делает себе укол и через минуту становится похожим на бога.

— А теперь покажи мне дверь, и давай войдем.

— Сюда.

И вот перед ними дверь, большая, настораживающая и бесцветная в лучах инфракрасного света.

— Открывай! — приказывает Тайфун, и Мадрак повинуется.

В бликах огня пес играет, теребя перчатку. Рост и размер у него примерно как у двух с половиной слонов, и он играет с игрушечной перчаткой, лежа на груде костей. Одна из голов принюхивается; когда внезапный сквозняк появляется из-за Не Той Двери, две головы начинают рычать, а третья роняет перчатку.

— Ты понимаешь мой голос? — спрашивает Тайфун, но ответного разума не светится за шестью красными глазами. Его хвосты начинают нервно подергиваться, чешуйчатые, сверкающие в свете огня.

— Приятный песик,— комментирует Мадрак, а тот открывает пасти, бьет хвостами и кидается на них.

— Убей его! — кричит Мадрак.

— Это невозможно,— отвечает Тайфун.— По крайней мере, в настоящее время.

Пара башмаков на алтаре

Наконец-то добравшись до мира Интерлюдии, входя через внезапно появившуюся зеленую дверь, которую поэт открывает прямо в темноту ночи, Оаким и Брамин оказываются в безумном мире многих дождей и религий. Налегке, стоят они на влажном торфе рядом с городом, окруженным ужасными черными стенами.

— Мы войдем сейчас,— говорит поэт, перебирая свою небесно-зеленую бороду.— Мы войдем через эту небольшую дверь слева, которую я заставлю для нас открыться. Затем мы загипнотизируем часовых или укротим тех, которые там могут присутствовать, и пройдем в самое сердце города, где находится храм.

— Чтобы украсть башмаки для Принца,— продолжает Оаким.— Это довольно странное поручение для такого, как я. Если бы только он не обещал назвать мне мое имя — мое настоящее имя — перед тем как я убью его, я не согласился бы сделать это для него.

— Я понимаю это, Лорд Рэндалл, сын мой,— говорит Бра-

мин,— но ответь мне, что ты собираешься делать с Гором, который тоже убьет его и который выполняет сейчас другое его поручение только для того, чтобы ему представилась эта возможность?

— Убью сначала Гора, если понадобится.

— Психология всей этой ситуации просто восхищает меня, потому, я надеюсь, ты позволишь задать мне еще один вопрос. Какая разница, убьешь ты его или Гор? В любом случае он будет одинаково мертв.

Оаким задумывается, явно потому, что эта мысль впервые пришла ему в голову.

— Это моя миссия, а не его,— произносит он в конце концов.

— И тем не менее он умрет и в том и в другом случае,— повторяет Брамин.

— Но не от моей руки.

— Верно, но я не вижу здесь никакой разницы.

— Честно говоря, и я тоже. Но это мне поручили убить его.

— Возможно, и Гору тоже.

— Но не мой Господин.

— Но почему у тебя должен быть господин, Оаким? Почему ты не принадлежишь сам себе?

Оаким трет лоб.

— Я... не... знаю... Но я должен выполнить то, что мне велено.

— Понятно,— отвечает Брамин, и, пока Оаким отвлечен таким образом, крохотная зеленая искорка падает с кончика трости поэта на шею Оакима сзади.

Он шлепает себя по шее и чешет ее.

— Что?

— Местное насекомое,— говорит поэт.— Давай продолжим наш путь к двери.

Дверь открывается перед ними, когда поэт стучит по ней тростью, а часовые засыпают от короткой вспышки зеленого пламени. Оаким и Брамин идут вперед к центру города.

Найти храм очень легко, войти в него — совсем другое дело. Здесь, перед самым входом, стоят часовые, опьяненные наркотиками.

Они смело подходят и требуют, чтобы из впустили.

Восемьдесят восемь копий наружной охраны нацелены на них.

— Публичного восхищения не будет до дождя перед заходом солнца,— сообщают им.

— Мы подождем.

И они ждут.

Когда на закате начинается дождь, они присоединяются к процессии мокрых молящихся и входят в храм.

Пытаясь пройти дальше, они тут же натыкаются на трехсот пятьдесят двух опьяненных наркотиками стражников с копьями, которые охраняют вход во внутренний храм.

— У вас есть жетоны поклонников внутреннего храма?— спрашивают их.

— Конечно,— говорит Брамин, поднимая трость.

В глазах капитана они, видимо, являются обладателями таких жетонов, потому что им разрешают войти.

Затем, подходя ближе к Святая Святых, они задерживаются офицером во главе пятисот десяти опьяненных наркотиками стражников с копьями.

— Кастрированы или не кастрированы?— вопрошает он.

— Конечно, кастрированы,— отвечает Брамин красивым сопрано.— Освободи нам дорогу.

Глаза его сверкают зеленым светом, и офицер отступает.

Войдя внутрь Святая Святых, они видят пятьдесят стражников и шестерых странных священников.

— Вот они, на алтаре.

— Как мы добудем их?

— Желательно бы украсть,— говорит Брамин, протискиваясь ближе к алтарю,— до того, как начнется показ службы по телевизору.

— Как мы их украдем?

— Может быть, нам удастся подменить их на наши башмаки и выйти в них отсюда?

— Мне это подходит.

— Тогда предположим, что их украли пять минут назад?

— Я тебя понимаю,— говорит Оаким и наклоняет голову, будто произнося молитву.

Служба начинается.

— Хайль, Башмаки,— шепелявит первый священник,— носящиеся на ногах...

— Хайль!— поют остальные пятеро.

— Хайль, хорошие, добрые, благородные и благословенные Башмаки!

— Хайль!

— ...которые появились у нас из хаоса.

— Хайль!

— ...просветить наши сердца и окрылить наши души.

— Хайль!

— О, Башмаки, которые поддерживали человечество на заре цивилизации...

— Хайль!

— Бесподобные пропасти, окружающие ноги...

— Хайль! Чудесная, удивительная кожа!

— Мы восхищаемся вами!

— Мы восхищаемся вами!

— Мы поклоняемся вам во всей полноте Вашего Сияния!

— Слава!

— О, чудесная обувь!

— Слава!

— О, поступь подошв!

— Слава!

— Что бы мы делали без вас?

— Что?

— Били бы пальцы, царапали кожу, вместо подъема имели бы плоскостопие.

— Хайль!

— Защити нас, твоих поклонников, прекрасная и благословенная обувь!

— Которая появилась у нас из хаоса!

— ...в день темный и жуткий...

— ...из пустоты горящей...

— ...но не сгоревшей...

— ...вы пришли успокоить и ободрить нас...

— Хайль!

— ...тогда, сейчас и в будущем, навсегда!

— Навсегда!

Оаким исчезает.

Начинает дуть холодный ветер, и что-то туманно мелькает на алтаре.

Семеро предварительно опьяненных стражников с копьями лежат распростершись, и шеи их выгнуты под неестественным углом.

Внезапно рядом с Брамином Оаким произносит:

— Скорее открой нам путь куда-нибудь!

— Они на тебе?

— На мне.

Брамин поднимает свою трость, останавливается.

— Боюсь, что нам придется немного задержаться,— и глаза его становятся изумрудными.

Внезапно все находящиеся в храме вглядываются в них.

Сорок три опьяненных наркотиками стражника с копьями, как один, издают боевой клич и бросаются на них.

Оаким пригибается и вытягивает вперед руки.

— Таково есть царствие небесное,— комментирует Брамин, на лбу которого холодные капли пота блестят, как асбест.— Хотелось бы мне знать, как это все будет выглядеть по телевизору?

Булавка и жезл

— Что это за место?— спрашивает Гор.

Железный Генерал стоит неподвижно, как будто чем-то удивленный, но удивляться особо нечему.

— Мы находимся в том месте, которое не является миром, не является планетой, а просто место,— говорит Принц Имя Которому Тысяча.— Здесь очень мало света, но те, кто живут здесь, слепы, поэтому для них это не имеет значения. Температура здесь приспосабливается к любому живому телу, потому что обитатели этого места так желают. Пища здесь извлекается из воздуха, как и вода, а следовательно, нет нужды и в еде. И такова уже природа этого места, что никто и никогда не нуждается здесь во сне.

— Это очень напоминает мне ад,— говорит Гор.

— Ерунда,— парирует Железный Генерал.— Мое собственное

существование точно такое же, так как все, что мне необходимо, находится во мне. И при этом я не испытываю никаких неудобств.

— Ад,— повторяет Гор.

— Как бы там ни было, возьмите меня за руки,— говорит Принц,— и я проведу вас сквозь тьму и свет, пока не найду тех, кого ищу.

И они соединяют руки, Принц закутывается в плащ, и они медленно дрейфуют сквозь сумеречный пейзаж, лишенный горизонта.

— А где это место, которое не является миром?— спрашивает Генерал.

— Я не знаю,— отвечает Принц.— Возможно, оно существует в каком-нибудь глубоком и сверкающем уголке моего темного и грязного ума. Все, что я знаю, это как попасть сюда.

Падая, дрейфуя безвременное количество времени, они, наконец, оказываются у тента, который похож на серый кокон, мерцающий вверху (внизу) перед ними.

Принц разминает руки и касается кончиками своих пальцев его поверхности. Тогда кокон начинает дрожать, и в нем появляется отверстие, сквозь которое он проходит, говоря через плечо:

— Следуйте за мной.

Бротц, Пуртц и Дультц сидят внутри, делая что-то такое, что является отвратительным, необычным по человеческим стандартам, но что кажется им вполне нормальным и естественным, потому что они не люди и имеют другие стандарты.

— Приветствую вас, кузнецы Норма,— говорит Принц.— Я пришел получить то, что заказывал довольно давно.

— Я говорил тебе, что он придет! — кричит один из серых холмов, двигая своими длинными ушами.

— Должен признаться, что ты был прав,— ответил другой.

— Да, где эта булавка? Я должен отполировать ее еще раз, перед тем...

— Ерунда, она совершенна...

— Значит, готово?— спрашивает Принц.

— О, она была готова еще несколько веков тому назад. Держи!

Из черной материи говорящий вытаскивает жезл холодного голубого огня и протягивает его Принцу. Принц берет его в руки, осматривает, кивает головой и вновь кладет его обратно в черную материю.

— Прекрасно!

— ...А оплата?

— У меня все здесь.

Принц вытаскивает из-под плаща черный чемоданчик и кладет его на воздух перед собой, где, конечно, он остается лежать.

— Кто из вас будет первым?

— Он.

— Она.

— Оно.

— Так как вы не можете решить сами, придется выбирать мне.

Принц открывает чемоданчик, в котором находится хирургический аппарат и операционный свет, и все три создания начинают дрожать.

— Что происходит? — спрашивает Гор, который только что вошел и встал рядом с ними.

— Я сейчас собираюсь оперировать вот их, и мне потребуется ваша огромная сила — твоя и Генерала. У них нет глаз, — говорит Принц, — и они будут видеть снова. Я принес с собой три пары и намереваюсь их вставить.

— Это потребует предварительной неврологической адаптации.

— Это уж было сделано.

— Кем?

— Мной, когда я в последний раз вставлял им глаза.

— И что с ними стало?

— О, они редко у них держатся. Через некоторое время их тела их выкидывают. Хотя в основном их ослепляют их соседи.

— Это почему?

— Мне кажется, потому, что они ходят и хвастаются, что среди всех остальных только они одни могут видеть... Это убыстряет процесс равноправия, и их ослепляют.

— Ужасно, — говорит Генерал, который сам уже не помнит, сколько раз его ослепляли. — Я хочу остаться здесь и биться за их права.

— Они откажутся от твоей помощи, ведь правда?

— Конечно, — говорит один из них.

— Мы не хотим, чтобы какой-то наемник воевал против нашего родного народа, — говорит другой.

— Это будет нарушением их гражданских прав, — говорит третий.

— Каких прав?

— То есть как это каких — ослепить нас, конечно. Что ты за варвар, если не знаешь таких простых истин?

— Я снимаю свое предложение.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Какая помощь тебе нужна? — спрашивает Гор.

— Оба вы должны будете схватить моего пациента и держать его, пока я буду оперировать.

— Но для чего?

— Они не способны впасть в бессознательное состояние, и ни один из обезболивающих препаратов на них не действует.

— Ты хочешь сказать, что будешь проводить на них эту тончайшую операцию вот так просто, даже без анестезии?

— Да. Вот почему мне нужны эти двое — чтобы неподвижно держать каждого пациента. Они очень сильны.

— Но почему ты вообще это делаешь?

— Потому, что они хотят этого. Это цена, которую я должен заплатить за их труд.

— Для чего, чтобы видеть в течение нескольких недель? И к тому же... что вообще можно видеть в таком месте? Пыль, темноту и несколько слабых огоньков.

— Это их желание глядеть друг на друга и на свою работу. Они самые великие искусники во всей вселенной.

— Да, я хочу снова увидеть булавку, если Дульц ее не потерял.

— А я — гальт.

— А я — фитиль.

— То, чего они желают, будет стоить им много боли, но и воспоминания останутся на много веков вперед.

— Да, игра стоит свеч,— говорит один,— если только не я первый.

— И не я.

— И не я.

Принц раскладывает свои инструменты в воздухе, стерилизует их и указывает пальцем.

— Вот этого,— говорит он, и крики начинаются.

Генерал отключает свой слух, а также почти всю свою человечность на следующие несколько часов. Гору это напоминает кабинет отца, а также Лигламенти на Д'донори. Руки Принца тверды и спокойны.

Когда все сделано, вокруг лиц созданий идут тугие большие повязки, которые им нельзя снимать некоторое время. Все трое стонут и кричат.

Принц вытирает руки.

— Благодарю тебя, Принц Имя Которому Хирург,— говорит одно из созданий.

— ...за то, что ты сейчас сделал для нас.

— ...и для нас.

— Не за что, благородные Нормы. Спасибо за прекрасно сделанный жезл.

— О, это такие пустяки.

— Дай нам знать, когда тебе понадобится еще один.

— ...и цена будет такой же.

— Тогда сейчас я вас покидаю.

— До свидания.

— Прощай.

— Адье.

— Хорошего вам смотрения, дети мои.

И Принц берет Гора и Генерала за руки и направляет их по дороге в Марачек, который находится всего в одном шаге от них.

Позади них раздается вой, потому что Нормы стали опять заниматься тем, что является для них естественным и нормальным, и быстро с этим справляются.

Они возвращаются в Цитадель так быстро, что Гор почти не успевает вытащить голубой жезл, о котором он все знает, из-за пояса Принца.

Это точная копия того оружия, которое солнцеглазый Сет использовал против Безымянного тысячу лет тому назад.

У Мадрака есть только один шанс избежать этого убийственного нападения. Он бросает свой посох и ныряет головой вперед.

Это правильный выбор.

Он проскальзывает под собакой, которая прыгает, перекусывая его посох.

Рука его дотрагивается до странной материи перчатки, с которой забавлялось чудовище.

Внезапно он успокаивается, так как к нему неожиданно приходит чувство неуязвимости. Это что-то такое, чего не может дать ни один наркотик.

Он быстро разбирается в чем дело и надевает перчатку на свою правую руку.

Пес поворачивается, а Тайфун чуть отступает.

Черная тень ложится между ними. Щекоча, шевелясь, перчатка уже доросла до локтя Мадрака, распространилась по спине и груди.

Пес прыгает, а затем воет, потому что тень черной лошади падает на него. Одна из его голов висит безжизненно, хотя другие продолжают рычать.

— Уходи, Мадрак, в назначенное место! — говорит Тайфун.— Я займусь этим созданием, пока оно само себя не уничтожит, а потом пойду своим путем!

Перчатка движется по его левому плечу, локтю, закрывает всю руку, еще больше закрывает грудь, доходит до талии.

Мадрак, который всегда был могущественным, внезапно вытягивает руку вперед и, сжимая в ней камень, превращает его в пыль.

— Я не боюсь его, Тайфун, я сам могу его уничтожить.

— Именем моего брата, говорю тебе — иди!

Склонив голову, Мадрак уходит. Позади него раздаются звуки ожесточенной битвы. Он проходит мимо лежбища минотавра. Он идет вверх по коридорам.

Бледные создания с зелеными светящимися глазами кидаются на него. Он убивает их с легкостью, голыми руками и продолжает путь.

Когда на него вновь нападают, он отталкивает их в сторону, пробиваясь сквозь них, но не убивая, так как ему надо время, чтобы подумать.

Он говорит:

— Вам было бы неплохо обдумать возможность иметь части самих себя, которые могли бы выдержать уничтожение ваших тел, и назвать эти гипнотические части душами, чтобы долго не спорить. Вот тогда, начиная с предположения, что...

Но они вновь кидаются на него, и ему приходится прикончить их всех.

— Жаль,— говорит он и произносит Молитву Вероятной Смерти.

Продолжая идти вперед, он наконец приходит в назначенное место.

И там остается стоять.

У Врат Подземного Мира...

На Валдике...

— Вот я и прошел через весь Ад. Я наполовину неуязвим. Должно быть, это перчатка Сета. Странно, что она покрывает меня лишь наполовину. Но, возможно, я больше человек, чем был он.

Смотрит на свой живот.

— А может быть, и нет. Но сила, в ней заключенная... Могущественный! Победить тех, у кого грязные души, и потом обратить их — возможно, поэтому была она вложена в мои руки. Божествен ли Тот? Честно говоря, не знаю. Странно. Если он божествен, тогда я совершил ошибку, не доставив эту перчатку ему. Если, конечно, таковым не было его тайное желание.

Смотрит на свои обтянутые руки.

— Могущество мое сейчас безгранично. Как мне использовать его? Весь Валдик могу я переделать этим инструментом со временем. Но он послал меня со специальным поручением. И все же...

Улыбается. (Перчатка не покрывает его лица.)

— А что, если он божествен? Сыновья, которые зачинают своих отцов, вполне могут быть богами. Я вспоминаю миф о Рае. Знаю, что эта похожая на змею перчатка может указывать на Запретное.

Пожимает плечами.

— Но сколько добра можно сделать с ее помощью... Нет! Это ловушка! Скольким мирам мог бы я принести пользу... Да, я это сделаю! «И пусть разверзнется сам ад!», как говорит Брамин.

Но когда он поворачивается, его затягивает водоворот, слова застревают в горле, а тело падает в широкий, пустой, холодный колодец.

Позади него шевелятся тени, Валдик судорожно дергается и куда-то проваливается, ибо Принц отозвал его домой.

Громолазер

...Но Оаким Скиталец надел свои башмаки и сейчас поднимается, стоя в воздухе и смеясь. С каждым его шагом луч лазера вырывается из храма и смешивается с раскатами грома. Стражники и молящиеся низко склоняются перед ним.

Оаким бежит по стене и останавливается на потолке.

За спиной Брамина появляется зеленая дверь.

Оаким опускается и проходит сквозь нее.

Брамин следует за ним.

— Хайль! — неуверенно восклицает один из священников.

Но пьяные от наркотиков стражники с копьями поворачиваются и протыкают его.

Когда-нибудь, много веков спустя после этого чудесного исчезновения, галактика могущественных воинов выступит в поход в поисках Святых Башмаков.

А тем временем алтарь пуст и идет вечный дождь.

Выгранный жезл

На Марачеке, в Цитадели, они стоят все вместе, думая о том, что с каждым произошло.

— У меня Башмаки,— говорит Оаким.— Ты можешь забрать их к себе в обмен на мое имя.

— А у меня перчатка,— говорит Мадрак и отворачивается.

— А у меня жезл,— говорит Гор, и он выпадает у него из рук.

— Ты не забрал его у меня,— говорит Принц,— потому что он изготовлен не из материи и не из той субстанции, которую ты мог бы контролировать.

И ум Принца приоткрывает завесу перед внутренними глазами Гора.

Гор делает шаг вперед, его левая нога длиннее правой, но он совершенно ровно стоит на теперь уже неровном полу, окно горит, как солнце, за спиной Принца, а Железный Генерал стал золотым и течет, Брамин горит, как свеча, а Мадрак становится толстой куклой, качающейся на резиновом шнурке, стены вокруг воют и пульсируют в одном и том же четком ритме с музыкой, которая исходит из пола в конце туннеля, который начинается окном и, горя, идет к тому месту, где теперь лежит жезл, выросший до чудовищных размеров, но оставшийся слишком прекрасным для того, чтобы находиться в вечности башенной комнаты в Цитадели Марачека в Центре Средних Миров, где Принц выкормил свою улыбку.

Гор делает еще один шаг, и тело его становится для него прозрачным, так что он немедленно видит все, что происходит внутри него, и это страшно.

Ах, луна как лампа светит,
негритянка, словно ночь,
перед нею я в ответе,
что она со мной не прочь.

Ковер из дней она мне стелет,
пройтись вдвоем когда-нибудь,
на небе в пустоте постели
себе прокладывая путь,—

говорит голос, странно похожий и все же не похожий на голос Брамина.

И Гор поднимает руку против Принца.

Но Принц держит его кисть так, что все горит.

И Гор поднимает другую свою руку против Принца.

Но Принц уже держит вторую руку так, что все мерзнет.

И он поднимает руку, по ней проходит электрический ток.

И он поднимает еще одну руку, и она чернеет и отмирает.

И он поднимает еще сотню рук, и все они превращаются в змей и дерутся друг с другом, и он шепчет:

— Что случилось?

— Таков мир,— говорит Принц,— на который я перенес вас.

— Нечестно выбирать такое поле для сражения,— говорит Гор,— этот мир слишком похож на тот, что я знаю, такой недалекий и такой чужой,— и слова его разноцветные, как на Блисе, и они круглые и капают с его губ.

— А с твоей стороны неприлично желать мне смерти.

— Я был послан с этим поручением, и к тому же это и мое желание.

— Но тебе это не удалось,— говорит Принц, заставляя его опуститься на колени на Млечный Путь, который становится прозрачным кишечным трактом, охваченным неудержимой перистальтикой.

Запах невозможно вытерпеть.

— Нет! — шепчет Гор.

— Да, брат, ты побежден. Ты не можешь уничтожить меня. Я сильнее. Время прекратить это, отказаться от этого дела и пойти домой.

— Не раньше, чем я достигну своей цели.

Звезды, как язвы, горят в его кишечнике, и Гор напрягает все силы своего тела против калейдоскопа, которым стал Принц. Принц падает на одно колено, но когда он стоит коленопреклоненный, осанну ему поют многочисленные цветы с собачьими мордами, которые цветут на его лбу, как пот, превращаясь в стеклянную маску, которая трескается от вылетающих оттуда молний. Гор протягивает руки к девятнадцати лунам, которые пожирают змеи, и кто же еще может так взывать: О, Боже! — как не сознание: его Отец, сидящий со своей птичьей головой на небесном троне и плачущий кровью.

— Сдайся и умри!

Затем заброшен...

... далеко

... где Время — пыль

и дни как лилии без счета...

и ночь — пурпурный какаду, в чьем имени забвенье отказало...

Он становится деревом без верхушки, срубленным и вечно падающим.

В конце этого вечно он лежит на спине и смотрит на Принца Имя Которому Его Брат, стоящего во весь рост, с глазами, взявшими его в плен.

— Теперь я разрешаю тебе встать и уйти, брат, потому что я победил тебя в честном бою,— доносятся зеленые слова.

Тогда Гор склоняет голову, и этот мир исчезает, а старый мир появляется.

— Брат, лучше бы ты убил меня,— говорит он, и кашляет с болью от ссадин и синяков.

— Я не могу.

— Не посылай меня обратно после такого позорного поражения. Позволь мне удалиться с Достоинством. Правда, я не знаю как.

— Тогда выслушай меня и иди с честью. Знай, что я убил бы твоего отца, но пощажу его ради тебя, если он поможет мне, когда придет время.

— Какое время?

— Это он должен решить сам.

— Я не понимаю.

— Конечно нет. Но тем не менее передай ему это.

— ...

— Договорились?

— Договорились,— отвечает Гор и начинает подниматься на ноги.

Когда он окончательно встает, он понимает, что стоит в Зале Ста Гобеленов и что он один. Но в самое последнее, агонизирующее мгновение он понял одну вещь.

Он торопится записать ее.

Люди, места и вещи

— Где Гор?— спрашивает Мадрак.— Он только что был здесь?

— Он отправился домой,— говорит Принц, потирая плечо.— А теперь я хочу сказать вам о том, что является для меня проблемой...

— Мое имя,— просит Оаким,— скажи мне его. Сейчас.

— Да,— говорит Принц.— Я скажу его тебе. Ты — часть той проблемы, о которой я собираюсь говорить.

— Сейчас,— повторяет Оаким.

— Ты не чувствуешь себя как-то по-другому в башмаках, одетых на твои ноги?

— Да.

— А как?

— Я не знаю... Скажи мне мое имя.

— Дай ему перчатку, Мадрак.

— Мне не нужна перчатка.

— Надень ее, если ты желаешь узнать свое имя.

— Хорошо.

Он натягивает перчатку.

— А теперь ты знаешь свое имя?

— Нет, я...

— Что?

— Я чувствую что-то знакомое, очень знакомое в том, как она распространяется по всему моему телу...

— Конечно!

— Этого не может быть!— говорит Мадрак.

— Нет?— спрашивает Принц.— Подними этот жезл и подер-

жи его, Оаким. Вот возьми, повесь эти тряпичные ножны сбоку у талии...

— Что ты делаешь со мной?

— Возвращаю то, что принадлежит тебе по праву.

— По какому праву?

— Подними жезл.

— Я не желаю! Ты не можешь меня заставить! Ты обещал мне назвать мое имя! Говори!

— Не скажу, пока ты не поднимешь этот жезл.

Принц делает шаг по направлению к Оакиму. Оаким пятится.

— Нет!

— Подними его!

Принц продолжает идти вперед. Оаким отступает.

— Я... не могу!

— Можешь!

— Что-то в нем такое... Это запретно для меня — дотрагиваться до него.

— Подними его, и ты узнаешь свое настоящее имя.

— Я... Нет! Я не хочу больше знать своего имени! Оставь его себе!

— Ты должен поднять его!

— Нет!

— Это написано, ты должен поднять его!

— Где? Когда?

— Мною. Я...

— Анубис! — кричит Оаким. — Услышь мою молитву! Я взываю к тебе во всей твоей мощи! Помоги мне здесь, где я стою в стане врагов твоих! Тот, кого я должен был уничтожить, совсем рядом! Помоги мне против него, так как я отдаю его тебе!

Брамин окружает себя, Мадрака и Генерала сложным кругом зеленого огня.

Стена за спиной Оакима медленно растворяется — и за ней Бесконечность.

С бесполезно болтающейся рукой, усмешкой на собачьей морде, Анубис смотрит вниз.

— Великолепно, слуга! — доносятся его слова. — Ты нашел его, загнал в угол. Остается один последний удар, и твое поручение выполнено. Воспользуйся фугой!

— Нет, — говорит Принц, — он не уничтожит меня, даже с помощью фуги, пока у меня для него есть это — ты ведь узнал его, когда увидел тысячу лет назад. Его истинное имя скоро прозвучит в его ушах. Он услышит, как его произносят.

— Не слушай его, Оаким, — говорит Анубис, — убей его сейчас же!

— Господин, это верно, что он знает мое настоящее имя? Старое имя?

— Он лжет! Убей его!

— Я не лгу. Подними жезл, и ты узнаешь всю правду.

— Не дотрагивайся до него! Это ловушка! Ты погибнешь!

— Неужели я стал бы делать столько всего только для того, чтобы убить тебя, Оаким? Кто бы из нас двоих не погиб от рук другого, выиграет только собака. Он знает это и послал тебя на выполнение чудовищного поступка. Посмотри, как он смеется!

— Потому что я ВЫИГРАЛ, Тот! Он убьет тебя сейчас!

Оаким приближается к Принцу, потом останавливается и поднимает жезл.

И тогда он закричал, и от его крика даже Анубис вздрагивает и отступает назад.

Затем крик его переходит в смех.

Он поднимает жезл.

— Молчать, собака! Ты использовал меня! О, как ты меня использовал! Ты обрек меня на тысячелетие смерти, чтобы я убил своего сына и своего отца, не задумываясь. Но сейчас ты видишь перед собой Сета Разрушителя, и дни твои сочтены!

Глаза его сверкают сквозь перчатку, которая теперь уже покрывает все его тело, и он стоит в воздухе над полом. Голубые лучи выплывают из жезла, который он держит, но Анубис уже исчезает, растворяется, сделав быстрый жест и издав еле слышный вой.

— Сын мой,— говорит Сет, дотрагиваясь до плеча Тота.

— Сын мой,— говорит Принц, наклонив голову.

Позади них падают искры зеленого пламени.

А где-то темная вещь кричит и плачет, окруженная светом в ночи.

Слова

Между мною и тобой
слова,
как раствор,
разделяют и связывают
те части, которые нас составляют.
Связать их,
отбросить их тень на страницу,
все равно что связать наши общие
страсти,
пониманье тебя и меня,
одинаковость нашу под кожей,
это выше высоких молитв
в нас с тобой бесконечность творит.
Потому что коль завтра приходит сегодня,
если это не капля,
то это — вечность,
сверкающая на кончике моего пера,
когда чернила наших голосов
нас окружают, словно ночь,
когда раствор меня с тобою ограничил.

— Что все это значит?— спрашивает Лорд Юскиг Рыжий, который во главе своих двадцати людей совершает налет на владения своего соседа Дилвита из Лигламенти.

Его лейтенант наклоняется в тумане к камню, на котором выбиты эти слова.

— Лорд, я слышал о таких вещах,— говорит он,— это дело рук поэта Брамина, который публикует свои произведения таким образом: он кидает свои поэмы на ближайший мир, и куда бы они ни падали, они запечатлеваются на самом твердом из доступных там материалов. Говорят, что он написал частушки, проповеди и поэмы на камнях, листьях и сучьях.

— Вот оно что! Ну и что должна означать эта его поэма? Следует ли принять ее за добрый знак?

— Это ничего не значит, Лорд, потому что всем известно, что он просто сумасшедший, как голинд в брачный сезон.

— Что ж, тогда можно помочиться на этот камень и отправиться на войну.

— Хорошо, Лорд.

Тени и материя

— О-тец?— удивленно произносит тень черной лошади на стене замка.

— Да, Тайфун.

— Отец!

Раздается звук, от которого могут лопнуть барабанные перепонки, затем:

— Анубис сказал мне, что ты погиб!

— Он солгал. Когда Озирис ударил своим Молотом, он, наверное, сказал, что сделал это для того, чтобы спасти вселенную, так как я проигрываю сражение.

— Это верно,— говорит Принц.

— Однако я не проигрывал, я выигрывал это сражение. Он хотел убить меня, а не Безымянного.

— Как тебе удалось выжить?

— Рефлекс. Я ушел в фугу, когда этот удар опустился. Меня лишь слегка задело, и Анубис нашел меня бесчувственным и увел в свой Дом. Мое оружие он раскидал по всем Средним Мирам. Но при этом он сделал меня своим оружием.

— Чтобы убить Тота?

— Именно это и поручил он мне.

— Тогда он умрет! — говорит Тайфун и пятится, весь объятый пламенем.

— Успокойся, брат,— говорит Принц.— Это ему не удалось, а нам еще, может быть, удастся использовать собаку...

Но тень черной лошади уже растворилась, и Принц опускает голову.

Он глядит на Сета.

— Остановить его?

— Зачем? Анубис уже прожил на тысячу лет больше положенного. Пусть сам себя защищает. Да и как его остановишь? Даже

если мы его догоним, ничто не может остановить Тайфуна, когда он в ярости.

— Это верно,— говорит Принц и, повернувшись, обращается к Брамину: — Если ты хочешь продолжать служить мне, бывший Ангел Седьмого Поста, отправляйся в Дом Мертвых. Скоро там потребуется присутствие того, кто может управлять энергетическими потоками.

— Тайфун был повелителем Дома Огня,— говорит Брамин.

— Да, но боюсь, он не останется в Доме Мертвых после того, как отомстит. Насколько я знаю своего брата, после этого он отправится на поиски того, кто ударил Молотом. Он погонится за Озирисом.

— Значит, я отправляюсь в Дом Мертвых. Ты пойдешь со мной, Мадрак?

— Если я больше не нужен здесь Принцу.

— Ты мне не нужен. Можешь идти.

— Лорд,— говорит Брамин,— это очень благородно с твоей стороны доверять мне вновь, после того, как ты знаешь, какую роль я играл в войне постов...

— Те дни прошли, и мы сейчас другие люди, разве нет?

— Надеюсь, что да, и благодарю тебя.

Принц скрещивает руки на груди и наклоняет голову. Брамин и Мадрак исчезают.

— А теперь,— говорит Железный Генерал,— скажи, чем я могу помочь тебе?

— Мы опять идем сражаться с Безымянным,— говорит Принц Имя Которому Тысяча.— Ты пойдешь с нами, чтобы быть в резерве?

— Да, только позволь мне вызвать Бронзу.

— Давай.

Ветер на Марачеке теребит пыль. Солнце, мигая, начинает еще один день.

Повелитель Дома Мертвых

Брамин стоит в Большом Зале Дома Мертвых, держа в руках свою трость. Свет от нее входит во все коридоры, видимые и невидимые, которые сходятся в этом месте.

Рядом с ним Мадрак переминается с ноги на ногу и оглядывается вокруг.

Глаза Брамина сверкают, внутри них пляшут огоньки.

— Ничего. Ничего живого. Нигде.

— Значит, Тайфун нашел его,— говорит Мадрак.

— А Тайфуна здесь тоже нет.

— Значит, он убил его и отправился дальше. Вне всякого сомнения, он ищет теперь Озириса.

— Интересно...

— Что еще могло случиться?

— Не знаю. Но теперь я здесь повелитель, по приказанию

Принца. Я должен найти место выхода энергии и найти машины, ею управляющие.

— И тем не менее ты когда-то обманул Принца.

— Это правда, и он простил меня.

Брамин идет к трону Анубиса, садится на него, а Мадрак склоняется перед ним и говорит:

— Хайль, Брамин! Повелитель Дома Мертвых!

— Тебе не надо преклонять передо мной колени, старый дружище. Пожалуйста, встань. Мне понадобится твоя помощь, потому что место это сильно отличается от Седьмого Поста, которым я когда-то управлял.

И в течение многих часов Брамин изучает тайные кнопки управления, вмонтированные в трон. Затем раздается голос, который, как он знает, не является голосом Мадрака:

— Анубис!

И тут же он имитирует и лай, и вой.

— Да?

— Ты был прав. Гор побежден и вернулся сюда. Но он опять ушел.

Это голос Озириса.

Брамин небрежно взмахивает в воздухе тростью — и там появляется огромное окно.

— Привет, Озирис,— говорит он.

— Итак, Принц все-таки решил действовать,— говорит Озирис.— Насколько можно догадываться — я следующий.

— Надеюсь, что нет,— говорит Брамин.— Я могу лично свидетельствовать, что сам слышал, как Принц заверял Гора, что не будет мстить, если ты ему поможешь.

— Тогда что стало с Анубисом?

— Вот этого я точно не знаю. Тайфун помчался сюда, чтобы убить его. Я явился сюда, чтобы прибрать за Тайфуном и возглавить Пост. Либо он убил его и полетел дальше, либо Анубис убежал, а Тайфун бросился в погоню. Так что послушай меня, Озирис. Несмотря на обещание Принца, ты в опасности. Тайфун не знает об этом обещании и не имеет к нему никакого отношения. Узнав, что произошло на самом деле, от самого Сета и услышав подтверждение Принца, он скорее будет мстить опустившему Молот.

— Сет жив?

— Да. Некоторое время он был известен как Оаким.

— Посланник Анубиса!

— Некто другой! Пес украл его память и послал убить собственного сына — и отца. Именно это и вызвало особый гнев Тайфуна.

— Черт бы побрал всю эту проклятую семейку! А что стало с моим сыном? Он всего лишь оставил мне эту записку, ну... конечно!

— Что «ну, конечно»?

— Еще не поздно. Я...

— Позади тебя, на стене! — кричит Брамин.— Тайфун!

Озирис двигается со скоростью, которую странно видеть в столь тщедушном теле, он кидается к зеленому гобелену, отбрасывает его в сторону и пропадает.

Тень течет за ним, встает на дыбы.

Когда она отодвигается в сторону, на гобелене и в самой стене возникает огромное отверстие размером и формой с Тайфуна.

— Тайфун,— говорит Брамин.

— Я здесь,— слышится голос.— Зачем ты предупредил его?

— Потому что Тот подарил ему жизнь.

— Я этого не знал.

— Ты слишком быстро отправился в путь, чтоб услышать, как это повторят. А сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Боюсь, ему удалось скрыться.

— Как это?

— Его не было в помещении, которое я уничтожил.

— Может быть, это и к лучшему. Слушай, мы можем использовать Озириса.

— Нет! Никогда не будет мира между нашими семьями, пока он жив, независимо от рыцарских чувств, которые может выказать мой брат. Я люблю брата, но я никогда не соглашусь на его прощение этого негодяя. Я обыщу весь дом, пока не найду Озириса и пока не отправлю его в Скагганакскую пропасть!

— Как Анубиса?

— Нет! Анубису удалось скрыться! — доносится то ли всхлип, то ли крик.— Временно!

Затем Тайфун возносится, появляется пламя, и он исчезает.

Брамин вновь машет тростью, и окно исчезает тоже.

— Анубис все еще жив,— говорит Мадрак, глядя через плечо.

— Очевидно.

— Что мы предпримем?

— Продолжим изучение функций Дома Мертвых.

— Я хочу отдохнуть.

— Тогда иди и отдыхай. Найди себе комнату поблизости и располагайся. Ты ведь знаешь, где пища.

— Да.

— Тогда до скорого.

— Да, Лорд!

Мадрак выходит из Большого Зала и блуждает. Через некоторое время он входит в комнату, где мертвые стоят, как статуи. Он садится между ними. Говорит:

— Я был преданным слугой. Послушай меня ты, Женщина с грудями как дыни. Я был его преданным слугой. Поэт отправился на войну с другими Ангелами, зная, что это против его воли. Но он прощен и возвышен. А где я? Слуга слуги. Это не честно.

— Я рад, что ты согласна со мной. А теперь скажи мне ты, да, вот ты, с лишней парой рук. Разве ты распространял религию

и мораль? Разве ты побеждал чудовищ и ужасных зверей среди непосвященных голыми руками? К о н е ч н о н е т.

— Вот видишь...

Он хлопает себя по бедру.

— Вот видишь, значит, нет на свете справедливости, и добродетель всегда продается, обманывается, подменяется. Посмотрите только, что стало с Генералом, который всю свою жизнь посвятил человечеству: жизнь отняла у него его собственную человечность. Разве это справедливо? Е д в а л и.

— Все идет к этому, братья мои. Все мы становимся статуями в Доме Мертвых, независимо от того, какую жизнь мы вели. Вселенная никогда не благодарит. Дающему никогда не воздается. О, Ты Который Может Быть, почему ты все так устроил, если это ты все так устроил, почему? Ты и Принц, Твой Посланник. Что мне это дало? Бесплатный проезд и скудную пищу? Я рад, что Сет будет биться с Безымянным без своей перчатки...

— Что?

Подняв голову, он видит статую, которой не было здесь раньше и которая, в отличие от остальных, двигается.

Ее голова — это голова черной собаки, а ее язык высовывается и сворачивается.

— Ты! Как удалось тебе спрятаться от Брамина, скрыться от Тайфуна?

— Это мой дом. Много веков пройдет, прежде чем все его секреты откроет новый хозяин.

Мадрак встает и начинает слегка вертеть посох в своих руках.

— Я не боюсь тебя, Анубис. Я дрался во всех мирах, повсюду, где только люди умеют говорить и ценят слово. Многих я послал сюда, и сам пришел в этот Дом как победитель, а не как жертва.

— Ты был побежден давным-давно, Мадрак, и только сейчас, кажется, начал понимать это.

— Молчать, собака! Ты говоришь с тем, кто держит твою жизнь в своих руках.

— А ты говоришь с тем, кто держит твое будущее в своих руках.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты сказал, что Сет опять отправился биться с Безымянным?

— Это правда. А когда Безымянный будет уничтожен, настанет всеобщее счастье.

— Ха! Оставь свою метафизику для кого-нибудь другого, поп! Ответь мне еще на один вопрос, и тогда я действительно тебя порадую.

— Какой вопрос?

Анубис делает шаг вперед, и безжизненная его рука качается справа, как маятник.

— Ч т о т ы т у т т а к о е г о в о р и л о п е р ч а т к е?

— Ах, это,— говорит Мадрак, вытаскивая перчатку из-под своей темной рясы и одевая ее на правую руку.— Когда я добыл

ее, я подумал, что с ее помощью много миров можно обратить в истинную веру.

Перчатка достигает его локтя, тянется к плечу.

— Я тогда не знал, что Оаким — это Сет. Тогда мной овладело искушение оставить ее себе. Вот я и заменил ее своей собственной перчаткой-которая-растет. Такие перчатки довольно часто можно увидеть в некоторых местах Средних Миров. Но эта обладает какой-то странной силой, а не как мои обычные и не очень прочные доспехи.

Перчатка теперь уже закрывает ему грудь, распространяется по спине.

— Я мог бы расцеловать тебя в твои жирные щечки! — говорит Анубис.— Потому, что у Сета теперь будет куда меньше шансов победить Безымянного! И все это время ты строил планы предательства! Ты куда более проницательный человек, чем я думал, Святой Отец.

— Меня использовали, а искушение было велико.

— Но больше тебя никто не будет использовать. О нет! Теперь ты носишь эту перчатку, и я предлагаю тебе союз.

— Прочь, собака! Ты не лучше всех остальных! У меня есть то, что тебе необходимо, и ты готов теперь лизать мне задницу! О нет! Что бы я ни сделал с той новой силой, которой я обладаю, я делаю лишь для одной персоны: Меня!

— Союз, который я предлагаю, будет взаимовыгодным.

— Мне стоит только поднять тревогу, и тебя свяжут так крепко, что вся твоя хитрость не поможет тебе освободиться. Стоит мне лишь крутануть свой посох так, как надо, и твои мозги украсят эти стены. Поэтому говори, но помни, о чем я сейчас тебя предупредил, раздвоенный язык, а я послушаю.

— Если Озирис все еще жив,— говорит Анубис,— и если нам удастся добраться до него, то мы втроем сможем уничтожить Тота.

— Я уверен, что Озирис все еще жив, хотя, надолго ли, не могу сказать. В настоящее время Тайфун преследует его по всему Дому Жизни.

— У нас есть шанс, очень хороший шанс вернуть себе все: раз у тебя эта перчатка. Я знаю способ попасть в Дом Жизни и, возможно, спасти Озириса.

— А дальше что? Мы даже не знаем, где происходит битва с Безымянным.

— Все надо делать по очереди. Со временем узнаем и это. Так ты со мной?

— Я отправляюсь в Дом Жизни, потому что Тот желает, чтобы Озирис остался жив, и, может быть, мне удастся выполнить это желание. Тем временем я подумаю.

— Этого вполне достаточно.

— Смотри, как растет перчатка! Больше, чем раньше! Теперь уже она покрывает мне бедра!

— Великолепно! Чем большая часть твоего тела будет неуязвима, тем лучше для нас.

— Минутку. Неужели ты серьезно думаешь, что мы втроем сможем победить Тота, Сета и Железного Генерала?

— Да.

— Как?

— Молот может ударить вновь,— говорит Анубис.

— Он все еще существует?

— Да, и повелевает им Озирис.

— Ну ладно, допустим, что ты прав и что нам удастся даже как-то договориться с Брамином, который сейчас является повелителем твоего Дома, что ты будешь делать с огромной тенью в образе лошади, которая будет преследовать тебя до конца наших дней, которая не живет в космосе таком, как мы его видим, знаем, и с которой нельзя договориться, когда она в гневе?

Анубис отворачивается.

— Тайфуна я боюсь,— признает он.— Много веков тому назад я сделал оружие, нет, не оружие, один аппарат, который, как я думал, может послужить для его обуздания.

Когда я недавно попытался воспользоваться им, тень лошади упала на него и уничтожила. Он также навсегда парализовал мою руку. Должен признаться, мне нечего противопоставить ему, кроме своей силы воли. Но империями не кидаются из-за страха перед одним индивидом. Если бы только я знал секрет его силы...

— Я слышал, как он упоминал Скагганакскую пропасть.

— Такого места нет.

— Я раньше никогда не слышал такого названия. А ты?

— Легенды, сказки, научная фантастика.

— Так что же все-таки там о ней говорится?

— Мы теряем время на обсуждение глупостей.

— Если тебе нужна моя помощь, ты мне ответишь. Смотри, перчатка достигла уже моих колен.

— Скагганакская пропасть, иногда называемая пространственным провалом, где, как говорится, все останавливается и ничто не существует.

— Во вселенной очень много пустых космических пространств.

— Да, но говорят, что в пропасти нет также и космоса. Это бездонная бездна, которая, собственно, и не бездна вовсе. Это — разрыв космоса. Ничто, теоретический пуп вселенной. Это огромный вход, ведущий никуда, под, над, за, из. Вот что такое Скагганакская пропасть.

— Тайфун и обладает всем этим, разве нет?

— Да, в этом я должен признаться. Но это ни о чем не говорит. Будь проклята связь Сета и Изиды! Они зачали зверя, чудовище!

— По-моему, ты тут перехватил, Анубис! Разве Тайфун всегда был таким, каков он сейчас? Как могла ведьма разродиться таким, как он?

— Не знаю. Он старше, чем я. Вся эта семья загадочна и парадоксальна. А теперь в Дом Жизни.

Мадрак кивает головой.

— Показывай, Анубис.

Ночь становится Гором

Он идет там, где бушуют энергетические потоки, и никто не знает его имени. Но если каждого из тех созданий, мимо которых он проходит, спросить, они ответят, что слышали что-то о нем. Потому что он Бог. Могущество его почти не знает границ. Однако он был побежден. Принц Имя Которому Тысяча, его брат, добился его падения, чтобы сохранить себе жизнь и тот порядок жизни, который он представляет.

Гор сворачивает на хорошо освещенный проспект, где развлекаются разные особи. Сгустки энергии и ночь — вокруг него.

Он пришел именно на эту улицу именно этого Мира по определенной причине. Он колеблется, не зная, что ему делать. Ему нужны советы. Он любит оракулов.

Он ищет мнений.

Темнота в небе, ярко освещенная улица. Он проходит мимо мест и людей, созданных для развлечений.

Человек движется к нему и преграждает ему путь. Он пытается обойти его, сойдя на мостовую. Человек идет за ним и хватает его за руку.

Гор дует на него, и возникает ветер ураганной силы. Человека уносит, а Гор продолжает свой путь.

Через некоторое время он доходит до того места, где находятся оракулы, гадалки по картам. Астрологи, нумерологи, предсказатели Ии-Чинг, которые зазывают бога в красной повязке. Но он проходит мимо.

В конце концов он приходит туда, где нет людей.

Это место машин, которые предсказывают.

Он выбирает первую попавшуюся кабину, входит.

— Да? — вопрошает машина.

— Вопросы, — отвечает Гор.

— Минуту.

Раздается металлический щелчок — и открывается внутренняя дверь.

— Войдите в комнату.

Гор входит в маленькую комнату. В комнате находится определенного рода постель. Голое женское тело с большой грудью лежит на постели, подсоединенное к сверкающему метеллическому аппарату. В стену вставлен громкоговоритель.

— Соединитесь с вопрошающей единицей машины, — говорят ему. — Что бы вы хотели знать?

Снимая с себя набедренную повязку, Гор выполняет указание.

— Наше правило таково, что на все ваши вопросы ответы бу-

дут поступать только до тех пор, пока вы будете в состоянии удовлетворять ее. Что бы вы хотели узнать?

— У меня есть проблема. Я в ссоре со своим братом. Я пытался убить его. У меня ничего не получилось. Я никак не могу решить, следует ли мне вновь искать его, чтобы продолжить битву...

— Недостаточная информация для ответа,— слышится голос.— Что за ссора? Какой брат? Кто вы такой?

Отвратительными вырастают лилии, а ряды роз — забор шипов. Сад памяти заполняется бежевыми цветами.

— Возможно, я обратился не туда, куда следовало бы...

— Может быть, и так, а может быть, и нет. Однако очевидно, что вы не знаете правил.

— Правила? — Гор смотрит на тусклый металл говорящего.

Голос, доносящийся из громкоговорителя, сухой, монотонный.

— Я не гадалка и не предсказатель будущего, я — электронно-механико-биологическое устройство бога Логики. Моя цена — наслаждение, и я могу сделать богом любого человека. Однако для этого мне необходим более сложный вопрос. Я не располагаю достаточными данными, чтобы сейчас тебе ответить. Так что продолжай заниматься со мной любовью и скажи мне, что еще.

— Я не знаю, как начать,— начинает Гор.— Когда-то брат правил всем на свете...

— Стоп! Твое утверждение нелогично, бессмысленно...

— ... и абсолютно верно. Мой брат — это Тот, которого иногда называют Принцем Имя Которому Тысяча. Когда-то все Средние Миры были его королевством.

— В моих ячейках зарегистрировано существование мифа о Повелителе Жизни и Смерти. Согласно этому мифу, у него не было братьев.

— Вношу поправку. Внутри нашей семьи мы не любим распространяться о семейных делах. У Изиды было три сына, один из которых был законным, от Лорда Озириса, и два — от Сета Разрушителя. Сету она зачала Тайфуна и Тота. Озирису — Гора Мстителя, то есть меня.

— Ты Гор?

— Ты правильно назвал мое имя.

— И ты желаешь уничтожить Тота?

— Таково было мое задание.

— Ты не можешь этого сделать.

— О!

— Пожалуйста, не уходи. Может быть, есть еще вопросы, которые ты хотел бы задать?

— Я не могу придумать ни одного.

Но Гор не может уйти именно в эту минуту, потому что тело его начинает гореть, как в огне.

— Кто ты? — спрашивает он в конце концов.

— Я уже сказала тебе.
— Да, но как ты дошла до этого: получеловек, полумашина?
— Это один из тех вопросов, на которые я не могу ответить, если я даже буду полностью удовлетворена. Однако я попытаюсь утешить тебя, потому что ты очень расстроен.
— Спасибо. Ты добра.
— Это и мое удовольствие.
— Я бы сказал, что когда-то ты была человеком.
— Это верно.
— Почему же ты перестала им быть?
— Я не могу этого сказать, как уже говорила.
— Могу я помочь тебе хоть чем-нибудь, чтобы выполнить какое-нибудь твое сокровенное желание?
— Да.
— Как?
— Я не могу этого сказать.
— Ты точно знаешь, что Гор не может уничтожить Тота?
— В этом почти стопроцентная вероятность, согласно мифам, записями которых я обладаю.
— Если бы ты была простой смертной женщиной, я был бы добр к тебе.
— Что это значит?
— Я смог бы полюбить тебя за твою потрясающую честность.
— О, боже! Боже! Ты спас меня!
— Что ты хочешь сказать?
— Я была обречена на это существование, пока один из тех, кто выше человека, не посмотрит на меня с любовью.
— Я могу смотреть на тебя с любовью. Ты считаешь это вероятным?
— Нет, потому что я слишком использована.
— Тогда ты не знаешь бога Гора.
— Вероятность ничтожна мала.
— Но мне некого больше любить. Поэтому я люблю тебя.
— Бог Гор любит меня?
— Да.
— Тогда ты мой Принц, и ты пришел.
— Я не...
— Подожди минутку — и произойдет кое-что еще.
— Я подожду,— говорит Гор, вставая.

Вещь, которая называлась сердцем

Брамин идет по Дому Мертвых. Если бы у вас были там глаза, вы ничего не могли бы увидеть. Там слишком темно для того, чтобы глаза могли пригодиться. Но Брамин может видеть.

Он идет через огромную комнату, и когда он доходит до определенного места, появляется свет, туманный и оранжевый, и тени толпятся по углам.

Затем они появляются из прозрачных прямоугольников, сейчас возникающих в полу, и они не дышат, не мигают, в горизонтальном положении, и они отдыхают в невидимых катафалках, на высоте двух футов, а их одежда и кожа всех возможных цветов, а тела их из всех веков. У одних из них есть крылья, у других хвосты, у некоторых рога или длинные когти. У некоторых есть все это, а в некоторых встроены части машин, хотя у остальных нет.

Раздаются стоны, хруст костей и затем движение.

Шурша, скрипя, хрустя, они садятся, они встают.

Затем все склоняются перед ним, и одно слово наполняет воздух:

— Господин.

Он смотрит своими зелеными глазами на эту толпу, и откуда-то внезапно до его ушей доносится звук падающего смеха.

Поворачиваясь, поворачиваясь, поворачиваясь, он машет своей тростью.

Затем в воздухе возникает движение, и она стоит рядом с ним.

— Брамин, твои новые подданные присягают тебе.

— Леди, как ты сюда попала?

Но она опять смеется и не отвечает на его вопрос.

— И я тоже пришла поприветствовать тебя. Хайль, Брамин! Повелитель Дома Мертвых!

— Ты очень добра, Леди!

— Я более чем добра. Конец близится, и то, чего я желаю больше всего на свете, скоро будет моим.

— Это ты подняла мертвых?

— Конечно.

— А ты знаешь, где сейчас находится Анубис?

— Нет, но я могу помочь тебе найти его.

— Давай дадим мертвым отдых, и тогда я могу попросить твоей помощи. Я также могу спросить тебя, чего ты желаешь.

— А я могу ответить тебе.

И мертвые внезапно ложатся и опускаются в свои могилы. Свет исчезает.

— Ты знаешь, почему убежал Анубис? — спрашивает он.

— Нет, я только что прибыла сюда.

И Рыжая Ведьма улыбается под вуалью.

— То, что Тайфун жив, радует меня несказанно,— говорит она.— Где он сейчас?

— В настоящий момент он ищет Озириса с тем, чтобы убить его. Возможно, он уже разделался с собакой и с птицей.

И она смеется, и ее служка прыгает к ней на плечо и хватается за живот.

— Как радостно все должно быть сейчас! Как прекрасно, если это ему удалось! Но мы должны увидеть это своими глазами!

— Хорошо.

И Брамин чертит в темном воздухе зеленую раму.

Изида приближается к нему и берет его за руку.

Внезапно в раме появляется картина, она двигается.

— Это мало о чем говорит нам,— замечает Брамин.

Это — картина тени черной лошади, в одиночестве двигающейся вдоль стены.

— Да, но как приятно вновь глядеть на своего сына, который содержит Скагганакскую пропасть в самом себе. А где может быть его брат?

— Со своим отцом, так как они опять отправились биться с Безымянным.

Изида опускает глаза, и картина начинает затуманиваться.

— Я хочу поглядеть,— говорит она после паузы.

— Но сначала я должен отыскать Анубиса и Озириса, если они все еще живы, и Мадрака.

— Хорошо.

И в изумрудной раме медленно начинает возникать картина.

На берегу и на мели

Стоя во весь рост, он смотрит на То Что Плачет в Ночи.

Оно больше не плачет.

Освобожденное, оно тянется к нему башней дыма, бородой без подбородка.

Подняв звездный жезл, он вычерчивает огненные струи по его середине.

Оно продолжает двигаться вперед.

Огни вспыхивают всеми цветами спектра, затем исчезают.

Стоя во весь рост над облаками и всем прочим, он пускает в него молнии.

Слышится какой-то жужжащий звук.

Звездный жезл вибрирует у него в руках, стонет, становится ярче.

Оно отступает. Сет шагает по небу нападая на него.

Оно снижается, падает, отступает — к поверхности мира.

Преследуя, Сет становится на вершину горы. Где-то неподалеку от Луны Принц и Генерал следят за ним.

Сет смеется, и жар от взрывающегося солнца опаляет это существо.

Но затем оно поворачивается и наносит удар, и Сет отступает в темноту по континенту, и с каждым его шагом вздымается грибовидное облако взрыва.

Ураганы трясут своими кудрявыми головами. Шаровые молнии летают по небу. Вечные сумерки освещаются языком пламени, который падает на его преследователя. Однако оно продолжает приближаться и наступать, и горы падают в тех местах, где оно идет. Далеко внизу дрожит земля, и башмаки на ногах гремят громом с каждым шагом Сета, с каждым его поворотом.

Льют ливни, сгущаются облака. Внизу появляются огненные воронки.

Оно продолжает наступать и наносить удары, и дорога, по которой он идет, раскаляется, становится серой, опять раскаляется.

Жезл звенит, как колокол, и моря выходят из своих берегов. Огонь, земля, вода и воздух брошены против создания — все четыре стихии, но оно все еще наступает.

Сет ревет, и скалы искрашиваются в порошок, ураганы разрывают паутину неба посредине, хлопают ей, опять соединяют края.

Оно опять плачет, и Сет, стоя одной ногой в море, улыбается внутри своей перчатки и бьет водоворотами и вихрями.

Но оно продолжает наступать, и воздух становится холодным.

Из-под руки Сета вырывается тайфун, а молнии сверкают без перерыва. Земля трещит и тонет самое в себя.

Сет и существо одновременно наносят удар, и континента под ними больше не существует.

Океаны начинают кипеть, и разноцветная Авропаа покрывает все небо.

Затем три иглы белого цвета пронизывают существо насквозь, и оно отступает к экватору.

Сет преследует, хаос преследует Сета.

Гром непрестанно гремит над экватором, и сверкание, сверкание звездного жезла в небе...

Дым цвета травы заполняет воздух в середине. Лакей Судьбы Время скрывается за ним.

Раздается плач, и опять звон, как колокольный, как будто лопнули цепи, которыми было сковано море, и воды поднимаются ввысь, как колонны Помпеи в тот день, день, когда они были сломаны, уничтожены, и жар, жар от кипящего океана поднимается ввысь вместе с ними, и воздух теперь уже становится плотным, и им невозможно дышать. Играя темпоральную фугу, Сет распинает существо на дымящемся небе, но оно все еще плачет и кидается на него, отступая. На доспехах Сета нет ни царапины, хоть это и не те доспехи, о чем он не знает, потому что То Что Плачет не дотронулось до него. Сейчас Сет полыхает таким пламенем, которым отмечают день Гея Фокса. Существо взрывается в девятнадцати местах, падает внутрь самого себя. Затем раздается мощный рев, и вновь летят копья молний. То Что Плачет в Ночи становится воющим шаром, одной восьмой этого шара. Оно воет так, чтобы лопнула барабанная перепонка, и Сет хватается за голову, но продолжает со всех сторон омывать существо в свете своего жезла.

Затем уже воющий визг исходит из самого звездного неба. Розовое лезвие огня опускается на существо.

Оно становится стариком с длинной бородой, несколько миль в высоту.

Оно поднимает руку — и внезапно Сет окружен светом.

Но он поднимает свой жезл, и темнота пожирает свет, и зеленый трезубец ударяет существо в грудь.

Падая, оно становится сфинксом, и он разбивает его лицо ультразвуком.

Рухнув, оно превращается в сатира, и он кастрирует его серебряными ножницами.

Затем оно отступает, раненое, на высоту в три мили, кобра черного дыма, и Сет знает, что минута пришла.

Интермеццо

Армии сталкиваются в тумане планеты Д'донори, и голинды случаются прямо на могилах убитых, когда корона сорвана с головы Дилвита, и он остается без скальпа, вновь Бротц, Прутц и Дульп ослеплены своими соседями, на мире Валдик причитания и темнота, из руин Блиса опять тянется вверх жизнь, Марачек мертв, мертв, мертв, цвет — пыль. Шизм начался на Интерлюдии, а также вечерние дожди, вместе с которыми монаху по имени Брос приходит видение Священных Башмаков, хотя он опьянен наркотиками, и, скорее всего, сумасшедший, безумный, безумный ветер дует под морем в Месте Сокровенных Желаний, и зеленое морское чудовище, которое живет там, резвится в осенних туманах, созвездиях яркобрюхих рыб, плавающих повсюду.

Трость, подвеска, колесница и прочее

Его рука обнимает ее талию, и они вместе смотрят на картины, которые возникают в раме, там, в Доме Мертвых. Они смотрят на Озириса, который плывет по небу на своем черном луке, который заряжен тем, что может разбить солнце. Он скачет один, и желтые его глаза никогда не мигают на лице, которое не знает других выражений. Они смотрят на темный шар, в котором сидят Анубис и Мадрак, и пустая перчатка, управляющая энергиями.

Брамин вычерчивает две линии кончиком своей трости, продолжая движение обоих предметов. Картина меняется и показывает то место, где эти линии пересекаются. Там находится сумеречный мир, поверхность которого все время меняется по мере того, как они наблюдают.

— Откуда они могут знать это место? — спрашивает Изида.

— Не знаю. Разве что... Озирис! Он нашел записку. Я смотрела на него, когда он читал ее.

— И?..

— Гор. Это Гор оставил ему записку, вероятно, с указанием места.

— Откуда Гор может это знать?

— Он бился с Тотом — вероятно, в собственном мозгу Тота, а Гор умеет читать мысли, знает, кто что думает. Видимо, в один из моментов в течение их поединка Гору удалось выкрасть эту мысль Принца, который обычно полностью застрахован от подобных неожиданностей. Да, на какую-то секунду он, вероятно, был неосторожен. Его надо предупредить!

— Может быть, Тайфун еще обеспечит ему безопасность.

— Где Тайфун сейчас?

Они смотрят на раму, и все картины начинают мелькать перед глазами.

— Черно, черно, черно... Ничего.

— Такое ощущение, как будто Тайфуна вообще не существует,— говорит Брамин.

— Нет,— говорит Изида.— Ты смотришь на пропасть, которая называется Скагганакской. Тайфун покинул эту вселенную, чтобы найти свой путь по другую сторону космоса, такого, каким знают его люди. Возможно, он тоже нашел ту записку, которую написал Гор.

— Этого недостаточно для безопасности Принца. Весь проект может рухнуть, если мы не сможем его предупредить.

— Тогда отправляйтесь к нему немедленно!

— Я не могу.

— Одна из твоих знаменитых зеленых дверей.

— Я могу открыть путь только в Средние Миры. Я беру энергию поля. Я не могу оперировать за его пределами. Леди, как ты появилась здесь?

— Прилетела на своей колеснице.

— Десяти Невидимых Энергий?

— Да.

— Тогда давай используем ее.

— Я боюсь... Послушай, Маг. Ты должен понять. Я — женщина, и я люблю моего сына, но я люблю и свою жизнь. Я боюсь. Я боюсь того места, где происходит битва. Не думай обо мне плохо, если я откажусь сопровождать тебя. Ты можешь взять мою колесницу и можешь пользоваться ей, но ты должен отправиться туда один.

— Я не буду думать о тебе плохо, Леди.

— Тогда возьми подвеску. Она контролирует Десять Энергий, которые управляют ею, и она придаст тебе дополнительные силы.

— Будет ли она действовать за Средними Мирами?

— Да!

И она скользит в его объятия, и какое-то мгновение его зеленая борода щекочет ей шею, в то время как служка обнажает свои крохотные зубки и бьет хвостом.

Затем она провожает его до самой колесницы на крыше Дома Мертвых, и он восходит на нее, высоко держа подвеску в правой руке, и на мгновение становится частью гениально составленной схемы внутри красной бутылки, похожий на отдаленное сверкание на звездном небе, на которое смотрит Изида.

Вся дрожа, она опять заходит в Дом Мертвых, чтобы опять думать о том, кого она боится встретить, кто в этот момент бьется с Безымянным.

Брамин смотрит вперед нефритовыми глазами. В них сверкают желтые огоньки.

В глазах Брамина появляется видение...

Вот стоит Принц, глядя вниз. Поверхность мира охвачена огнем. На носу корабля Принца стоит зверь, чье тело — доспехи, чей всадник стоит неподвижно, сверкая, тоже глядя на место битвы.

Лук приближается. Шар летит вперед. Молот спущен с тетивы и летит вперед, ударяя. Затем с него срывается комета с ярким хвостом, которая несется вперед, все разгоняясь.

Где-то звенит банджо, и Бронза встает на дыбы, а Генерал оглядывается через левое плечо, чтобы посмотреть на вторгшегося. Левая река его дергается по направлению к нему, Бронза продолжает пятиться на задних ногах, а потом одним прыжком соскакивает с корабля Принца. Она совершает всего три прыжка. Лошадь и наездник исчезают. Что-то колеблется, туманится, и звезды начинают плясать в том уголке неба, как будто они всего лишь отражения в неспокойных водах озера. Комета захвачена этим ветром, который называется ветром Перемен, становится двумерной, исчезает. Обломки сломанного лука-самострела продолжают лететь в том направлении, как когда он был еще целым. Шар направляется к поверхности мира, исчезает в дыму, пламени и пыли. Долгое время схема остается прежней, но затем шар улетает. Сейчас в нем уже трое.

Брамин сильнее сжимает руку на кровавой подвеске и поворачивает Колесницу Десяти Энергий в погоню.

Что-то яростное продолжает происходить на планете. Вся ее поверхность кажется жидким и кипящим шаром, изменяющим форму, выбрасывающим в воздух мощные фонтаны. Происходит несколько ослепительных вспышек, слышится страшный треск. Планета раскалывается. Свет, все заполняющий, невыносимо, невыносимо яркий, и пыль — неразбериха, осколки.

Пропасть

Сложив руки за спиной, Принц Имя Которому Тысяча смотрит на уничтоженный мир.

Разбитый мир, остатки которого, сплющенные и неровные, вращаются под его ногами, исчезая, удлиняясь, горя, горя, горя.

Затем он смотрит через оптический прибор, похожий на розовый лорнет с антенной. Изредка раздается щелчок, и антенна дергается. Он опускает ее, потом поднимает, и так несколько раз. В конце концов он откладывает ее в сторону.

— Что ты видишь, брат мой?

Он поворачивает голову и видит рядом с собой тень черной лошади.

— Я вижу живой огонек света, запутавшийся в тех обломках внизу,— говорит он.— Изувеченный, съежившийся, еле пульсирующий, но все еще живой. Все еще живой...

— Значит, наш отец потерпел неудачу.

— Боюсь, что так.

— Этого не может быть.

И Тайфун исчезает.

Брамин продолжает преследовать шар Анубиса, и он видит то, что не подлежит пониманию.

На изувеченные остатки химических элементов, которые когда-то были миром, падает черная точка. Она растет в самой середине света, пыли, неразберихи, растет, пока ее очертания не становятся более четкими.

Это тень черной лошади, которая падает на руины.

Она продолжает расти, пока не становится размером с континент.

Встав на дыбы, черная лошадь возвышается над всем. Она пухнет, расширяется, удлиняется, пока обломки целой планеты не попадают в нее.

Затем она очерчивается пламенем.

Ничто не лежит внутри этого сверкающего силуэта. Вообще ничто.

Затем пламя спадает, и тень съеживается, отступая, ускользая вдоль длинного, абсолютно пустого коридора.

Затем — не остается ничего.

Как будто мир не существовал вовсе. Он исчез, пропал, ему капут, и Тому Что Кричит в Ночи вместе с ним. И Тайфуна тоже больше нет.

В голову Брамина приходит строчка из стихов немецкого поэта о берегах Рейна. Он не помнит ее источника, но ощущение ему знакомо.

Высоко держа в руке кровавый меч света, он преследует бога смерти.

Корабль дураков

Пробуждаясь, медленно, скованный, с распростертыми руками и ногами на стальном столе, с ярким светом, бьющим в его желтые глаза и проникающим, как стальные иглы, в мозг, Сет мягко стонет и пробует, насколько крепко он связан.

Его оружие исчезло, а бледный свет в углу может быть звездным жезлом; башмаков, которые могут ходить по всему, чему угодно, вообще не видно.

— Привет, Разрушитель,— говорит носитель перчатки.— Тебе повезло, что ты выжил в этой битве.

— Мадрак?..— спрашивает он.

— Да.

— Я не могу тебя видеть. Этот свет...

— Я стою позади тебя, и свет этот горит только с той целью, чтобы ты не мог использовать темпоральную фугу с тем, чтобы покинуть этот корабль дураков до тех пор, пока мы не разрешим тебе этого.

— Я не понимаю.

— Битва внизу все еще жуткая. Я сейчас наблюдаю за ней через иллюминатор. Похоже на то, что ты побеждаешь. Через мгновение опять ударит Молот Разбивающий Солнце, и ты, конечно, избежишь этого удара, как и в прошлый раз, с помощью темпоральной фуги. Вот почему мы смогли подобрать тебя несколько ми-

нут тому назад, совсем как Анубис сделал это тысячу лет тому назад. Тот факт, что ты здесь появился, говорит о том, что сейчас должно произойти. Ну, вот! Озирис отпускает тетиву, и Молот начинает свой спуск... Анубис! Что-то не так! Смотри, происходят какие-то изменения! Молот... он... исчез...

— Да, вижу,— слышится знакомый, отрывистый, как лай, голос.— И Озирис тоже исчез. Железный Генерал — это был он.

— Что же нам теперь делать?

— Ничего. Вообще ничего. Получилось даже лучше, чем мы смели надеяться. То, что Сет все-таки появился здесь с помощью фуги, говорит о том, что должен произойти какой-то космический катаклизм. Разве я не прав, Сет?

— Да.

— Твой последний удар, несомненно, уничтожил мир.

— Вероятно. Я не остался, чтобы посмотреть.

— Да, вот он раскалывается,— говорит Мадрак.

— Великолепно! Теперь у нас есть Сет, от Озириса мы избавились, а Железного Генерала, который мог бы нас преследовать, больше не существует. Тот теперь находится именно в том положении, в котором нам нужно.

— Хайль, Мадрак, новый повелитель Дома Жизни!

— Спасибо, Анубис. Я не думал, что этого будет так легко добиться. Но что с Безымянным?

— Ну уж на этот раз он наверняка должен погибнуть. А, Сет?

— Не знаю. Я нанес удар, используя всю силу жезла.

— Значит, все в порядке. А теперь выслушай меня, Сет. Мы не желаем тебе зла и не собираемся причинять вред твоему сыну Тоту. Мы спасли тебя, когда ты был беспомощен и мог погибнуть...

— Тогда зачем вы меня связали?

— Потому что я знаю твой характер и твое могущество, и я хотел договориться с тобой, прежде чем освободить тебя. Ты просто мог не дать бы мне объясниться, вот я и застраховал себя на всякий случай. Я хочу договориться через тебя с Тотом.

— Лорд! — кричит Мадрак.— Посмотрите на обломки планеты. На них надвигается чудовищная тень.

— Это Тайфун!

— Да. Интересно, что он делает?

— Ты знаешь что-нибудь, Сет?

— Это значит, что он потерпел неудачу и что-то среди руин Безымянного все еще плачет в ночи. Тайфун заканчивает то, что я начал.

— Появился огонь, повелитель, и... нет, я не могу смотреть на эту пустоту, которая появляется...

— Скагганакская пропасть!

— Да,— говорит Сет.— Тайфун — это и есть Скагганакская пропасть. Он выкидывает Безымянного из Вселенной.

— Кто такой Безымянный?

— Бог, старый бог, который, я в этом уверен, не видел вокруг себя ничего божественного.

— Я не понимаю...— говорит Мадрак.

— Он шутит. Но как же Тайфун? Что нам с ним делать?

— Может быть, вам не придется ничего с ним делать,— говорит Сет.— То, что он совершил, скорее всего, кончится тем, что и он будет изгнан из этой Вселенной.

— Тогда мы выиграли, Анубис! Мы выиграли! Тайфун был единственным, кого ты боялся, ведь так?

— Да. Теперь Средние Миры навечно будут в моих руках.

— И в моих, не забывай этого!

— Конечно. Ну так что, Сет, смотри, как перемещаются звезды. Ты присоединишься к нам? Ты станешь правой рукой Анубиса. Твой сын может быть Регентом. Он может сам решать, чем будет заниматься, потому что я не в силах понять всей его мудрости. Что ты скажешь на это?

— Я должен подумать, Анубис.

— Ну конечно, сколько угодно. Однако не забывай, что я сейчас неуязвим.

— А ты не забывай, что я победил бога в битве.

— Он не мог быть богом,— говорит Мадрак,— иначе его нельзя было бы победить!

— Нет. Ты видел его в самом конце. Ты был свидетелем его силы. И даже сейчас он не умер, а только в изгнании.

Мадрак опускает голову и закрывает лицо руками.

— Я тебе не верю! Я не могу...

— Но это правда, и ты принимал в этом участие, продажный священник, хулитель, еретик.

— Замолчи, Сет!— прикрикивает Анубис.— Не слушай его, Мадрак. Он видит твои слабости, как и слабости всех тех, кто имеет с ним дело. Он хочет втянуть тебя в сражение иного рода, где тебе придется бороться с самим собой и быть побежденным тем чувством вины, которое он тебе внушит. Не обращай на него внимания.

— Но что, если он говорит правду? Я стоял и смотрел, как уничтожают Бога, и ничего не предпринял... даже выгадал в результате...

— Вот это справедливо,— говорит Сет.— Вина в основном моя, но по крайней мере я с городостью несу ее. Однако и ты был моим соучастником. Ты стоял и смотрел, думая о своей выгоде, когда Он, которому ты служишь, был избиваем, когда Он стоял на коленях...

Анубис наносит ему страшный удар, который рассекает щеку.

— Насколько я понимаю, ты уже подумал и это твой ответ: ты пытаешься обратить Мадрака против меня. Но у тебя это не получится. Не так уж он глуп, как ты думаешь, правда, папаша?

Мадрак не отвечает, но продолжает глядеть в иллюминатор.

Сет пытается освободиться, но у него ничего не получается.

— Анубис, нас преследуют!

Анубис отходит от Сета, исчезает в темноте. Сильный свет продолжает бить прямо в глаза Сета.

— Это Колесница Десяти,— говорит Анубис.

— Леди Изида?— спрашивает Мадрак.— Зачем она следует за нами?

— Потому что Сет когда-то был ее любимым. Возможно, и сейчас тоже. Ну что, Сет, не поделишься?

Но Сет не отвечает.

— Как бы там ни было,— говорит Мадрак,— она приближается. Много ли сил у Ведьмы? Может она чем-нибудь повредит нам?

— Не знаю, как там насчет ее силы, но она боялась своего старого Лорда Озириса, избегая его много столетий — а уж у меня сила никак не меньше, чем у Озириса. Нас не победит какая-то женщина, тем более что мы уже зашли так далеко.

Мадрак наклоняет голову, что-то бормочет и начинает бить себя кулаками в грудь.

— Прекрати это! Ты смешон!

Но Сет смеется, и Анубис с рычанием поворачивается к нему.

— Я вырву твое сердце!

Но Сет поднимает свою окровавленную левую руку, которую он только что освободил, и держит ее перед собой...

— Только попробуй, собака! Одна твоя рука против моей! Твой посох и любое другое оружие — против левой руки Сета! Подойди ближе!

Глаза его сверкают, как солнца-близнецы, и Анубис отступает назад, вне пределов, куда может достать рука Сета.

Свет продолжает вращаться и сверкать.

— Убей его, Мадрак!— кричит Анубис.— Он больше нам не нужен! На тебе перчатка, управляющая энергией! Он не сможет выстоять против нее.

Но Мадрак отвечает:

— Прости меня, Сущий или Существующий, Где бы Ты Был или Не Был, за мои проступки и дела, которые я делал или не делал, или должен или не должен был делать, за то, что только что произошло,— говорит он, все еще ударяя себя в грудь.— И в том случае, если...

— Тогда дай перчатку мне!— кричит Анубис.— Быстро!

Но Мадрак продолжает говорить, не слыша его.

Весь шар начинает дрожать, а так как маги и поэты умеют прекрасно это делать, то двойная дверь со множеством запоров распахивается, и входит Брамин.

Он машет в воздухе своей тростью и улыбается.

— Как поживаете? Как поживаете?

— Свяжи его, Мадрак!— кричит Анубис.

Но Брамин идет вперед, а Мадрак смотрит в окно и что-то бормочет.

Тогда Анубис поднимает свой посох.

— Ангел Седьмого Поста, Падший, изыди!— говорит он.

— Ты пользуешься моим старым титулом,— говорит Брамин.— Теперь я Ангел Дома Мертвых.

— Ты лжешь.

— Нет. Согласно назначению Принца, я сейчас занимаю твой прежний пост.

Мощным рывком Сет освобождает правую руку.

Брамин играет подвеской Изиды, и Анубис пятится от него.

— Мадрак, я велю тебе убить этого человека! — кричит он.

— Брамина? — удивляется Мадрак. — О нет, не Брамина. Он хороший. Он мой друг.

Сет особождает свою правую ногу.

— Мадрак, если ты не желаешь убивать Брамина, тогда подержи Сета!

— Тот, кто, возможно, Отче Наш и кто, может быть, сущий на небесах... — монотонно тянет Мадрак.

Затем Анубис обнажает клыки, рычит и наставляет на Брамина свой посох, как базуку.

— Ни шагу дальше, — объявляет он.

Но Брамин делает еще один шаг.

Ярчайшая вспышка света освещает его, но красные лучи из подвески гасят его.

— Слишком поздно, пес, — говорит он.

Анубис кружит, продвигаясь ближе к иллюминатору, у которого стоит Мадрак.

Сет освобождает свою левую ногу, потирает ее, встает.

— Ты, труп, — говорит Сет и идет вперед.

Но в эту самую минуту в Анубиса вонзается острие ножа Мадрака, протыкая шею сзади и проходя насквозь.

— Я не хотел зла, — говорит Мадрак, — так я честно оплачиваю свою вину. Собака совсем запутала меня. Я раскаиваюсь. Я дарю вам его жизнь.

— Ты глупец! — говорит Брамин. — Я хотел взять его в плен.

Мадрак начинает плакать.

Короткими струями кровь течет из Анубиса на пол шара.

Сет медленно опускает голову и потирает глаза.

— Что дальше? — спрашивает Брамин.

— ... да святится Имя Твое, если у тебя есть Имя и желание, чтобы его святили... — продолжает тянуть Мадрак.

Сет не отвечает, закрыв глаза и погрузившись в сон, который продлится много дней.

Фемина экс-машина

У нее большой живот, потому что она тяжела ребенком, и она лежит внутри машины. Стена комнатки отодвинута в сторону. Провода отпадают с ее головы и спины, разрывая ледяную логику, ячейки памяти, вожделение сексокомпа, трубки для внутривенного питания. Она депрограммируется.

— Принц Гор...

— Мегра, отдыхай.

— Ты снял с меня заклятье.

— Кто сделал с тобой эту ужасную вещь?

— Ведьма Лоджии.

— Мать! Она всегда была дикаркой, Мегра. Мне очень жаль.

Он кладет на нее свою руку.

— Но почему она так поступила?

— Она сказала мне то, чего я не знала: что я тяжела ребенком Сета и что именно по этой причине...

— Сет!

И пальцы Гора впиваются в металлический стол и гнут его поверхность.

— Сет... Он взял тебя силой?

— Не совсем.

— Сет... А что ты чувствуешь по отношению к нему сейчас?

— Я ненавижу его.

— Этого вполне достаточно.

— Ему совершенно безразлична жизнь...

— Я знаю. Я не буду больше расспрашивать тебя о нем. Ты отправишься со мной в Дом Жизни, Мегра из Калгана, и останешься там навсегда.

— Гор, Гор, я боюсь, что мне придется рожать здесь. Я слишком слаба, чтобы отправиться в далекий путь, а мое время очень близко.

— Ну что ж, быть по сему. На некоторое время мы останемся на этом месте.

И она хватается обеими руками за живот и закрывает свои глаза кобальтового цвета. Свет машины заставляет щеки ее пылать алым румянцем.

Гор сидит рядом с ней.

Скоро она выплачется.

Свадьба между Раем и Адом

Цитадель Марачека, безлюдная, с людьми, опять безлюдная. Почему? Послушайте...

Сет твердо стоит на ногах и смотрит на чудовище, которое кидается на него.

Долгое время сражаются они там, во дворе Цитадели.

Затем Сет ломает ему позвоночник, чудовище лежит на земле и стонет.

Глаза его сверкают как солнце, и опять он поворачивается, собираясь идти туда, куда направляется с самого начала.

Тогда Тот, его сын, его отец, Принц Имя Которому Тысяча, опять открывает бутылку с мгновенно растущими чудовищами и берет оттуда еще одно семя.

Он кидает его в пыль, и еще одно чудовище вырастает под его рукой и кидается на Сета.

Глаза Сета, сверкающие сумасшествием, падают на это новое создание, и опять начинается сражение.

Стоя над трупом, Сет наклоняет голову и исчезает.

Но Тот следует за ним, кидая все новых и новых чудовищ, и духи Сета и чудовищ, с которыми он сражается, яростно проносятся в мраморной памяти, что была разрушенным и восстановленным Марачеком, самым древним городом.

И каждый раз, когда Сет уничтожает чудовище, он опять обращает взгляд в то пространство, в тот момент, когда он бился с Безымянным и уничтожил мир и где встает на дыбы и сверкает темная тень лошади его сына, и он пытается попасть в то пространство в тот момент, еще до аннигиляции планеты.

Но Тот следует за ним, отвлекая его чудовищами.

И все это потому, что Сет — это разрушение, и он уничтожит самого себя, если под рукой или в поле зрения, во времени или пространстве не окажется чего-нибудь другого. Но Принц мудр и понимает это. Вот почему он следует за своим отцом по этому темпоральному пути к алтарю аннигиляции, пробудившись из транса битвы с Тем Что Плачет в Ночи. Потому что Тот знает: если ему удастся отвлечь его достаточно долгое время, возникнут другие проблемы, которые потребуют внимания Сета. Ведь проблемы возникают всегда.

Но сейчас они двигаются сквозь время, заполняя, возможно, все время, начиная с этого момента: мудрый Принц и его враг — смертоносный отец-сын, всегда обходя стороной пропасть, которая называется Скагганакской, сына, брата, внука.

Вот почему духи Сета и чудовищ, с которыми он сражается, яростно проносятся в мраморной памяти, что разрушенный и восстановленный Марачек — самый древний город.

Сон Ведьмы

Она спит в Доме Мертвых, в глубоком, темном, далеком склепе, и сознание ее — тающая и пропадающая снежинка. Но моторный цикл, который называется Временем, открывает картину прошлого, проносясь мимо, и там, в том самом зеркале, появляются битвы последних дней: мертвый? Озирис и ушедший Сет. И там же зеленый смех Брамина, Брамина — сумасшедшего и поэта. Вряд ли такой Лорд может подойти Ведьме Лоджии. Лучше не просыпаться. Спать целый век, а там видно будет. Здесь, среди пыльных мумий и выгоревших гобеленов, на самом дне погреба Дома Мертвых, где никто не имеет имен, и не ищет их, и не будет их искать, здесь: спать. Спать, и пусть Средние Миры продолжают заниматься своими делами, не ведая о Красной Леди, которая — Жажда, Жадность, Жестокость, Мудрость, Мать и Любовница изобретений и насильственной красоты.

Создания Света, Создания Тьмы танцуют на ноже гильотины, и Изида боится поэта. Создания Света и Создания Тьмы раскидывают по всей вселенной людей, машины и богов, и Изида в восторге от этого танца. Создания Света и Создания Тьмы рождаются в бесчисленных количествах и умирают в одно мгновение, могут опять ожить, могут не оживать, и Изиде это нравится.

Видя эти сны и страхи, служка прижимается к ней еще плотнее, маленький служка, который плачет в ночи.

Рев проносящегося времени становится постоянным, что тоже можно считать за форму тишины.

Ангел Дома Жизни

Они идут глубокой ночью, пешком. Их трое, и они проходят, не задумываясь о вере или ее отсутствии. Они проходят мимо мест развлечения для многих рас, доходя в конце концов до проспекта Оракулов, и идут по нему, проходя мимо астрологов, нумерологов, гадалок и предсказателей Ии-Чинг.

По мере их продвижения яркий свет меркнет, уступая место тусклому свету и естественной ночи. Чистое небо висит над их головами, и на нем сверкают звезды. Улица становится более узкой, здания наклоняются к ним, канавы заполнены отбросами, дети с ввалившимися глазами, не отрываясь, смотрят на них, почти невесомые в кругах рук своих матерей.

Они пробираются через помойку, идут по ней. И никто не осмеливается остановить этих троих. Физически можно почувствовать силу, от них исходящую, а та решительность, с которой идут они, тоже отличает их. Они идут легко и грациозно, и на них богатые одежды. Они идут там, где скребутся кошки и валяются разбитые бутылки, но когда на них смотришь, то кажется, что всего этого нет и в помине.

Вокруг них сверкают небеса, так свет мира, уничтоженного Сетом, наконец-то дошел до этой планеты, похожей на новую звезду в небе, и обливает ее цветом красным сквозь голубой.

Дует холодный ветер, но они не обращают на него внимания. Слово, обозначающее «сношаться» на девяноста четырех языках нацарапано на двери, но они не замечают его.

Только когда они подходят к полуразвалившейся машине, останавливаются перед неприличным рисунком на двери:

Первый. Это здесь.
Второй. Тогда давайте войдем.
Третий. Да.

Первый дотрагивается до двери тростью с серебряным набалдашником, и она распахивается. Он входит, остальные следуют за ним. Они проходят по коридору, и он дотрагивается до еще одной двери. Она тоже открывается, и они вновь останавливаются.

Гор. Ты!

Тот, чьи глаза сверкают зеленым в тени, кивает.

Зачем ты здесь?

Человек с железным кольцом. Сказать тебе, что твой отец мертв.

Гор. Кто ты?

Человек с железным кольцом. Ты знал меня как Железного Генерала. Я убил Озириса и сам был разбит на куски. Принц собрал меня, и я опять ношу человеческую плоть, по крайней мере сейчас. Я пришел, чтобы сообщить тебе эти новости и чтобы сказать тебе в лицо, что я убил его не ударом в спину, не хитростью, а в открытом и честном бою во время битвы.

Гор. Ты правдив. Среди всех остальных я всегда готов поверить твоему слову. И я не ищу удовлетворения, если это произошло в честной битве. А чем кончилась она?

Толстяк, весь в черном, один глаз которого — серое поворачивающееся колесо. Принц снова управляет Средними Мирами.

Брамин. А мы, его эмиссары, пришли просить тебя вернуться в Дом Жизни, чтобы ты мог править вместо своего отца, как Англел этого Поста.

Гор. Понятно. А что с Сетом?

Брамин. Он исчез. Никто не знает куда.

Гор. Это уже лучше. Да, думаю, я вернусь.

Мадрак. *(падая на одно колено перед Мегрой из Калгана).* Что это за ребенок?

Гор. Мой сын.

Мадрак. Сын Гора. Ты уже дал ему имя?

Гор. Еще нет.

Мадрак. Поздравляю.

Генерал. Да.

Брамин. Желаю счастья.

Гор. Спасибо.

Брамин. Я дарю ему подвеску Изиды, которая обладает большой силой. Я знаю, она будет рада, что ее внуку сделан этот подарок.

Гор. Спасибо.

Генерал. Я дарю ему кольцо, которое — часть моего тела, что служило мне верой и правдой. Когда это было необходимо, оно всегда напоминало мне о человечности.

Гор. Спасибо.

Мадрак. Теперь я должен идти, потому что я начинаю свое паломничество раскаяния. Я дарю ему свой посох, чтобы он мог утешиться, играя с ним. Ведь есть древнее поверье, согласно которому дерево помогает. Хотя я не знаю, почему.

Гор. Спасибо.

Мадрак. Хайль, Ангел Дома Жизни!

Гор. Доброго тебе пути, Мадрак.

Мадрак уходит.

Генерал. А мне надо идти вдохновлять одну революцию, которая здесь готовится. Пойду поищу свою лошадь. Хайль, Ангел Дома Жизни!

Гор. Доброй тебе революции, Генерал!

Генерал уходит.

Брамин. А я отправляюсь в Дом Мертвых, которым теперь управляю. Хайль, Ангел Дома Жизни! В один из дней Принц свяжется с тобой из Марачека. А Ангелы других Постов соберутся, чтобы воздать тебе почести.

Гор. Доброй тебе поэзии и хорошего сумасшествия, Брамин!

Брамин. Спасибо, и по-моему, сказано уже все, что требовалось.

Гор. Да.

Брамин поднимает свою трость, и поэма, падая, сверкает на полу. Гор опускает глаза, чтобы прочитать ее, и когда он вновь их поднимает, зеленый человек уже исчез. Поэма растворяется в воздухе, и Ангел Дома Жизни знает, что все в ней правда, но тут же забывает слова, как и должно быть.

ПОДМЕНЕННЫЙ

Глава 1

Когда среди нападавших лорд Рондовал увидел хромающего старого Мора, он понял, что конец его правления уже близок. Штормовые черные тучи закрыли небо и стало темно. Непрестанно шел дождь, сверкали молнии, удары грома становились все ближе. Но Дет Морсон, стоявший на главном балконе замка Рондовал, не собирался уходить. Он вытер лицо черным шарфом и пробежал рукой по снежно-белым волосам, среди которых выделялась широкая черная прядь, тянувшаяся от лба до затылка.

Он достал искусно сделанный скипетр и вытянул его вперед, держа обеими руками чуть выше уровня глаз. Затем вдохнул и начал говорить.

На его правой руке запульсировало родимое пятно в форме дракона.

Внизу разлился свет, преграждая нападающим путь. Люди отпрянули назад, и только лучники-кентавры проявили твердость. Они выпустили стрелы в его сторону. Когда сильный порыв ветра разметал их по сторонам, Дет расхохотался. Он запел воинственную песню, и тут же на земле, под землей и в воздухе его грифоны, драконы, василиски и демоны стали готовиться к последней битве.

Но старый Мор поднял посох, и свет погас. Дет сокрушенно покачал головой, сожалея об утерянном могуществе. Он повысил голос, и земля содрогнулась. Василиски вылезли из мрачных глубин и ринулись на врагов. Гарпии устремились на них с воздуха, пронзительно крича, осыпая дерьмом и клацая страшными клювами. С флангов на нападающих набросились оборотни. Высоко в горах драконы услышали его призыв и расправили крылья. Но пламя погасло, гарпии были уничтожены стрелами кентавров, василиски от яркого света, лившегося из посоха Мора, мгновенно ослепли и погибли, и лишь драконы, самые разумные, слишком долго спускались с гор и избежали столкновения с нападающими, которые теперь снова двинулись вперед. Дет понял, что счастье отвернулось от него, что слуги уже не помогут ему. Он уже не мог использовать для спасения свое могущество — Мор блокировал все магические выходы, а обычные выходы из замка Рондовал были блокированы людьми, окружившими замок.

Дет снова покачал головой и опустил скипетр. О почетной сда-

че в плен не могло быть и речи. Они жаждали его крови, и при этой мысли его охватила внезапная слабость.

Выругавшись и бросив последний взгляд на нападающих, он вернулся в комнату. На последние приготовления оставалось совсем мало времени. Он решил не пытаться обмануть их инсценировкой самоубийства — это слишком слабо для них. Лучше он возьмет побольше их с собой в могилу.

Дет стряхнул воду с плаща и поспешил вниз. Он встретит их на первом этаже.

Гром грянул уже над самой головой. Яркие молнии сверкали в каждом окне, мимо которого он проходил.

Леди Лидия Рондовал шла так быстро, что ее темные волосы развевались за ней. Повернув за угол, она увидела, что чья-то тень мелькнула и скользнула в дверную нишу. Произнеся заклинание, изгоняющее те нечеловеческие создания, которые могли тут оказаться, она продолжила свой путь по коридору к этой двери. Войдя, она осмотрелась и тут же поняла, что ее заклинания были бесполезны. Перед ней стоял Маусглов, маленький человечек, вор, одетый во все черное. До этого момента леди была уверена, что он заперт в камере в подземелье. Маусглов быстро оправился от испуга и, улыбнувшись, поклонился.

— Очень рад встрече с миледи.

— Как ты выбрался?

— С затруднениями. Уж очень хитрые замки.

Она вздохнула и прижала к себе свой сверток.

— Мне кажется, что ты проделал свой фокус в самое неподходящее время,— сказала она.— Враги стучатся в наши двери. Они вот-вот ворвутся в замок.

— Так вот что это за шум,— протянул он.— В таком случае, может, ты мне покажешь ближайший тайный выход отсюда?

— Боюсь, что они все блокированы.

— Жаль. Может, это и невежливо с моей стороны, но я все же поинтересуюсь, куда это ты спешишь с... Ай!

Он пытался протянуть руку к свертку, но леди Лидия сделала почти незаметный жест, и он тут же отдернул ее и стал дуть на обожженные пальцы.

— Я иду в башню,— сказала Лидия.— Надеюсь, мне удастся вызвать дракона, чтобы он спас меня. Если, конечно, они есть поблизости. Чужих драконы не любят, так что тебя я не приглашаю. Тебе там делать нечего.

— Иди,— сказал он.— Торопись. А мне придется самому позаботиться о себе. Как всегда.

Она кивнула. Он поклонился еще раз, и леди заспешила дальше. Посасывая на ходу обожженные пальцы, Маусглов бросился туда, откуда пришел. У него тоже был план. Ему тоже надо было торопиться.

Когда Лидия дошла до конца коридора, замок начал дрожать. Она пошла вверх по лестнице. Окно на площадке разлетелось вдребезги, и в замок ворвались дождь и ветер. Лидия поднялась

на второй этаж и свернула на винтовую лестницу, ведущую на верх башни. Страшный удар грома оглушил ее, стены угрожающе затрещали. Однако леди продолжала свой путь. Вскоре она ощутила, что башня начала шататься. Лидия заколебалась. На стенах появились трещины, пыль и щебень посыпались сверху. Лестница начала клониться. Сорвав с себя плащ, Лидия завернула в него сверток и бросилась обратно вниз по лестнице.

Лестница наклонилась еще больше. Со всех сторон леди слышала угрожающий скрип. Впереди треснул потолок, и в замок хлынула вода. А дальше внизу был виден вздыбливающийся пол. Лидия без колебаний сунула сверток в образовавшееся в стене отверстие.

И мир под ней провалился.

Когда войска Джареда Кейта по трупам защитников ворвались в главный зал замка Рондовал, из бокового коридора с большим луком в руках вышел лорд Дет. Он выпустил стрелу, и она пробила доспехи Джареда, грудную кость и сердце. Дет отбросил лук в сторону и взял скипетр. Он медленно провел им над головой, описывая круг. Его враги почувствовали, что какая-то невидимая сила отбрасывает их назад.

Но один из них вышел вперед. Это, конечно, был Мор. Его светящийся посох вертелся в руках, как огненное колесо.

— Зачем ты с ними, старик? — спросил Дет. — Это же не твоя война.

— Она стала моей с тех пор, как ты нарушил Баланс, — ответил Мор.

— Ха! Баланс был смещен много тысяч лет назад, и причем в нужном направлении.

Мор покачал головой. Его посох завертелся быстрее. Казалось, руки старика не касаются его.

— Я боюсь вызванных тобой последствий. Нельзя заниматься этим в одиночку.

— Так надо было вдвоем, — Дет медленно наклонил скипетр. Он колебался долю секунды, затем скипетр сверкнул, и из него вырвалось ярко-красное огненное копье. Оно ударилось о сверкающий щит, образованный вращающимся посохом Мора, отразилось от щита и с силой ударилось в потолок.

С грохотом, заглушившим удары грома, потолок треснул и на лорда Рондовала обрушились каменные глыбы, которые свалили его на пол и погребли под собой.

Мор выпрямился. Вращение посоха замедлилось, и он снова стал просто посохом. Мор тяжело оперся на него.

Когда эхо в зале замерло, звуки боя тоже начали стихать. Буря начала удаляться, молний стало меньше, удары грома доносились откуда-то издалека. Ардель, один из лейтенантов Джареда, медленно вышел вперед, пристально глядя на кучу камней.

— Все кончено, — сказал он наконец. — Мы победили...

— Вроде бы да, — ответил Мор.

— Его людей осталось совсем немного.

Мор кивнул.

— ...а драконы?.. И другие его сверхъестественные слуги?

— Теперь они не очень опасны,— мягко ответил Мор.— Я сам ими займусь.

— Хорошо... Что... что это за шум?

Они прислушались.

— Какой-нибудь колдовской трюк,— сказал сержант по имени Маракас.

— Узнай точнее. Сходи и посмотри. Доложи немедленно.

Маусглов в это время прятался за шторами вблизи от лестницы, ведущей вниз, в подвалы. Он хотел вернуться в свою камеру и снова запереться там. Пленник Дета, рассудил он, вправе рассчитывать на доброжелательное отношение. Но он успел добраться только до этого места, когда ворота замка распахнулись, ворвались нападающие и состоялась дуэль магов. Все это Маусглов видел через дырочку в шторах.

И теперь, когда внимание всех было направлено на другое, был самый подходящий момент, чтобы выскользнуть из своего убежища и скрыться в подвал. Но... любопытство пересилило. Он остался.

Вскоре принесли сверток, издающий какие-то звуки. Сержант Маракас держал в руках плачущего ребенка.

— Дет, наверное, приготовил его для жертвоприношения, чтобы добиться победы,— предположил он.

Ардель наклонился и посмотрел на ребенка. Он взял его хрупкую ручонку и повернул ладонью вверх.

— Нет. На его правой руке родимое пятно в форме дракона. Это фамильный знак могущества,— сказал он.— Это ребенок самого Дета.

— О!

Ардель взглянул на Мора. Но старик глядел на ребенка, не замечая вокруг ничего.

— Что мне с ним делать, сэр?— спросил Маракас.

Ардель прикусил губу и сказал:

— Этот знак означает, что ребенок будет колдуном. Даже если ему никто ничего не скажет об отце, он все равно рано или поздно узнает правду. И когда это произойдет, захочешь ли ты встретиться с колдуном, который знает, что ты участвовал в убийстве его отца и уничтожении его рода?

— Понимаю, что ты предлагаешь,— начал Маракас.

— Самое лучшее — уничтожить ребенка.

Сержант отвернулся. Затем сказал после непродолжительного молчания:

— А может, отослать его в отдаленную страну, где никто никогда не слышал о роде Рондовал?

— И где однажды появится путешественник, который обо

всем знает? Нет. Нерешительность может погубить нас. Другого выхода я не вижу. Надо быть решительным и безжалостным.

— Сэр, а, может, просто отрубить ему руку? Это все же лучше, чем убийство.

— Могущество все равно останется,— вздохнул Ардель.— И с рукой, и без руки. К тому же здесь очень много свидетелей. Будут ходить легенды, которые только добавят горя. Нет. Если ты не можешь сделать это сам, среди нас найдется тот, кто...

— Подожди! — это сказал старый Мор. Он как будто очнулся ото сна.— Выход есть. Есть возможность оставить ребенку жизнь и быть уверенным, что твои опасения не сбудутся,— он подошел и тронул ребенка за руку.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ардель.

— Когда-то, тысячи лет назад, у нас были большие города, могучие и умные машины, и к тому же мы обладали магией...

— Я слышал эти легенды,— сказал Ардель.— Но чем нам это может помочь?

— Это не просто легенды. Действительно был катаклизм, после которого мы оставили себе магию, а от всего остального отказались. Теперь все это кажется сказкой, и с тех пор мы ненавидим все, не созданное силами природы.

— Конечно. Ведь это...

— Дай мне закончить. Ключевое решение создало развилку, потому что во вселенной должна сохраняться симметрия, развитие жизни должно параллельно идти различными путями. Так что существует второй мир, во многом подобный нашему, но там отказались от магии и сохранили все остальное. Там наш мир и наш образ жизни является такой же легендой, как у нас — их жизнь.

— И где же этот мир?

Мор улыбнулся.

— Он является контрапунктом в музыке нашей сферы,— сказал он.— Этот мир совсем рядом, за углом, но туда никто не может повернуть. Это другой поворот на развилке сверкающей дороги жизни.

— Колдовские загадки! Как это может нам помочь? Может ли туда кто-нибудь попасть?

— Я могу.

— О! Тогда...

— Именно. Если мы переправим его туда, он останется живым, но могущество не будет иметь для него никакого значения. Ученые будут пытаться объяснить это явление, рационализировать его. Ребенок найдет себе место в жизни и никогда не узнает о нашем мире, не будет даже подозревать о его существовании.

— Отлично. Так сделаем это, если это так просто.

— Этому есть цена.

— Что ты имеешь в виду?

— Закон симметрии, о котором я говорил, должен выполняться. Может произойти только обмен: камень на камень, дерево на дерево.

— Ребенок? Ты хочешь сказать, что в обмен мы получим оттуда ребенка?

— Да.

— А что мы с ним будем делать?

Сержант Маракас откашлялся:

— Мы с женой Мел только что лишились ребенка. Может...

— Хорошо. Пусть будет так.

Ардель кивком указал на скипетр Дета и пнул его ногой.

— А с этим что? Он не опасен?

Мор кивнул, наклонился и поднял скипетр. Он стал вертеть его в руках, что-то бормоча.

— Да,— сказал он наконец, когда ему удалось разделить скипетр на три части.— Его нельзя уничтожить, но если я каждый сегмент помещу в углы магического треугольника Инта, то, возможно, он навсегда лишится могущества. Во всяком случае, восстановить его будет трудно.

— И ты сделаешь это?

— Да.

В этот момент Маусглов выскользнул из-под шторы и бросился вниз по лестнице. Затем остановился и прислушался, боясь услышать окрик. Но ничего слышно не было. Он поспешил дальше.

Добравшись до подвала, Маусглов повернул направо, сделал несколько шагов и остановился. Здесь были не коридоры, а, скорее, естественные туннели. Он не помнил, из какого из них он выбирался отсюда. Может, из правого? Или из этого, который круто поворачивает? Он даже не запомнил, что туннелей было два...

Откуда-то сверху послышался шум. Маусглов решил идти по правому туннелю и заспешил вперед. Здесь было так же темно, как и тогда, когда он выбирался отсюда. Но шагов через двадцать он дошел до крутого поворота, которого не помнил. Но назад идти было уже поздно. А впереди забрезжил слабый свет.

В глубине небольшого алькова горел камин. Рядом лежала вязанка хвороста. Маусглов сунул сук в огонь, подул, чтобы он разгорелся. У него получился импровизированный факел. Он захватил с собой несколько сучьев и отправился дальше по туннелю. Вскоре он пришел к развилке. Левый путь казался более широким, он как бы приглашал Маусглова. И Маусглов пошел по нему. Он опять скоро дошел до развилки, но на этот раз повернул направо.

Через некоторое время он заметил, что туннель постепенно углубляется. Маусглов миновал еще три развилки, а затем комнату в виде пчелиных сотов. После этого он решил оставлять отметки углем на правой от себя стене. Наклон стал более пологим, туннель расширялся, становясь все менее и менее похожим на коридор.

Когда Маусглову пришлось остановиться, чтобы зажечь второй факел, он забеспокоился. Ему казалось, что путь, которым он

выбирался отсюда, был заметно короче. Но и возвращаться назад он тоже боялся. Пройду еще сотню шагов вперед, решил он. Хуже не будет.

Когда он прошел это намеченное расстояние, то оказался перед входом в большую теплую пещеру, из которой как-то странно пахло. Он не мог припомнить такого запаха. Он поднял факел высоко над головой, но дальний конец этой огромной пещеры остался скрытым во мраке. Еще сотню шагов, решил он...

Пройдя их, он решил больше не рисковать, а возвращаться назад тем же путем. Но в этот момент он услышал вдали подозрительный шум, который постепенно приближался к нему и становился все громче. Маусглов понял, что ему надо либо отдаться на милость этих людей, попытавшись, если удастся, объяснить ситуацию, либо спрятаться, погасив факел. Но по своему опыту он знал, к чему может привести встреча с людьми, поэтому стал осматриваться, ища убежища.

По всему замку в эту ночь шла охота за слугами Рондовала. Их ловили и убивали. Драконов и прочих чудовищ, которых невозможно было уничтожить, Мор своим могуществом заколдовал и перенес в глубокие пещеры, где погрузил их в сон на многие столетия.

Однако то, что ему еще предстояло сделать, было гораздо труднее.

Глава 2

Он шел по сверкающей дороге. Вся дорога была усыпана разрядами миниатюрных молний, но это не пугало его. То слева, то справа от него появлялось сияние — это мелькали возле дороги другие миры, другие реальности. Прямо над головой нависал темный купол небес, на котором ровным светом горели звезды. В правой руке он держал посох, в левой — ребенка. Время от времени он проходил перекрестки с мрачными боковыми ответвлениями. Он миновал их, едва бросив взгляд, но на одной из развилок он свернул и пошел по левому пути. Мерцания сразу же стали реже.

Он шел теперь гораздо медленнее, внимательно рассматривая появляющиеся по сторонам дороги изображения. Через некоторое время он совсем остановился и стал всматриваться в открывшуюся его глазам панораму. Он шевельнул посохом, и панорама застыла. Мор смотрел на нее некоторое время, а затем вытянул посох вперед. Картина перед ним стала оживать. Она вырастала, наливаясь цветом и жизнью.

Осень... вечер... Маленький городок... Небольшая улочка... Университет... Он шагнул вперед.

Майкл Чейн, румяный, рыжеволосый, весом в тридцать с лиш-

ним фунтов, ослабил узел галстука и уселся за письменный стол. Левой рукой он пробежался по клавиатуре ЭВМ, и на дисплее появились какие-то фигурки. Майкл изучал их с полминуты, затем подкрутил что-то на задней панели.

Взяв карандаш и линейку, он срисовал фигурку на лист бумаги, откинулся в кресле, пожевал губу, затем что-то исправил.

— Майкл! — сказала высокая черноволосая женщина в вечернем платье.— Ты можешь оторваться от своей работы?

— Но я уже одет, а сиделки все еще нет.

— Она здесь. Завязывай галстук, мы опаздываем.

Майкл вздохнул, положил карандаш и выключил компьютер.

— Хорошо,— сказал он, поднимаясь и застегивая ворот.— Через минуту я буду готов. Хотя на факультетский вечер можно было бы и опоздать.

— Да, но ведь там будет декан.

— Глория,— он покачал головой,— все, что тебе надо знать о Майкле — что последнюю неделю он не находится в реальном мире.

— Давай не будем об этом,— сказала она, выходя.— Я знаю, что ты здесь несчастлив, но с этим ничего нельзя сделать. Относись ко всему проще.

— У моего отца есть фирма,— сказал он.— И она со временем станет моей.

— Но у него совсем нет заказчиков... Идем. Пора.

— Это временно. Раньше все было хорошо, со времен деда, основавшего фирму...

— Знаю, знаю... Все это достанется в наследство нашему Дену, а пока...

Он взглянул на Глорию и спросил мягко:

— Как он?

— Спит. С ним все в порядке.

Он улыбнулся.

— Ладно, давай одеваться. Я буду хорошо себя вести.

Она повернулась и вышла. Он пошел следом за ней. Бледный глаз следил за ними с экрана дисплея.

Мор стоял возле дома, находившегося через улицу от того, который его интересовал. На ступеньках того дома стоял высокий мужчина в темном пальто, сунув руки в карманы и глядя на улицу. Рядом с ним стояла невысокая женщина и разговаривала с кем-то через полуоткрытую дверь.

Наконец, женщина закрыла дверь, повернулась, взяла мужчину под руку, и они пошли по улице. Мор следил за ними, пока они не повернули за угол. После этого он подождал еще немного, чтобы быть уверенным, что они не вернутся, забыв что-нибудь.

Затем он перешел улицу, подошел к двери и постучал посохом.

Дверь спустя некоторое время приоткрылась, оставаясь накинутой на цепочку, и из-за нее на Мора смотрела девушка с темными глазами, в которых не было ни тени подозрения.

— Я пришел, чтобы кое-что забрать и кое-что оставить,— сказал он. Благодаря заклинанию, его язык был понятен девушке.

— Хозяев дома нет. Я сиделка.

— Это хорошо,— сказал он, медленно опуская посох до уровня ее глаз. Дерево слабо запульсировало, сучки и прожилки засветились бледным светом. Взгляд девушки приковался к посоху. Старик зафиксировал ее внимание, а затем медленно поднял посох к своему лицу. Их глаза встретились, и он приковал к себе ее взгляд. Голос его перешел в более низкий регистр.

— Сними цепочку с двери,— тихо сказал он. Она едва заметно шевельнулась, цепочка звякнула и упала.

— Отойди назад,— приказал он.

Лицо исчезло. Он открыл дверь и вошел.

— Иди в комнату и там сядь,— он запер за собой дверь.— Когда я отсюда уйду, ты закроешь дверь на цепочку и забудешь, что я здесь был. Я скажу тебе, когда это сделать.

Девушка ушла в комнату.

Старик пошел по квартире, осторожно заглядывая в комнаты. Наконец, он остановился на пороге детской, в которой было темно. Затем вошел туда, посмотрел на ребенка в кроватке, затем приблизил посох к его головке.

— Спи,— сказал он.— Спи,— и дерево запульсировало слабым светом.

Он осторожно положил своего ребенка на пол, прислонил посох к кроватке, раскрыл и взял ребенка из постели. Он положил его на пол рядом со своим и внимательно осмотрел обоих. В слабом свете, проникавшем через полуоткрытую дверь, он заметил, что этот ребенок был заметно меньше того, которого он принес, и волосы были посветлее. Ну, ничего...

Он быстро поменял их одежду и закутал ребенка из кроватки в свое покрывало. Затем он положил в кроватку последнего лорда Рондовал и долго смотрел на него. Он слегка коснулся пальцами родимого пятна в форме дракона, затем резко отвернулся, взял свой посох и поднял с пола маленького Даниэля Чейна.

Проходя по коридору, он сказал:

— Я ухожу. Закрой за мной дверь и забудь обо всем.

Он вышел на улицу и, отходя от дома, услышал, как звякнула цепочка. Звезды сверкали в просветах между облаками, холодный ветер дул ему в спину. Из-за угла выскочил автомобиль, осветил его фарами, но не остановился, а проехал мимо. По сторонам дороги заиграли огоньки, дома начали терять свою реальность, незыблемость, переставали быть объемными, стали подергиваться рябью.

Сверкание искр усилилось, и тротуар постепенно перешел в сверкающую дорогу, ведущую куда-то в бесконечность. Множество мелких дорожек разбегалось от нее вправо и влево. По сторонам дороги старик видел удивительную мозаику из различных миров. Мозаичные изображения непрерывно менялись, создавая причудливые картины. Иногда Мор видел на боковых дорожках

другие фигуры, не всегда человеческие. Они шли по своим делам, таким же непостижимым, как и его дело.

Когда он приблизился к своему миру, посох его начал светиться. Из-под ног у него вылетали молнии.

Глава 3

Шло время. Когда мальчику было уже шесть лет, заметили, что он не только пытается исправить то, что сломал, но и что это ему часто удается. Мал показала мужу кухонные щипцы, отремонтированные мальчиком.

— Не хуже, чем это сделал бы в кузнице сам Винчи,— сказала она.— Мальчик будет хорошим мастером.

Маракас осмотрел щипцы.

— Ты видела, как он это сделал?

— Нет. Я слышала, что он стучит молотком, но не обращала на это внимания... Он вечно возится с железками.

Маракас кивнул и отложил щипцы в сторону.

— Где он сейчас?

— Думаю, что плещется в оросительном канале.

— Я схожу туда, похвалю его за щипцы,— сказал он, подходя к двери и открывая ее.

На пороге он завернул за угол и пошел по дорожке мимо огромного дерева по направлению к полю. В траве жужжали насекомые, весело щебетали птицы. Он шел и с гордостью думал о своем приемыше. Сильный, здоровый мальчик — и очень умный.

— Марк! — позвал он, подойдя к каналам.

— Я здесь,— раздалось откуда-то справа.

Он отошел в ту сторону.

— Где? — переспросил он.

— Внизу.

Он подошел к каналу и заглянул вниз, чтобы увидеть Марка и посмотреть, чем он занят. Он увидел, что мальчик поставил поперек канала ровную круглую палку, а в центре палки закрепил колесо с лопатками. Водный поток ударял в лопатки и крутил колесо. Странный трепет охватил Маракаса при виде этого сооружения. Он не смог разобраться, что это было за чувство, но постепенно, пока он наблюдал за вращением колеса, оно сменилось чувством гордости за своего сына.

— Что это ты сделал, Марк? — он уселся на насыпь.

— Колесо,— мальчик улыбнулся.— Вода вертит его.

— А что оно делает?

— Ничего. Просто вертится.

— Это очень интересно?

— А разве нет?

— Ты очень хорошо сделал щипцы.— Маракас сорвал травинку и сунул ее в рот.— Твоей матери очень понравилось.

— В этом не было ничего сложного.

— Тебе нравится делать вещи?

— Да.

— Ты хотел бы заниматься этим всю жизнь?

— Наверное.

— Старый Винчи ищет себе ученика в кузницу. Если ты считаешь, что тебе нравится работать с железом, я могу поговорить с ним.

— Поговори,— Марк улыбнулся.

— Лучше ведь делать настоящие вещи, а не игрушки, а?— Маракас кивнул на колесо.

— Это не игрушка,— Марк повернулся к своему творению.

— Но ты же сказал, что оно ничего не делает.

— Оно может делать. Я придумаю, как заставить его работать.

Маракас рассмеялся. Он встал, потянулся, бросил травинку в воду и понаблюдал, как вода уносит ее.

— Скажешь мне, когда придумаешь.

Он повернулся и пошел обратно к дому.

— Скажу,— задумчиво ответил малыш, не отрывая взгляда от вращающегося колеса.

Мальчику уже исполнилось 6 лет. Он вошел в кабинет отца, чтобы еще раз посмотреть на странную машину, с которой работал отец. Может, в этот раз...

— Ден! Выйди отсюда!— крикнул его отец, Майкл Чейн, даже не повернувшись к нему.

На экране дисплея маленькая фигурка вдруг заплясала, поползла вниз и превратилась в прямую линию. Рука Майкла лихорадочно забегала по пульту управления, пытаясь восстановить изображение.

— Глория! Забери его отсюда! Опять то же самое.

— Отец,— начал Ден,— я не хотел...

Майкл повернулся к нему:

— Я же говорил тебе: не заходи сюда, когда я работаю.

— Я знаю. Но я думал, что на этот раз...

— Ты думал! Пора уже слушаться старших.

— Прости...

Майкл Чейн начал подниматься со стула, и Ден мгновенно выскочил за дверь. Он услышал за спиной шаги матери, повернулся и обхватил ее руками.

— Прости меня,— сказал он.

— Опять?— спросила Глория, глядя на мужа.

— Опять,— вздохнул тот.— Этот ребенок — настоящий генератор помех.

На столе вдруг задребезжал стаканчик с карандашами. Майкл повернулся и изумленно посмотрел на него. Стаканчик дернулся, повалился на бок и медленно покатился к краю стола. Майкл бросился, чтобы поймать его, но не успел и только сильно ударился о край стола.

— Уведи его отсюда! — крикнул он в бешенстве.

— Идем, — сказала Глория, уводя мальчика. — Мы знаем, что ты не виноват.

Распахнулось окно. Со стола полетели бумаги. Что-то треснуло, и из шкафа вывалилась книга.

— В этом нет ничего сверхъестественного. Такое иногда случается, — закончила она, когда они с мальчиком выходили из комнаты.

Майкл вздохнул, закрыл окно, собрал рассыпавшиеся бумаги. Когда он снова сел за ЭВМ, она уже работала нормально. Он посмотрел на нее с раздражением. Он не любил того, чего не мог понять. Может, мальчик излучает какие-то волны? И это излучение становится более сильным, когда он обижен или раздражен? Майкл уже пытался обнаружить излучение, но датчики барахлили и выходили из строя.

— Ну вот, опять ты обидел его, — сказала Глория, входя в комнату мужа. — Мальчик плачет, и в доме все ломается. Если бы ты был с ним помягче, может быть, все было бы не так плохо. Я обычно вывожу его из этого состояния с помощью ласки.

— Во-первых, — сказал Майкл, — я вовсе не уверен, что делаю что-то не так или неправильно. А во-вторых, это всегда происходит слишком внезапно.

Она рассмеялась, и он тоже.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец, — пойду, поговорю с ним. Я знаю, что он не виноват, и не хочу, чтобы он чувствовал себя несчастным.

Он подошел к двери и остановился.

— Но я все думаю... — начал он.

— Я знаю, — ответила она.

— Уверен, что у нашего ребенка сначала не было этого странного родимого пятна.

— Ну, хватит, не начинай этого снова, пожалуйста.

— Ты права.

Он вышел из кабинета и пошел к комнате Дена. До его ушей донеслись мягкие звуки гитары. Один аккорд, другой. И довольно чисто. Он удивился, что малыш так быстро научился играть на большой гитаре. Это было странно. В их роду никто не обладал музыкальными способностями.

Майкл осторожно постучал в дверь. Музыка прекратилась.

— Да?

— Можно мне войти?

— Конечно.

Майкл открыл дверь и вошел. Ден полулежал на постели. Гитары видно не было. Наверное, под кроватью.

— Ты очень хорошо играл.

— Всего несколько звуков.

— А почему ты перестал?

— Тебе же не нравится.

— Я так не говорил.

— Я это и так знаю.

Он сел рядом и потрепал его по плечу.

— Ты не прав. Каждый должен делать то, что ему нравится Я, например, люблю свою работу. Ты пугаешь меня, Ден. Я не знаю, почему это происходит, но когда ты проходишь мимо, машины просто сходят с ума. А то, что я не понимаю, меня пугает. Но ты не думай, что я на тебя злюсь. Я кричу от неожиданности и удивления.

Ден прижался к нему, посмотрел ему в лицо и улыбнулся.

— Ты не сыграешь что-нибудь для меня? — спросил отец.— Я послушаю.

— Не сейчас,— мальчик покачал головой.

Майкл окинул взглядом комнату, шкафы с красочными книгами, приемник. Затем посмотрел на Дена. Мальчик потирал руку.

— Болит? — спросил отец.

— Нет. Просто как-то странно пульсирует пятно.

— Часто?

— Иногда. Когда случается то, что пугает тебя,— он махнул рукой на дверь комнаты.— Сейчас это пройдет.

Отец взял руку мальчика, внимательно осмотрел пятно. Родимое пятно в форме дракона.

— Доктор сказал, что можно не беспокоиться, ни к чему плохому оно не приведет.

— Сейчас уже все нормально.

Майкл долго смотрел на руку, затем погладил ее, выпустил и улыбнулся.

— Тебе что-нибудь нужно, Ден?

— Ну... еще книжек.

— Это все, что тебе нужно? — Майкл рассмеялся.— Ладно, как-нибудь мы с тобой заглянем в книжную лавку, и ты сам выберешь, что хочешь.

Наконец Ден улыбнулся.

— Спасибо.

Майкл слегка толкнул его в плечо и встал.

— ... Я больше не буду заходить в твой кабинет, отец.

Майкл еще раз ласково потрепал плечо сына и вышел, оставив его на постели. Когда он дошел до своего кабинета, он снова услышал мягкие звуки гитары.

Когда мальчику было уже 12 лет, он сделал лошадь, которая двигалась сама при помощи пружины. Все свое свободное время он работал в кузнице, что-то ковал, рубил, резал, шлифовал. И вот теперь лошадь танцевала на полу перед ним и Норой Вейль, девятилетней соседской девочкой. Она захлопала в ладоши, когда лошадь повернула голову и как бы посмотрела на них.

— Это прекрасно, Марк! — воскликнула она.— Это прекрасно! Ничего подобного никогда не было, разве что в старину.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросил он.

— Ты сам знаешь. Когда-то, очень давно, у людей были разные умные вещи, вроде этой.

— Но ведь это сказки. Разве не так?

Она покачала светловолосой головой.

— Нет. Мой отец был в одном из запрещенных мест, к югу от горы Маунвил. Там все еще валяются всякие сломанные машины, каких люди теперь делать не могут,— она посмотрела на лошадь, движения которой стали медленнее.— Может, даже такие, как эта.

— Это интересно. Но я не понимаю... И они все еще лежат там?

— Так говорил мой отец.

Мальчик посмотрел в глаза Норы, и она отвела взгляд.

— Знаешь, эту лошадь, наверное, лучше никому не показывать.

— Почему?

— Люди могут решить, что ты копался в запрещенных вещах и изучал их.

— Это глупость,— сказал он, когда завод пружины кончился и лошадь упала.— Самая настоящая глупость.— Он помолчал.— Пожалуй, я подожду, пока не сделаю что-нибудь получше, что обязательно понравится людям.

Следующей весной он продемонстрировал друзьям и соседям мельницу, которая работала за счет движения воды в оросительном канале. Две недели люди спорили об этой мельнице, а затем решили разобрать ее.

— Я придумаю еще что-нибудь. Что-нибудь такое, что им обязательно понравится,— сказал он Норе.

— Зачем?— спросила Нора.

— Чтобы они, наконец, поняли!

— Что поняли?

— Что прав, конечно, я, а не они.

— Этого люди никогда не поймут.

— Посмотрим,— рассмеялся он.

Мальчику было уже 12 лет. Он, как обычно, взял гитару и пошел в маленький парк, расположенный в самом центре города, созданного из пластика, стекла и бетона, в котором жила теперь его семья.

Он потрогал пыльное синтетическое дерево, пересек искусственную лужайку, на которой была голографическая картина травы и цветов, и сел на пластиковую скамейку. Из скрытых динамиков доносилось пение птиц. В воздухе порхали искусственные радиоуправляемые бабочки. Аромат цветов наполнял воздух из скрытых аэрозольных распылителей. Он вынул из футляра гитару, настроил ее и начал играть.

Бабочка, пролетавшая слишком близко, выпорхнула из управляющего луча и упала на землю к его ногам. Он нагнулся, чтобы рассмотреть ее поближе. Проходившая мимо женщина бросила к его ногам монету. Он выпрямился и, глядя вслед женщине, пробежал рукой по волосам. Серебряные волосы, которые рассыпа-

лись, когда он нагнулся, легли теперь на место и закрыли широкую черную прядь, проходившую широкой полосой от лба до затылка.

Юноша прислонил гитару на колени и стал играть правой рукой очень сложную композицию. Внезапно рядом с ним села птица — настоящая птица! Ден от изумления чуть не перестал играть. Он перешел на простую мелодию, чтобы полюбоваться птицей.

Иногда он играл на гитаре прямо на крыше дома, там, где гнездились птицы, прямо под звездами, мигающими ему с неба. Он не раз слышал попискивание птиц недалеко от себя, но ни разу не видел их. Может, их отпугивала аэрозольная установка? Теперь он с любопытством смотрел на птицу, которая попрыгала возле него по земле, затем подскочила к лежащей на земле бабочке и схватила ее, но тут же поняла, что эта бабочка несъедобна, бросила ее и попрыгала прочь. Вскоре она поднялась в воздух и улетела.

Ден снова перешел на сложную мелодию, затем начал петь, пытаясь заглушить городской шум. Красный шар солнца пылал над его головой. Время от времени весь парк начинал вибрировать — это под землей проносились поезда метро. После того, как он несколько раз сфальшивил, Ден понял, что у него начал ломаться голос.

Глава 4

Марк Маракcон, ростом уже в шесть футов и все еще продолжающий расти, с крепкими, как у каждого кузнеца, мускулами, вытер руки о полотенце, откинул со лба непослушные огненно-красные кудри и подошел к машине.

Еще раз он проверил топку, подрегулировал клапан давления, затем уселся за руль управления. Машина дернулась, когда он открыл клапан, и выехала из сарая. Марк поехал по расчищенной вдоль дороги полосе. Он счастливо улыбался, ощущая своими руками мощность машины. Затем резко повернул руль и снова обрадовался, что она легко подчиняется ему. Это было уже шестое испытание его самодвижущейся тележки, и по-прежнему все работало превосходно. Первые пять поездок он совершал тайно, но на этот раз...

Он громко рассмеялся. Да, пришло время удивить жителей деревни, показать, что могут сделать умелые руки и умная голова.

Марк еще раз проверил давление пара. Все в норме...

Для поездки утро было превосходным — солнце, легкий ветерок, весенние цветы по сторонам дороги.

На больших рытвинах Марка немилосердно подбрасывало, и в голове у него билась мысль о системе мягкой подвески. Это будет великий день.

Он мчался по дороге, изредка подкидывая дрова в топку, и представлял себе выражение лиц людей, когда они впервые увидят его машину. Вдалеке на поле фермер бросил свою лопату

и выпрямился, завидев это чудо, но он был слишком далеко, и Марк не мог насладиться его удивлением. Ему сразу захотелось встроить в машину свисток или колокол.

Приблизившись к деревне, он сбавил ход и поехал по обочине. Ему хотелось въехать прямо на центральную площадь, остановиться, встать на сиденье и сказать: «Откажитесь теперь от своих лошадей! Для вас настали новые времена!..»

Он услышал восторженные крики ребятишек. Вскоре их за ним бежала уже целая толпа. Они что-то спрашивали, он пытался что-то отвечать, но из-за шума машины не было слышно ни вопросов, ни ответов.

Свернув на единственную улицу деревни, Марк поехал еще медленнее. Встречная лошадь шарахнулась от машины и опрокинула телегу. Марк увидел, как к нему подбежали люди, услышал, как захлопали двери.

Завыли собаки, залились лаем и бросились за ним. Дети не отставали ни на шаг. Доехав до площади, он остановился и осмотрелся.

— Можно нам покататься? — спрашивали дети.

— Потом,— ответил он, осматривая машину. Все было в полном порядке.

Из домов выходили люди и смотрели на него, но на лицах их было совсем не то выражение, которого он ожидал. Некоторые из них побледнели, на лицах других был страх, иные смотрели с гневом.

— Что это? — крикнул ему один из жителей.

— Паровая машина,— ответил Марк.— Она...

— Убери ее отсюда! — крикнул другой.— Она вызовет на нас проклятье.

— Но здесь нет никакой злой магии!

— Убирайся отсюда!

— Привести в деревню эту проклятую машину...

Ком земли ударил в котел.

— Вы не понимаете...

— Убирайся! Убирайся!

Полетели камни. Люди стали приближаться. Марк обратился к человеку, которого хорошо знал:

— Джед! — крикнул он.— Ведь это не магия! Здесь просто пар от кипящей воды! Это почти что чайник!

Джед ничего не ответил. Он молча шел вместе с людьми, которые угрожающе приближались.

— Сейчас мы вскипятим тебя, ублюдок! — крикнул кто-то. Они стали кидать камнями по машине.

— Стойте! Перестаньте! Вы же сломаете ее! — закричал Марк.

Давление пара в котле было высоким, а прочность его не была рассчитана на удары камней. Марк понял, что сейчас произойдет, и выпрыгнул из машины.

— Идиоты! — падая на землю, закричал он; затем покатился по земле и ударился обо что-то головой, но сознания не потерял.

Он увидел, как котел взорвался, и полетели угли из топки. Несколько капель горячей воды обожгли его, но основная масса кипятка хлынула в канаву, не коснувшись его.

— Идиоты! Идиоты! Идиоты! — как бы со стороны слышал он свой голос. Затем сознание его помутилось.

Когда он снова пришел в себя, то почувствовал запах дыма и услышал треск пламени. Машина была охвачена огнем. Вокруг стояли люди и смотрели, как она горит. Спасти ее никто не пытался.

— ...умного человека, чтобы изгнать из нее бесов,— услышал он женский голос.— Дети, отойдите подальше! Ее нельзя трогать.

— Идиоты,— прошептал он и попытался подняться.

Маленькие руки мягко придержали его.

— Не привлекай к себе внимания, лежи тихо.

— Нора?

Он посмотрел на нее и только сейчас понял, что она прикладывает к его голове холодную мокрую тряпку.

— Да. Пока отдыхай и собирайся с силами. Затем уйдем отсюда. Надо скорее уходить.

— Они не понимают...

— Знаю, знаю. Это почти как та лошадь, которую ты сделал в детстве.

— Да.

— Я понимаю тебя.

— Будь они прокляты,— выругался он.

— Нет. Просто они думают не так, как ты.

— Я докажу им!

— Только не сейчас. Готовься уходить отсюда. А затем, я думаю, тебе лучше вообще исчезнуть на некоторое время.

Не отрывая глаз, он смотрел на горящую тележку, на лица людей, собравшихся вокруг нее.

— Наверное, ты права,— сказал он, наконец.— Будь они прокляты. Я готов. Пойдем отсюда.

Она взяла его за руку. Он поморщился и отдернул руку. Девушка сказала:

— Извини. Я не заметила, что рука обожжена.

— Я тоже. Ну, ничего. Пошли.

Девушка помогла ему подняться, и они пошли, скрываясь за кустами и домами.

Он покорно шел за ней, не спрашивая, куда она его ведет. Когда они остановились для отдыха, Марк сказал:

— Спасибо. Пожалуй, ты права. Я уйду отсюда на некоторое время.

— Куда?

— На юг.

— О, нет. Не надо. Там очень страшно,— девушка посмотрела ему в глаза.— Нет, нет.

Юноша шагнул к ней и обнял ее. Она вся напряглась, но затем расслабилась, покоряясь его объятиям.

— Я вернусь за тобой,— сказал он.

Он шел, и деревья становились все ниже, а земля все суше. Уже меньше было растительности и больше пустошей. Почва стала каменистой и было здесь заметно тише, чем на его родине. Он шел и не слышал ни пения птиц, ни журчания воды в ручейках, ни хруста сучьев под ногами животных.

Его рука уже зажила. Бинт с головы он тоже давно снял. Его походка стала более твердой, несмотря на слабость, которая его не покинула. На горизонте показалась цепь гор.

Уже удлинялись тени, наступал вечер. За спиной он нес небольшой мешок, а на поясе болталась фляга с водой. Одежда его была грязной, руки и лицо тоже. Но он улыбался и продолжал идти вперед.

Он не верил, что здесь водятся, как уверяли люди, демоны и другие чудовища, однако был вооружен коротким мечом, который сам выковал себе когда-то, когда был еще слабым и меньше ростом. Теперь он казался Марку игрушкой, с которой он обращался с удивительной ловкостью и скоростью. Он затратил очень много времени на обучение фехтованию и испробовал много мечей, и это дало ему возможность стать хорошим мастером по оружию. Марк не забыл взять этот меч, когда возвращался в кузницу, чтобы собраться для побега. Теперь же, когда он приближался к запретной зоне, он не ощущал необходимости в нем, так как земля вокруг была пустынна. Однако он заметил, что несмотря на искусство, с которым был обработан меч, он значительно уступал по качеству кускам металла, которые он время от времени находил здесь.

Один из таких кусков он нес в руке и по пути изучал его. Это был какой-то очень прочный сплав, легкий и, как выяснилось после того, как Марк очистил его от грязи, совершенно не подвергшийся коррозии. Что за силы создали этот сплав? Какие температуры? Какие давления? Марк понял, что здесь когда-то существовало что-то могущественное и развитое.

К вечеру он подошел к сохранившемуся остову гигантского здания. Он не мог даже представить себе, что могло бы быть внутри. Когда он остановился, осматривая здание, ему дважды послышались какие-то звуки. Хотя он не заметил ничего подозрительного, ночевать он решил подальше от развалин.

Он никак не мог решить, отпугнет ли костер или привлечет тех, кто обитает в этих краях. Но отсутствие достаточного количества дров для костра убедило его обойтись без огня. Он поел всухомятку и, завернувшись в одеяло, пристроился спать на уступе на высоте футов 8 над землей. Меч он положил рядом.

Марк не смог бы сказать, сколько времени он спал, но ему показалось, что прошло несколько часов, прежде чем он проснулся от царапающего звука. Он мгновенно пришел в себя и рука его потянулась к мечу. Марк повернул голову и увидел, что что-то движется между камней. Двигалось оно в направлении к нему. Его состоящее из сегментов тело блестело в лунном свете. Оно провор-

но пробиралось между камнями, перебирая множеством ног. Передняя часть туловища то поднималась, то опускалась. Существо было раза в 3-4 больше его и походило на гигантскую металлическую гусеницу, двигавшуюся по его следу. Верхом на передней части гусеницы сидело что-то скрюченное и похожее на человека. В левой руке оно держало поводья, а правой сжимало древко длинного копья. Гусеница поднялась на задних ногах во весь рост, и голова ее оказалась на уровне уступа, на котором лежал Марк. Затем она качнулась и упала вперед, наклонив голову, как бы вынюхивая след.

Волосы у Марка встали дыбом, кровь заледенела. Он быстро осмотрелся в поиске возможности для побега. Если он поторопится, у него, может, еще есть шанс спастись.

Марк выдохнул воздух и прыгнул вниз на землю, но неудачно — подвернул ногу. Поднявшись на ноги, он, хромая, двинулся к камням, и тут же услышал за собой царапающий звук. Он понял, что существо преследует его, и заковылял вперед со всей скоростью, на которую был способен. И думал о длинном копье в руке неизвестного.

Оглянувшись, Марк увидел, что странный всадник уже близко и занес руку для броска. Но камни были уже рядом. Марк мгновенно бросился под прикрытие камней и услышал, как позади него копье ударилось о камень. Марк тут же побежал дальше, стремясь к тем развалинам, которые осматривал вечером.

Звуки погони не утихали. Чудовище, очевидно, передвигалось быстрее, чем он ожидал. Марк бежал между камнями, все время слыша шум у себя за спиной. Он отчаянно стремился добраться до развалин. Там можно будет спрятаться, да и защищаться там удобнее, чем здесь, на открытом пространстве.

Он обогнул громадный камень и замер. Его рука сама выхватила меч. Еще одно существо, тоже со всадником, выскочило ему навстречу. Оно тоже охотилось за ним. Опасность была совсем близко, в него уже летело копье.

Марк отбил копье в сторону и нанес удар мечом по туловищу гусеницы. Оно зазвенело как колокол и дернулось вперед. Марк отскочил в сторону и ощутил острую боль в колене, а затем бросился на всадника. Лезвие меча вошло во что-то, послышался короткий вскрик. Марк выдернул лезвие, повернулся и побежал.

Шума погони слышно не было, и, когда Марк оглянулся, он увидел гусеницу без всадника, бесцельно бредущую среди камней. Он облегченно вздохнул, но в тот же момент куда-то провалился. Он недолго падал в полной темноте и вскоре приземлился, ударившись плечом обо что-то твердое. Лезвие со звоном выскочило из его руки, но Марк тут же схватил его. Сверху что-то звякнуло, посыпались мелкие камни и комья земли. И вдруг вспыхнул свет, такой яркий, что он невольно зажмурил глаза.

Когда же он, наконец, смог их открыть, он никак не мог понять, где же он находится.

Стол... да, это стол. И стулья. А где же источник света? Неуже-

ли та серая квадратная штуковина с квадратным стеклом, закрепленная на потолке?

Все вокруг него было неподвижно, лишь медленно оседала серая пыль. Он поднялся на ноги и медленно двинулся вперед.

— Здрасте! — прошептал он.

— Да, здрасте! Здравствуйте! — ответил громкий голос.

— Где ты? — спросил Марк, остановившись и осматриваясь.

— Здесь, рядом,— прозвучал ответ. Слова были с каким-то странным акцентом, почти как у жителей севера. Построение фразы тоже было необычным.

— Я не вижу тебя. Где ты?

— У тебя странная речь. Ты чужой? Я справочная и обучающая машина. Компьютер.

— Моя речь кажется тебе странной, потому что прошло много лет,— сказал Марк, внезапно поняв, что перед ним машина, созданная очень давно.— А ты не могла бы приспособиться ко мне? Я с трудом тебя понимаю.

— Хорошо. Тогда говори что-нибудь. Мне нужно много речевой информации для настройки. Расскажи о себе и скажи, что тебе хотелось бы узнать.

Марк улыбнулся и опустил меч. Он дохромал до ближайшего стула и опустился на него, потирая ушибленное плечо.

— Ну, давай,— сказал он.— Что здесь светит?

Перед ним засветился экран. Под толстым слоем пыли появилась схема электропроводки.

— Ты это хотел узнать?

— Не знаю. Вполне возможно.

— Ты знаешь, что это?

— Еще нет. Но с удовольствием узнаю, если ты мне расскажешь.

— Здесь есть все, что нужно для твоего существования, так что я могу рассказать тебе все, что хочешь узнать.

— Кажется, я провалился именно в ту яму, к которой стремился,— ответил Марк.— Я расскажу тебе о себе, а ты мне расскажешь все, что знаешь...

Глава 5

Даниэль Чейн, стройный и крепкий после двухлетних усиленных занятий боксом и регби, увлекался изучением Средневековья. В то же время его отец настойчиво уговаривал его бросить свои музыкальные упражнения и перейти работать к нему в контору.

В тот вечер Даниэль, сидя на высоком стуле, размышлял над многими вещами. Он всегда погружался в мечты и размышления во время игры на гитаре.

В клубе было дымно и душно. Он подыгрывал Бетти Льюис, которая пела зажигательные песни и томительные блюзы. Когда она раскланялась, зал взорвался аплодисментами. Затем она ушла со сцены, и Ден заполнил зал звуками своей гитары. В этом

клубе он играл по субботам, а иногда и по пятницам, исполняя как инструментальные произведения, так и песни. Публика любила его музыку. Петь ему сегодня не хотелось.

Была пятница, и зал был полон только наполовину. Ден узнавал знакомых, сидящих за столиками, и кивал им, здороваясь.

Когда Ден играл, он создавал из клубов дыма под потолком замки, горы, леса, фантастических чудовищ. При этом пятно на его руке загадочно пульсировало. Как ни странно, но никто не замечал этого. Может, все считали это само собой разумеющимся?

Импровизируя, он двинул армию через горы на потолке, затем атаковал ее драконами и полностью разгромил. Войска в панике разбегались. Улыбнувшись, он ускорил темп.

Внезапно он заметил, что локоть одного из сидящих за столиками столкнул кружку пива. Он продолжал играть, но кружка застыла в воздухе, повернулась так, чтобы содержимое ее не выливалось, и плавно опустилась на пол. Когда тот человек обнаружил свою кружку на полу, он громко проявил свое изумление, а Ден продолжал играть, вернувшись в свой фантастический мир деревьев, гор, единорогов и ревущих грифонов.

Джерри, бармен, прислал ему пинту пива. Отхлебнув пива, Ден начал играть мелодию, которую сочинил сам и назвал Миниver Чиви. Затем он запел.

Внезапно он заметил испуганный взгляд Джерри. Джерри отклонился назад, а человек, стоящий перед ним, наклонился вперед, держа в руке стакан и смотря прямо ему в лицо. Ден откинулся на стуле, чтобы лучше видеть происходящее. Он заметил маленький пистолет, завернутый в носовой платок. Ден еще никогда не пытался помешать выстрелу и не знал, сможет ли он это сделать. Конечно, можно помешать нажать на курок. Джерри медленно повернулся к кассе.

Ден посмотрел на тяжелую пивную кружку и заставил ее бесшумно скользить по стойке, при этом пульсация в его кисти с родимым пятном заметно усилилась, затем он перевел взгляд на пустой стул и стал двигать его к стойке, под ноги к незнакомцу. При этом Ден как бы сам переселялся в эти предметы.

Джерри открыл кассу и стал отсчитывать банкноты. Стул уже занял место позади грабителя. Ден снова запел. Замки стали крушиться, драконы взмыли в воздух, войска в панике разбегались.

Джерри вернулся к стойке и протянул незнакомцу толстую пачку денег. Они быстро исчезли в кармане грабителя. Оружие теперь снова было полностью завернуто в платок. Он выпрямился и отклонился от стойки, глаза и оружие были направлены на бармена. Он начал поворачиваться, но неожиданно зацепился за стул и упал. Когда он оказался на полу, кружка соскочила со стойки и упала ему на голову. Удар был сильным, и незнакомец потерял сознание. Пистолет, завернутый в платок, выскользнул из его руки, покатился по полу и исчез под сценой.

Ден закончил песню и отпил еще глоток. Джерри уже вытаскивал деньги из кармана грабителя. Вокруг него столпились люди.

— Это было очень странным.

Ден повернул голову. Это была Бетти Льюис. Она покинула столик, за которым сидела, и сейчас стояла возле сцены.

— Что было странным? — спросил он.

— Я видела, как стул двигался сам — тот, о который он споткнулся.

— А может, его кто-то толкнул?

— Нет,— теперь она смотрела только на него, не обращая внимания на все остальное.— Очень странно все это было. И кружка... Странные вещи происходят, когда ты играешь. Что-нибудь маловероятное, но и малозаметное, хотя, может быть, это только ощущение.

Он улыбнулся.

— Это следствие настроения. Я мастерски играю и потому могу внушать.

Он тронул струны и сыграл аккорд. Она рассмеялась.

— Нет. Я думаю, ты околдовываешь.

— Как Чиви,— кивнул он.— Видениями.

— Все позабыли о нас, никто на нас не смотрит,— сказала она.— Давай сядем.

— Хорошо.— Он положил свою гитару и перенес пиво на ее столик.

— Ты свои песни сам пишешь? — спросила она, когда они сели.

— Да.

— Мне нравится твоя музыка и твой голос. Может, нам сделать несколько номеров вместе?

— Можно, если ты не будешь возражать против тех странностей, которые происходят, когда я играю.

— Мне нравятся странности,— она протянула руку и коснулась его волос.— Эта прядь настоящая?

— Конечно.

— Мне с самого начала показалось, что в тебе есть что-то колдовское.

— А теперь ты в этом уверена?

— Да.— Она рассмеялась.— Я слышала, что ты учишься. Это правда?

— Правда.

— А потом ты будешь заниматься музыкой?

— Трудно сказать,— он пожал плечами.

— Мне кажется, ты бы добился успеха. Ты записывался на пластинки?

— Нет.

— А я записывалась. Но ничего хорошего из этого не вышло.

— Очень жаль.

— Полный провал. Не знаю, почему. Мне очень хочется попробовать с тобой. Надо посмотреть, как это будет звучать. Если получится, то я знаю человека...

— Мои песни?

— Да.

— Хорошо,— он кивнул.— Когда здесь все закончится, пойдем куда-нибудь и попробуем.

— Я недалеко живу. Можем пойти ко мне.

— Отлично.

Он снова отпил пива, осмотрелся и увидел, что грабитель уже начал приходить в себя. Вдали послышались звуки полицейской сирены. Он услышал, как кто-то спросил: «А где пистолет?»

— Когда я слушаю тебя,— сказала она,— у меня возникает странное ощущение, что в нашем мире появляется трещина...

— Может, оно так и есть.

— ...как будто ты проделываешь в нем щель, и я могу заглянуть через нее в другой мир.

— Как бы я хотел сделать эту щель широкой, чтобы я мог пролезть через нее.

— Ты говоришь почти как мой бывший муж.

— Он был музыкантом?

— Нет, он был физиком и любил поэзию.

— И что с ним сталось?

— Он ушел на побережье, в Коммуну. Искусство, ремесла, садоводство и все такое прочее...

— Он просто ушел или звал тебя за собой?

— Он звал меня, но я не хочу пачкать ноги в поросячьем дерьме.

Ден кивнул.

— А я все смотрю, не найдется ли такая щель, чтобы я смог пролезть через нее.

У входа, сверкая своей мигалкой, остановился полицейский автомобиль. Сирена умолкла. Ден уже допил пиво, когда, наконец, нашли оружие.

— Мы с тобой такая парочка, что нас можно хоть сейчас на обложку журнала,— сказала Бетти.— Особенно твоя прядь. Может быть...

Человека с разбитой головой уже уводили. Ден, поднимаясь, сказал:

— Мне нужно спеть что-нибудь. Или твоя очередь?

Она посмотрела на часы.

— Заканчивай ты, а я послушаю.

Он взял в руки гитару. Клубы дыма начали формироваться в причудливые картины.

Глава 6

Огромная механическая птица принесла Марка Мараксона на вершину холма. Марк отвернул рукав рубашки и нажал несколько кнопок на широком браслете, одетом на кисть левой руки.

Птица взлетела в воздух. С помощью кнопок на браслете он управлял полетом птицы и через маленький экран на браслете смотрел на землю сверху глазами птицы.

Он увидел, что дорога впереди свободна. Марк закинул за спину мешок и стал спускаться с холма. Затем он долго шел через лес, после чего вышел на дорогу, идущую по более открытой местности. Птица парила над его головой и казалась всего лишь черной точкой. Теперь он шел мимо возделанных полей, приближаясь к дому отца. Дорогу домой он выбирал очень осторожно.

Его мастерская стояла нетронутой. Марк оставил там мешок и пошел к дому.

Дверь захлопнулась за ним. В доме был такой страшный беспорядок, какого он еще никогда не видел.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул он. — Эй!

Никто не ответил. Он обошел весь дом, но Мелани нигде не было. Он осмотрел окрестности, посмотрел в сараях, в стойле, посмотрел возле оросительных каналов и в поле. Никого. Он вернулся в дом и поискал что-нибудь поесть, однако ничего не нашел, и ему пришлось поесть из того, что он принес сам. Затем он пообщался немного с браслетом, и птица в небесах прекратила кружить и улетела на юг.

Охваченный беспокойством, он стал наводить порядок в доме, затем пошел в мастерскую и приступил к сборке механизма, который принес с собой.

Был уже вечер. Марк уже давно закончил свою работу и отдыхал, когда услышал звук подъезжающей телеги. Он вышел из дома и стал ждать, когда она подъедет.

Он увидел, как Маракас подъехал к сараю и начал разгружать телегу. Марк подошел помочь ему.

— Отец, — сказал он. — Здравствуй!

Маракас повернулся и увидел его. Выражение его лица было совсем тупым. И таким оно оставалось на лице долго, очень долго. По этой замедленной реакции Марк понял, что его отец сильно пьян.

— Марк, — наконец сказал отец, поняв, кто перед ним. Затем сделал шаг вперед. — Тебя долго не было. Полтора года. Почти два. Что с тобой было? Где ты пропадал?

— Это долгая история. Позволь мне помочь тебе.

Он разгрузил телегу, загнал в конюшню лошадей, дал им сена.

— ...И они разломали мою тележку. Я испугался. Я сбежал. Я ушел на юг.

Он запер входную дверь. Солнце было уже совсем возле горизонта.

— Но почему, Марк, ты так долго не посылал мне даже словечка?

— Я не мог. А как... как мать?

Маракас отвернулся, не ответив. Затем, наконец, махнул рукой в сторону кладбища.

— Там...

Немного помолчав, Марк спросил:

— Как это случилось?

— Во сне. Она не мучилась. Идем.

Они прошли на кладбище. В тени небольшого дерева Марк увидел небольшую обложенную камнями могилу. Он остановился рядом с ней и долго молча смотрел на нее.

— Мой побег?.. — спросил он, наконец.— Это из-за меня?

Маракас положил руку ему на плечо.

— Нет, конечно же, нет.

— Такие, как она, всегда незаметны... пока их не лишишься.

— Знаю.

— И потому в доме все не так, как раньше?

— Не секрет, что я начал много пить. Мое сердце не переносит разлуки с ней.

Марк кивнул, опустился на колено и притронулся к камню.

— Теперь, раз ты вернулся, мы сможем работать вместе...— сказал Маракас.

— Вряд ли я смогу.

— У нас теперь другой кузнец.

— Я не хочу быть кузнецом.

— Чем же ты будешь заниматься?

— Совсем другим. Это тоже долгая история. Мать...

Его голос дрогнул, и он замолчал.

— Марк, я туго соображаю, когда выпью. Не знаю, стоит ли тебе это говорить. Ты любил ее, она любила тебя. и я не знаю...

— Что?

— Думаю, что мужчина должен знать о себе все. Знаешь, мы очень хотели ребенка...

Марк медленно поднялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не твой отец. И она тебе не мать. В прямом смысле, конечно.

— Не понимаю.

— Наш ребенок умер. Для нас это было большим горем. И как только появилась возможность взять ребенка, мы его взяли.

— А где же мои настоящие родители?

— Не знаю. Это случилось сразу после войны.

— Я был сиротой?

— Скорее всего, нет. Трудно понять, что говорят эти колдуны. Они не хотели убивать сына старого дьявола Дета и куда-то его перенесли. А в обмен взяли там тебя. Это все, что я знаю. Мы с радостью тебя усыновили, Мел стала намного счастливее, я тоже. Надеюсь, в наших отношениях ничего не изменится? Думаю, ты имеешь право все знать.

— Вы хотели меня,— Марк обнял его.— Немногие могут сказать это о своем ребенке.

— Хорошо, что ты вернулся. Идем домой, найдем какую-нибудь еду.

За ужином они выпили бутылку вина. Маракас вскоре уснул. Марк снова пошел в мастерскую. Птицы, вероятно, уже кружились над ней. Они принесли материалы и оборудование и теперь

только ждали его сигнала, чтобы спуститься. Марк перенес прибор, который собрал, на открытое место и оттуда передал команду.

Из облаков стали спускаться черные птицы, заслоняя звезды. Они приближались к земле и становились все больше. Марк радостно рассмеялся.

За несколько часов он разгрузил их и перенес все в сарай. При этом он до смерти устал. Затем он отослал всех птиц обратно на юг, кроме одной, которая осталась кружить над ним. Покинув мастерскую, перед тем, как идти спать, он снова зашел на кладбище и молча постоял у могилы.

На следующий день Марк собрал небольшой автомобиль, который, как он объяснил Маракасу, энергию для движения берет от солнца. Ему никак не удавалось убедить отца, что здесь обошлось без магии, а то, что он не хотел говорить отцу, откуда взялись части машины, еще больше усилило подозрения старика. Когда Марк заметил, что его объяснения Маракасу безрезультатны, он прекратил их и вернулся к работе. В полдень он нагрузил машину различными деталями и поехал по дороге вдоль канавы. Ему пришлось сделать несколько рейсов, чтобы перевезти оборудование.

В следующие пять дней Марк почти не появлялся на ферме. К полудню шестого он завершил все, что задумал, и поехал в деревню. Он въехал в нее и поехал по улице к площади, на которой когда-то сломали его паровую тележку. Там он включил громкоговорящую систему и взял микрофон.

— Я Марк Маракасон,— начал он, и его голос разнесся по всей деревне.— Я вернулся, чтобы сказать вам то, что вы не захотели слушать раньше, и кое-что еще...

Из окон стали высовываться люди, захлопали двери.

— Эта машина, как и все другие, не приводится в действие демонами. В ней работают только силы самой природы. Я могу построить завод и делать для вас машины, которые будут работать быстрее и лучше, чем любая из ваших лошадей. Я предлагаю бесплатно снабдить машинами каждую ферму и научить всех пользоваться ими. Я хочу, чтобы вы собирали большие урожаи. Я хочу, чтобы все вы стали богатыми, чтобы не было среди вас нищих и несчастных...

Народ выходил на улицу. Он увидел знакомые лица, но были среди них и такие, кого он не знал. Возможно, люди и кричали, но Марк не слышал их. Его голос заглушал все.

— Я могу научить вас выращивать богатые урожаи, обрабатывать почву, удобрять ее, выводить хорошие породы скота. Для вас всегда проблемой было орошение. Я создал систему, в которой автоматические клапаны поддерживают в канавах постоянный уровень воды. Такую действующую систему вы можете увидеть на заброшенной ферме Бренсона. Я хочу, чтобы вы посмотрели на нее и увидели, как она работает. А после этого подумайте над моими словами.

Он говорил, а в машину уже летели палки, камни, комья грязи, но все это не могло причинить ему вреда, и он продолжал:

— Я обработал и засеял одно заброшенное поле. Посмотрите, как хорошо оно обработано, и подождите до урожая. Ручаюсь, вы будете поражены.

Четверо мужчин бросились к нему и ухватились за машину, но их тут же отбросило назад.

— Это электрический удар,— сказал Марк.— Я не такой идиот, чтобы дать вам еще раз сломать мою машину. Черт возьми! Ведь мы же соседи и я хочу вам помочь! Я хочу, чтобы ваша деревня стала самой богатой! И это только начало! Скоро для каждого из вас жизнь будет сказкой. Я сделаю вам машины, которые будут летать по воздуху, плавать под водой! Я создам оружие, с которым вы выиграете любую войну! Я сделаю вам механических слуг! Я...

Крики толпы прерывали даже рев мощной громкоговорящей системы. Полетели тяжелые предметы.

— Хорошо! Я уезжаю!— крикнул он.— Но подумайте над моими словами! Когда вы остынете, они покажутся вам более разумными. Сходите и посмотрите на ферму Бренсона. Я еще вернусь, и тогда мы поговорим.

Машина медленно двинулась. Несколько человек пытались преследовать его, кидали камни, палки, но вскоре они отстали. Марк выехал из деревни.

Он повернул направо и начал подниматься по склону холма. Внезапно он заметил стройную девушку в голубой блузке и серой юбке. Она стояла на обочине и махала ему. Марк узнал Нору, остановился и открыл ей дверь.

— Садись.

Она недоверчиво посмотрела на машину и покачала головой.

— Нет. Я знала, что ты здесь поедешь, и прибежала тебя предупредить.

— Предупредить?

— Они очень злы...

— Я знаю.

Она сердито стукнула кулаком по ладони.

— Не перебивай! Слушай! Ты мог слышать, о чем они говорили?

— Нет. Я...

— Уверена, что в этом шуме ты ничего не слышал. А я слышала и знаю, что они не желают смотреть, что ты сделал, и не собираются успокаиваться. Думаю, что ты остался жив только потому, что они не смогли разбить эту штуку,— она осторожно дотронулась до дверцы.— Не возвращайся домой! Тебе, наверное, лучше снова исчезнуть,— голос ее дрогнул, и она отвернулась.— Ты ни разу не дал о себе знать,— сказала она.— А ведь обещал.

— Я... я не мог, Нора.

— Где ты был?

— Далеко.

— Далеко? В горах Анвил или в других запретных местах?

Он не ответил.

— Там? — снова спросила она.

— Это совсем не так, как ты думаешь, — сказал он, наконец.— Да, я там был, но...

— Уходи! Я не хочу больше знать тебя! Я тебя предупредила. Если тебе дорога жизнь, не появляйся здесь больше. Не возвращайся!

— Я могу доказать, что ты не права. Если ты выслушаешь меня, если позволишь мне показать...

— Я не хочу тебя слушать! И не хочу ничего смотреть!

Она повернулась и побежала между деревьями. Марк мог бы догнать ее, но побоялся покидать машину. Ведь жители деревни могли гнаться за ним.

— Вернись! — позвал он, но ответа не было.

Неохотно он закрыл дверь и включил мотор. С вершины холма за ним наблюдал изумленный кентавр.

Глава 7

По улицам оживающего города ползали синтетические гусеницы и убирали грязь и мусор. Низкий широкоплечий мутант с тяжелыми надбровными дугами, их надсмотрщик, наблюдал за работой и изредка подгонял их. Над сверкающими шпилями зданий сияло безоблачное небо. Роботы-гусеницы уже расчистили от грязи широкие террасы. Ровный гул от работы сборочных заводов наполнял воздух. С автоматических сборочных линий сходили роботы различного назначения, машины, летательные аппараты, оружие. Огромные металлические птицы взлетали и садились на крыши домов, неся патрульную службу.

Мутанты склоняли головы, когда проходили мимо монумента из белого камня, воздвигнутого у входа в здание, в котором находилась старая обучающая ЭВМ. Это здание приказал соорудить повелитель. Он назвал его святилищем.

Надсмотрщик крикнул и щелкнул кнутом. Вот она, наконец-то, жизнь. Пришел тот, кто коронован солнцем, тот, кто обладает властью над старыми машинами. Мутант с нетерпением ожидал, когда предводитель вернется с успехом из очередного похода. Тогда все они пойдут в святилище и вознесут молитвы за тепло, за свет и обилие пищи. И от избытка радостных чувств он снова громко щелкнул кнутом.

Майкл Чейн, уже постаревший и с поредевшими волосами, сидел в маленьком ресторанчике напротив Даниэля и старался не показывать виду, что изучает его. Ден, в свою очередь, очень неловко чувствовал себя в новом костюме. Он тыкал ложкой в растаявшее мороженое, пил остывший кофе и старался не показывать, что его несколько обескураживает такое изучение.

Время от времени он ощущал пульсации в кисти руки, и тогда

где-то начинали дребезжать тарелки. Ден поспешно подавлял эти пульсации, пользуясь техникой биосвязи, которой овладел совсем недавно.

— Дела с записями на студии идут не очень хорошо?— спросил Майкл.

Ден поднял голову и покачал ею. Затем пожал плечами.

— Сперва трудно понять, что делаешь неправильно. Но теперь я уже вижу многое, что следовало бы делать иначе...

— А мне понравилось,— сказал Майкл, чем здорово удивил Дена. Затем он хлопнул ладонью по столу.— Зато небольшие налоги, вычеты... Ты знаешь, как много песен записывают каждый год?

— Да. И я знаю...

— Все же ты кое-что смыслишь в статистике и экономике, несмотря на гуманитарное образование.

— Но больно уж все это сложно,— признался Ден.

Майкл снова хлопнул ладонью по столу.

— Да это почти невозможно понять, черт побери!

Где-то на кухне снова раздался звон разбитой посуды. Ден вздохнул.

— Наверное, ты прав. Я ко всему этому еще не готов.

Старший Чейн заказал послеобеденную выпивку. Ден отказался.

— Ты по-прежнему встречаешься с этой Льюис?

— Да.

— Очень экстравагантная особа.

— Нам хорошо вместе.

— Решай сам, это твоя жизнь,— Майкл пожал плечами.

Ден допил кофе. Когда он снова поднял глаза на отца, тот смотрел на него и смеялся.

— Я рад за тебя,— он коснулся руки Дена.— Я рад, что ты живешь своим умом. Я знаю, что иногда слишком давлю на тебя, но послушай: что бы ни случилось, знай, что в моей фирме для тебя всегда найдется место. Если ты когда-нибудь решишь сменить работу, знай, что место для тебя всегда есть. Помни об этом.

— Спасибо, отец.

Майкл допил виски и осмотрелся.

— Официант, счет!

Подсвечник на столе начал подозрительно шататься. Ден тотчас среагировал и постарался остановить излучение энергии.

Мор стоял, держась руками за спинку кровати, и яростно тер пальцами глаза. Ему показалось, что последнее время он занимался только сном. И колени его снова распухли...

Он взял со столика у кровати графин с водой и жадно выпил, закашлялся, затем принял снотворное, приготовленное заранее, и запил его глотком воды.

Подойдя к окну, он откинул тяжелые шторы и открыл его. На

бледном небе сверкали звезды. Утро это или вечер? Этого он не мог сказать.

Поглаживая свою седую бороду, он смотрел в окно, прекрасно понимая, что не просто физиологическая потребность подняла его ото сна. Он снова ждал сон, приносящий облегчение, но тот не приходил. Постояв у окна, он затем опустил шторы, не позаботившись его закрыть. Может, если он вернется в постель, и сон вернется к нему... Да, это хорошая мысль.

Медленно покачивая головой, он подошел к постели. Человеческие тела так подвержены болезням, подумал он. Несколько раз проухала сова. Где-то между стенами скреблись мыши.

Глубоко под землей, в подвале замка Рондовал, одурманенный сильным заклинанием, погрузившим его в сон, в величественной позе на полу пещеры лежал Лунная Птица — самый могущественный дракон. Его дыхание теплым ветром разносилось по пещере, согревая его соседей. Дух его, как некий призрак, носился в небесах. Он пролетал мимо огромных черных птиц, чьи тела были, как мечи, из металла, и летали они на тех высотах, которые были доступны только ему. Он был невидим и нематериален, он не угрожал и не нападал, и птицы летели по своим делам, не обращая на него внимания. Он не мог причинить им вреда.

Бессилие приводило Лунную Птицу в бешенство, и он возвращался назад в глубокую пещеру, где покоилось во сне его тело. Страшные когти дракона во сне царапали по каменному полу, едва не задевая соседей.

Глава 8

Раздающиеся крики не разбудили Марка. Он еще долго спал после того, как они прозвучали впервые, и проснулся только тогда, когда чья-то фигура появилась в мастерской, схватила его за плечо и стала его трясти.

— Проснись! Пожалуйста! Проснись! — услышал он чей-то шепот.

— Что... — начал он, но тут же ладонь зажала его рот.

— Тихо! Это я, Нора. Скоро они будут здесь, они совсем близко. Тебе надо бежать.

Рука освободила его рот. Он сел и начал обуваться.

— Что случилось? О чем ты говоришь?

— Я старалась успеть раньше, чтобы предупредить тебя, но они бежали слишком быстро. Я вспомнила, что ты часто ночевал в мастерской...

Он взял свой пояс с ножнами и одел его.

— У меня в сарае есть оружие, способное остановить кого угодно. Я только здесь не держу оружия...

— Сарай уже горит.

— Горит?

— Да. И дом, и стойло, и остальные постройки тоже.

Он сразу же вскочил на ноги. Подойдя к окну, отодвинул штору.

— Отец был в доме...

Она схватила его за руку, но он вырвался и бросился к дверям. Она крикнула:

— Стой! Уже поздно! Спасайся сам!

Он распахнул дверь и увидел, что она права. Дом пылал, как факел. Крыша уже провалилась. Жители деревни уже бежали сюда. Дикие крики огласили воздух, когда они увидели его. Он отступил назад.

— Уходи через заднее окно,— прошептал он Норе.— Иначе они узнают, что ты была здесь. Быстрее!

— Идем вместе!

— Поздно. Они уже заметили меня. Беги!

Он вышел из мастерской, закрыл за собой дверь и обнажил меч.

Они приближались. Грязные и потные лица, освещенные огнем пожарища. Марк вспомнил о сгоревшем в своем доме старом Маракасе. Поздно, слишком поздно...

— Они поплатятся за это, отец!

Он выступил вперед. Они были вооружены дубинками и мечами — Марк был уверен, что некоторые из этих мечей были сделаны им самим. Мечи были заточены и смазаны. Марк не замедлил шага.

— Убийцы! — крикнул он.— В доме был мой отец! Вы все его знали! Никогда не причинял он никому зла! Будьте все вы прокляты!

Никто ему не ответил, но он и не ожидал ответа. Размахивая мечом, он бросился на них. Ближайший из них, мясник Гим, крикнул и упал на землю, схватившись за распоротый живот. Марк ударил еще раз, и по земле с криком покатился брат мясника. Следующий удар Марка был отбит, и дубинка ударила его по плечу. Марк отбил удар, направленный в его грудь, и упал. Меч его описал широкую дугу и рубанул по руке с дубинкой, занесенной над его головой. С неба сыпался пепел. Огонь, пожирая сухую траву, двигался к кладбищу. Слева, рассыпая искры, пылал сарай.

Что-то тяжелое ударило его в грудь. Он пошатнулся, но не перестал размахивать мечом. Снова его ударила дубинка, на этот раз в бедро, и он снова упал. Все набросились на него, пиная и нанося удары дубинками. Меч вырвали у него из рук. Он сразу же схватился за браслет и нажал несколько кнопок.

Над его головой завис меч. Марк откатился в сторону, но почувствовал, как острое лезвие входит в его тело... Он вскрикнул и закрыл лицо руками.

Среди криков нападавших послышался знакомый голос. Истекая кровью, сквозь острую боль, он слышал истерический крик Норы:

— Вы убьете его! Стойте! Остановитесь!

Кто-то еще раз пнул его, но это был последний удар. Разда-

лись испуганные крики. Из облаков вынырнула черная птица и стала спускаться прямо в гущу нападавших. Ее когти были остры, как бритвы, а металлический клюв наносил сильные удары по жителям деревни.

Марк облегченно вздохнул и с трудом поднялся на ноги. Его сознание было затуманено болью, левая рука по-прежнему была прижата к лицу, кровь текла между пальцами, стекала по рукам, окрашивая браслет в красный цвет.

Большинство нападавших уже лежало на траве, а черная птица охотилась за теми, кто еще двигался...

Пальцы Марка пробежали по кнопкам браслета. Птица остановилась, захлопала крыльями, стала описывать круги в воздухе.

— Вы сами выбрали свою судьбу,— хрипло проговорил Марк.

Птица опустилась, схватила за плечи и подняла его в воздух. Его левая рука была вся красной от крови и крепко прижималась к лицу.

— Всем тем из вас, кто еще жив, я дарю жизнь — пока. Чтобы среди вас оставалась память об этом дне, чтобы остались свидетели этого,— крикнул он.— Я еще вернусь и сделаю все, о чем говорил в деревне, но только теперь вы будете не равноправными партнерами, а рабами. За то, что вы сегодня сделали, я проклинаю вас!

Птица набирала высоту.

— ...кроме тебя, Нора! — донеслось сверху.— Не бойся, я еще вернусь за тобой!

И он исчез в небе. Пламя пожара трещало и рассыпало искры, на земле стонали раненые.

Боль преследовала Марка во время полета. Кровь его редкими каплями орошала обработанные им поля, над которыми он сейчас пролетал.

Глава 9

Она постучала в дверь и подождала. Никто не открыл. Она снова постучала. Затем дернула дверь и поняла, что та закрыта изнутри.

Она сильно устала, совершив за ночь долгое путешествие сюда. Прислонившись к двери, она стала изо всех сил бить в нее ногой.

— Открой, черт возьми! — крикнула она, затем услышала, как щелкнул замок. Дверь отворилась.

На пороге стоял Мор, одетый в мантию бледно-голубого цвета. Он щурился от дневного света.

— А я думал, кто-то скребется,— сказал он.— Ты кажешься мне знакомой...

— Нора. Нора Вейль из Восточной деревни. Я прошу прощения...

— Помню,— обрадовался Мор.— Ты была маленькой девочкой.— Конечно! Однако, время летит. Прости меня,— он отступил назад.— Входи. Я сейчас приготовлю чай. Не обращай внимания на беспорядок.

Она прошла за ним через одну странную комнату в другую, столь же странную. Мор освободил ей место, сбросив что-то с кресла, и занялся чайником.

— Это ужасно...— начала девушка.

— Давай подождем, пока закипит чай,— строго сказал Мор.— Я не люблю слушать ужасы на пустой желудок.

Она кивнула и устроилась поудобнее, наблюдая, как старый колдун резал хлеб и сыр, заваривал чай. Руки его дрожали. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, было неестественно бледным. Он был прав: когда-то, много лет тому назад, он действительно видел ее еще девочкой, когда по пути куда-то останавливался у них в доме. Она помнила удивительно долгий разговор...

— Ну вот,— сказал он, поставив тарелку и чашку на стол перед ней.— Подкрепись.

— Благодарю.

Во время еды она начала говорить. Рассказ получался бессвязным, но Мор не перебивал ее. Когда она опять посмотрела на него, она заметила, что цвет вернулся в его дряблые щеки, а рука с чашкой перестала дрожать.

— Да, это серьезно,— согласился он, выслушав ее.— Ты правильно сделала, что пришла ко мне.

Он поднялся, пересек комнату, подошел к маленькому темному зеркалу в металлической рамке.

— Пожалуй, надо сейчас же посмотреть на это,— он провел пальцами вокруг зеркала и что-то пробормотал.

Он стоял спиной к ней, загораживая зеркало, но она заметила, что в зеркале мелькают какие-то тени, затем увидела линию горизонта и какой-то смутный силуэт в воздухе. После этого картины замелькали, и девушка уже не могла определить, на что смотрит Мор. Она лишь видела, как меняется освещенность при смене изображений. Наконец, Мор провел руками по зеркалу и его заполнила темнота. Все изображения исчезли.

После этого Мор вернулся в свое кресло, поднял чашку, отхлебнул из нее, но ее содержимое ему не понравилось, и он, сделав гримасу, выплеснул все в огонь. Затем встал и приготовил свежий чай.

— Да,— повторил он, когда снова сел за стол.— Это весьма серьезно, надо что-то предпринять.

— Что?

— Не знаю,— вздохнул он.

— Не может быть, чтобы тот, кто изгнал демонов Дета...

— Это было давно. Тогда бы я легко смог остановить его. Но

сейчас... у меня сейчас нет такого могущества, как раньше. Я уже устарел для этого. Но именно я отвечаю за случившееся.

— Как? Почему?

— Марк — не из нашего мира. Я принес его сюда еще ребенком. После последней битвы. Это был единственный способ избавиться от Поля Детсона, последнего лорда Рондовал, который тоже был ребенком. А теперь, по иронии судьбы, человек, которого мы взяли в обмен на демона, представляет для нас большую опасность, чем тот, от кого мы избавились. Да, именно я отвечаю за это. И я должен что-то сделать. Но что — я не знаю.

— Кто-нибудь может помочь тебе?

Он коснулся ее руки.

— Мне надо остаться одному и подумать. Возвращайся домой. Прости, что я не предлагаю тебе остаться.

Она поднялась.

— Но ты ведь сделаешь что-нибудь?

— Возможно,— он улыбнулся.— Но сначала я должен все обдумать.

— Он сказал, что вернется за мной,— тихо сказала она.— А я не хочу. Я боюсь его.

— Я подумаю, что можно сделать.

Он встал и проводил ее до двери. На пороге она резко обернулась и схватила его старческую руку.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь,— взмолилась она.

Он обнял ее другой рукой, погладил волосы, прижал ее к себе, а затем легонько оттолкнул.

— Иди.

И она пошла.

Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за кустами. После этого он некоторое время следил за порхающими над цветами бабочками, а затем запер дверь и прошел во внутреннюю комнату, где приготовил себе мощные снадобья.

Приняв лекарства, он снова вернулся в комнату, в которой сидел с Норой.

Встав перед зеркалом, он проделал те же движения, что и раньше, и добавил несколько новых. Голос его становился твердым, когда он произносил заклинания.

Темнота рассеялась, и в зеркале появилась комната, в которой за столом сидели люди. На сцене на краю комнаты сидел юноша с серебристыми волосами и играл на музыкальном инструменте. Мор долго рассматривал его, словно пытаясь что-то понять, затем произнес еще одно заклинание. Теперь он смотрел на это здание снаружи и тоже внимательно изучал его. Затем в зеркале перед ним стала проплывать улица, другая... Мор пристально смотрел в зеркало.

После того, как он убедился, что узнал все, что хотел, он махнул рукой, и в зеркале снова воцарился мрак.

Покинув зеркало, он прошел во внутреннюю комнату, пере-

лил в пузырек остатки лекарства и взял свой пыльный посох из угла, куда поставил его еще прошлым летом.

Выйдя из дома, он повернулся вокруг своей оси три раза и поднял перед собой посох. Когда кончик посоха начал светиться, Мор улыбнулся. Затем он неторопливо пошел вперед, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, словно ища что-то, плавающее в воздухе.

Глава 10

Выйдя из клуба, Ден поднял воротник и пошел по ночной улице. Шурша шинами, мимо пролетали автомобили, но других пешеходов видно не было. С гитарой на плече он шел домой к Бетти.

От канализационной решетки поднимались клубы ядовитых испарений. Он ускорил шаг. Где-то вдали слышался вой полицейской сирены.

Им снова овладело беспокойное, какое-то странное чувство, недавно испытанное им. Ему казалось, что кто-то его тщательно изучает. И хотя он осмотрел всех посетителей клуба, никого из них нельзя было заподозрить в преувеличенном внимании к нему. Оглядываясь назад, он припомнил и другие подобные случаи, когда ощущал наблюдение за собой. И всегда это было связано с ощущением тепла в родимом пятне. Сейчас он снова чувствовал тепло.

Он остановился, осмотрел улицу, заглянул в проезжавший автомобиль. Ничего подозрительного. И все же...

Ощущение теперь стало гораздо сильнее, чем тогда, когда он был в клубе. Намного сильнее. Казалось, что наблюдатель стоит рядом.

Миновав освещенное место, он ускорил шаг. Ему так и хотелось перейти на бег.

В переулке справа от него — движение!

Все тело его напряглось, когда он увидел, что оттуда вышел человек. В руке у него была большая палка...

— Прошу прощения,— раздался мягкий голос.— Но мне нехорошо. Ты не проводишь меня?

Ден заметил, что одет старик очень странно.

— Конечно. А что случилось?

— Всего лишь груз лет. Большой груз.

Он пошел рядом с Деном, который сдвинул гитару к левой руке.

— Может, вам нужен доктор?

— Нет.

Они подошли к перекрестку. Уголком глаз Ден видел морщинистое лицо.

— Для прогулок сейчас слишком поздно,— заметил он.— Я иду с работы.

— Знаю.

— Да? Вы меня знаете?

Золотая искра вспыхнула на конце палки старика, из нее вперед протянулась тонкая нить. Искра стала разгораться, нить засветилась.

— Да. Тебя зовут Даниэль Чейн.

Мир, окружавший их, вдруг раскололся на две зыбкие, колышащиеся половинки. Разделял их луч света, исходящий из посоха. Ден повернулся к старику.

— Но это не твое имя...— сказал старик.

Луч стал ярче и протянулся как вперед, так и назад, затем расширился. Казалось, что они идут по сияющей дороге, а дома, улицы, автомобили — все находилось по сторонам этой дороги, в ночи. Город потерял свою объемность, стал как бы нарисованным на тонком листе бумаги, колыхавшемся под ветром. Город съеживался, исчезал.

— Что случилось? — спросил Ден.

— ...и этот мир — не твой,— закончил старик.

— Не понимаю.

— Ну, конечно. Но у меня нет времени все тебе объяснить. Это я принес тебя сюда много лет назад и обменял на другого ребенка, который был настоящим Даниэлем Чейном. Тебе пришлось жить в мире, который мы сейчас покидаем, а ему — в том, куда мы сейчас идем. В том мире его называли Марком Маракоском, и сейчас он стал очень опасен.

— Ты хочешь сказать, что это и есть мое настоящее имя?

— Нет. Ты Поль Детсон *.

Они стояли на золотистой дороге. Звездный ковер покрывал небо, по обеим сторонам дороги теснились призраки реальных миров. Маленькие искры пробегали по поверхности дороги; посреди нее проходила тонкая зеленая нить.

— Я не пойду с тобой.

— Слушай меня и не перебивай. От этого зависит твоя жизнь. И жизнь многих других. Ты должен вернуться домой. Твоей родине грозит опасность, и она нуждается в том могуществе, которым ты обладаешь.

Ден не мог не слушать его. Этот человек, по-видимому, сам обладал большим могуществом, прямо-таки излучал его. Его слова поглощали все внимание Дена.

— Иди по этой зеленой линии,— сказал старик.— Эта дорога много раз будет разветвляться, прежде чем ты достигнешь своего мира. По дороге у тебя будет много соблазнов свернуть — ты увидишь прекрасные миры, можешь повстречать любопытных путников. Можешь смотреть, но не отклоняйся от этого пути. Иди по линии. Она приведет тебя домой. А я... подожди...

Тяжело дыша, старик оперся на посох.

— Слишком много сил я потратил. Прости. Мне надо принять лекарство.

---

* Поль Детсон — то есть Поль, сын Дета (внук Мора).

Из складок одежды он достал пузырек и выпил его содержимое.

— Наклонись ко мне,— сказал он немного погодя.

Ден наклонился к нему. Посох приблизился к его голове и вокруг него возник голубой нимб, который затем постепенно втек в череп Дена. Мысли бешено заплясали в его голове, как будто он мгновенно перенесся в неведомый странный мир. Он услышал множество голосов, которые одновременно что-то говорили.

— Это язык твоей родины,— сказал старик.— Тебе не нужно будет учить его. Ты его уже знаешь. Сперва ты будешь говорить на нем медленно, но понимать будешь все. Ты быстро научишься хорошо говорить на нем.

— Но кто ты? Кто ты?

Ден был так поражен, что спросил это несколько раз.

— Меня зовут Мор. Теперь мне надо оставить тебя. Дальше по этой линии ты пойдешь один. Чтобы переход между мирами был допустим, необходим обмен эквивалентными живыми массами. Иди! Сам ищи ответы на свои вопросы!

Мор с неожиданной живостью повернулся и исчез с правой стороны от дороги, как будто скрылся за дрожащим занавесом. Ден сделал шаг за ним и остановился. Зыбкость реальности, которая находилась перед ним, была пугающей, она могла свести с ума, если смотреть на нее достаточно долго. Ден перевел взгляд на дорогу. Зеленая линия светилась ровным светом среди миниатюрных бурь.

Он оглянулся назад и увидел, что там вдаль тянется та же дорога, что лежит перед ним. Он сделал по ней шаг, затем другой. Зеленая линия манила его, и у него не было другого выбора, кроме как идти по ней.

Он шел и думал над тем, что сказал ему Мор. Какое могущество? Какая опасность? Что за обмен между мирами??? И что ждет его в конце зеленой линии? Скоро он узнает все. Голова его вся звенела от множества голосов. Он подумал, что же вообразит Бетти, когда он не придет к ней. А что подумает о его исчезновении отец?

Он изумленно остановился. Только сейчас до него дошло, что если все это правда, то Майкл ему вовсе не отец.

Кисть его отчаянно запульсировала, и вокруг него возникли десять маленьких смерчей, которые стали следовать за ним, как собаки.

Перекинув гитару на другое плечо, он пошел дальше. Вдруг с левой стороны от дороги, в причудливой мозаике, возникла перед ним отчетливая картина. Когда он сфокусировал на ней свое внимание, она стала ярче, больше, объемнее. Она затмила собой все остальные видения.

Прямо к ней вела боковая дорога, и Ден понял, что дойти до нее — дело нескольких минут.

Он увидел прелестные небесные создания, играющие в искристом озере. Голубые горы окружали озеро, из воды поднимались

огромные оранжевые каменные столбы, на которых отдыхали и нежились на солнце зеленые существа, прежде чем снова нырнуть в воду. Все это было ярко освещено солнцем. Над озером летали гигантские красные бабочки, они парили, как летающие цветы, как шестиконечные звездочки.

Ноги сами понесли его туда. Прекрасная картина манила...

Но тут что-то желтоглазое, длинноухое, покрытое серебристым мехом, поводя носом, проскочило справа от него.

— Ну вот, опять опоздал,— послышалось Дену.— Мерзко! Она оторвет мне голову!

Существо взглянуло на Дена, проследило его взгляд, направленный на озеро.

— Не ходи туда,— послышался голос.— Теплокровных они едят живьем.

Ден вздрогнул и остановился. Отвернувшись от прекрасного озера и его обитателей, он нашел зеленую линию и вернулся к ней. Тот, кто давал ему совет, в это время уже скрылся из виду.

Теперь, идя по линии, Ден старался не отрывать от нее взгляда и не смотреть по сторонам. Почти все время она шла прямо, лишь изредка сворачивая на боковые ответвления. Ему показалось, что дорога пошла под гору. Время от времени слышался хор голосов, что-то поющий. Но слов было не разобрать.

Он шел, а видения справа становились все отчетливее. Ден понял, что линия сворачивает в этом направлении.

Дорога, по которой он теперь шел, становилась все шире, и ему казалось, что она ведет в лес.

Ощущение спуска не прекратилось, и в лицо ему теперь дул свежий ветерок. Он нес запахи деревьев, земли, цветов. Он ускорил шаг, и картина стала приближаться быстрее. Миниатюрные бури под ногами стали уменьшаться, зеленая линия расширялась и становилась бледнее. Внезапно он услышал пение птиц.

Он протянул руку и прикоснулся к стволу дерева. Зеленая линия растворилась в зеленой траве. Картина расширилась и превратилась в лес. Звезды над головой исчезли и теперь над ним сияло голубое небо с редкими облачками. Он осмотрелся. Дороги уже не было видно — лишь какое-то мгновение он еще видел какую-то золотую паутинку, которую тут же унес ветер.

Он перешел через поляну. Остановился. Можно было долго блуждать по лесу, прежде чем выберешься из него.

Он снял куртку, так как день был теплым, положил на ствол упавшего дерева и сел на нее. Пока нет никакого плана, лучше никуда не идти. Вероятно, не зря именно сюда привела его зеленая линия. Наверное, именно здесь ему следует находиться.

Он открыл футляр и проверил гитару — она была целой и невредимой. Звучание было хорошим.

Надо бы отыскать дерево, на которое можно было бы влезть. Вокруг были сплошные гиганты, и он не надеялся увидеть за ними город или дорогу. Не прекращая играть на гитаре, Ден осмотрелся. Вон то дерево, вроде бы, подходящее. Оно было в сотне

метров справа от него. Снова глянув вперед, он чуть не сфальшивил.

Перед ним было удивительное создание, какое он раньше видел только на картинках — настоящий кентавр. Его маленькие руки двигались в такт мелодии; он танцевал. Ден углубился в свою игру, перешел на более сложную мелодию. Начал петь. Его родимое пятно запульсировало. Из леса появились еще два кентавра и присоединились к танцору. Ден почувствовал, что он невольно подчинил себе этих кентавров, завлек их в сети своей игры. Он с удовольствием смотрел на их смеющиеся лица, на их гарцующие тела маленьких пони. Он заставил птиц кружиться вокруг них, затем к танцу присоединилась лань. День становился темнее, или, может, солнце закрыло облако.

Он играл мелодию за мелодией, и все новые существа присоединялись к танцующим. Почему-то Ден чувствовал, что так оно и должно быть, что здесь все правильно и нет ничего странного или необычного. Ему казалось, что он мог бы играть вечно, создавать музыкальные композиции, петь, танцевать...

Он долго не замечал, что рядом появилась девушка. Стройная, светлая, одетая в голубое, она появилась из-за деревьев и остановилась на краю поляны, не двигаясь. Она слушала и смотрела.

Наконец, он заметил ее, кивнул, улыбнулся, наблюдая за ней. Он не хотел вспугнуть ее и не делал резких движений. Когда она слегка улыбнулась ему и кивнула в ответ, он перестал играть и убрал гитару в футляр.

Упала тишина. Животные на мгновение застыли, затем бесшумно разбрелись по лесу. День стал светлее.

— Здравствуй,— сказал он.— Ты здесь живешь?

Она кивнула.

— Я возвращалась в деревню, когда услышала тебя. Это было прекрасно. Как называется этот инструмент? Он магический?

— Гитара,— ответил он.— Иногда мне кажется, что он действительно магический. Меня зовут Ден. А тебя?

— Нора,— ответила она.— Ты нездешний? Откуда ты? И куда идешь?

Он закрыл футляр и встал.

— Я пришел издалека,— сказал он медленно, тщательно подбирая слова. Трудно было говорить на новом языке.— Мне бы хотелось попасть в твою деревню.

— Ты менестрель? Зарабатываешь на жизнь игрой?

Он поднял куртку, отряхнул ее, набросил себе на плечи.

— Да. Смогу я заработать в вашей деревне?

— Может быть... Но позже.

— Почему?

— В деревне много мертвых. Настроение не праздничное.

— Печально слышать. Может быть, я найду здесь какое-нибудь другое занятие.

Ее лицо просветлело.

— Да. Уверена, что сможешь.

Он взял гитару и сделал несколько шагов.

— Покажи мне дорогу.

— Хорошо.— Она повернулась, и Ден последовал за ней.— Расскажи мне о своей стране и тех местах, где ты бывал.

Будет лучше, если он будет поменьше говорить, решил он, пока не узнает побольше об этой стране. Пусть лучше говорит она. Хотя неприятно начинать знакомство со лжи...

— О, все страны похожи друг на друга,— начал он.— Ведь это страна фермеров?

— Да.

— И моя тоже. А что вы выращиваете?

Она вела его через лес по тропинке. Когда над головой пролетала какая-нибудь птица, она вздрагивала и смотрела вверх. Скоро Ден заметил, что и сам с тревогой взглядывает наверх. По дороге к деревне он умело управлял беседой, и когда они пришли туда, он уже знал всю историю Марка Мараксона.

Глава 11

По спящему городу шел старик в голубой мантии. Шел мимо темных витрин, мимо припаркованных автомобилей, мимо надписей, которые не мог прочитать. Шаги его были медленными, дыхание тяжелым. Время от времени он останавливался и отдыхал, оперевшись на посох или прислонившись к стене дома.

Над темным горизонтом постепенно стало появляться просветление. Желтые волны стирали с неба звезды. Вдали старик увидал оазис — группа деревьев, едва покачивавшихся под утренним ветерком. Его посох гулко стучал по бетону. Неверными шагами он перешел улицу. Дрожащей рукой схватился за столб. Мимо проехало несколько автомобилей. Старик стоял, шатаясь. Когда улица опустела, он пошел дальше.

Ближе. Ближе стало то место, куда он стремился, место, где качаются ветки с зелеными листьями, где поют под первыми лучами солнца птицы, где пахнет травой. Он продвигался вперед, и слабые голубые искры плясали на кончике его посоха. Ветерок донес до него аромат, похожий на запах цветов. Мор пересек последний перекресток.

Он снова остановился, тяжело дыша, почти задыхаясь. Когда он пошел дальше по улице, походка его была неверной, ноги заплетались. Один раз он упал, но поблизости никого не было, он поднялся и доковылял до парка.

Небо над парком было розовым. Посох, в котором угасли последние искры, тяжело опирался на землю. Старик пересек клумбу высоких цветов, которые тут же сомкнулись за ним. Мор не заметил шипения аэрозольных установок, когда проходил через травянистую лужайку, чтобы лечь под деревьями стандартного городского парка.

Ему хотелось вдохнуть аромат трав и цветов.

Старик слегка улыбнулся, когда ветерок освежил ему лицо.

Его глаза следили за пляской бабочек в лучах восходящего солнца.

Посох выскользнул из его пальцев, дыхание стало совсем слабым. Бесчисленные утра его прошедшей жизни соединились с этим утром, все их цвета и запахи вернулись к нему, чтобы наконец показать, ради чего стоило жить. Одна из искусственных бабочек пролетела слишком близко от него, была охвачена последним усилием немощной старческой руки и неподвижно застыла возле родимого пятна в форме дракона.

Вокруг безжизненно лежащего старика с лязгом и грохотом пробуждался город.

Глава 12

Новые странные ощущения приходили и исчезали. И при каждом новом возвращении они становились все сильнее и сильнее. И каждый раз, когда они исчезали, что-то оставалось после них.

Эти ощущения были незнакомыми для Дена, который сейчас приколачивал рейки к забору. Возможно, подумал он, они связаны с этим миром, который казался ему таким знакомым, таким близким.

К нему подошла корова, как бы желая посмотреть на его работу.

— Нет, иди отсюда,— мысленно приказал он. И тут же ощутил тепло в пятне на руке, как будто на него изливалась невидимая энергия. И корова послушалась его мысленного приказа.

Дену это понравилось. Ему все больше и больше нравился этот мир.

От неудачного удара гвоздь отломил от доски щепку, и та полетела ему в лицо.

— Брысь,— мысленно подумал он про нее, и щепка пролетела мимо, повернув почти под прямым углом.

Окончив работу, Ден улыбнулся и стал собирать инструменты. Затем пошел вдоль забора, который он сам сделал. Тени становились длиннее.

Вот уже третий день он жил в доме дяди Норы, спал в сарае и выполнял всю работу, которую старик уже не мог делать. За это время он полностью овладел языком, как и предсказывал Мор. Как будто вспомнил что-то знакомое, но забытое.

Мор... Давно он уже не вспоминал о нем. Все воспоминания о его невероятном путешествии были как будто заперты в какой-то ящик памяти.

Это было действительно невероятное путешествие, но теперь он находился в этом мире. Сейчас, по прошествии времени, он мог оглянуться назад, подумать о том, как воспримут его отсутствие в том мире. Он удивился, поняв, что прошлое превратилось для него в какую-то сказку, нереальность... А этот мир... Он глубоко вздохнул. Этот мир был, несомненно, реален. Он стал его домом.

Когда Ден вычистил инструменты и положил их на место, он понял, что ему нравится эта настоящая деревенская жизнь. Могло быть и гораздо хуже. Сегодня праздник, и вечером он будет играть для жителей деревни. Весь день у него чесались руки — так не терпелось взяться за гитару. Он обнаружил в этом мире интересные парамузыкальные эффекты, и ему хотелось поэкспериментировать, показать свое искусство людям, Норе...

Нора. Он улыбнулся, стягивая с себя принадлежащую дяде тяжелую рабочую куртку. Затем пошел умыться, прежде чем надеть свою одежду. Девушка была очень хороша. Но до смешного испугана этим местным изобретателем игрушек.

А что, если Марк Маракcон — действительно сын Майкла? Тогда вполне понятна его страсть к технике — она у него в крови. Жаль, что он не может вернуться в свой мир и заняться там делом — с Майклом они бы быстро спелись.

Когда он умывался, к нему пришла другая мысль — а сам-то он зачем здесь? Мор сказал, что его присутствие здесь необходимо. Но для чего? Что-то, связанное с Марком? Ден фыркнул. Ничего конкретного Мор не сказал. Но какую угрозу этому миру могли нести механические игрушки? И зачем вызвали его? Как он должен противостоять злу? Тревожные мысли старика не дошли до Дена. Он не понимал их. Но и не чувствовал себя жертвой какого-либо заговора. Когда он здесь обживется, он получше узнает этот мир, хотя уже и теперь ему казалось, что жизнь здесь ему больше нравится, чем там, откуда он пришел. Он может здесь стать выдающимся менестрелем.

Он вытерся после умывания грубой тряпкой, надел просторную белую куртку с белыми рукавами и брюки, но остался в сапогах, которые дала ему Нора и которые были ему в самый раз. В таких сапогах здесь было ходить удобнее, чем в элегантных туфлях, в которых он проделал путь между мирами.

Ден причесался, почистил ногти и улыбнулся своему отражению в воде. Пора брать гитару и идти к Норе и ее дяде Лару. Посвистывая, Ден направился к дому.

В поле, где проводился праздничный пир, горели огни факелов, создавая причудливую игру теней. Все остатки пиршества были уже убраны. Ден решил, что последние выпитые им два стакана вина были явно лишними, но затем передумал. Почему бы и нет? Это же праздник! Он познакомился с фермерами, сильно встревоженными недавними трагическими событиями, и ему довольно ловко удалось отвертеться от расспросов о своей родине. Теперь он был готов сыграть им что-нибудь.

Ден немного подождал, чтобы улегся шум, и люди расселись вокруг холма, на вершине которого он сидел. Факелы поднесли поближе и расставили вокруг него.

Ден встал, ощущая знакомую тяжесть гитары в руке. Послышались рукоплескания, Ден улыбнулся. Приятно было сознавать, что тебя ждут, ждут твоей музыки. Он вынул гитару из футляра

и перекинул ремень через плечо. Еще раз взглянул на зрителей, начал играть.

С первым же аккордом он ощутил легкость. Его настроение поднялось, и он начал петь на своем родном языке. Затем он на ходу попытался перевести песню, и это тоже было хорошо принято. Ден запел следующую песню.

В сумерках он различал лица только ближайших к нему зрителей, освещенных факелами. Об отношении остальных зрителей к его музыке он мог судить только по тишине, с которой его слушали, да по аплодисментам. Он заметил улыбающуюся Нору, сидящую рядом с дядей. Затем начал играть виртуозные пьесы собственного сочинения. Темп стал невероятным. Ветерок ерошил его волосы, теребил одежду.

Это было, возможно, уже не первое восклицание, но до этого он ничего не слышал, захваченный своей игрой. До него донеслись тихие возгласы, которые становились все громче. И вот сзади послышались крики. Ден обернулся.

— Дьявол! — крикнул кто-то, и какой-то темный предмет пролетел возле головы Дена.

— Метка! Метка! — услышал он, и в плечо ему ударил камень.— Метка дракона!

Ден понял, что во время игры рукав его рубашки задрался и стало видно родимое пятно в форме дракона. Но почему оно вызвало такой переполох?

— Детсон!

Ужас пронзил его, когда он услышал это имя. Он вспомнил сразу, что его зовут Поль Детсон. Но...

Следующий камень попал ему в голову. Ден быстро сунул гитару в футляр и закрыл его, опасаясь за инструмент. Еще один камень. Все поднялись на ноги.

Ден почувствовал, как в нем вскипает гнев. Пятно пульсировало, как никогда раньше. По лицу текла кровь. Следующий камень попал ему в грудь. Он пошатнулся. Что-то ударило его в шею, футляр гитары загудел от удара камнем. Толпа двинулась к нему, вверх по склону холма, медленно и угрожающе.

— Прочь! — Ден не понял, крикнул он это или подумал. Но при этом он сделал широкий взмах рукой.

Люди попадали и покатились вниз, сбивая факелы. Стало темно, и во мраке метались тени, но ничто не попадало по нему. Трава у подножия холма вспыхнула, и со всех сторон неслись крики, в которых теперь был страх, а не гнев.

— Прочь! — он снова махнул рукой. Ощущение жара пронизывало всю руку, энергия рвалась с кончиков его пальцев. Люди валились с ног, вокруг бушевало пламя.

Крепко держа гитару, Ден сбежал с холма, перепрыгивая через людей и огонь. Когда он пересек поле, его дыхание превратилось во всхлипывания. Затем он побежал дальше на север, к лесу.

Чем дольше он бежал, тем заметнее угасал в нем гнев. Его вытеснял страх. Перед тем, как скрыться в лесу, Ден оглянулся, и ему

показалось, что они за ним гонятся. Но они могли и сесть на лошадей, обойти его и устроить засаду — они хорошо знали свою страну, а он понятия не имел, куда бежит.

— Но почему? — спрашивал он себя, петляя между деревьями, продираясь через кусты, стирая с лица паутину и кровь.— Почему они напали на меня, когда увидели родимое пятно? Что означает оно для них?

Несколько раз споткнувшись, он, задыхаясь, остановился и прислонился к толстому стволу. Он не был уверен, что оторвался от погони. Шум своего дыхания и стук сердца мешал ему слышать другие звуки. Безумная гонка вымотала его. Он совершенно изнемог и к тому же потерял тропу. Надо идти тихо и осторожно, силы тратить более экономно. Да, надо все делать по-другому...

Мор призвал его сюда, как обладателя некого могущества. Сам Ден тоже не был слепым, он помнил, что он только что сделал, когда на него напали фермеры. Дома, в ночном клубе, он научился подавлять эти всплески энергии, непонятного могущества, а в этом мире, где его считают колдуном, демоном, это могущество может помочь ему, он должен научиться владеть им, использовать его в борьбе с врагами.

Затем его мысли вернулись к родимому пятну на руке, и сразу же он почувствовал потепление пятна и учащение пульса.

Он попробовал дальше размышлять о пятне. Что оно еще может сделать? А что мне сейчас нужно? Нужно найти безопасное место.

Ден попытался мысленно приказать это, и почувствовал, как в нем забурлила энергия, затем увидел свое пятно в форме дракона, увидел, несмотря на полумрак. Казалось, дракон светится и чуть колышется, затем он соскользнул с его руки и завис перед ним в воздухе. После этого дракон медленно поплыл влево.

Ден сдвинулся с места и пошел за ним. Слабый свет дракона освещал ему путь. Ден долго шел за драконом по лесу и полностью потерял всякое представление о времени. Ему дважды приходилось останавливаться для отдыха — лишь тогда он понимал, как он устал. Один раз Ден остановился у ручья и жадно напился холодной воды.

Мало что оставалось у него в памяти от этого ночного путешествия. Под конец дракон повел его в гору. Тут Ден почувствовал страшную усталость и стал присматривать место, где можно было бы поспать. Дракон тут же свернул вправо и повел его вниз. Он привел его в усеянную камнями долину, хорошо укрытую со всех сторон, и там завис в воздухе. Ден принял приглашение и растянулся на травке. Где-то поблизости журчал ручей, и от него веяло прохладой.

Почти мгновенно Ден заснул.

Когда он проснулся, стоял день. Его призрачный проводник исчез. Все тело ныло и очень хотелось есть.

В первую очередь Ден вынул из футляра гитару и проверил,

все ли в порядке. К счастью, повреждений не было. Затем он отыскал небольшой ручеек, текущий между камнями, разделся, умылся и промыл раны. Вода была слишком холодной, поэтому купаться он не стал. Солнце потихоньку уже спускалось к горизонту, и Ден решил, что можно продолжать двигаться дальше.

Продолжать? А в какой момент его паническое бегство превратилось в целенаправленное путешествие? Может, во время сна? Теперь он понял, что его проводник сделал больше, чем просто спас его от погони. Он почувствовал, правда, чисто интуитивно, что проводник вел его в какое-то вполне определенное место. Ден решил снова довериться ему. Правда, неплохо бы сначала найти чего-нибудь поесть...

Он повторил процесс вызова проводника, и тот явился снова, правда, совсем бледный на свету, но все же вполне различимый. Ден пошел за ним, подумав, что вряд ли его смог бы заметить сторонний наблюдатель.

Он шел, спускаясь по пологому склону, и вскоре после захода солнца заметил, что идет среди большого фруктового сада. Он наелся и набил карманы и футляр гитары фруктами.

Теперь проводник повел его вверх, и деревья становились все ниже. Оглянувшись назад, Ден понял, что находится на огромном холме. Подъем постепенно становился все более пологим, и на самой вершине холма Ден увидел огромное здание. Оно не было освещено, и казалось, что часть его разрушена. По поведению проводника Ден понял, что это и есть конечная цель путешествия. Дракон засветился ярче, как бы поторапливая его.

Ден постарался ускорить шаг. Возбуждение охватило его, и он почувствовал, что впереди его ждет безопасность, кров, тепло, пища — и что-то еще, более важное, чем все остальное. Ден перекинул гитару на другое плечо и расправил плечи, не обращая внимания на боль в ногах и во всем теле. Он и думать забыл о плаще, который оставил в деревне, хотя холодный пронизывающий ветер высот набросился на него.

Ему захотелось полазить по полуразрушенным стенам, осмотреть любопытные развалины, но свет проводника настойчиво тянул его вперед вдоль темного коридора, в кладовую. Пища, хранившаяся там, казалась такой свежей, как будто была принесена только что. Ден тут же потянулся к хлебу, но изумленно замер. Рука его натолкнулась на невидимую преграду.

Нет, не совсем невидимую. Он присмотрелся и увидел сеть тонких пульсирующих голубоватых нитей. Эта сеть и преграждала доступ к продуктам.

«Заклинания предохранения,— зазвучало у него в мозгу, будто кто-то включил запись.— Можешь снять их, но не со всех продуктов».

Ден попробовал попросить мысленно помощи от своего проводника. Дракон колыхнулся в воздухе, приблизился к нему и слился с родимым пятном. Его свет как бы вошел в руку. Ден тут же почувствовал, что в его мозг пришло новое знание, руки са-

ми проделали множество жестов, и в сети появилось отверстие. Ден взял то, до чего смог достать: хлеб, мясо и кусок сыра. Когда он вытащил из отверстия руку, он почувствовал, что его снова потянуло вперед. Пройдя немного, Ден бросил взгляд назад и увидел, что отверстие в защитной сети снова закрылось.

В следующем шкафу он увидел вино и проделал то же самое, чтобы достать бутылку.

Он взял в руки всю пищу, и снова его потянуло вперед. Дорога привела его к лестнице, а затем в комнату, где царил хаос и которая когда-то, видимо, была библиотекой.

Ден расчистил место на столе и сложил свою добычу. Затем напряг волю, и его призрачный проводник зажег свечи в пыльных канделябрах по углам комнаты. Дену с каждым разом становилось все легче управлять своей волей, заставлять вещи подчиняться себе.

Осветив комнату, Ден сел поесть. Осмотрев ее, он понял, что это действительно библиотека, хотя много книг было беспорядочно разбросано по полу.

Ден ел и размышлял о том, распространяется ли метод Мора по обучению языку на письменные тексты.

Наевшись, наконец, до отвала, он поднялся из-за стола и вытащил из кучи книгу. Поднеся ее к свету, он радостно засмеялся. Это была книга о путешествиях, хотя в его старом мире ее приняли бы за собрание мифов. В ней описывались земли, в которых обитали кентавры и гарпии, саламандры и крылатые змеи, здесь рассказывалось о пирамидах и лабиринтах, о подводных пещерах. Здесь же на полях были заметки и предостережения об обитателях пещер, действительных и мнимых. Кое-где было подписано «сущая правда» или «выдумки».

Ден начал читать... А почему, собственно, Ден? Может, теперь правильнее будет называться Полем? Так он и решил. Новое имя для новой жизни...

Ден, отныне уже Поль, начал читать книгу, но почувствовал, что шкаф у левой стены притягивает его внимание. Он отложил книгу и пристально посмотрел на шкаф. В нем наверняка было еще что-то кроме книг...

Поль, наконец, поднялся и подошел к шкафу, чтобы осмотреть его. Где-то в глубине шкафа он различил три еле заметные мерцающие красные нити. Они были столь же нематериальны, как и голубые нити в кладовой. Неужели в этом странном замке у него выработалось второе зрение?

Он вынул из шкафа остатки книг и сложил их у ног, затем медленно протянул руку, ожидая внутренних инструкций. Левая рука дрожала. Кажется, здесь понадобятся обе руки... или только левая... Отлично. Он протянул левую руку. Пальцы зажали нижнюю нить и приподняли ее. Указательный палец захватил верхнюю и оттянул вниз, соединив с нижней. После этого правая рука протянулась вперед, и пальцы ее захватили третью нить и перекрутили ее вокруг той пары против часовой стрелки.

— Откройся, откройся,— произнес он, и задняя панель шкафа упала вперед, открывая тайное отделение. Поль протянул руку, но тут же отдернул ее. Здесь было еще одно заклинание, свернутое, как дымчатая змея. Хвост ее был завязан узлом и предназначался для наказания неосторожных. Поль улыбнулся. Задачка становилась интригующей.

Однако он смог проникнуть в мысли и чувства того, кто накладывал это заклинание, постепенно понимание пришло к нему, и вскоре он уже сидел за столом и читал историю замка Рондовал и о его необычных, выдающихся и довольно эксцентричных обитателях. Перед ним лежали несколько томов личных наблюдений его отца по тайным искусствам, а также записи результатов экспериментов и исследований. Он читал всю ночь, и только когда мир увидел свет дня, он понял, что родимое пятно в форме дракона на его руке означает принадлежность к роду Рондовалов.

Долгое изучение истощило его энергию, он начал зевать и уже не мог остановиться. Одежда показалась ему тяжким грузом. Он расчистил диван в дальнем углу комнаты, свернулся на нем и вскоре уснул. Ему снилось, что этот величественный замок и его стены не разрушены и не находятся в таком запустении. Ему виделся прекрасный замок, полный гордого величия и славы.

Проснулся он к полудню следующего дня, поел и решил осмотреть первый этаж. Там он обнаружил водопровод, защищенный заклинанием, которое он смог разгадать. Это дало ему воду для ванной, поступавшую, наверное, из ближайшей реки. Правда, он не понял, какую роль играет сочетание красных и зеленых нитей заклинания. Они, вероятно, регулировали температуру воды. Поль долго наслаждался, лежа в ванной, и размышлял над тем, почему замок Рондовал дошел до такой степени запустения, и что сталось с остальными членами семьи.

Затем он расставил стоявшую в беспорядке мебель, навел порядок, выбросил в окна мусор. Во время уборки ему пришлось разгадать с десяток мелких заклинаний. Он решил после вернуться в библиотеку и заняться изучением одного из томов, в котором, как он заметил, был план помещений замка.

Все книги были убраны в столы, пыль вытерта. Поль налил себе в стакан вина и сел за стол. Да, в этой книге было много рисунков замка в различные периоды его истории, планы всех этажей, а жирная линия под первым этажом ограничивала довольно большое пространство. Должно быть, там находилось подземелье. На этом месте кто-то поперек листа написал размашистым почерком: «ЗВЕРИ». Поль долго не мог решить, посмеяться ему над этим или содрогнуться от страха.

Встав из-за стола, он положил книгу в карман черной куртки, которую отыскал в гардеробе и очистил от пыли, обнаружив, что она ему в самый раз. Неся с собой стакан вина, он спустился по лестнице в подвал.

— Звери!— крикнул он и засмеялся. Затем вспомнил озверевших фермеров, набросившихся на него с камнями.

— Звери! — повторил он, заходя в кладовую, в которой хранились фонари.

Он шел по темным коридорам, изредка сверяясь с планом. Фонарь в его левой руке отбрасывал яркие блики на стены из грубого камня. Поль почти физически ощущал впереди огромную концентрацию могущества. Когда он глядел вверх, он видел над головой многоцветную паутину нитей. Он не знал, что это означает, но чувствовал, что что-то очень важное. Поль не был уверен, что его недавно проснувшиеся силы смогут воздействовать на эту могучую паутину заклинаний.

Он провел пальцем по нитям, и тут же в его голове появился вихрь слов, в смысле которых он не смог разобраться. Они еще долго звучали у него в голове, как бы вращаясь в сворачивающемся пространстве. Если попробовать собрать все свои силы...

Путь преградила огромная каменная плита. Нити обвивали ее со всех сторон. Конечно, здесь тоже заклинания, но даже если снять их, понадобится дюжина людей, чтобы своротить эту глыбу. Поль подошел поближе рассмотреть рисунок нитей. Снятие заклинания зависит от их взаимного расположения. Затем он дал глазам переключиться на обычные каналы восприятия. Теперь он не видел нитей, перед глазами его была поверхность грубой каменной плиты. То, что он увидел, безмерно поразило его. Он поднес фонарь поближе, чтобы прочесть на плите: «Осторожно! Здесь спит ужас Рондовала!»

Поль ухмыльнулся. «Ну и пусть, что ужас,— подумал он.— Нужна же мне какая-то сила в этом мире. Теперь этот ужас будет мой!»

Он опустил фонарь на землю и сосредоточился на сплетении нитей, осторожно действуя обеими руками, как бы разворачивая драгоценный подарок.

Поль нащупал узлы концентрации мощности и стал освобождать их. Пока он работал, сумятица голосов продолжала звучать в его голове. Голоса становились все громче, все настойчивее, все глубже проникали в его сознание. Сорвав последние узлы с плиты, он громко выкрикнул вертевшиеся в сознании слова, делая три шага назад:

— Квертхал! Мекарт! Дейстарл!..

Плита дрогнула и раскололась. Поль понял, что наложить такое заклинание было намного сложнее, чем снять его. Всю эту энергию надо было собрать, разлить по нитям и связать узлами. Его собственная работа была ничто по сравнению с работой наложившего заклинание.

С жутким треском перед ним открылся вход в пещеры. Поль взял в руку фонарь и прикрывал лицо рукавом, пока с потолка сыпалась щебенка. Когда все затихло, он осторожно двинулся вперед, в образовавшееся отверстие.

Он собирался поднять фонарь, чтобы осмотреть грандиозных размеров помещение, когда заметил огромное количество нитей, свернутых в шар, размеры которого были больше самого Поля.

Шар был справа от входа. От него отходило множество цветных нитей в самых разных направлениях. Поль решил, что понадобится целый век, чтобы распутать паутину заклинаний и добраться до центра шара. Однако... сможет ли он справиться с тем, что он освободит? Ведь недаром кто-то затратил огромное количество энергии, чтобы создать этот клубок заклинаний. Надо подумать, может, в голову придет что-нибудь получше.

Он поднял вверх фонарь.

Драконы, драконы, драконы... Сотни драконов и других фантастических зверей лежали перед ним, насколько хватало глаз. И к каждому из них шла нить от клубка.

Он опустил фонарь. Что, черт возьми, он будет делать с этими драконами? Как будет повелевать ими? Он вздрогнул при мысли, что освободит хотя бы одно из этих чудовищ.

А если они проснутся голодными?

Он медленно попятился.

Уйти. Забыть об этом наследстве Рондовалов.

Когда он снова проходил мимо клубка, внимание его привлекла одна зеленая нить. Она была немного темнее других и вдвое толще. Что связывает она?—заинтересовался Поль.

Внезапно все сказочные страны, о которых он прочитал, о которых пел, которые лепил из дыма, ожили в его мозгу. Он понял, что не уйдет отсюда, пока не увидит чудовище, связанное этой нитью. И он пошел вдоль этой нити, осторожно ступая между спящими животными. Он коснулся нити пальцами, и звук, подобный звону колокола, раздался в его мозгу: «Лунная Птица». И он понял, что это—имя чудовища, к которому он шел.

— Лунная Птица,—сказал он, держась за нить.

— Я слышу, господин,—прозвучало в его мозгу,—слышу тебя из глубин сна. Будем ли мы снова парить в небе, как в былые дни?

— Я не тот господин, которого ты знал. Для Рондовалов наступили черные дни,—мысленно ответил он, держась за нить.

— Что случилось? Рондовалы всегда были здесь. Ты из их рода?

— Да.

— Тогда освободи меня из призрачного царства. Я все для тебя сделаю.

— Мне нечем кормить тебя.

— Я найду все сам. Не бойся.

— К тому же, здесь сложное заклинание...

— Не для таких, как ты.

Поль остановился. Путь преградила громадная глыба. Сперва он решил, что эта глыба из медных чешуек, покрытая зеленым налетом паутины, но затем заметил, что эта глыба немного шевелится.

Поль глубоко вздохнул, стиснул зубы и поднял фонарь. Это была огромная голова. Какими же громадными должны быть

у нее глаза! Он робко протянул руку и коснулся ее. Холодная, как камень. И такая же твердая.

— Как далеки отсюда жилища людей, Лунная Птица?— спросил Поль.

И перед глазами у него возникли маленькие пятнышки лесных массивов, разбросанные кубики домов, голубая паутина рек...

— Будем ли мы снова парить в небесах?

Страх исчез. Осталось только неодолимое желание видеть это громадное животное свободным.

Он опять взялся за нить и пошел к ее началу.

— Потерпи, король драконов. Сейчас посмотрим...

— И уничтожать врагов...

— Сначала надо освободиться.

Он подошел к выходу, где находился шар, сплетенный из разноцветных нитей заклинаний; отметил мысленно место, где эта зеленая нить скрывается в клубке, а также те места, где она выныривает на поверхность. Можно ли освободить только одну эту нить? Возможно ли разбудить Лунную Птицу, не разбудив остальных?

Он долго изучал клубок, затем сделал, наконец, первое осторожное движение. Вскоре его руки были по локоть погружены в клубок, распутывая зеленую нить...

И вот он уже стоит, намотав на палец конец освобожденной нити. Он отошел назад, посмотрел на спящего гиганта.

— Просыпайся,— передал он мысленно, освобождая его.

Нить, извиваясь, поползла прочь. Дракон зашевелился.

— Он даже больше, чем я предполагал,— подумал юноша, глядя в открывшиеся глаза чудовища.— Гораздо больше...

Раскрылась и закрылась пасть. Мелькнул ряд острых зубов.

— Да и зубы тоже...

Поль подошел поближе, протянул руку и коснулся огромной шеи.

— Я Поль Детсон, лорд Рондовал,— передал он.

Голова чудовища поднялась, повернулась, снова раскрылась пасть... Внезапно появился язык и лизнул его своей шершавой поверхностью с такой силой, что Поль упал.

— Хозяин!..

Поль с трудом поднялся на ноги и похлопал чудовище по шее.

— Осторожнее, Лунная Птица. Я же не из камня!

— Я иногда забываю об этом.

Дракон расправил крылья, сложил их, поднял голову.

— Садись на меня, полетим!

— Куда?

— Из этого старого подземелья. На воздух, в небо!

Поль колебался. Мужество его таяло.

«Но если я не сделаю этого сейчас, я уже никогда не решусь,— подумал он.— А если я сейчас полечу с ним, то смогу это делать всегда. А это мне может пригодиться...»

— Одну секунду,— передал он, отыскивая путь к нему на спину.

Дракон вытянул шею и опустил голову.

— Полезай!

Поль залез и разместился так, как рисовалось в сказочных книгах, в которых люди летали на драконах: на широком месте у основания шеи. Он вцепился в дракона руками и ногами.

— Я чувствую, что ты играешь на музыкальном инструменте,— сообщил Лунная Птица, когда они двинулись.— Принеси его в следующий раз, когда мы будем летать. Я люблю музыку.

Они поднялись вверх, и дракон нашел канал, по которому в пещеры проникал воздух. Свет от фонаря, который Поль оставил внизу, быстро уменьшался и превратился в точку.

Они летели в полной темноте, и вдруг, совершенно неожиданно, над ними вспыхнули звезды, и холодный ветер ударил в лицо Поля. К своему удивлению, Поль запел.

Глава 13

Марк скатился с постели, накинул на плечи пурпурный халат и сел, стиснув голову, дожидаясь, когда комната перестанет вращаться.

Как долго это уже продолжается? Пять дней? Шесть? Сколько времени занимался с ним робот-хирург?

Он поднял голову. В комнате был полумрак. То, что было вставлено в его левую границу, зажужжало, затем успокоилось, и он стал все видеть левым глазом.

Он поднялся, пересек роскошно обставленную комнату — металл, пластик, стекло — и посмотрел в зеркало над раковиной для умывания. Пробежал пальцами по окружности линзы, там, где она крепилась к костям черепа.

Пока чувствительно. Медленно заживает из-за того, что мне приходится пить наркотики. Но они сейчас мне необходимы, иначе я не смогу думать...

Он взял тюбик с таблетками, проглотил две штуки, запив водой. Затем умылся и побрился, не зажигая света.

В этом есть и мои преимущества, решил он, теперь он может видеть в темноте...

Он надел коричневые брюки со множеством карманов, зеленый свитер, сапоги и вышел на террасу. Его личный флайер в полной готовности — компактный, легкий, с дельтавидными крыльями. Вдали взлетали и садились механические птицы. Марк вдохнул воздух, повернулся к лифту, от которого пахло работающим заводом, и спустился на три этажа. По крытому коридору, проходящему над улицей, он прошел в соседнее здание, где располагался центр наблюдений.

Один из его слуг, маленький скрюченный человечек, сидел перед экранами. Марк не мог сказать, на что он смотрит, так как его спина загораживала обзор. Именно поэтому Марк и не любит

использовать на службе людей, разве только там, где их не могли заменить машины.

Он подошел поближе, и оптический протез снова зажужжал, приспосабливаясь к освещенности.

Человек в кресле выпрямился.

— Добрый вечер, сэр,— сказал он, не отрываясь от экрана.

Однако, острые чувства у этих мутантов, черт бы их побрал.

— Есть что-нибудь важное?

— Да, сэр. Не вернулись две патрульные птицы.

— Пропали? Где?

— В деревне...

— Что с ними случилось?

— Не знаю, сэр. Они просто не вернулись.

— Как давно?

— Часа три назад.

— Ты послал другую птицу, чтобы посмотреть, что произошло?

— Это случилось внезапно, сэр.

— Другими словами, ты ничего не сделал. Почему мне ничего не сообщили?

— Был приказ не беспокоить вас, сэр.

— Да... конечно. И что ты собираешься сейчас делать?

— У меня нет идей, сэр.

— Наверное, авария. Пошли туда птиц для тщательного осмотра. Сейчас же пошли. Нет, подожди!

Он подошел ближе и стал осматривать экраны.

— Никакой активности в деревне?

— Нет, сэр.

— Девушка из дому не выходила?

— Нет, сэр. В доме темно.

— Думаю, завтра заберу ее. В зависимости от самочувствия. По плану Б: три птицы и две для сопровождения. Проследи, чтобы они были готовы.

— Хорошо, сэр.

Маленький человек бросил украдкой на него взгляд.

— Должен сказать, сэр, что новый глаз выглядит очень привлекательно.

— О, благодарю! — проворчал Марк, развернулся и ушел.

Когда же он сможет думать? Помогут ли таблетки? К завтрашнему дню он не будет в форме.

Подождать до послезавтра? Или вернуться и отменить команду?

Нет, пусть уж остается так.

Марк пошел осматривать завод. Линза гудела, приспосабливаясь к другой освещенности.

Фонарь болтался из стороны в сторону, по стенам плясали тени. По лабиринту туннелей быстро шел маленький человек, изред-

ка останавливаясь, чтобы прислушаться или выглянуть из-за поворота.

Без фонаря было бы совсем плохо, думал он. И эта плита. Этой расколотой плиты явно не было, когда он шел сюда. Он снова вспомнил, чему оказался свидетелем после пробуждения. Человек как бы разговаривал с чудовищем, затем вскарабкался на шею ему и улетел, оставив, к счастью, фонарь. Кто бы это мог быть? И как он сюда попал?

Человек, припоминая путь, свернул в боковой туннель. Вроде бы, никаких звуков, кроме его собственных шагов, слышно не было. Очень любопытно. После такой-то битвы...

Дойдя до огромной лестницы, он оставил фонарь, и дальше пошел в полной темноте, бесшумно пробираясь к светлому пятну наверху.

И вот, наконец, он на верхней ступени. Глаза его обшарили холл.

— Сколько же я спал?—спросил он, обращаясь, наверное, к истлевшему занавесу.

Ответа он ждать не стал.

Когда Лунная Птица плавно опустилась на плоскую крышу уцелевшей башни, солнце уже позолотило восточный край небес. Поль сошел с дракона и похлопал его по шее.

— Спасибо, приятель. Я еще вызову тебя.

— Я услышу. Я прилечу.

Огромная тень взмыла в воздух и полетела к одному из входов в пещеры. Казалось, что зеленая нить связывает его с поднятой в прощальном жесте рукой Поля. Но скоро она растает, и огромное животное будет полностью свободным.

Какое-то время Поль смотрел на звезды, гаснущие на западе, и размышлял о странных металлических птицах, пару которых уничтожил дракон.

Посмотрев восход солнца, Поль повернулся, вошел в башню и стал спускаться по винтовой лестнице в библиотеку. Он уже чувствовал себя здесь как дома. Поль шел, напевая что-то про себя, и щелкал пальцами. Теперь он стал тем, кем ему суждено было стать — магом, повелителем драконов, владельцем замка Рондовал.

Ему захотелось взять гитару и спеть об этом, чтобы пыль выметалась сама по себе, чтобы мебель расставлялась по местам, чтобы мусор вылетал в окно, когда нити заклинаний будут колебаться в такт со струнами гитары, резонируя, и приводить в действие неведомые тайные силы. Теперь он действительно чувствовал, что Рондовал принадлежит ему.

Он вошел в библиотеку и собрался налить себе вина, чтобы отпраздновать свой успех, но с удивлением обнаружил, что бутылка пуста, хотя отлично помнил, что когда он уходил, в ней оставалось больше половины. Остававшаяся пища тоже исчезла.

Пожав плечами, он пошел к лестнице. Придется взять что-

нибудь из кладовой. После ночного путешествия он сильно проголодался.

Глава 14

Опутав к концу дня весь замок нитями, он решил отдохнуть и подождать, кто же попадется в его ловушку. Пройдя в небольшую комнатку, где находился центр его паутины, он сел ожидать сигнала. Сидел и размышлял.

Серебряно-серые нити тянулись во все стороны, и видны они были только ему. Поль обтянул ими весь Рондовал и устроил целую систему ловушек. Про каждую нить он знал, куда она ведет. Он понял, что обычный человек видеть эти нити не может. Создать такую паутину мог только человек, обладающий могуществом, таким, как то, что привело его в этот замок, ставший его домом. Прежние обитатели этого замка тоже обладали таким могуществом и, видимо, умели делать и многое другое, чему он должен будет научиться по книгам.

Поль подумал о своих родственниках. Еще ребенком Мор забрал его отсюда и обменял на Даниэля Чейна. Если он родился здесь и унесли его отсюда сразу после битвы, то значит, замок стоит в запустении уже 20 лет. Если, конечно, время здесь идет с той же скоростью, как и в том мире. Что бы ни было причиной войны, подумал он, его родители проиграли ее и теперь, наверняка, мертвы.

Он подумал о своих родителях. В комнатах замка было множество портретов различных людей. Один из них вполне мог быть изображением лорда Дета, его отца. Подписей под портретами не было, а Поль не имел понятия, как выглядели его отец и мать.

Его кисть слегка запульсировала, но сигнала, что ловушка сработала, не было. Он смотрел на темнеющее небо и думал о мире, в который он попал, и удивлялся, что чувствует себя в нем так, как будто здесь и вырос. Он уже ощущал себя хозяином дома, хоть и не знал его истории. И он подозревал о присутствии в доме кого-то чужого.

Чужой. В его присутствии Поль был уверен так, как если бы видел его своими глазами. Уверен не только потому, что исчезли еда и вино, но и по дюжине других мелких следов — стертая с дверной ручки пыль, мелкая перестановка предметов, след ноги в коридоре, где никто не ходил. И еще какое-то шестое чувство, интуиция, говорило ему об этом. Иррациональным чувством Поль ощущал, что по замку Рондовал ходит чужой.

Поль тщательно сплел паутину заклинаний, частично по интуиции, частично по книгам отца. Все сделано вроде бы правильно. И как только чужой попадется в сеть, Поль сразу же узнает об этом.

Снова пульсации. Но на этот раз они не прекратились, и пальцы почти сами потянулись к нити. Да. Нить вела к разрушенной

башне. Отлично. Он взялся за нить рукой и стал осторожно ею манипулировать. Пульсации усилились.

Ага. Движущийся человек. Мужчина. Это он попал в сеть. Нить теперь дрожала и разбухала, наливаясь энергией. Она крепко захватила чужака.

Поль улыбнулся. Его энергия потекла по нити, заставив чужака остановиться.

— А теперь, друг мой,— тихо сказал он,— я хотел бы с тобой встретиться. Иди ко мне.

Человек начал спускаться по винтовой лестнице. Его движения были медленные, почти механические. Он тщетно пытался сопротивляться заклинанию, но его неумолимо тянуло вперед. Лоб человека сморщился от напряжения, зубы были стиснуты.

Поль наблюдал, как человек спускается по лестнице, идет по коридору, пытается зацепиться за колонны, за дверные рамы, мимо которых проходил. Но руки его срывались. Сунув руку под плащ, он вытащил длинную крепкую веревку. Быстро завязав узел на кисти руки, закрепил на другом конце крюк и бросил его за окно. Затем подергал за веревку, чтобы убедиться, что крюк зацепился надежно и, схватившись за веревку обеими руками, стал молиться Давстиру, покровителю воров.

Поль нахмурился, заметив, что человек удерживается на месте. Он удвоил усилия, но тщетно. Выругавшись, он поднялся и пошел вдоль нити к темному холлу. Свечи вдоль его пути загорались сами, когда он проходил мимо. Вдруг Полю пришло в голову, что этот человек тоже обладает могуществом, раз он смог противостоять могучему заклинанию и остановиться на месте. Может, вызвать Лунную Птицу, чтобы уничтожить чужака?

Нет. Он должен сделать это сам, если это, конечно, возможно. Ему хотелось в борьбе с противником проверить свое могущество, ведь теперь, когда Рондовал стал его домом, на нем лежала защита замка.

Он, возможно, прошел бы мимо маленького, одетого в черное человечка, не заметив его, если бы его внимание не привлекли дрыгающиеся ноги. Он увидел, что человек противостоит его заклинанию только силой рук.

— Занятно,— сказал Поль, снова взявшись за нить.— Не старайся напрасно, спускайся вниз. Быстро!

Да. Тот самый двигающийся человек. Мужчина. Это он попал в сеть. Нить дрожала, разбухала, наливалась энергией, крепко захватив чужака.

Поль усмехнулся. Его энергия потекла по нити, заставив человека застыть неподвижно.

— А теперь, друг мой,— пробормотал он,— спускайся вниз.

Чужак потихоньку начал спускаться по веревке. Затем он не выдержал и отпустил веревку, и сразу же упал к ногам Поля. Поль отскочил назад, ударился плечом о стену и упал. Упавший рядом с ним человек моментально вскочил и побежал.

Оправившись от падения, Поль схватил нить и стал манипули-

ровать ею, стараясь захватить колени беглеца. Наконец, тот упал и растянулся на полу.

Поль подбежал к нему, удерживая нить в натяжении. Человек откатился в сторону, в его руке появился нож. Но Поль был наготове. Он отскочил в сторону, а петля на нити захватила кисть соперника и затянулась.

Нож упал, проскользил по полу и исчез в тени возле стены. Теперь руки и ноги беглеца были связаны. Его светлые глаза встретились с глазами Поля. В них не было никакого выражения.

— Должен заметить,— сказал Поль,— что ты не спешил выполнить мой приказ.

Человек улыбнулся.

— Это моя профессия,— сказал он мягким сладким голосом. Затем вздохнул.— Ну, что теперь?

Поль покачал головой.

— Не знаю. Я поймал тебя, не имея ни малейшего понятия, кто ты и чего тебе здесь надо. Я поймал тебя только, чтобы обеспечить свою безопасность и удовлетворить любопытство.

— Меня зовут Маусглов, и я не собирался причинять тебе вреда.

— Тогда чего же ты шпионишь и крадешь пищу?

— Человеку надо есть, а забота о своей безопасности заставляет меня прятаться. Все, что я о тебе знаю — что ты колдун и повелитель драконов. Мне не очень-то хотелось идти знакомиться с тобой.

— Разумно,— заметил Поль.— А если бы я еще знал, как ты здесь оказался, я мог бы отнестись с пониманием или даже с симпатией к твоему воровству.

— Хорошо,— сказал Маусглов.— Я вор. Я пришел сюда, чтобы украсть принадлежавшую лорду Дету коллекцию фигурок из драгоценных камней. Это очень дорогая коллекция. Я собирался продать ее в западных странах и на полученные деньги жить в свое удовольствие. К сожалению, Дет поймал меня — примерно так же, как и ты — и заточил в подземную тюрьму. Мне удалось бежать, но в тот момент война была в самом разгаре. Замок был осажден, и нападающие готовились взять его штурмом. Я видел, как Дет был убит во время дуэли со старым колдуном, и решил, что самое безопасное — вернуться обратно в тюрьму. Однако, я заблудился в лабиринте, а затем уснул. Когда я проснулся, я увидел, как ты оседлал страшного дракона и улетел на нем. Я выбрался оттуда и пришел сюда. Я был очень голоден, а из кладовой взять пищу не смог.

— Не понимаю, почему же ты остался в замке?

Маусглов облизнул губы.

— Мне хотелось проверить,— сказал он после некоторой заминки,— на месте ли коллекция.

— Ну и как?

— Я ее не нашел. Но судя по тому, как выросли деревья вокруг, прошло значительно больше времени, чем я думал.

— Я думаю, прошло лет двадцать,— сказал Поль, освобождая ноги Маусглова.— Ты голоден?

— Да.

— И я тоже. Пошли, поедим. Если я освобожу тебе руки, ты поможешь мне нести пищу? Не будешь хвататься за нож?

— Предпочитаю убивать на полный желудок.

— Отлично,— Поль снял петлю с его рук.

— Много бы дал, чтобы понять этот фокус,— сказал Маусглов, глядя на Поля.

— Пошли в кладовую,— сказал Поль.— По пути я хочу услышать, как погиб мой отец.

— Твой отец?— Маусглов выпрямился.

— Лорд Дет.

— Но ведь остался только ребенок...

— Двадцать лет прошло.

Маусглов вытер лоб.

— Двадцать... Трудно поверить. Не понимаю, как это могло произойти?

— Ты попал под действие заклинания, насылающего сон, и уснул вместе с драконами. Наверное, я освободил тебя вместе с Лунной Птицей. Ты, должно быть, спал рядом.

Они двинулись к кладовой. Маусглов повернулся и взглянул на Поля.

— Первый раз я видел тебя на руках у матери. Она обожгла мне руки, когда я пытался дотронуться до тебя.

— Ты знал ее?

— Да. Леди Лилия... Очень красивая женщина. Но я думаю, лучше начинать сначала.

— Пожалуй, ты прав.

Они взяли в кладовой пищу и вино и прошли в библиотеку, чтобы поесть и поговорить. Поль взял гитару и, слушая рассказ вора, рассеянно пощипывал струны, изредка отхлебывая вино. Один раз он взял такой аккорд, что у Маусглова волосы встали дыбом и лязгнули зубы. Поль мягко спросил:

— И они убили моих родителей? Жители деревни?

— В армии были и другие, не только жители деревни. Я видел среди них даже кентавров. Но с Детом сражался другой колдун, Мор. Думаю, его вызвали...

— Мор?

— Да.

— Продолжай.

— Твоя мать была в юго-западной башне, когда та рухнула. Я встретился с ней, когда она направлялась туда. Тебя нашли одного возле входа в башню и принесли в главный холл. Солдаты хотели тебя убить, но Мор сохранил тебе жизнь, обменяв на ребенка из другого мира — или, точнее, сказал, что обменяет. Он действительно заменил?

— Да. И это они убили моих родителей...

— Двадцать лет прошло. Все они теперь старики, может, даже уже умерли. Тебе не удастся их найти.

— Но те, что закидали меня камнями. И то, что они узнали знак дракона, тоже о чем-то говорит.

— Поль... Лорд Поль... я не знаю твоей истории, где ты был, какую вел там жизнь, как вернулся сюда... но я старше тебя. Я многое не знаю и во многом не уверен, но одно я знаю твердо. Ненависть съест тебя, вывернет наизнанку, если ты не найдешь, кому надо мстить.

Поль хотел сказать что-то, но Маусглов поднял руку.

— Подожди. Дай мне кончить. Ты молод, и у меня сложилось впечатление, что ты только учишься обладать могуществом. Думаю, что переход сюда — головокружительный поворот в твоей жизни. Оглядываясь в прошлое, я вижу, что у меня тоже было много возможностей так резко изменить свою жизнь. Такие возможности бывают у каждого. Но мне кажется, что ты еще не выбрал себе дорогу в жизни, по которой будешь идти. Старый Мор был белым колдуном. Дет, напротив, черным. Но в мире не все так просто и понятно. Не существует ни чисто белого, ни чисто черного, и лишь по прошествии времени можно оценить, на что было направлено могущество того или иного колдуна, что им руководило. Не знаю, понимаешь ли ты, к чему я веду. Если ты сейчас, через двадцать лет, когда ты так молод, будешь думать о мести, использовать свое могущество во зло, то ты переменишься к худшему, и все, к чему ты прикоснешься, будет носить черную метку. Я говорю тебе это не потому, что боюсь появления нового Дета, а ради тебя самого.

Поль молчал, затем тронул струну.

— Посох моего отца,— сказал он.— Ты сказал, что Мор разделил его на три части. Повтори еще раз, что он с ним сделал.

Маусглов вздохнул.

— Он говорил о каком-то магическом треугольнике Инта. Он хотел поместить части посоха в его вершины.

— И это все.

— Все.

— Ты знаешь, что это означает?

— Нет. А ты?

Поль покачал головой.

— Никогда не слышал об этом.

— А что ты скажешь о моей оценке сложившейся ситуации?

Поль сделал глоток вина и поставил стакан.

— Я их ненавижу. Может, мой отец и был злым человеком, черным магом — не знаю. Но я не могу оставаться беспристрастным, узнав о его насильственной смерти. Нет. Я их ненавижу. Они как тупые дикие звери. Они поступили со мной жестоко, хотя я не желал им никакого зла. А недавно мне рассказали о человеке, который хотел сделать им добро, но, возможно, не так подошел к этому. И тоже пострадал от них. Его закидали камнями. Это трудно простить.

— Поль... Лорд Поль, они боятся. Ведь ты для них представляешь то, чего они очень долго боялись. А другой человек... Кто знает? Может, там такая же ситуация?

— Да,— Поль кивнул.— Как я понял, он пытался внести в их жизнь что-то новое, но такое, какое они прокляли много лет назад. Наверное, ты прав. У тебя есть еще что мне рассказать?

— Нет, уже нет. Но я хотел бы услышать твою историю. Ведь мне кажется, что всего несколько дней назад я видел тебя ребенком.

Поль впервые широко улыбнулся. Он снова наполнил стакан.

— Хорошо. Я с удовольствием расскажу...

Когда Поль открыл глаза, был уже день. Он спал на диване, а Маусглов свернулся на полу.

Поль поднялся и бесшумно спустился вниз, где умылся и сменил одежду. Затем сходил в кладовую и взял еды. Когда Поль вернулся. Маусглов был уже на ногах. Вор жадно посмотрел на еду.

После завтрака Маусглов спросил:

— Какие у тебя планы?

— Немножко мести.

— Этого я и боялся,— сказал Маусглов.

Поль пожал плечами.

— Тебе легко говорить «прости их». Они не пытались убить тебя.

— Я долго был в руках слуг и тюремщиков твоего отца.

— Но ты же сам сказал, что пришел сюда воровать. Я же не хотел им ничего плохого. Это разные вещи.

— Хорошо. Ты уже решил. Мне сказать больше нечего, кроме того, что я хотел бы уйти отсюда, если, конечно, ты не против.

— Пожалуйста. Ты больше не пленник. Я дам тебе в дорогу еды.

— О, но только немного. Люблю путешествовать налегке.

— Можешь взять все, что тебе нужно. Ты куда направляешься?

— В Дибну.

— Я не знаю, где это,— Поль пожал плечами.

— Город на юге. Сейчас я покажу,— он взял из шкафа карту.— Вот он.

— Очень далеко,— сказал Поль, рассматривая карту.— И по пути сплошные пустыни. Если ты не против, я отвезу тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— На драконе.

Маусглов побледнел и прикусил губу. Затем улыбнулся.

— Ты шутишь?

— Ничуть. Я в долгу перед тобой за то, что ты мне рассказал. Я отвезу тебя в Дибну, если ты согласен лететь со мной на драконе.

Маусглов стал задумчиво расхаживать по комнате.

— Ну хорошо,— наконец, согласился он.— Если ты уверен, что он согласится меня взять.

— Согласится.

Они летели на юг, сидя на огромной спине медно-красного дракона. Солнце было еще низко. Холодный ветер уходящей ночи мешал им разговаривать.

Поль услышал в мозгу голос дракона:

— Я просил, чтобы ты принес музыкальный инструмент.

— Сегодня здесь тесновато.

— Этот человек мне почему-то знаком. Он мне снился.

— Он спал рядом с тобой. И ему снились драконы.

— Странно... мне кажется, я могу говорить с ним.

— Попробуй.

— Эй, человек!

Маусглов встрепенулся, посмотрел вниз, улыбнулся.

— Ты Лунная Птица?— спросил он.

— Да.

— Я Маусглов. Мое занятие — воровство.

— Мы спали рядом?

— Да.

— Рад встретиться с тобой.

— Я тоже...— Маусглов заметно успокоился после этой беседы, развалился и сказал Полю:

— Это совсем не так, как я себе представлял. Мне кажется, что я его хорошо знаю. Эти сны...

Они смотрели, как над ними проносятся звезды. Внизу виднелись зеленые леса, коричневые горы, голубые реки и озера. Они пролетали над отдельными строениями, фермами, к которым вели тропинки, соединяющие их с дорогой. Вокруг были фруктовые сады. Слева, где земля понижалась, Поль увидел скопление камней и узнал место, где он спал. Губы его сжались.

— Лети над дорогой.

— Хорошо.

Скоро должна появиться деревня. Надо посмотреть на нее в дневном свете, решил Поль. Может, удастся напугать кого-то из жителей.

Он увидел внизу смотрящего на них кентавра. Как там сказал Маусглов? «Я видел среди них даже кентавров».

— Спустись, напугай его.

Они быстро понеслись вниз. Кентавр развернулся и поскакал прочь. Поль ухмыльнулся.

— Это всего лишь начало,— сказал он, когда дракон снова взмыл вверх.

— Господин, впереди летающие железные птицы. Позволь мне их уничтожить.

Поль всмотрелся. Над землей кружили черные металлические аппараты.

— А на земле они есть?

— Есть, но те, что в воздухе, уничтожить легче.— Поль почувствовал, что тело дракона нагревается.

— Но там, внизу, человек. Кажется, девушка.

Даже с высоты он мог видеть цвет ее волос.

— Спускайся на землю. Только осторожно. Не причини вреда девушке.

Дракон удрученно вздохнул. Из его ноздрей вырвались клубы зеленого газа и тут же растворились в воздухе.

— Всегда люди все усложняют.

Внезапно они ринулись вниз. Земля быстро приближалась. Поль рассмотрел Нору, которую окружали три летающие машины. Они были гораздо сложнее, чем те, с которыми они встречались в воздухе прошлой ночью. Эти машины могли двигаться по земле, и они преследовали девушку. Она, в свою очередь, старалась от них сбежать и стремилась к лесу, чтобы укрыться там за деревьями. Поль понял, чо если она доберется до леса, то будет в безопасности, а если нет, то машины схватят ее.

Он почувствовал запах гнилых яиц — признак какой-то химической реакции в теле дракона. Этот запах заполнил весь воздух. Крылья дракона внезапно раскрылись, и туловище выпрямилось. Поль и Маусглов впились в его чешую, чтобы не свалиться.

Приземление оказалось очень резким, и их чуть не сбросило на землю. Через несколько секунд Поль понял, что они сели прямо на одну из машин.

Затем дракон рыгнул — жуткий, отвратительный звук, сопровождающийся усилением тошнотворного запаха. И сразу же из его пасти изверглась струя зеленой жидкости и попала на вторую машину. Она задымилась, а потом вспыхнула. Поль поискал глазами Нору. Девушка старалась убежать как от оставшейся машины, так и от них. Внезапно она узнала его.

— Ден!

— Все в порядке! — крикнул он, а дракон двинулся вперед и начал крушить аппарат, пытавшийся скрыться с места сражения.

Первый удар повредил правое крыло машины, второй — превратил ее в кучу металлолома. Но тут две машины спустились на землю, а на небольшой высоте над ними кружила третья.

Лунная Птица снова рыгнул, и одна из машин запылала. Оставшаяся бросилась на них. Поль прижался к телу дракона, рядом с ним прижался Маусглов, но оба хорошо видели, что происходит.

Дракон открыл пасть и поднял свои передние лапы. Он сорвал с птицы крылья, затем последовал скрежещущий звук.

— Они не съедобны.

Он плюнул. Перед ним лежали дымящиеся обломки машины.

Поль посмотрел вверх. Последняя птица поднималась все выше и выше.

— Догнать ее?

— Нет. Я подойду к Норе. Подожди.

Он спрыгнул на землю и, пробираясь между обломками, подошел к Норе.

— Здравствуй,— он взял ее за руку.— Что случилось? Что это за аппараты?

— Это машины Марка. Такие же, как те, что спасли его. Он послал их за мной.

— Зачем?

— Он хочет меня. Сказал, что возьмет меня к себе.

— А ты к нему идти не хочешь?

— Только не сейчас.

— Тогда надо повидаться с ним и поговорить. Где он?

Девушка посмотрела на дракона, затем снова на Поля.

— Думаю, на юге,— сказала она наконец.— В одном из запретных мест, возможно, в горах Анвил.

— Ты сможешь его найти?

— Думаю, да.

— А ты летала когда-нибудь на драконах?

— Нет, никогда.

— Лети с нами,— он погладил ее руку.— Это очень интересно. Этого дракона зовут Лунная Птица.

— Я боюсь,— она не двинулась.— Последний дракон, который был в этих краях, принадлежал дьяволу Дету...

Он кивнул.

— Это хороший дракон. Но скажи мне, кого ты боишься больше: механических птиц Марка или это кроткое ручное животное?

Она повертела головой.

— Где ты его нашел? Почему он подчиняется тебе? Может, ты действительно из рода Рондовалов? Ты говорил, что ты путешественник...

— Я много путешествовал. Но об этом долго рассказывать.

— Но если ты действительно из рода Рондовалов, как говорят, то это один из драконов Дета.

— Теперь он мой. Я не хочу лгать тебе. Я никогда не лгал. Да, я из рода Рондовалов. Но я рад был помочь тебе. Ты покажешь, где живет этот парень? Я хочу с ним поговорить.

Она долго смотрела ему в лицо. Поль встретил ее взгляд спокойно. Наконец, она кивнула.

— Ты прав. Он способен причинить много вреда. Возможно, нам удастся его образумить. Как мне влезть на дракона?

— Позволь сперва представить тебя ему...

Когда земля растаяла под ногами, Поль наклонился к Маусглову.

— Нам придется сделать по пути небольшой крюк. Я хочу навестить человека, который командует этими штуками.

Маусглов кивнул и спросил:

— Разве ты еще не отказался от мести?

Поль покраснел, а Нора спросила:

— Месть? О чем он говорит?

— Потом! — отрезал Поль.— Расскажи мне о запретных местах.

— Это места, где сохранилось много вещей от прежних времен. Говорят, там бродят призраки,— добавила Нора.

— Я тоже слышал об этом,— сказал Маусглов.— В тот день, когда я видел тебя, я слышал, как Мор говорил что-то о балансе. Наш мир развивается в одном направлении, а тот, куда тебя перенесли — совсем в другом. И эти пути абсолютно несовместимы. Попытка скомбинировать их может привести к страшным последствиям. Мне кажется, что в этом направлении Дет и работал.

— Значит, Марк представляет большую опасность?

— Выходит, что так.

Поль прикрыл глаза от солнца и посмотрел вперед, выискивая в небе механическую птицу, которая уже превратилась в точку.

— Мы летим в том же направлении, что и птица.

— А какая там местность?— спросила Нора.

— Не знаю,— Поль улыбнулся маленькому вору, и тот улыбнулся в ответ.— Намерение — не действие. И даже не попытка,— взгляд его внезапно расфокусировался, он как бы рассматривал что-то невидимое другим.— А поучения у тебя хорошо получаются,— сказал он, помолчав, и Маусглов судорожно схватился за грудь.— Ведь мои фигурки сейчас у тебя в кармане.

Маусглов побледнел и зашелся в кашле.

— Я потом с тобой разберусь,— сказал Поль.— Не думаю, что ты сможешь убежать. Я теперь понимаю, о какой опасности говорил Мор, когда привел меня сюда.

— Я все объясню...— начал Маусглов.

— Так тебя привел сюда старый Мор?— спросила Нора.

— Да.

— Это очень интересно. Когда я рассказала ему о Марке, старик выглядел совсем больным.

— Выглядел он плохо,— согласился Поль.

Характер местности стал меняться. Деревья становились мельче. Широкая река, вдоль которой они летели, сузилась и, наконец, повернула на юго-запад и исчезла из виду. Земля становилась все суше и все пустынней.

Черная точка, за которой следил Поль, давно скрылась из виду, но около полудня они встретили отряд птиц. Те летели на большой высоте, затем начали спускаться, держа курс на них. Птиц было с полдюжины.

Поль почувствовал, что шея Лунной Птицы напряглась. Казалось, дракон начал нагреваться.

— Надо напасть...

— Подожди,— приказал Поль.— Они, кажется, не собираются на нас нападать. Думаю, они будут нас сопровождать.

— Нужно их уничтожить.

— Пока они далеко — не надо.

Они продолжили полет, и вскоре на горизонте появились ярко

освещенные горы Анвил. Силуэты гор четко вырисовывались в небе. Эскорт из птиц сопровождал дракона, не делая попыток нападения и не меняя дистанции. Подлетев к горам, они увидели огромное количество таких птиц, кружащих в небе над горами с плоскими вершинами.

Горы становились все больше по мере приближения к ним. Поль заметил, что птицы меняют курс.

— Лети туда, куда они ведут. Наверняка они хотят доставить нас к Марку.

Лунная Птица не ответил, но изменил курс, приноравливаясь к полету механических птиц. Они приближались к городу в горах и делали широкий разворот, чтобы сесть на крышу расположенного в центре города здания. Поль неотрывно смотрел вниз и вскоре увидел высокого рыжеволосого человека, стоящего на площадке недалеко от них. Вокруг него двигались похожие на людей машины, выполняя какую-то работу.

— Магия! — пробормотал Маусглов.

— Нет,— сказал Поль.— Это не магия.

Он почувствовал, что рука Норы сжала его руку.

— Знаешь ли ты этого парня? — спросил он.

— Знаю ли я его? Я его любила много лет. А теперь я боюсь его. Он так изменился.

— Хорошо. Сядем на ту площадку и поговорим с ним. Если ты хочешь, чтобы он тебя больше не беспокоил, скажи ему об этом. А если ты его все еще любишь, у тебя есть шанс все уладить. Садись, Лунная Птица.

Поездка вышла гораздо более мягкой, чем предыдущая. У Поля все еще звенело в ушах от полета. Он спрыгнул на землю и помог слезть Норе. Она сразу же воскликнула:

— Его глаз! Он поврежден!

Поль обернулся. Человек в костюме цвета хаки со множеством карманов приближался к ним. Его левый глаз был прикрыт странным устройством, которое изменило свой цвет, когда человек прошел через тень. От лба и через всю щеку проходил свежий шрам. Поль пошел ему навстречу.

— Я Поль Детсон. Нора хочет поговорить с тобой, и я тоже.

На расстоянии двух метров Марк остановился и стал рассматривать их. Затем, наконец, кивнул.

— Я Марк Мараксон,— он повернулся к Лунной Птице.— Никогда не видел драконов. Боже, какой он огромный,— он снова повернулся к Полю, даже не посмотрев на Нору.— Детсон... Маг?

— Думаю, да.

— Я никогда не понимал магии.

— Я сам только начал учиться ей.

Марк широким жестом руки показал на раскинувшийся вокруг город.

— Это вот я понимаю,— сказал он.

— Я тоже. Там, откуда я пришел, машин очень много.

Марк потер шрам на щеке.

— О чем ты говоришь? Где это?

— Мы с тобой сводные братья,— ответил Поль.— Твои родители вырастили меня в мире, похожем на тот, который ты создал здесь. Прости, что я так пристально смотрю на тебя, но ты очень похож на отца.

Марк отвернулся, сделал несколько шагов, повернулся обратно.

— Ты шутишь,— сказал он наконец.

— Ничуть. Всю жизнь я носил имя, которое дали тебе.

— Какое имя?

— Ден Чейн.

— Ден Чейн,— повторил Марк.— Мне оно нравится... Но как это могло случиться? Совсем недавно я узнал, что был усыновлен, но такое... Слишком много совпадений! В это невозможно поверить!

— Все это — правда. И это не просто совпадения. Подожди...

Поль полез в карман, достал и открыл бумажник. Затем шагнул вперед и протянул его Марку.

— Это фотографии отца и матери.

Марк взял бумажник и посмотрел.

— Они не нарисованы,— с удивлением сказал он.— Здесь какая-то сложная технология.

— Это просто фотография.

— А как их звали?

— Майкл Чейн... и Глория.

— Я... я вижу себя в этих лицах. Ты позволишь... У тебя есть еще фотографии?

— Да. Под ней есть еще несколько штук. Их ты можешь взять. Вытащи их. Да, вот так.

Марк вернул обратно бумажник.

— Чем он занимается?

Теперь Поль сделал широкий жест рукой.

— Делает машины. Конструирует их. Примерно те же, что ты делаешь здесь.

— Я был бы рад встретиться с ним.

— Он, думаю, тоже. Я буду думать над способом переправить тебя в тот мир. Придется сделать большую работу, понадобится много экспериментов, но я верю, что мне удастся сделать то, что мог сделать Мор. Мне кажется, что такой человек, как ты, не может быть счастливым в этом мире. Особенно после того, о чем мне рассказали. Уверен, что тебе захочется попасть в тот мир, из которого я пришел. Там тебе будет лучше.

Марк еще раз взглянул на фотографии и спрятал их в нагрудный карман.

— Она рассказала тебе, что они сделали с отцом... моим приемным отцом?

Поль кивнул.

— Тогда ты должен понимать мои чувства,— он снова посмотрел на дракона.— Ты собираешься им мстить?

— Сначала хотел. Но теперь — нет. Я их почти понял, а значит, почти простил. Чем дальше уходит горе, тем меньше оно меня беспокоит. Пусть они идут своим путем, а я пойду своим.

Марк ударил кулаком по ладони и отвернулся.

— Нет так все это просто,— сказал он, расхаживая взад-вперед.— Для тебя, чужака, это возможно. Но я здесь жил, вырос, был со всеми знаком. Я хотел сделать им подарок. Но они отвергли его со страшной жестокостью. И теперь... теперь я буду им мстить.

— Ты причинишь этим много боли не только им, но и себе.

— Ну и пусть. Они сами выбрали свою судьбу.

— Я думаю, что смог бы переправить тебя в твой родной мир. Там тебе наверняка понравится.

Какое-то время Марк смотрел на Поля, уже готовый согласиться, но затем сказал:

— Нет. Когда-нибудь потом. Я собираюсь преподнести им подарок. Все будет готово через неделю. И тогда...

— Подумай хорошенько.

— После моей последней встречи с ними у меня было много времени для размышлений,— его рука пробежала по изувеченному лицу.

— Если мне удастся переправить тебя в другой мир, у тебя будут замечательные возможности. Тогда ты и думать забудешь о том, что здесь произошло.

Марк подошел, опустив голову. Линза на его левом глазу светилась зловещим золотистым блеском.

— Мне кажется, ты слишком много обо мне заботишься,— медленно сказал он. Затем резко повернулся к Норе.— Не она ли причина этому?

— Нет,— сказал Поль.— Тебя она знает годы, а меня несколько дней. Между нами ничего нет.

— Ну, это ты быстро поправишь, когда избавишься от меня.

— Так думаешь ты, но не я. Хочу предостеречь тебя от ошибки, которую ты почти что сделал: она сама может поговорить с тобой.

Марк повернулся к девушке.

— Ты тоже хочешь избавиться от меня?

— Оставайся. Но не трогай деревню.

— После того, что они со мной сделали?

— Этим они показали тебе свое отношение к машинам. Они были жестоки потому, что ты напугал их.

— Ты на их стороне.

— Именно я предупредила тебя.

— А также и на его стороне,— он показал на Поля, его линза зловеще сверкнула.— Драконы! Магия! Он представитель всего архаичного, реакционного! Он стоит поперек пути прогресса! И ты предпочла его мне!

— Я никогда не говорила этого!

Она сделала шаг вперед, протянула ему руку. Он отвернулся, сжал кулак и поднес его к лицу Поля.

— Я могу убить тебя одним ударом. Я кузнец.

— Не пытайся,— ответил Поль.— Я боксер.

Марк посмотрел вверх. Сверху на него смотрел дракон.

— Ты думаешь, это ископаемое защитит тебя? У меня тоже есть слуги.

Он поднял левую руку и задрал рукав. На солнце засверкал большой браслет с множеством кнопок. Пальцы забегали по кнопкам. В округе все роботы повернулись к ним и начали приближаться.

Поль поднял правую руку и обнажил родимое пятно в форме дракона. Оно пульсировало, и казалось, что дракон извивается под кожей. Поль сказал:

— Еще не поздно прекратить то, что ты начал.

— Уже поздно,— ответил Марк.

И тут же машины одна за другой стали дергаться, начали жалобно скрипеть и застывали на месте. Машины, находившиеся дальше, просто беззвучно замерли. Марк нажимал все кнопки подряд, но безрезультатно.

— Отец часто жаловался, что я свожу машины с ума,— сказал Поль,— а теперь...

Марк бросился на него. Поль отскочил в сторону, а кулак его попал в солнечное сплетение Марка. Тот охнул и согнулся. Поль нанес удар в челюсть. Он мог ударить и еще раз, но побоялся сломать глазной протез. Пока он колебался, Марк левой рукой с размаху ударил браслетом прямо по голове Поля.

Поль упал на колени, прикрыв голову руками. Он увидел готовый ударить его сапог и откатился в сторону, чтобы избежать удара.

— Уничтожить? Сжечь?

Это дракон вошел в контакт с ним.

— Нет, Лунная Птица! Нет!

Дракон издал низкое рычание, и Марк отскочил назад, прикрывая голову сверху руками. Затуманенными глазами Поль заметил нити между ним и Марком. Вот это, красная...

Уголком глаз Марк заметил движение руки упавшего Поля. Он хотел подскочить и ударить еще раз, но ноги его не сдвинулись с места. Он упал.

Он лежал, полностью парализованный ниже поясницы. Он попытался подняться, пользуясь руками, и заметил, что Поль поднялся на колени и потирает голову руками. Вдруг чья-то рука обняла плечи Марка.

— Пожалуйста, Марк. Скажи, что ты не причинишь вреда ни деревне, ни кому-то другому.

Он попытался оттолкнуть ее.

— Ты никогда не любила меня.

— Неправда.

— Как только появился какой-то смазливый тип, ты тут же решила от меня избавиться.

— Не говори так.

Он с трудом уселся и сказал:

— Беги, пока у тебя есть возможность. Если хочешь, можешь предупредить жителей деревни. Но это не поможет. Я все равно приду и сделаю то, что решил. Это относится и к тебе. У меня будет такое оружие, с которым мне не будут страшны никакие драконы. Иди! Передай им, что я их ненавижу! Скажи им...

— Идем, Нора,— Поль встал на ноги.— Говорить с этим человеком бесполезно.— Он протянул руку. Нора приняла ее.

— Самым лучшим сейчас было бы убить тебя,— сказал Поль Марку.— Но она никогда не простит мне этого. И к тому же, ты сын родителей, которые меня вырастили. Поэтому я даю тебе еще время. Используй его разумно, пересмотри свои планы. Если ты нападешь на деревню, то дело будешь иметь со мной. Я не собираюсь быть их покровителем, но ты можешь нарушить баланс, а это будет угрозой для всех живущих здесь.

Он помог Норе забраться на Лунную Птицу, и тут заметил, что Маусглов исчез. Поль быстро осмотрел всю площадку, но вора на ней не было. Он сел рядом с Норой и посмотрел на Марка.

— Не ходи в деревню,— попросил он.

— Я понял твою магию,— мягко сказал Марк.— И найду способ ее уничтожить. Это какое-то волновое излучение, испускаемое нервной системой.

— Не трать напрасно времени. Лунная Птица, домой!

Он почувствовал, как под ним напряглись могучие мышцы. Они поднялись в воздух и стали набирать высоту.

— Он ведь не навсегда парализован?

— Нет, примерно на час. Я только стянул нити, не делая узлов.

— Нити? О чем ты говоришь?

— Он пленник своего тела. Но скоро оно оправится.

— Он уничтожит нас.

— Да, мощности у него довольно внушительные,— сказал Поль, глядя вниз.— Возможно, ты права, хотя и я надеюсь на обратное.

Солнце на западе начало спускаться за линию горизонта. Снова вокруг них запели ветры.

Механические слуги Марка ожили раньше, чем он пришел в себя. С самого начала он не обратил внимания на третьего человека, прилетевшего на драконе, а теперь все воспоминания о нем были вытеснены страшной ненавистью к Полю.

Спустились сумерки. Линза на глазу потемнела. Браслет снова стал функционировать.

Глава 15

Птица-наблюдатель с глазами широкого обзора и параболическими ушами следовала за драконом на север. С определенными интервалами за ней следовали большие птицы, служащие ретрансляторами для передаваемой ею информации. Передавать, однако, было нечего. Ничего подслушать птица-наблюдатель не смогла. Если бы она подлетела поближе, она смогла бы услышать рассказ Поля о том, как он вступил во владение замком Рондовал. Но птица не подлетела ближе и потому не слышала ничего, даже удивленных восклицаний Норы.

— Ты так быстро овладел магией! Но все же, у Марка достаточно времени, чтобы стать могущественнее тебя. Что ты сможешь противопоставить ему, если он пошлет целые тучи летающих птиц и полчища наземных машин? Мне показалось, что у него есть и люди. Или призраки... Он может создать огромную армию. У тебя есть какой-нибудь план?

Поль долго молчал, затем ответил:

— Существует посох моего отца, обладающий большим могуществом. Если он у меня будет, я смогу управлять всем, что есть в Рондовале. Если я добуду посох раньше, чем выступит Марк, то у меня будет против него могучее оружие. Но я пока не знаю ни географии этого мира, ни его политического устройства. Все книги, какие у меня есть — старые. У меня есть и карты, но я не уверен, что они еще верны.

— Я могу тебе все рассказать и показать,— сказала Нора.

— Но я доставлю тебя в твою деревню.

— Нет! Не надо. Я боюсь. Он может снова послать за мной. Кто тогда остановит его?

— Тебе может не понравиться в Рондовале.

— Но там все же лучше, чем в горах Анвил. Не знаешь ли ты такой магии, которая сделала бы его тем человеком, каким он был несколько лет назад?

— Не думаю, что магия способна изменить судьбу человека. Да и сам человек вряд ли может ее изменить.

— Я так и знала, что ты скажешь это. Все умные люди говорят одно и то же.

И она заплакала. Впервые за весь этот ужасный день. И хоть рыдала она громко, птица-наблюдатель ничего не слышала. Слышал только Поль, но он не знал, что надо сказать, и молча смотрел вперед.

Когда они пролетали над деревней Норы, было уже совсем темно. Поль накинул свою куртку на плечи девушки. Темное небо было усеяно яркими звездами, только теперь Поль впервые заметил, что не может узнать ни одного созвездия. Лунная Птица разглядел во мраке замок Рондовал, где ждал его ужин, и пошел на посадку.

Проснулся он в грязной комнате, находившейся где-то в подвале. По-видимому, прежние обитатели города использовали ее как кладовую, а нынешние обитатели до нее еще не добрались. Все здесь было в пыли и паутине, воздух был сырой и затхлый. Именно потому он и выбрал эту комнату. Визг машин сюда едва доносился, а низенькие, длиннорукие, с покатыми плечами люди вообще избегали появляться поблизости.

Он поел той еды, которую принес с собой, и спрятал сумку с фигурками под кучей мусора.

«Надо бы как-нибудь выбраться отсюда...— подумал он.— Если попадусь — все пропало. Этот тип со шрамом получает информацию обо всем, что происходит, от птиц, которые все время кружат над городом. Хорошо, что он был возбужден прибытием Норы... А далеко ли отсюда до Дибны? Вероятно, несколько дней пути, может неделя. Значит, следует запастись пищей, прежде чем пускаться в путь... А сколько сейчас времени? Судя по тому, как я отдохнул, наверное, полночь. Если повезет, утром достану пищу и следующей ночью смогу тронуться в путь...»

Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул в полутемный коридор. Пусто. Выскочить, пробежать коридор и взлететь по лестнице было делом нескольких секунд. Воздух оказался холоднее, чем он ожидал, но все же достаточно теплый. Стараясь держаться в тени, он поднялся по лестнице на три или четыре этажа, пока не оказался на уровне земли. Вдали слышался шум заводов, а поблизости — шум шагов слуг-роботов, выполнявших таинственные поручения своего хозяина.

Перед ним было еще не исследованное им невысокое строение. Внутри строения горел свет. Слева возвышалось здание, с которого он сбежал вчера днем. Да, вон и крытый коридор над улицей, по которому он бежал...

Он видел, как Поль и Нора улетели на север. Это хорошо, что они остались свободны. Он не желал им зла, а тем более — попасть в руки этого высокого рыжеволосого со странным глазом. Он боялся, что на пленника здесь обрушится нечто похуже, чем магия, и потому торопился убраться отсюда во что бы то ни стало.

Но где же они хранят пищу?

Снова его внимание привлекло это невысокое тускло освещенное здание. Конечно, это не кладовая, но ему очень захотелось узнать, что это такое. Здание было расположено так, как если бы оно главенствовало над всем, к нему сходились все нити. Он подошел поближе, стараясь держаться в тени стены. Двигался он очень осторожно и совершенно бесшумно. Он очень боялся ловушек и часовых. Наконец, он приблизился к зданию, дотронулся до сырой стены и застыл, прислушиваясь. Затем добрался до угла, выглянул из-за него и, никого не заметив, стал подкрадываться к окну возле двери. Заглянул. Ничего не видно. Мешала какая-то

аппаратура. Он стал пробираться к следующему окну. Может, там больше повезет.

Он увидел в окно двух человек, сидевших перед чем-то, похожим на светящиеся окна, которые явно не могли никуда выходить. Но угол, под которым он смотрел, был слишком острым, и ему не удалось заглянуть в эти окна.

Он пробрался дальше, завернул за угол здания, чтобы подойти к следующему окну, которое оказалось открытым. Добравшись до него, он опустился на колено и осторожно заглянул в комнату.

Он смотрел прямо на светящееся окно, и внезапно узнал знакомую обстановку. Люди в комнате не разговаривали, но он услышал голос, исходивший как бы из стены перед ним. Он изумленно ахнул и пробормотал слова молитвы Давстиру. На боковых экранах был вид земли сверху, почти такой же, как тот, что он видел со спины дракона. А на центральном экране, перед которым застыли два человека, в самых мельчайших подробностях была видна библиотека замка Рондовал. Маусглов узнал ее сразу, ведь он провел в ней несколько часов. Сейчас он смотрел на нее как бы через боковое окно. За столом сидел Поль. Свечи освещали раскрытые на столе книги. На диване полулежала Нора.

Маусглов понял, что один из этих двоих, наблюдавших за Полем, был сам Марк, и едва удержался, чтобы тут же не пуститься бежать отсюда. Оба человека были настолько захвачены наблюдением за экраном, что не замечали ничего вокруг. Маусглов продолжил наблюдение. По поведению этих двоих, по их исключительному вниманию, он понял, что происходит что-то исключительно важное.

Долгое время ничего не происходило. Поль проговорил что-то, связанное с каким-то треугольником. Нора что-то ответила ему сонным голосом. Прошел час, а может и больше, прежде чем Поль снова заговорил. Он улыбнулся, подняв голову от книг.

— Пирамида, Большой Лабиринт и пещера Ициан — вот что такое треугольник Инта. Нора?

— М-м?

— Ты можешь показать мне их на большом атласе?

— Принеси его сюда, ко мне,— она приподнялась и потерла глаза.— Я там никогда не бывала, но очень люблю географию. Как ты их там назвал?

Поль подошел к ней с книгой в руках, и тут Марк заслонил его. Он привстал, чтобы записать что-то на листочке бумаги, который достал из кармана. Затем он сложил листок и спрятал его. Голоса Поля и Норы стали совсем неразборчивыми. Марк склонился к самому экрану.

— Теперь ты в моих руках,— мягко сказал он.— Не знаю, какое оружие ты ищешь, но ты его не получишь. У меня есть три возможности помешать тебе...— голос его оборвался.— Черт побери!

Он резко отпрыгнул от экрана, и Маусглов моментально от-

скочил от окна. Последнее, что он увидел — это экран, на котором обнимались Нора и Поль.

Солнце поднялось уже высоко, когда Поль закончил упаковывать вещи. Нора и на этот раз уговорила взять ее с собой, и главным аргументом было то, что с ним она будет в большей безопасности, чем если бы осталась одна.

Поль взял с собой два легких меча, пищу, одежду, одеяла... Он не взял никаких доспехов — ему не хотелось сильно нагружать Лунную Птицу, лишний груз замедлит полет и вымотает дракона.

— Откуда он узнал? — удивился Поль, выйдя с грузом из замка и увидев, что дракон уже здесь. Подойдя к нему, он ласково положил руку на шею громадного животного.— Как ты узнал, что ты мне нужен?

— Я ...я всегда знаю об этом. Посмотри вверх.

Массивная голова повернулась кверху. Поль посмотрел туда же. Высоко над головой он увидел птицу с огромными глазами и ушами. Она как будто следила за ним. Солнечный зайчик от ее поверхности попал Полю прямо в глаз.

— Что это?

— Не знаю. Она следит за нами.

— Это одна из птиц. Интересно, узнал ли он мои планы?

— Может, сжечь ее?

— Не надо. Веди себя так, как будто ее нет. Не замечай ее.

Он вернулся обратно в замок. Ему захотелось перечитать описание одного эффекта в книге отца, использовать который пришло время.

Поль поднялся по лестнице и остановился у дверей библиотеки, в которой Нора перерисовывала карты. Он заглянул туда и посмотрел на девушку, одетую в светлую тунику, короткие серые брюки, меховые сапоги и пояс с металлической бляхой. Все это она нашла в гардеробной комнате. Ее волосы были стянуты черной лентой. Она взглянула на Поля.

— Я еще не закончила. Одна страница осталась.

— Ну, заканчивай.

Она дорисовала рисунок, взяла еще один лист и перевернула страницу. Взглянула на Поля, и он улыбнулся ей. Она кивнула.

— Еще немного.

Через несколько минут Нора взглянула, закрыла книгу и собрала листы.

— Выйди со мной, пожалуйста, на минутку.

— Твой голос звучит как-то странно.

— Я слишком много говорил.

Она подошла к двери, где ее ждал Поль. На его лице не было никакого выражения. Она остановилась.

— Нет. Выйди на секунду.

Она была совсем рядом с ним и с удивлением заметила, что, когда он говорит, губы его почти не шевелятся. Она вышла в ко-

ридор и остановилась. Еще один Поль ждал ее там, приложив палец к губам.

— Как...

— Сюда,— прошептал он, взяв ее за руку. Она последовала за ним.

— Это была моя копия из магических нитей. Не знаю, как долго она просуществует, может, весь день, а может; скоро растает,— он начал жестикулировать, сначала медленно, затем все быстрее. Перед ним начало что-то формироваться, излучая слабый свет.— Это будет твое подобие,— сказал он.— Она вернется в библиотеку и будет находиться там с моей копией, чтобы обмануть птицу-шпиона, скрывая наше отбытие. Он следил за нами. Нужно отвлечь его внимание.

Немного позднее Нора вошла в библиотеку, взяла Поля за руку, они вместе прошли к креслам и сели рядом друг с другом.

— Хорошая сегодня погода.

— Да.

Изредка кто-нибудь из них вставал и проходил по комнате. Они делали что-то, вместе и по отдельности. Примерно через час заранее запрограммированная последовательность действий повторялась.

Птица-шпион следила за каждым их шагом, прислушивалась к каждому их слову. Она не обратила внимания на шум внизу и не заметила, как Лунная Птица поднялся в воздух, сделал широкий разворот на восток и скрылся из виду.

Ночь подходила к концу, и Маусглов постепенно начал понимать, что оказался пленником. Хоть его до сих пор не обнаружили и не схватили, и он успел изучить довольно большую часть территории города и знал все особенности охраны, он все же не мог выбраться отсюда. Город тщательно охранялся не только низенькими людьми и металлическими гусеницами, но и постоянно кружащими птицами, чьи зоркие глаза не пропустили бы даже мелкое насекомое.

Вскрыв очередной замок, он, наконец, обнаружил кладовую и перенес в свое убежище достаточное количество пищи. Он запоминал каждую нишу, каждый коридор, мимо которого проходил.

Своим наметанным воровским взглядом он издали замечал следящие устройства, изучал их функциональные возможности и находил слабые места, которыми и пользовался, пробираясь различными закоулками.

Совершенно случайно он обнаружил школу, где обучались пилоты флайеров, к производству которых приступили заводы. Маусглов лежал на плоской крыше, толстая труба воздухопровода защищала его от обнаружения с воздуха. Оторвав небольшую панель, он видел и слышал все, что говорила и показывала обучающая машина.

Прослушав лекцию целиком, Маусглов задумался. Если он прослушает весь курс, то он сможет украсть ночью флайер и по-

пытаться улететь отсюда. Если не найдется какого-нибудь тунеля, проходящего через гору, то это — единственный путь отсюда.

Чувствуя невольное уважение к этому рыжеволосому, вернувшему город к жизни, он вернулся в свое убежище, собираясь дождаться там вечера и снова пробраться к центру наблюдения, а затем снова на крышу классной комнаты — продолжить изучение флайера.

Плотно поев, он забылся в тревожном сне, прижимая к груди кинжал.

Старая самка, похожая на отлитую из меди статую, и два молодых жеребца стояли на опушке леса, глядя на замок Рондовал.

— Не вижу ничего необычного,— сказала самка.

— Вчера вечером я видел огни, Стэл. А Виталь на юге видел дракона.

— Здесь водятся призраки,— сказала она.— Никто не ходит сюда.

— А как насчет дракона?— спросил жеребец.— Вряд ли он залетел сюда случайно издалека.

— Так что, мы не будем ничего предпринимать?

— Нужно последить за замком. Будем ходить вокруг него кругами. У меня нет желания входить туда.

— И у меня тоже.

Через несколько часов они наблюдали, как из замка вылетел дракон и взял курс на восток.

— Смотри!

— Да, вижу.

— Что нам делать!

— Надо всех предупредить. Они могут вернуться. Хотя, может, они улетели навсегда.

— На нем было два человека.

— Я видела.

— Ты была здесь во время битвы, Стэл. Это один из драконов Рондовала?

— Все драконы одинаковы. Но его седоки... Один из них очень похож на дьявола Дета, только заметно моложе.

— Горе всем нам!

— Идите и расскажите об этом всем. Сообщите об этом старому Мору.

— Мор ушел. Мудрая Грейн сказала, что он ушел по сияющей дороге и не вернулся.

— Тогда все гораздо сложнее. Идите! Я останусь здесь и постараюсь узнать побольше.

— Ты пойдешь в замок?

— Идите! Делайте, что приказано! Быстрее!

Жеребцы повиновались. Они хорошо знали этот бешеный взгляд и боялись ее копыт.

Маусглов продолжал исследовать территорию города, когда его внимание привлекли крики, раздававшиеся из-за небольшого зарешеченного окна. Осторожно приблизившись, он бросил туда быстрый взгляд и тут же снова спрятался в тень стены, чтобы осмыслить уведенное и подслушать, что будет происходить дальше.

Увиденное поразило его. Казалось, черные змеи обвили низенького человека в наклонном кресле. Однако, припомнил он, хвосты этих змей скрывались в небольшом ящичке. Скорее всего, это были не змеи, а шевеление их вызывалось движениями самого человека. Рядом с тем человеком стоял Марк, держа в руках какой-то ящичек и крутя какие-то ручки на его передней панели.

Маусглов продолжал слышать крики человека и размышлял о том, какое же прегрешение вызвало такое наказание человека. Он никак не мог решить, следует ли поскорее убраться отсюда или еще раз глянуть в комнату.

Внезапно стало тихо.

Вор подождал, но крики не возобновились. Он решил остаться и подождать, что же будет дальше. Из комнаты доносились какие-то едва слышные звуки.

Наконец, Маусглов не выдержал ожидания, поднялся и еще раз бросил взгляд в комнату.

Марк снимал с человека черные веревки, сматывая их, и складывал в ящик. Глаза человека в кресле были открыты и уставлены в потолок. Когда была снята последняя веревка, он едва пошевелился. Марк протянул ему стакан розовой жидкости, которую тот с жадностью выпил. Марк спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Был немножко потрясен.— Человек разминал руки и ноги.— Но теперь уже все нормально.

— Тебе было плохо?

— Да нет.

— Но ты кричал.

— Знаю. Одни из них были голубые, другие красные.

— Крики?

— Да. Я чувствовал их цвет и вкус.

— Замечательно. Ты храбрый человек, раз добровольно согласился на такой эксперимент. Благодарю тебя за это.

— Счастлив служить тебе.

— Расскажи подробнее, что ты ощущал.

— Я чувствовал вкус цвета и звука.

— Да, видимо, аппарат смешения работал великолепно. Жаль, что он действует только на таком малом расстоянии. С ним можно решить столько проблем... Жаль, у меня мало времени...

— А как он называется?

— Я еще не подобрал подходящего названия. Пока я называю его «смеситель»,— Марк похлопал человека по плечу.— Он перемешивает все твои нервные окончания...

Человек показал на большой ящик у стены.

— Это тоже часть смесителя, или он весь в том маленьком ящичке, что был у тебя в руках?

— Нет, этот прибор записывал, что происходило. Если тебе не было больно, то объясни, почему же ты кричал?

— Я ...я не мог понять, что происходит. Все было на месте, но как-то странно изменилось... Это испугало меня.

— Было больно?

— Нет. Было ощущение приближения катастрофы. А временами...

— Что?

— Время от времени было очень приятно.

— Ты хорошо все описываешь. А считать ты мог?

— Да... Многие цифры были желтыми. Некоторые — сладкими.

— Достаточно ли хорошо ты себя чувствуешь, чтобы встать и прогуляться?

— Может, немного позже. Сейчас не могу.

— Ты храбрый человек, благодарю тебя еще раз. Не забуду твою службу. Сейчас я проверю твои рефлексы.

Маусглов услышал, как звякнули инструменты. Он двинулся прочь отсюда и бесшумно исчез в ночи.

Стэл очень трудно было идти копытами по камням так, чтобы не издавать стука. Ей приходилось идти очень медленно. Но все же она шла, борясь с нетерпением, ведь она была охотница и предводительница кентавров.

Когда она шла через большой холл, память вернула ее в тот день, когда закончилась великая битва и она стояла здесь, слизывая с себя пот и кровь. Ах, здорово они в ту ночь потрудились!.. Она вспомнила дуэль колдунов, и глаза ее нашли то место, где обрушившийся потолок погреб под собой дьявола Дета, не дав ему возможности призвать на помощь силу магии. Тело его было вытащено из-под обломков, и старый Мор унес его куда-то на запад...

Время от времени она останавливалась и прислушивалась. Вдруг уши ее услышали голоса. Откуда-то сверху, из левого крыла замка. Пройдя галерею комнат, она дошла до лестницы и остановилась. Да, откуда-то оттуда...

Держась возле стены, она стала медленно подниматься. Замок, казалось, был в более хорошем состоянии, чем ей помнилось. Может, его кто-то подремонтировал?

Она шла по коридору, и голоса становились все громче. Справа, третья дверь...

Увидев, что дверь распахнута, она подошла и остановилась возле нее, но ничего не услышала, даже никаких звуков движения. Пройдя еще чуть вперед, она заглянула за дверь и изумленно отпрянула.

В креслах, друг напротив друга, сидела та же самая пара —

молодой человек и девушка — что совсем недавно улетели на драконе. Странно... Она не видела, чтобы они возвращались.

Она снова выглянула.

Еще более странно. Лицо девушки, казалось, начало таять, расплываться в воздухе. Мужчина, тот самый, удивительно похожий на Дета, казалось, не придавал никакого значения тому, что часть его левой руки и правого бедра тоже начали таять и выглядели так, будто были сделаны из переплетения прозрачных нитей.

Изумленная Стэл не побежала прочь. Она стояла и наблюдала, как люди встали с кресел и прошлись по комнате. Девушка подошла к окну.

— Прекрасная сегодня погода.

— Да.

Лицо мужчины начало таять. Одежда девушки стекала с нее, как вода, по воздуху поплыли тонкие паутинки, Их разговор продолжался:

— Хотя, возможно, будет дождь...

— Может быть.

Мужчина подошел к девушке.

— У тебя красивые глаза.

Стэл смотрела, как они обнимаются, теряя одну часть тела за другой, исчезая из виду. Слова становились неразборчивее и тише, волосы превратились в голубой дым. Еще несколько мгновений — и в комнате никого не осталось. Стэл удивленно вскрикнула и отскочила назад. Она впервые видела такое. Суеверный страх охватил ее.

Птица-шпион все свое внимание сосредоточила на ней и теперь смотрела, как Стэл кружит по комнате, внимательно изучая ее, не обратив внимания на атлас, лежащий на столе. Затем Стэл выскочила в коридор. Ее копыта застучали по полу, затем по лестнице и затихли где-то внизу.

Маусглов услышал, как открылась большая дверь ангара и в небо стали взлетать металлические птицы. Они покружились в звездном небе, выстраиваясь в линию, и вскоре полетели куда-то на юго-восток. Это обеспокоило вора, и он поспешил к центру наблюдения.

Приближаясь туда, он услышал голос Марка, который ругался и сыпал приказами. Вор заглянул в окно, но на экранах не было ничего, заслуживающего внимания. Он совсем не понял, что имел в виду Марк, когда сказал: «Они исчезли! Опять эта проклятая магия! Этот кентавр имеет к этому какое-то отношение. Доставьте сюда кентавра!»

Маусглову сразу очень захотелось исчезнуть. Меньше, чем когда-либо, ему хотелось попасться сейчас в руки этого рыжеволосого великана, которого низенькие люди почитали как бога. Когда он уже начал отдаляться, до него донеслись слова: «...в углах треугольника», но они не возбудили у него никаких воспоминаний. Все

мысли его были заняты другим: пора уходить. Чем дольше я здесь остаюсь, тем меньше у меня шансов.

Замок у двери классной комнаты ненадолго задержал его. Медленно и аккуратно его пальцы ощупывали панель управления. Зажечь свет он боялся.

Будет интересно, если я смогу летать на этой штуке только с закрытыми глазами, подумал он. Но, во всяком случае, это лучше, чем дракон. Что там говорилось об этом рычажке? Ах, да...

Черные металлические птицы с полностью заряженными батареями летели в ночи над землею, над водой...

Они летели до тех пор, пока усталость не одолела их. Ночь уже опустилась на землю, когда они заметили остров, который наметили для отдыха. Они спустились и устроились на ночлег. Наутро они уже были в воздухе, пролетая над полями, реками, лесами, горами. В горах они и провели следующую ночь.

Поль пересмотрел все имевшиеся у них карты, чтобы наметить дальнейший путь к цели. География этого мира не совпадала с географией мира, из которого он пришел. Однако и здесь были пирамиды, но окружали их не загадочные сфинксы, а колонны. Многие из колонн уже рухнули, развалились на куски, но все же можно было определить место, где они стояли.

По окружавшему их пейзажу чувствовалось, что их первое путешествие подходило к концу.

Глава 16

На вершинах гор как статуи доисторических животных сидели металлические птицы. Их крылья были расправлены. Даже внимательный наблюдатель не заметил бы, что птицы потихоньку поворачиваются вслед за солнцем, заряжая свои батареи для ночного полета.

Когда день уже клонился к вечеру, они зашевелились. Все одновременно, как будто их тронул порыв ветра, они начали складывать свои крылья. Вскоре они одна за другой взмыли в воздух и выстроились в линию, чтобы продолжить путешествие...

Полю начало жечь кисть еще до того, как стала видна цель путешествия. Он сразу понял, что это не ожог от солнца, и стал внимательно вглядываться вперед. Через несколько минут он облизнул губы и улыбнулся, заметив на горизонте точку.

— У тебя великолепное чувство направления.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— То, к чему мы стремимся, уже близко. Нора! — голос его внезапно охрип.— Нора! Я вижу ее!

По мере приближения точка разрасталась, и уже не было никаких сомнений в том, что это такое. Вокруг сооружения из темного камня не было заметно никаких признаков движения. Вся долина вокруг была усеяна колоннами и статуями.

Лунная Птица высадил их рядом с долиной. Онемевшие суставы Поля скрипнули, когда он соскочил на землю.

— Удастся ли мне уговорить тебя остаться здесь?— спросил он, помогая спуститься Норе.

Она покачала головой.

— Я вернусь сюда, если с тобой что-нибудь случится. Ждать еще хуже.

Он повернулся к дракону.

— Хотел бы я взять тебя с собой, но вход в пирамиду слишком узок.

— Я буду охранять снаружи. А ты мне потом сыграешь на своем инструменте.

Поль повернулся и посмотрел на занесенную песком дорогу. Вдоль нее по обеим сторонам до самого входа в строение стояли колонны и звери, вырезанные из камня.

— Ладно, пошли, Нора.

Пока они шли, зрение его затуманилось, а затем обратно прояснилось. Сначала он решил, что это из-за яркого солнечного света или из-за усиления активности после долгого бездействия на спине дракона. Но затем заметил, что из входа в пирамиду вырывается пламя...

— Ты там увидел что-то?— Нора схватила его за руку.

— Я ...о, теперь вижу. Ничего особенного.

Он разглядел, что это не пламя, а магические нити, но чрезвычайно толстые. Он ни разу не видел таких толстых нитей, разве только в пещерах Рондовала, где спали драконы. Нити свободно плавали в воздухе и извивались.

— Ты что-нибудь видишь?— спросила Нора, когда они вошли во вход в пирамиду и прошли немного вперед.

— Вижу, что здесь — сосредоточие магических сил.

— Что это значит?

— Не знаю.

Она нащупала меч в ножнах. Он тоже. Его правая рука ровно пульсировала, как будто та часть его существа, которая имела дело с магией, полностью подготовилась к встрече с ней.

Выбрав самую толстую нить, Поль коснулся ее пальцами и ощутил в ней поток энергии могущества. Он поднял руку, и нить потянулась за ней, как приклеенная. Поль сделал это, чтобы иметь возможность выделить именно эту нить из множества остальных. Он пытался найти некую закономерность, ключ к этой паутине нитей. Бледно-зеленые нити плавали перед ним в воздухе, как бы стараясь обвить его, но та нить, которую он выделил, не переплеталась с остальными.

— Теперь,— сказал он Норе, продвигаясь дальше,— я знаю путь, хотя и не знаю, что нас может там ждать.

Полумрак вокруг них сгустился и несколькими шагами дальше превращался в сплошную непроницаемую тьму.

— Подожди.— Он остановился и стал мысленно вызывать фантом дракона из кисти, как в ночь во время бегства из деревни.

Как и в прошлый раз, он появился и повис в воздухе. «Неужели я могу вызывать его только в случае опасности?» — подумал Поль.

У него за спиной Нора выхватила меч. Он улыбнулся.

— Это сделал я. Всего лишь свет, ничего больше.

— Верю, но мне кажется, что сейчас — самое время приготовить оружие.

— Спорить не буду,— он снова двинулся вперед, следуя за нитью по пути, освещаемому драконом.

Они спустились по ступеням метров на десять. Воздух стал сырым и холодным. От подножия лестницы прямо, направо и налево расходились коридоры. Не раздумывая, Поль пошел туда, куда вела нить. Этот коридор вскоре пошел вниз, и наклон его становился все круче. Воздух здесь был затхлый, с запахом старого ладана, погребенного здесь в сырости.

Стены коридора исчезли. Дракон отбрасывал блики света во все стороны. Поль подумал, что это очередное разветвление, но когда усилием воли он сделал свет ярче, то увидел, что находится в комнате.

Он послал дракона пропутешествовать вдоль стены, чтобы оценить размеры комнаты и выяснить, что же их здесь ждет. Стены были украшены уже наполовину осыпавшимся фризом, потолок покрыт паутиной, на полу — слой пыли. У противоположной стены комнаты стоял каменный алтарь, украшенный резьбой. За ним виднелся какой-то темный куб. Нить проходила прямо через этот каменный куб и исчезала из виду.

Поль прислушался, но не услышал ничего, кроме собственного дыхания. Он двинулся дальше вперед, рядом с ним шла Нора. Их шаги звучали глухо. Воздух вокруг казался живым. Для Поля он был насыщен шевелящимися нитями. Они прошли мимо хитросплетения множества разноцветных нитей, но свою молочно-белую нить Поль не потерял. Теперь он мог безошибочно найти ее с закрытыми глазами.

Они разделились, чтобы обойти алтарь с разных сторон, и Поль ускорил шаг, чтобы первым подойти к темному квадратному отверстию в стене, куда уходила нить, и что показалось сперва каменным кубом. Подойдя к проему в стене, Поль осторожно сунул туда голову, предчувствуя, что за порогом его должно ждать то, за чем он сюда пришел. Освещение было слишком слабым, и по команде Поля дракон поднялся вверх и увеличил яркость.

Эта комната оказалась заметно меньше, чем предыдущая, но и здесь у противоположной стены стоял каменный алтарь. По обеим сторонам от алтаря стояли два каменных шакала. И алтарь, и обе каменные статуи были опутаны огромным количеством магических нитей. Они образовывали невероятные сплетения и множество узлов. Дверного проема за алтарем видно не было, во тьме лишь вырисовывалась фигура, напоминавшая человеческую, но с головой шакала. На каменном столе перед ней лежала темно-зеленая подушка, на которой покоилось что-то небольшое, испускавшее слабый свет.

Поль протянул руку назад и задержал Нору.

— Что ты видишь? — спросил он ее.

— Вижу две статуи и стол. И еще что-то на столе.

— Согласно описаниям и рисунку в книге, именно здесь находится то, что мы ищем. Я хочу, чтобы ты оставалась здесь, пока я буду пытаться взять это. Наверняка, меня ждут препятствия и мне придется импровизировать. Это сплетение нитей выглядит очень угрожающе.

— Сплетение нитей? Что ты имеешь в виду?

— Здесь все защищено какими-то заклинаниями. Охраняй меня, пока я буду стараться распутать их.

— Хорошо. Я наготове.

Он сделал шаг вперед. Светлый огонек запрыгал по паутине, перескакивая от одного узла к другому, от одной петли к другой, от одной статуи к другой статуе. Он сделал второй шаг.

— Стой! — это команда прозвучала в его мозгу. Нора ее слышать не могла. Эта команда прозвучала одновременно с резким внезапным колебанием нитей, тянувшихся от темной фигуры за алтарем.

— Почему? — моментально спросил Поль, не оставляя себе времени на изумление. Он остановился, дожидаясь ответа. Фигура, казалось, недолго колебалась, а затем ответила:

— Ты приближаешься к тому, что я охраняю. Этого я не могу допустить.

— Ты охраняешь часть посоха, лежащую на камне перед тобой?

— Да.

— Должен признаться, что именно за ней я и пришел. С тобой можно как-нибудь договориться?

— Нет.

— Жаль. Это упростило бы нашу жизнь.

— Я вижу, что ты молодой колдун, недавно овладевший могуществом. Если ты останешься в живых, то, вероятно, станешь великим колдуном. Если ты сейчас же уйдешь отсюда, то у тебя будет такая возможность. Я позволю тебе уйти.

— Это твой окончательный ответ? — Поль снова шагнул вперед.

— Боюсь, что да.

Фигура с головой шакала подняла правую руку и вытянула указательный палец. Свет дракона померк, Поль почувствовал укол в руку; но он по-прежнему мог все видеть — комната освещалась множеством нитей.

— Поль! Что случилось? — крикнула Нора.

— Все в порядке, стой на месте, — ответил он.

Он хотел снова создать светящееся изображение дракона, но затем передумал. Он напряг свою волю и послал энергию, пульсировавшую в кисти, по нити прямо к части посоха, лежащей на каменном столе. Мысленно он представил себе, что включает трехламповую люстру. Комната осветилась ярким светом.

— Так лучше? — спросил он Нору.

— Да. А что произошло?

— Кажется, началось столкновение с силами, охраняющими посох. Оставайся на месте.

— Юноша! Думаешь, ты первый пришел сюда за посохом?

Фигура подняла руки и развела их в стороны. Свет, созданный Полем, затрепетал. Ярко осветилось то, что он раньше принимал за осколки камней, валявшихся на полу в углах и возле каменных статуй. Он насчитал четыре черепа.

— Это все, что от них осталось.

Поль ощутил сильное желание взяться за желтую нить, плавающую рядом, но с трудом подавил его. Она подплыла поближе. Поль понимал, что это его магическое чутье подсказывает ему оружие, но впервые отверг его. Разум говорил ему, что в этой ситуации нужно быть очень осторожным. Нужно выиграть время. Нить развивалась и перекручивалась, покачиваясь возле его плеча.

— А... а может,— сказал Поль, подходя ближе,— может, я могу взять его, а потом принести обратно? У меня есть великолепная гитара, и я могу оставить ее в залог...

— Здесь не лавочка! Я здесь — страж! А ты — вор!

— Это вовсе не так! Посох принадлежал моему отцу.

Снова проскочил импульс света, и зверь справа зашевелился, медленно сделал шаг в сторону Поля. Другой зверь моргнул, уши его зашевелились.

— А теперь он принадлежит этому месту,— пришел ответ.

Поль протянул руку и взялся за узловатую желтую нить. Могучая энергия бурлила в ней. Поль потянул нить к себе, а затем хлестнул ею по морде приближающегося зверя. Тот зарычал, подался назад. Поль хлестнул еще раз. Затем еще, и тогда зверь заскулил и лег на брюхо. Но в этот момент Поль заметил, что второй шакал уже готовится к прыжку.

Поль резко повернулся, отводя назад руку для удара, но понял, что ударить не успеет...

Пирамида заслоняла дракону вид на запад, и потому он не видел в ясном небе черных металлических птиц до тех пор, пока они не подлетели совсем близко. Когда он заметил их, некоторые из птиц начали пикировать вниз, а затем резко взмыли вверх. Дракон увидел, что к земле летят какие-то предметы, и сопоставил то, что происходило сейчас, с тем, что видел в своих снах. Он мгновенно расправил крылья и взлетел в воздух.

Когда внизу начали рваться бомбы, он был уже в пятнадцати метрах от поверхности и продолжал подниматься. Тело его начало нагреваться. Восемь флайеров кружили над ним. Отлично, подумал он. Ему давно хотелось встретиться с ними, не имея на себе пассажиров.

На земле вспыхнуло и погасло пламя, заклубился дым. Птицы

над ним уже начали выстраиваться для поворота. Вытянув шею, разрезая крыльями воздух, он устремился к ним.

...потому что увидел меч Норы. Сильный удар обрушился на правое плечо зверя. Зверь вскрикнул, повернулся, и Поль почувствовал, что теперь может хлестнуть его магическим кнутом. Удар был совершенно беззвучным. Зверь, корчась, лежал на полу, Кнут из желтой нити снова ударил его по морде. Нора вернулась на место и снова приготовила меч для удара.

Поль начал приближаться к алтарю, раскручивая кнут, чтобы нанести сильный удар...

Он был чуть не сбит с ног, когда фигура за алтарем протянула руку и схватила нить. Полю показалось, что земля под ним затряслась.

Нить была вырвана у него из рук с такой силой, что ему пришлось схватиться за край каменного стола, чтобы не упасть. Он понял, что наверняка погибнет, если не будет действовать быстро и решительно. Он протянул правую руку и схватил часть посоха, лежащую перед ним на подушке.

Посох отозвался на его прикосновение мощным всплеском энергии могущества. Поль почувствовал, что могущество его удвоилось и он может использовать его. Верхний конец посоха он повернул вперед и немного вверх, направив его на фигуру со звериной головой. Сгусток энергии вырвался из посоха и ударил в грудь чудовища.

— Нет!

Мощный удар свалил Поля на пол, но он успел увидеть, как фигура начала падать назад. Сияние посоха освещало всю комнату.

Перекатившись по полу, Поль упал рядом с шакалами. Затем почувствовал руку Норы, помогающую ему подняться.

— Что с тобой?

— Все в порядке. А у тебя?

— Тоже.

Он оглянулся. Нити по-прежнему раскачивались около алтаря, но теперь они были беспорядочно запутаны, все тщательно сплетенные узоры распались.

Темная фигура за алтарем медленно зашевелилась, пытаясь собрать отбитые мощным ударом свои куски. Со своим новообретенным оружием Поль двинулся к выходу. Нора пошла за ним.

Обходя алтарь в следующей комнате, они заметили, что воздух стал заметно более пыльным, чем раньше, когда они шли сюда. Они поднялись по ступенькам и пошли по коридору, и только тут до их ушей донесся грохот. Звук шел откуда-то снаружи. Они побежали к выходу. Выскочив наружу, они увидели возле колонны обломки флайера. Справа от входа в пирамиду появились две огромные воронки. Одна из статуй свалилась с пьедестала, рухнувшая колонна лежала поперек дороги. Чуть подальше видне-

лись еще два сломанных флайера. Услышав звуки вверху, Поль поднял голову, но в небе ничего не было. Он повернулся назад и увидел, как две металлические птицы появились из-за пирамиды. Так как Лунной Птицы не было там, где он его оставил, Поль не удивился, заметив его огромное бронзовое с зеленым отливом тело, кружащееся над пирамидой. Две металлические птицы начали пикировать на дракона.

Поль понял, что у них не было автоматического оружия — пулеметов или пушек — так как их тактика заключалась в том, чтобы на большой скорости ударить дракона, скорость полета которого заметно уступала их скорости, крылом или острым клювом. Поль наблюдал, как они приближаются к дракону.

Не будучи уверенным, что он сможет сделать что-нибудь на таком расстоянии, он все же огляделся в поисках нитей. Они, казалось, были везде, со всех сторон, и только дожидались, чтобы их использовали. Для него стал видимым оранжевый след, ведущий в небо. Поль протянул руку, и нить поплыла к нему, но у него возникло ощущение, что он не сможет по ней передать энергию дракону — его сила угаснет на таком расстоянии. Тут часть посоха дернулась в его руке, и Поль посмотрел на нее, внимательно изучая в дневном свете.

Посох был сделан из какого-то легкого сплава, технология его изготовления была слишком сложна для этого мира, разве что только машина Марка могла это сделать, но он был очень старым, насколько мог судить Поль. Он имел форму трубки длиной восьми дюймов, открытой с одного конца — туда, видимо, вставлялась другая часть. На другом конце была полусфера, сделанная из другого металла. На поверхности посоха было выгравировано несколько изображений пламени, между которыми плясали разнообразные демоны.

Поль направил посох вверх — очевидно, это был аккумулятор или трансформатор магического могущества — и быстрым движением намотал на него оранжевую нить. Нора недоуменно посмотрела на него, но по сосредоточенному выражению лица Поля поняла, что он занят важным делом, и промолчала. Ее глаза неотрывно смотрели на посох.

Внезапно расстояние для Поля сократилось, и он стал действовать с дальним концом нити, делая узлы и петли, плетя сеть перед пикирующим флайером. Требовалось невероятное могущество, чтобы манипулировать с огромным количеством энергии на таком расстоянии. Поль ощущал, как эта энергия вытекает из его тела, рвется вверх по нити. Посох содрогался в его руке.

Флайер летел прямо на его сеть, которая, казалось, не могла удержать эту машину. Он летел со всей скоростью, стремясь поразить бок дракона, и Поль совсем ослаб, стараясь передать по нити всю свою энергию.

Флайер нелепо дернулся, остановил свой стремительный полет, перевернулся и начал, кувыркаясь, падать. Он продолжал крутиться до самой земли, где окончательно замер. Но не успел над

ним появиться столб дыма, как рядом упал другой, охваченный пламенем — результат страшного гнева Лунной Птицы.

Поль нашел глазами последний оставшийся флайер, заходящий в атаку на медлительного дракона. Поль понял, что не успеет сплести сеть заклинаний, и сомневался, что сможет выпустить на такое расстояние мощный заряд энергии, как тот, что сразил стража пирамиды. Но все же он поднял посох и сделал попытку. Послышался тихий хлопок, и над посохом поднялся белый дымок.

Флайер продолжал нестись на дракона. Тот медленно развернулся в сторону машины, и когда она приблизилась к нему, извернулся змеиным движением, схватил ее и стал опускаться. Нора и Поль наблюдали, как он снижался по широкой спирали, разворачиваясь так, чтобы при посадке опуститься прямо на захваченный флайер. Он сел, и послышался скрежет металла. Дракон сошел на землю и презрительно столкнул обломки в воронку.

— Замечательно,— сказал Поль.— Ты ранен?

— Слегка. Но драконы быстро залечивают свои раны. Ты добыл то, за чем шел?

— Да, вот оно,— Поль поиграл посохом.

— Я видел его раньше, но тогда он был длиннее. Давай собирайся и летим дальше, куда ты хотел.

— Тебе надо отдохнуть после боя.

— Драконы отдыхают на крыльях. Летим отсюда, если ваши дела здесь закончены.

Поль обернулся к Норе.

— Он готов лететь. А как ты?

— Мне тоже хочется поскорее убраться отсюда.

Впервые он долго рассматривал ее. Волосы растрепаны, одежда в беспорядке, на лице пот. В правой руке она все еще сжимала меч. Он не заметил на ней ни царапины.

Ощутив его взгляд, она расслабилась и вложила меч в ножны. Затем улыбнулась.

— Ты в порядке?

— Да. А ты?

Она кивнула.

— Тогда собираемся и летим. Как ты думаешь, откуда он узнал, что мы здесь?

— Не знаю. Ты говоришь, что в его машинах нет магии, но мне они все равно кажутся магическими. Только у него другая магия.

— Надеюсь, моя магия тебе больше нравится?

— Гораздо больше,— сказала она.

Когда дракон поднялся над пустыней и взял курс на север, воздух уже очистился от пыли, а солнце начало свой путь на запад.

— Приземляйся там, где для тебя есть пища,— сказал Поль.— Когда полетим над Северным морем, придется лететь от острова к острову, а по этим картам трудно оценивать расстояние.

— Я летал в этих краях,— сказал дракон.— Я поем, когда захочу. А теперь не поиграешь ли ты мне, чтобы усладить мой слух?

Поль достал гитару, настроил ее и взял аккорд. Ветер своим свистом аккомпанировал ему, а земля под ними расстилалась сухим пергаментом.

Глава 17

Ночь они провели на маленьком островке, слушая ленивое плескание прибоя и вдыхая запахи моря. Нора рассматривала часть посоха, добытую ими в пирамиде.

— Он действительно выглядит магически,— сказала она, поворачивая часть посоха в лунном свете.

— Он и есть магический,— сказал Поль, поглаживая ее плечо.— И если мы добудем остальные части, его могущество увеличится во много раз.

Она отложила посох в сторону и потрогала его родимое пятно.

— Жители деревни не ошиблись. Ты из племени тех, чьи ноги в аду, а голова в небесах.

— Но это не причина, чтобы бросаться камнями. Я не собирался делать ничего плохого.

— Они сильно боялись твоего отца. Он однажды был уличен в кровавых жертвоприношениях, которые совершал, чтобы достичь еще большего могущества. За свое могущество он платил человеческими жизнями.

— И в расплату за это они взяли его жизнь и жизнь моей матери,— Поль пожал плечами.— И разрушили замок. Разве это гуманно?

— В то время — да. Мне так кажется. А ты разбудил в них страх и старую ненависть. Вдруг ты пришел, чтобы мстить за своего отца? Ты ведь думал о мести? Маусглов говорил об этом.

— Но не тогда. Я ведь даже не знал, кто я, когда они набросились на меня. И мне стало легче ненавидеть их, когда я узнал обо всем.

— Значит, они были правы?

Поль взял посох и внимательно посмотрел на него.

— Я не смогу этого забыть,— сказал он наконец.— Ведь я никому из них не причинил вреда.

— А все же?— сказала она.

— Что ты имеешь в виду под этим «а все же»? Ведь если бы я начал мстить, это стало бы для меня делом всей жизни.

— Но ты же ненавидишь их?

— Войди в мое положение. Во всем, что касается меня, их никак нельзя назвать хорошими людьми. И если они так же поступили и с Марком, неудивительно, что он хочет мстить им.

— Это была их реакция на незнакомое явление. Они привыкли жить спокойной жизнью — медленно, размеренно, без перемен.

В обоих вас они видели угрозу своему образу жизни и начали защищать его.

— Ладно, это я могу понять. Но при этом я все же не могу полюбить их. Я отказываюсь от мести — этого вполне достаточно.

— Да, но это потому, что перед тобой стоит гораздо более сложная задача. Ты знаешь, что если ты не уничтожишь Марка, он уничтожит тебя.

— Да, я действую, исходя из этого положения. Время для переговоров уже прошло.

Она долго молчала.

— Но почему ты не с остальными? И к тому же, ты была его другом, а теперь помогаешь мне, колдуну.

Она молчала. Через некоторое время он понял, что девушка тихо плачет.

— Что с тобой? — спросил Поль.

— Это все из-за меня,— сказала она еле слышно.— Из-за меня ты оказался замешанным во все это, пытаясь мне помочь.

— Да, это так, но рано или поздно мы с Марком все равно бы встретились, и результат был бы тот же.

— Я так не думаю. Он был готов выслушать тебя, и только я помешала всему. Он очень ревнив. Вы могли бы стать друзьями — у вас много общего. И если бы так и было... Представь, какой получился бы союз: колдун и мастер древних наук — и оба хотят мстить моей деревне... А теперь это исключено: вы ведете между собой смертельную войну. Даже если бы я вас обоих ненавидела — все было бы точно так же...

— А ты ненавидишь?

— Будь я проклята, если скажу тебе,— она снова коснулась его плеча.— Как я уже сказала, я лишь пешка в вашей игре, и ты знаешь, почему. А что касается твоего вопроса, то я лишь говорю о том, как все могло бы сложиться, так что твой вопрос излишний...

— Ты слишком красива, чтобы быть пешкой. И к тому же ты — единственная женщина на игральной доске. Если хочешь, можешь спать, положив между нами меч.

— Но ведь холодная сталь не влечет тебя? — промурлыкала она, придвигаясь к нему.

Он заметил проплывавшую над ними защитную голубую нить, но проигнорировал ее. Невозможно же, чтобы за ними следили непрерывно, подумал он.

Невозможно ли?

В момент перехода от сна к бодрствованию он снова услышал голоса:

— Маусглов, Маусглов, Маусглов...

Да, уже не в первый раз он слышал этот зов — слабый, но настойчивый. После пробуждения он сразу же забывал об этом хоре голосов. Но на этот раз зов был сильным и настойчивым. Он шел как бы из его памяти.

— Маусглов!..

Он лежал в своем тайном укрытии в городе в горах Анвил и вспоминал события последних дней. Он оказался незваным гостем Марка Мараксона, а вернее, Дена Чейна, жителя деревни, нарушившего запрет и восстановившего древние машины и древнюю технологию. Чтобы выбраться отсюда, Маусглову надо обмануть легионы электронных стражей и низеньких, похожих на гномов, людей. Он пытался научиться летать на маленьком флайере, не таком, на котором нужна команда в шесть человек и установлены пушки, а совсем маленьком, на котором мог бы поместиться только он сам да маленькие фигурки, украденные им, которые должны были обеспечить ему безбедное существование...

— Маусглов!

Он уже проснулся и пошевелился, а крики, казалось, приближались к нему. Это было похоже на...

Где-то в своем подсознании он ответил:

— Что?

— Мы принесли предупреждение.

— Кто вы?

И тут ему вдруг снова показалось, что он спит и все это ему снится. Он оказался посреди комнаты с низким потолком, освещенной семью огромными свечами. Возле каждой свечи стоял кто-то, по очертаниям напоминающий человека. Их лица видны не были, и Маусглову рассмотреть их никак не удавалось.

— Ты спишь с фигурками под головой,— сказал женским голосом человек справа, и Маусглов сразу все понял.

Здесь было четыре мужчины, две женщины и еще кто-то неопределенного пола, сделанные из красного дерева и украшенные разноцветными драгоценными камнями. Они снова обратились к нему:

— Когда наследник Рондовала нарушил баланс треугольника Инта, мы снова обрели могущество,— сказала вторая фигура — фигура мужчины.

— Мы — духи колдунов, которых Дет заточил в эти фигурки,— сказал третий — высокий мужчина.

— И теперь мы существуем только для того, чтобы служить ему или его наследнику,— сказала четвертая, женщина с высоким сопрано.

— Мы видим будущее,— сказал пятый, мужчина с грустным голосом.

— Мы специально перешли в твое владение, позволили, чтобы ты захватил нас,— сказал шестой, тот, чей пол невозможно было определить.

— ...Так как мы можем в некоторой степени влиять на события,— закончил последний мужчина.

— Что за предупреждение?— спросил Маусглов.— Чего вы хотите?

— Мы видим огромную волну, готовую обрушиться на этот мир,— сказал первая.

— ...На это место, — сказал второй.
— ...И очень скоро, — сказал третий.
— И чтобы сохранить будущее мира, — сказала четвертая.
— ...нужно защитить Поля, — сказал пятый.
— Вот в этом месте треугольника, — сказал шестой.

На полу перед ними появилась карта в виде узора, выложенного разноцветными плитками, как если бы она все время была здесь. Указанное место было отмечено на карте огоньком.

— Укради карты, укради оружие, захвати флайер и лети немедленно туда, — сказал седьмой.
— Флайер Марка?
— Он самый быстрый и может преодолеть большое расстояние, — сказала первая.
— Поль неплохой парень, — сказал Маусглов, — и я не желаю ему зла, но хотел бы убраться от него и от Марка как можно дальше и как можно быстрее.
— Твое добровольное сотрудничество с нами облегчает нашу задачу, — сказал второй.
— ...но не является необходимым, — сказал третий.
— ...так как наше могущество растет, — добавила четвертая.
— Так со мной еще никто и никогда не говорил, — ответил Маусглов. — Если не считать священника, когда я был маленьким. Вы просите слишком много. Я вел опасную жизнь, но это был мой последний риск. Вы — гарантия моей дальнейшей спокойной жизни. Я и слышать не хочу ничего о вашем предупреждении.
— Ты дурак, — сказал пятый.
— ...если думаешь, что у тебя есть выбор, — сказал шестой.
— Ты пошел по этому пути с того момента, как проник в Рондовал, — сказал седьмой.
— И это мы сделали так, чтобы ты пришел сюда, — сказала первая.
— Это мы сделали так, чтобы ты украл нас, — сказал второй.
— Но если у меня нет выбора, — усмехнулся Маусглов, — то почему же вы просите, чтобы я сотрудничал с вами? Возможно, что сюда я попал действительно по вашему желанию. Однако теперь, я полагаю, вам нужна моя помощь, и вашего могущества недостаточно, чтобы заставить меня. Я буду действовать только так, как будет угодно мне. Мой ответ — нет.

Воцарилась тишина. Маусглов почувствовал, что стал объектом внимательного изучения.

— Ты хитер, — сказал третий, — но в данном случае ты ошибаешься. Мы просим твоего сотрудничества только потому, что оно упростит задачу. Мы сможем направить свою энергию в другое русло.
— Обещаем, что ты будешь хорошо вознагражден, — сказала четвертая.
— Зачем награда мертвецу? Я не торгуюсь.
— Но ведь тебе не нравится то, что Марк делает в этом мире, — сказал пятый.

— Не нравится. Ну и что? Мне лишь бы убраться отсюда...

— Тогда для своей же защиты возьми оружие,— сказал шестой.

— ...и карты,— сказал седьмой.

— Это я и без вас собирался сделать. Но я вовсе не собираюсь лететь туда, куда указали вы, и не собираюсь участвовать в войне.

Свечи замигали, комната стала расплываться и исчезла из его сознания. Последнее, что он услышал,— их общий смех.

Три воздушных корабля приближались к замку Рондовал. Пушки их были заряжены и направлены на замок. Корабли постепенно снижались, описывая круги, круги эти все сужались, и наконец, с одного из кораблей выстрелили по замку. Сразу все три корабля быстро перегруппировались, ожидая ответа. Однако, его не последовало.

Они снова начали кружить вокруг замка, но больше не стреляли. Затем корабли снизились и стали летать между башен замка, внимательно осматривая окна и пробоины в стенах. Один из них медленно опустился и сел во внутренний двор, а два других кружили над ним, готовые открыть стрельбу. Прошло четверть часа — и ничего не шевельнулось. Только трепетали листья на деревьях, да шелестели шустрые ящерицы.

Наконец, открылась задняя дверь корабля и оттуда выскочили пять низких фигур с оружием наизготове, и тут же бросились в укрытия, залегли под стенами. Но никто не изъявил желания нападать на них. Через несколько минут они поднялись и прокрались в замок.

Прошло больше часа, прежде чем они вышли из замка. Вид у них был спокойный, оружие безмятежно висело на плечах. Их предводитель махнул рукой остальным кораблям, и те сразу же начали спускаться. Они спустились, и из каждого вышло по пять человек.

Все пятнадцать собрались вместе и начали совещаться. Затем они вернулись на корабли, чтобы вынести тяжелое оружие и установить в замке. Немного позже, когда Рондовал был укреплен, один из кораблей взлетел, оставив в замке девять человек — одного для охраны оставшихся кораблей, а остальных — для патрулирования. Взлетевший корабль стал летать кругами, обшаривая телескопом горы и леса. Через час была обнаружена группа кентавров, резвящихся на дальнем плато.

Корабль опустился до уровня вершин деревьев, чтобы кентавры не могли его заметить. Он подлетел ближе и опустился возле поляны. Моторы заглохли, и открылась дверь. Пять человек выскочили из машины и скрылись между деревьями. В машине остался только пилот.

Через лес они продвигались медленно и осторожно. Чувствовалось, что для них это — привычное дело: ведь они вели дикую жизнь в лесах до того, как на них обрушилась цивилизация. Они сейчас вспомнили свой многолетний опыт и действовали, как хо-

рошо организованная охотничья группа, окружающая жертву. Приближаясь к поляне, они изъяснялись между собой на языке жестов. Сигналы передавались по цепи между людьми, взявшими поляну в кольцо. Заняв позиции, они внимательно изучили расположение восьми кентавров и начали оживленные переговоры жестами, чтобы каждый знал свою мишень. Затем они подняли оружие. После сигнала раздалось сразу пять выстрелов. Пять кентавров получили раны, двое из них тут же упали. Охотники не стали перезаряжать ружья, а бросились вперед, размахивая ими, как дубинками. Двое достали из-за пояса кинжалы. Раздались резкие крики кентавров, запах пота и крови повис в воздухе над поляной.

Один из лежащих на земле кентавров внезапно вскочил и нанес мощный удар передними копытами по голове одного из нападающих. В тот же момент этот кентавр был убит. Самый легкий из трех оставшихся в живых кентавров был схвачен, ему перевязали руки и обе пары ног. Трое охотников оставили оружие и потащили его через лес. Четвертый перезарядил ружья и пошел за ними, прикрывая отход.

Они прошли через лес со своей ношей и никто не напал на них. Они вошли в корабль и закрыли дверь. Взревели моторы, корабль поднялся в воздух и устремился на юго-восток, набирая высоту.

Лунная Птица летел над огромным плоским каменным сооружением, расположенном в поле на противоположном от города и порта конце острова. Лучи утреннего солнца разрезали каменное поле на тысячи кусочков, и если долго смотреть на пробегающую под ними картину, то создавалось впечатление, что смотришь на быструю реку.

Поль оторвал от нее взгляд и прикрыл рукой глаза, чтобы дать им отдохнуть и вернуть себе остроту зрения.

— Там, внизу, находится что-то, обладающее могуществом,— заметил дракон.— Это то место?

— Да.

Поль долго смотрел на облака, затем снова посмотрел вниз. На северном краю сооружения была огромная трещина и возле нее плавало огромное количество темных нитей, плававших в воздухе как следы от чернил, капнутых в воду.

— Опусти нас на дальнем конце, там, где деревья.

Дракон снизил скорость и начал опускаться. Поль наклонился вперед, внимательно смотря на землю. Вскоре он понял, что под ним находится монолитная конструкция. Темные пятна на ней были, видимо, многочисленными отверстиями, служившими для освещения многочисленных коридоров. Над землей конструкция возвышалась на два человеческих роста. Когда они приземлились, Поль с трудом углядел среди коричневых и песочного цвета нитей единственную белую.

Послышался какой-то слабый неразборчивый звук, но откуда он пришел, Поль определить не смог. Сев на землю, дракон спросил:

— Может, сыграешь мне песню?

— Боишься, что я не вернусь?

— Это юмор висельника. У драконов юмор совсем другой.

— Хорошо,— Поль достал гитару.

— Что ты делаешь?— спросила Нора.

— Собираюсь дать концерт по заявкам,— сказал он и начал петь длинную печальную балладу.

— Благодарю,— сказал дракон, когда Поль закончил ее.— Это очень трогательная история, она напомнила мне ту, которую мне рассказал грифон...

— Боюсь, что у меня сейчас нет времени выслушать ее. Могут появиться металлические птицы с бомбами.

— Ты заметил что-нибудь, пока пел?

— Какое-то странное мычание, которое затем прекратилось.

Поль соскочил на землю и помог спуститься Норе, затем похлопал дракона по шее.

— Как ты собираешься проникнуть туда?— спросила Нора.— Так же, как...

Она не заметила движения пальцев правой руки Поля. Он растопырил их, слегка согнул и приблизил к лицу Норы. На глаза девушки легла невидимая плотная повязка...

Поль подхватил ее, отнес под деревья и усадил. Здесь ее не было видно сверху из-за раскидистой кроны.

— Охраняй ее, пока я буду внутри,— сказал он дракону.— Если появятся черные птицы, то вам лучше прятаться под деревьями, пока вас не обнаружат.

— Я могу напасть на них.

— Но Нора тогда останется без защиты. Нет. В бой вступай только в том случае, если тебя заметят.

Лунная Птица с негодованием фыркнул. Капля слюны упала на землю, и камень под ней расплавился.

— Хорошо. Но потом я смогу послушать музыку.

Поль повернулся и направился к широкому входу.

Где-то в глубинах лабиринта рождался глухой рокочущий звук, но далеко или близко — он определить не смог. Звук раскатывался по многочисленным коридорам, отзывался многократным эхом, постепенно затихая.

Коридор, в который он вошел, через несколько шагов оборвался, но в правой стене оказалось небольшое отверстие, куда и вела белая нить.

Он остановился и взял в руки гитару. После короткого размышления он начал наигрывать медленную убаюкивающую мелодию, вкладывая в нее ритм пульсации своего родимого пятна, чтобы мелодия могла успокоить, зачаровать любого слушателя.

Он захватил несколько проплывавших мимо нитей и намотал их на гриф гитары. Нити стали колебаться в такт с мелодией. Он повернулся и медленно, не прекращая играть, вошел в отверстие.

Поль оказался в узком темном коридоре, освещавшемся через трещины в потолке в тех местах, где проход разветвлялся. Через трещины виднело голубое небо.

Продолжая наигрывать на гитаре, он остановился, чтобы дать глазам приспособиться к слабому освещению. Рычание и фыркание прекратилось, но по-прежнему слышалось чье-то тяжелое дыхание.

Он двинулся дальше вперед, следуя за своей нитью. Он шел, поворачивая направо и налево, пока не оказался в кольцевой комнате. Из комнаты вело десять проходов, расположенных на равном расстоянии друг от друга, включая и тот, через который он вошел.

Нить вела в ближайший справа проход. Далее последовала серия крутых поворотов, от которых у него чуть не закружилась голова. Он остановился, чтобы успокоиться и не сбиться с мелодии. Звук тяжелого дыхания по-прежнему слышался где-то неподалеку, заполняя собой все коридоры, удушливо пахнущие скотным двором. Легкое голубое облачко проплыло над ним. Он перешел в другую тональность, сохранив ленивую и усыпляющую мелодию, и пошел дальше.

Вскоре он снова оказался в кольцевой комнате с десятью проходами, и понял, что это — та же самая комната, так как узнал рисунок трещин на стенах. Рассматривая паутину нитей, Поль понял, что отыскать путь к цели будет легче, чем потом выбраться из этого лабиринта. Он кряхтел и ругался, протискиваясь в узкие и низкие проходы. Иногда ему приходилось пролезать боком. Затем он снова попал в серию крутых поворотов.

— Когда же это кончится? — ругался он про себя.— Так никогда не доберешься до цели.

Но вскоре он заметил, что звук дыхания стал громче. Оставалось уже совсем немного до длинного узкого холла, в котором расхаживал минотавр.

Маусглов присматривался, наклоняясь вперед. Свет в доме Марка погас уже давно, но вор знал, что глазной протез Марка позволяет ему видеть в темноте. И кроме того, он знал, что Марк спит мало, он любит производить внезапные ночные проверки лабораторий, заводов, бараков.

Но вполне возможно, что сейчас он спит,— размышлял Маусглов.— У него был тяжелый день. Однако он переполнен нервной энергией и может пробудиться в любой момент... Но, однако, что-то все-таки надо делать...

Нужные ему карты были теперь рассованы по карманам его плаща. Там же лежал и конверт с фигурками. Гранаты — он чувствовал себя очень неуютно, так как видел их действие — висели на поясе рядом с кинжалом. В руках он держал мешочек с пищей и пистолет, украденный совсем недавно.

Он снова спрятался за трубу, глубо дыша холодным и дымным воздухом. Чем дольше он будет здесь оставаться, тем больше риск обнаружения машинами или этими гномами. Он знал ра-

сположение всех стационарных следящих устройств, но ведь были еще и передвижные.

И кроме того, он не сможет забраться во флайер, не произведя шума. Поэтому, если Марк только что уснул, надо дать ему возможность уснуть покрепче.

Он посмотрел вверх, на звезды. Луны в небе не было — не очень-то удачно для первого полета. Он потрогал гранаты и проверил все свое снаряжение. Попадать в плен не хотелось. Особенно после того, что, как он видел, они сделали с кентавром, которого доставили на флайере. Маусглов был уверен, что несчастное животное даже не понимало, чего от него хотят добиться.

Терпение было основным качеством, требовавшимся в работе Маусглова. Он стал массировать мышцы, замирая время от времени, чтобы прислушаться и осмотреться.

Прошло больше часа.

Пора, решил он. Ночь уже взяла все свои права.

Осталось двести шагов. Медленных и осторожных. Покровитель воров... будь со мной... со мной...

А теперь не думать ни о чем, превратиться в глаза и уши, дышать так, чтобы грудная клетка не шелохнулась. Дверца должна быть со стороны дома Марка.

Уже оставалось двенадцать шагов... десять... Что же они там жгут, на своих заводах? Даже в носу щиплет.

Он дважды обошел флайер, ожидая, не будет ли тревоги. Наконец, протянул руку и коснулся гладкого холодного тела машины.

— Ну, малыш, назад пути нет,— сказал он себе.

Он взялся за ручку двери и осторожно потянул ее на себя. Дверь бесшумно открылась. В одно мгновение он был уже внутри кабины, отыскивая на ощупь внутреннюю ручку двери. Он нашел ее и потянул вниз на себя...

Стоп!

Открылась дверь дома Марка, и сам он появился на пороге. Пальцы Маусглова нащупали пистолет. Бежать теперь было уже невозможно.

Марк никуда не уходил. Он стоял, уперев ладони в бока, осматривая небо и крыши. Только ли бессонница вытащила его на улицу?

Маусглов заметил, что перестал дышать. Он позволил себе немного расслабиться, слегка вдохнул и положил пистолет на колени. Его левая рука, державшая дверь, преодолевая сопротивление пружины, начала дрожать.

— ...и не дай мне попасться,— закончил он молитву.

Он поднял пистолет и нащупал курок. Но тут Марк застегнул свою куртку и закрыл за собой дверь. Затем пошел вдоль террасы.

— Я бы застрелил его. Прямо сейчас. Если бы был уверен, что попаду. Я никогда не стрелял из таких штук. Я выстрелил бы, если бы у меня был арбалет... если бы...

Марк прошел в пяти метрах от него, даже не смотря на

флайер. Маусглов, скорчившись и спрятав голову в капюшон, наблюдал за ним.

И только через десять минут после того, как Марк скрылся, он рискнул закрыть дверь и заняться панелью управления.

Увидев обитателя лабиринта, Поль все же не сбился с ритма и не сфальшивил. Взгляд человека-зверя пробежал по нему, осмотрев с головы до ног, затем зверь медленно пошел вдоль стены. Он был высотой около двух метров и с длинными, закрученными рогами. В помещении стояла жуткая вонь. Какие же зубы должны быть у этого существа с головой быка, подумал Поль. Из прочитанных книг он знал, что минотавр пользуется ужасной репутацией, и решил оставить вопрос о зубах для академических споров. Он полностью сосредоточился на игре.

Двигались только руки. Мысленно он представлял, что из его гитары вытягиваются нити и наматываются на рога чудовища. Могущество, бурлившее в нем, по кончикам пальцев стекало в гитару, а затем заполняло пространство, лежащее между ним и минотавром.

— Отдохни. Такая нервная жизнь, как у тебя, требует периодов мира и покоя,— пел он про себя.— Не просто сон нужен тебе, а полная расслабленность всех мускулов, полный отдых... Это так сладостно...

Минотавр замедлил шаги, затем замер возле стены. Его дыхание замедлилось и стало тише.

— Забудь, забудь обо всем. Приятные сны танцуют перед твоими глазами, готовыми сомкнуться. Иди в туманную страну снов, где обитают видения. Они...

Минотавр опустил правую руку и оперся о стену. Его голова опустилась. Он фыркнул.

— Иди... иди туда. Там небесные облачка, ласкаемые ветерком, сделают твой сон сладким, а поля сочной зеленой травы усладят твой вкус. Теплый дождик будет омывать твое тело, красочные цветы будут радовать твой взор. Моя песня принесет тебе покой и тихую радость...

Зверь опустился на колени, лег на пол, затем его глаза закрылись. Поль еще долго продолжал играть. На спящем лице не было никакого выражения, только покой и безмятежность. Дыхание минотавра становилось все медленнее и спокойнее. Поль рискнул впервые оглядеться. Затем проследил взглядом нить, по которой он шел.

Нить вела в нишу в дальней стене комнаты. Темные нити обвивали нишу, но их было много меньше, чем в пирамиде. Эта путина была предназначена, видимо, для того, чтобы слабо мерцающий цилиндр не попал в руки самого минотавра.

Поль спокойно пошел по каменному полу к нише, его руки автоматически наигрывали мелодию, пока он изучал узлы паутины. Их было всего три, и любой из них мог остановить минотавра или обычного человека. Но для компетентного колдуна они были всего лишь...

Он оглянулся на спящего минотавра, так как ему придется прекратить играть, чтобы распутать паутину. Он взял последние аккорды:

— Спи... спи... спи...

Затем опустил гитару. Его левая рука двинулась вперед. Распутав первое заклинание, он обернулся, чтобы убедиться, что минотавр не проснулся. Затем принялся за второе.

Звук сзади встревожил его, но сейчас Поль не мог обернуться. Наконец, узел распался, и Поль посмотрел назад.

Минотавр всего лишь повернулся во сне на другой бок. Поль приступил к последнему заклинанию, и ему пришлось долго повозиться с ним. Закончив, Поль снова посмотрел назад.

Глаза минотавра были открыты. Он смотрел на Поля.

— Кто ты такой?

— Я менестрель.

— Что тебе здесь надо?

— Так, пустяк.

— То, что лежит в нише? Будь осторожен.

— Обязательно буду. Ты не будешь возражать, если я заберу его?

— Нет, конечно. Оно мне совершенно не нужно. А где это я был?

— Во сне.

— Никогда не бывал там раньше. Там много было такого, чего я никогда не видел.

— Может, цветы?

— Возможно. Это было так прекрасно. Я хочу снова туда.

— Это можно устроить.

— Я хочу всегда жить там.

— Закрой глаза и слушай музыку.

Минотавр закрыл глаза.

— Играй. Унеси меня отсюда.

Поль начал снова играть, вызывая те же видения, что и раньше. Он играл, а глаза его ощупывали то, что находилось в нише: вторую часть посоха, более тонкую и длинную, чем первая, украшенную сценами из жизни людей, животных, растений. Все они ели, пили, танцевали, радовались жизни, любили друг друга...

Сыграв заключительные аккорды, он протянул руку, взял стержень и вставил его в первую часть посоха, висевшую у него на поясе. Затем снова стал играть, усыпляя минотавра. Он ощутил, как могущество в нем увеличилось, забурлило, требуя выхода. Оно пронзало все его тело, руки, гитару, смешивалось с музыкой.

— ...Иди туда, в поля, где нет голода, жажды, боли, где никого не называют чудовищем, где воздух свеж, где нежно поют птицы, туда, где вечером и ночью светят добрые звезды, чтобы жить там всегда, никогда не просыпаясь, никогда не уходя оттуда. Спи, человек-бык, спи в покое, которого ты никогда не знал. Усни навсегда.

Поль отвернулся от спящего и притронулся к посоху. В голове

его стала прокручиваться запись его пути сюда. Он вспомнил каждый поворот, каждый проход, каждую дверь, а следовательно...

В воздухе повисло изображение дракона. Он был готов вести Поля к выходу.

— Веди,— мысленно приказал он.— Я пойду за тобой.

И дракон поплыл по воздуху к двери. Поль колебался какое-то время, а затем пошел за ним. Выходя из комнаты, он бросил последний взгляд на спящего минотавра и осмотрел напоследок узел своего заклинания, висевший над распростертым телом, как огромная бабочка.

Маусглов облегченно вздохнул, когда флайер поднялся над высочайшей башней и помчался прочь от гор. Он устремился туда, где не было зловещих черных птиц, плетущих нескончаемую паутину патрульных полетов. Погони пока что видно не было. Набрав максимальную скорость, Маусглов мчался до тех пор, пока горы не скрылись за линией горизонта. Лишь тогда он, наконец, расслабился, снял плащ и бросил его на заднее сиденье; вздохнул, потер глаза и провел рукой по волосам. Он освободился от огромного напряжения и получил возможность наслаждаться полетом.

При такой скорости к утру он уже будет в Дибне. Он еще успеет спрятать корабль, прежде чем войти в город. А днем он найдет торговца, чтобы пристроить фигурки. И затем, когда его кошелек будет полон денег, он сможет спокойно отдохнуть. На этом флайере он сможет затем перелететь в другой город. После этого нужно будет поискать место, где можно будет осесть. Вилла на холме с видом на море. Кухарка, слуги, садовник — неплохо бы иметь свой сад — и несколько тщательно выбранных девушек-рабынь... Он медленно повернул штурвал вправо. Еще немного... Юго-восток... юг. Он крутил штурвал и удивлялся, зачем же он делает это?

Теперь он летел уже не в Дибну. Он отчаянно сопротивлялся, но его руки сами крутили ручки управления. Юго-запад... Он уже почти повернул обратно. Повернуть снова в Дибну было нетрудно, но вот только...

Вот только руки отказывались повиноваться. Как будто кто-то управлял им самим. Он сопротивлялся, но тщетно. Сейчас он летел туда, куда лететь ему вовсе не хотелось. Он как будто со стороны смотрел на себя, на свои действия по управлению машиной. На пульте перед ним плясали маленькие огоньки, постепенно превращаясь в семь мерцающих фигурок. Он вспомнил все, происшедшее с ним в подземелье города в горах, и снова услышал их смех.

У него зрело предчувствие, почти уверенность, что с виллой с видом на море придется попрощаться.

Дойдя до выхода из лабиринта, Поль хотел уже выйти, но остановился на месте. Что-то было не так. Он уловил как бы тень опасности, только тень, он даже примерно не мог определить, что

же ему грожает. Он только был уверен, что эта угроза существует. Кажется, там что-то движется?

Он посмотрел на дракона, склонившегося над спящей Норой, взял в руки посох и постарался припомнить сложные заклинания из книг отца. С виду здесь все было в порядке, но все же...

Медленно движущаяся тень проплыла над ним. Полю, пришедшему из мира технологии, было нетрудно догадаться, что это летающая машина, причем гораздо большего размера, чем черные птицы. Этот флайер был уже совсем близко.

Поль знал одно простое заклинание, бывшее частью более сложного, оно требовало много энергии, но теперь в его руках было нечто, во много раз увеличивающее его могущество.

Он поднял посох и стал водить им над собой, захватывая нити всех цветов и сплетая из них ковер. Над ним вскоре образовался диск из нитей. Он все увеличивался в размерах и стал вскоре настоящим щитом.

Теперь достаточно. Поль сделал шаг вперед, и щит последовал за ним. Размер щита удовлетворил Поля, и он перестал наращивать его.

Тень в небе сместилась левее. Поль сделал еще шаг и повернул посох так, чтобы прикрыть себя щитом, прикрепленным к посоху. В этом и заключалось отличие от полного заклинания, которое прикрывало со всех сторон.

Поль шел, внимательно следя за перемещениями флайера и прикрываясь от него своим волшебным экраном. Он двигался к деревьям. Когда он доберется до них, щит будет не так нужен, и можно будет дать возможность отдохнуть руке. А затем...

Скоро он дошел до деревьев. Подойдя к девушке и дракону, он сделал экран больше, не упуская из виду кружащего над ним флайера. Протянув руку, он коснулся дракона.

— Я разбужу ее,— сказал Поль.— А затем мы углубимся в лес.

— И не будем драться?

— Мы можем избежать этого.

— Но я могу уничтожить его!

— Ты сделаешь это, если он будет нападать на нас. Доверься мне.

Он повернулся к Норе и стал снимать с нее заклинание, думая, насколько сложнее было бы с минотавром, если бы ему пришлось работать с такого же расстояния. Нора шевельнулась, посмотрела на него.

— Я спала! И это сделал ты...

— Тихо! — предупредил он.— Они уже здесь,— он показал наверх.— Поговорим в более спокойном месте. Вторая часть посоха уже у меня. Теперь нам надо лучше укрыться под деревьями. Пока нас не видно только с одной стороны.

Она поднялась на ноги.

— Это была нехорошая шутка. Не надо со мной поступать так.

— Обязательно учту это,— пообещал Поль.— А теперь, пошли.

Она посмотрела на флайер, кивнула и повернулась. Дракон медленно двинулся за ней. Когда они углубились в лес и ветви надежно укрыли их, Поль снял заклинание. Теперь им не грозило быть замеченными.

Поль сел по деревом, сложив на груди руки.

— Что будем делать теперь?— спросила Нора.

— Я думаю, смогу ли я сбить этот флайер, как сбил металлическую птицу у пирамиды. Теперь, когда у меня две секции посоха, это кажется возможным.

— Тогда попытайся.

— Я подожду, пока он подлетит поближе. Основной фактор — это расстояние.

Около четверти часа он наблюдал за маневрами корабля, наматывая нити на посох. Когда корабль, наконец, оказался над ними, он почувствовал себя готовым.

Он поднял посох, глядя наверх через просветы между листвой. Он увидел нити, идущие вверх, и представил, что они звенят под действием неощутимого мощного эфирного ветра. Посох нагрелся в его руке, и энергия начала изливаться из него.

Какое-то время все оставалось спокойным. Затем они услышали вой захлебывающегося мотора флайера. Флайер начал снижаться, но только потому, что пилот, управлявший им, решил идти на посадку, так как отказали моторы. Поль крепче сжал посох, посылая все больше и больше энергии. Над спускающимся кораблем показались тонкие струйки дыма. Моторы заглохли, и теперь корабль висел в 15-20 метрах над западной границей Лабиринта.

Вскоре он рухнул, и задняя дверца его открылась. Оттуда выскочили три человека, а затем выполз еще один, кашляющий и задыхающийся. Поль увидел пламя и людей, пытавшихся погасить его. Он опустил посох и повернулся к Норе.

— Теперь надо уходить отсюда. Я сжег моторы, и они не смогут нас преследовать.

Они влезли на спину дракона.

— Торопись! Уноси нас скорее отсюда!

— Мы можем сначала покончить с ними.

— Они не смогут помешать нам. Лети!

Дракон начал разбегаться, петляя между деревьями. Выбежав на поляну, он расправил крылья и взмыл вверх. И тут же откуда-то справа раздался крик. Поль увидел трех человек, убегавших от горящего флайера. Они одновременно опустились на колени и подняли ружья. Из дул вылетели белые дымки, и тут же Поль почувствовал жгучую боль в шее и упал на плечо дракона. Он услышал крик Норы и почувствовал, как ее руки ощупывают его тело. Его голова отчаянно кружилась, перед глазами плавали темные круги, но сознание он потерял не сразу. В ушах раздавался далекий звон. Шея стала влажной.

— Нам нужно было прикончить их,— сказал дракон.

Нора что-то говорила, хлопоча возле него, но Поль не слышал ее слов.

Его глаза закрылись, и мир превратился в ничто.

Когда мир снова вернулся к нему в сознание, он ощутил, что на шее у него лежат руки Норы с холодным компрессом. В носу стоял запах моря. Он ощущал размеренные движения мускул дракона под чешуей, к которой прижималась его щека. От дракона пахло старой кожей, порохом и почему-то лимонным соком. Он вдруг вспомнил все и усмехнулся.

— Ты пришел в себя?— спросила Нора.

— Да. Рана серьезная?

— Похожа на ожог. Как если бы к шее приложили горячий утюг и подержали немного.

— Именно это я и чувствую. Что ты приложила?

— Мокрое полотенце.

— Спасибо. Это помогает.

— Ты знаешь заклинания для лечения?

— Знаю, но плохо. Но что-нибудь я придумаю. Расскажи пока, что произошло.

— Тебя что-то ударило. Думаю, что это было из дымящейся трубки, которую эти люди наставляли на нас.

— Да, так оно и есть. А что это был за грохот? Их корабль взорвался?

— Нет. Это были какие-то большие летающие штуки. Они погнались за нами и стали грохотать. Возле нас что-то пролетело. Потом все стихло.

Поль приподнялся и посмотрел назад. Поворачивать голову было больно. Остров был уже далеко, еле заметен на горизонте. Он посмотрел на море и на солнце.

— Лунная Птица, с тобой все в порядке?

— Да. А с тобой?

— Я скоро оправлюсь. Но мы летим, кажется, на северо-запад, а не на юго-запад. Или я ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься.

— Дай я перевяжу тебе шею,— сказала Нора.

— Давай,— ответил он и снова обратился к дракону:— Но почему?

— Место, куда ты хочешь попасть, находится очень далеко, в нескольких днях полета.

— Знаю. Именно поэтому я и выбрал этот путь. Нам будут встречаться острова, на которых можно будет отдыхать.

— Это не лучший путь. Карты говорят неправду. Я знаю более короткую дорогу.

— Кратчайший путь между двумя точками — прямая.

— Я пронесу вас путем драконов.

— Путем драконов? Как это?

— Я уже летал в те края. Существуют другие пути. Их назы-

вают проколами в пространстве. Мы летим к нужному проколу. Я знаю этот путь, хотя он немножко неприятный.

— То, что немножко неприятно для драконов, может оказаться смертельным для человека.

— Через этот прокол я пролетал с твоим отцом.

— А это намного быстрее?

— Да.

— Хорошо, летим.

— А далеко это? — спросила Нора.

— Мы будем там к вечеру.

— По пути есть остановки для отдыха?

— Есть.

Перед ними низко над горизонтом горело красным пламенем солнце. Справа у горизонта темнела изломанная линия побережья. В воздухе слева и справа теснились оранжевые облака. Дракон начал подниматься выше, с каждым взмахом его крыльев воздух становился все холоднее. Поль всматривался вперед. Внезапно его зрение затуманилось, и он потер глаза. Но рябь в глазах осталась. Он повернул голову набок, но все осталось по-прежнему.

— Лунная Птица...

— Да, мы приближаемся. Уже скоро.

— Нам нужно специально приготовиться?

— Да. Держитесь крепче. Я не смогу вам помочь, если мы разделимся.

Рябь на небе становилась все сильнее. Ощущение было такое же, как тогда, когда Поль смотрел через экран невидимости. Дракон поднялся выше этого экрана и полетел над ним. Поль посмотрел вниз и увидел нечто, похожее на озеро ртути — сверкающее и холодное, слегка окрашенное в розовый цвет лучами заходящего солнца. Чем выше они поднимались над ним, тем более материальным оно казалось.

— Почему мы пролетели мимо?

— Мы должны влететь с яркой стороны.

— Нам нужно нырнуть в это? — спросила Нора.

— Да.

Поль коснулся шеи и ощутил слабую боль. Использованное заклинание почти залечило рану и почти полностью обезболило ее. Нора тронула его за плечо.

— Я готова.

Он похлопал Нору по руке. Дракон уже начал спуск.

— Держись крепче.

Они начали падать. Крылья дракона захлопали, ускоряя падение.

Это же не твердая поверхность, убеждал себя Поль, когда они со страшной скоростью приближались к сверкающему озеру.

Они нырнули в нее — и в тот же момент не стало больше ни верха, ни низа, а было только — вперед. Право и лево осталось —

они крутились в бешеной спирали. Пронзительный свист раздирал уши Поля и Норы. Поль прикусил губу, крепко вцепившись в шею дракона. Он попробовал закрыть глаза, но так стало еще хуже, почти непереносимо. Где-то впереди, далеко-далеко, засияло яркое пятно. Желудок Поля не выдержал и избавился от своего содержимого, но все, к счастью, тут же было унесено ветром. Дракон начал испускать огненные молнии, пролетавшие над головой Поля, как сверкающие копья. Звон в ушах перешел в ультразвук, светлое пятно впереди казалось по-прежнему недостижимым.

— Проколы в пространстве все такие? — простонал Поль.

— Нет. Этот еще ничего. Обычно бывает гораздо хуже.

Глава 18

От долгого полета ломило в плечах, болели глаза. Но путешествие уже подходило к концу. Маусглов кружил над каменным строением, высматривая следы других посетителей. Их не было, и он решил садиться неподалеку от сооружения. Руки его дрожали, когда он вертел штурвал, выискивая в джунглях подходящую поляну. Когда корабль мягко коснулся земли, он облегченно вздохнул. Однако выругаться от злости, что ему не удается попасть в Дибну, не удалось — язык отказывался повиноваться ему.

— Дайте мне, наконец, отдохнуть, — мысленно взмолился он. — Не знаю, чего вы от меня хотите, но к делу надо приступать отдохнувшим.

— Весьма сожалеем, — пришел ответ, и зрение у Маусглова снова раздвоилось: он снова был посреди комнаты, освещенной мерцающими свечами. — Но выбирать не приходится. Ты обогнал всех, так как твой корабль быстрее других и мы направили тебя коротким путем, но времени для отдыха у тебя нет. Из ножен возле двери возьми широкий меч, выходи из машины, руби ветви и сучья и прячь корабль.

После этого он почувствовал себя свободным. Свободным полностью.

И поэтому он не повиновался.

— Но я...

И тут же невидимые узы снова схватили его.

Он взял меч из ножен. На его дальнейшие мольбы ответа не было.

Огромные ветви с большими листьями легко поддавались его ударам, и укрыть маленький корабль не составило большого труда. Затем он открыл двигательный отсек, тщательно вычистил его, вложил новые брикеты топлива. Одних солнечных батарей на обратный путь не хватало бы, тем более, что сейчас они были закрыты листьями и заряжаться не могли.

Он окончил работу и некоторое время спокойно стоял, вдыхая свежий воздух, слушая пение птиц и размышляя, дадут ли ему теперь отдохнуть. Но как только он подумал об этом, ноги сами понесли его в направлении, где находилась каменная пирамида,

окруженная скульптурами фантастических зверей. Дорогу в чаще ему приходилось прорубать мечом. Через несколько шагов он выдохся совершенно. Тучи надоедливых мошек крутились вокруг, а у него не было сил даже отмахнуться. Наконец, он выбрался на поляну, где находилось ступенчатое каменное сооружение — пирамида. Стены ее были увиты виноградными лозами. Стилизованные каменные звери смотрели на него со зловещими ухмылками.

— Мне необходимо отдохнуть. В тени. Ну, пожалуйста.

— Времени совершенно нет,— пришел ответ.— Обойди здание и зайди в него с той стороны.

Маусглов почувствовал, что его ноги зашагали. Ему хотелось выругаться, но язык снова не повиновался ему. Он шел все быстрее и быстрее, не задумываясь, куда ставить ногу, но все же не падал.

Вскоре он оказался перед укрытой в гуще виноградника дверцей. Снова пришлось пускать в ход меч и прорубать проход.

Но вот он уже шел по коридору. Глаза его еще не привыкли к полумраку и ничего не видели, но те, кто вели его, хорошо знали свое дело.

Лишь когда он дошел до широкой лестницы, глаза его обрели способность различать окружающее. Коридор был тускло освещен светом камней. Скорее всего, вследствие землетрясений...

В дальнем конце комнаты он увидел низкий проход в каменной стене. Перед этим проходом стояла точная миниатюрная копия этой же самой пирамиды со всеми скульптурами, входами и колоннами.

На вершине пирамиды, в оранжевой корзинке странной формы, лежал узкий цилиндр длиной в половину человеческой руки, испуская слабое зеленоватое свечение. Маусглов вдохнул влажный холодный воздух.

— Вот это ты и должен украсть.

Перед ним снова замигали свечи в полутемной комнате.

— Цилиндр?

— Да.

— А зачем вы мне говорите это? Ведь я всего лишь марионетка в ваших руках.

— Теперь уже нет. Сейчас мы освободим тебя. Сам ты гораздо лучше нас справишься с этой задачей.

И внезапно он стал свободен. Он вытер лоб, стряхнул пыль с одежды и изнеможенно упал на колени, тяжело дыша. Что-то внутри него подсказало ему, что лучше промолчать, хотя ругательства так и рвались наружу. Многолетние рефлексы заставили его приступить к работе. Но на всякий случай он спросил:

— Неужели другим так трудно спуститься, пересечь комнату и взять эту вещь?

— Там кое-кто есть.

— Есть кто-то? А что он может сделать?

— Если он обнаружит тебя, то не даст совершить воровство. Это гигантская змея с перьями на голове.

Маусглов вздохнул. Рука, держащая меч, опустилась, и меч глухо звякнул о пол. Он закрыл руками лицо, потер глаза и лоб.

— Очень плохо. Я могу работать, только когда нахожусь в хорошей форме. А сейчас я умираю от усталости.

— У тебя не выбора.

— Черт бы вас всех побрал!

— Мы теряем время. Ты собираешься работать?

— Неужели действительно нет выбора? Если существует справедливость...

— Немедленно приступай...

Маусглов опустил руки и выпрямился. Затем сел на ступеньку, вытер руки о штаны, поднял меч. Встал. Начал бесшумно спускаться вниз. Спустившись, прислушался. Какой-то звук из дыры?

Да, но теперь он уже прекратился. Может, просто броситься вперед, схватить цилиндр и убежать? Или же постараться сделать все тихо? Как велика эта змея и как быстро она может двигаться?

Но ответов не было, и Маусглов решил, что его мучители знают об этом не больше него. Он сделал шаг вперед и снова остановился. Тишина. Еще шаг. Да, цилиндр действительно светится. Именно его и хотел добыть Поль, но, видимо, еще не добрался сюда. Почему? Мешают корабли Марка? Возможно... А что будет потом, когда Маусглов добудет эту игрушку? Если ли у этих семерых еще какие-то виды на него? Или же он станет совсем свободен?

Еще шаг... Ничего... Еще два быстрых шага.

Какое-то шуршание... Как чешуя о камень. Он сдержал дрожь и пошел дальше. Перешагнул через кучу щебня. Шуршание продолжалось. Как будто раскручивалось что-то огромное, свитое кольцами.

— Граната! Брось в отверстие гранату! А сам ложись и прикрой голову!

Он сделал, как было приказано. Граната появилась в его руке, затем взметнулась в воздух. Маусглов бросился вперед укрыться за копией пирамиды. Он увидел огромную украшенную яркими перьями голову, поднимающуюся над низким проходом в стене. На него смотрели огромные немигающие глаза, глубокие, как пещеры. Во лбу горел большой изумруд.

А затем взрыв потряс пирамиду.

Огромный каменный блок рухнул с потолка, посыпались мелкие камни, песок. В лучах света заплясала пыль. Оранжевая корзина слетела с вершины пирамиды, цилиндр выкатился из нее и остановился у коленей Маусглова.

— Хватай его! Хватай и беги!

Он огляделся, схватил цилиндр и вскочил на ноги.

— Поздно,— сказал он сам себе, держа в правой руке цилиндр, а в левой — меч.— Она не убита.

Зловещее шипение заглушило грохот камнепада. Ярко-

оранжевая голова моталась из стороны в сторону, как бы потеряв ориентацию. Но все же она приближалась к Маусглову. И очень быстро.

— Ударь ее между глаз! Прямо в изумруд!

Маусглов поднял меч, хорошо понимая, что сможет ударить только один раз. Второй возможности не будет. И когда змея бросилась на него, он ударил.

Они ворвались, наконец, прямо в утро, задыхаясь и еле сдерживаясь от рвоты. В ушах звенело, сердце отчаянно колотилось. Поль посмотрел вниз и увидел полоску пляжа, окаймленную густыми тропическими зарослями.

— Вниз, Лунная Птица, вниз! Мы еле держимся.

— На пляж? — дракон замедлил полет, снижаясь.

— Да. Мы хотим вымыться, поесть, отдохнуть.

— Поль, я больше не могу...

— Знаю. Потерпи минутку...

Дракон мягко приземлился. Они скатились с него и растянулись на песке. Спустя некоторое время Поль протянул руку и коснулся Норы.

— Ты хорошо держалась.

— Ты тоже. — Она похлопала дракона по шее: — Молодец. Поль, а где мы?

— Нам еще далеко? — спросил он у дракона.

— Мы будем там, когда солнце поднимется высоко.

Они разделись, вымылись в воде, вычистили одежду. В это время дракон охотился за дичью, которой было полно в зарослях. Поль и Нора тоже поели, молча смотря на плещущиеся о берег волны и позолоченные солнцем облака.

— Сейчас я, наверное, проспала бы целую вечность, — сказала, наконец, Нора.

— Времени у нас очень мало.

— А когда все кончится, что мы будем делать?

— Если я останусь жив, то прочту все книги в отцовской библиотеке.

— А потом?

— Не знаю. А, нет! Я восстановлю Рондовал, хотя и не знаю, останусь ли я в нем жить или уйду.

— Уйдешь? Куда?

— Не знаю. Но я однажды шел по сияющей дороге и видел множество прекрасных миров. Возможно, я когда-нибудь соберусь и пойду смотреть эти миры.

— А назад ты вернешься?

— Думаю, что да. Этот мир стал мне родным домом. Он мне нравится.

— Наверное, хорошо иметь выбор.

— Если, конечно, я останусь жив.

Когда дракон вернулся, они встали, отряхнулись от песка и, держась за руки, влезли на спину дракона. Солнце поднялось вы-

ше, и джунгли стали казаться менее зелеными. Они взлетели, и дракон повернул на юг. К полудню они были уже возле пирамиды и кружили над ней...

— Кажется, мы опоздали,— сказал дракон.

— Что ты имеешь в виду?

— В лесу спрятаны аппараты, похожие на тот, что ты сбил на острове.

— Я не вижу...

— Я чувствую их тепло.

— Сколько их?

— Кажется, шесть.

— Интересно, давно ли они тут? Это, наверное, западня.

— Может быть. Что будем делать?

— Я должен получить посох.

И в тот же момент взрыв потряс пирамиду.

— Что...— начала Нора.

— Спустись ниже. Я хочу все рассмотреть.

Дракон сделал круг и начал спускаться.

Поль внимательно всматривался в джунгли, но не видел нигде кораблей, которые чувствовал дракон. Затем он посмотрел на саму пирамиду. Комья грязи осыпались с ее стен, а в крыше образовалась большая трещина. Облако пыли, как дым, поднималось над пирамидой.

Они погрузились в это облако и полетели, тщательно осматривая пирамиду и деревья вокруг нее. Все было спокойно. Дракон начал снова набирать высоту.

— Боже!— воскликнула Нора.— Что это!

Из пирамиды выскочил маленький человек в темной одежде, и тут же вслед за ним показалась гигантская, покрытая перьями змеиная голова. Она зловеще раскачивалась, ее длинный язык сверкал, как огонь. Змея выкручивалась из пирамиды с такой скоростью, что гибель человека казалась неизбежной.

— Дракон! Назад! У этого человека — посох!

Дракон уже начал нагреваться и изрыгать пламя.

— Это змея пирамиды. Мне давно хотелось встретиться с ней... Как только я нападу на нее, прыгайте и бегите. И не забудьте свои вещи.

— Нападешь? Нет! Не надо!

— Я должен напасть. Я ждал этого многие века. И кроме того, это единственный способ спасти человека с посохом.

Поль со злости стукнул дракона кулаком, но тот даже не почувствовал.

— Приготовься прыгать и бежать,— сказал Поль Норе, беря гитару и флягу.

Змея услышала шум и подняла голову, но в то же мгновение дракон обрушился на нее. Поль соскочил на землю и бросился бежать. Сзади раздавалось рычание и шипение, накатывались волны жара. Он увидел, что перед ним извивается тело гигантской змеи. Поль обежал его и стал искать глазами Нору, но ее нигде не

было видно. Однако маленький человек с посохом был недалеко от него. Он бежал, спотыкаясь и падая, и снова поднимаясь. Они взглянули друг на друга, и Поль узнал Маусглова.

— Нора! — крикнул он. — Ты видел ее?

Маусглов показал на лес по другую сторону от борющихся гигантов. Очевидно, Нора спрыгнула в другую сторону. Поль обогнал Маусглова, обегая поле битвы. Дракон, схватив змею, начал поливать ее огненной жидкостью. Поль почуял запах горящих перьев. И тут же увидел Нору, окруженную низенькими людьми, такими, каких он видел в горах Анвил. Несколько таких людей неподвижно лежали на траве, а левое плечо Норы было в крови. Видно, здесь была схватка. Но теперь ее, связанную веревками, тащили к деревьям.

И в этот момент на Поля с Маусгловом покатился клубок сцепившихся гигантских рептилий, и им пришлось удирать со всех ног.

Опомнились они уже далеко в лесу, тяжело дыша и тревожно оглядываясь вокруг.

— Мне нужен посох, — сказал Поль, протягивая руку. — Быстрее!

Маусглов протянул ему длинный тонкий цилиндр с изображением облаков, луны, звезд, а также ангельских духов, обитающих в высших небесных сферах. Поль два раза уронил его, прежде чем смог вставить его на место. Ощущение огромного могущества сразу же пронзило его. Он выпрямился.

— Надо идти за ней, — сказал он, оглядываясь назад, откуда доносились звуки битвы — рычание и шипение. Он показал левее. — Но мы попадем туда быстрее, если будем идти не по джунглям, а по открытому пространству.

Маусглов согласно кивнул, но затем махнул рукой.

— Не думаю, что у нас что-нибудь получится, но уверен, что ей ничего не грозит.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хорошо знаю этих типов. Если бы у них не было приказа доставить ее живой, она бы была уже мертва. Они прибыли сюда на флайерах, и она наверняка уже на одном из них.

— А я думаю, что они прилетели сюда за мной или за этой частью посоха.

— Да. Но теперь, когда ты обнаружил их, они не захотят вступать с тобой в бой. Возможно, они взяли ее в качестве заложника.

— Почему «возможно»?

— Ты же знаешь: Марк любит ее.

— Да, знаю. Расскажешь обо всем потом. Идем.

Он поднял посох, и ослепительный луч света из него прожег в джунглях широкую дорогу. Без колебаний они направились по ней. Выйдя на поляну, они снова увидели сцепившихся дракона и змею. Змея вцепилась клыками в левое плечо дракона и кольцами обвивала его, а зубы дракона вонзились в ее горло. Часть пирамиды была разворочена во время этой жестокой схватки.

Когда Поль и Маусглов обходили их, битва разгорелась с новой силой. Кольца змеи разжались, и освободившийся дракон поднялся в воздух, не отпуская своего врага. Но и змея не выпускала из пасти его плеча. Поль повернулся к ним и поднял посох.

— Нет! — вдруг прозвучало у него в голове.— Это моя битва! Не вмешивайся!

Поль не стал возражать и пошел дальше, туда, где он видел в последний раз Нору. Маусглов не отставал от него. Сзади раздавалось рычание и ветер доносил запахи горелого мяса. Поль не оглядывался

Наконец, они пришли туда, где лежали тела людей. В груди одного из них торчал меч Норы. Теперь, когда они были далеко от места битвы, другие звуки достигали их слуха: откуда-то из-за деревьев доносилось гудение моторов.

Над ними пролетела тень, тотчас же за ней последовали еще две.

— Нет! — воскликнул Поль и поднял посох.

Маусглов схватил его за руку.

— Если ты собьешь флайер, то можешь убить девушку,— крикнул он.— Ты же не знаешь, на каком из них ее уносят!

Еще два флайера пролетели над ними. Плечи Поля опустились.

— Конечно,— сказал он упавшим голосом.— Конечно...— Он повернулся к Маусглову.— Спасибо. Я полечу за ней. Я должен знать, чего хочет Марк. Он не знает, какие силы я могу выставить против него, но узнает это раньше, чем сможет отомстить своей деревне. Я возвращусь в горы Анвил и разворочу их. Если, конечно, Лунная Птица сможет лететь...

— У меня есть корабль. Я украл его у Марка. Я умею управлять им и научу тебя,— он взял Поля за руку.

Когда они снова проходили мимо пирамиды, борьба еще продолжалась и никто из сражающихся не собирался уступать. Вся земля была перепахана и покрыта кровью. И дракон, и змея имели глубокие раны и были измазаны кровью, как своей, так и противника. Они переплелись так, что было тяжело разобрать, где кто.

Поль мысленно обратился к Лунной Птице:

— Мне нужно вернуться в Рондовал и приготовиться к битве. Марк захватил Нору. Маусглов может унести меня отсюда на флайере. У меня нет времени ждать конца вашей битвы.

— Уходи. Когда я покончу с ней, я вернусь.

И борьба вспыхнула с еще большей яростью. Змея, потерявшая большую часть своих перьев, злобно шипела. Огненные языки вырывались из пасти дракона. Поль и Маусглов поспешили прочь. Хоть змея и обвила кольцами шею дракона, его зубы глубоко впились в ее тело.

— Передай ему, чтобы он старался поразить ее в изумруд между глаз. Мне так удалось оглушить ее.

— Бей ее в изумруд между глаз,— сразу же передал Поль, но ответа не получил.

Они пошли по зарослям по пути, прорубленном Маусгловом.

— Сюда,— сказал вор.— Я спрятал его там. Но я очень устал и вряд ли смогу вести флайер. Я могу уснуть и разбить корабль.

— Ты только подними его в воздух, а я буду смотреть и задавать вопросы. Затем сменю тебя.

— Ты тоже очень устал.

— Да, но полет будет не таким долгим, как ты думаешь.

В это время они вышли на поляну, Маусглов остановился и показал на кучу зеленых веток.

— Каким образом? Ведь я только что совершил этот путь.

Поль помог ему расшвырять ветки.

— Тебе это может показаться непонятным, но я знаю более короткий путь — через прокол в пространстве.

Глава 19

Он шел быстро; слева от него сверкали полированные поверхности машин. Справа за светящимися экранами сидели мужчины и женщины. Они чертили на экранах световыми перьями, создавая новые конструкции машин. Мягкий ковер под ногами делал пол почти невещественным, неосязаемым. Сверху струился мягкий свет. Мягкая музыка лилась из скрытых громкоговорителей, на стене изменялось абстрактное изображение, сопровождаемое мелодию...

Он остановился возле большого окна и посмотрел вниз, на город. По улицам ехали автомобили. В воздухе кружили флайеры и могучие корабли бороздили воду реки. Высокие здания вонзались в небо. Все было чисто, красиво и блестело стеклом и полированным металлом. Он смотрел на создание своих рук и мозга, и теплое чувство поднималось в его груди. Могущество и великолепие чувствовалось во всем. Марк отодвинул защелку и открыл окно, перегнулся через подоконник, вдыхая воздух города...

Чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо. Он обернулся к высокому могучему человеку, стоявшему сзади него, улыбаясь и сжимая в руке стакан. Его лицо было красным, как кирпич, и на нем проступал давний шрам, а сверху была грива рыжих волос с сединой...

— Что, Марк, восхищаешься? — сказал он, махнув рукой со стаканом в сторону окна.— Когда-нибудь оно так и будет...

Эманация могущества, исходящая от этого человека, была неприятна Марку. Он снова повернулся к окну, задев за раму чем-то на левой стороне своего лица. Он ощупал лицо и обнаружил большую шишку над левым глазом. И сразу же вспомнил, что она у него уже давно. Ощущая что-то вроде стыда, он снова ощупал ее...

Его зрение внезапно раздвоилось. За окном он видел теперь две различные картины. На одной город по-прежнему казался ему

прекрасным и сверкающим чистотой. На другой город был серым, в воздухе плавал пепел и облака желтого тумана. Слева слышались хриплые визгливые звуки и грохот тяжелых машин, и от этой части города поднимался кислый едкий запах. Влажная слизь разных цветов облепила стены домов. Река превратилась в грязную жижицу. Корабельные трубы выбрасывали в небо зловонную копоть...

Он отшатнулся от окна и снова повернулся к гиганту, но обнаружил, что тот тоже раздвоился. Человек справа был все тем же, а тот, что слева, стал еще красней, на его лице залегли глубокие тени, глаза излучали злобное пламя...

— В чем дело? — спросил он.

Марк не смог ответить. Он махнул рукой в сторону окна и сам повернулся к нему. Однако вид за окном уже не был раздвоенным, обе картины наложились друга на друга. Его собеседник тоже перестал быть двойным — остался только его более мрачный вариант.

Размахивая как безумный руками, Марк попытался рассказать ему об увиденном, но тут из-за горизонта появился дракон, на котором сидел Поль. Они летели сюда...

— О, это он,— сказал огромный краснолицый человек.— Это он вносит смуту. Много лет назад я выслал его отсюда. Он пришел, чтобы уничтожить тебя. Готовься к борьбе...

Марк наблюдал, как дракон с Полем приближался, становясь все больше и больше, и, наконец, беззвучно проломился сквозь стену, чтобы достать его. Вокруг послышались какие-то странные звуки, становясь все громче и громче. Все окружающее стало расплываться, а затем исчезло...

Он сидел на кровати, вконец измученный и выдохшийся. Звуки не прекратились. Видел только левый глаз. Набросив на плечи куртку, он подошел к двери и открыл ее. Тут же к нему подскочил маленький человечек с листом бумаги.

— Вы хотели видеть это, как только оно будет получено, сэр.

Марк посмотрел на листок.

— «Мы захватили Нору, а Поль исчез вместе с волшебным прибором...»

— Да, сэр. Они уже в воздухе и несут ее сюда.

— Хорошо. Предупреди силы в Рондовале, чтобы они были настороже,— он посмотрел куда-то вдаль.— А я проверю нашу готовность. Возвращайся к исполнению своих обязанностей.

— Слушаюсь, сэр.

Закончив одеваться, Марк достал из стола фотографии и долго их рассматривал.

— Ну что ж, посмотрим, кто проиграет,— сказал он.

Когда показался Рондовал, за пультом управления был Маусглов.

— Не понимаю, как ты так быстро восстановил свои силы,— сказал он.— Я чувствую себя совершенно разбитым, особенно по-

сле твоего проклятого прокола в пространстве,— он осмотрел испачканную кабину и сморщил нос.

— Наверное, я получаю энергию из посоха,— ответил Поль.— Мне кажется, будто у меня появились второе сердце и легкие...

Над стенами замка вдруг появился дымок.

— Что это?— спросил Маусглов.

— Кажется, в нас стреляют. Поворачивай. Я не хочу, чтобы...— корабль содрогнулся от тяжелого удара,— ... нас подстрелили,— закончил Поль, держась обеими руками за посох.

Через секунду они начали падать. В кабине появился дым.

— Управление не работает?— крикнул Поль.

— Не совсем. Я постараюсь перелететь эти деревья. Хотя вот не деревья... Ты можешь что-нибудь сделать?

— Не знаю.

Поль поднял посох, и сквозь стены к нему потянулись нити. Ему показалось, что он находится в центре трехмерной паутины, все нити которой тянулись к нему. Они начали пульсировать в такт с пульсациями его родимого пятна. Корабль стал падать медленнее.

На лбу Поля выступил пот, морщины стали резче и глубже.

— Мы разобьемся!

Потоки энергии текли из посоха по нитям. Но верхушки деревьев были уже под ними, начали ломаться ветки. Моментом спустя они наткнулись на ствол толстого дерева, который устоял, не сломавшись. Корабль развалился на части, но этого они уже не видели...

Придя в себя, Поль почувствовал, что руки его связаны, а голова раскалывается от боли. Не открывая глаз, он вспомнил, что произошло. Откуда-то доносились голоса, чувствовался запах лошадей. Затем раздался топот копыт. Если те, кто стрелял из замка, захватили их, не прикончив на месте, то остается шанс на спасение.

Он проверил свои узлы и понял, что они достаточно надежны. Интересно, долго ли он был без сознания и остался ли жив Маусглов? И посох... где он?

Он приоткрыл глаза и стал внимательно осматриваться, медленно поворачивая голову. При этом он пошевелился. Почти незаметно. Но и этого оказалось достаточно. С удивлением он увидел подошедшего кентавра.— Ага! Ты очнулся?— воскликнул человек-лошадь, рассматривая Поля.

Прямо из лошадиного тела рос человеческий торс с великолепно развитой мускулатурой. Мужское лицо с резкими линиями окаймлялось длинными черными волосами, перевязанными сзади лентой. Поль едва удержался от смеха, вспомнив, что в том его мире такие же хвосты из волос делали девушки.

— Да, я очнулся,— он с трудом сел.

Рядом лежал Маусглов, тоже со связанными руками. Он был без сознания. Под деревом лежала гитара, вероятно уцелевшая

после падения. На земле валялись обломки флайера, а остатки его корпуса висели в ветвях большого дерева.

— Зачем вы нас связали? — спросил Поль.— Мы же вам ничего не сделали.

— Ха! — фыркнул кентавр, топчась на месте.— По-твоему, убийство — это ничего?

— В нашем случае — да,— ответил Поль.— Потому что я понятия не имею, о чем идет речь.

Кентавр подошел ближе, как бы намереваясь ударить его. Поль увидел, что Маусглов зашевелился. Других кентавров видно не было, но на земле было много отпечатков копыт.

— А может, ты ошибаешься? — спросил Поль.— Я не знаю ни о каком убийстве, разве только что на кого-то попал обломок флайера.

— Лжец! — Кентавр смотрел ему прямо в глаза.— Вы прилетали сюда на своих флайерах и убили нескольких из нас. Вы даже похитили одного из них. Неужели ты будешь отрицать это?

Копыта заплясали по земле совсем рядом с ним. Поль покачал головой.

— Отрицаю, мне хотелось бы побольше узнать об этом, чтобы понять, в чем меня обвиняют.

Кентавр резко повернулся и пошел прочь, швыряя комья грязи в лицо Поля. Поль покачал отчаянно больной головой, затем стал собирать нити, чтобы излечить ее, как это ему удалось с раной на шее. Нити приплывали, окутывали его голову и отсасывали боль. Он вспомнил о родимом пятне, но оно было зажато веревками. Он задумался, удастся ли ему, управляя нитями, обезвредить кентавра. Затем прислушался.

— Все остальные поскакали за предводительницей, чтобы она решила, как с вами поступить,— сказал кентавр.— Возможно, она захочет поговорить с тобой. Я не знаю. Но это будет скоро. Я слышу, что они уже скачут.

Поль снова прислушался, но ничего не услышал. Мимо проплывала пурпурная нить, конец ее зацепился за плечо кентавра. Поль пожелал, чтобы эта нить коснулась его пальцев. После того, как это совершилось, пришло ощущение власти.

— Посмотри на меня,— сказал он.

Кентавр повернулся.

— Что тебе нужно?

Поль посмотрел ему в глаза. Он чувствовал, как могущество струится из него.

— Ты так устал, что спишь на ногах,— сказал он.— Но можешь не закрывать глаза. Ты слышишь только мой голос.

Взгляд кентавра устремился куда-то вдаль, дыхание замедлилось. Он слегка покачивался.

— ... Но ты можешь двигаться, как если бы ты бодрствовал, если я прикажу тебе. Мои руки связаны ошибочно. Подойди и освободи меня...

Он поднялся на ноги и повернулся к кентавру спиной. Тот на-

чал распутывать его узы. Поль вспомнил про нож, висевший на боку кентавра.

— Разрежь,— сказал он.— Быстрее.

И вот он уже потирает затекшие кисти.

— Дай мне нож.

Он подошел с ножом к Маусглову и посмотрел на него.

— Ты не поврежден?

— У меня болит все тело. Но перед катастрофой я чувствовал себя так же. Думаю, у меня все цело.

Когда Поль разрезал веревки, Маусглов встал и повернулся к нему. Затем сказал:

— Видимо, в твоем замке люди Марка. Такого оружия больше ни у кого нет... Тсс...

Послушался стук конских копыт.

— Будем убегать?— тихо спросил Маусглов.

— Нет. Уже поздно. Они нас поймают. Будем ждать их здесь.

Поль сунул нож за пояс и мысленно приказал кентавру отойти в сторону.

Вскоре появились четыре кентавра-самца и одна самка, бывшая явно много старше их. Она остановилась в десяти метрах от Поля и посмотрела на него.

— Мне сказали, что ты связан.

— Был.

Она сделала шаг вперед, и Поль увидел, что она держит в руках посох. Подняв посох, она направила его на Поля. Нити возле него начали собираться в клубок. Поль отдал мысленный приказ, и находящийся под его контролем кентавр стал между ними.

Ее глаза расширились.

— Что ты сделал с ним?— спросила она.

— Отдай посох, и мы поговорим об этом.

Уголком глаз Поль видел, что Маусглов потихоньку удаляется.

— Где ты взял его?

— Я собрал его по частям, хранившимся в вершинах треугольника Инта.

— Только колдун мог сделать это.

— Ты совершенно права.

— Я тоже немного знакома с древним искусством, но мне отвечает только средняя часть посоха. А это — совсем другая магия,— она показала на обломки флайера.— Почему ты прилетел на этой штуке?

— Мой дракон был занят. А этот корабль был украден у моего врага, Марка Мараксона, у которого в горах Анвил много таких кораблей. Ты, наверное, видела черных птиц, летающих высоко в небе?

— Я знаю, кто он, и видела этих птиц. Некоторые из моих кентавров были убиты людьми, прилетевшими на них.

Поль держал в руке целый пук нитей, но все же ему не хотелось

конфликтовать с тем, кому отвечает хотя бы только средняя часть посоха.

— Наверняка, это были низенькие люди,— сказал он,— из расы, которая ему служит. Я никогда не причинял кентаврам вреда и не имею желания враждовать с ними. Это произойдет впервые, если ты заставишь меня сейчас драться.

— Сунфа, подойди ближе,— сказала она, и вперед вышел молоденький жеребец со свежей раной на плече.— Эти люди были среди тех, кто нападал на вас?

— Нет, Стэл. Ни тот, ни другой.

— Теперь ты знаешь, кто я,— сказала она.— И знаешь, что я была среди штурмовавших замок Рондовал в тот день, когда этот посох был вырван из рук Дета Морсона.

Поль поднял руку так, чтобы рукав соскользнул и стало видно родимое пятно в форме дракона.

— Я Поль Детсон. Мне рассказали о моем отце. Ребенком я был перенесен в другой мир и только совсем недавно появился здесь. Посох мне нужен, чтобы сражаться с силами, скопившимися в горах Анвил и угрожающими миру. Ты собираешься мне его вернуть?

— С одной стороны, хорошо, что наш враг — это и твой враг. Но ведь на битву подымутся орды демонов, спящих сейчас в Рондовале... под Рондовалом. И они станут мстить тем из нас, кто сражался против дьявола Дета. Так что скажи мне, что ты будешь делать потом, после битвы?

Поль усмехнулся.

— Однако, ты уверена, что я буду победителем... Хорошо... Я снова отправлю на долгий отдых всех своих слуг и буду один в тиши и спокойствии совершенствовать свое искусство. Для меня будет счастьем вернуть мир и спокойствие этому миру. Затем, возможно, я отправлюсь путешествовать. Темные аспекты искусства меня не привлекают. Я не хочу ничего завоевывать, и даже возможность править кем-то внушает мне отвращение.

— Понятно. Хотелось бы верить тебе. Скорее всего, ты говоришь правду. Однако люди меняются со временем, и мне хотелось бы иметь какие-то гарантии, что ты не изменишь своего решения.

— Мое слово — все, что я могу тебе предложить. Можешь принять или отвергнуть его.

— Ты можешь предложить мне больше, и это, в свою очередь, поможет тебе самому.

— Что ты имеешь в виду?

— Поклянись в своей дружбе с нами на своем посохе.

— Но дружба — это нечто большее, чем договор о ненападении. Она накладывает обязательства на обе стороны.

— Я тоже поклянусь в своей дружбе с тобой.

— Это будет только твоя клятва, или она будет относиться ко всем кентаврам?

— Эта клятва будет касаться всех нас.

— А можешь ли ты говорить за всех?

— Могу.

— Хорошо. Я поклянусь.

Он оглянулся на Маусглова, уже готового шмыгнуть за деревья.

— Останься,— крикнул он.— Нам ничего не угрожает.

— Пока не угрожает,— сказал Маусглов, но все же вернулся.

Поль обошел находящегося под его управлением кентавра и легким движением руки снял с него заклинание. Тот сразу же сорвался с места и поскакал, как сумасшедший, кося глазами, но Стэл остановила его спокойным окриком.

— Скажи мне слова клятвы,— Поль подошел к ней.

— Положи руку на среднюю часть посоха и повторяй за мной.

Поль кивнул и сделал, как ему было сказано.

Когда они начали произносить слова клятвы, между ними начала образовываться сеть из темных нитей. Поль чувствовал, как в этих нитях накапливаются угрожающие силы. Когда клятва была произнесена, темные нити разделились на два темных облачка и разошлись. Одно облачко остановилось за спиной Стэл, присутствие второго Поль чувствовал у себя за спиной.

— Теперь все,— она протянула ему посох.— Каждого из нас в случае предательства ждет смерть,— она показала на темные облачка.

Они пожали друг другу руки.

— Хорошо иметь друзей,— сказал, улыбаясь, Поль.— Я с удовольствием остался бы и погостил у вас, но мне пора собирать свою армию. Надеюсь, я скоро вернусь сюда.

Он вернулся к месту падения и взял гитару.

— Оружие?— спросила Стэл.

— Нет, музыкальный инструмент. Когда-нибудь, может, я поиграю для вас.

— Ты собираешься сейчас идти в Рондовал?

— Я должен попасть туда.

— Подожди. Я соберу наши силы и помогу тебе очистить замок от твоих врагов. Они ведь и наши враги, раз мы с тобой союзники.

— Не нужно. Враги в самом замке. А мне нужно в подземелье. Мой дракон — Лунная Птица — показал мне отдельный путь туда. Я пройду туда, не имея дело с этими ублюдками. Их я пока оставлю в покое.

— Где этот вход?

— На северном склоне. Придется вскарабкаться в гору, но особых трудностей быть не должно.

— Если, конечно, враги не заметят тебя и не погонятся на своих летающих лодках...

Он пожал плечами.

— Опасность есть всегда.

— Поэтому я соберу небольшой отряд и устрою шум на юге,

чтобы отвлечь их внимание. Двое моих подданных отнесут тебя и твоего друга на северный склон.

— У врагов есть ружья, убивающие на расстоянии.

— Стрелы тоже убивают издалека. Мы не будем рисковать без причины. Я пошлю сейчас за моими подданными, а пока мы будем ждать, хотелось бы послушать твою музыку.

— Хорошо. С удовольствием сыграю вам. Устраивайтесь поудобнее...

Глава 20

— Ты была с ним,— обратился Марк к Норе, когда они стояли возле железной ограды в саду на крыше здания.— Каково его могущество теперь, когда он получил свой жезл? В чем оно проявляется?

— Не знаю,— она смотрела на цветы.— Я действительно не знаю. И подозреваю даже, что он сам этого не понимает. Или же он очень скрытен.

— Возможно, он уже мертв. Но с другой стороны, я не понимаю, как он смог так быстро пересечь океан. Кто-то из моих людей работает на него. Он был на моем флайере, когда его сбили у Рондовала. Но все же... Предположим... только предположим, что он еще жив. С чего начнется нападение на меня? Какие силы есть в его распоряжении?

Она покачала головой и посмотрела ему в лицо. Его линза стала голубоватой. Он улыбался.

— Я не могу сказать тебе этого, Марк. А если бы даже и могла...

— Не скажешь? Так я и думал. Как мало тебе надо было времени, чтобы забыть меня и полюбить какого-то болтуна.

— Ты действительно думаешь так?

— А что я еще могу думать? Мы знали друг друга всю жизнь, и я полагал, что мы понимаем друг друга. А затем, практически за один вечер, ты полюбила другого.

— Я не влюбилась в Поля,— она выпрямилась.— Но это еще может произойти, и очень легко. Он красив, умен и силен. Но все же я плохо знаю его, хотя мы провели вместе много времени. А с другой стороны, я была уверена, что знаю тебя хорошо, а теперь вижу, что сильно ошибалась. Если хочешь знать правду, то в данный момент я никого из вас не люблю.

— Но ведь раньше ты любила меня?

— Думала, что люблю.

Он ударил кулаком по ограде. Она положила руку на его плечо.

— Это из-за линзы? Этого отвратительного бычьего глаза? Из-за него ты разлюбила меня?

— Не будь глупым. Не во внешности дело. Я говорю о твоих делах и поступках. Раньше ты был другим, хотя тебя всегда тяну-

ло к машинам. Это и само по себе плохо, но то, что ты делаешь и собираешься сделать... неизмеримо хуже.

— Давай не будем говорить об этом.

Она отдернула руку.

— Ты сам спросил меня об этом. И если он жив, то он победит тебя. Мне иногда кажется, что этот конфликт между вами возник раньше, чем вы родились. А иногда, когда я размышляю об этом, мне кажется, что конфликт вовсе не обязателен. Вы вполне могли бы стать друзьями. Ведь он же к тебе ближе всех. Вы почти родственники. Я скажу тебе то же, что говорила ему. Я чувствую себя пешкой. Ты ревнуешь меня к нему, а он рвется освободить меня из твоих рук. Мне кажется, что кто-то специально выбрал меня для этой роли, кому-то очень нужно, чтобы эта битва состоялась. О, как бы мне хотелось никогда не встречаться с вами, ни с тем, ни с другим.

Она отвернулась. Марку показалось, что она плачет, но он не был уверен в этом. Он протянул к ней руку.

— Сэр!.. Сэр!

К ним подбежал капитан охраны. Марк, нахмурившись, обернулся.

— Что случилось?

— Совершено нападение на замок Рондовал! Только что пришло сообщение!

— Может, послать туда подкрепление?

— Нет. Сообщение было очень коротким. Мы ждем дальнейших указаний.

— Пошлите туда всех ближайших птиц. Я скоро спущусь. Нам тоже надо быть наготове.

Он поднял руку, и два охранника, стоявшие в противоположном конце сада, быстро подошли к нему.

— На карте жизнь твоего возлюбленного,— сказал он Норе.— И этого он сам хочет. Но ты мне подала хорошую идею, когда говорила о пешке. Охрана! Уведите ее! И стерегите ее хорошенько. Она нам может понадобиться.

Повернувшись на каблуках, он заспешил к лестнице. И даже не обернулся.

Последние несколько метров до входа в туннель Маусглов проделал с ловкостью акробата, затем повернулся, наклонился и помог взобраться Полю.

— Ну вот,— сказал он,— теперь я выполню свое слово. Я пообещал вернуть их назад, в Рондовал, если они освободят меня.— Он полез под плащ и достал сверток.— Они сделали то, что обещали, и я тоже выполняю свое обещание.— Он протянул Полю пакет.

— Я не понимаю тебя. Что это?

— Фигурки семи колдунов, которые я украл у твоего отца. Когда ты добывал части посоха, их могущество росло и они получили возможность управлять мной. Во время полета сюда я тебе рассказал обо всем, что я сделал, но не сказал, почему. Они были

причиной всему этому. Не думаешь же ты, что я ради развлечения решил поиграть со змеей? Они обладают могуществом и могут общаться с тобой, если пожелают, хотя я так и не понял, как это у них получается. Теперь они твои. Но ты не бойся их. По-моему, цель их жизни — забота о тебе. На твоем месте я постарался бы узнать о них побольше.

— Обязательно, если у меня будет время. По крайней мере, сейчас его у меня нет.— Поль заткнул за пояс сверток и застыл. Перед ним появился источник света в форме дракона.— Пошли.

Маусглов поскользнулся и упал.

— Интересно, что сейчас делают кентавры?— сказал он.

Поль пожал плечами.

— Надеюсь, они уже получили сообщение, что мы добрались сюда в целости и сохранности. Если те двое, что принесли нас сюда, не стали мешкать, то кентавры, может, уже отступили в лес.

— Если ты собираешься действительно выполнять свою клятву кентаврам, ты должен послать кого-нибудь, чтобы очистить замок.

— Почему?

— В отличие от тебя, я видел, как дерутся кентавры. Их очень тяжело раскачать, но затем они дерутся как безумные. Уверен, что они отступят.

— Да? Я этого не знал.

— Ну да. Поэтому пошли наверх парочку драконов, чтобы они очистили замок и защитили твоих новых друзей.

— Придется так и сделать.

Они долго спускались вслед за бледным пятном света, несколько раз им пришлось перебираться через завалы.

— Скоро я с тобой расстанусь,— сказал Маусглов.— Я сделал все, что обещал. И поклялся себе, что моя нога больше не вступит в горы Анвил.

— Я и не рассчитывал, что ты будешь меня сопровождать. Это не твоя война. А что ты будешь делать?

— Я пойду в твой замок, когда твои слуги очистят его. Только ты предупреди их, что я твой друг. Я возьму у тебя в долг одежду и пищу, вымоюсь, отдохну и уйду.

Они прошли мимо спящего чего-то огромного и крылатого.

— Я даю тебе свое разрешение, благодарность и благословение,— сказал Поль.— Мои слуги не помешают тебе.

Маусглов хмыкнул.

— Я успел полюбить тебя. Жаль, что мы больше не встретимся.

— Кто знает? Когда будет время, я спрошу об этом у Семерых.

— Ох, не надо напоминать им обо мне.

Следующая пещера оказалась гораздо больше, чем предшествующая, хотя потолок был здесь ниже. Поль глядел на распростертые тела чудовищ, мимо которых они проходили. Казалось,

их невозможно было пересчитать. Во мраке плавало огромное количество толстых нитей.

Они вошли, наконец, в самую большую пещеру и осмотрелись. Поль увидел узел заклинаний, слабо светившийся в дальнем конце пещеры.

— Скажи,— обратился он к Маусглову,— ты видишь вон там свет?

— Нет. Только тот, что освещает нам путь.

Поль протянул руку и взялся за одну из нитей. Она засветилась бледным светом.

— Ты видишь это?

— Вижу луч света, идущий вперед.

— Хорошо.— Силуэт дракона в воздухе исчез.— Следуй за ним. А что это у тебя в руке?

— Пистолет, который я стащил у Марка.

— Так я и думал. Здесь он тебе не нужен.

— Мне с ним спокойнее.

Вскоре они уже стояли перед огромным клубком нитей. Поль рассматривал его, держа в руке посох.

— Думаю, я смогу с ним справиться,— заметил он.

— Я чувствую что-то вокруг меня, но не вижу ничего особенного...

— Отойди и укройся в нише.— Посох в руке Поля засветился, как звезда.— Я скажу тебе, когда можно будет выходить. Иди!— он взмахнул посохом, и искры засверкали у входа в нишу, осветив ее.

Маусглов подбодряюще коснулся плеча Поля, повернулся и пошел к нише. В нишу он зашел задом, не в силах оторвать взгляд от Поля, выполнявшего серию ритуальных движений и жестов. Его силуэт был искажен висевшей на плече гитарой и широкими полами плаща, бледное лицо, окаймленное черными волосами, в свете, излучаемом посохом, казалось маской. Маусглов стиснул ручку пистолета, почувствовав нахлынувшую волну холода, затем волну тепла, снова волну холода... Огромный горячий клубок нитей начал разматываться.

Поль аккуратно водил рукой, не запутывая и не обрывая нити, и слова древних заклинаний, заключенные в клубке, приходили к нему, и он произносил их. Он чувствовал, что волны тепла стали приходить все чаще... И, наконец, увидел центр клубка, концы всех нитей.

Он протянул посох в самый центр и произнес последние слова.

Волна могущества хлынула на него, и он покачнулся, с трудом удержавшись от падения. Все нити теперь были намотаны на посох, полностью скрыв его от глаз Поля. Ему казалось, что он держит в руке клубок пламени.

Пещера наполнилась рокочущим гулом, повсюду слышались жуткие, леденящие кровь звуки: хриплое рычание, зловещее шипение и шуршание. Слышался стук падающих камней.

— Просыпайтесь! Поднимайтесь! За мной следуйте на битву! — пропел Поль, и движение в пещере усилилось.

Но постепенно рычание и хрипение стихло, и вскоре вокруг Поля раздавалось только тяжелое дыхание.

Он дернул за одну из нитей, и мимо него прошло на двух ногах, наклонившись вперед, огромное серое чудище. Руки его волочились по земле. На треугольной морде горели желтые глаза. Чудище остановилось возле Маусглова и долго смотрело на него. Маусглов затаил дыхание, подняв пистолет. Но чудище повернулось и исчезло в темноте.

— Подожди час, и замок будет свободен,— сказал Поль.— Теперь он тебя знает и не причинит тебе вреда.

Маусглов перевел дыхание и кивнул. И только потом сообразил, что в темноте его движения не видны, но голос не подчинялся ему. Вдали по всем туннелям вспыхивали языки пламени: это драконы проверяли сохранность и боеготовность своего оружия.

Поль повернулся и сосредоточил все силы на том, чтобы подчинить себе этих чудовищ и заставить их выполнять свои команды.

— Поднимайтесь, приказываю вам! Мы полетим на юг, чтобы уничтожить город в горах Анвил! Те, кто не может летать, садитесь на тех, кто может! Я сам поведу вас!

Пальцы его нащупали толстую темно-зеленую нить и дернули за нее.

— Дракон! — крикнул он.— Назови себя!

— Меня зовут Дым Пожарища в Ясном Вечернем Небе, застилающий Последние Бледные Облачка Уходящего Осеннего Дня! — пришел гордый ответ.

— Это слишком длинно. Я буду звать тебя просто Дым.

— Хорошо.

— Иди ко мне. Мы поведем остальных.

Какое-то время все оставалось по-прежнему, и Поль понял, что этот дракон спал в одной из самых дальних пещер. Вокруг него стоял негромкий шум: это чудовища поднимались и потягивались, готовясь к походу. Наконец, он услышал шум крыльев, сильно пахнуло ветром, в воздухе появилось нечто более черное, чем тьма, и остановилось возле Поля.

— Привет, Поль Детсон! Я прибыла!

Поль отпустил нить и похлопал дракона по шее. По-видимому, это была самка.

— Привет, Дым. Ты готова в путь?

— Садись. Я готова.

Поль вспрыгнул ей на спину, затем поднял посох и озарил светом пещеру.

— За мной! — крикнул он. Затем обратился к Дым: — Пора! Летим!

Дым была много меньше, чем Лунная Птица, но заметно быстрее. Через мгновение они уже были в воздухе и неслись вперед. Поль оглянулся, но разглядеть Маусглова не смог, он видел толь-

ко темные силуэты, поднимавшиеся в воздух, как пепел над костром.

— Ты споешь нам боевую песню? — спросила Дым.

Поль удивился тому, что слова песни сами пришли к нему. Он запел.

Глава 21

Птицы, посланные для отражения нападения на Рондовал, были первым, кто увидел вылет драконов из подземелий замка. Драконы взмывали вверх, описав широкую дугу, и, выстроившись, взяли курс на юг.

Впереди на огромном сером драконе сидел человек, держащий в правой руке сияющий посох. Солнце уже садилось, и металлические птицы поднялись высоко вверх, расступившись вправо и влево, чтобы наблюдать за полетом драконов.

Марк собирал по всей территории войска, безостановочно работали эскалаторы, поднимая танки и артиллерию на улицы города. Заводы были остановлены, рабочие получили оружие и присоединились к армейским отрядам, защищающим город. Все флайеры были переоборудованы и оснащены вооружением.

На многочисленных экранах в центре наблюдения Марк следил за приближением противника.

— Хотелось бы знать, на что способны эти чудовища,— сказал он капитану, стоявшему рядом.— Но они, однако, могут подлететь ближе, чем хотелось бы. Кто бы мог подумать, что он сможет так быстро собрать свое войско. Проклятый колдун! Пошли на него дюжину военных флайеров, пусть шесть нападут слева, а другие шесть — сверху. Скорее всего, мы потеряем их, но я хочу посмотреть, как это будет происходить.

— Есть, сэр.

Марк хотел послать за Норой, но затем передумал. Вместо этого он пошел в лабораторию посмотреть, как идут дела с внушением на расстоянии. Сам он уже сомневался в успехе этого дела, но кое-что полезное из этого проекта взять было можно.

— Черт побери! — выругался он.— Еще хотя бы один год! И тогда соперников у меня бы не нашлось!

Его линза стала бледно-голубой. В небе мерцали звезды, ветер покусывал его щеку. По ночному небу пролетел метеорит. Наблюдая за его падением, Марк поймал себя на мысли, что нет привычной вибрации пола, потому что мощные заводы уже остановились.

Поль Детсон летел всю ночь. Могущество посоха было ему и пищей, и отдыхом. Во время утренней атаки он перестроил отряд, послав две группы по десять драконов сражаться с флайерами, в то время, как все остальные продолжили путь. Через некоторое время шестнадцать драконов догнали их, а два отстали, так как раны, полученные в бою, не позволили им лететь с той же скоростью, как и все. Поль приказал отряду подняться на большую

высоту и выстроиться в линии. Сквозь утренний туман земля казалась покрытой рябью.

Поль увидел, что со стороны гор Анвил к ним навстречу движется целый флот флайеров.

— Уничтожайте ровно столько, чтобы можно было лететь дальше,— приказал Поль своим войскам.— Не задерживайтесь, чтобы возиться с ними. Не думаю, что они будут использовать свое вооружение и бомбы над городом, когда мы будем сражаться с его защитниками. В городе уничтожайте все, что будет оказывать сопротивление. Затем сравняем с землей весь город. Только эту девушку...— он послал мысленно изображение Норы,— ... не трогайте, а возьмите под защиту. А этот ...— он послал изображение Марка,— ... этот мой. Кто его увидит — пусть вызовет меня.

Они продолжали лететь навстречу флайерам; те начали стрельбу. Бурей драконы обрушились на летающие корабли. Обломки флайеров падали вниз. Кораблей было много, но их экипажи не могли быстро перезаряжать пушки и меткость их была далека от совершенства. Через несколько минут стало ясно, что войско Поля не задержится здесь. Когда отряд возобновил полет, число драконов уменьшилось, но воздушный флот Марка перестал существовать. При подлете к горам Анвил их встретил артиллерийский огонь, но Поль, зная о существовании в городе тяжелых орудий, заранее перестроил отряд.

Орудия все же наносили урон отряду, но вдруг два орудия перевернулись, еще одно взорвалось, а остальные стали палить беспорядочно во всех направлениях.

Подлетев ближе, Поль заметил, что горы трясутся.

— Это — могучая магия,— заметила Дым.

— Я тут ни при чем,— ответил Поль.

— Драконы чувствуют магию. А ту магию, которая вызвала это землетрясение, я ощущаю у себя на спине.

— Не понимаю.

— Оно висит у тебя на поясе.

— Фигурки, что ли?

— Не знаю, что у тебя там висит, но это оно вызывает землетрясение.

— Прекрасно! Я готов принять любую помощь!

— Даже если ты — игрушка в руках этой магии?

— Даже так. У меня нет выбора, я хочу победить.

Прорвавшись через артиллерийский заслон, драконы приземлились и высадили бескрылых чудовищ, которые тут же понеслись к городу. По улицам города громыхали танки, стреляли по нападавшим.

Всюду в городе слышались звуки стрельбы. Местами в руках защитников сверкали мечи. Убивая и падая убитыми, в город рвались завывающие чудовища из пещер замка Рондовал. Земля содрогнулась, главную улицу перерезала широкая трещина, над которой поднимался ядовитый зеленый дым.

Поль осмотрелся, обшаривая взглядом крыши и открытые

бункеры. Ему хотелось увидеть высокого рыжеволосого человека с глазом, способным окрашиваться в разные цвета. Но Марка нигде не было видно.

Поль приказал Дым подняться снова ввысь и сделать широкий круг над городом. Чем выше они поднимались, тем слабее становился шум битвы. Поль был поражен видом города, спланированного очень разумно, логически завершенного и довольно чистого. Он восхитился этим деревенским парнем, сумевшим воплотить свою мечту несмотря на сопротивление мира, в котором он жил. Поль подумал, что хорошо было бы переправить Марка в тот мир, в котором сам Поль ощущал себя инородным.

Они сели на крышу самого высокого здания, и Поль, не слезая с дракона, обеими руками поднял посох и направил всю свою энергию вниз. Нужно было организовать войска, направить их усилия на наиболее важные объекты. Кисть его запульсировала, затем запульсировал посох и пульсация передалась дальше по нитям. Он почувствовал подъем настроения, характерный для работы с магическими силами. Но на этот раз он не ощущал особой радости. Ему не хотелось разрушать мечту другого человека.

Он видел, как его слуги уничтожают танки, но видел он также и как низенькие люди окружают и убивают его драконов. Всю свою жизнь эти люди провели в диких лесах и до сих пор сохранили охотничьи инстинкты. Поль даже восхищался их отвагой, хотя она никак не помогала его делу. По мере того, как солнце заходило, а бой разгорался, все больше и больше он чувствовал разочарование. Поль бросал свои силы на самые мощные укрепления — то, что казалось ему нервными центрами города. Он заставлял разрушать стены и предавать все огню. Он был уверен, что Марк занимает аналогичную позицию — управляет действиями своих войск по радио. Битва была равной. Ни одна из сторон не имела перевеса. Зная, что силы Марка определяются в основном машинами и центрами управления, Поль старался разрушить все это, чтобы у врага осталось только самое простейшее оружие. Ему ему удастся это, то равенство в силах нарушится, перевес будет на стороне Поля и битва закончится.

Горы снова содрогнулись, земля треснула во многих местах. Из трещин вырывались языки пламени, горячий пар и камни. Ближайшие к трещинам дома рухнули, и грохот обвалов заглушил шум боя.

Руки Поля крепче стиснули посох, он воскликнул:

— Только дурак может считать это совпадением. У меня есть невидимый союзник, и я прошу его: назови себя!

В воздухе перед ним тут же взметнулись семь языков пламени, хотя вблизи ничего не горело. Самый левый из них замигал, и в голове у Поля прозвучало:

— Это не совпадение.

— А что же тогда?

Замигал второй язык пламени:

— Это — очистительная битва. Много лет назад этот мир рас-

кололся, породив мир, в котором ты вырос и где этот мир является легендой. Это — неумирающий конфликт между мирами, и ему пришло время снова разразиться битвой. Ты хочешь сохранить старый мир, а Марк жаждет перестроить его.

— А есть у него такие же союзники, как у меня?

Ответил третий:

— Глубоко внизу под святилищем расположена древняя обучающая машина. У Марка есть устройство, через которое он непрерывно с ней связан.

Поль немедленно перегруппировал силы, направив их на святилище с приказом уничтожить все под ним.

— А вы знаете исход битвы? — спросил он.

— Это еще не решено, — ответил четвертый.

— Но мы отвлекаем тебя... — сказал пятый.

— ...А тебе нужно все внимание, — сказал шестой.

— И потому мы исчезаем, — сказал седьмой, и все языки пламени бесследно исчезли.

Заметив, что пушки стали пристреливаться к нему, Поль приказал Дым перелететь в другое место. Трещина в земле превратилась в пылающий кратер, дым из которого застилал землю и поднимался высоко в небо. В глубинах земли усиливался грохот.

Чуть позднее Поль понял, что по нему уже не стреляют. Некоторые флайеры нападали на него, но он легко уничтожал их вспышками энергии из посоха. Эти самоубийственные попытки вскоре тоже прекратились.

Битва внизу становилась все менее организованной, обе стороны понесли внушительные потери. Продолжалась только битва за святилище Марка. Сопротивление защитников постоянно нарастало, их силы как будто возрастали, и Полю приходилось вводить в бой все новые и новые войска.

Нора считает себя пешкой, — подумал он. — А я кто же? Я руковожу этой битвой, но все же в своих действиях я не более свободен, чем любой мой слуга. А если это не так...

— Вверх, Дым! Кружи над городом!

Они поднялись над городом и стали совершать круги.

На третьем круге он их увидел — Марка и Нору. Они стояли на крыше высокого здания, и луч солнца, отразившись от окрашенной в красный цвет линзы Марка, попал в глаз Поля.

— Туда, Дым! Может, еще не поздно договориться с ним.

Дым развернулась и полетела к крыше. Поль помахал своим уже серым платком, хотя, впрочем, не был уверен, что этот миролюбивый жест здесь что-то означает. Но ему хотелось попытаться договориться с Марком.

— Марк! — крикнул он. — Я хочу поговорить с тобой. Позволь мне опуститься.

Марк опустил небольшой прибор, в который что-то говорил, и показал ему на крышу.

Едва Дым коснулась крыши, Поль спрыгнул с нее и подошел

к высокому рыжеволосому человеку с желтой линзой вместо глаза.

— Я только сейчас начал понимать, что же мы делаем,— начал Поль.— Это битва между наукой и древним искусством. Много веков назад подобная битва уже происходила здесь, и в то время здесь была разрушена цивилизация, а миры стали разваливаться по двум различным направлениям. А теперь мы снова повторяем это! Мы оба — жертвы! Нами управляют! Эта битва совсем не нужна этому миру. Нам надо ...

Сзади него раздался взрыв, и воздушной волной Поля бросило вперед. Он так и не понял, что же выкрикнула напоследок Дым, прежде чем замолчать навсегда.

— Будь ты проклят, Марк! — крикнул он, поднимаясь на ноги и не оглядываясь назад, так как знал, что он там может увидеть.— Я пришел сюда спасти твою жизнь и прекратить все это ...

— А, понятно,— сказал Марк.— Я принимаю твою сдачу в плен.

— Не будь ослом!— Поль подошел к краю крыши.— Кому я могу сдаться? Посмотри! Наши армии почти уничтожены! Но мы можем прекратить все это. Прямо сейчас. Мы еще можем что-нибудь спасти. Здесь столкнулись наука и магия — это две стороны одного главного пути развития. Давай попробуем примирить их. Будем работать вместе. Посмотри вниз! Посмотри, что происходит! Разве этого ты хочешь?

Марк медленно приблизился к парапету, таща за собой Нору, крепко стиснув ее руку. Он сам посмотрел вниз и увидел, что огненная река вытекает из кратера и течет по улице под ними. В дыму и пепле линза Марка стала зеленой. Жар огненной реки чувствовался даже на такой высоте.

— Хоть я и убил твоего дракона,— медленно сказал Марк,— но ты только что разрушил мое святилище.

Резким движением он подтащил Нору к краю крыши и задержал ее возле края.

— Я отвергаю твое безумное предложение. Если я позволю тебе уйти, то ты снова соберешь свои темные силы и нападешь на меня.

— Но ты можешь выстроить это все снова — лучше и прочнее,— ответил Поль.— Я хочу, чтобы у нас остался шанс на примирение.

— А я — нет.— Марк выкрутил Норе руку.— По-моему, этот посох — ключ к твоему могуществу. Брось его в кратер, а то я брошу ее. А если ты используешь его против меня, то я туда захвачу ее с собой.

Поль посмотрел на посох, затем кинул его вниз. Марк внимательно следил за ним, пока кратер не поглотил его. Поль смотрел на Нору.

— Отпусти ее,— сказал он.

Марк отшвырнул ее так, что она упала.

— Вот теперь я могу сразиться с тобой,— сказал он.

Поль сжал кулаки и шагнул вперед.

— Я не дурак,— сказал Марк, вынимая из кармана продолговатый предмет,— и помню, что ты хорошо тренирован. А как насчет этого?

Все звуки внезапно перекрыл грохот извергающегося вулкана, и Поль вдруг увидел его — желтый, с черными прожилками, он струился вокруг. Крыша музыкально изгибалась у него под ногами. Небо превратилось в шипящую воронку, через которую на него обрушивались горькие облака с острыми зазубренными краями. Ноги были где-то далеко внизу, возможно, в аду — так им было ужасно горячо, и когда Поль попробовал шевельнуть ими, он не смог устоять и упал на одно колено. Небесный свод фиолетово дребезжал, его глаза стали мокрыми и из них покатились изумруды, царапая ему щеки своими острыми краями. Мягкие голубые крики вылетали из его рта, как испуганные птицы. Марк смеялся, испуская звуки в виде пурпурных колец, и его оранжевый глаз сверкал, как прожектор. Предмет, который Марк держал в руке, прокалывал в воздухе сверкающее отверстие и ... из этого отверстия вылетели семь языков пламени.

— Гитара,— сказал первый.

— Сними с плеча футляр,— сказал второй.

— Вынь из него гитару,— сказал третий.

— Играй,— сказал четвертый.

— Твои руки сами знают, что делать,— сказал пятый.

— Сними с плеча футляр,— сказал шестой.

— Открой его,— сказал седьмой.

Черная гора крушилась перед ним, а его руки — чьи-то совершенно чужие — сами делали то, что знали.

В трех местах в темноте перед ним ударили голубые искры. Какие-то жуткие и опасные видения вырастали из мрака.

А руки его уже держали гитару на колене и сами делали то, что знали. Искры плясали у него перед глазами. Кисть слабо запульсировала.

— Нападай,— сказал первый.

— Отрази назад то, что угрожает тебе,— сказал второй.

— Пусть он услышит то, что слышишь сейчас ты,— сказал третий.

— Пусть он увидит то, что видишь сейчас ты,— сказал четвертый.

— Своей игрой ты смог усыпить минотавра,— сказал пятый.

— ... а этого ты можешь увести за границу разума,— сказал шестой.

— Уничтожь его,— сказал седьмой.

И внезапно Поль услышал музыку. Искаженные видения все еще окружали его, но он отгонял их все дальше и дальше. Он изменил ритм и поднялся на ноги. Волны, излучаемые предметом в руках Марка, бились между ними, и когда они достигали Поля, реальность сразу же искажалась, но теперь Поль каждый раз отбрасывал их, и ясность видения возвращалась к нему теперь все

чаще и чаще. Теперь он уже видел Марка, направлявшего на него ящичек с трубкой. Пот стеклянной маской покрывал его лицо, линза непрерывно меняла свой цвет, проходя через весь спектр. Музыка теперь заглушала даже грохот вулкана, но дым поднимался вверх и окутывал их. Нора стояла на коленях, опустив голову и закрыв лицо руками. Поль начал играть еще быстрее, воздействуя музыкальным ритмом на мозг противника. Шатаясь, Марк сделал шаг назад. Поль шагнул вперед. Марк отступил еще на шаг. Его линза меняла цвет быстрее и быстрее. Когда здание качнулось и крыша наклонилась, Марк отступил еще дальше и выронил ящичек. Несколько мгновений его линза оставалась абсолютно черной. Он вытянул вперед руку, чтобы удержаться, но снова сделал еще шаг назад. Облако дыма окутало его. Он уже дошел до парапета, оперся на него, и тот рухнул вместе с ним...

Поль тут же прекратил играть и упал на колени. Совершенно автоматически положил в футляр гитару. Затем, чувствуя, что здание наклоняется еще сильнее, стал подбираться к Норе. Добравшись до нее, опустил руку ей на плечо.

— Я пытался спасти его,— сказал он.

— Знаю,— она отняла от лица руки и мягко отстранила его, глядя на парапет крыши.— Я знаю.

— Не мешкай, Поль! Дом может рухнуть!

Не веря себе, он посмотрел вверх. Сквозь дым к нему летело что-то темное и огромное.

— Лунная Птица!

— Не мешкай. Садись сразу, как я подлечу. Остались мгновения.

В тот же момент дракон опустился возле них. Все его тело было покрыто огромными ранами. Поль закинул ему за спину Нору, футляр с гитарой, затем запрыгнул сам. Через мгновение они были уже в воздухе.

— Откуда ты узнал...— начал Поль.

— Тот, кого зовут Маусглов, сообщил мне. Я могу общаться с ним,— сказал дракон.— Он лежит раненый в Рондовале, и кентавры ухаживают за ним. Твои слуги очистили замок, убив всех, но остались двое, спрятавшиеся во флайере. К счастью, у Маусглова было оружие, убивающее на расстоянии. Он сказал, что будет гостем в твоем доме, пока не поправится. Именно он сказал мне лететь сюда.

Когда они поднялись выше, Поль собрал все оставшиеся нити и потянул за них.

— Все кончено,— передал он.— Мы летим домой.

Со всех сторон стали подниматься в воздух уцелевшие остатки его войск. Поль посмотрел вниз, в самую горловину огнедышащего кратера.

— Если я брошу туда семь фигурок,— подумал он,— стану ли я свободен?

— Ты идиот,— пришел немедленно ответ вместе с видением

семи языков пламени,— если думаешь, что мы, самые несвободные из всех, имеем хотя бы такую же свободу выбора, как ты.

Пламя погасло, и Поль обернулся, чтобы посмотреть на дымящиеся горы, становившиеся все меньше и меньше по мере того, как дракон набирал скорость.

— Я еще не закончил свое обучение,— сказал он.— Но на сегодня уроков с меня достаточно.

Нора лежала перед ним на шее дракона, ее дыхание было спокойным. Поль посмотрел на заходящее солнце и почувствовал себя жутко старым и смертельно уставшим. Но он понимал, что не может позволить себе сейчас уснуть. Он протянул руку и коснулся раны на шее дракона.

— Я рад что сегодня закончились все противоборства,— сказал он.

Немного позже на небе появились звезды, и он смотрел на них в течение всего дальнейшего пути домой, всю ночь, до самого утра.

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

Глава 1

В ночь, выбор на которую пал много месяцев назад, Малакар Майлс пересек улицу под номером семь, пройдя под фонарем, разбитым им накануне днем.

Ни одна из трех лун Бланчена еще не взошла. Небо было затянуто легкими облачками, и редкие звезды казались тусклыми и слабыми.

Глянув вдоль улицы и вдохнув аэрозоль из баллончика, защищавшего легкие в непривычной атмосфере, он двинулся вперед. На нем были черные одежды с прорезными карманами, запечатанными статическим электричеством. Пересекая улицу, он проверил, легко ли они расстегиваются. Выкрасив все тело в черный цвет три дня назад, Малакар Майлс был почти незаметен в тени.

На крыше здания на противоположной стороне улицы под номером семь сидел Шинд, двухфутовый меховой шар. Он не шевелился и не мигал.

Прежде чем подойти к служебному входу номер четыре, Малакар определил три ключевые точки в дюриллихтовой стене и ухитрился деактивировать их сигнальные устройства, не прервав цепь. На дверь номер четыре ушло больше времени, но все же через пятнадцать минут он был уже внутри здания, погруженного в абсолютную темноту.

Он надел очки, зажег свой специальный фонарик и пошел в глубь здания по проходам между контейнерами, наполненными одинаковыми блоками оборудования. В последние месяцы он много практиковался в разборке нужных секций именно этого оборудования.

— *Человек-охранник проходит перед зданием.*

— *Спасибо, Шинд.*

Через некоторое время:

— *Он повернул на улицу, по которой ты шел.*

— *Дай мне знать, если он сделает что-нибудь необычное.*

— *Он просто идет и посвечивает фонариком в темные углы.*

— *Предупреди, если он станет останавливаться там, где останавливался я.*

— *Прошел первое место.*

— *Хорошо.*

— *Прошел второе.*

— *Отлично!*

Малакар открыл один контейнер и снял с находившейся внутри машины деталь размером в два кулака.

— *Он остановился у входа. Проверяет дверь.*

Малакар возобновил работу по замене изъятой детали другой, принесенной им с собой. Время от времени он останавливался, чтобы вдохнуть бодрящий аэрозоль из баллончика.

— *Он уходит.*

— *Хорошо.*

Закончив работу, он поставил на место и закрепил крышку контейнера.

— *Скажи мне, когда он скроется из вида.*

— *Скажу.*

Малакар вернулся к служебной двери номер четыре.

— *Он ушел.*

Ушел и Малакар Майлс, останавливаясь только у ключевых точек, чтобы уничтожить все следы своего визита.

Пройдя три квартала, он помедлил на перекрестке и огляделся. В небе полыхнуло красным — садился еще один транспортный корабль. Пока что идти было нельзя.

Бланчеп не был обычным миром...

Пока Малакар оставался внутри скопления кварталов двенадцать на двенадцать и не возбудил какое-нибудь специальное устройство в дюриллихтовых стенах зданий, он был в относительной безопасности. Внутри каждого комплекса находилось обычно несколько людей-охранников, а команды роботов патрулировали несколько комплексов сразу. По этой причине он и прятался в тени, избегая свисавших с каждого здания фонарей, свет которых служил ориентиром для низколетящих ночных скиммеров и охранников.

Ничего не заметив на перекрестке, Малакар снова углубился в комплекс и поспешил к месту встречи.

— *Справа. Один блок справа и два вперед. Механокар. Поворачивает за угол. Иди прямо.*

— *Спасибо.*

Он пошел, считая повороты.

— *Механокар уже далеко.*

Соблюдая осторожность, он вернулся на один блок назад, свернул под прямым углом, прошел три блока и замер, услышав звук летающей машины.

— *Где она?*

— *Оставайся на месте. Тебя из нее не видно.*

— *Что это?*

— *Скиммер средних размеров, он прилетел с севера на большой скорости. Сбавил скорость. Парит над улицей, где ты был.*

— *Боже!*

— *Снижается.*

Малакар сверился с хронометром на левом запястье, подавил

стон и ощупал рукоятки многочисленных орудий убийства, которыми был обвешан.

— *Приземлился.*

Он ждал. Некоторое время спустя:

— *Из скиммера вышли двое. Кажется, больше внутри никого не осталось. К ним подходит охранник.*

— *Откуда он идет? Не из здания?*

— *Нет. С другой улицы. Похоже, он ждал их. Разговаривают. Охранник пожимает плечами.*

Малакар чувствовал биение сердца и изо всех сил старался контролировать дыхание — как бы не переполнить легкие непривычной атмосферой Бланчена. Он вдохнул еще раз аэрозоль, шагнул. Небо над головой прорезали два транспортных корабля — один летел на юго-восток, другой — на запад.

— *Команда садится в скиммер.*

— *Охранник?*

— *Просто стоит. Ждет.*

Он насчитал двадцать три удара сердца.

— *Скиммер поднимается. Очень медленно. Дрейфует над фронтоном здания.*

Несмотря на прохладный ночной воздух, Малакар почувствовал, как на его высоком черном лбу выступили капельки пота. Он смахнул их указательным пальцем.

— *Они парят. Какая-то активность. Не могу определить, чем они занимаются. Слишком темно... Вот! Свет. Они починили фонарь, который ты разбил. Они уходят в том направлении, откуда пришли.*

Огромная фигура Малакара затряслась. Он смеялся.

Потом он возобновил путь к месту встречи, которое он выбрал с величайшей тщательностью, потому что Бланчен не был обычным миром...

Кроме охранников и сигнальных систем, на различных высотах действовала система воздушного наблюдения. Вчера вечером, при спуске, его корабль эффективно блокировал ее и, скорее всего, сделал то же самое при подъеме. Малакар проверил хроно и вдохнул еще немного очищающие легкие пары. Он не позаботился о том, чтобы кондиционировать организм в атмосфере Бланчена, как сделали это жившие здесь охранники, рабочие и техники.

Меньше сорока минут...

На Бланчене не было морей, озер, рек и ручьев. Не осталось ни следа местной жизни — только атмосфера свидетельствовала о том, что когда-то тут что-то существовало. В какой-то момент недавней истории бытовало мнение, что неплохо было бы привести планету в божеский вид. Предложение это было отвергнуто по двум причинам: непомерные расходы на оживление планеты и, главное, то, что ее обитаемости была противопоставлена разумная альтернатива. Консорциум промышленников и владельцев звездолетов заявил, что сухая атмосфера сделает планету идеальным местом для устройства на ней склада. Консорциум предло-

жил первооткрывателям стать их полноправными партнерами при условии, что они застроят и заселят планету.

Теперь Бланчен походил на миллионноглазый дюриллихтовый ананас. Тысячи грузовых звездолетов постоянно крутились вокруг него, а между ними и тысячами причальных доков курсировали транспортные корабли, привозя и увозя грузы. Три луны Бланчена превратились в диспетчерские центры и места отдыха. В зависимости от выпуска продукции и потребностей какого-либо определенного мира принадлежащие ему доки и складские комплексы либо кипели активностью, либо оживлялись время от времени, либо вообще бездействовали. Команды докеров перебрасывались с места на место в зависимости от того, где в них нуждались. Платили людям хорошо, на условия жизни грех было жаловаться. Но, хотя обладание складскими местами означало деньги и длительную сохранность товаров, их межпланетная перевозка обходилась катастрофически дорого.

Из-за этого товары, пользующиеся малым спросом, могли лежать без движения годами и даже столетиями. Здание, которое навестил Малакар, не открывалось вот уже без малого два земных месяца. Зная это, он не предвидел особых затруднений, если только то маленькое дельце, о котором он пронюхал, не провернут с излишней поспешностью.

Диспетчерские центры были перегружены работой, а бортовой компьютер его крохотного личного звездолета «Персей» был набит прекрасными навигационными программами, и Малакар чувствовал, что не слишком рискует, покидая ДИНАБ и вступая на территорию Объединенных Лиг, Бланчен. Если его обнаружат и убьют, то тем самым докажут, что он не прав. Если его схватят и не убьют, у них не будет другого выхода, кроме как отослать его домой. Правда, сначала его допросят под воздействием лекарств, чтобы выяснить, что он успел сделать, и поспешить исправить это.

Но если его поймают здесь, на Бланчене, во время...

Он тихо хмыкнул.

...Птичка могла бы клюнуть еще раз, располовинив другого червячка.

По хроно оставалось еще минут пятнадцать.

— *Где ты, Шинд?*

— *Над тобой, охраняю.*

— *ЭТО, Шинд, должно получиться.*

— *Если судить по твоим описаниям, получится.*

Над ними, курсом на восток, промелькнуло три транспортных корабля. Малакар долго смотрел им вслед.

— *Ты устал, Командор,*— сказал Шинд, вспомнив о субординации.

— *Нервная усталость, только и всего, Лейтенант. Как сам?*

— *Немного устал. Моя главная забота, конечно, о брате...*

— *Он в безопасности.*

— *Знаю. Но он не вспомнит наших увещеваний. Сначала ему станет одиноко, потом — страшно.*

— С ним ничего не случится, и скоро мы будем вместе.

Ответа не последовало. Малакар вдохнул аэрозоль и стал ждать.

В полудреме (как долго?) он услышал:

— Вот! Вот он!

Улыбнувшись, он потянулся и посмотрел вверх, зная, что еще несколько мгновений не увидит того, что заметили глаза Шинда.

Корабль упал, словно паук, и висел, как фестивальный воздушный шар, пока Шинд залезал внутрь. Потом он спустился ниже и протянул Малакару посадочный стержень. Малакар ухватился за него и был тут же втянут в брюхо «Персея». По пути он заметил маску Медузы с улыбкой Моны Лизы, которую нарисовал сам. Ему нужна змея, но придется пока довольствоваться червячками.

Малакар сплюнул в люк как раз перед тем, как тот закрылся, и попал на стену здания под ним.

* * *

По дороге в Италбар Гейдель фон Хаймак наблюдал, как умирают его спутники. Их было девять — все добровольцы — кто решил сопровождать его сквозь дождевые леса Клича к городу в горах Италбару, где в нем нуждались; к Италбару, что за тысячу миль от космопорта. Чтобы добраться туда, Гейдель нанял сначала воздушное такси. Такси сломалось, он вынужден был приземлиться и поведать свою историю колонистам на берегу реки Барт, которые наткнулись на него, кочуя на запад. Теперь только пятеро осталось из тех девяти, кто, не слушая его возражений, отправились с Гейделем. Один из этих пяти уже начал потеть, другой — покашливать.

Гейдель огладил рукой песочного цвета бороду и снова принялся продирать свои черные ботинки сквозь густую поросль, скрывавшую то, что должно было быть тропой. Он вспотел, рубашка прилипла к спине. Он прекрасно помнил, что предупреждал спутников об опасности совместного путешествия.

Они слышали о нем, слышали, что он — святой и цель его жизни — помощь страждущим.

— Последнее верно,— сказал он им,— но не думайте, что, отправившись со мной, наберете лишние очки в счет небесного благословения.

Они рассмеялись и сказали, что дело не в этом, что они будут охранять его от диких зверей и показывать дорогу.

— Ерунда! Укажите мне нужное направление, и я обязательно попаду, куда надо,— сказал он им тогда.— Мое общество сулит вам множество опасностей.

Но они рассмеялись снова и не показали ему дороги до тех пор, пока он не согласился взять их с собой.

— Нельзя быть со мной слишком долго — это верная смерть! — протестовал он.

Они были непреклонны. Он вздохнул.— Ну что ж, тогда покажите мне такое место, где я смогу побыть сутки в одиночестве. Драгоценное время будет потеряно, но я должен постараться защитить вас, если уж вы не можете по-другому.

Они выполнили его просьбу, а потом танцевали друг с другом и радовались, что примут участие в таком великом приключении. Гейдель фон Хаймак, зеленоглазый святой со звезд, молится о них и об успехе путешествия!

Два или три дня пути пешком, сказали они ему, и Гейдель решил вызвать искусственное очищение тела. В Италбаре умирала девочка, и он стал измерять минуты ее дыханием.

Голубая Леди велела ему подождать, но он думал об этом дыхании и о сокращениях больного сердца, которое было когда-то маленьким. Он выступил в путь через пятнадцать часов, и это оказалось ошибкой.

У двух его компаньонов началась лихорадка, но усталость и изнуряющая жара джунглей замаскировали ее. Они испустили дух в полдень второго дня, и Гейдель не смог определить, от какой из многочисленных болезней они скончались. Откровенно говоря, он не очень-то и старался. Если человек умирал, вопрос — от чего? — приобретал академический оттенок. Вдобавок ко всему, спешка его была так велика, что он не простил своим спутникам даже времени, затраченного на церемонию похорон. Недовольство его удвоилось следующим утром, когда двое из оставшихся семи не проснулись, и ему еще раз пришлось наблюдать те же ритуалы. Помогая рыть могилы, он проклинал их на незнакомых языках.

Безумные весельчаки — так он привык рассматривать их — уже не смеялись. Их рубиновые глаза были теперь широко раскрыты и смотрели беспокойно. Шесть их пальцев тряслись, извивались, щелкали. Они начали понимать. Слишком поздно.

Но два или три дня... Кончался уже третий, а гор все не было видно.

— Глэй, где же горы? — спросил он того, который кашлял.— Где Италбар?

Глэй пожал плечами и показал вперед.

Солнце, огромный желтый шар, было почти невидимо с тропы. Свет его иногда пробивался сквозь листья, но те участки земли, которых он не достигал, хлюпали от сочившейся из-под земли влаги и были устланы неприятными на вид грибами. Мелкие животные или большие насекомые — он не знал, кто именно — стремглав уносились с тропы, крались за ними, трещали в кустах и ползали по ветвям. Крупных животных, о которых его предупреждали, они так и не увидели, хотя Гейдель часто слышал вдалеке шипение, свист и лай. Время от времени совсем рядом раздавался треск чего-то огромного, продирающегося в зарослях.

Парадокс происходящего не ускользнул от него. Он пришел спасти одну жизнь, и это стоило жизни уже четверым.

— Леди, ты была права,— пробормотал он, вспомнив свой сон.

Прошел еще час, и упал полузадушенный кашлем Глэй, чья оливковая кожа приобрела оттенок окружающей листвы. Гейдель подошел к нему и сразу все понял. Будь у него несколько дней для подготовки, он спас бы его. С другими у него не получилось, потому что его собственное очищение не было полным. Он не достиг равновесия. Уже глядя на первого мертвеца, он понял, что все девять обречены. Он помог устроить Глэя поудобнее, дал ему воды и посмотрел на хроно. От десяти минут до полутора часов — таково было его предположение.

Гейдель вздохнул и зажег сигару. Она неприятно воняла. Влага добралась-таки до нее, а грибки Клича ничего не имели против никотина. Дым пах чем-то вроде серы.

Глэй посмотрел на него, и взгляд этот должен был обвинять. Но вместо этого Глэй сказал:

— Спасибо, Гейдель, что ты позволил нам принять участие в деле наравне с собой.

И улыбнулся.

Гейдель вытер капли пота с его лба. Умер Глэй через полчаса.

На этот раз, роя могилу, он не бормотал ругательства, а всматривался в лица оставшихся четверых. То же самое выражение. Они пошли с ним, как будто по вдохновению. Ситуация изменилась, и они приняли ее. Они приняли ее не отрешенно, но с улыбкой. Гейдель видел, что они все знают. Они знают, что умрут, не дойдя до Италбара.

Как и любой человек, Гейдель уважал благородное самопожертвование. Но напрасные смерти!.. Без всякой причины... Он знал — и они тоже — что мог бы добраться до Италбара в одиночку. Здесь не было хищников, от которых нужно было отбиваться; тропа ясно видна. Как славно было бы стать простым геологом, как в тот день...

Двое умерли после завтрака, во время которого ели мало. К счастью, это была лихорадка мауль, неизвестная до этого на Кличе — она вызывает внезапную остановку сердца и скручивает мышцы лица жертвы в улыбку.

У обоих глаза остались открытыми. Гейдель закрыл их сам.

Живые приступили к делу, и Гейдель не стал прерывать их, когда увидел, что они роют не две, а четыре могилы. Он помог копать, а потом ждал вместе с ними. Ждать пришлось недолго.

Покончив и с этим, он снова взвалил на плечи рюкзак и пошел дальше. Он не оглядывался, но могильные холмики продолжали стоять перед его глазами. Очевидная грубая аналогия не могла не прийти на ум. Жизнь его — тропа. Могилы — символы сотен, нет, наверное, тысяч мертвецов, оставшихся позади. Люди умирали от его прикосновения. Дыхание его опустошало города. Там, куда падала его тень, не оставалось ничего.

Однако он мог и лечить болезни. Вот и сейчас он взбирался по склону именно с этим намерением.

День, казалось, стал ярче, хотя Гейдель знал, что уже далеко за полдень. В поисках ответа он огляделся и увидел, что деревья вокруг стали ниже, а просветы между листьями больше. Лучи солнца пробивались сильнее, и здесь были даже цветы — красные и пурпурные, окольцованные золотом — они лепились к качающимся лианам. Тропа пошла вверх круче, но трава, хватавшая его за ноги, стала короче, и меньше крошечных созданий разбегалось с его пути.

Через полчаса он мог уже видеть дальше, чем с любой предыдущей точки путешествия. На целых сто местров стал виден ближайший путь. Преодолев это расстояние, он впервые увидел над головой просвет в листве, а в нем — огромную чашу бледно-зеленого неба. Через десять минут он был уже на открытом месте и, обернувшись, смог рассмотреть волнующееся море ветвей, по дну которого только что прошел. В четверти мили впереди и выше виднелась вершина холма, на которую он, оказывается, карабкался. Мелкие облачка висели над ней. Обходя выступающие скалы, он подошел к вершине.

Оттуда он увидел то, что показалось ему последним этапом путешествия. Спуск в несколько десятков метров, примерно час пути по ровному дну долины, чуть-чуть поднимающейся к дальнему концу, и крутой подъем на высокий холм или низкую гору. Он отдохнул, пожевал, попил и пошел дальше.

Пока Гейдель шел, ничего не случилось, но он вырезал себе посох.

Пока он взбирался по дальней тропе, похолодало, и солнце покатилось к горизонту. Гейдель достиг середины склона, дыхание его стало судорожным, а мускулы болели и от подъема и от дневного напряжения. Теперь он мог видеть горизонт — над лесным морем кружились стервятники.

Он стал почаще присаживаться для отдыха, и когда дошел до вершины, в небе загорелась первая вечерняя звезда.

Он подгонял себя, пока не очутился на широком гребне — верхней точке длинной серой скалистой гряды; к этому времени ночь полностью вступила в свои права. У планеты Клич не было спутников, но звезды сияли, как факелы за хрусталем, а за ними в неисчислимом количестве пенились, пульсировали меньшие звезды. Ночное небо светилось голубизной.

Тщательно высматривая, куда поставить ногу, он прошел оставшееся расстояние и увидел огни, огни, огни, и множество черных силуэтов, которые могли быть только домами, зданиями, движущимися машинами. Еще два часа, подумал он, и я смогу пройти по этим улицам, обгоняя обитателей мирного Италбара. Может быть, я остановлюсь в какой-нибудь приветливой гостинице, поем, выпью, посижу с кем-нибудь за столиком... Потом он посмотрел назад, подумал о пройденном пути и понял, что не может позволить себе этого — войти в город. Однако видение Италбара именно в этот момент будет преследовать его все оставшиеся дни жизни...

Сойдя с тропы, он нашел ровное место, где можно было устроить постель. Он заставил себя съесть и выпить столько, сколько мог вместить желудок. Он готовил себя к тому, что должно было произойти.

Он причесал волосы и бороду, справил телесные потребности, закопал свою одежду и залез в спальный мешок.

Он растянулся во весь свой шестифутовый рост, крепко прижал руки к бокам, сжал зубы, бросил быстрый взгляд на звезды и закрыл глаза.

Через некоторое время линии на его лице разгладились, челюсть безвольно отвисла. Голова скатилась к левому плечу. Дыхание стало глубже, замедлилось, освободилось совсем, возобновилось позже, но трудно было назвать это дыханием.

Когда голова его перекатилась на правую сторону, могло показаться, что лицо покрыто слоем прозрачной смолы, или идеально подогнанной стеклянной маской. Потом проступил пот, и капельки как бриллианты заблестели в его бороде. Лицо начало темнеть. Оно стало красным, потом багровым, рот открылся, из него вывалился багровый язык, и дыхание вырывалось громкими всхлипами, а из уголка рта бежала слюна.

По телу Гейделя пробежала дрожь, он свернулся в клубок и начал непрерывно трястись. Дважды его глаза резко открывались и, ничего не увидев, медленно закрывались. Изо рта пошла пена, тело застонало. Кровь капля за каплей вытекала из ноздрей и засыхала на усах. Иногда он что-то неразборчиво бормотал. Тело окаменело, расслабилось, и неподвижно лежало до следующего припадка.

Голубоватый туман скрыл ноги, клубился вокруг, словно он шел по снегу, который был в десять раз легче обычного. Туманные извивы закручивались, плыли, рвались, спутывались и распутывались. Не было ни тепла, ни холода, не было звезд вверху, только бледно-голубая луна неподвижно висела над царством вечных сумерек. Слева от него росли кусты ярко-синих роз, возвышались голубые скалы.

Обойдя скалы, он вышел к ступенькам ведущей вверх лестницы. Поначалу узкие, они расширялись, и он скоро потерял из виду их концы. Он шел по лестнице, сквозь голубое ничто.

И вошел в сад.

Там росли кусты всех оттенков синего, и лианы карабкались на что-то, похожее на стены, хотя он не был уверен в этом,— лианы росли слишком густо — и беспорядочно понаставлены были каменные скамейки.

Клочья тумана добрались и сюда, они еле двигались, почти висели. Он услышал над головой пение птицы. Другая ответила ей из зарослей лиан.

Он пошел вглубь, мимо больших обломков чего-то, сверкавших, как полированный кварц. Вокруг танцевали игрушечные радуги, и сияние это привлекало огромное количество синих бабо-

чек. Они роились, метались из стороны в сторону, присаживались на мгновение и снова взлетали.

Далеко впереди Гейдель увидел едва различимый силуэт чего-то столь огромного, что размеры показались бы ему невероятными, сохрани он способность критически воспринимать окружающее.

То, что он увидел, было фигурой женщины, наполовину спрятанной среди чудес голубизны, женщины, чьи волосы, иссиня-черные, взметались к небесам у самого горизонта, чьих глаз он не видел, а скорее, чувствовал, как будто они смотрели на него со всех сторон одновременно. Черты женщины оживляли этот мир, были его ДУШОЙ. И от осознания этого пришло к нему чувство неограниченной мощи и невероятной сдержанности.

Он вошел глубже в сад, и она исчезла. Осталось ее присутствие.

Перед ним, за высоким кустом, находилось что-то вроде летнего домика. Он приближался к нему, и свет угасал. Он вошел в него, и свет угас, и снова родилось в нем горестное чувство, что обречен он увидеть изредка улыбку, дрогнувшую ресничку, мочку уха, прядь волос, отблеск голубых лучей луны на беспокойном запястье или предплечье, но ни разу не смог он — и не сможет — заглянуть ей в лицо, объять глазами всю ее необъятность.

Гейдель фон Хаймак,— слова пронеслись, но не в полный голос, а шепотом, доходившим до разума куда лучше голоса.

— Леди...

— Ты не послушался меня. Ты поторопился.

— Я знаю! Знаю... Когда я бодрствую, ты кажешься нереальной, как и место, где обитаешь.

Он услыхал ее тихий смех.

— Ты владеешь лучшим, что могут дать два мира, а это редкость для человека. Пока ты здесь, со мной, в этом приятнейшем из садов, тело твое бьется в агонии, терзаемое миллионами ужасных болезней. Но проснешься ты освеженным и единым целым.

— Да, на какое-то время,— ответил он, усаживаясь на одну из скамеек и откидываясь измученной спиной на шершавый камень.

— И когда это время свежести и целостности пройдет, ты вернешься сюда, если захочешь (что это? — отблеск лунного света или ее черных, черных глаз) — для обновления.

— Да,— сказал он.— Что происходит, пока я здесь?

Он почувствовал прикосновение кончиков пальцев на щеках. Восторг захлестнул его.

— Разве здесь ты не был счастливейшим из существ?

— Да, Мира-о-арим.— И повернул он голову, и поцеловал кончики ее пальцев.— Но кажется, еще что-то, кроме болезней, остается позади, когда я вхожу сюда... что-то, что непременно должно оставаться в памяти... но я не могу вспомнить этого...

— Все идет, как предопределено, ДРА фон Хаймак... Но оставайся же со мной, пока тело твое не обновится, потому что токи тела твоего должны сбалансироваться, чтобы оно смогло выпол-

нить возложенную на него миссию. Ты знаешь, что можешь покинуть это место, когда захочешь. Но я посоветовала бы дождаться моего разрешения.

— На этот раз я дождусь. Скажи мне, Леди...

— Что сказать тебе, дитя мое?

— Я... я вспомню... Я...

— Не изнуряй свой разум. Это бесполезно...

— Дейба! Вот одно имя из тех, что я искал. Расскажи мне про Дейбу!

— Нечего рассказывать, ДРА. Это крошечная планетка в заброшенном уголке Галактики. Ничто не привлекает к ней внимания...

— Ты ошибаешься... Святилище? На высоком плоскогорье? Вокруг — разрушенный город. Само святилище под землей, не так ли?

— Во Вселенной много таких мест.

— Но это — особенное. Правда?

— Да, особенное, но особенности его жутки и печальны, выкормыш Земли... Один-единственный землянин смог принять то, что он там встретил.

— Что это было?

— Нет,— сказала она и коснулась его еще раз.

Он услышал музыку, простую и тихую, и она запела для него. Он не расслышал, а если и расслышал, то не понял пропетых ею слов, но голубые туманы закружились вокруг, возникли запахи, и тихий экстаз... Когда он очнулся снова, вопросов уже не осталось...

Доктор Ларион Пелс вывел корабль на орбиту вокруг планеты Лавона и передал послание в ее Медицинский Центр, Центр Иммиграции и Натурализации, и Статистический Центр. Потом он сложил руки и стал ждать.

Ему ничего не осталось делать, как сложить руки и ждать. Он не ел, не пил, не облегчался, не чувствовал боли. Плоть не угнетала его. Сердце его не билось. Наполнявшие его тело сильнейшие химические реагенты — вот что стояло между доктором Пелсом и разложением. И еще кое-что.

Одним из этих «кое-что» была силовая система, вживленная в его тело. Она позволяла ему двигаться, не тратя при этом своей собственной энергии (хотя он ни разу не спускался ни на какую планету, потому что его сверхмаломощные движения были бы тут же парализованы силой тяготения, превратив его в живую статую, наиболее подходящим названием для которой стало бы «Коллапс»). Система эта, питая мозг, одновременно стимулировала его, давая возможность высшим мыслительным процессам идти непрерывно.

Поэтому доктор Пелс был намертво прикован к космосу и обречен на непрерывный процесс мышления. Доктор Пелс — изгнанник из мира живых, странник, человек, постоянно ищущий

и постоянно ждущий... по нормальным стандартам — ходячий мертвец.

Другая причина, поддерживавшая его на ходу, была не столь материальна, как миниатюрная система жизнеобеспечения. Тело его было заморожено за несколько секунд до наступления клинической смерти, а через неделю после этого прочитано завещание. Так как человек замороженный «еще не достиг статуса человека мертвого» (Гермс против Гермса, 18, 777С, N187-3424), он может «распоряжаться своим имуществом путем предыдущего проявления намерений, то есть точно таким же образом, как и человек спящий» (Найс и др. против Найса, 794С, N14-187-В). Согласно этому, несмотря на бурные протесты нескольких поколений родственников, все состояние доктора Пелса было обращено в наличные, а наличные потрачены на покупку корабля галактического радиуса действия с полной медицинской лабораторией, и на то, чтобы перевести самого доктора Пелса из неодушевленно-замороженного состояния в состояние ледяной неподвижности. Вместо того, чтобы в не нарушаемом сновидениями сне ждать проблематического открытия-которое-спасет-его-и-вернет-здоровье, доктор Пелс решил, что он ничего не имеет против бесконечного пребывания в состоянии, на десять секунд отстоящем от клинической смерти, если только это не помешает ему продолжать свои исследования.

— Подумайте только,— сказал он однажды,— о всех тех людях, которые пребывают сейчас в десяти секундах от смерти, и не знают этого. Я искренне желаю им испытать в этот момент как раз то, что они любят больше всего.

Доктор Пелс больше всего любил патологию, причем самого экзотического сорта. Иногда он гонялся за новой болезнью буквально по всей Галактике. Десятилетиями публиковал он блестящие статьи, открывал потрясающие лекарства, писал учебники, читал лекции студентам из своей орбитальной лаборатории, рассматривался в качестве главного претендента на Медицинскую Премию всеми галактическими академиями (по слухам, каждая из них называла его лауреатом только из боязни, что это сделает другая). Он имел неограниченный доступ к банкам медицинской памяти на любой цивилизованной планете, к которой приближался. Любая информация, за редчайшим исключением, также была к его услугам.

Паря над лабораторными столами — изможденный, безволосый, бледный, как высохшая кость, шести с половиной футов ростом, с тонкими пальцами, регулирующими пламя горелки или сжимающими вакуум-сферу, доктор Пелс казался идеально подходящим для выполнения своей главной миссии — изучения многокрасочных форм смерти. Стоит еще сказать, что хотя он и в самом деле не мог испытывать ни наслаждений, ни страданий плоти, но еще одно удовольствие было доступно ему кроме работы. Чем бы он ни занимался, везде его сопровождала музыка. Легкая музыка, классическая — она звучала вокруг него постоянно. Оне-

мевшее тело ощущало мелодию, слушал ли он или игнорировал ее. Не исключено, что некоторым образом музыка заменяла ему и биение сердца, и дыхание, и все другие едва слышимые шумы человеческого тела, воспринимаемые людьми как нечто изначально данное... Какова бы ни была причина, вот уже много лет он не существовал без музыки.

Окруженный музыкой, со сложенными руками, он ждал. Посмотрел он и на Лавону, повисшую над ним в своей темно-коричневой прелести, тигрицу в ночи. Потом он обратил разум к другим делам.

Вот уже два десятка лет боролся он с одной особенной болезнью. Осознав, что в данный момент времени он находится там же, где и начал, Пелс решил изменить угол атаки: найти того единственного человека, который выжил, и выяснить, почему он выжил.

Задумав это, он направил корабль в центр Объединенных Лиг — на вращающиеся вокруг звезды Квале миры Солон, Элизабет и Линкольн — миры искусственные, проектированные самим Сандо.

Только тут мог он проконсультироваться с гигантским компьютером Панотам о вероятном местонахождении человека, обозначенного им пока как X, но чью личность он уже с уверенностью установил. Информация должна быть в памяти компьютера, хотя мало кто знал, как именно следует задать машине нужный вопрос.

По дороге сюда доктор Пелс останавливался на разных планетах, чтобы задать те же вопросы — удача сэкономила бы уйму времени. Может быть, на СЭЛе придется ждать доступа к компьютеру целый год — основные программы, касающиеся здоровья миллионов, имели автоматический приоритет.

Так что он избрал окольный путь к СЭЛу, центру Объединенных Лиг. Концерты струились вокруг него, инструментарий для исследования смерти был приведен в полную готовность. Он сомневался, что вообще сможет достигнуть СЭЛа, или что нужда в этом станет неодолимой. Из двадцатилетней борьбы с МВАЛА-ХАРАН КХУРР, дейбианской лихорадкой, он сделал вывод, что сможет найти нужные ему следы там, где обычный человек увидит изолированные друг от друга явления. Он был уверен, что найдет по этим следам нужного человека, и выведает у него, каким же оружием можно казнить еще одного Джека-Потрошителя.

Темп музыки увеличивался, и в десяти секундах от вечности доктор Пелс обнаружил зубы в белой, белой усмешке. Скоро, скоро получит он ответ от ночной тигрицы...

* * *

Когда он проснулся, хронометр показал, что прошло двое с половиной суток. Он сел, схватил флягу с водой и жадно припал к ней — после катарсис-комы всегда ужасно хотелось пить. Уто-

лив жажду, он почувствовал прилив сил — каждая клеточка его организма пела в полной гармонии с окружающим миром.

Такое равновесие держалось обычно несколько дней...

Прошло еще пять минут, и он заметил, какое в этот день приятное безоблачное утро.

При помощи воды и носового платка он поспешно очистил тело. Потом одел чистую одежду, скатал постель, нашел свой посох и отправился в путь. Тропа шла под гору, и он принялся насвистывать. Казалось, что через лес шел кто-то другой, много лет назад. Меньше чем через час он шел уже по ровной земле, мимо первых домов и скоро, сам того не заметив, очутился на главной улице маленького городка.

Он остановил прохожего и спросил, где больница. Потом он задал этот же вопрос на втором главном языке планеты и получил в ответ не пожатие плечами, а направление,— десять кварталов, никаких проблем.

Приближаясь к восьмиэтажному зданию больницы, он извлек из кармана узкую хрустальную полоску. Подключенная к компьютеру, она скажет врачам все, что им нужно знать о Гейделе фон Хаймаке.

Однако, когда он вошел в задымленную, замусоренную приемную, то обнаружил, что представляться нет надобности. Регистраторша, брюнетка средних лет, облаченная в какую-то серебристую, перетянутую на талии поясом хламиду, вскочила и подбежала к нему. На цепочке вокруг ее шеи болтался экзотический местный амулет.

— Мистер Х! — воскликнула она.— Мы так волновались! Говорили, что...

Он прислонил посох к вешалке.

— Малышка...

— Люси все еще держится, слава богам. Мы слышали, что вы летели сюда, потом радиосвязь прервалась, и...

Трое других обитателей приемной — двое мужчин и одна женщина — не сводили с него глаз.

— Минутку.

Она вернулась к своему столу, нажала несколько кнопок на панели и заговорила в микрофон:

— Пошлите кого-нибудь в приемную встретить мистера Х.— И ему: — Садитесь.

— Спасибо, я постою.

Она снова посмотрела на него, и взгляд ее голубых глаз почему-то заставил его почувствовать себя неуютно.

— Так что же случилось? — спросила она.

— Потеря мощности в нескольких системах сразу,— ответил он, глядя в сторону.— Мне пришлось посадить машину на брюхо и остаток пути пройти пешком.

— Далеко?

— Да.

— Столько времени, и ни единого сообщения... Мы уже начали думать, что...

— Прежде чем войти в город, мне нужно было предпринять кое-какие медицинские предосторожности.

— Да, да, конечно... Мы все так рады, и я надеюсь, что...

— И я тоже,— сказал он, и на мгновение перед его глазами встали девять могил на тропе.

Открылась одна из дверей, из нее вышел человек, заметил его, шагнул вперед.

— Хелман,— сказал он, протягивая руку.— Я лечу эту девочку Дорн.

— Тогда вам захочется познакомиться вот с этим,— сказал Гейдель и протянул ему сверкающую полоску.

Доктор был примерно пяти с половиной футов ростом и очень розовый. То, что осталось от его волос, клочьями свилось на висках. Гейдель заметил, что, как и у всех знакомых ему врачей, ладони и ногти Хелмана казались самыми чистыми из всего, что находилось в помещении. Его правая рука, украшенная браслетом непривычной формы, вцепилась в плечо Гейделя и повлекла его в дверь. Сам врач при этом говорил:

— Давайте найдем свободный кабинет и обсудим наш случай.

— Знаете, я ведь доктор не медицинских наук.

— Не знаю, но полагаю, что это не имеет значения если вы — Х.

— Да, я — Х, но мне бы не хотелось, чтобы эта новость стала всеобщим достоянием.

— Понимаю,— сказал Хелман, волоча его за собой по длинному коридору.— Естественно, гарантировано и наше полное содействие.

Он остановил встречного в белом.

— Прогоните это через компьютер,— передал он ему пластинку.— Результаты — в семнадцатый кабинет.

— Сюда, пожалуйста,— сказал он Гейделю.— Садитесь...

Они сели у большого стола. Гейдель зацепил пальцем пепельницу, подтянул к себе и вытащил из кармана заплесневевшую сигару. Он поглядел в окно на зеленое небо и на скорчившуюся на пьедестале в углу комнаты статуэтку местного божка с большой тщательностью вырезанную из какого-то желтоватого материала.

— Вы восхищаете меня,— сказал врач.— О вас писали столько раз, что мне кажется, будто я знаю вас лично. Ходячее антитело, живой склад лекарств...

— Можно сказать и так, но это было бы сверхупрощением. При соответствующей подготовке я действительно могу вылечить почти любую болезнь, если она не зашла слишком далеко. С другой стороны, мое собственное состояние можно рассматривать двояко. Правильнее будет сказать, что я — живой склад болезней, которые могу привести в некое подобие равновесия. Достиг-

нув этого равновесия, я могу лечить. Только тогда. В остальное время я очень опасен.

Доктор Хелман снял с рукава черный волосок и аккуратно разместил его в пепельнице. Гейдель улыбнулся, думая о том, кем же он выглядит в глазах доктора.

— Неужели у вас нет никаких предположений о механизме подобной трансформации?

— Трудно быть в чем-то уверенным,— ответил Гейдель, раскуривая сигару.— Может показаться, что в любом новом месте я нахожу новую болезнь и заболеваю ею, но природный иммунитет не дает развиться худшим симптомам. Я выздоравливаю... Потом, при определенных обстоятельствах, сыворотка моей крови лечит эту болезнь.

— Что это за обстоятельства... подготовка, о которой вы говорите?

— Я погружаюсь в кому,— начал Гейдель,— вызывая ее по своему желанию. В это время мой организм каким-то образом очищается. Это занимает от полутора до нескольких суток. Мне говорили...— он замолчал и несколько раз быстро затянулся сигарой.— Мне говорили у меня проявляются все самые ужасные симптомы всех болезней, которыми я переболел. Не знаю... В моей памяти ничего не остается... В такие дни я должен быть один — болезни становятся чрезвычайно заразными.

— Ваша одежда...

— Первым делом я раздеваюсь. После выхода из комы тело мое никому не угрожает, и я одеваюсь в чистое.

— Как долго этот... баланс... длится?

— Обычно пару дней, потом я возвращаюсь... медленно. Равновесие смещается, и я становлюсь все... заразнее... смертоноснее... до следующего катарсиса.

— Когда вы последний раз вышли из комы?

— Я проснулся всего несколько часов назад и еще ничего не ел. Воздержание от пищи каким-то образом продлевает безопасный период.

— Так вы не голодны?

— Нет. Вообще-то я чувствую себя сильным... мощным, если угодно. Но жажда... Мне и сейчас очень хочется пить.

— Охладитель в соседней комнате,— вставая, сказал Хелман.— Я покажу.

Гейдель положил сигару в пепельницу и тоже встал. В двери кабинета они столкнулись с человеком, с которым Хелман разговаривал раньше. В одной руке он держал пачку распечаток с компьютера, в другой — конверт, в котором, как подозревал Гейдель, находилась его хрустальная визитная карточка. Доктор Хелман жестом указал Гейделю охладитель и, когда тот согласно кивнул, вернулся в кабинет.

Гейдель начал наполнять и опорожнять маленький бумажный стаканчик. При этом он заметил, что на стенке охладителя нари-

сован крохотный зеленый стратрианский значок, который должен приносить счастье.

Где-то между пятнадцатым и двадцатым стаканчиком к Гейделю подошел доктор Хелман, держа в руке все ту же пачку распечаток. Протягивая Гейделю его хрустальную пластинку, он сказал:

— Давайте возьмем вашу кровь прямо сейчас. Не будете ли вы так добры пройти со мной в лабораторию?

Гейдель кивнул, бросил стаканчик в мусорную корзину, вложил пластинку в футляр и вместе с доктором подошел к старомодному лифту.

— Шестой,— сказал доктор в стену.

Лифт закрыл дверцы и двинулся вверх.

— Очень странно,— сказал Хелман через некоторое время, указывая на бумаги.

— Да, я знаю.

— В этих докладах упоминается, что одно только ваше присутствие способно остановить болезнь и повернуть ее течение вспять.

Гейдель потянул себя за мочку уха и уставился на носки ботинок.

— Так оно и есть,— сказал он наконец.— Я не упоминал об этом раньше, чтобы вы не заподозрили меня в шарлатанстве, но это правда. То, что болезни лечат мою кровь, можно, по крайней мере, объяснить с научной точки зрения. А вот другое — необъяснимо.

— Ну, девочку Дорн мы будем лечить все-таки сывороткой,— сказал Хелман.— Просто мне интересно, не согласитесь ли вы поучаствовать в одном эксперименте?

— Что это за эксперимент?

— Посетить вместе со мной всех моих безнадежных пациентов. Я представлю вас как коллегу. Потом вы поговорите с ними. О чем угодно.

— Буду счастлив.

— Вы уже знаете, что произойдет?

— Это зависит от болезни, которой страдает человек. Если я уже переболел ею, он может выздороветь. В случае, если сильно повреждены внутренние органы, скорее всего, ничего не изменится.

— Вам уже приходилось проделывать такое?

— Да, много раз.

— Сколькими болезнями вы болели?

— Не знаю. Я не всегда даже осознаю, что болен, и не вполне представляю, что именно гнездится в моем организме. Вы хотите попробовать лечить моим присутствием,— сказал Гейдель, когда лифт остановился и дверь открылась.— Это интересно. Почему бы не попробовать на неизлечимых мою сыворотку?

Хелман покачал головой.

— Доклады говорят мне только о том, против чего помогла

сыворотка в прошлом. Так что я готов использовать ее — постараться использовать — на девочке Дорн. В этом списке нет ни одной болезни из тех, какими страдают мои излечимые, а рисковать я не намерен.

— Однако вы не отказываетесь от второго варианта.

Хелман пожал плечами.

— У меня вообще мало предрассудков, да и риска тут никакого. Ваше появление не принесет моим пациентам никакого вреда, по крайней мере, на этой стадии... Лаборатория через холл.

Пока лаборант готовился взять у него кровь, Гейдель смотрел в окно. В утреннем свете гигантского солнца он увидел четыре церкви четырех разных религий и, кроме того, деревянное здание с плоской крышей, фасад которого был обвешан разноцветными жертвенными ленточками. Здание это очень походило на то, что стояло в деревне на берегу реки Барт... Высунувшись наполовину из окна и прищурившись, он разглядел справа по дороге еще одну постройку — святилище Пей'ан. Гейдель поморщился и отвернулся от окна.

— Закатайте рукав, пожалуйста.

Джон Морвин играл в бога.

Он прошелся пальцами по клавиатуре управления и приготовился родить мир. Осторожно... Радужная дорога от той скалы к той звезде ведет ЗДЕСЬ. Да. Но рано. Еще рано.

На стоящей рядом постели юноша пошевелился, но не проснулся. Морвин дал ему понюхать еще газа и вернулся к работе. Он провел указательным пальцем под краем покрывавшей его голову корзины, чтобы избавиться от капелек пота на лбу и вернувшейся чесотки в области правого виска. Потом он огладил свою рыжую бороду и погрузился в размышления.

ЭТО было пока еще далеко от совершенства, далеко от того, что описал мальчик. Закрыв глаза, он глубже заглянул в дремлющий рядом мозг. Мозг этот плыл в направлении, которое он считал правильным, но чувства, настоящего чувства, в нем не было.

В ожидании он открыл глаза, чтобы еще раз посмотреть на хрупкое тело спящего — роскошные одежды, тонкие, почти женские черты лица — на которое была надета копия его корзины, соединенная с ней множеством проводов. Омываемый потоком содержащего наркотик воздуха, шевелился воротник... Он сжал губы и нахмурился, не столько от неудовольствия, сколько от зависти. Больше всего в жизни он сожалел о том, что не вырос среди богатства, что его не баловали, не портили, не сделали мотом. Он всегда хотел быть мотом, но теперь, когда мог позволить себе это, обнаружил, что для получения радости от мотовства ему не хватает соответствующего воспитания.

Он повернулся и посмотрел на пустой хрустальный шар около метра в диаметре, проткнутый в нескольких точках жерлами форсунок.

Нажми нужную кнопку, и он заполнится кружащимся вихрем

пылинок. Введи в компьютер нужный код, и вихрь застынет навеки...

Он снова проник в объятый сном мозг юноши, который в очередной раз сбился с пути. Пришло время подействовать на него более сильными стимулами, чем раньше.

Он щелкнул переключателем, и юноша услышал свой собственный записанный голос — так он говорил, описывая свой сон. Образы тут же сместились, и Морвин почувствовал, как в спящем мозге появилось ощущение правильности происходящего, ощущение исполненного желания.

Он нажал нужную кнопку, и форсунки зашипели, тут же щелкнув другим переключателем, и связь его мозга с мозгом сына клиента прервалась.

Затем, соединив в едином усилии свою абсолютную зрительную память и телекинетические способности, которые только он один из всех мог использовать таким образом, Морвин спроецировал свой мозг на роящиеся внутри хрустального шара частички, швырнул внутрь него ключевое мгновение сна, выхваченное из мозга того, кому он снился, его форму и цвет — сна, все еще пронизанного мальчишеской восторженностью и удивлением,— и там, внутри шара, чуть не раздавив другую кнопку, он заморозил сон навеки. Еще одна кнопка — и форсунки вышли из шара. Еще одна — и шар наглухо запечатался. Никто не сможет проникнуть внутрь него, не уничтожив самого сна. Еще один выключатель — и смолк записанный голос. Как всегда, Морвин обнаружил, что его бьет дрожь.

Он сделал ЭТО еще раз!

Морвин включил воздушную подушку, убрал из-под шара подпорки, и тот поплыл. Он убрал черный фоновый занавес и включил скрытое освещение, приспособив его так, чтобы свет равномерно падал на шар со всех сторон.

Взору его предстала несколько пугающая картина: нечто похожее на человека по-змеиному обвилось вокруг оранжевых скал, которые и сами были частью этого нечто; и глядело оно на самого себя, на то место, где соединялось с камнем; наверху небо частично скрывалось за вскинутой рукой; радужная дорога вела от скалы к звезде; рука мокра от влаги, похожей на слезы; голубоватые формы парили внизу.

Джон Морвин внимательно изучил застывшую картину. Он увидел ее телепатически, изваял телекинетически, сохранил механически. Он не знал, какую юношескую фантазию представляла собой картина, его это не заботило ни в малейшей степени. Она существует, и этого достаточно. Психическое истощение, душевный подъем, удовольствие, которое он чувствовал, рассматривая свое творение — этого было достаточно, чтобы сказать, что акт созидания удался.

Иногда его мучили сомнения — является ли в действительности искусством воплощение фантазий других людей? Действительно он владел уникальной комбинацией таланта и необходимого

оборудования, чтобы материализовать сон клиента. Верно и то, что получал он за свою работу сногсшибательные гонорары, но ему нравилось думать о себе, как о художнике. Если уж не мот, то — Художник! Художник, решил он, обладает столь же развитым самомнением и эксцентричностью, как и мот, но к этим качествам у него добавляется способность чувствовать и сопереживать, и поэтому он не может относиться к людям с безразличием. Но если он не настоящий художник...

Морвин снял корзину, потряс головой, прочищая ее, и яростно почесал правый висок.

Ему приходилось делать сексуальные фантазии, сонные мирные ландшафты, кошмары для сумасшедших королей, галлюцинации для психоаналитиков. Никто не отзывался о его работе иначе, как с горячей похвалой. Портрет — надежное искусство. Но Морвин часто задумывался о том, что получится, если он соберется запечатлеть свои собственные сны.

Поднявшись, он выключил и снял все датчики с тела юноши по имени Абс. Потом взял со стола трубку со старой эмблемой, выгравированной на его чашке, погладил ее пальцами, набил, зажег.

Включив сервомеханизмы, медленно повернувшие кушетку со спящим на ней юношей в наклонное положение, Морвин уселся рядом. Все готово. Он улыбался сквозь дым и прислушивался к чужому дыханию.

Умение подать товар... Он снова превратился в бизнесмена, в продавца, расхваливающего выставленное на витрине. Первое, что увидит проснувшийся Абс — эффектно расположенный объект. Голос Морвина, сзади, разрушит очарование каким-нибудь обыденным замечанием, и магия — сломанная — спрячется в глубинах подсознания зрителя. Следует надеяться, что это повысит привлекательность объекта.

Шевеление руки. Покашливание. Начатый жест, который так и не кончился...

Морвин ждал примерно шесть секунд, потом спросил:

— Нравится?

Юноша ответил не сразу, но когда все-таки ответил, слова его были словами маленького мальчика, а не того разочарованного в жизни юнца, каким он заявился в студию. Пропали куда-то едва скрываемое презрение, поддельная усталость, гнетущая покорность родителю, который решил, что хрустальный шар будет идеальным подарком ко дню рождения сына, которому вроде бы как и желать уже нечего.

— Вот это да! — сказал он.

— Следует ли понимать эти слова так, что вы довольны?

— Боже! — Юноша встал и подошел к шару. Он вытянул руку, но так и не прикоснулся к его хрустальной поверхности.

— Доволен ли я? Да это просто шедевр!

Он вздрогнул и некоторое время стоял молча. Когда он повернулся, по лицу уже блуждала прежняя ухмылка. Морвин улыб-

нулся ему в ответ, левым уголком рта. Мальчишка ушел в прошлое.

— Приятная штуковина,— сказал разочаровавшийся в жизни юнец, и небрежно махнул рукой в сторону шара.— Отправьте его и пошлите счет отцу.

— Прекрасно.

Абс направился к выходу. Морвин встал и открыл для него дверь. Юноша остановился перед Морвином, бросил на него пристальный взгляд и еще один, всего один раз глянул на шар.

— Мне бы хотелось посмотреть, как вы делаете это. Плохо, что мы не догадались записать вас на пленку.

— Это совсем неинтересно,— сказал Морвин.

— Может быть... Ну что же, до свидания.

Руки Абс не предложил.

— До свидания,— ответил Морвин и долго смотрел юноше вслед. Да, хорошо быть испорченным.

Алисия Курт, секретарша, кашлянула из приемной, привлекая к себе внимание.

— Пусть Дженсен упакует его и отправит,— высунувшись из дверного проема, сказал Морвин.— А вы выпишите и пошлите чек.

— Да, сэр,— ответила секретарша и скосила глаза в сторону. Морвин проследил за ее взглядом.

— Сюрприз,— бесстрастным голосом сказал сидящий у окна человек.

— Майкл? Что ты тут делаешь?

— Захотелось настоящего кофе.

— Заходи. Сейчас вскипятим.

Человек неспешно встал, и его исполинская фигура, белый мундир и светлые волосы в сотый раз напомнили Морвину о давних эпохах и продвижении ледников.

Они вернулись в студию, и Морвин принялся за поиски двух чистых чашек.

Майкл в это время неслышными шагами пересек комнату и рассматривал теперь последнее творение Морвина.

— Нравится?

— Да. Одна из лучших. Для сына Арнита?

— Да.

— Самому-то ему понравилось?

— Сказал, что понравилось.

— Хм-м,— Майкл направился к маленькому столику, за которым Морвин иногда принимал еду.

Морвин налил кофе, и они отхлебнули по глотку.

— На этой неделе открывается охота на ламакка.

— О,— сказал Морвин,— я и не подозревал, что уже время... Сам-то собираешься?

— Подумываю о будущем воскресенье. Поднимемся до Синего Леса, переночуем там. Может, даже подстрелим парочку.

— Заманчиво. Я с тобой. Еще кто-нибудь идет?

— Вроде бы Йорген собирался.

Морвин кивнул и затянулся из трубки, старательно прикрывая пальцем эмблему на ней. Йорген — гигант с Ригеля и Майкл с Хонси во время войны служили в одном экипаже. Пятнадцать лет назад он пристрелил бы каждого из них при первом же удобном случае, а теперь доверил бы им прикрывать свой тыл с пистолетом. Теперь он ел, пил, шутил с ними, продавал свои творения их друзьям. Эмблема ДИНАБ, Четвертого Космофлота, пульсировала под его пальцем. Морвин покрепче прижал ее, чувствуя, как волнами накатывается стыд за то, что он вообще решил скрыть ее от хонсийца. Если бы мы победили тогда, все было бы по-другому, и никто не винил бы Майкла за то, что он носит свое боевое кольцо эмблемой к ладони, или на цепочке вокруг шеи. Человек имеет право прожить жизнь так, как ему хочется. Останься я тогда в ДИНАБ, пришлось бы мне до сих пор жонглировать электронами в какой-нибудь лаборатории за нищенскую плату.

— Сколько тебе осталось до пенсии? — спросил он.

— Три года. Еще есть, на что надеяться.

Майкл откинулся в кресле и вытащил из кармана кителя распечатку новостей.

— Похоже, что один из твоих друзей совсем не собирается в отставку.

Морвин взял газету, пробежал глазами.

— О чем ты? — спросил он, чтобы протянуть время.

— Вторая колонка. Примерно в середине.

— «Взрыв на Бланчене»... Эта?

— Да.

Морвин внимательно прочитал заметку.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказал он, и забытое чувство, похожее на гордость, захлестнуло его. Он постарался удержать его там, внутри.

— Твой старый командир, Малакар Майлс. Кто же еще?

— «Шестеро убитых, девять раненых... Восемь приборов уничтожено, двадцать шесть повреждено», — читал он. — «На месте преступления не найдено никаких следов. Отдел приступил к расследованию».

— Если нет никаких следов, почему ты подозреваешь Капитана?

— Содержимое склада.

— Что именно?

— Высокоскоростные речевые передатчики.

— Я не вижу...

— Раньше они производились только на планетах ДИНАБ. Эти же передатчики были первыми, сделанными в Объединенных Лигах.

— Значит, они и сюда пролезли...

Майкл пожал плечами.

— Мне почему-то кажется, они имеют такое же право делать их, как и ДИНАБ, который просто не успевает производить ну-

жное количество. Поэтому некоторые промышленники из ОЛ взялись запустить линию. Это была первая партия. Ты же знаешь, что это очень точные инструменты — одни из немногих, что еще собираются и настраиваются практически вручную. Уйма квалифицированного ручного труда и, соответственно, умопомрачительная цена.

— И ты думаешь, без Капитана не обошлось?

— Все ЗНАЮТ, что это его рук дело. Он занимается этим вот уже много лет. Он забыл, что война давно кончилась, договор подписан...

— Нельзя же ловить его на территории ДИНАБ!

— Нельзя. Но кто-нибудь скоро обязательно отважится — человек, уставший от того, что уничтожают его собственность, убивают друзей или рабочих.

— Его уже пытались поймать, и ты знаешь, чем это кончилось.

— Знаю! Он может довести нас до большой беды.

— Предположим, Отдел поймает его здесь, в ОЛ, всаживающим нож в чью-то спину... его выдадут ДИНАБ?

— Ты должен знать ответ!

Морвин опустил глаза.

— Когда мы разговариваем,— произнес он наконец,— то не говорим о таких вещах.

Майкл скрипнул зубами и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Да,— сказал он,— приказ еще в силе. Мы должны будем выдать его. Потом мы пошлем ноту в ДИНАБ-Центральный, но она никак не повлияет на судьбу их единственного оставшегося в живых капитана Космофлота. Теоретически мы можем добиться обратной выдачи, но никогда не найдем столько свидетелей, сколько для этого нужно. Если бы только они не сделали его тогда представителем на Первой Конференции СЭЛ! Теперь это выглядит так, словно они планировали все это заранее, а теперь науськивают его! Есть два пути: первый — убедить его, что война давно кончилась, второй — лишить дипломатической неприкосновенности. Ситуация запутана до крайности.

— Да.

— Ты служил под его командованием и был его другом.

— Да.

— Вы ведь с тех пор не ссорились?

— Я иногда навещаю его. Вспоминаем старое.

— Можешь ли ты призвать его к здравому смыслу?

— Я уже говорил, мы не касаемся этих вопросов! Он меня и слушать не станет!

Морвин налил еще кофе.

— Кем бы Майлс ни был раньше, сейчас он — убийца и поджигатель. Ты-то понимаешь это?

— Понимаю.

— Если он однажды зайдет слишком далеко, если ему удастся

что-нибудь, что закончится катастрофой — МОЖЕТ начаться война. В правительстве Объединенных Лиг полно политических и военных проходимцев, которые ухватятся за любой предлог, чтобы разделаться с ДИНАБ раз и навсегда.

— Почему ты все это говоришь мне, Майкл?

— Я сейчас не на дежурстве, никто мне ничего не приказывал и, сказать по правде, я надеюсь, что начальство вообще никогда не узнает о нашем разговоре. Морвин,— подумал я,— единственный, кто еще встречается с Майлсом, да к тому же он живет в этом городе, да к тому же — мой друг! Черт возьми! Мне не нужна еще одна война, даже если она будет блицкригом. Я старею, мне хочется в отставку, охотиться и ловить рыбу... Ты был его заместителем, он по крайней мере выслушает тебя! Он даже подарил тебе эту трубку, когда все кончилось. Разве это не Брайнер-Сэндо? Такие трубки стоят кучу денег. Значит, он симпатизировал тебе.

Лицо Морвина покраснело, он кивнул прямо в клуб дыма, набрал его полные глаза, и затряс головой.

А я продал его, думал он, его и всех остальных, когда перебрался в ОЛ и стал получать их деньги...

— Я давно его не видел и не уверен, станет ли он меня слушать.

— Жаль,— сказал Майкл.— Я, наверное, ошибся, заявившись к тебе с таким предложением. Забудем это, ладно?

— Ты сейчас работаешь над этим взрывом?

— Не совсем.

— Понятно... Прости.

Они долго молчали, потом Майкл одним глотком прикончил свой кофе и встал.

— Пора на работу,— сказал он.— Увидимся через одиннадцать дней, у меня. На восходе, договорились?

— Договорились.

— Спасибо за кофе.

Морвин кивнул и поднял руку в полусалюте.

Долго смотрел Морвин на замороженный сон юноши. Потом взгляд его упал на кофейную чашку. Он смотрел на нее до тех пор, пока она не поднялась в воздух и не врезалась в стену.

* * *

Гейдель фон Хаймак посмотрел на лежащую в кровати девочку и улыбнулся в ответ на ее слабую улыбку. Не больше девяти лет, предположил он.

— А это — клаанит,— сказал он, добавляя к ряду камушков на покрывале еще один.— Я нашел его на планете Клаана, отполировал, но не распиливал. Таким он и был, когда я его подобрал.

— Расскажи мне про Клаану,— попросила девочка.

— Почти вся она покрыта водой. В розовом небе Клааны светит голубое солнце, а вокруг нее бегают одиннадцать маленьких

лун, которые все время делают что-нибудь интересное. Там нет материков, только тысячи островков, равномерно разбросанных по океану. Люди на Клаане — амфибии и проводят почти всю жизнь под водой. У них нет настоящих городов, по крайней мере, никто их не видел... Они путешествуют с острова на остров и торгуют — меняют то, что находят на морском дне, на ножи, алюминиевые сплавы, и всякую всячину. Этот камень — из моря Клааны, я нашел его на берегу, а стал он таким от бесконечного трения о песок и другие камни. Деревья там раскидистые и выпускают добавочные корни, чтобы добраться до воды. Листья у деревьев широкие, а на некоторых растут и плоды. Температура на Клаане всегда приятная, потому что откуда бы ни дул ветер, он всегда дует с моря. Когда захочется, можно всегда забраться на что-нибудь высокое и глядеть во все стороны. Всегда где-нибудь идет дождь, и все тогда начинает казаться размытым и искаженным, словно берега волшебной страны... А еще появляются там миражи — перевернутые острова, деревья на которых растут вниз. Один туземец сказал мне, что туда они переселяются после смерти. Они думают, что умершие смотрят с этих островов вниз и наблюдают за потомками... Если тебе нравится этот камень, возьми его.

— О да, мистер Х, спасибо!

Девочка схватила камень и потерла его сначала о ладонь, потом о больничный халат.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Лучше, куда лучше!

Гейдель пристально всмотрелся в ее крохотное личико — черные глаза под черными бровями, галактика сверкающих веснушек. В лице этом было больше красок жизни, чем тридцать шесть часов назад, когда лечение только началось. Дыхание девочки стало свободнее, она могла уже сидеть, обложившись подушками, и подолгу разговаривать. Температура упала, кровяное давление стабилизировалось. Она стала даже проявлять любопытство, столь естественное для ребенка ее возраста. Гейдель считал, что потрудился не напрасно, и не вспоминал о девяти могилах, и о других, на других планетах.

— ...Мне так хочется побывать на Клаане, — говорила она, — увидеть ее голубое солнце и одиннадцать лун...

— У тебя вся жизнь впереди, — ответил Гейдель, но, попробовав заглянуть вперед, он не смог увидеть ее иначе, как замужем за каким-нибудь местным парнем, домохозяйкой в Италбаре на все дни своей вновь обретенной жизни. Только оранжевый камешек останется, чтобы напомнить ей о детских мечтах. Ну что ж, могло быть и хуже, подумал Гейдель, вспомнив ночь, проведенную на холме над городом. Вряд ли кто будет возражать против того, чтобы кончить свои дни в таком приятном городе, как Италбар...

В палату вошел доктор Хелман, кивнул в знак приветствия, схватил девочку за левое запястье и уставился на свой хроно.

— Ты волнуешься, Люси! — заявил он, опуская запястье на

одеяло.— Наверное, мистер Х. перевозбудил тебя рассказами о своих приключениях.

— Нет, нет! — воскликнула она.— Мне так нравится слушать его! Смотри, какой камень он подарил мне с Клааны! Там голубое солнце и одиннадцать лун! Этот камушек принесет мне счастье! Люди там живут в море...

Доктор посмотрел на камень.

— Красивый...

Почему Хелман не улыбается? — спросил себя Гейдель. Я бы на его месте прыгал от радости.

Гейдель собрал остальные камешки и сложил их в сумку с монограммой.

— Вот и пришла мне пора уходить, Люси. Я счастлив, потому что ты выздоравливаешь. Если мы больше не увидимся, знай, что мне было очень интересно поговорить с тобой... Будь хорошей девочкой.

Он встал и вместе с доктором Хелманом направился к двери.

— Но ты вернешься? — крикнула Люси, и глаза ее широко раскрылись.— Ведь ты придешь еще, правда?

— Я еще не знаю,— ответил ей Гейдель.— Там видно будет...

— Приходи...— закрыв за собой дверь в палату, Гейдель не расслышал конца фразы.

— Удивительно! — произнес Хелман.— Я просто не верю своим глазам.

— Как остальные?

— У всех, кого вы навестили, положение или стабилизировалось, или стало чуть получше. Интересно, в чем же все-таки здесь дело... Кстати, ваша кровь, по утверждению лаборатории — еще большая мешанина, чем казалось тем, кто исследовал ее раньше. Им хотелось бы взять побольше ее образцов и отправить на дальнейшее исследование в Ландсенд.

— Нет! — отрезал Гейдель.— Я знаю, что такое моя кровь и, послав ее в Ландсенд, невозможно узнать о ней что-нибудь новое. Если они все-таки заинтересуются, пусть запросят компьютер Панопат на СЭЛе. Кровь мою исследовали сотни раз, и никто не осмелился сделать никаких определенных выводов... И не забывайте, что скоро она снова станет смертельно опасной. Мне пора уходить.

Беседуя, двое мужчин подошли к лифту.

— Этот «баланс», о котором вы говорите,— сказал доктор Хелман,— ...ничего подобного просто не может быть! По вашим рассказам, патогены формируются в батальоны, сражаются друг с другом, а потом вдруг подписывают перемирие на определенный срок, который никто из них не нарушает! Человеческий организм просто не может функционировать подобным образом!

— Знаю,— ответил Гейдель, входя в лифт,— это всего лишь аналогия, и, как я уже говорил, хоть я доктор, но не медицины. Я придумал простые, прагматические термины для объяснения

происходящего со мной, а вы уж интерпретируйте их, как заблагорассудится. Кроме меня, в мире нет экспертов по этому вопросу.

Лифт опустил их на нижний этаж.

— Зайдем ко мне в кабинет? — предложил Хелман.— Вы покидаете нас, и я знаю, куда и когда прилетит аэрокар. Очевидно, вам хочется уйти в холмы и претерпеть очередную кому. Мне хотелось бы понаблюдать и...

— Нет! — отрезал Гейдель.— Об этом не может быть и речи! Я никому не разрешаю приближаться ко мне в такие моменты. Это слишком опасно.

— Мы могли бы изолировать...

— Нет, и еще раз нет. На моей совести и так слишком много напрасных смертей. То, что сделано мной в Италбаре — слабая попытка хоть как-то расплатиться за них. Я не могу сознательно рисковать жизнью людей, пусть даже профессионально подготовленных для того, чтобы рисковать ею. Поймите меня правильно — сколь бы ни были адекватны меры предосторожности, всегда может что-то сломаться, испортиться...

Хелман слегка пожал плечами.

— Если вы когда-нибудь передумаете, мне хотелось бы возглавить эту работу.

— Спасибо... Мне пора.

Хелман пожал ему руку.

— Спасибо за все. Боги смилостивились над нами.

Скорее, над твоими пациентами, подумал Гейдель и сказал:

— Желаю удачи, доктор.

Он вышел в холл.

— ...благословят вас! — воскликнула женщина.— Пусть боги благословят вас!!!

Когда Гейдель проходил мимо, она схватила его за руку. Мать Люси.

— С ней теперь все в порядке,— ответил Гейдель.— Очаровательная девчушка.

Пока женщина держалась за левую руку Гейделя, правую энергично тряс изможденного вида мужчина в широких брюках и свитере. Его морщинистое лицо расплылось от улыбки, обнажившей ряд неровных зубов.

— Огромное вам спасибо, мистер Х! — говорил он. Ладонь его была липкой от пота.— Мы молились в каждой церкви города, мы и все ваши друзья... Молитвы наши были услышаны! Пусть все до единого боги благословят вас! Вы не откажетесь поужинать с нами сегодня?

— Спасибо, но у меня совершенно нет времени... до того, как за мной прилетят, мне необходимо кое-что сделать...

Когда Гейдель отбился, наконец, от них, он увидел, что больничный холл заполнен большой толпой. Среди гула голосов он услышал многократно повторяемое «мистер Х».

— Как вы сделали это, мистер Х? — доносилось с пяти сторон одновременно.— Можно взять у вас автограф?.. У моего брата

аллергия, не могли бы вы?.. Мне хотелось бы попросить вас присутствовать сегодня на службе, мистер Х. Моя паства... Сэр, не скажете ли вы что-нибудь для местной прессы?..

— Ради всего святого! — взмолился он, глядя в лица и объективы.— Мне НУЖНО идти! Мне очень лестно такое внимание, но мне НЕЧЕГО сказать! Пожалуйста, пропустите меня!

Холл уже заполнился, и входная дверь не закрывалась под напором рвущихся внутрь тел. Люди поднимали детей повыше, чтобы те рассмотрели новоявленного святого получше. Гейдель глянул на вешалку и увидел, что посох его исчез; глянул через окно на улицу и увидел, что толпа собирается уже и перед больницей.

— ...Мистер Х, я пекла их сама... Я отвезу вас, куда угодно!.. Каким именно богам вы молитесь, сэр? Эта проклятая аллергия!..

Гейдель отошел к столу и нагнулся к сидевшей за ним женщине.

— Меня не предупредили...— начал было он.

— Мы и сами не ожидали! Они собрались буквально в считанные минуты. Возвращайтесь в коридор, а я скажу им, что внутрь никому нельзя. Сейчас кто-нибудь проводит вас к служебному входу.

— Спасибо.

Он скрылся за указанной дверью, приветливо помахивая рукой и улыбаясь людям. Толпа издала громкий вопль— комбинацию «Х!» и «Ура!»

Гейдель постоял немного в коридоре, потом появился санитар и отвел его к задней двери.

— Разрешите подвезти вас?— попросил санитар.— Если толпа опять узнает вас, люди пойдут следом и будут досаждать...

— Хорошо,— согласился Гейдель.— Подбросьте меня несколько кварталов в направлении холмов.

— Я могу довезти вас до самого их подножия, сэр. Это сэкономит уйму времени.

— Спасибо, но мне нужно кое-чем запастись в дорогу и поесть чего-нибудь горячего. Вам известно такое заведение в том направлении?

— И не одно. Я высажу вас у маленького магазинчика на тихой улочке. Там вас никто не побеспокоит... Вот моя машина,— показал он.

Без всяких затруднений они достигли рекомендованного санитаром места — пахнущего стариной крохотного магазинчика с деревянными полами и увешанными деревянными полками деревянными стенами. Посетители кормились в крохотной задней комнатке. Но одно обстоятельство все-таки расстроило Гейделя. Когда машина остановилась, санитар вытащил из-под рубашки амулет на цепочке — зеленую ящерку с выложенной по хребту серебряной полосой.

— Я знаю, что это звучит глупо... но не могли бы вы прикоснуться к ней?

Гейдель исполнил просьбу, потом спросил:

— И что же я сейчас сделал?

Юноша смущенно улыбнулся и отвернулся, запихивая амулет под рубашку.

— Наверное, я немного суеверен... как и все. Эта штука приносит мне счастье. Послушав, что говорят о вас, я решил, что от одного прикосновения не будет никакого вреда.

— Говорят? И что же говорят? Неужели прозвище «святой» последовало за мной и сюда?

— Боюсь, что это так, сэр. Кто знает? Люди не всегда ошибаются...

— Но ты... Ведь ты работаешь в больнице и проводишь много времени среди ученых!

— О, они такие же, больщинство... Может быть, это потому, что мы живем так далеко от цивилизации... Некоторые проповедники говорят, что это своеобразная реакция на то, что мы живем сейчас в тесном единении с природой, в то время как предки наши столетиями жили в городах. В общем, спасибо, что не отказали мне в пустячной просьбе.

— Спасибо, что подвезли.

— Счастливо!

В магазинчике Гейдель пополнил свои припасы, потом уселся за столик в задней комнате, в которой не было окон, но было восемь старых, засиженных мухами настенных ламп. Воздух в ней был свежий — кондиционер работал исправно. Несмотря на то, что Гейдель оказался единственным посетителем, ждать, пока его обслужат, пришлось долго. Он заказал пиво, жареное мясо и не стал расспрашивать, из какого именно представителя местной фауны вырезан этот кусок — мера предосторожности, которой он неуклонно придерживался во время своих коротких визитов на незнакомые планеты. Отхлебывая пиво в ожидании мяса, Гейдель думал о себе.

Он — все еще геолог. Это ремесло он знал до тонкостей, и мог заниматься им, не подвергая опасности чужие жизни. Ни одна из больших компаний не примет его на постоянную работу. Ни в одной из них не знали с уверенностью, тот ли он самый «Х», но все знали, что вокруг него вечно происходит что-то непонятное. Вероятно, во многих картотеках против его фамилии значилось: «склонен к несчастным случаям». Да и сам он не собирался наниматься в большие компании — это было связано с риском оказаться там, где он не желал работать... например, вблизи поселений. Но многие компании были, однако, рады заполучить его в качестве независимого консультанта. Странно, результатом этого явилось то, что он заработал денег больше, чем когда-либо в своей жизни. Но деньги перестали играть заметную роль в жизни Гейделя. Он старался держаться подальше от городов, от людей, вообще от тех мест, где деньги тратятся в больших количествах. За последние годы он постепенно привык к одиночеству настолько, что даже небольшое скопление народа — как сегодня

у больницы — приводило его в замешательство. Он понимал, что и самые последние его дни пройдут в одиночестве — в хижине на какой-нибудь захолустной планете, на берегу моря. Желания его ограничивались сигарами, коллекцией минералов и приемником, который можно настроить на Центральные Новости.

Он ел медленно. Подошел хозяин заведения, явно желая поговорить. Куда это он собрался с рюкзаком и запасом еды?

Побродить по холмам, объяснил Гейдель. Зачем? Гейдель открыл уже было рот, чтобы ответить, что это не его стариковское дело, и тут в голову ему пришло, что старик, наверное, тоже страдает от одиночества. Магазинчик его отнюдь не выглядел местом, где кипит деловая активность. Старик, скорее всего, почти не видит людей. К тому же он очень, очень стар.

Пришлось Гейделю выдумать историю. Кивая, хозяин выслушал ее. Очень скоро говорил уже старик, а Гейдель согласно кивал. Покончив с едой, он зажег сигару.

Время шло, и Гейдель чувствовал, что ему все приятнее становится общество этого человека. Он заказал еще пива, закурил вторую сигару.

В комнате не было окон, и Гейдель не мог видеть, какими длинными стали тени. Он рассказал старику о других планетах, показал ему камни. Старик рассказал ему о ферме, которой когда-то владел. Первые вечерние звезды уже осветили мир, когда Гейдель догадался взглянуть на свой хроно.

— Неужели уже так поздно? — воскликнул он. Старик глянул на хроно Гейделя, потом на свой собственный.

— Однако действительно поздно. Прошу прощения за излишнюю разговорчивость. Если вы торопитесь...

— Все в порядке,— сказал Гейдель.— Я просто потерял счет времени в вашем обществе. Но мне пора идти.

Он расплатился и быстро ушел. Струна безопасности и так натянулась уже до предела.

Он повернул направо и пошел сквозь сумерки в том направлении, откуда пришел в Италбар. Через пятнадцать минут он оставил позади деловую часть города и шел вдоль жилых домов. Небо чернело, зажигались все новые и новые звезды. Казалось, что фонари у домов горят ярче.

Проходя мимо каменной церкви, Гейдель заметил, что из ее цветных гласситовых окон льется слабый свет, и им овладело знакомое возбуждение, как всегда при виде церкви. Это было... когда? Десять лет назад? Двенадцать? Давно. Но он помнил тот случай до мельчайших подробностей.

Это был удушающий день на Муртании, и дневная жара застала его на открытой местности. Убежище он нашел в одной из подземных странтрианских часовен, где всегда темно и прохладно. Усевшись в самом темном углу, он решил отдохнуть, и закрыл глаза, но тут в часовню вошли еще двое. Вместо того, чтобы погрузиться в молитву, как ожидал того Гейдель, они принялись что-то возбужденно шептать друг другу. Потом один из них

ушел, а второй уселся на сиденье перед центральным алтарем. Гейдель внимательно рассмотрел его. Он оказался муртианином, и его бронхиальные мембраны распухли и покраснели, что свидетельствовало о крайней степени возбуждения. Он не склонил головы, как положено, но смотрел вверх. Гейдель проследил за его взглядом и обнаружил, что смотрит он на ряд глосситовых картин, которые изображали непрерывный ряд божеств, опоясывающий все стены часовни.

Человек смотрел только на одну из картин — она светилась голубым огнем. Взглянув туда же, Гейдель почувствовал, будто его ударил электрический разряд. В руки и ноги что-то закололо, голова закружилась. Ему оставалось только надеяться, что это не обострилась одна из старых болезней. Но нет, организм его вел себя так, будто был здоров. Им овладело странное возбуждение, похожее на первые стадии опьянения, хотя у Гейделя во рту давно уже не было ни капли алкоголя. Часовня начала заполняться верующими и, прежде чем Гейдель осознал это, началась служба. Чувство возбуждения и наполняющей силы начало расти, потом в мозгу Гейделя возникли некие специфические эмоции — странно противоречивые эмоции. Ему захотелось прикоснуться к окружающим, называть их «брат мой», любить их, вылечить от болезней. В следующее мгновение он уже ненавидел их, сожалел о том, что только-только вышел из катарсис-комы, иначе он с удовольствием напустил бы на всю конгрегацию какую-нибудь неизлечимую гадость. Эпидемия распространилась бы, как огонь по бензиновой луже, и прикончила бы их всех за день. Мозг Гейделя разрывался между этими желаниями, и он подумал, что сошел с ума. Прежде он никогда не отмечал у себя шизофренических тенденций, и не был экстремистом в отношениях с людьми. Не было в нем ни любви, ни ненависти к своим собратьям — он принимал их такими, какие они есть, и старался уживаться со всеми. И теперь Гейдель никак не мог понять, откуда взялись эти раздирающие его желания...

Гейдель дождался, пока схлынет очередная волна ненависти, встал, волна любви понесла его к выходу, и он достиг двери на самом ее гребне.

— ...Мир, брат мой... нижайше прошу прощения... простите, потому что я люблю вас... извиняюсь всем сердцем... пожалуйста, не сердитесь на меня за неловкость...

Выбравшись из часовни, он взлетел по ступенькам на улицу и побежал. Через несколько минут Гейдель снова обрел свое обычное состояние. Потом он не раз подумывал, не навестить ли психиатра, но воздержался, объяснив случившееся резким переходом от жары к холоду в сочетании со всеми теми маленькими необычными эффектами, сопутствующими пребыванию на чужой планете.

Впоследствии, хотя ничего подобного с Гейделем больше не случалось, он ни разу не преступил больше порога ни одной церкви, и всегда старался обходить их стороной.

Гейдель постоял на перекрестке, пропуская три машины, и услышал за спиной голос: — Мистер Х!

Мальчик лет двенадцати вынырнул из-за деревьев и подошел к нему. В левой руке он держал поводок, другой конец которого был прикреплен к ошейнику зеленой ящерицы метровой длины, с короткими кривыми лапами. Когти ее скрежетали по тротуару несколько жутковато, но когда она открыла пасть, чтобы выстрелить красным язычком в сторону Гейделя, ему показалось, что она улыбается... Это была очень толстая ящерица. Несколько раз она потерлась о ногу мальчишки.

— Мистер Х, я был в больнице, но вам пришлось уйти, и я увидел вас мельком. Я слышал, как вы вылечили Люси Дорн. Какое счастье встретить вас просто так, на улице!

— Не прикасайся ко мне! — воскликнул Гейдель, но мальчишка успел схватить его за руку и смотрел на него глазами, в которых плясали звезды.

Гейдель вырвал руку и отступил на несколько шагов.

— Не подходи! — сказал он. — Я простудился и могу заразить тебя!

— Тогда вам не следует гулять вечером. Я уверен, что мои родители быстро поставят вас на ноги.

— Спасибо, но я тороплюсь.

— Это мой ларикк. — Мальчишка потянул за поводок. — Его зовут Хан. Сидеть, Хан!

Ящерица раскрыла пасть и свернулась в шар.

— Он не всегда слушается, — пожаловался мальчик. — Иногда его и силой не заставить ничего сделать. Он стабилизирует себя хвостом... Хан, сядь для мистера Х!

Он дернул за поводок.

— Не надо, сынок, — сказал Гейдель. — Наверное, он устал. Мне пора идти. Может быть, мы еще встретимся.

— Может быть... Рад был вас встретить, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Гейдель перешел улицу и двинулся дальше.

Машина остановилась рядом с ним.

— Эй, вы ведь мистер Х? — спросил мужской голос.

Гейдель обернулся.

— Да.

— Мне так и показалось. Я обогнул целый квартал, чтобы увидеть вас.

Гейдель отступил от машины.

— Могу подбросить вас в любое место.

— Не надо, я уже почти пришел.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Но все равно, спасибо.

— Ну что же... Меня зовут Уайли.

Мужчина протянул руку из окна.

— У меня руки грязные, я испачкаю вас, — торопливо сказал

Гейдель, но мужчина все-таки схватил его за левое запястье, крепко сжал, убрал руку, и машина поехала дальше.

Гейделю хотелось крикнуть всему миру:

— Да оставьте вы меня в покое! Не прикасайтесь ко мне!

Он пробежал два следующих квартала. Еще одна машина притормозила, и огни осветили его, но он отвернулся и машина проехала мимо. Человек, куривший на крыльце трубку, помахал ему рукой, и даже встал, но Гейдель снова побежал и не услышал его слов.

Наконец промежутки между домами стали больше, ряд фонарей кончился, звезды засияли ярче. Дорога стала тропинкой, и холмы заслоняли уже полнеба.

Взбираясь на кручи над Италбаром, Гейдель ни разу не оглянулся.

* * *

Подавшись далеко вперед, крепко сжимая коленями костяные бока восьминогого курьяба, распустив по ветру длинные черные волосы, Джакара во весь опор скакала по холмам над Кейпвиллом. Далеко внизу, слева, город сжался под утренним зонтиком тумана. Восходящее со стороны ее правого плеча солнце пускало в туман сверкающие копья света.

Скача во весь опор, Джакара выкрикивала самые страшные проклятия на языках всех известных ей рас.

Повернув своего скакуна и осадив его так, что животное зашипело от боли, она злобно уставилась на город внизу.

— Гори! Гори, черт бы тебя побрал! Гори!!!

Но нигде не показалось языков пламени.

Она вытащила свой незарегистрированный лазерный пистолет из кобуры под курткой, направила его на ближайшее дерево и нажала на спуск. Дерево постояло, покачнулось и с треском рухнуло, разбрасывая мелкие камешки. Курьяб поднялся на дыбы, но Джакара успокоила его движением колен и ласковыми словами.

Засунув лазер в кобуру, она продолжала смотреть на город, и невысказанные проклятия отразились в этом взгляде.

Не только Кейпвилл и бордель, в котором она работала, нет, все Объединенные Лиги ненавидела она с такой страстью, что только один-единственный человек мог превзойти ее в силе этого чувства. Пусть другие девушки ходят в церковь по воскресеньям. Пусть сосут леденцы и толстеют. Пусть ублажают любимых. Джакара скачет в это время по холмам и упражняется в стрельбе.

В один прекрасный день — Джакара надеялась, что день этот настанет при ее жизни — БУДЕТ огонь, и кровь, и смерть в пылающих сердцах бомб и ракет. Она готовила себя к этому дню, как невеста к свадьбе. Когда он придет, у нее будет только одно желание — умереть во имя этого дня, но умереть, убивая.

Ей было всего лет пять, когда родители ее эмигрировали на Дейбу. Когда начался конфликт, они оказались в лагере для пере-

мещенных лиц. Будь у Джакары деньги, она вернулась бы на родную планету, но она знала, что нужной суммы не соберет никогда. Родители ее не дожили до конца войны между ОЛ и ДИНАБ, сама она стала государственным приемышем. Когда Джакара выросла и стала искать работу, то поняла, чо старое пятно не смылось. Единственное место — государственный Дом Развлечений в Кейпвилле — было открыто для нее. У нее никогда не было поклонника или друга. Она понимала, что где-то на обложке ее личного дела красным проставлен штемпель: «Возможно сочувствует ДИНАБ», а внутри этого личного дела — история ее жизни, аккуратно отпечатанная на половинке официального листа.

Ну и ладно, решила Джакара несколько лет назад, сопоставив факты. Ладно. Вы подобрали меня, рассмотрели и отшвырнули. Вы поставили на обложку красное клеймо. Я принимаю это клеймо, я не согласна только со словом «возможно». Придет время, и я стану раковой опухолью в сердце вашего цветка.

Другие девушки редко заходили к ней в комнату, в ней им становилось не по себе. Зайдя, они нервно хихикали и быстро уходили. Ни кружев и оборок, ни голографий красивых актеров — ничего этого не было в строгой келье, обиталище Джакары. Над ее кроватью висела всего одна простая фотография — узкое, хмурое лицо Малакара-Мстителя, Последнего Землянина. На противоположной стене — пара одинаковых хлыстов с серебряными рукоятками. Пусть другие девушки работают с обычными клиентами. Она брала только тех, над кем могла всласть поиздеваться, и они шли и шли к ней. Каждую ночь она говорила с Ним, и это было единственным в жизни Джакары, что хоть как-то напоминало молитву:

— Я избила его, Малакар, так же, как ты поражаешь их города, их планеты, как ты бьешь их и будешь бить снова. Помоги мне быть сильной, Малакар! Дай мне силу мучить и разрушать! Помоги мне, Малакар, пожалуйста! Убивай их!

Иногда утром Джакара просыпалась в рыданиях и не знала, почему плачет.

Она повернула курьяба и не спеша поскакала обратно. День обещал быть чудесным, и сердце ее пело, согретое радостными новостями с планеты Бланчен.

* * *

Гейдель выпил полную флягу воды и еще половину другой. Сырая полночь опустилась над его лагерем. Он повернулся на спину, сцепил руки над головой, и стал смотреть в небо. Все недавнее казалось далеким прошлым. Каждый раз, выходя из комы, он чувствовал, что жизнь начинается заново, и недавние дни казались такими холодными и плоскими, как письмо годичной давности, найденное за мусорным ведром. Он знал, что ощущение это пройдет примерно через час.

Метеор пронесся по небу, и Гейдель улыбнулся ему. Предвестник моего последнего дня на Кличе, подумал он.

Гейдель еще раз посмотрел на сверкающее хроно и убедился, что глаза не обманули его. До рассвета еще далеко.

Он потер глаза и начал вспоминать красоту леди. На этот раз она показалась ему необычайно тихой. Он редко помнил, какие именно слова были сказаны, но казалось, что сегодня их было меньше, чем обычно. Что это — пронизанная нежностью печаль? Он вспомнил ладонь на своем лбу, и капли, упавшие на щеку.

Гейдель тряхнул головой и усмехнулся. Неужели он и в самом деле сошел с ума, как подозревал много лет назад, после посещения странтрианской часовни? Принять Леди как реальную личность способен только сумасшедший.

Но с другой стороны...

С другой... Как объяснить сон, возвращающийся вот уже целое десятилетие? По правде говоря, это не совсем сон. Только главные действующие лица и обстановка оставались прежними. Диалоги менялись, настроения тоже. Но каждый раз любовь вела его туда, где царит мир. Наверное, стоило бы повидать психиатра, но только в том случае, если он захочет избавиться от сновидений. Но он не хотел. Проводя большую часть времени в одиночестве, кому он опасен? Зачем лишать себя одного из немногочисленных удовольствий? Тем более, что состояние его не ухудшается...

Несколько часов лежал так Гейдель и думал о будущем. Он видел, как посветлело небо и одна за другой погасли звезды. Ему всегда интересно было — что же происходит на других планетах? Давненько он не настраивался на Центральные Новости...

Когда восход расколол мир на две части, Гейдель поднялся, обтер себя мокрой губкой, подровнял ножницами бороду, оделся. Потом он позавтракал, упаковал вещи, взвалил рюкзак на спину и пошел вниз по тропе.

Через час он уже был в пригородах Италбара.

Переходя улицу, он услышал, как на одной ноте бьет и бьет колокол.

Смерть! — говорил колокол. Похороны. Гейдель пошел дальше.

Потом он услышал вой сирены, но не остановился и не полюбопытствовал, откуда он доносится.

Он дошел до магазинчика, в котором ужинал много лет назад. Дверь его была закрыта, и к ней прикреплена черная бумажка.

Гейдель уже понял, что случилось, и панический страх овладел им.

Он подождал, пока похоронная процессия пройдет по улице, которую он собирался перейти. Катафалк едва тащился.

Они все еще хоронят своих мертвецов, удивился Гейдель. Просто смерть, умер человек... вот и похороны...

Кого я хочу обмануть?

Он пошел дальше, и какой-то человек плюнул на землю, на которую ступала нога Гейделя.

Снова? Да что же я такое?

Он медленно шел по улицам, приближаясь к аэропорту.

Если смерть — дело моих рук, то как жители Италбара узнали об этом так быстро?

По какому праву обвиняют они МЕНЯ?

Гейдель посмотрел на себя глазами горожан. Кто он такой? Отмеченное богами существо, внезапно оказавшееся в гуще городской жизни. Они благоговеют, но боятся. Он задержался среди них недопустимо долго — на целый день. Столетие назад.

Гейдель шел по улицам, отклоняясь вправо.

Какой-то мальчишка закричал:

— Вон он! Это Х!

Гейдель не стал отрицать этого, но тон, каким была произнесена фраза, заставил его пожелать, чтобы аэрокар прилетел за ним куда-нибудь в другое место.

Он шел, а мальчишка и еще несколько взрослых пошли за ним.

Но она жива, сказал себе Гейдель. Это я подарил ей жизнь.

Огромная победа.

Он прошел мимо авторемонтной станции, и мужчины в голубых комбинезонах сидели, прислонив свои стулья к кирпичной стене. Они не сдвинулись с места. Они сидели, курили, и молча провожали его глазами.

Колокола звонили. Люди выходили из домов и смотрели на проходящего мимо них Гейделя.

Да, я задержался слишком долго, решил Гейдель. Я не хотел пожимать ничьих рук. В больших городах я никогда не сталкивался с такими трудностями — меня привозили и увозили в управляемой роботом герметичной машине, которую потом стерилизовали; мне предоставляли целую палату, которую потом тоже стерилизовали; я встречался всего с несколькими людьми, да и то сразу после катарсиса. Много лет прошло с тех пор, как я работал в городке столь малом. Я потерял осторожность, и виноват в этом. Все было бы в порядке, не заговори я после ужина со стариком.

Все могло бы быть ХОРОШО.

Я потерял осторожность.

Он увидел, как грузят гроб на катафалк. За углом ждал своей очереди еще один.

Значит, это не чума..? Пока... При эпидемии трупы сжигают, а люди стараются не выходить на улицу.

Гейдель обернулся, заранее зная, что увидит за спиной.

Толпа, идущая за ним по пятам, выросла, а в ее гуле он ясно расслышал первую букву своего имени. И не один раз.

Мимо ползли машины. Гейдель не смотрел на них, но чувствовал, что сотни глаз смотрят на него.

В центре города он прошел по крохотному бульварчику, украшенному позеленевшей от времени статуей какого-то местного героя-патриота-благодетеля.

Он услышал выкрик на языке, которого не знал, пошел быстрее, и шаги за его спиной стали громче, словно толпа еще увеличилась.

Что это были за слова? — подумал Гейдель.

Он прошел мимо церкви. Колокол невыносимо бил в уши. Сзади громко выругалась женщина.

Страх рос. Солнце родило чудесный день в Италбаре, но Гейдель уже не замечал его прелести.

Он повернул направо и пошел к аэропорту. До него оставалось еще три четверти мили. Голоса стали громче; они адресовались не Гейделю, но говорили о нем. Некоторые слова он разбирал, и одним из них было: «убийца».

Гейдель шел, и во всех выходивших на улицу окнах видел обращенные к себе лица. Спасаться бегством — бессмысленно. Какая-то машина свернула к нему, притормозила, и тут же с ревом унеслась прочь.

Люди знали — ЭТО сделал ОН. Он был героем, стал негодяем. И этот проклятый, примитивный суеверный страх, окутавший город! Все эти упоминания о богах, талисманах, удаче добавились к чему-то, что заставило Гейделя ускорить шаги. Теперь он ассоциировался в сознании жителей Италбара с демонами, но не с богами.

Если бы он не сидел так далеко за ужином, если бы не останавливался на улицах...

Мне было так одиноко, сказал себе Гейдель. Веди я себя, как раньше, эпидемии не было бы. Но я так одинок...

Он услышал громкий крик: «Х!», но не обернулся.

Мальчишка, стоявший у мусорного бака в переулке, выстрелил в Гейделя из водяного пистолета.

Он вытер лицо. Колокола, не умолкая, изливали звуками скорбь.

Когда Гейдель переходил очередную улицу, кто-то щелкнул в его сторону окурком. Он наступил на окурок и остановился. Толпа преследователей остановилась в полуметре от него. Кто-то толкнул его, ударил. Локтем в почки. Или кулаком. Потом его толкнули еще несколько раз, и еще несколько раз он услышал: «Убийца!»

Гейделю приходилось сталкиваться с подобным и раньше, но эти воспоминания не согревали его душу.

— Что ты собираешься делать дальше, мистер? — крикнул кто-то.

Он не ответил.

— Заразить побольше народу?

Он не ответил, но услышал, как сзади закашлялась женщина — громко, натужно.

Гейдель обернулся — ведь теперь он был чист и мог помочь...

Женщина стояла на коленях и плевалась кровью.

— Пустите меня к ней, — сказал Гейдель, но толпа не расступилась.

Упершись в стену человеческих тел, он смотрел, как женщина умирает... или теряет сознание... нет, все-таки умирает.

Понадеявшись на то, что внимание толпы отвлечено, он попробовал уйти. Дошел до перекрестка, побежал.

Толпа бросилась за ним.

То, что он побежал, было ошибкой, потому что тут же он почувствовал первый удар, нанесенный не рукой. Камнем.

Камень запрыгал по тротуару. Он только задел плечо Гейделя, не причинив особого вреда. Но все равно, зловещий признак...

Побежав, он уже не мог остановиться. Скорость требовала еще большей скорости. Гейдель сбросил рюкзак и рванулся вперед.

Камни посыпались дождем. Один коснулся кожи на голове, взлохматив волосы.

— Убийца!

Что бы им дать? — подумал Гейдель.

Он перебрал в уме свои запасы, раздумывая о возможном подкупе. Раньше ему удавалось иногда откупиться. Но сегодня, кажется, ситуация вышла из-под контроля.

Камень пролетел мимо и ударился о стену. Следующий попал в руку, причинив резкую боль.

У Гейделя не было никакого оружия, ему нечем было отвратить внимание обезумевшей толпы. Массовый психоз, уверенно поставил он диагноз.

Камень просвистел над ухом.

— Изверг!

— Вы не понимаете, что творите! — крикнул Гейдель. — Это всего лишь несчастный случай!

Почувствовав влагу на шее, он коснулся ее пальцами, и увидел, что это — кровь.

Еще один удар...

Нырнуть в какой-нибудь магазин? Укрыться в месте, где делается бизнес? Он огляделся, но все было закрыто.

Где же полиция?

Несколько камней почти одновременно больно ударило в спину. Гейдель чуть не упал.

— Я пришел помочь вам... — начал он.

— Убийца!

Еще несколько ударов. Гейдель упал на колени, поднялся, снова побежал. Еще удары, но он, спотыкаясь, бежал, высматривая убежище.

Еще камень. Гейдель упал, но на этот раз не смог быстро подняться. Он почувствовал несколько пинков, и кто-то плюнул ему в лицо.

— Убийца!!!

— Ради бога... Выслушайте меня! Я все объясню!

— Твое место в аду!

Гейдель дополз до стены, и толпа сгрудилась вокруг него.

Пинки, плевки, камни.

— Пожалуйста... Я сейчас совершенно чист!

— Мерзавец!

Тут пришла ярость. Они не имели никакого права ИСПОЛЬЗОВАТЬ его. Он явился в их город с благороднейшей целью. Сколько трудностей он преодолел, пока добрался до Италбара! И вот, осыпаемый проклятьями, он истекает кровью на улице Италбара. Кто они такие, чтобы судить его? Злоба овладела всем его существом, и он подумал, что будь это в его власти, он раздавил бы их всех.

Ненависть, чувство, доселе почти неизвестное Гейделю, наполнила его мозг холодным огнем. Зачем нужна была ему последняя катарсис-кома?

Пинки, камни.

Гейдель закрыл локтями живот, ладонями — лицо, и терпел.

— Вы уж лучше убейте меня,— сказал он себе.— Потому что, если вы оставите мне жизнь, я вернусь.

Когда в последний раз испытывал он ненависть? Он не хотел вспоминать, но память вернулась.

Храм. Странтрианская часовня. Да, там было что-то сродни ненависти... Нет, именно ненависть! Удивительно, что он не понял этого еще тогда...

Гейделю сломали ребра, вывихнули правое колено, выбили несколько зубов. Кровь и пот заливали глаза. Толпа не расходилась, и он не понял, в какой именно момент времени прекратилось избиение.

Наверное, им показалось, что Гейдель мертв, потому что он лежал совершенно неподвижно. А может быть, они просто устали, или устыдились. Он так никогда и не узнал этого.

Скорчившись, он лежал на тротуаре, лицом к стене, которая так и не раздалась, чтобы дать ему убежище. Он был один.

Слышались отдаленные голоса, шарканье ног.

Он закашлялся и выплюнул кровь.

Ладно, подумал он. Вы хотели убить меня, и полагаете, что достигли своей цели. Но вы ошиблись. Я все еще жив. Не просите у меня ни прощения, ни милости. На этот раз вы ошиблись.

Гейдель потерял сознание.

Дождь, тихо падающий на лицо, привел Гейделя в чувство. Полдень уже наступил. Каким-то образом он оказался в боковой аллее. Он не помнил, как полз, но ясно было, что никто не помогал ему.

Сознание снова покинуло Гейделя, а когда оно вернулось, небо уже почернело.

Он весь промок, а дождь не прекращался... Он облизнул губы.

Сколько прошло времени? Гейдель подтянул запястье к глазам, но хроно, естественно, разбился. Тело же его говорило о том, что прошли века.

Ладно.

Они били его.

Ладно.

Он сплюнул, и постарался рассмотреть, не кровь ли растворяется в луже.

Да вы знаете, кто я такой?

Я пришел к вам, чтобы помочь. И ведь помог. А если я, помогая, явился причиной нескольких смертей, неужели вы думаете, что я сделал это намеренно?

Нет?

Тогда ПОЧЕМУ?

Я знаю.

Мы делаем что-то, потому что ЧУВСТВУЕМ, что иначе нельзя. Эмоции, благородные порывы иногда увлекают нас. Как меня, например...

Наверное, я заразил не одного из тех, с кем встречался.

Но умирать... Неужели я способен умертвить другое человеческое существо?

Нет. До сегодняшнего дня — нет.

Но вы показали мне изнанку жизни.

У меня тоже есть чувства, но теперь они текут по другому руслу. Вы избили меня до полусмерти, а ведь я хотел только добраться до аэропорта.

Ладно.

Я стал вашим врагом. Посмотрим, умеете ли вы умирать столь же бесшабашно, как и убивать.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ ОБО МНЕ?

Я — ХОДЯЧАЯ СМЕРТЬ.

ПОКОНЧИЛИ СО МНОЙ?

ОШИБАЕТЕСЬ.

Я ПРИШЕЛ ПОМОЧЬ.

Я ОСТАНУСЬ УБИВАТЬ!

Много часов лежал Гейдель под дождем, прежде чем смог подняться на ноги.

* * *

Доктор Пеле размышлял о нависшем над ним мире.

У них оказалось кое-что для него. Они навели его на след.

Дейбианская лихорадка. Вот с чего все началось. Вот что выведет его на человека, обозначенного «Х». И теперь, когда ночь без конца, включающая дни без счета, текла вокруг него, другие мысли приходили и уходили, задерживаясь, оставаясь.

Х. Х. Х.

Х — больше, чем ключ к МВАЛАХАРАН КХУРР... Само присутствие Х вылечивало большинство болезней.

Не это ли настоящая причина того, спросил себя доктор Пелс, что я пренебрег результатами двадцатилетнего труда и предпочел именно этот подход? Х не может жить вечно, а я могу — вот так. Не изменяю ли я в данном случае благородным идеалам науки?

Он подготовил свой «Би Колли» к подпространственным прыжкам. Потом перечитал последние записи.

Мелодия «Смерть и преображение» обволакивала его своими звуками.

* * *

Гейдель проснулся. Он лежал в канаве. Поблизости никого не было. Утро еще не наступило. Земля была сырой, кое-где — грязные лужи. Но дождь кончился.

Он прополз немного, встал на ноги, покачнулся.

И пошел вперед, к летному полю, куда шел раньше. Он хорошо помнил его расположение — видел, когда прогуливался по городу в тот день, когда отдал на анализ свою кровь... когда же это было?

Дотащившись до проволочной ограды, он поискал глазами сарай, замеченный им раньше.

Вот он...

Сарай оказался незапертым, а внутри нашелся теплый угол. В углу этом валялись тряпки, прикрывавшие ранее что-то неизвестное. Тряпки были пыльные, но это не имело значения, пыль или не пыль, он и так кашлял.

Еще пара дней, сказал себе Гейдель. Пусть начнут затягиваться раны.

* * *

Малакар следил за новостями. Он включил радио, послушал, выключил. Обдумал их, переварил, включил радио снова.

«Персей» проскочил систему солнц...

Он задремал, слушая сводки погоды со ста двадцати планет. Новости утомили его. В дремотном состоянии он поразмышлял немного о сексе, не прислушиваясь к программе с Прурии.

Он несся вперед. Корабль шел в режиме гипердрайва, и будет идти так, пока не доберется до дома.

— *Мы сделали это,* — сказал Шинд.

— *Сделали,* — ответил Малакар.

— *А мертвые?*

— *Когда сядем в родном порту, сделаем зарубки на палочках.*

Шинд не ответил.

Глава 2

В самой высокой башне самого большого некогда космопорта сидел он, человек, восставший против Империи.

Идиотизм? спросил он себя. Нет, потому что за мной бессмысленно охотиться.

Глядя вниз, на океан, ставший на секунду видимым, он охва-

тил мысленным взглядом все бушующие мили расстояния, лежащие за Манхэттенской Цитаделью — его домом.

Могло быть и хуже.

Хуже?

В порту пусто, и ты бессмысленно сучишь пальцами... Глядя на воды, он следил, как гигантский клуб дыма затмевает их, подобно раскрывающемуся вееру.

Когда-нибудь, может быть...

Доктор Малакар Майлс был единственным обитателем Земли, ее монархом, властелином. Никому другому Земля была просто не нужна.

Он смотрел вниз. Сферическое окно открывало ему вид на половину того, что осталось от Манхэттена.

Дымок превратился в огромное облако, и зеркало, установленное под нижним углом, показало Малакару оранжевое пламя.

Оно сверкало.

Его экраны поглотили сверкание.

Оно горело, оно излучало радиацию.

Экраны поглотили и это тоже.

Были времена, когда он обращал внимание на такие мелочи.

Он посмотрел вверх и увидел мертвую луну в первой четверти.

Малакар ждал три секунды, десять.

Появился корабль, и он вздохнул.

— *Моему брату плохо,* — сказал Шинд.— *Ты даешь ему еще лекарства?*

— *Да.*

— *А вот этого надо было ожидать. Берегись.*

Перед тем, как уйти в лабораторию, Малакар еще раз посмотрел на то, что было когда-то сердцем Нью-Йорка. Ненасытные серебристые лианы с длинными, жесткими листьями обмотали нижние этажи убитых зданий. Дым исчернил их, иссушил. Но они продолжали расти. Малакар видел, как они растут. Человек уже не мог жить в этих кирпичных каньонах.

Без всякой причины Малакар нажал кнопку, и ядерная ракета малой мощности распылила здание на несколько миль от его башни.

— *Я дам твоему брату каранин. Он подстегнет дыхание.*

— *Но не только, он сделает еще много хорошего.*

— *Да.*

— *Значит, нужно его дать.*

— *Сходи и принеси его в лабораторию.*

— *Сейчас.*

Малакар еще раз оглядел свое королевство и пятна океана, видимые сквозь дым, потом спустился с верхней палубы. Единственный обитатель планеты, он не ощущал к ней ни родительской привязанности, ни сыновней почтительности, ни отвращения.

Шахта вынесла его на нижний уровень цитадели. В коридоре он для проверки пересек три луча сигнальных систем. Войдя в лабораторию, он увидел, что Тув, брат Шинда, уже ждет его.

Малакар достал лекарство из распределителя в стене и впрыснул его в тело малыша.

Подождал. Минут десять.

— *Как он?*

— *Жалуется на болезненность укола, но ему лучше.*

— *Хорошо. Теперь отвлекись и расскажи мне, зачем пожаловал Морвин.*

— *Он твой друг. И мой тоже. С давних пор.*

— *Так почему ты говорил: «берегись»?*

— *То, что он несет с собой, может оказаться опасным для тебя.*

— *Что именно?*

— *Скорее всего, информация.*

— *Новости, которые могут убить меня? У радикалов с ОЛ с их ракетами ничего не получилось... Так что там у Морвина?*

— *Не знаю. Я говорю как представитель расы, способной изредка улавливать фрагменты будущего. Иногда я ЗНАЮ. Мне это снится. Но я не понимаю, как это происходит.*

— *Ладно... Опиши состояние брата.*

— *Дыхание немного затруднено, но сердце работает свободнее. Мы благодарим тебя.*

— *Значит, снова получилось. Хорошо.*

— *Не хорошо. Я вижу, что жизнь его подойдет к концу через два запятая восемь земных года.*

— *Что от меня требуется?*

— *Со временем — более сильные лекарства. Ты добр, но нужно будет стать еще добрее. Возможно, специалист...*

— *Мы можем позволить себе это. Мы раздобудем ему лучшего специалиста. Расскажи что еще плохо.*

— *Скоро начнут разрушаться стенки кровеносных сосудов. Это в полной мере проявится примерно через шестнадцать земных месяцев. Потом ухудшение пойдет быстрее. Не знаю, что я буду тогда делать.*

— *Тогда все будет зависеть от моей заботы, и я обещаю, что не стану медлить. Поговори с ним и успокой.*

— *Именно этим я сейчас и занимаюсь.*

— *Включи меня.*

— *Момент...*

... и в мозг недоразвитого ребенка, но более чем недоразвитого. Захваченный потоками, втянутый внутрь, Малакар видел и ощущал...

... все, что когда-то видели эти глаза, осталось; и уж Малакар позаботился о том, чтобы видели они как можно больше.

Такой бесценный инструмент не выбрасывают только потому, что счет от доктора оказался слишком велик.

Малакар обозрел этот погруженный во мрак мозг, двинулся сквозь него. Шинд поддерживал связь. Карты неба и планет, миллионы с раниц, лиц, сцен, диаграмм. Пусть идиот ничего не пони-

мает, но в мозгу его все, что видели эти желтые глаза, нашло свое место. Малакар двигался осторожно.

Нет уж, никогда не откажется он от этого идеального склада в мохнатой голове.

Внезапно вокруг него зазвенели чувства. Малакар оказался вблизи центра боли и страха смерти — не вполне представляемой, и потому более ужасной — кипящего, кошмарного места, где полусформировавшиеся образы ползали, извивались, горели, кровоточили, замерзали, растягивались и рвались. Что-то внутри его самого отразило эти чувства. Это был первобытный ужас создания божьего, противостоящего пустоте, пытающегося заселить эту пустоту ужаснейшими порождениями замутненного сознания. Чаще всего это удавалось с блеском...

— *Шинд! Вытащи меня!!!*

... и вот он снова в своей лаборатории, рядом с раковиной.

Оказался ли приобретенный опыт полезным?

Малакар решил, что — да.

— *Дозу я буду повышать как можно медленнее. Не разрешай ему напрасно мучить себя.*

— *Тебе понравилась его память?*

— *Ты чертовски прав, понравилась, и я сделаю все, чтобы сохранить ее?*

— *Хорошо. Оценка продолжительности его жизни может оказаться несколько завышенной.*

— *Я буду ориентироваться на нее... Расскажи мне побольше про Морвина.*

— *Он в глубоком беспокойстве.*

— *Как и все мы, правда?*

— *Скоро он приземлится и придет сюда. Мне кажется, его гнетет страх, посеянный людьми из того места, которое ты ненавидишь.*

— *Скорее всего. Ведь он живет среди них.*

Малакар мельком глянул на открывшиеся перед ним картины Земли.

Он включил экраны, которые показывали большую часть поверхности планеты, только чтобы протянуть эти несколько минут, и скоро выключил их, потому что изменившиеся очертания континентов утомляли его. Житье на вулкане, только потому, что это место было когда-то дорого, приучило его к худшему из того, что могли показать экраны. Земля еще многое значила для Малакара, но он не в силах был изменить ее нынешний облик...

Он проследил за кораблем, за тем, как из него выходит Морвин, и нацелил на него несколько оборонительных систем.

Что же я делаю? — задумался он. Ведь должен же человек хоть кому-нибудь доверять!

Тем не менее он следил за Морвином, пока тот не приблизился к воротам цитадели, и вел над ним шар, из которого в любую секунду готова была пролиться огненная смерть.

Одетая в космический скафандр фигура остановилась, и Мо-

рвин посмотрел вверх. Нажатием кнопки на обширной панели Малакар убрал шар.

Замигала белая лампочка, и он повернул верньер, впустив треск статических разрядов и голос:

— Сэр, я пришел только за тем, чтобы сказать «Привет!» Если вы хотите, чтобы я ушел, я уйду.

Малакар тронул другую кнопку.

— Нет. Заходи. Это всего лишь меры предосторожности.

Но он продолжал следить за каждым шагом Морвина, вводя данные о его передвижении в боевой компьютер. Он просветил Морвина рентгеном, взвесил его, измерил пульс и кровяное давление, снял энцефалограмму. Он ввел эти данные в другой компьютер, который проанализировал их и вернул в боевой.

РЕАКЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ — вспыхнуло на дисплее, как он того и ожидал.

— *Шинд? Что скажешь?*

— *Я сказал бы, что он и в самом деле хочет поздороваться.*

— *Хорошо.*

Малакар открыл ворота своей крепости, художник вошел в огромный холл и уселся на плавающий диван.

Раздевшись, Малакар ступил в туманную завесу, которая за время прохождения помыла и побрила его. В гардеробной Малакар быстро оделся, спрятав на теле всего несколько видов обычного оружия. Потом он спустился на нижний уровень и вошел в холл с другой стороны.

— Привет,— сказал он.— Как дела?

Морвин улыбнулся.

— Здравствуйте, сэр. В кого это вы стреляли, когда я снижался?

— В призраков.

— О? Ну и как? Попали?

— Ни разу... К сожалению, на Земле нет больше виноградников, но у меня еще остались кое-какие запасы их даров. Не против?

— Конечно, нет.

Малакар налил два бокала и передал один Морвину.

— Глоток за твое здоровье. Потом — обед.

— Спасибо.

Бокалы звякнули.

* * *

Гейдель встал. Потянулся. Лучше. Значительно лучше. Он проверил свои руки, ноги. Кое-где еще болело... Кое-какие мышцы свело — он помассировал их. Повертел головой из стороны в сторону.

Потом подошел к грязному окну сарая и выглянул на улицу.

Длинные тени. Снова вечер.

Гейдель рассмеялся.

Перед его полусонными глазами проплыло печальное синее лицо.

— Прости меня, Леди,— сказал он, уселся на ящик и стал дожидаться ночи.

Он чувствовал, как сила поет в его болячках, и в новой, незаживающей язве на правой ладони.

До чего же хорошо!

* * *

В ожидании колокола Дейлиг с Диглы, как то было в его обычае, размышлял. Он сидел на балконе, наполовину прикрыв веками глаза, и не замечал океана, к которому было обращено его лицо.

Случилось то, к чему долгое служение богам не смогло подготовить его. Он никогда не слышал ни о чем подобном, хотя религия, обряды которой он отправлял, была весьма многообразной и чрезвычайно древней.

Невозможно не представить этот феномен галактического масштаба вниманию Имен. Но Имена странно безразличны к делам своих храмов. В основном Носители Имен общались друг с другом по делам, касающимся украшения планет, в которых почти все они принимали участие.

Не будет ли наглостью с его стороны обратиться непосредственно к одному из Тридцати Трех Живущих?

Вероятно.

Но если они пребывают в неведении, разве не его долг обратить их взгляд в нужном направлении?

Он размышлял. Он размышлял долго.

Когда прозвенел колокол, он встал и пошел к передатчику.

* * *

Нечестно, решил Гейдель, хотя именно этого он хотел, и теперь это казалось ему совершенно необходимым. Но в то время, когда он предпринял необходимые действия, у него были другие намерения, и это обстоятельство отняло у случившегося пикантность, вкус, который в противном случае был бы куда слаще.

Он шел по улицам Италбара. Нигде не было света. Ничто не двигалось под сверкающими звездами.

Он снял вывеску, извещавшую о карантине, посмотрел на нее, разорвал, уронил клочки на землю, и пошел дальше.

Он хотел прийти ночью, измазать дверные ручки гноем своих язв, провести скрюченными пальцами по перилам, залезть в магазин и плевать на пищу.

Где они все? Умерли, умирают, разбежались. Город ничем не напоминал тот Италбар, каким Гейдель увидел его в первый вечер, с холмов. Тогда у него были другие намерения...

Он искренне сожалел о том, что оказался орудием смерти случайно, а не по своей воле.

Но будут другие Италбары... и планеты, полные Италбаров.

На перекрестке, где мальчик пожал Гейделю руку, он остановился и вырезал себе посох.

На месте, где мужчина предложил подвезти его, он остановился и плюнул на тротуар.

Прожив столько лет в одиночестве, Гейдель чувствовал, что понимает природу человека лучше тех, кто прожил всю жизнь в городах. Видя, он мог судить.

Сжимая посох, он вышел из города в направлении холма. Ветер развевал его волосы и бороду, звезды Италбара сияли в его глазах.

Он улыбался.

* * *

Малакар поудобнее вытянул свои обвешанные оружием руки и ноги, подавил зевок.

— Еще кофе, Морвин?

— Спасибо, капитан.

— Значит, ОЛ хочет разжечь старые страсти и использовать меня, как предлог? Прекрасно.

— Мне это было представлено несколько иначе, сэр.

— В итоге получается одно и то же.

Не могу я доверять тебе, решил Малакар, хотя сам ты считаешь, что заслуживаешь доверия. Ты был прекрасным заместителем, и всегда нравился мне. Но артистические натуры никогда не отличались надежностью. Ты ушел туда, где покупают твои картины. С этим твоим телекинезом, направь его на ядерный реактор, мы смогли бы снова поработать вместе. Плохо... Почему ты не куришь ту трубку, что я подарил тебе?

— *Он думает сейчас именно об этом,*— сказал Шинд.

— *О чем он еще думает?*

— *Информация, которой я боялся, не выделяется среди его мыслей. А если как-то и выделяется, я не могу признать ее опасной.*

— Морвин, мне хотелось бы попросить тебя об одолжении.

— Сэр?

— Это касается тех сонных шаров, которые ты делаешь...

— Да?

— Мне хочется иметь такой же.

— Был бы рад, но у меня нет с собой нужного оборудования. Знай я, что вы заинтересуетесь, я бы...

— Мне понятен сам принцип твоего искусства и, вполне вероятно, что оборудования МОЕЙ лаборатории нам должно хватить...

— Нужны еще наркотики, телепатическая связь... сам шар.

— ... сам я — доктор медицины, мой друг — телепат, он мо-

жет и передавать и посылать мысли. Что касается шара, мы его сделаем.

— Что ж, интересно будет попробовать.

— Отлично. Почему бы нам не начать... прямо сейчас?

— Не возражаю. Знай я о вашем интересе раньше, я и сам давно предложил бы свои услуги.

— Я задумался об этом совсем недавно, а сегодняшний день ничем не хуже любого другого.

* * *

Гейдель путешествовал сквозь джунгли Клича. На лодке он проплыл по реке Барт сотни миль, останавливаясь в деревнях и маленьких городках.

Внешне он теперь и в самом деле напоминал святого подвижника — казался выше и сильнее, глаза его и голос привлекали внимание толпы. Одежда его превратилась в лохмотья, спутанные грязные волосы развевались по ветру, тело покрылось бесчисленными язвами, гнойниками, опухолями, неприятного цвета пятнами. Он проповедовал, и люди слушали его.

Он проклинал людей. Он говорил о жажде насилия, изначально живущей в их душах и о зле, формирующем глубины сознания. Он говорил о человеческих преступлениях, взывающих о правосудии, и возглашал, что правосудие свершилось. Он говорил, что акт покаяния лишен всякого смысла, и убеждал людей провести оставшиеся часы в устройстве своих дел. Никто не смеялся, услышав эти слова, хотя потом многие улыбались.

Кое-кто, однако, повиновался.

Возвещая таким образом День Уничтожения, Гейдель шел от деревни к городу, от города к столице; и ни одно его пророчество не осталось неисполненным.

Немногие оставшиеся в живых начали считать себя, по какой-то смутной причине, избранными. Но избранными КЕМ, или ЗАЧЕМ, они не имели ни малейшего представления.

* * *

— Я готов,— сказал Малакар.

— Хорошо,— согласился Морвин.— Начнем.

Какого черта ему нужно? спросил он себя. Капитан никогда не был склонен к самоанализу, к каким бы то ни было эстетическим чувствам, и вдруг ему захотелось обзавестись в высшей степени личным произведением искусства. Неужели он изменился? Нет, надеяться на это было бы ошибкой. Его вкус в украшении своего обиталища остался ужасным, и ничто в его убранстве не изменилось со времени моего последнего посещения. Его намерения, планы, желания не претерпели изменений. Нет. Его просьба диктуется отнюдь не эмоциями. Тогда чем же?

Морвин следил, как Малакар впрыскивает себе в руку прозрачную жидкость.

— Что это за наркотик? — спросил он.

— Просто слабый галлюциноген. Подействует через несколько минут.

— Но, капитан, вы еще не объяснили мне, к чему готовиться... что, так сказать, воплощать.

— Этим я только облегчаю твою задачу, — сказал Малакар, укладываясь на кушетку. — Я скажу — через Шинда — когда все будет готово. Тебе останется только ударить по кнопкам и запечатлеть именно то, что сформируется к тому моменту в моем сознании.

— Это подразумевает участие в процессе вашего СОЗНАНИЯ и непременно приведет к ослаблению силы и четкости видения. Поэтому, сэр, я предпочитаю пользоваться своими собственными медикаментами.

— Не волнуйся, образ будет ясным и четким.

— Сколько придется ждать, пока видение достигнет необходимой четкости?

— Минут пять. Оно придет внезапно, но останется достаточно долго, чтобы ухватить его.

— Постараюсь, сэр.

— Постарайся, Морвин. Это приказ. Я уверен, что таких сложных заказов у тебя еще не было. Но я хочу, когда проснусь, увидеть перед собой законченную работу.

— Слушаюсь, сэр.

— Почему бы тебе ненадолго не расслабиться?

— Да, сэр.

— *Шинд?*

— *Я здесь, капитан. Он все еще в недоумении, не понимает, почему вам захотелось этого, и что это будет такое. Не будучи в состоянии ответить на эти вопросы, он решил обойти их. Скоро я все узнаю, говорит он себе, хочет успокоиться и выполнить приказ. Он очень напряжен — ладони потеют, и он вытирает их о брюки. Пытается контролировать свое дыхание и частоту сердечных сокращений. Успокаивается. Поверхностные мысли теряют интенсивность... Вот! Он делает со своим мозгом что-то, чего я не могу понять. Очевидно, готовит себя к появлению своего необычного таланта. Теперь он по-настоящему спокоен, и сознает это. В нем не осталось ни эрга напряжения... он может позволить себе мечтать. Всплывают непрошеные мысли, и так же легко уходят. Завитки, клубочки, ничего особенно выдающегося.*

— *Не ослабляй внимания.*

— *Подождите! Что-то... что-то...*

— *Что?!*

— *Шар... это каким-то образом связано с шаром...*

— *С каким? С тем, который мы сделали?*

— *Нет, этот шар — только предлог, он успокоился, и мозг его спокойно странствует... Шар... другой шар, другой...*

— На что он похож?

— Большой, на фоне звезд. Внутри...

— Что?

— Человек. Человек мертв, но двигается. Вокруг него много всякого медицинского оборудования. Шар — звездолет... Би Колли...

— Пелс. Мертвый доктор. Экзопатолог. Я читал его статьи. Ну и что?

— Для Морвина — ничего, но образ уже ушел, и снова возникли клубящиеся мысли. Тут есть кое-что для меня... то, что мне снилось. О чем я предупреждал тебя... те самые новости, или что-то, с ними связанное.

— Я узнаю, что это такое.

— Только не от Морвина, он сам ничего не знает. Мысли Морвина говорят только о том, что существует некоторая информация, которую можно получить вместе с новостями о Пелсе. Я... Капитан, простите меня! Я оказался невольным их пособником! Это как в моем сне, несколько недель назад. Путь к трагедии пролегает не через Морвина... через Пелса! Лучше бы я промолчал! Избегайте всего, что связано с мертвым доктором!

— Странно. Совершенно непонятный поворот событий... Но мы раздобудем нужную информацию и осмыслим ее позже. Давай теперь займемся нашим «сном».

— Подождите, капитан. Не будет никакого «позже». Гоните Пелса из мыслей и никогда не вспоминайте о нем!

— Не сейчас, Шинд. Помоги мне покопаться в воспоминаниях твоего брата.

— Хорошо. Я помогу. Но...

— Давай, Шинд!

И вот Малакар снова там, он идет по коридорам библиотеки, по коридорам чужого мозга. Все, что когда-либо испытывало это создание, от слабых дородовых ассоциаций до восприятия текущего момента времени, лежало перед ним. Но он искал тот печальный, воспаленный узел сознания, близ которого побывал раньше. Обнаружив его, Малакар подошел поближе, и попробовал поглубже проникнуть туда, где смешались боль, смерть и ужас. Это был сон, который снился Туву раньше, но память несчастного сохранила его, как и все другие. Сны эти висели на стенах картинной галереи его агонии. Закрученное штопором пятно, две струи — извивающиеся ноги; все существо пронизано светящимися линиями, напоминающими хвост зеленой кометы; слабое световое пятно заполняло размытый, напоминающий человеческое лицо контур — ничего подобного Малакар никогда не видел — ужасное лицо — маска пребывающего между жизнью и смертью. Красные слезы стекали с этого лица на серебристый хрустальный пейзаж... или на языки серебристого пламени. В центр жуткого изображения и швырнул Малакар звездную карту Объединенных Лиг, и каждое солнце в ней было таким слабым, что казалось клеточкой умирающего тела...

— ДАВАЙ, ШИНД!

Морвин пронзительно закричал.

Малакар знал, что тоже кричит, но не мог остановиться, пока Шинд не вытащил его из мозга умирающего.

Потом, подобно молнии, ударила тьма.

* * *

Планета, именуемая Клич, исчезала позади. Через несколько часов Гейдель сможет выйти из системы и нырнуть в подпространство. Он отвернулся от пульта управления и из деревянного ящичка вытащил тонкую сигару. Ящик этот он взял в магазинчике, за прилавком которого лежал мертвец, в космопорту, полном мертвецов.

На этот раз все произошло значительно быстрее — эпидемия почти мгновенно охватила огромную территорию. Что же это было такое? Гейдель даже не узнал симптомов. Неужели организм его стал источником, рождающим новые болезни?

Он зажег сигару и улыбнулся.

Язык Гейделя распух, глаза пожелтели. Очень мало здоровой кожи осталось на его теле. Весь он превратился в пеструю массу болячек и опухолей.

Гейдель улыбался и выпускал струйками дым, пока глаза его не упали на отражение в выключенном боковом экране.

Улыбка исчезла. Он отложил сигару и, всматриваясь в свое лицо, наклонился поближе к экрану. После Италбара, где все началось, он впервые видел свое лицо.

Он рассмотрел все линии, места, похожие на ожоги, черные рубцы, пересекавшие щеки.

Какой-то внутренний импульс возник именно в этот момент для того, чтобы собрать в кулак все его внутренности.

Тяжело дыша, Гейдель отвернулся от экрана. Руки его тряслись.

Для достижения желаемого эффекта мой внешний вид не обязательно должен быть столь отталкивающим, решил он. Три недели в суб-про, прежде чем я долечу до Вершины. Можно подлечиться и очиститься.

Гейдель снова сунул в рот сигару и запыхал ею. Левую руку он положил так, чтобы не видеть ее. Ни разу больше не взглянул он на боковой экран.

Корабль вошел в режим гипердрайва. Гейдель включил передний экран и принялся рассматривать звезды. Они вращались вокруг некой точки, находящейся строго по курсу: некоторые — по часовой стрелке, некоторые — против. На мгновение Гейделю представилось, что это Вселенная вращается вокруг него.

Потом он откинул спинку кресла, закрыл глаза и отправился в долгий путь по тропинке, на которую не ступал со времен Италбара.

...Быстрой походкой сквозь туман.

Синева, синева, синева. Синие цветы, похожие на змеиные головы. Экзотические запахи. Голубая луна над головой, голубые лианы поперек звезд.

Вверх, в сад...

Синие насекомые роились вокруг и, когда он взмахнул рукой, чтобы отогнать их, увидел руку.

Что-то не так, решил он. Стоит мне явиться сюда, и я становлюсь единым целым.

Он прошел дальше в сад и почувствовал некоторые перемены, хотя и не мог понять, чем они вызваны.

Он посмотрел вверх, но на небе была только неподвижная луна.

Он прислушался, но не услышал птичьих песен.

Туман струился вокруг его ног. Первый сверкающий камень, на который он наткнулся, все еще разбрасывал вокруг голубоватые отблески синего. Но бабочек не было. Сам камень местами затянуло паутиной, внутри которой висели десятки синих гусениц, изгибавшихся и постепенно распрямлявшихся. Глаза их сияли подобно осколкам сапфира. Пока он смотрел на гусениц, все они ухитрились повернуться в его сторону и поднять головки.

Проходя мимо других камней, он не рассматривал их, но со все возрастающим отчаянием разыскивал скопление особенно высоких кустов.

Заметив их, он поспешил вперед и, как всегда, свет померк при его приближении. Он увидел летний домик.

Никогда прежде он не видел его таким. Всегда он казался ему тенистым, мирным, прохладным. Теперь же каждый камень, четко обрисовав свои контуры, горел холодным синим светом. Внутри домика была абсолютная тьма.

Он остановился. По телу прокатилась волна холода. Потом — волна дрожи.

Что же именно изменилось? спросил он себя. Раньше все было по-другому. Неужели она рассердилась на меня? За что? Наверное, не следует входить. Нужно ждать снаружи, пока не придет пора возвращаться. А может быть, возвращаться нужно прямо сейчас? Воздух пересыщен электричеством, как перед грозой.

Он стоял и ждал. Ничего не происходило..

Кожу закололо сильнее. Начала конвульсивно подергиваться шея, потом руки и ноги.

Он решил уйти, но что-то лишило его способности двигаться.

Вдруг его повлекло вперед. Это было не желание, но тяга. Пульсируя каждой клеточкой тела, он сделал первый шаг.

Когда он вошел, чувства его отличались от тех, с которыми он входил сюда раньше. На этот раз он боялся увидеть тень улыбки, дрогнувшую ресницу, прядь волос, отблеск синего лунного света на беспокойном плече. На этот раз он надеялся, что она не появится.

Он подошел к каменной скамье, тянущейся вдоль стены, сел.

— Гейдель фон Хаймак! — пришли слова, и он захотел встать и убежать, но не смог сдвинуться с места. В словах чувствовалось больше шипения, чем раньше, и дыхание их покрыло инеем его щеки.

— Почему ты не смотришь на меня, фон Хаймак? Раньше ты всегда рад был возможности лицезреть меня.

Он молчал. Она оставалась та же, но... другая. Все стало другим.

— Гейдель фон Хаймак, ты не отвечаешь и не смотришь на меня! В чем дело?

— Леди...

— Не старайся быть вежливым. Достаточно и того, что соизволил, наконец, прийти.

— Не понимаю.

— В конечном счете ты поступил правильно. Теперь звезды изменили свой полет, а моря сбросили цепи.

У нее чудесный голос, решил он. Мелодичнее, чем прежде. Меня просто испугала внезапная перемена... И сад стал красивее.

— Ты заметил перемены и одобрил их. Это хорошо. Скажи мне, что ты думаешь о своей новой силе?

— Я радуюсь. Люди ничего не стоят и заслуживают только смерти. Чем больше будет у меня власти, тем больше их умрет.

— Так и будет! Поверь мне! Скоро ты приобретешь возможность испускать споры, убивающие за сотни километров. А потом настанет время, когда тебе будет достаточно ступить ногой на планету, чтобы убить на ней все живое.

— Я ненавижу только людей. Это они чуть не убили меня. Неразборчив и жесток только человек. Другие расы, другие формы жизни не интересуют меня.

— Но если ты собираешься служить мне — а ты уже решился — жизнь в любом проявлении станет твоим врагом.

— Леди, я не собираюсь заходить так далеко. Не все формы жизни причиняли мне зло.

— Чтобы поразить преступника, ты должен пробиться сквозь ряды невинных. Другого пути нет.

— Я буду избегать планет, на которых нет людей.

— Хорошо. На какое-то время. Ты все так же счастлив в моем обществе?

— Да, Мира-о...

— Не коверкай мое имя. Если уж ты не можешь обойтись без него, произноси его правильно: Арим-о-мира.

— Прости меня, Леди! Я думаю...

— Прекрати думать. Исполняй мои повеления.

— Конечно.

— С той новой силой, что растет в тебе с каждым днем, ты возьмешь лучшее от двух вселенных. Лишь пока ты здесь, спящее тело твое лишено знаков власти. Оно мирно похрапывает в той скорлупке, которой ты пользуешься для передвижения между ми-

рами. Когда ты проснешься, силы твои возрастут, а знаки на твоем теле станут яснее, чем когда-либо.

— Зачем это? Помнится, недавно все было наоборот.

— Божественная власть дана тебе потому, что ты перестал быть человеком, и решил стать богом.

— Я надеялся, что ты очистишь меня на какое-то время, потому что я обнаружил, что становлюсь с каждым днем все уродливее.

Она рассмеялась.

— Ты? Уродливее? Клянусь всеми Именами, ты прекраснейшее из всех живых существ. Встань на колени и восхищайся мной. Я потребую от тебя сексуального поклонения, и только потом провозглашу тебя своим вечным слугой.

Он поднял голову и впервые увидел ее лицо.

И пал на колени.

* * *

Очнувшись, Малакар сделал себе укол настоящего транквилизатора, шприц с которым держал наготове. Первым уколом он ввел дистиллированную воду. Занимаясь этим, он ни разу не позволил себе взглянуть на шар.

Потом он встал, чтобы проделать такую же процедуру со все еще пребывающим в беспамятстве Морвином, но помедлил.

— *Почему он не приходит в себя, Шинд?*

— *Вся мощь смертного сна пришлась на Морвина в сочетании с его способностью к телекинезу. Они взаимно усилили друг друга.*

— *В таком случае я дам ему снотворного и переложу в постель.*

Сделав это, Малакар вернулся в лабораторию и принялся рассматривать шар.

Волосы его встали дыбом.

Боже! Вот оно! Это именно то, что я видел! Никогда не подозревал, что Морвин достиг таких вершин в своем искусстве! Он и в самом деле ухитрился запихнуть туда кошмар. Это больше, чем просто совершенство. У меня и в мыслях не было, что получится произведение искусства, но это оно и есть — если рассматривать его наяву. Кажется, он все-таки вносит какие-то изменения... но в них не ткнешь пальцем. А ведь все, что я хотел получить — отвратительный маленький сувенирчик, чтобы отослать его в Генеральный Штаб на СЭЛе: «От Малакара с любовью»... пусть знают, что я еще жив и могу кусаться. Что же я хотел сказать им... смотрите, во что я превращу ваши проклятые Объединенные Лиги? Вряд ли мне удастся устрашить их, но я старею, а наследника не видно. Вот если у меня получится то, что я задумал, тогда — другое дело. На какое-то время они опять подожмут хвост. Не исключено, что тогда появится и новый Малакар. По крайней мере, я буду молиться об этом, подбрасывая им свою новую бомбу. Не хочется мне отдавать им этот шар. Жаль, что Морвин перемет-

нулся... Неплохой парень. Эти его шары... Шары... КАКОГО ЧЕРТА!!!

Он обшарил всю свою лабораторию, но не нашел того, что искал. Потом он включил мониторы и осмотрел все помещения цитадели.

— *ШИНД! Где ты прячешься?*

Молчание.

— *Я знаю, что ты каким-то образом заблокировал мой мозг. Освободи его!*

Молчание.

— *Учти, Шинд, зная, что замок существует, я в конце концов смогу взломать его. Это может занять несколько дней, недель, но я добьюсь своего. Избавь меня от напрасных мучений.*

До Малакара донесся мысленный эквивалент вздоха.

— *Я сделал это для твоего добра.*

— *Когда кто-то начинает говорить, что хорошо для меня, а что плохо, я хватаюсь за револьвер.*

— *Я не советовал бы снимать блокировку, пока...*

— *Снимай немедленно! Это приказ! Никаких дискуссий! И полегче, чтобы мне не пришлось потом потеть!*

— *Вы очень упрямы, капитан.*

— *Ты прав! Давай!*

— *Как скажете, сэр. Мне будет легче, если вы немного успокоитесь.*

— *Я и так спокоен.*

Ощущение пролетевшей сквозь череп черной птицы...

ШАР... ДОКТОР ПЕЛС... Теперь мне все ясно!

— *Теперь, когда вы все равно вспомнили, сами можете убедиться, насколько хитро все было придумано. То, что мне снилось, невероятный парадокс, похожий на задачку о ботиночных шнурках...*

— *Твои чувства к Пелсу были настолько сильны, что ты хотел даже заставить меня забыть о нем... Нет, Шинд, все это требует тщательного, всестороннего изучения.*

— *Чем вы собираетесь заняться?*

— *Прочитать последние статьи Пелса и выяснить, к чему он проявляет особый интерес. Хотелось бы узнать и то, где он сейчас находится.*

И снова мысленный вздох прозвучал в голове Малакара Майлса.

Той же ночью Малакар вызвал на Землю специальный почтовый корабль, чтобы тот забрал и доставил посылку в Генеральный Штаб ОЛ на планете Элизабет. Это обошлось в астрономическую сумму, но банковский счет Малакара выдержал бы и не такое. Он лично погрузил упакованный шар в звездолет и присовокупил записку: «Джентльмены! Всего вам наилучшего! Малакар Майлс, 4 Космофлот, капитан в отставке, ДИНАБ». Потом он принялся читать, а в некоторых случаях и перечитывать, творения врача-экзопатолога Лармона Пелса.

Когда утро осветило нависшие над Манхэттеном туманы, он все еще читал. На листке бумаги, кроме медицинских терминов, вызвавших его персональный интерес, было написано всего две фразы: «Дейбианская лихорадка» и «Непонятная заинтересованность в деле Х».

Тут Малакар подумал, не пора ли отдохнуть; решил, что не пора, встряхнул себя стимулятором.

У Морвина может быть еще кое-что из того, что мне нужно, решил он.

Позже, сидя за столом, Морвин говорил:

— ...трудную вы задали мне задачу, сэр. Мне уже приходилось делать вещи, граничащие с кошмаром, но никогда с таким мощным эмоциональным зарядом. Я страшно устал, но совсем не хотел терять сознание вот так, прямо на кушетке.

— Прости. Я не подумал, что это произведет на тебя столь сильное впечатление.

Морвин улыбнулся и отхлебнул кофе.

— Я рад, что вам понравилось.

— И ты все так же уверен, что не возьмешь денег?

— Нет, спасибо... Можно мне еще раз подняться наверх, посмотреть на вулкан?

— Конечно, и я с тобой. Доедай, и пойдем.

Они поднялись на верхний уровень, и смотрели оттуда вниз, вверх и вокруг. Солнце превратило некоторые части ландшафта в золотистое конфетти. Линия горизонта напоминала покосившийся забор. В черном кратере булькали оранжевые огоньки. Комья лавы взлетали в небо. Время от времени по земле пробегала дрожь. Когда ветер менял направление или усиливался, дымовой занавес раздвигался, и можно было рассмотреть бьющиеся о подножье конуса, искаженное горячими газовыми линзами, черные воды Атлантики. У самой земли листья толстых, с человека обхватом, лиан, звенели свежестью, наверху они были чернее ночи.

— ...трудно поверить, что вся Земля такая,— говорил Морвин,— и что это происходит на наших глазах.

— Спроси об этом ОЛ — это их рук дело.

— ...и никто никогда не поселится на родной планете...

— Я живу здесь — как напоминание о преступлении и предостережение.

— ...во Вселенной множество миров, похожих на нашу прежнюю землю. На них живут миллиарды ни в чем не повинных людей.

— Когда ставишь себе целью покарать преступников, стараешься не замечать невиновных. Таков путь мщения.

— Если не мстить, через несколько поколений не будет преступников, не будет и невиновных. По крайней мере, новое поколение ни в чем не будет виновато... а планеты сохранятся зелеными.

— Такой взгляд на вещи чересчур отдает философией для меня — человека, много видевшего в жизни.

— Я пережил то же самое, сэр.

— Да, но...

Малакар прикусил язык.

Они смотрели вниз, потом:

— Этот специалист по болячкам, доктор Пелс, останавливался в последнее время на Хонси?

— Да. К вам он тоже залетал?

— Давно... Что он у вас искал?

— Какую-то медицинскую информацию, статистику и человека, которого у нас нет.

— Человека?

— Кажется, зовут его Хайнек, или что-то в этом роде. Но в наших компьютерах ничего о нем не было... Ого, вот это вспышка!

Х? спросил себя Малакар. Может этот Хайнек или как его там, быть носителем заразы? Я тоже никогда не слышал о нем, но если он и в самом деле...

«Дейбианская лихорадка», вспомнил Малакар, «впервые была отмечена не на Дейбе, а на других планетах. Она безусловно смертельна, за одним исключением. Я имею в виду, конечно, случай Х. До сих пор неизвестно, каким образом передается эта болезнь».

Если этот человек и есть Х, может он быть невольным разносчиком инфекции? Узнать настоящее имя человека, данные о котором затребовал Пелс, не составит никакого труда.

Вспышки дейбианской лихорадки всегда сопровождались полудюжиной других не менее экзотических болезней. Одновременность их казалась совершенно необъяснимой. Но этот Х болел неисчислимым множеством болезней и всегда выздоравливал, по крайней мере, его признавали здоровым. Возможно ли, что некая особенность, присущая только Х, заставляет все перенесенные им болезни давать рецидив одновременно?

Мысль о возможности применения этого феномена в военных целях сверкнула в мозгу Малакара подобно оранжевой вспышке в кратере вулкана.

Каждая планета готова к бактериологической войне, готова даже к одновременному применению нескольких видов бактерий. Его же удар будет нанесен молниеносно, а последствия его всегда можно будет объяснить известными, хотя и недостаточно изученными естественными причинами. Если это возможно, и Х является ключом, контролирующим этот процесс — или даже САМИМ ПРОЦЕССОМ — я слышу звон похоронного колокола. Вред, причиненный ОЛ, превзойдет мои самые смелые ожидания. Останется только определить, тот ли самый Х этот Хайнек, и, если это так, найти его.

Несколько часов смотрели Морвин и Малакар на огни и кипящую лаву, на меняющиеся с каждой минутой море и небо. Потом Морвин откланялся:

— Мне бы хотелось отдохнуть. Я все еще чувствую себя слабым.

— Конечно, конечно! — воскликнул Малакар, отрываясь от

созерцания чего-то отдаленного.— А я еще побуду здесь. Кажется, готовится новый фейерверк.

— Надеюсь, вы не в обиде на незваного гостя.

— Ничто не может быть дальше от истины. Ты воодушевил меня своим посещением.

Он смотрел вслед Морвину, пока за ним не закрылась дверь, и рассмеялся.

Может, тот шар, что ты создал, отражает истину, подумал он. Точное предсказание грядущего. Я и думать никогда не смел, что мечта моя осуществится, если только...

— *Шинд!* — позвал Малакар.— *Ты понимаешь, что произошло?*

— *Да, я следил за разговором.*

— *Я попрошу Морвина присмотреть за лавочкой, а мы скоро отправимся в новое путешествие.*

— *Куда?*

— *Дейба.*

— *Этого я и боялся.*

Малакар всласть посмеялся над его ответом. Туман ушел вслед полднем.

* * *

Гейдель смотрел на сверкающие звездные спирали, так похожие на фейерверки детства. Рука его нащупала пристегнутую к поясу сумку с монограммой. Что-то звякнуло в ней, и тут же Гейдель забыл про звезды.

Его камни. Как они прекрасны! И как ему удалось с такой легкостью вычеркнуть их из памяти? Он потрогал их и улыбнулся. Это настоящие друзья. Камень никогда не предаст. Каждый из них уникален — мир в себе — и совершенно безобиден. Глаза его наполнились слезами.

— Я люблю вас,— прошептал Гейдель, любовно пересчитал их и убрал обратно в сумку.

Пристегивая сумку, он наблюдал за движениями своих рук. Пальцы оставляли мокрые пятна гноя на всем, к чему прикасались. Но руки его прекрасны, сказала Леди. Несомненно, она права. Он поднял ладони к лицу, волна силы прокатилась по его телу и обосновалась внутри. Он понимал, что стал сильнее любого человека или народа. Скоро он станет сильнее, чем любая планета.

Оторвавшись от созерцания рук, Гейдель снова обратил внимание на блистающий водоворот, всасывающий его в свой центр: Вершина.

Скоро он долетит до нее.

* * *

Когда пришло послание, первой его реакцией было громкое: «Черт побери! Зачем спрашивать МЕНЯ?» Но ответ был заранее

известен, и дальнейшее словоизвержение он ограничил ругательствами.

Шагая взад и вперед, он щелкнул тумблером, задержав ленч на неопределенное время. Потом вдруг обнаружил, что находится в саду на крыше и, уставившись на запад, курит сигару.

— Расовая дискриминация, вот что это такое,— пробормотал он, потом подошел к потайной панели, сдвинул ее и щелкнул другим тумблером.

— Ленч в библиотеку через час,— приказал он и не стал дожидаться ответа.

Продолжая шагать, он вдыхал запахи жизни, зелени, и не чувствовал их.

День померк, и он обернулся на восток, где случайное облачко прикрыло солнце. Нахмурившись, он посмотрел на облачко, и оно начало рассеиваться.

День снова просветлел, но он пробурчал что-то неразборчивое, вздохнул и ушел от просветлевшего дня.

— Не везет, и все тут,— сказал он, входя в библиотеку. Снял пиджак, повесил его на крючок у двери.

Он обвел глазами ряды шкатулок, в которых хранилось полнейшее собрание религиозных манускриптов во всей Галактике. На полках под каждой шкатулкой лежали их переплетенные факсимильные копии... Потом он прошел в следующую комнату и продолжил поиски.

— Под самым потолком,— вздохнул он.— Я так и знал.

Установив стремянку в трех футах от кумранских свитков, он проверил ее равновесие и полез наверх...

Усевшись в легкое кресло, он зажег сигару и положил на колени копию «Книги о множественности житейских неприятностей и соблазнах продолжительного дыхания».

Казалось, прошло всего мгновение, и он услышал легкий щелчок и запрограммированное покашливание у своего левого локтя. Робот неслышно прокатился по толстому ковру и опустил покрытый салфеткой поднос до уровня, с которого удобнее всего перекладывать пищу в рот. Снял салфетку.

Ел он механически, не отрывая взгляда от книги. Через какое-то время робот удалился. Он так и не запомнил, что именно ел. Продолжил читать.

Обед прошел точно так же. Настал вечер, и вокруг него зажглись огни, разгораясь по мере углубления темноты.

Где-то среди ночи он перевернул последнюю страницу и закрыл книгу. Потянулся, зевнул, встал с кресла и чуть не упал — отсидел правую ногу. Сел и подождал, пока покалывание прекратится. Дождавшись этого, взобрался на лестницу и поставил книгу на прежнее место. Отнес лестницу в угол. Уж кто-кто, а он мог позволить себе роботов и гравилифт, но устройство библиотеки предпочитал старомодное.

Добравшись до бара на западной террасе, он уселся перед ним. Зажегся свет.

— Бурбон с водой. Двойная порция.

Десятисекундная пауза, во время которой он мог чувствовать кончиками пальцев едва заметную вибрацию в глубине бара. Потом открылось квадратное отверстие шесть на шесть, и бокал с напитком медленно всплыл вровень со столом. Он поднял его и сделал глоток.

— И пачку сигарет,— добавил он, вспомнив, что не курил уже несколько часов.

Прибыли сигареты. Он распечатал пачку и зажег одну из них последней, вероятно, газовой зажигалкой, избежавшей музейного стенда, и наверняка последней, от которой еще можно было прикуривать. Правда, каждая ее деталька множество раз заменялась дубликатами, сделанными исключительно для того, чтобы починить именно ЭТУ зажигалку — так что ее вряд ли можно было причислить к предметам старины; титут прямого потомка подходил ей больше. Подарил ее брат... когда? Он сделал еще глоток. В каком-то из многочисленных ящиков валялся и оригинал — все сломанные детальки, собранные в исцарапанном корпусе. Наверное, в нижнем ящике вон того шкафа...

Он глубоко затянулся и почувствовал, как алкоголь, огнем вспыхнув в желудке, распространяет тепло на другие части организма. Оранжевая луна висела низко над горизонтом, а быстро летящая белая как раз пересекала зенит. Он улыбнулся, прислушиваясь к переливам скрипок. Что-то из Вивальди... «Лето»? Да. Именно так. Он сделал еще глоток и раскрутил оставшуюся в бокале жидкость по стенкам.

Все-таки это — моя работа, решил он. Только я еще хоть что-то в этом понимаю. Вполне естественно, что жрец послал запрос чужому, а не кому-нибудь из своих. Меньше шансов на выговор, а если обнаружится еще и опасность... Такой ход мыслей циничен, решил он, а ведь ты всегда презирал циников... Нет, такой ход мыслей практичен. Чем бы ни было вызвано ЭТО, оно теперь твое; а ты знаешь, что случилось в прошлый раз, когда произошло нечто подобное. Но бороться с ЭТИМ нужно. То обстоятельство, что контролировать ЭТО никто не в силах, означает, что направлено ЭТО против всех и каждого.

Он допил бокал, придавил в пепельнице сигарету. Бокал тут же исчез, панель закрылась.

— Еще то же самое,— сказал он и быстро добавил, вспомнив, как запрограммирован новый серво-мех: — Кроме сигарет.

Появился новый бокал, и он захватил его с собой в кабинет. Здесь он рухнул в свое любимое наклонное кресло, притушил огни, опустил температуру до 62 градусов по Фаренгейту, нажатием кнопки зажег настоящие поленья в камине, разместил за единственным окном кабинета трехмерную голограмму ночного зимнего пейзажа; потом, дождавшись, пока огонь в камине разгорится, погасил все другие источники света, и с наслаждением окунулся в среду, наиболее способствующую, по его мнению, мыслительным процессам.

Утром он первым делом включил Секретаря-Информатора:

— Первое: мне нужно поговорить с доктором Мэтьюзом и тремя моими лучшими программистами, сразу же после завтрака, здесь в кабинете. Кстати, завтрак мне нужен через двадцать минут. Прошу оценить время, которое займет еда.

— Вы желаете поговорить с ними вместе или по отдельности? — донесся голос из скрытого громкоговорителя.

— Вместе. Теперь...

— Что вы желаете съесть на завтрак? — перебил его СИ.

— Что угодно. Теперь...

— Уточните, пожалуйста. Вчера вы тоже сказали «Что угодно»...

— Ладно, ладно... ветчина-яйца-тосты-масло-мармелад-кофе. Теперь, второе, что мне нужно, это чтобы кто-нибудь, занимающий высокое место среди персонала, связался с Главным Хирургом, или Директором Департамента Здравоохранения, или как его там, комплекса СЭЛ. Мне нужен доступ к компьютеру Панопат не позднее завтрашнего полдня местного времени, через локальный терминал, расположенный здесь, на Хоумфри. Третье, пусть техники в порту начнут готовить «Т» к полету... Пока все.

Примерно через час с четвертью все собрались в его кабинете, и он рассадил гостей по креслам.

— Джентльмены, — сказал он, — мне требуется ваша помощь для получения важной информации. Я не вполне представляю себе природу этой информации, или вопросы, которые я должен задать, чтобы получить ее, хотя у меня и есть кое-какие догадки. Информация будет касаться людей, мест, случаев, вероятностей, и болезней. Кое-что произошло лет пятнадцать—двадцать назад, кое-что — совсем недавно. На первый взгляд задача может показаться невыполнимой, но помните, информация нужна мне через два, максимум, три дня. Сначала работа ваша будет заключаться в том, чтобы помочь мне сформулировать необходимые вопросы, а потом — задать эти вопросы источнику информации, который, как я полагаю, способен дать на них ответы. Такова ситуация в целом. Перейдем к деталям.

Ближе к вечеру, когда посетители ушли, он понял, что ничего больше сделать не может, и потому следует обратить внимание на другие дела.

Зайдя перед сном в арсенал, он сказал охраннику, что это всего лишь обычная проверка безопасности. Но время шло, и он поймал себя на том, что проверяет оружие только небольших размеров, как можно более смертоносное, которое можно спрятать, которое может нести один человек, и которое может поражать на расстоянии. Осознав, чем занимается, он, однако, не остановился. Как единственный человек в Галактике, среди многого прочего, поразивший насмерть бога, он считал, что долг его — быть готовым ко всему. На всякий случай.

Так ФРЭНСИС СЭНДО провел дни перед отлетом на Дейбу.

* * *

Горя нетерпением испытать свои силы в центрах урбанизации Вершины -- планеты, населенной куда более густо, чем Клич, Гейдель фон Хаймак долго крутился над ней по высокой орбите, изучая карты и статистику этого творения рук человеческих, а точнее — рук Фрэнсиса Сэндо. Потом осторожно, чтобы не попасть на радары больших космопортов, он посадил корабль в почти безлюдной области второго по величине континента планеты, Сориса. Здесь он спрятал корабль в каньоне под нависающей скалой, замкнул панель управления и вход, нарезал лазером веток и замаскировал его.

Шагая прочь от корабля, с посохом в изъеденной язвами руке, он запел. Случись это раньше, он несказанно удивился бы, потому что слова песни были непонятны, а мелодия ее родилась из снов.

Через некоторое время он увидел домик, прилепившийся к склону холма...

* * *

Окруженный пульсирующей музыкой, доктор Пелс приводил свою лабораторию в порядок. Он протирал, переставлял, убирал в шкафы, запирал то, что не понадобится в ближайшее время.

Я становлюсь похожим на старую деву, укорял он себя, мысленно улыбаясь. У меня есть все, что нужно, и место, куда это поставить. Интересно, как я поведу себя, если получу возможность вернуться к людям? Конечно, я идеально приспособился к глубокому космосу... Это будет существенная перемена. Кроме таинственного X никто не в силах сделать для меня больше, чем уже сделано... Много лет должно еще пройти... Или даже несколько столетий, если только не случится какого-нибудь невероятного прорыва в науке. Столетий? Кем я тогда стану? Призраком призрака? Человеком, полностью чуждым своей расе? Что скажут потомки?

Будь внутри его действующие легкие, он расхохотался бы. Вместо этого он уселся в кресло перед обзорным экраном и принялся смотреть, как звезды вращаются вокруг него в космической центрифуге. Он висел, а они вращались, и православная молитва снабжала его звуками, вполне подходящими для путешествия на планету Клич, последнее известное местопребывание Гейделя фон Хаймака.

Глава 3

Был дождливый вечер, когда ОНА впервые увидела во плоти ЕГО. Клиентов не было и, спустившись в холл, она подошла к столику с прессой... По внезапному сквозняку и усилению уличного шума она поняла, что парадная дверь заведения открылась.

Выбрав, что почитать и опустив в прорезь столика нужное количество монет, она взяла газеты, повернулась и увидела его. Газеты упали на пол. Потеряв самообладание, она отступила на шаг. Невозможно, чтобы они оказались так близко друг к другу. Лицо ее горело.

Он был огромен, больше, чем она его себе представляла. Волосы черные — всего несколько седых прядей на висках; но конечно, он мог позволить себе пройти соответствующий курс лечения и стареть медленнее, чем все. Это понравилось Джакаре — ей совсем не хотелось видеть его стариком. А этот орлиный нос и горящие глаза! Живым он производил впечатление куда большее, чем на фотографии. Одет он был в черный плащ. В одной руке — огромный чемодан, в другой — такой же большой ящик с ручкой и просверленными в стенках дырочками. Капли дождя висели на его волосах и бровях, сверкали на лбу и щеках. Джакаре внезапно захотелось вытереть ему лицо своей блузкой.

Она нагнулась, подобрала газеты, потом уселась в кресло и сделала вид, что читает.

— Комнату и девушку, сэр? — услышала она вопрос Горация.

— Именно так, — ответил он, ставя багаж на пол.

— Погода неважная, — сказал Гораций, — и у нас много вакансий. — Он пододвинул альбом поближе к клиенту. — Скажите, кто вам понравится.

Она услышала, как он переворачивает страницы большой книги и считала, потому что знала их наизусть: четыре, пять... пауза... шесть... Остановка.

О нет! думала она. Это или Жанна или Синта. Только не они! Для него... Мег, может быть, или Кайпа... Но только не Жанна с ее коровьими глазищами, и не Синта, которая весит на двадцать фунтов больше, чем кажется по ее фотографии.

Она рискнула посмотреть, и увидела, что Гораций отодвинулся и сам читает газету.

Быстро решившись, она встала и подошла к нему.

— Капитан Малакар...

Она хотела сказать это смело, но горло ее пересохло, и голос упал до шепота.

Он повернулся и уставился на нее, потом бросил быстрый взгляд на Горация, поднял правый указательный палец и приложил к губам.

— Привет, Как тебя зовут.

— Джакара.

На этот раз ее голос прозвучал увереннее.

— Ты здесь работаешь?

Она кивнула.

— Занята сегодня?

Она отрицательно замотала головой.

— Клерк!

Гораций отложил газету.

— Да, сэр?

Он ткнул большим пальцем в сторону Джакары.

— Ее.

Гораций вздохнул, сглотнул, на лице его отразилось беспокойство.

— Сэр, тут есть одно обстоятельство о котором мне хотелось бы вас...— начал он.

— Ее! — повторил Малакар.— Записывай!

— Как пожелаете, сэр,— сказал Гораций, вытаскивая регистрационный бланк и ручку.

— Но...

— Меня зовут Роди Джимсон, я из Маадода на Кампоре. Платить сразу или потом?

— Сразу, сэр. Восемнадцать монет.

— Сколько это в долларах ДИНАБ?

— Четырнадцать с половиной.

Малакар извлек пачку банкнот и расплатился.

Гораций открыл рот, закрыл его, потом сказал:

— Если вам что-нибудь не понравится, немедленно дайте мне знать.

Малакар кивнул и нагнулся за багажом.

— Секундочку, я вызову робота.

— В этом нет необходимости.

— Отлично. В таком случае Джакара покажет вам дорогу.

Клерк нервно покрутил ручку, сдался, и снова углубился в газету.

Малакар пошел за Джакарой к лифту, вглядываясь в ее фигуру, прическу, стараясь вспомнить лицо.

— *Шинд, приготовься принимать и передавать,*— послал он, когда они вошли в лифт.

— *Готов.*

— *Джакара, не удивляйся, и вообще не подавай никаких признаков того, что слышишь меня. Откуда ты знаешь меня?*

— *Так ты телепат!*

— *Отвечай только на вопросы и не забывай при этом, что я могу обрушить половину этого здания, махнув рукой в нужном направлении.*

— Здесь нам выходить,— сказала Джакара вслух.

Они вышли из лифта, и она повела его направо по полосатому коридору, свет в котором испускали только плинтуса. Эффект был дразнящим и полным — такое освещение придавало облику идущей перед ним девушки что-то звериное. Малакар принюхался и уловил слабый запах наркотических паров. Вблизи вентиляторов запах чувствовался сильнее.

— Я много раз видела твои фотографии, много читала... Поэтому и узнала тебя. Вообще-то, у меня собраны все твои биографии, даже две, изданные в ОЛ.

Малакар громко рассмеялся, послал Шинду сигнал: *«Конец передачи, но продолжай принимать»*, потом:

— *Она не врет, Шинд?*

— *Нет, она восхищается вами, но сильно нервничает.*

— *Значит, никаких ловушек?*

— *Нет.*

Джакара остановилась перед дверью, открыла ее своим ключом, но, вместо того, чтобы войти самой или пропустить Малакара, загородила ему путь. Лицо ее подергивалось, и вид был такой, будто она вот-вот заплачет.

— Не смейся, когда войдешь,— сказала она.— Пожалуйста. Что бы ни увидел.

— Не буду.

Тогда она шагнула в сторону.

Малакар вошел в комнату и осмотрелся. Первым делом он заметил хлысты, потом — фотографию над кроватью. Он поставил чемоданы на пол и продолжал смотреть. Донесся звук закрываемой двери. Комната была примером аскетизма. Серые стены и тускло поблескивающие поверхности. Единственное окно плотно закрыто ставнями.

Малакар начал понимать.

— *Да,*— сказал Шинд.

— *Приготовься передавать и принимать.*

— *Готов.*

— *Эта комната просматривается? Прослушивается?*

— *Не совсем так. Это было бы незаконно. Однако есть способы попросить о помощи или включить мониторы.*

— *Что-нибудь из этого сейчас работает?*

— *Нет.*

— *Значит, никто не услышит нашего разговора?*

— Нет,— ответила Джакара вслух. Малакар обернулся и посмотрел на нее — спина и ладони прижаты к двери, широко раскрытые глаза, сухие губы.

— Не бойся,— сказал он.— Ведь ты спишь со мной каждую ночь, правда?

Она не ответила. Чувствуя себя крайне неловко. Он снял плащ и еще раз осмотрелся.

— Куда можно его повесить посушиться?

Она шагнула вперед, ухватилась за плащ.

— Давай. Я повешу его над ванной.

Она вырвала плащ из рук Малакара, нырнула в узкую дверь и захлопнула ее за собой. Сразу же из-за двери донеслись звуки, будто ее рвало.

Малакар шагнул к двери, собираясь постучать и спросить, не нужна ли помощь.

— *Не надо,*— сказал Шинд,— *оставь ее пока.*

— *Ладно... Выпустить тебя?*

— *Мне пока и здесь хорошо. Мой вид только еще больше расстроит ее.*

Скоро Малакар услышал звук льющейся воды, дверь открылась и вышла Джакара. Он заметил, что ресницы ее мокры. Заметил он и то, какие ярко-голубые под ними глаза.

— Он скоро высохнет,— сказала она,— капитан...

— Спасибо. Все-таки зови меня Малакаром, а еще лучше Рори.

Он обошел кровать, чтобы повнимательнее рассмотреть фотографию.

— Похож... Откуда она?

Джакара посветлела и подошла, чтобы встать рядом.

— Из твоей биографии, которую написал Гиллан. Я увеличила ее и переделала на объемную. Это — лучшая из всех, которые у меня есть.

— Не читал этой книги... Я все стараюсь сообразить, где же это меня так...

— Перед маневром «Параметр восемь», когда ты готовил Четвертый флот к заходу на Коклин. По книге, тебя сфотографировали за час до вылета.

Улыбнувшись, Малакар посмотрел на нее.

— Кажется, все так и было,— сказал он, и Джакара тоже улыбнулась.

— Сигарету? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Тогда он закурил сам.

Как меня угораздило влипнуть в такую историю? спросил себя Малакар. Классический патологический случай преклонения перед героем, и герой этот — я. Если я скажу что-нибудь не то, она тут же рассыплется на куски. Как вести себя в таких случаях? Наверное, если показать ей, что я САМ нервничаю, а потом попросить о незначительной помощи...

— Слушай,— сказал он,— ты перепугала меня внизу, потому что никто не знал, что я собираюсь на Дейбу, и я уж никак не мог представить себе, что кто-то еще помнит мое лицо. Я выбрал это заведение, а не гостиницу, именно потому, что здесь никого не интересуют имена и лица. Как ты увидела меня! Я хотел сохранить инкогнито, и подумал, что меня уже раскусили.

— Но у тебя ведь дипломатическая неприкосновенность, не так ли?

— Я не собираюсь нарушать законы. По крайней мере, пока... Но мне нужна информация, конфиденциальная информация, и без лишнего шума.

Он смотрел Джакаре прямо в глаза.

— Могу я надеяться, что ты никому обо мне не расскажешь?

— Конечно. Как я могу поступить иначе? Ведь я родилась на территории ДИНАБ. Неужели я и в самом деле могу помочь тебе?

— Посмотрим,— сказал Малакар, усаживаясь на край кровати.— Если ты так любишь ДИНАБ, то почему ты здесь?

Джакара рассмеялась и уселась в кресло у противоположной от кровати стены.

— Посоветуй, как отсюда выбраться, и учти, что эта работа — единственная, которую я смогла здесь получить. Давай посчитаем, сколько нужно лет, чтобы набрать денег на билет.

— Ты здесь в рабстве, или по контракту?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я незнаком с местными законами, и думал, не придется ли вырывать тебя отсюда силой.

— Меня? Отсюда? Обратно в ДИНАБ?

— Ну конечно. Ведь ты этого хочешь?

Джакара отвернулась и тихо заплакала. Малакар сидел молча, не двигаясь.

— Прости,— сказала она,— я просто представить себе не могла, что со мной когда-нибудь случится ТАКОЕ. Малакар входит в мою комнату и говорит, что увезет меня... Это мне снилось...

— Значит, твой ответ — да?

— Спасибо,— сказала она.— Но есть еще кое-что...

Малакар улыбнулся.

— Что именно? Приятель, которого ты хочешь забрать с собой? Мы и это устроим.

Джакара вскинула голову, и глаза ее сверкнули.

— Ничего подобного! Ни один из здешних мне не нужен!

— Прости.

Она снова опустила глаза. Он стряхнул пепел в металлическую пепельницу на металлическом столике.

— Мне хочется сделать что-нибудь для ДИНАБ, помочь тебе в том деле, ради которого ты прилетел на Дейбу.

После долгого молчания Малакар спросил:

— Сколько тебе лет, Джакара?

— Точно не знаю, но где-то около двадцати шести. По крайней мере, я всегда так отвечаю на этот вопрос. Или двадцать восемь, или двадцать пять... Но только потому, что я еще молода, нельзя...

Подняв руку, он заставил ее замолчать.

— Я не буду отговаривать тебя. Ты и в самом деле можешь помочь мне, а про возраст я спросил тебя неспроста. Что ты знаешь о МВАЛАХАРАН КХУРР, или, другими словами, дейбианской лихорадке?

Джакара подняла глаза к потолку.

— Болезнь эта довольно редкая и, когда человек заболевает ею, кожа его чернеет. Говорят, она поражает центральную нервную систему, действует на дыхание и работу сердца. И еще что-то насчет жидкости... Клеточные мембраны перестают удерживать жидкость внутри клеток. Верно. Больному все время хочется пить, но жажда ничем не утоляется. Хотя, ведь ты и сам доктор...

— Что еще ты знаешь?

— От этой болезни нет лекарств, и заболевший всегда умирает. Ты это имеешь в виду?

— Ты уверена? Ты ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь выздоровел?

Джакара растерялась.

— Поговаривают об одном человеке... Но тогда я была со-

всем еще маленькая, сразу после войны. И почти ничего не помню.

— Расскажи мне то, что помнишь.

— Ну... это был просто человек, который выздоровел. Имени его никто не знает.

— Почему?

— Когда врачи объявили его здоровым, они решили, что люди будут бояться его, и сохранили в тайне, кто он такой.

— Х...— пробормотал он.— Потом его стали называть «Х»... Где его лечили? В какой больнице?

— Здесь, в городе. Но больницы этой уже нет.

— Откуда он пришел?

— С Кургана. Его все так и звали: «Человек с Кургана».

— Что такое Курган?

— Что-то вроде плато. Милях в тридцати на северо-запад от полуострова есть развалины древнего пейанского города. Дейбы раньше была частью пейанской империи. От города почти ничего не осталось, и ходят туда только геологи, археологи и пейанцы — паломники, да и то очень редко. Его нашли там, когда эвакуировали базу раннего оповещения... вроде бы так. Короче говоря, там была какая-то военная база, и когда с ней что-то делали, нашли этого человека. Его привезли в больницу в герметичном ящике, и он выздоровел.

— Спасибо. Ты мне очень помогла.

Она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

— У меня есть пистолет,— сказала Джакара.— Я научилась метко стрелять. И быстро.

— Прекрасно.

— Если ты задумал что-нибудь опасное...

— Не исключено. Ты говоришь о Кургане так, будто эта местность тебе знакома... Можешь достать карту? Или нарисовать ее?

— Хороших карт нет, но я была там много раз. Я часто езжу верхом — на курьябе — и иногда забираюсь в глубь полуострова. Курган — идеальное место, чтобы поупражняться в стрельбе.

— Там вообще никого нет?

— Ни души.

— Хорошо. Значит, ты сможешь показать мне дорогу.

— Конечно. Только там не на что смотреть. Я думала...

Он раздавил сигарету в пепельнице.

— *Как она, Шинд? Не темнит?*

— *Нет.*

— Я знаю, о чем ты подумала — что я явился сюда устроить революцию или какую-нибудь диверсию. Это не так, но то, что я задумал — важнее. Очередной акт насилия разозлит ОЛ, но они переживут это... На Кургане я попробую подобрать ключ к самому страшному оружию в Галактике.

— Каким образом?

— Узнать, кто такой Х.

— И как это поможет тебе?

— Это я объясню потом. Первым делом нужно осмотреть город. Если тот, кто мне нужен, был на Кургане, он мог оставить там следы. Не знаю, какие именно, но думаю, что тот, кто отвез его в больницу или уничтожил его снаряжение, или оставил все, как есть. Если оно еще там, я найду его.

— Я помогу,— сказала Джакара.— Я хочу помочь! Но у меня не будет выходного до...

Он встал, возвышаясь над ней, словно башня, и коснулся ее плеча.

От этого прикосновения по телу ее пробежала судорога.

— Ты еще не все поняла,— сказал Малакар.— Сегодня — твой последний день в этом заведении. Теперь ты будешь принадлежать только себе самой. Утром купи или найми пару этих курьябов, и снаряжение, чтобы добраться до Кургана и прожить там хотя бы неделю. Мне не хочется поднимать корабль — какой-нибудь любопытный портовый контролер попробует выследить меня. Завтра мы уедем, и для тебя это будет означать конец всяких связей с этим местом. У тебя не будет больше ни «выходных», ни «рабочих» дней. Ты расторгаешь контракт. Это законно?

— Да,— ответила она, с силой сжимая подлокотники кресла.

Я не хотел, подумал он. Но она может оказаться полезной. А прежде всего она — девушка из ДИНАБ, которую проклятые Объединенные Лиги довели чуть не до умопомешательства. Она подойдет.

— Значит, решено,— сказал он и зажег новую сигарету.

Джакара немного успокоилась.

— Я бы выкурила сигарету... Малакар.

— Рори,— поправил он.

— Рори,— согласилась она.

Малакар зажег сигарету и вручил ей.

— Нигде не написано, что ты телепат,— сказала она через некоторое время.

— Я не телепат. Это своего рода фокус. Завтра я покажу тебе, как это делается.

Но не сегодня, подумал он. Боже! Сколько времени понадобилось, чтобы ты хоть немного успокоилась! Если я сейчас представлю тебя волосатому с глазами, как чайные чашки, ты завопишь, и тут же сбежится народ.

— Ты не будешь возражать, если я открою на минутку эти ставни?— спросил он.

— Позволь мне...

— Нет, я сам...

Но Джакара была уже на полпути к окну.

Она нажала кнопку под ставнями, и они тихо скользнули в стены.

— Окно тоже открыть?

— Немного,— ответил Малакар, подходя к ней.

Окно подчинилось приказу другой кнопки, и в комнату ворвался сырой ночной воздух.

— Дождь еще не кончился,— заметил он, протянул руку и стряхнул за окно пепел.

Они стояли у полуоткрытого окна и сквозь ползущие по стеклу капельки и ручейки смотрели на город.

— Почему ты держишь окна закрытыми? — спросил он.

— Мне ненавистен вид этого города,— ответила она совершенно спокойно.— Однако он неплох ночью, когда ничего не видно.

С холмов скатился отдаленный раскат грома.

Малакар облокотился на подоконник. После некоторого колебания Джакара сделала то же самое. Теперь они были совсем рядом, но Малакар знал, что прикоснись он к ней, и очарование момента разлетится вдребезги.

— Тут часто дожди? — спросил он.

— Да, особенно в это время года.

— Ты плаваешь? Катаешься на яхте?

— Плаваю, чтобы быть в форме, могу управляться с парусами. Но я не люблю море.

— Почему?

— Мой отец утонул. Это случилось после того, как умерла мама, и меня отправили к другим детям. Однажды ночью он захотел обогнуть Мэрфи-Пойнт... Мне кажется, он пытался сбежать из лагеря для перемещенных лиц. В общем, мне сказали, что он утонул... Наверное, его пристрелил какой-нибудь проклятый охранник. Я была ребенком, ничего не понимала, и еще не умела ненавидеть.

Малакар стряхнул за окно очередную порцию пепла.

— Что будет после того, как ты победишь? — спросила она.

Он швырнул сигарету в окно и повернулся к ней.

— Ты говоришь о победе? Я буду драться, пока не погибну, но я никогда не сломаю хребет Объединенным Лигам. В этом смысле я никогда не выиграю. Моя цель — сохранение ДИНАБ, но не уничтожение ОЛ. Я хочу сохранить тридцать четыре крошечные планеты от порабощения четырнадцатью Лигами. Я не надеюсь побить их, но я надеюсь внушить им некоторое уважение к ДИНАБ, и тем самым дать ДИНАБ шанс вырасти и самому достигнуть статуса Лиги, шанс избежать дробления и поглощения другими Лигами. Если бы только нам удалось колонизировать еще несколько дюжин планет, если бы Лиги перестали бойкотировать нас и бить по рукам каждый раз, когда мы пробуем что-то новое! Я хочу, чтобы мы присоединились к ОЛ, но на своих условиях. Конечно, я ненавижу их за то, что они с нами сделали. Но пока что это лучшая цивилизация из всех возможных. Я хочу быть с ними, но на равных.

— А Курган? Ты же хотел узнать, кто такой Х...

Малакар заговорщически улыбнулся.

— Если я раскрою этот секрет, то войду в историю, как самый

мрачный негодяй галактического масштаба. Но этим я напугаю ОЛ до полусмерти! Они надолго оставят ДИНАБ в покое.

После этого она выбросила в окно свою сигарету, и он зажег им еще две.

Они прислушивались к голосу штормового ревуна и наблюдали за вспышками молний. Если молния вспыхивала далеко впереди — на ее фоне ясно вырисовывались черные силуэты зданий; если сзади — казалось, каждое окно Кейпвилла поглощает частичку ее сияния и тут же выплескивает, но в другом направлении. Большую же часть времени перед ними светились изломанные огни города.

Я уже целую вечность ни с кем вот так не разговаривал, думал он. И не всегда Шинд сидит рядом и говорит, кому я могу доверять. Она — приятный ребенок. Безусловно, красива. Но эти хлысты, и то, как странно реагировал на нее клерк... Она ненавидит всех... Может быть, я старомоден... Конечно, старомоден. Слишком плохо. Может быть, когда-нибудь она найдет в ДИНАБ человека, который будет добр к ней... Черт побери, да я старею! Приятный ветерок. Прекрасный пейзаж.

Кругами, напоминая огромное светящееся насекомое, низко спланировал какой-то летательный аппарат. Малакар смотрел, как он уходит в сторону космопорта, в котором стоял и его корабль.

— Наверное, малый челнок, решил Малакар. По размеру подходит. Но кому придет в голову спускаться в такую ночь с уютной, теплой, сухой орбиты? Никому... кроме меня, конечно.

Челнок медленно покружился, потом замер, словно ожидая разрешения на посадку.

— Джакара, выключи свет,— попросил он и тут же почувствовал, как она напряглась,— ...а если у тебя есть бинокль или какой-нибудь телескоп,— быстро добавил он,— принеси. Мне хочется поглядеть на тот челнок. Любопытная машина.

Она отошла, и Малакар услышал, как открывается какой-то ящик. Примерно через десять биений сердца комната погрузилась в темноту.

— Вот,— сказала она, подходя.

Он поднес трубу к глазам, нацелился.

— Что такое?— спросила она.— В чем дело?

Он ответил не сразу, но продолжал подстраивать фокус.

Сзади сверкнула молния.

— Это и в самом деле челнок,— констатировал он.— Часто они появляются в Кейпвилле?

— Часто, в основном торговые.

— Этот слишком мал... Частные?

— Несколько в месяц. Туристы.

Он сложил трубу и вернул ее Джакаре.

— Может быть, я слишком подозрителен, но я всегда боюсь, что меня выследят...

— Включу-ка я свет,— сказала она, ушла во тьму и прогнала ее.

Закрылся ящик, и долго еще после этого глядел Малакар на город.

Потом он услышал за спиной тихий всхлип и медленно обернулся.

На постели, на боку, лежала Джакара. Волосы скрывали ее лицо. Она начала расстегивать блузку, и Малакар увидел, что белье на ней черного цвета.

Он долго смотрел на нее, потом подошел и сел рядом. Отбросил с ее лица волосы, и остался сидеть, положив руку ей на спину. Она плакала.

— Прости меня,— выдавила она, не глядя на Малакара.— Ты хотел комнату и женщину... а я не могу. Я хотела, но... не могу! Не с тобой. Ты не получишь никакого удовольствия. У нас есть прелестная женщина по имени Лоррен, и другая, Кайпа. Они очень популярны. Я попрошу кого-нибудь из них прийти и побыть с тобой.

Она начала подниматься, но он протянул другую руку и прикоснулся к ее щеке.

— Кого бы ты ни привела, она как следует выспится. Это единственное, на что я сейчас годен.

Она впервые посмотрела ему в глаза.

— Ты не обманываешь меня?

— Насчет этого — нет. Я очень хочу спать. Сними покрывало, а утром расскажешь мне, как я храплю.

Она проглотила застрявший в горле комок, кивнула и энергично принялась за дело.

Позже он услышал, как она вышла из ванной и легла в постель. Она забыла закрыть окно. Он любил свежий воздух и не стал напоминать ей об этом упущении. Он лежал, дыша океаном и прислушиваясь к шуму дождя.

— Малакар,— услышал он ее шепот.— Ты не спишь?

— Нет.

— Что будет с моими вещами?

— С какими вещами?

— Ну, одежда, книги... вещи...

— Мы упакуем их утром, отошлем в порт, и пусть они дожидаются нас там. Я помогу тебе.

— Спасибо.

Она поворочалась немного, потом затихла. Гудел штормовой ревун. Малакар вспомнил о пролетевшем мимо челноке. Даже если Отдел и выследил его, он ничего не может с ним сделать. С другой стороны, ему совсем не хотелось, чтобы имя его как-то ассоциировалось с Дейбой. Если этот челнок и в самом деле принадлежит Отделу, то как им это удалось? Морвин? Он упоминал, что один из его друзей работает в Отделе. Мог ли он прицепить радиомаяк к «Персею»? Но Шинд сказал, что он чист...

Ты превращаешься в параноика, решил Малакар. Забудь об этом.

Но он открыл глаза и уставился в потолок. Джакара пошевелилась. Он перевел взгляд на стену, различил в темноте еще более темные очертания хлыстов и вздрогнул. А ведь сам он смотрит на все это со стены. Фальшивая икона в борделе. Это и забавляло его, и в то же самое время ранило. Снова ревун. Ночной воздух становится холоднее. Вспышка, раскат грома, дождь. Снова. Игра медных бабочек на потолке, стенах...

Он задремал и проснулся от прикосновения ее руки.

— Малакар...

— Что?

— Я замерзла. Можно подвинуться поближе?

— Конечно.

Он убрал руку, и она мгновенно очутилась рядом с ним, вцепилась в него так, будто он умел летать, а она — нет. Он обнял ее, положил ее голову себе на грудь и уснул окончательно.

Утром они позавтракали в ресторанчике неподалеку от заведения. Малакар обратил внимание на группу женщин за дальним столом. Каждая из них время от времени украдкой бросала на него быстрый взгляд.

— Почему они смотрят на меня? — тихо спросил он.

— Они работают там же, где и я, и удивлены, что ты провел со мной целую ночь.

— Это нечасто случается?

— Нет.

Вернувшись, они раздобыли чемоданы, и Малакар помог ей уложить вещи. Пока они занимались этим, Джакара молчала, как молчала до этого все утро.

— Ты боишься,— сказал он.

— Да.

— Это пройдет.

— Я знаю. Я много думала о том, что буду чувствовать в такой день, но и представить себе не могла, что это будет страх.

— Ты оставляешь позади нечто такое, что знаешь, а впереди — неизвестность. Это понятно.

— Я не хочу быть слабой.

— Страх — не признак слабости.— Он похлопал ее по плечу.— Кончай укладываться, а я позвоню в порт и договорюсь, чтобы они забрали твои вещи.

Она отступила на шаг, сказала:

— Спасибо,— и склонилась над чемоданом.

Надеюсь, она оставит здесь мою фотографию и эти проклятые хлысты, подумал Малакар.

Договорившись с портовыми властями о чемоданах Джакары, он позвонил в диспетчерскую. Видеоэкран он при этом не включил.

— Не подскажете ли мне, кому принадлежит тот челнок, что приземлился вчера вечером? Отделу?

— Нет,— донесся ответ.— Он принадлежит частному лицу.

Это еще ни о чем не говорит, подумал Малакар. Если Отдел просит о секретности, с ним охотно сотрудничают. Однако нужно попробовать...

— Вы можете описать мне этот корабль?

— Конечно. Модель «Т», из Лимана, Боготель. Синьор Энрико Карузо — владелец и капитан.

— Спасибо.

Это все еще ничего не доказывает, но известно, что когда Отделу удавалось выследить меня, он никогда не делал из этого тайны. Наверное, я и в самом деле потихоньку схожу с ума. Не стоит проверять этого Карузо. Если он настоящий — все в порядке, если нет — установление его личности займет слишком много времени. Вообще-то, меня не должно это волновать. Если только он не убийца. Но даже тогда...

— Я готова,— раздался голос Джакары.

— Отлично. Вот деньги. Посчитай и скажи, хватит ли их. Я дождусь людей из порта, а ты займись животными и снаряжением.

— Здесь больше чем достаточно,— сказала она.— Малакар...

— Что?

— Когда я должна сказать им, что увольняюсь?

— Если хочешь, прямо сейчас, а если не хочешь разговаривать с ними, напиши записку.

Она просияла.

— Я напишу им записку.

В полдень они уже ехали между холмов. Вьючные животные плелись сзади, привязанные к седлу Джакары. Она натянула поводья и обернулась, чтобы посмотреть на город внизу.

Малакар тоже остановил своего курьяба, но смотрел он не на Кейпвилл, а на Джакару. Она ничего не сказала. Как будто Малакара не существовало.

Глаза ее сузились, а губы сжались так крепко, что стали почти невидимыми. Волосы она перевязала лентой, и Малакар смотрел, как ветер играет ее концами. Она сидела так примерно полминуты. Он буквально ощущал, как катится вниз по склонам волна чистой ненависти и разбивается о город. Потом это кончилось, и курьяб Джакары пошел вперед.

Я вижу сон, Джакара, сказал себе Малакар. Тот самый, который мог бы сделать Морвин...

Они ехали весь день, и Малакар увидел другой берег полуострова, где воды были светлее, и где не было города. Он разглядел несколько домиков на далеком берегу, но между ними и холмами возвышалось переплетение зеленого, где лианы бежали от дерева к дереву и где среди листвы порхали черные птички. Небо было наполовину затянуто тучами, но солнце расположилось на

другой половине, и день все еще светился. Тропа была сырой от ночного дождя и, проходя по ней, они поднимали муть в лужицах чистой воды. Малакар заметил, что подковы его курьяба имеют треугольную форму, и подумал, что он, наверное, отчаянный боец. Далеко внизу на волнах появились белые барашки, закачались деревья.

Ветер еще не добрался до наших высот, подумал Малакар. Судя по этим облакам, ночью пойдет дождь. Если ветер разгуляется, брезент оказался бы лучше, чем та пленка, которую она купила...

Перед наступлением сумерек они остановились и поели. Шинд вылез из своего ящика и присоединился к ним. Джакара улыбнулась. Казалось, дарвенианин понравился ей. Это обрадовало Малакара, который решил, что она, наверное, настолько ненавидит людей, что ей легче завести дружбу с представителем другой расы.

Пока они ели, небо совсем затянуло облаками. Близилась ночь. Налетали резкие порывы ветра.

Джакара подняла палец и сказала:

— Через шесть миль будет место, защищенное с двух сторон. Мы поставим там палатку.

Когда они добрались до этого места, дождь уже шел.

Лежа в мокрой одежде, прислушиваясь к движениям курьябов, чувствуя ветер, а иногда и дождь, прижимаясь к ней, глядя на сложенные из серого камня стены и на дождь, он планировал, выбирая миры для смерти. Он составил прекрасный план, всесторонне обдумал его, решил, что он сработает, и отложил для будущего воплощения. Он готов. Послезавтра они будут на Кургане. Рядом с ним Джакара тихо посапывала во сне.

— *Спокойной ночи, Шинд.*

— *Спокойной ночи, капитан.*

— *Ей снится кошмар?*

— *Нет. Сон ее приятен.*

— *Тогда я не буду будить ее. Спи спокойно.*

— *И ты.*

Он долго лежал, прислушиваясь к ночи, и растворился в ней.

На следующие утро они вышли с полуострова, повернули на северо-запад и двинулись в глубь материка. Местность постепенно понижалась и скоро они добрались до ровного плато, которое и пересекли в полдень. Это привело их к подножию следующей гряды холмов. В них и лежит Курган, сказала Джакара. Они увидят его еще до темноты.

Она оказалась права. Они взобрались на очередной склон, она показала рукой, он кивнул. Гигантская скальная масса с плоской вершиной лежала в нескольких милях впереди. Подход к ней преграждал глубокий каньон, через который нужно было перебираться. Курьябы спокойно зашагали меж валунов.

К вечеру они пересекли каньон и вышли на удобную тропу, на-

чинавшуюся на южном склоне Кургана и ведущую на запад и вверх. К этому времени Малакар совершенно освоился со своим курьябом, и доверял ему даже при свете звезд.

Только утром, бросив первый взгляд на руины, Малакар осознал объем предстоящей работы. Согласно канонам пейанской архитектуры, ни одно здание не стояло слишком близко к другому. Город раскинулся на площади примерно две мили в длину и около четверти в ширину. Сохранились в основном фундаменты, но кое где еще высились стены. Земля была усеяна обломками, между которыми густо росли трава и кусты, частично скрывая их. Деревьев не было. Вне очертаний того, что было когда-то городом, стояло небольшое прямоугольное здание с облупившимися от солнца и дождя стенами.

— Это и есть военная база?

— Да. Я была внутри. Крыша местами обвалилась, там полно насекомых и плохо пахнет. Когда люди уходили отсюда, они все забрали с собой.

Он кивнул.

— Тогда для начала давай немного пройдемся, и ты покажешь мне, что есть что.

Шинд, похожий среди обломков на маленькую скользящую тень, пошел с ними. Они ходили несколько часов, и Джакара рассказала ему все, что знала. После этого Малакар выбрал для более тщательного обследования наиболее высокий остов, надеясь, что в свое время именно он первым привлек внимание Х. Но наступил полдень, а он ничего не нашел.

После завтрака он взобрался на высшую точку развалин (стену) и, сидя там, нарисовал карту местности. Потом, точка за точкой, он разметил ее и разделил на квадраты. Потом он потратил несколько часов, чтобы отметить все места, где пересекались линии.

— Будем обыскивать квадрат за квадратом? — спросила Джакара.

— Верно.

— Откуда начнем?

— Выбирай,— сказал он, протягивая ей карту.

Она быстро взглянула на него и увидела, что он не шутит.

— Отсюда — с середины.

Они обследовали два квадрата, влезая в подвалы и подподвалы, переворачивая камни, раздвигая кусты. Они работали, пока перестали что-либо различать в темноте, потом вернулись в лагерь и разожгли костер.

Позже, когда они смотрели на звезды, Джакара первой нарушила молчание, сказав:

— Мы хорошо начали.

Он не ответил — продолжал лежать и курить. Она нашла его руку и до боли сжала ее.

— *Что с ней, Шинд?*

— Она хочет успокоить тебя. Она чувствует, что ты несчастен оттого, что не нашел сегодня того, что искал.

— Конечно, она права... С другой стороны, я и не рассчитывал найти что-нибудь в первый же день.

— Скажи ей об этом сам. Ее мозг — странное место. Она несчастна, потому что думает, что несчастен ты.

— Этого только не хватало!

— Капитан...

— Что?

— Я жалею, что рассказал тебе о том сне.

— Я уже догадался.

— Все еще не поздно...

— Спи, Шинд.

— Да, сэр.

— Эй, Джекки?

— Что?

Он протянул свободную руку, положил ей на затылок, повернул ее голову к себе, поцеловал в лоб и отпустил.

— Ты прекрасный проводник, и мы действительно хорошо начали.

Потом он отвернулся от нее и заснул. Звезды ясные, не переставала думать она, глядя на бескрайнюю звездную россыпь, подарите ему исполнение желаний.

С утра они снова принялись за дело и к полудню обработали еще четыре квадрата. Кое-что они нашли — кухонные принадлежности местного производства и грязный обрывок брезента. Но хотя они заглянули буквально под каждый камешек, больше ничего не попалось.

— Наверное, это его лагерь,— сказала Джакара.

— Или еще чей-нибудь. Не обнадеживай себя.

— Может быть... Давай покончим с этим квадратом и займемся следующим.

В этот день они осмотрели восемь квадратов и ничего не нашли.

— Шинд?

— Что, Джакара?

— Он спит?

— Да, но даже если бы он не спал, он не услышал бы нашего разговора без моего разрешения.

— Он огорчен?

— Не очень. Он всегда молчит, когда работает. Он... занят. Ты не сделала ничего, что могло бы огорчить его.

— Ты давно его знаешь?

— Больше двадцати земных лет. Во время войны я был его личным переводчиком.

— И все еще сражаешься вместе с ним за ДИНАБ. Из всей команды остался ты один.

— Время от времени я бываю полезен ему.

— Приятно слышать о таком беззаветном служении идее.

— Одно существо не может делить мысли другого так долго, как мы, без того, чтобы не сойти с ума или не полюбить другого. Мои чувства к Малакару — личные. ДИНАБ тут ни при чем. Я служу им только потому, что эти пять букв еще что-то для него значат.

— Ты любишь его? Ты... женщина?

— Да, в моей расе меня можно отнести к женскому роду. Но это тоже не имеет значения. Человека можно научить дарвенианскому образу мыслей... и чувств, но это займет многие месяцы и ни к чему не приведет. Называй это любовью.

— Я не совсем тебя понимаю, Шинд.

Последовал мысленный эквивалент пожатия плечами.

— Ты говорила, что умеешь обращаться с оружием.

— Да,— ответила Джакара.

— Тогда держи его наготове. Если увидишь, что ему угрожает опасность, стреляй, не раздумывая.

— Опасность?

— Меня всегда беспокоила эта экспедиция... У меня предчувствие опасности, хотя я не знаю, как и почему она возникнет.

— Я буду готова к ней.

— Тогда я буду спать спокойнее. Доброй ночи, Джакара.

— Доброй ночи, Шинд.

Она переложила пистолет так, чтобы из него можно было выстрелить мгновенно, и спала, положив на него руку.

На третий день работы Малакар услышал сверху слабый звук и посмотрел на небо. С юга на северо-запад летел челнок. Джакара прервала работу и тоже посмотрела вверх.

Они смотрели, и им казалось, что кораблик растет.

— Он летит сюда. И может пролететь прямо у нас над головой.

— Да.

— Шинд! Можешь?..

— Нет. Расстояние слишком велико.

— Если он пройдет над нами?..

— Тогда видно будет.

Через несколько минут челнок достиг Кургана. Он летел медленно, в нескольких сотнях футов над землей и начал уже проходить над развалинами. Когда он оказалея на позиции, с которой пилот просто не мог не увидеть их — если, конечно, пилот смотрел вниз — корабль вдруг увеличил скорость и поспешил на северо-запад, одновременно набирая высоту. Скоро он исчез из виду.

— В нем один человек,— сказал Шинд обоим.— Ему любопытно было посмотреть на развалины. Это все, что я уловил.

— Обычный турист, наверное.

— Почему он сбежал, увидев нас?

— Трудно сказать...

Малакар вернулся в лагерь, достал лазерную винтовку и повесил на плечо. Увидев это, Джакара проверила свой пистолет.

Потом они вернулись в квадрат, где работали.

— У меня идея,— сказала Джакара.

— Выкладывай.

— Пейанцы — ведь странтрианской расы, а странтрианские храмы почти всегда располагаются под землей. Пока нам не попалось еще ни одного. Если, как ты думаешь, этот твой X был археологом-любителем...

Малакар энергично кивнул и посмотрел на карту.

— Взберусь-ка я на эту стену еще разок,— сказал он, оглядываясь через плечо.— Подземные пустоты размером со странтрианскую часовню не могли не обрушиться за все эти годы. Надо поискать дыры в земле.

Он снова влез на стену и принялся тщательно осматривать развалины. Потом он достал карту, пометил что-то на ней, еще раз сверил с местностью.

Спустившись на землю, он показал Джакаре карту и сказал:

— Я заметил шесть черных точек. Наверное, их тут больше, но пока я разглядел только эти шесть. С них и начнем. Выбирай любую.

Она выбрала, и они пошли к ней.

Четвертый обследованный ими провал оказался странтрианской часовней.

Улегшись у провала, Малакар направил вниз луч фонарика и увидел, что под ним — пятистенный зал. Внизу, впереди и справа, лежали останки центрального алтаря. Огромная куча обломков загораживала панораму. Чуть подвинувшись вправо, он увидел низкий сводчатый коридор и часть помещения за ним. Оттуда обычно ведет вверх лестница...

Он прикинул, где находится, выбрался из дыры, натянул перчатки, подошел к одному из разрушенных строений и принялся разбрасывать обломки камней.

— Здесь — путь вниз,— сказал он.— Мы легко расчистим его. Все это уже давно расшаталось.

— А если спуститься через дыру?

— Она уже один раз обвалилась... Нам нужен безопасный путь.

Джакара кивнула, надела перчатки и присоединилась к нему.

К вечеру они расчистили вход и примерно две трети лестницы, ведущей вниз.

— Посиди на верхней ступеньке и посвети мне,— приказал Малакар и работал еще два часа.

— Ты устал,— сказала она.

— Немножко. Осталось всего несколько футов.

Он прошел мимо нее с камнем в руке.

— *Кто-то находится на плато кроме нас,*— сказал Шинд.

— *Где?*— спросил Малакар, бросая камень в кучу других.

— Я не могу сказать с уверенностью. Кажется, к северо-западу. Я чувствую только присутствие. Ничего более специфического.

— Может, это животное? — спросила Джакара.

— Нет, это разум более высокого уровня.

— Постарайся залезть в него.

— Я пробую, но он слишком далеко.

— Следи и дай нам знать, если он приблизится.

Малакар подошел к женщине.

— Выключи фонарь, — сказал он.

Она выключила. Он снял с плеча винтовку, взял ее в руку.

— Давай посидим немного, — сказал он и уселся рядом с Джакарой.

— Он один, — сказал Шинд.

— Тот самый, что пролетел над нами днем? — спросила Джакара.

— Не могу сказать.

— Челнок мог вернуться на малой высоте и сесть в каньоне поблизости, — сказала она.

— Он движется к нам? — спросил Малакар.

— Держится на одном месте.

Они ждали.

Через пятнадцать минут Шинд сказал:

— Все еще не движется. Наверное, устраивает лагерь.

— Малакар, что мы будем делать?

— Я раздумываю, стоит ли сходить посмотреть, или все же постараться расчистить коридор сегодня же ночью.

— Он не знает, где мы. Если это человек с корабля, то мы ушли далеко от того места, где он нас видел. Зачем нарываться на неприятности?

— Мне интересно.

— Шинд предупредит нас о всех его передвижениях. Я спущусь пониже, и с земли никто не увидит света фонаря. Мы залезем внутрь уже через час и, если найдем то, что ты ищешь, то сразу же уедем, а он пусть остается здесь, сколько ему заблагорассудится.

— Ты права, конечно... тактически.

Он встал.

— Осторожнее на этих ступеньках.

— Шинд, если что-нибудь произойдет, сразу доложи нам. Ты можешь хоть примерно сказать, далеко до него?

— Около двух миль. Если я приближусь к нему на несколько сот футов, то смогу раздобыть больше информации.

— Иди.

Малакар стоял в десяти футах над завалом, Джакара слева от него и выше. Он снова повесил винтовку на спину и возобновил атаку на камни. Через десять минут под самым потолком сводчатого коридора появилась брешь.

— Капитан, я все еще иду. Чувствую сильнее. Это мужчина, и он собирается спать.

— *Хорошо. Продолжай наблюдение.*

Малакар расширил отверстие. Теперь он сбрасывал камни на лестницу рядом с собой. Джакара прислонилась спиной к стене, держа фонарь в левой руке. Правая лежала на рукоятке пистолета.

— Совсем скоро,— пробормотал Малакар, вытащив из завала три больших камня. Щебенка дождем посыпалась на землю.

Он отогнул в сторону металлический прут, отступил на шаг и ударил тяжелым ботинком по верхушке завала. Камни загрохотали по полу внутри, поднялась пыль. Джакара закашлялась, и луч фонаря заметался по стенам.

— Прости,— сказал Малакар.— Я хотел поскорее убрать мелочь. Еще пара минут, и мы влезем внутрь.

Она кивнула, и луч света кивнул вместе с ней. Малакар вгрызся в кучу.

— *Капитан!*

— *Что?*

— *Я вступил в контакт с его мозгом, и он ушел.*

— *Что ты имеешь в виду?*

— *Я больше ничего не чувствую, даже самого факта его существования. Он обнаружил мое присутствие и заэкранировал свой мозг. Он — телепат и весьма искусный. Что мне делать?*

— *Возвращайся. Мы сейчас полезем внутрь. К какой расе принадлежит это существо?*

— *Полагаю, он твой соплеменник.*

— *Люди — не телепаты.*

— *Кое-кто способен на это, ты же знаешь. Это мозг ПОКАЗАЛСЯ мне человеческим.*

Малакар передвинул еще несколько камней и отогнул еще один прут.

— Наш гость — телепат,— сказал он Джакаре,— и заблокировал Шинда. Он возвращается... Вот. Кажется, можно пролезть.

— Это необходимо? Он может найти нас здесь.

— «Он» — вероятнее всего человек. Если он вычислил нас здесь, он найдет нас в любом месте, в лагере, например.

Он наклонился вперед, пролез по верху завала, под потолком, и спустился в помещение внутри.

— Иди,— сказал он.

Он осветил ей путь, и она поползла. Он протянул ей руку, и скоро они стояли рядом в маленькой комнатке.

— Сюда.

Они вышли в пятиугольный зал. Множество мелких тварей бросилось прочь от света, и кануло в тени. Малакар провел вокруг лучом — перевернутые скамейки, пыльные скамейки, скамейки, которые прогнулись и переломились. Он повернулся к алтарю — зеленому, покрытому множеством трещин камню. Потом он посмотрел на окружающие их ряды гласситовых пластин с изображением пейанских божеств. Их были сотни — некоторые разбились, многие покосились. Несколько упало на пол. Повернувшись, он скользнул по ним лучом.

— Хорошо сохранились. Сколько лет этому месту?

— Никто точно не знает,— ответила ему Джакара.— Этот город был уже в развалинах, девятьсот земных лет назад, когда открыли Дейбу.

— *Я здесь,*— сказал Шинд, пролезая по расчищенному проходу.

— *Хорошо. Что нового скажешь о нашем госте?*

— *Ничего. Ищите, а я попробую заэкранировать вас от него.*

— *Превосходно.*

Ступая между останков скамеек, Малакар принялся осматривать пол. Через полтора часа он осмотрел весь пол и ничего не нашел. Он перешел к алтарю и принялся перебирать валяющиеся вокруг него куски потолка.

— Кажется, я что-то нашла,— услышал он голос Джакары, далеко впереди и слева, где она искала, освещая место своим маленьким фонариком.

Он сразу же подошел к ней.

— Что такое?

Она указала слабым лучом точку на полу, Малакар тут же осветил ее своим ярким.

Перед ними лежала записная книжка — отсыревшая, покрытая пылью.

Нагнувшись, Малакар осторожно прикоснулся к ней. Это была дешевая записная книжка в пластиковой обложке. Сняв и засунув за пояс перчатки, Малакар открыл ее. Страницы были сырыми. Линии размылись или исчезли совсем. Одну за одной он перевернул все страницы.

— Рисунки,— сказал он.— Зарисовки этого места. Ничего, кроме рисунков,— и закрыл книжку.

— Значит,— сказала Джакара,— КТО-ТО все-таки тут был. Зачем выбрасывать книжку, в которой так много рисунков? Может быть, именно тут Х и заболел...

Она отпрянула.

— А сами мы от нее ничем не заразимся?

— После стольких-то лет?

Он провел лучом вокруг.

— Если он оставил это, он мог...

Он оставил движение луча. Сверкнуло что-то металлическое. Сгнившая ткань цеплялась к нему клочьями, а под ними лежал маленький ящичек.

— В таком удобно что-то носить,— произнес Малакар.

Он нагнулся и внезапно застыл, разглядев на стенке ящика полускрытые пылью буквы.

Он осторожно поднял ящик, дунул на него... и странные картины хаоса и смерти еще раз волной прокатились в его мозгу, потому что буквы были: «ГфХ».

— Вот оно,— прошептал Малакар.— Я знаю, кто он...

— *Я чувствую его!*— воскликнул Шинд.— *Ваша находка взволновала его, и он выдал себя!*

Малакар молниеносно обернулся, уронив при этом ящик, погасив фонарь и сдернув с плеча винтовку.

— Мир! — раздался голос сверху.— На вас не направлено никакое оружие!

В этот момент Джакара погасила свой фонарь, и Малакар услышал щелчок предохранителя на ее пистолете.

В отверстии в потолке, на фоне звезд, внезапно показался силуэт человека.

— Из тебя получилась хорошая мишень,— сказал Малакар.

— Я показал себя, чтобы убедить вас в своих добрых намерениях. Нам нужно поговорить.

— Кто ты такой?

— Какое это имеет значение? Я знаю то, что вы узнали только что. Гейдель фон Хаймак — вот это имя, но мне нужно было удостовериться.

Пока человек говорил, слабый свет появился на стене справа от них, и Малакар быстро глянул в том направлении. Одна из гласситовых картин светилась слабым зеленоватым светом. На ней был изображен обнаженный человек, держащий в одной руке грозовое облако и лук — в другой. Лицо его частично было скрыто поднятой рукой. У бедра висел колчан с молниями.

— Итак, ты знаешь его имя,— сказал Малакар.— И что же ты собираешься делать?

— Найти человека, которому оно принадлежит.

— Зачем?

— От него исходит угроза для всего живого.

— Знаю. Поэтому он мне и нужен.

— А я знаю тебя, Малакар. Когда-то я восхищался тобой, да и сейчас ты мне нравишься... Однако в этом деле ты ошибаешься. Гейделем нельзя воспользоваться так, как этого хочешь ты. Он ускользает из-под твоего контроля, и в опасности окажутся не только ОЛ, но и ДИНАБ.

— Кто ты?

— Энрико Карузо.

— *Он лжет*,— сказал **Шинд**.— *Его зовут Фрэнсис Сэндо.*

— Ты — Фрэнсис Сэндо,— сказал Малакар вслух, и я понимаю, почему ты хочешь остановить меня. Ты — один из богатейших людей в Галактике, и когда я ударю по Объединенным Лигам, я наступлю при этом на множество твоих интересов. Так?

— Так,— согласился Сэндо.— Однако не за этим я прилетел сюда. Я всегда действую через посредников, но этот случай — исключение. Ты — доктор медицины и должен понимать, что существует множество состояний, природа которых не является чисто материальной.

— Что же из этого следует?

— Ты долго копался в этих развалинах. Нашел ли ты признаки того, что кто-то побывал здесь совсем недавно?

— Нет.

— Ладно, я скажу тебе... Не будучи в состоянии увидеть это

сам, я скажу тебе кое-что, чего я никак не мог узнать обычным способом... Ты стоишь рядом с местом, где только что сделал свое открытие, у стены. Пусть твоя женщина держит меня на мушке, а сам посвети на эту стену, повыше. Ты увидишь гласситовую картину. Я опишу ее: голова и плечи женщины с синей кожей. У нее два лица; смотрят они в разные стороны. То лицо, которое слева — привлекательно, и на этой стороне картины нарисованы цветы — голубые цветы. У девки на правой стороне — длинные зубы и злобное выражение на физиономии. Рядом с ней — орнамент из голубых змей. Прямо над ней — синий круг.

Малакар включил фонарь.

— Ты прав. Откуда ты знаешь все это?

— Это изображение богини Мари-ам, повелительницы здоровья и болезней. Именно под этой картиной лежал фон Хаймак, борясь со смертью. На него легло благословение и проклятие этого существа.

— Ты запутал меня... Ты что, хочешь сказать, что эта богиня действительно существует?

— В некотором смысле — да. Есть доказательства того, что существует некая система энергетических полей, и вот она-то каким-то странным образом обладает теми качествами, которые приписываются этому странтрианскому божеству... Называй это как хочешь. Теперь эта система переселилась в тело человека, которого ты ищешь. Мне были представлены вполне удовлетворительные доказательства того, что это — правда. Теперь я окончательно убедился в этом, и мне нужно найти этого человека.

— Что ты сделаешь, когда найдешь его?

— Вылечу, а если это не получится — убью.

— Нет! — сказал Малакар. — Он нужен мне живым.

— Не будь идиотом! — воскликнул Сэндо, когда Малакар внезапно осветил его. Он прикрыл глаза рукой и бросил свое тело назад.

Малакар выстрелил, не в него, а в потолок. Часть его с грохотом обрушилась. К грохоту как будто примешался звук падающего тела.

— Попал! — крикнул Малакар, хватая Джакару за руку и падая вместе с ней на пол.

Он прополз немного и укрылся за небольшой кучей обломков, лазер наготове.

— Он жив! Он в сознании! У него оружие!

Луч лазера расплавил камень рядом с левым плечом Малакара, и он изо всех сил вжался в пол.

— Дай же человеку договорить!

— Нам нечего сказать друг другу.

— Суди об этом после того, как дослушаешь! Я не буду стрелять, если и вы не будете!

— Не стреляй, — сказал он Джакаре. — Послушаем... Ладно, Сэндо, говори!

— Ты знаешь, что мне нужно: фон Хаймак. Я не буду спорить

о правомерности того, что ты задумал, потому что ты уже все для себя решил. Я читаю это в твоем мозге. Однако я хочу предложить тебе сделку... Черт возьми, кончай целиться в меня! Никаких фокусов с моей стороны, обещаю! Ты живешь на мертвой, вонючей, радиоактивной Земле, так называемой родине человечества. Хочешь увидеть ее снова чистой и зеленой? Вулканы погасли, радиоактивность нейтрализована, чернозем, деревья, рыба в океанах, первоначальная форма материков? Я могу сделать это.

— Сколько это будет стоить?

— Неважно. Договорились? Земля, такая, какой она была до войны, а в обмен ты забываешь о существовании Гейделя фон Хаймака?

— Ты лжешь!

— *Он не лжет,*— сказал Шинд.

— Это будет еще один обитаемый мир для ДИНАБ, который, по твоему утверждению, ты так безумно любишь.

Все время, пока Сэндо говорил, Малакар старался контролировать свои мысли — действовать автоматически, как в бою — и не позволить какому-нибудь намерению или желанию выразиться в сознании. Осторожно, беззвучно, он продвинулся вправо, ориентируясь по голосу. Добравшись почти до стены, он увидел смутные очертания головы и левого плеча Сэндо, и мягко нажал на спуск.

Его левая рука онемела до локтя, парализованная силой ответного удара; он увидел, что его выстрел ушел в сторону, оплавив штукатурку на дальней стене.

Левой рукой он прикрыл глаза от летящих обломков камня, но тут же опустил ее, перехватил винтовку, и повел луч лазера по потолку...

Сэндо наконец замолчал.

Они долго лежали неподвижно, прислушиваясь к своему дыханию, к биению своих сердец.

— *Шинд?*

— *Пусто. Ты убил его.*

— Малакар поднялся на ноги.

— Пойдем, Джакара. Нам пора идти.

Потом, когда они сворачивали лагерь, она посмотрела на него, сказала:

— Кровь, Малакар,— и дотронулась пальцем до его щеки.

Он отдернул голову.

— Знаю. Я порезался, когда эта проклятая картина с зеленым человеком упала на меня.

Он подтянул подпругу.

— Малакар, он и в самом деле мог вылечить Землю?

— Наверное, но это не решило бы проблемы.

— Ты говорил, что тебе нужно больше миров, чтобы достичь статуса Лиги. Земля могла бы стать таким миром.

— Получив его, я не смог бы завоевать больше ни одного.

— Как он узнал про картину этой богини... Мари-ам?

— Все странтрианские часовни устроены одинаково. Он знал, где мы стоим, и мог сказать, что находится на стене рядом с нами.

— Значит, он все выдумал?

— Конечно. Смехотворная выдумка. Он преследовал чисто экономические интересы.

— Тогда почему он прилетел сам?

— Не знаю... Я готов. Поехали.

— Ты не будешь заклеивать его?

— Что?

— Порез.

— Потом.

Вскочив в седла, они заторопились сквозь ночь и дождь к Кейпвиллу.

Глава 4

Доктор Пелс перечитал доклады. Слишком поздно, решил он; происходит нечто непонятное. Буйствует МВАЛАХАРРАН КХУРР, но не только она, а дюжина других болезней вместе с ней. Нельзя позволить ему экспортировать болезни на другие планеты. Где он? Ни один радар не заметил, как он улетел с Клича. Однако из порта украден челнок, а в самом порту — разгул эпидемии. Неужели он попытался удрать — изолировать себя — когда увидел, что происходит. Или просто направился куда-то еще?

«Море» Дебюсси колыхалось вокруг доктора Пелса, а сам он смотрел на планету Клич.

Что делать, думал он. Я долго ждал, и вот ожидание закончилось, пришла пора действовать. Найди я его месяц назад, этого могло не случиться. Нужно разыскать его как можно скорее, поговорить с ним, убедить его довериться мне, побыть под моим наблюдением, пока я не придумаю, что делать. Интересно, согласится он подвергнуться процедуре, которая поддерживает МЕНЯ? Пожертвует ли он привычной жизнью; согласится ли стать... призраком? Поменять свое существование на лишенную сна и человеческих ощущений жизнь в пустоте? Если он в здравом уме, то согласится. Только это... или самоубийство — таков выбор у психически нормального человека, не растерявшего еще свою совесть... Но если он все-таки сошел с ума? Предположим, ситуация сломала его; или сумасшествие — побочный эффект его состояния? Что тогда делать? Кстати, этим можно объяснить и его исчезновение.

А что, если его состояние столь же необратимо, как и мое? В таком случае ответом может быть глубокий холод. Но это может растянуться надолго, а без гарантий пробуждения он ни за что не согласится. Как поступить, когда я найду его? Время ожидания кончилось, а я не знаю, что мне делать. Ждать, наверное...

Подумав, он отправил послание Координатору Общественного Здоровья планеты, предложив свои услуги в борьбе с эпидемией, поразившей уже два континента. Потом он настроил при-

емник на Центральные Новости. Он мог слушать их круглосуточно, и надеялся, что не пропустит названия планеты, на которой вспыхнет следующая эпидемия. Он подготовил корабль для мгновенного старта.

Потом доктор Пелс слушал новости, и картины моря, которого он никогда не видел, перемешивались с ними в его мыслях.

* * *

— Все прошло прекрасно,— сказал ей Гейдель.— Дело нескольких минут. Кажется события ускоряются.

— Потому что ты присутствовал при этом лично. Ты становишься фокальной точкой. Скоро ты станешь сердцем урагана. Скоро тебе ничего не сможет противостоять. Надо будет только указать пальцем, пожелать, и все они умрут.

— Леди... теперь я знаю, что ты реальна, а не просто лихорадочный бред. Я уверен в этом потому, что когда я пробуждаюсь, ты исполняешь свои обещания.

— Как и ты. Поэтому я наградила тебя.

— Но ты стала другой...

— Нет. Просто я стала сильнее.

— Я не то хочу сказать, хотя и это — правда. Что-то изменилось... Но что? Я обнаружил, что мыслю не всегда ясно.

— Я предупреждала тебя. Ты становишься похожим на бога.

— Но часть меня кричит от ужаса.

— Это тоже пройдет. Это всего лишь стадия твоего превращения в бога.

— Ты — не сон. Ты существуешь. Кто ты — на самом деле? И где я сейчас?

— Я — богиня, которой ты поклялся в верности, а пребываешь ты сейчас в моем пресональном раю.

— Где же он?

— Мои владения — внутри тебя.

— Ты не ответила мне, Леди.

— Я даю тебе единственно правильные ответы.

— Где мы встречаемся?

— Мы всегда знали друг друга.

— Это случилось на Дейбе, правда?

— На Дейбе мы вступили в формальный контакт.

— Я не могу вспомнить этого.

— Ты болел. Мы спасли тебя.

— «МЫ»?

— Я. Это я спасла тебя в тот раз, чтобы мы могли принести пользу друг другу.

— Почему ты ждала так долго?

— Время не имело значения — до недавней поры.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее. И быстро поклонился, потому что перед ним были только синее пламя и синий лед.

— Что случилось? — пробормотал он.

— Ты принес больше того, что мне нужно, и одновременно меньше, ДРА фон Хаймак. Крошечные воспоминания незначительной жизни перестали быть частью наших деяний. Пусть уходят. Ты больше не тот, кем был на Дейбе, и даже на Кличе. Преклонись предо мной. Восхваляй меня. И я сделаю тебя богом. Я окажу тебе величайшие милости.

— Я преклоняюсь перед тобой и восхищаюсь тобой.

— Когда ты проснешься, ты будешь идти, пока не придешь в город. Там ты не произнесешь ни слова. Ты укажешь пальцем на первое встретившееся живое существо...

— ...я укажу пальцем на первое встретившееся мне живое существо...

— Ты почувствуешь, как сила раскрывается внутри тебя подобно цветку, поднимается подобно змее...

— ...я почувствую силу...

— Потом ты уйдешь из того места и найдешь другое...

— ...я найду другое место...

— Ты прекрасен, и я люблю тебя, ДРА фон Хаймак!

Он почувствовал, как подобно монетам для Харона, прикасаются к его глазам холодные губы. Потом до него донеслась песня. Голубела луна. Кровь падала с кончиков ее пальцев на раскрытую ладонь. Песня стала частью вечности.

* * *

Малакар дал ей снотворное и отправил в каюту. Если бы не это, ему пришлось бы выключить экраны — они вызывали у нее головокружение. По правде говоря, он мог бы обойтись и без экранов, но Джакара действовала ему на нервы с самого отлета.

Дело не в том, что она — просто красивая женщина, которая обожествила тебя и боится твоего прикосновения, думал он. И не в ее непрекращающихся рассуждениях об ИДЕЕ, не в том, что она ждет от тебя рассказов о прошлых битвах... Но в чем? Может быть, в том, что я на целых две недели прикован к другому человеку, да еще в подпространстве? Нет, опять не угадал. Внезапная тяжесть свалившегося на меня груза времени? Она тычет мне в нос годами, разницей между тем, кем я был, и кем стал. Неужели раньше я и вправду мог ненавидеть с такой силой, что готов был сжечь город, чтобы извести крыс? Когда же началось размягчение характера, движение от чистой ненависти к идиотским планам достигнуть статуса Лиги? Очевидно, это произошло настолько постепенно, что до последнего времени я даже не ощущал перемен. Я горел желанием разрушать, а теперь не уверен, правильно ли это. А Сэндо... Интересно, мог он помочь ДИНАБ? Если бы я попросил его? Он рассуждал вполне здраво, если не считать болтовни про странтрианскую богиню... Это же чушь, даже если сам Сэндо верил в нее. Джакара или выносит на поверхность худшее, что есть во мне, или подавляет меня... Нет, опять не то! Но все

же... Я постараюсь поспать, когда она проснется. Если люди Сэндо свяжут мое имя с обстоятельствами его смерти, тогда мне действительно придется тяжело. Им наплевать на политические границы. Ну что ж, посмотрим... Когда я спущу с цепи фон Хаймака, тяжело придется всем. Кто-нибудь сложит два и два и начнет охотиться за мной. Глупо было посылать им этот шар. Нужно было сохранить его. Неужели я так измельчал? Напомнил: «момento мори»? Трудно сказать... Скольких сукиных сынов из Генерального Штаба ОЛ я пережил? Они-то не носились по подпространству, как мы... Земля, из всех планет! Бифрост... Куда я так спешу? Хочу поскорее разделаться с этим? Наверное... Боже, не давай мне совести! Я не могу позволить себе такой роскоши как совесть... Я зашел слишком далеко, осталось пройти еще чуть-чуть... Как красиво падают ее волосы, и эти испуганные глаза...

Голубая звезда появилась в центре звездоворота, и Малакар следил, как она раскручивается по спирали и, как камень из пращи, вылетает прочь с экрана.

— Развалины пейанского города — пустяк,— сказал Малакар, обводя рукой пейзаж,— когда смотришь на целую планету, пребывающую в таком же состоянии.

Джакара смотрела на то, что осталось от Манхэттена.

— Я видела фотографии,— сказала она,— но...

Он кивнул.

— Сейчас мы пройдемся над Миссисипи, а потом я покажу тебе место, где раньше была Калифорния.

Один за другим он включал экраны, и спутники показывали им искалеченную Землю.

— Они здорово потрудились,— сказал Малакар.

Зачем ему это? подумал Морвин, притворявшийся, будто рассматривает кратер. Где бы он ни подцепил эту девицу, он превращает ее в некое подобие себя самого. Как она говорила вчера за ужином... Еще год, и она станет хуже, чем даже он. Может быть, уже... Неужели ненависть необходима, чтобы командовать флотом? Уметь так согнуть мышление человека, что оно начинает копировать твое собственное? Конечно, это не мое дело, но она кажется такой юной... Может быть, это меня нужно гнуть. Может быть, ОНИ правы. После войны я покрылся жирком, а такие люди продолжали сражаться. Что, если не все еще потеряно? Вдруг капитану каким-то чудом удастся выиграть? Нет, это для комментаторов Центральных Новостей. Слишком неправдоподобно. И все же... Неужели мое мышление стало напоминать баранье? Или я слишком долго забавлялся с чужими снами? Наверное, девушка едва помнит войну, но тем не менее она — с ним. Что он уготовил для нее?

— Ужасно,— услышал Морвин свой собственный голос, и перевел взгляд с девушки обратно на экран.— Капитан, откуда такой внезапный интерес к эпидемиям?

Малакар целых полминуты внимательно смотрел на него, потом ответил:

— Это мое новое увлечение.

Морвин набил трубку, зажег ее.

...Что-то не в порядке, решил он. Интересно, что замышляет эта парочка? Когда я делал для него тот проклятый шар, это напомнило мне о вещах прочно, казалось, забытых... Что он сделает с девушкой? Швырнет ее волкам, как прочих? И умирая, она будет молиться за него и верить в его правоту? Ей нужно поскорее убраться отсюда. Впереди у нее слишком долгая жизнь, чтобы потерять ее таким образом. Однако подобной одержимости можно и позавидовать. Интересно, какие опасности несет новая тактика? Кто-то должен присмотреть за девушкой...

Он выдохнул клуб дыма. Он погладил свою длинную рыжую бороду.

Наконец:

— Меня тоже интересуют эпидемии,— сказал он.

Первым живым существом, которое он увидел утром, оказался шагающий по узкой тропинке юноша. Когда он приблизился, Гейдель выступил из кустов прямо перед ним, услышал «Боже милостивый!» и наставил на него распухший палец.

Он почувствовал, как сила закипела внутри него и прыгнула, подобно искре.

Юноша пошатнулся, чуть не упал, но удержался. Провел ладонью по лбу.

— Кто ты? — спросил он.

Гейдель не ответил, но сделал несколько шагов навстречу юноше.

Тот вздрогнул, бросился бежать, и скоро скрылся за поворотом.

Только тогда позволил себе Гейдель легчайшую из улыбок. Дальше идти не стоит.

Повернувшись к подернутым дымкой холмам на юге, на которых и за которыми кишел избыток жизни, он продолжил свое паломничество. Радуга висела прямо перед ним.

* * *

До самого конца недели Морвин не был уверен, возьмет ли Малакар его с собой. Нужно было скорее на что-то решаться. По приготовлениям Малакара ясно было, что он собирается в путь через день — два. Интересно, подумал Морвин, какая именно новость подстегнула его? Он все еще не имел доступа к секретам своего бывшего командира.

Джакара, безусловно, такой доступ имела, и Морвин слегка завидовал ей.

Сам он уже высказался, теперь все зависело от Малакара. Анализируя охватившее его чувство вины и возрождающейся ярости,

Морвин знал, что истоки свои они берут из той ночи на кушетке, и той вещи, что выудил он из сна. Он хотел, чтобы ему доверяли, как Джакаре. Наверное, снова прольется кровь. Он начал ощущать в себе старую заразу, старую ненависть.

Куда же он все-таки собрался? И зачем? Морвин с почти религиозным рвением прислушивался к новостям, но не заметил в них ничего, что могло подстегнуть Малакара на одну из своих «бей-беги» штучек. С другой стороны, источником этой информации могли быть и не Центральные Новости а, например, руководимое Малакаром подполье в сердце ОЛ. Как бы то ни было, раздражение его росло.

Он даже несколько злобно улыбнулся, вспомнив, как надул вчера старика.

Морвин был на верхней палубе и объяснял Джакаре, как он зарабатывает на жизнь. Неожиданно вошел Малакар.

Огромный серебристый корабль Отдела стоял перед ними, как экзотический подсвечник. в клубах дыма и пара. Он стоял там, где ни один пребывающий в здравом уме пилот не посадил бы его — на самом краю кратера. Когда Малакар заметил корабль, он прыгнул к пульту управления, молниеносно коснулся нескольких кнопок, и Морвин не увидел, а скорее почувствовал, как вылетают из своих гнезд ракеты. Пока он переводил взгляд с капитана на сцену внизу и обратно, корабль медленно растворился в воздухе. Он фыркнул. Джакара от души расхохоталась.

— Там ничего нет! — воскликнул Малакар, глядя на приборы.

— Х-м-м, нет, сэр,— сказал Морвин.— Просто я показывал Джакаре, как работаю. Я... слепил этот корабль из частичек... в него-то вы и стреляли.

Малакар прорычал: — Джакара! Ты мне нужна! — и оба они удалились.

За обедом Малакар уже шутил насчет происшедшего. Но Морвин постарался придать своему смеху побольше уважительных ноток.

— *Мистер Морвин...*

— *Да, Шинд?*

— *Капитан будет просить вас присоединиться к нам в путешествии, которое начнется завтра вечером.*

— *Куда?*

— *Выбор был между двумя планетами — Клич и Вершина. По различным соображениям он выбрал Вершину.*

— *Что мы будем там делать?*

— *Вербовать сторонников. Он скажет вам столько, сколько сочтет нужным.*

— *Если я полечу с вами, то обязан знать все.*

— *Пожалуйста. Учтите, что это еще не приглашение. Мне хотелось бы, чтобы он вообще никогда не узнал об этой нашей беседе.*

— *Тогда что же это такое, если не приглашение?*

— Он спросил, считаю ли я, что вы можете принести пользу экспедиции.

— ... и заслуживаю ли я доверия, осмелюсь добавить.

— Естественно. Ответ был утвердительным. Мне известны ваши симпатии к нему.

— Спасибо на добром слове.

— Моя рекомендация не имела целью ублажить ваши чувства.

— Какую же цель она преследовала?

— Мне кажется, на этот раз капитану понадобится вся помощь, которую он может получить. Именно об этом я и забочусь.

— Что конкретно вас беспокоит?

— Назовем это предчувствием и покончим на этом.

— Ладно, я забуду о нашем разговоре. Кто еще полетит?

— Джакара. Я.

— Можете всегда на меня рассчитывать.

— Тогда всего доброго.

— Всего доброго.

Морвин огляделся. Шинда нигде не было видно. Откуда это существо проникло в его разум? Такие разговоры с Шиндом всегда оставляли у него какой-то странный осадок. Ведь Шинд мог в это время находиться где угодно — в другой части цитадели, или даже рядом с Малакаром.

Он шагал взад-вперед и размышлял.

Ладно, решил он, пусть эта предстоящая операция не типична для Малакара — никакого намека на то, что он собирается убивать людей. Тем не менее Шинд предчувствует опасность... Если уж я не мог быть мотом или хорошим художником, попробую стать приличным помощником агитатора. Вот будет забавно, если настоящий корабль опустится сейчас прямо перед нами, а Малакар подумает, что это — очередная иллюзия! Интересно, смогу я разобраться, что есть что на этом пульте? А стану ли я разбираться? Неужели я еще способен выпустить ракеты и поубивать их всех? А капитан-то не в себе! Я слышал, что раньше он резрешал кораблям садиться и даже вел переговоры с ними. Да, наверное, он и в самом деле задумал нечто сногсшибательное, если так нервишки разгулялись. Наверное, я выстрелю, а потом пожалею об этом... Какова во всем этом роль Джакары? Спит она с ним или нет? Кто она — профессионал его школы, готовая сыграть предназначенную ей роль? Родственница? Она может быть даже его дочерью! Вот будет интересно... и типично для него. Он редко говорит о своей личной жизни, а о родственниках вообще ни разу не заикался. Странная женщина — то слишком жесткая, то слишком мягкая; а главное — не угадаешь, какой она будет в следующую секунду. Красива. Хорошо бы узнать ее истинное положение и решить, наконец, как себя с ней держать. Спрошу ее попозже...

Поужинав, Малакар аккуратно положил на тарелку вилку и нож, посмотрел на Морвина и сказал:

— Хочешь слетать с нами на Вершину?

— А что там, на Вершине,— спросил Морвин после недолгого молчания.

— Человек, которого мы ищем,— ответил Малакар,— который может помочь нам. Мне кажется, он там, но я могу ошибаться. Не исключено, что его там нет. Если так, я буду оставлять достаточно четкие следы своего пребывания. Мне нужно только найти его и уговорить помочь нам.

— Что в нем такого особенного?

— Болезни.

— Прошу прощения?

— Болезни! Болезни! Временами он становится ходячей заразой, носителем самой страшной чумы!

— И как же вы собираетесь воспользоваться этим его свойством?

Малакар хмыкнул.

Морвин посидел несколько секунд неподвижно, потом снова запустил ложку в лимонный шербет.

— Кажется, я понимаю,— сказал он наконец.

— Я в этом совершенно уверен. Живое оружие. Я хочу, чтобы он прогулялся среди наших врагов. Как тебе это нравится?

— Это... Трудно сказать. Мне надо подумать.

— Ты ПОЛЕТИШЬ с нами?

— Да.

— Джакара тоже полетит, и Шинд.

— Отлично, сэр.

— Вопросы?

— Пока что вопросов нет. Позже они, безусловно, возникнут... Как его зовут?

— Гейдель фон Хаймак.

Морвин покачал головой:

— Никогда не слышал о нем.

— Слышал! Только ты называл его Хайнеком... человек, которого искал доктор Пелс.

— Ах, так это он...

— Слышал когда-нибудь о человеке, которого зовут просто Х?

— Кажется, да... не помню, правда, когда и при каких обстоятельствах. Но он не был разносчиком инфекции. Что-то у него с кровью... Редкая группа?

— Что-то в этом роде. Я дам тебе почитать несколько статей.

— Спасибо.

Морвин глянул на Джакару и вернулся к своему шербету.

Боже! это все равно, что смотреть в ад, подумала Джакара. Я здесь уже целую неделю, и впервые вижу его ночью.

Она смотрела в бурлящий котел, который теперь, ночью, казался значительно ближе.

Интересно, как глубоко нужно опуститься, чтобы добраться до этого огня? Я не буду спрашивать. Это подчеркнет мое невеже-

ство. На Дейбе нет вулканов. Слишком стара для этого, наверное. Я помню описания вулканов, фотографии, но никогда не представляла, на что они похожи в действительности.

Цитадель дрогнула, Джакара улыбнулась. Как хорошо жить так близко к источнику такой мощи, обитать на краю хаоса!

Интересно, разрешит он мне жить здесь, когда все кончится? Наверное, разрешит. Если я проявлю себя на Вершине. Я научусь управляться со здешним хозяйством. Я постараюсь стать полезной. Он будет доверять мне.

Она посмотрела по сторонам.

Он знает, что я здесь, подумала она. Он знает все, что происходит в его доме. Я еще ни разу не была здесь одна, но он не рассердился. Нет. Он сказал, чтобы я чувствовала себя как дома. Если бы он не хотел, он сказал бы что-нибудь...

— Привет! Что это ты делаешь тут так поздно?

— Джон! Не спится что-то...

— И мне тоже. Я решил встать и прогуляться... Потрясающее зрелище, правда?

— О, да! Я впервые смотрю за него ночью.

Он встал рядом с ней и притворился, что рассматривает языки пламени.

— К отлету все готово?

— Да,-- ответила она.— Малакар сказал, что полет займет восемь дней.

— Хорошо... Вы с Малакаром родственники?

— Нет. Мы всего лишь... друзья.

— Понятно. Мне тоже хочется стать твоим другом.

Казалось, она не слышит его.

Тогда он повернулся, уставился вниз, клубы дыма справа и слева изогнулись, сошлись вместе, образовали контуры испо линского сверкающего сердца. На нем появилось сначала ее имя потом его. Стрела пламени пронзила его середину.

— Это мой подарок,— сказал Морвин.

Джакара звонко рассмеялась. Он быстро взял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в губы. На какое-то мгновение она поддалась, но тут же с удивительной силой внезапно оттолкнула его.

— Не смей!

Голос ее сорвался на визг, лицо исказилось.

Морвин отступил на шаг.

— Прости,— сказал он,— я не хотел... Ну! Не сердись! Ты такая красивая! Надеюсь, моя борода не слишком щекотала... Я... Черт возьми! Мне жаль, что так получилось.

Он посмотрел на растворяющееся в воздухе сердце.

— Ты застал меня врасплох,— сказала она,— только и всего.

Он глянул на нее, она стояла как будто ближе.

— Спасибо за подарок,— сказала она, и улыбнулась.

Он помедлил, потом коснулся пальцами ее щеки, провел ими до подбородка, горла, положил ладонь ей на шею и привлек к себе. Она напряглась, он успокоился, но руки не убрал.

— Если у тебя сейчас никого нет,— сказал он,— то, может быть, тебя заинтересует... Если вы с Малакаром ВСЕГО ЛИШЬ друзья... Рассматривай меня как первого претендента. Это все, что я хотел узнать и сказать.

— Я не могу,— прошептала она,— слишком поздно... Но все равно спасибо.

— Что ты имеешь в виду: «слишком поздно»? Сегодняшний день, «сейчас», вот что должно волновать нас!

— Ты не понимаешь...

— Ну и что? Если вы с Малакаром... не по-настоящему вместе... ну, тогда ты и я... Если ты решишь, что я не нравлюсь тебе... В общем, не обижайся. Скажи что-нибудь.

— Пока нет. Не сейчас.

Морвин отметил это «пока».

— Конечно,— сказал он.— Этого и следовало ожидать. Но подумай о моем предложении. Да, подумай о нем.

— Договорились. Я подумаю.

— Тогда я умолкаю. Я... надеюсь, что стану тебе... другом.

Она улыбнулась, кивнула, отошла, и:

— Кажется, мне пора идти,— она кивнула.

Кивнул и он.

Она ушла, а он смотрел на рвущуюся в клочья ночь.

Это уже кое-что, сказал он себе.

Созданное им из ничего сердце обратилось в ничто.

* * *

Гейдель обрушился на город. Он поднимал палец, и люди падали.

Хватит, сказал он существу, которое носил внутри. Всем им одна дорога.

Но перед тем, как уйти в место голубых туманов, он встретил мальчика с молотком в руке.

Стараясь держаться от него подальше, он спросил:

— Что ты делаешь, мальчик?

Тот повернулся и ответил:

— Собираю камни, сэр.

Услышав это, Гейдель рассмеялся и сказал:

— Постучи-ка вот по тому желтому пятну слева. Внутри должны быть голубые кристаллы.

Мальчик послушался.

— Сэр!— воскликнул он минут через десять.— Тут и вправду голубые кристаллы!

И продолжал свое дело.

Гейдель покачал головой, и лицо его свело судорогой.

— Пойду-ка я лучше,— пробормотал он, и заторопился в туман.

Мальчишка упоенно колотил молотком по скале и не заметил, как тот ушел.

Глава 5

Уравняв орбитальную скорость с вращением Вершины, доктор Пелс висел, подобно звезде, над истерзанным болезнями континентом.

— ...Один человек,— повторил он.— К сожалению, я не могу вдаваться в детали, но убежден, что он — носитель инфекции. Просто карантина недостаточно, необходимо найти этого человека и изолировать его.

Он сейчас где-то опережает фронт распространения эпидемии, но при определении его точного местонахождения следует принять во внимание инкубационный период. Из того, что вы мне сказали, следует, что он движется на юго-восток. Я рекомендую немедленно организовать поиски в том районе. Мне нужна информация! Если возможно, организуйте непосредственный контанкт с поисковыми группами.

— Конечно, доктор Пелс, мне нужно сначала получить разрешение на все это, но, уверяю вас, это не займет много времени. Скоро должно поступить еще несколько сообщений. Я тут же передам их вам.

— Прекрасно. Я буду ждать.

Пелс отключил радиотелефон.

В самом деле, сказал он себе, я привык ждать. Но на этот раз... Новости пришли неожиданно быстро, и я успел вовремя. Я знаю, что он там, внизу. Эти люди позволят мне руководить ими. Я знаю это. Ничего подобного здесь раньше не случалось. Кажется, он деградирует. На этот раз я найду его.

* * *

...Три, четыре, пять.

— Подожди! — воскликнул Морвин, но Джакара уже бросила шестую монету.

Дергаясь и вращаясь, она повисела немножко, потом подвинулась и присоединилась к остальным пяти, двигавшимся медленной процессией по траектории, напоминающей восьмерку.

— Подожди, пока я стабилизирую эту штуку... Вот так! Добавь еще одну, но осторожно.

Джакара бросила еще одну монетку. Она перелетела основную группу на несколько футов, замерла, будто превратившись в свою собственную фотографию, потом возобновила движение и подплыла к остальным монетам, присоединившись к их потоку.

— Еще одну!

Смеясь, Джакара бросила еще одну. Она не остановилась и, не замедлив полета, влилась в процессию в воздухе.

— Еще!

И эта тут же безошибочно встала на свое место.

— Еще!

— Кажется, ты побьешь рекорд,— сказала Джакара, бросая монетку.

Поймав ее в поток, Морвин раскрыл восьмерку, превратив ее в круг. Круг раздался, и монетки полетели быстрее.

— Ну, давай!

Монетка влетела в расширяющийся круг.

— Молодец! Это рекорд!

Сверкающий круг подплыл к Джакаре, сидевшей на краю кровати, сузился, опустился и завертелся вокруг ее головы.

— Я все еще не могу определить, что именно происходит в твоем мозгу, когда ты делаешь это,— сказал Шинд,— хотя и научился вычленять из мыслей сам процесс. Кстати, это очень прия...

Малакар рассмеялся.

Кольцо распалось. Монетки звонким дождем упали вокруг Джакары.

Она вскрикнула и отшатнулась. Морвин вздрогнул и покачал головой.

Все еще посмеиваясь, Малакар вышел из-за перегородки, разделяющей жилой отсек и рубку.

— Портовые власти Веримны,— объявил он,— оказались необычайно разговорчивыми. Они здорово нам помогли.

Морвин улыбнулся Джакаре.

— Это и в самом деле рекорд,— сказал он. Потом Малакару: — И в чем же выразилась эта помощь?

— Я только что обсудил с ними создавшуюся ситуацию, выспросил, верны ли слухи о многочисленных вспышках разных болезней. Безопасно ли садиться? спросил я. Или переориентировать круиз на другую планету?

— Круиз?— спросила Джакара.

— Да. Я решил стать вашим гидом. Эта выдумка нам еще пригодится, если случится что-нибудь непредвиденное. В общем, они ответили мне тем, что перечислили закрытые на карантин регионы. Я разговорился, выудил у них кое-какие даты и названия городов, и теперь четко представляю себе, где находится нужный нам человек.

— Прекрасно,— сказал Морвин, наклонился и принялся собирать монеты.— Что мы будем делать?

— Прыгнем назад в подпространство. Я сказал им, что мы сворачиваем круиз. И вынырнем в другой точке. Их орбитальная система раннего оповещения примитивна. Мы проскользнем незамеченными.

— Потом сядем в закрытой зоне и подберем его?

— Вот именно.

— Я вот что подумал. Что, если мы найдем его, а он скажет, что не хочет улетать с нами, не хочет становиться оружием? Что тогда делать? Похищать его?

Малакар посмотрел на него внезапно сузившимися глазами. Потом улыбнулся.

— Он пойдет с нами.

Морвин опустил взгляд.

— Так, просто интересно...

— Я сейчас изменю курс и уйду в подпространство при первой же возможности,— сказал Малакар.

Морвин кивнул, позвенел монетами.

— *Кажется, пришло время для очередной порции прививок,*— сказал Малакар уже из-за перегородки.— *Шинд, проследи за этим.*

— *Хорошо.*

Морвин подбросил монетки в воздух. Несколько мгновений они вращались сверкающим смерчем, потом со звоном посыпались в его ладонь.

— Вот еще одна,— протягивая руку, сказала Джакара.

Монетка выпрыгнула из ее пальцев и со звонким «клинк» присоединилась к своим собратьям.

Джакара уставилась на него.

— Что-нибудь случилось?

Он ссыпал монеты в карман.

— Не знаю.

— *Знаешь,*— сказал Шинд.— *Его ответ заставил тебя еще раз подумать о твоей собственной роли в нашем предприятии. И о последствиях.*

— *Естественно.*

— *Ты заметил, что он изменился и начинает распоряжаться людьми так, как никогда не посмел бы раньше.*

— *Кажется так.*

— *Джакара, например. Почему она с нами?*

— *Представить себе не могу.*

— *Он выдвинул множество причин, но из всех них значение имеет только одна. Джакара боготворит его и никогда не сомневается в правильности его поступков. Он никогда не признается в этом, но такая поддержка ему сейчас необходима.*

— *Потерял уверенность в себе?*

— *Он стареет. Время для него бежит слишком быстро, он ни на шаг не приблизился к цели.*

— *Как ты объясняешь мое присутствие?*

— *Вариант того же самого. Дело не в том, что ты можешь заставить пулю пролететь мимо цели, или силой разума сбить с курса звездолет. Твое уважение — вот что успокаивает его. Пусть он не может до конца доверять тебе, твое присутствие возвращает ему полузабытые ощущения права повелевать людьми.*

— *Однако, если он рискует, если не доверяет мне...*

— *Дело обстоит не совсем так, он знает, что может контролировать тебя.*

— *Как?*

— *Он полностью подчинил себе Джакару и знает о твоих чувствах к ней.*

— Я и не подозревал, что это бросается в глаза... и что капитан под старость научился замечать подобные вещи.

— Конечно, нет. Это я сказал ему о твоих чувствах.

— Боже мой! Зачем? Мои чувства — не...

— Это было необходимо. Без причины я не стал бы вторгаться в область твоих эмоций. Я сделал это только для того, чтобы обеспечить твое присутствие.

— Только потому, что ты беспокоишься за него?

— Это уже не так просто...

— Шинд, я приготовлю инъекции.

— Хорошо, Джакара.

Морвин наблюдал, как она встала и подошла к задней стенке каюты. Потом он отвернулся и уселся на кровать.

— Что ты имеешь в виду, Шинд?

— Нам ясно, что Малакар изменился. Конечно, мы тоже. Он всегда был нещепетилен — одно время это почиталось достоинством — и мне стоило немалого труда разобраться, стал ли он таким в еще большей степени, или просто я сам становлюсь более консервативным. Однако недавний случай снял этот вопрос и вызвал у меня сильное беспокойство. Это было на Дейбе, где мы искали следы Х и обнаружили, что он — Гейдель фон Хаймак. Мы столкнулись с другим человеком, занимавшимся поисками той же самой информации. Он тоже преуспел и пытался переубедить Малакара. За сотрудничество он предложил нам немыслимую цену — возвратить Землю к ее довоенному состоянию.

— Это невозможно.

— Возможно. Человеком этим был Фрэнсис Сэндо, и пока он говорил, я изучал его мысли. Он не лгал. И он был чрезвычайно обеспокоен.

— Сэндо? Планоформер?

— Да. Он много общался с пейанцами, самой древней из известных нам разумных рас. Он был совершенно уверен в том, что человек, которого мы ищем, вступил в не совсем нормальный и в высшей степени опасный контакт с одним из пейанских божеств, ведающим одновременно болезнями и их исцелением.

— И ты веришь в это?

— Важно не то, во что я верю, и не то, действительно ли та штука — божество, а то, что, как я считаю, произошло нечто совершенно необыкновенное. Сэндо был уверен, что в том месте существует опасная концентрация силовых полей, и убежденность его основывалась на обширных и разносторонних знаниях, касающихся этого феномена. Я знал нескольких пейанцев — они очень странный, но одаренный народ. При встрече с Сэндо я понял, он — кто угодно, только не сумасшедший. В душе его живет великий страх и, я полагаю, для страха есть причины. Малакар не стал даже разговаривать с ним. Вместо этого он хотел убить его. Чтобы спасти жизнь Сэндо, я сказал Малакару, что он мертв. На самом деле тот только потерял сознание.

— Что случилось потом?

— Мы вернулись домой. Малакар начал поиски фон Хаймака.

— Джакара была с вами?

— Да.

— Она думает, что Малакар убил его?

— Да.

— Понятно... И теперь организация Сэндо охотится за нами?

— Скорее всего, нет. На Дейбе не было его агентов, значит, делом фон Хаймака он занимается в одиночку. Полагаю, он не собирается менять планы. Нет, месть Сэндо меня сейчас не волнует. Твое присутствие нужно мне для другой цели.

— Для какой же?

— Я не преувеличивал ни мой страх за Малакара, ни те ужасы, которые, по моему убеждению, ожидают нас. Ты нужен, чтобы убить Гейделя фон Хаймака, как только мы найдем его.

— Однако!

— Это необходимо. Ты должен убить его.

— А если я откажусь?

— Тысячи людей могут умереть, не только капитан — умереть ужасной, никому не нужной смертью. Может быть, миллионы...

— Не знаю, откуда...

— Но ты знаешь меня, и не первый день. Ты знаешь, что я не делаю ничего, предварительно не поразмыслив как следует. Ты знаешь мою верность капитану и то, что без крайней нужды я никогда не пойду против него. Неужели ты полагаешь, что я выдумал бы все это, не будучи уверенным в своей абсолютной правоте? Ответ тебе известен. Я читаю его в твоих мыслях.

Морвин прикусил губу. Джакара подошла к нему, держа наготове вакуумный шприц. Он закатал рукав и вытянул руку.

— Мне надо подумать.

— Думай сколько угодно, но я уже знаю ответ.

* * *

Разведчики нашли человека на тропе и с помощью одеял и воды несколько облегчили его страдания. Ожидая прибытия вызванного аэрокара они вслушивались в его слова, которые то путались от приступов жара, то вновь обретали смысл, когда приступы ослабевали.

— ...разборчиво,— говорил он, глядя мимо них в небо. — Хоть и чокнутый, но говорил разборчиво. Не знаю... Ага, вспомнил. Худой. Худой, грязный, весь в болячках. Я был у склада, когда он появился... Нет. Волосы, как грязный нимб. Ваш незнакомец. Пришел... не знаю откуда. Дайте попить... спасибо. Не знаю... Откуда он шел? Он не сказал. Он говорил. Не помню, что именно... Чудно... Это и был тот, про кого вы спрашиваете. Не сказал своего имени. Оно ему и не нужно. Влез на ящик и начал говорить... Никто не остановил его, не сказал, чтобы он убирался прочь.. Он... не помню, что он говорил. Он совсем чокнутый... но гово-

рил. А мы слушали. У нас мало развлечений... Он вроде бы проповедовал... но не совсем. Проклинал, наверное. Не помню... Стоп. Подождите. Еще водички. Спасибо, Смешно... Чокнутый проповедник. Жизнь и смерть... Вот оно! Конечно! Как все умрет. А мы слушали. Не знаю, почему. Мы знали, что он чокнутый. Все так сказали... когда он ушел. Но никто не перебивал его. Словно... Пока он говорил, мы верили ему. Он был... прав. Чокнутый, но прав... Нет, я не видел, в какую сторону он ушел. Хотите его послушать? Сэм, он тут главный... записал кое-что. Потом дал нам послушать... Однако без него все звучит по-другому. Мы смеялись, когда слушали запись... Просто чокнутый, вот и все. Попросите Сэма, если только он не стер. Послушайте его сами... Тогда меня и начало трясти. Боже! Да он же был прав! Он был, наверное... кажется...

Разведчики доложили обо всем своему командиру и, после того, как больного забрали, пошли дальше, прочесывая местность, останавливаясь кому-нибудь помочь или что-нибудь записать, хороня мертвых, утешая умирающих, переговариваясь по радио с другими группами, прочесывая поляны, обыскивая дома, взбираясь на холмы. Разведчики.

Из закоулков неба полезли облака, и они начали проклинать надвигающийся шторм, который промочит их ботинки и инфракрасные теплоискатели. Один, который знал историю, проклял даже Фрэнсиса Сэндо, который спроектировал и построил планету, названную Вершина.

* * *

Словно ковры, развернулись облака, таща за собой обтрепанную бахрому, устремились к некоей точке между небом и землей, смешали голубизну неба своей жемчужной серостью, из которой медленно исчезла вся прозрачность, и вот уже взгромоздились новые слои облаков, взбираясь выше и давя то, что под ними, затемняя, уменьшая, размывая очертания деревьев и скальных вершин, превращая ползающих по земле людей и животных в туманные тени; но дождя все не было, туман поднялся, новая роса выступила на травах, окна покрылись капельками влаги; влага собралась, побежала вниз, закапала с листьев, звуки исказились, словно мир окутался ватой; птицы летели к холмам низко, ветры затихли, и мелкие зверюшки затаились, подняли мордочки, встряхнулись, нагнули головки, пошли дальше, за холмами, скрытые туманом, на местности, уже прочесанной разведчиками, и гром затаил дыхание, молния сдержала свой удар, дождь остался непролитым, температура покатилась вниз, облако упало на облако, радуга рассыпалась, краски вытекли, мир превратился в пустой экран, по краям которого ползало что-то мокрое неправильной формы.

* * *

Подпирая большими пальцами челюсть, приложив кулаки к щеке, доктор Пелс вслушивался в хриплый голос:

— Я... кто посмел сказать, что имеет право на жизнь? Я... Космос не гарантирует жизни. Наоборот! Единственное обещание, которое дает и держит Вселенная — смерть! Я... Кто сказал, что жизни положено процветать? Все факты говорят об обратном! Все, что поднялось из первобытной слизи, в конце концов исчезло! Каждое звено в исполинской цепи живых существ привлекает к себе то, что порвет эту цепь! Жизнь пожирает сама себя и сгибается под тяжестью мертвой природы! Почему? А почему бы и нет? Я...

— ...виновны! В том, что существуете. Вглядитесь в себя, и вам откроется истина... Посмотрите на скалы в пустыне! Они не производят себе подобных, в них нет ни мыслей, ни желаний. Ничто живое не может сравниться с кристаллом в его молчаливом совершенстве! Я...

— ...не говорите мне ни о святости жизни, ни о ее приспособляемости. Каждый новый шаг в адаптации влечет за собой еще более мрачный ответ, и эхо его в порошок стирает возгласившего о жизни. Только покой свят. Отсутствие слуха порождает мистические звуки. Я...

— ...был, сотворив из своего дерьма жизнь. Но и вы виновны. В том, что существуете. Наш угол Вселенной загажен! Из дерьма богов произросла зараза жизни... Вот она, святость! Все, что живет — зараза для чего-нибудь другого! Пожрав сами себя, мы сгинем! Скоро, совсем скоро! Я...

— Я... Братья! Восславьте камень! Он не страдает! Радуйтесь и незамутненной воде, и воздуху, и скале! Завидуйте кристаллам! Скоро мы станем похожими на них — совершенными, молчаливыми...

— Просите не о спасении, но о том, чтобы грядущее не торопилось — наслаждайтесь агонией, наступающим покоем! Я... Я... Я...

— Молитесь, рыдайте, горите... Я... Прочь... прочь!

Доктор Пелс заново включил запись и принял прежнюю позу. Он чувствовал эмоции, весьма схожие с теми, что испытывает от музыки Вагнера, которого старался слушать прежде. Всего еще один раз..

— Каким образом это обстоятельство может помочь нам?..— начал было он, но замолчал и улыбнулся.

Никак оно не поможет. Но доктор Пелс почувствовал себя лучше. Время покажет...

* * *

Гейдель фон Хаймак шел по извивающейся над пропастью тропой. Остановившись в самой высокой ее точке, он посмотрел

назад и вниз, на скрытые туманом места, где он только что побывал. Он моргнул и нервно огладил бороду. Смутное чувство неблагополучия усилилось. Что-то было не так. Он прислонился спиной к скользкой, как стекло, скале и положил руки на посох. Он затруднился сказать, что именно, но что-то изменилось в окружающем мире. Это было нечто большее, чем затишье перед бурей. Кто-то ищет его, кто-то, к встрече с кем он еще не готов.

Может быть, она хочет поговорить со мной? подумал он. Зарыться в нору и попробовать узнать, так ли это? Нет, мне нужно торопиться. Убраться подальше отсюда, пока не разразился шторм. Зачем я оглядываюсь? Я...

Он провел рукой по волосам, до крови прикусил нижнюю губу. Солнечный луч прорвался сквозь облака и заставил туман заплясать сверкающими радугами. Блестя глазами из-под нахмуренных бровей, он смотрел на них примерно десять секунд, потом отвернулся.

— Будь ты проклята! — сказал он. — Кто бы ты ни была...

Стукнув в бессильной ярости посохом по скале, он пошел вниз.

* * *

Он сидел на камне и охотился. Потом он встал и пошел по долине между холмов, усеянной обломками скал, не пересеченной ни одной тропинкой. Он шел, а птицы мелькали вокруг него, вылетая из колышущейся завесы тумана и исчезая в ней же.

Охотясь, он добрался до середины склона каменистого холма, уселся на узкий выступ, достал сигару, откусил кончик, зажег. Он смотрел на долину. Порыв ветра прошелся по ней, разогнав туман, и на мгновение она предстала перед его взором — пустынная. Ящерица, чья кожа переливалась красками, словно поверхность мыльного пузыря, спустилась со скалы и разделила с ним выступ, постреливая кроваво-красным язычком в его сторону, не сводя немигающих желтых глаз с его лица. Он почесал ящерице спинку.

— И что же ты думаешь? — спросил он через несколько минут. — Я не заметил здесь ни единого тела с теплой кровью, ни одного с разумом.

Пока он курил, туман вновь отвоевал долину. Наконец он снова начал спускаться. Ящерица подвинулась к краю выступа и следила за ним критическим взором.

Пройдя полмили, он оказался в компании двух похожих на хорьков хищников. Высунув языки, они метались под его ногами, словно восхищенные передвижением его ботинок. Время от времени они шипели и тявкали тонкими голосами. Они не обращали внимания ни на птиц, ни на зверей, вылезших из своих нор, чтобы присоединиться к ним.

Когда он остановился у покрытого ржавыми разводьями валуна, чтобы поохотиться мозгом, животные затихли. Ледяной ручеек журчал неподалеку, мрачные деревья с листьями в форме бриллиантов покачивались на его берегах, туманы катились по

поверхности его вод. Он смотрел на ручей, не видя его, жевал сигару. Охотился.

Некоторое время спустя.

— Нет,— сказал он.— Почему бы вам, зверюшкам, не пойти домой?

Они отступили, но продолжали смотреть на него, и когда он пошел, остались на месте.

Перейдя ручей, он двинулся дальше, без карты, без компаса. Обозначив мозгом группу неудачливых разведчиков на востоке, куда сначала хотел идти сам, он стал забирать к западу.

Он шел, проклиная все и вся. Между взрывами проклятий он выбросил сигару. Потом остановился, повернулся на восток и смотрел туда примерно полминуты.

В отдалении ударил раскат грома, через мгновение — еще один. Потом еще несколько, и раскаты стали непрекращающимся рычанием. Вибрировал не только воздух, но и почва. Ветер поднялся на западе и полетел полюбопытствовать — что за гроза?

Он пошел дальше, на этот раз на юг, параллельно грозовому фронту. К полдню на западе сверкнуло что-то и привлекло его внимание.

— Интересно, что это? — спросил он ползущую рядом по земле тень.— Что-то знакомое, но слишком далеко... Надо быть поосторожнее.

Молниеносными бросками, посылая вперед импульсы разума, он пошел, а туман любовно скрыл его и приглушил звук его шагов.

* * *

Съежившись внутри своего пончо, Морвин, центр пятидесятифутового круга видимости, тащился вперед. Защитив себя от атмосферной влаги, он все равно промок — от пота. Ладонь казалась липкой, когда он прикасался к рукоятке пистолета. Он подумал о Малакаре и Джакаре, идущих по более сухой тропе от пещеры, где стоял спрятанный «Персей». Он подумал об обвале, который они устроили, чтобы скрыть вход в пещеру, и постарался не думать о том, как трудно будет вызволить из нее корабль.

— *Ну что, Шинд?* — спросил Морвин.

— *Если я замечу что-нибудь, ты узнаешь об этом первый.*

— *Как там Джакара... и Малакар?*

— *Они выходят из тумана в зону лучшей видимости. Они прослушивают радиопереговоры разведчиков между собой и с доктором Пелсом. Кажется, разведчики не нашли пока ничего, кроме плохой погоды. У них похуже, чем здесь. По крайней мере, она не устает жаловаться.*

— *Неужели разведчики так близко, что ты можешь читать их мысли?*

— *Нет. Информацию я получаю только от Малакара. Разведчики от нас милях в четырех к северо-западу.*

— Этот Пелс, которого ты упомянул... это ТОТ САМЫЙ доктор Пелс?

— Вероятнее всего. Он сейчас на орбите точно над нами.

— Зачем?

— Кажется, он руководит поисками.

— Значит, Х и ему нужен?

— Похоже на то.

— Мне все это ужасно не нравится, Шинд — то, что они знают, что причина всего — один человек, и охотятся за ним в то же самое время, в том же самом месте. И Пелс тут же... Если я решу поступить как ты предлагаешь, неприятностей может быть куда больше, чем мы ожидали.

— Я тоже думал об этом и о том, не будет ли спокойнее, если мы найдем Х, передать его разведчикам Пелса. Если он окажется у них, наши проблемы разрешатся сами собой.

— Как ты предлагаешь осуществить это?

— Найти его, связать. Привлечь к нему внимание разведчиков. Не получится — убить его и заявить, что мы поступили так в целях самообороны. Они думают, что он — сумасшедший, и наша версия покажется им правдоподобной.

— А если Малакар первым найдет его?

— Придется придумать что-нибудь еще. Несчастный случай, например.

— Как мне все это не нравится!

— У тебя есть другие предложения?

— Нет.

После этого разговора они шли еще почти час и вышли из тумана в более теплое и чистое место, более ровное, хотя и иссеченное трещинами и забросанное валунами. Черные птицы с пронзительными криками пролетали над головой. Ветер устойчиво дул с запада.

Морвин снял пончо, сложил его, свернул, подвесил к поясу. Вынул платок и начал вытирать лицо.

— Кто-то впереди, — сказал ему Шинд.

— Наш человек?

— Возможно.

Морвин расстегнул кобуру.

— Возможно? — переспросил он. — *Ты — телепат, так прочти же его мысли.*

— Это не так просто. Люди редко повторяют в мыслях свои имена, а с тем, кого мы ищем, я ни разу не встречался.

— Мне всегда казалось, что ты способен на большее, чем читать то, о чем человек думает в данную минуту.

— Ты знаешь, ЧТО я могу, а что — нет. Учти — он далеко от нас, и сильно чем-то обеспокоен.

— Чем же?

— Он чувствует, что за ним охотятся.

— Если он — фон Хаймак, подозрения его совершенно оправданы. Но как он об этом догадался?

— Во всем этом деле еще много неясного. Мозг его пребывает в ненормальном состоянии. Я бы сказал, крайняя степень паранойи, мысли...— о смерти и болезнях.

— Понятно.

— Тебе, но не мне. Не совсем. Он сознает, что делает и, кажется, получает от этого удовольствие. Происходящее представляется ему чем-то вроде божественной миссии. Да, это тот, кто нам нужен.

— Сколько от нас до него?

— Примено полмили.

Морвин заторопился вперед, напряженно взглядываясь в полумрак.

— Я только что разговаривал с капитаном. Ему показалось, теплоискатель кого-то засек, но, скорее всего, это было животное. Он спросил, как у нас дела, и я обманул его.

— Молодец. Что поделывает сейчас Х?

— Он поет. Мозг его заполнен песней. Это пейанская молитва.

— Странно...

— Это ОН странный. Какое-то мгновение он сознавал, что я проник в его мозг. Теперь это чувство исчезло.

Морвин ускорил шаги.

— Мне хочется поскорее разделаться с этим,— сказал он.

— Конечно.

— Они уже почти бежали.

* * *

Фрэнсис Сэндо вздохнул. Мартлинд — уже невидимый, но слышимый разумом — медленно прошагал рядом с Малакаром и его спутницей. Сэндо тут же вышел из зоны действия их детекторов. Быстрая мысленная проба показала ему, что Малакар тоже вздохнул, уверившись в том, что заметил он все-таки зверя, а не человека.

Следовало быть осторожным, ругнул он себя. Непростительная ошибка. На моих собственных мирах я становлюсь слишком беззаботен. Вывод? Побольше осторожности, поменьше грубой силы. Пришлось обманывать их детекторы... Вот!

Быстро шагая, он снова вспомнил мысли Малакара и Джакары...

Злоба. Каким же он стал злым, подумал Сэндо. Девушка тоже ненавидит, но в ее ненависти есть что-то ребяческое. Интересно, будут ли они придерживаться своего плана, если поймут, к каким же в действительности результатам он приведет? Не мог же Малакар до такой степени утратить способность восприятия, что видит только мертвецов, но не умирающих. Если бы он походил тут подольше, посмотрел, к чему привело появление Гейделя фон Хаймака... Интересно. Повлияло бы это хоть как-нибудь на его чувства? Все-таки он изменился, даже за тот короткий отрезок времени, что прошел со дня нашей встречи на Дейбе. А уж в тот

день он действовал не слишком последовательно и слишком жестоко.

Именно тогда покалывание началось внутри мозга Малакара, и Сэндо мгновенно остановил свои мысли, поняв, что не сможет отойти незамеченным. Он даже не ругнулся — нельзя было выказывать НИКАКИХ эмоций, вибрация чувств выдала бы его. Нужно притвориться, что ты не существуешь. Никаких ответных реакций, что бы ни произошло. Даже тогда...

Странное ощущение. Два телепата одновременно копаются в мыслях одного человека и пытаются при этом спрятаться друг от друга...

Сэндо недавно прослушал обмен мыслями между Шиндом и Малакаром, никак не реагируя, но уяснив при этом их цели и степень продвижения к этим целям. Когда мысленный разговор закончился, он снова привел мысли в движение, вывел их из мозга Малакара, слегка коснулся мозга Джакары и отпрянул, ужаленный присутствием в нем Шинда.

Он вынул очередную сигару, раскурил.

До чего все сложно, черт бы вас всех подрал! Разведчик слева — они еще далеко, но двигаются сюда. Малакар справа. Шинд, который заметит меня в ту секунду, когда я потеряю осторожность. А где-то впереди — человек, которого я ищу...

Он медленно пошел на восток, параллельно Малакару, стараясь держаться вне радиуса действия детекторов, слегка, с интервалом в полминуты, касаясь опушек разумов Малакара и девушки.

Может быть, лучше позволить им найти его, а потом отнять? Но они могут и не... Тогда... Нет.

Внезапно все эти вопросы перестали нуждаться в ответах.

* * *

Пытаясь остановить свой быстрый шаг, Морвин споткнулся. Он взобрался на невысокий скалистый гребень раньше Шинда и сквозь клубящуюся полутьму увидел человека, изможденного, черного. Он стоял, опираясь на посох и глядел на Морвина, который, ни секунды не сомневаясь в том, кто этот человек, внезапно растерялся. В себя он пришел, услышав Шинда.

— Это он! Я уверен! Но что-то не так... Он знает про нас! Он...

Морвин схватился за голову, упал на колени. Он никогда еще не слышал мысленного вопля.

— Шинд! Шинд! Что происходит?

— Я... Я... Она завладела мной! Она...

В следующее мгновение мозг Морвина уже клубился, подобно туману, захваченный потоком наложенных друг на друга форм и цветов, смешанных с такой четкостью и ясностью, что он перестал различать, что существует реально, а что — нет. Но вот все заволокло синевой, а в глубине ее неслись в дикой пляске мириады

голубых женщин; и когда Морвин понял — без всякой видимой причины — что множественность их — всего лишь символическая иллюзия, они начали смешиваться, сливаться, соединяться одна с другой и превращаться в более конкретные образы. Морвин обнаружил, что стал объектом пристального изучения раскачивающихся женщин. Их оставалось всего две: одна — высокая, мягкая, прекрасная, мадонна сострадания, и другая — похожая внешностью на первую, но с преобладанием в облике того, что Морвин мог назвать только беспощадностью. Потом и они слились — и лицо рожденной от этого союза женщины напоминало лицо второй. Стоя среди голубых молний, она посмотрела на Морвина немигающими, лишенными век глазами, и взгляд этот мгновенно сорвал с него и плоть, и разум, ужаснув его своей первозданной, нереальной силой.

— *Шинд!* — закричал он и, вытащив оружие, начал стрелять.

— *Она использует меня!* — казалось, кричал Шинд.— *Помоги мне!*

Бесполезное оружие выскользнуло из пальцев Морвина. Он ощутил себя в гуще сна, вселенского кошмара. Двигаясь без движения, думая без мысли, инстинктивно действуя так, будто работает с субстанцией сна, он схватил образ и приложил к нему свою волю. Движимый на этот раз ужасом, который, подобно огню, охватил все его существо, Морвин обнаружил, что в состоянии управлять силой, превосходящей все, чем он владел раньше, и нанес удар по насмехающемуся над ним созданию, принявшему образ женщины.

Лицо ее изменилось — с него исчезли все признаки довольства. Фигура ее уменьшилась, исказилась, исчезла, вернулась, исчезла, вернулась. При каждом ее исчезновении Морвин видел человека, лежащего теперь на земле.

Болезненный вой заполнил его голову. Потом вой исчез, исчезла она и, наконец, он сам.

* * *

— Стой!

Малакар обернулся.

— В чем дело?

— Уже ни в чем,— ответила она.— Мы закончили свое дело. Пора возвращаться на корабль. Мы улетаем.

— О чем ты говоришь? Что с тобой?

Джакара улыбнулась.

— Ничего,— сказала она.— Со мной все в порядке.

Малакар внимательно посмотрел на нее, и понял, что ЧТО-ТО изменилось. За несколько секунд он разложил свои впечатления по полочкам. Первое, что поразило его — некая особая расслабленность Джакары. Внезапно ему пришло в голову, что он никогда прежде не видел ее такой приятно взволнованной. До этой минуты она всем своим поведением напоминала готового выпол-

нить любой приказ солдата. Голос ее тоже изменился — стал мягче, женственнее, но вместе с тем приобрел властность — шелковистую и гибкую.

Соображая, какой же вопрос задать первым, он сказал просто:

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаешь,— сказала она.— Нам нечего больше искать. То, что ты ищешь — перед тобой. Фон Хаймак нам больше не нужен, потому что я нашла себе лучшее обиталище. Мне нравится Джакара — ее тело, ее примитивная страсть — и я останусь внутри нее. Теперь мы вместе совершим все, что ты задумал. И больше. Намного больше. Ты получишь свои эпидемии, своих мертвецов. Мы займемся лечением главной болезни — жизни. Давай вернемся на корабль и полетим куда-нибудь, где много людей. К тому времени, как мы доберемся туда, я буду готова. Ты станешь свидетелем зрелища, способного удовлетворить даже такую страсть, как твоя. И это будет только начало...

— Джакара! У нас нет времени для шуток! Я...

— Я не шучу,— тихо сказала она, поднимая руки к его лицу.

Она провела пальцами по щеке Малакара, задержала их на висках, парализовала его видением смерти. Повсюду мертвые и умирающие. Симптомы разнообразнейших болезней мелькнули перед ним, представленные как на выставке, на бесчисленном множестве тел. Он увидел планеты, бьющиеся в тисках эпидемий, лишенные жизни миры, их улицы, дома, мертвые поля усеяны трупами, гавани, о причалы которых бьются трупы, реки, задушенные трупами, распухшими, разлагающимися. Все были равны перед смертью, все превратились в трупы.

Малакару стало плохо.

— Боже мой! — выдавил он из себя.— Что ты такое?

— Ты видел то, что видел и не понял?

Он отпрянул.

— Тут что-то нереальное. Та голубая богиня, про которую Сэндо...

— Как тебе повезло! — сказала она.— И мне тоже! Твои возможности значительно превосходят возможности моего прежнего послушника, а ведь у нас общая цель...

— Как получилось, что ты смогла захватить тело Джакары?

— Твой слуга Шинд был связан с ее мозгом, и по этой ниточке я вошла в него. Она показалась мне предпочтительнее того человека... До чего приятно снова ощутить себя женщиной!

— *Шинд! Шинд!* — позвал он.— *Где ты? Что с тобой?*

— Твои слуги плохо себя чувствуют. Они больше не нужны нам. Их все равно пришлось бы оставить здесь. Особенно человека по имени Морвин. Пойдем к кораблю!

Слабо, очень слабо, словно собака, царапающаяся в дверь, Шинд коснулся его мозга.

— *...прав... Сэндо был прав... Я видел разум... превосходящий всякое понятие... Убей... ее.*

Малакар, голова которого шла кругом, нашарил кобуру...

— Жаль,— сказала она.— Нам было так хорошо вдвоем. Но теперь я МОГУ все сделать одна и боюсь, что именно так мне и придется поступить.

...и понял, что опоздал, потому что пистолет Джакары уже глядел на него из руки незнакомки.

* * *

Черной волной поднялись клочья сознания, упали, снова поднялись. Волна несет, вверх, потом вниз. Вверх...

Взгляд Морвина упал на пистолет.

Морвин не успел понять, кто он такой, но рука его уже схватила пистолет, сжала его. Холодное слияние ладони и выпуклой металлической рукоятки означало спасение.

Он заметил тропинку обратно в жизнь, пошел по ней, поднял голову.

— *Шинд? Где ты?*

Но Шинд не ответил и не подошел.

Повернув голову, Морвин посмотрел на лежащего шагах в двадцати человека. Тело его было в крови.

Он встал и подошел к человеку.

Тот дышал. Лица его Морвин не видел. Вытянутая в сторону правая рука человека дергалась. Морвин постоял над телом, обошел его, встал на колени и заглянул в лицо. Глаза человека были открыты, но ничего не видели.

— Ты слышишь меня?— спросил Морвин.

Человек резко выдохнул, вздрогнул. В глазах его зажегся свет, они ожили и встретились с глазами Морвина. Его мертвенно-бледное лицо было покрыто угрями, шрамами, открытыми язвами.

— Я слышу тебя,— тихо сказал он.

Морвин поудобнее перехватил пистолет.

— Гейдель фон Хаймак?— спросил он.— Это тебя называют Х?

— Я — Гейдель фон Хаймак.

— Но ты — Х?

Человек ответил не сразу. Вздохнул, откашлялся. Морвин посмотрел на его раны. Удар пришелся ему в правое плечо.

— Я долго болел,— сказал он наконец. Потом хрипло, невесело рассмеялся и добавил:— А теперь я выздоровел.

— Хочешь пить?

— Да!!

Морвин засунул пистолет в кобуру, отвинтил крышку фляги, осторожно поднял голову Гейделя и стал лить воду в его полуоткрытый рот. Прежде чем закашляться и отвернуться, Гейдель выпил полфляги.

— Почему ты не сказал, что хочешь пить?

Гейдель глянул на пистолет, слабо улыбнулся, пожал здоровым плечом.

— Мне показалось, что ты не захочешь делиться со мной.

Морвин убрал флягу.

— Ну, так что же? Ты — это Х? — спросил он.

— Какая разница? Но чуму разносил я.

— Ты знал об этом?

— Да.

— Неужели ты так ненавидишь людей? Или просто тебе плевать на них?

— Ни то, ни другое... Стреляй.

— Почему ты позволил этому случиться?

— Это уже не имеет значения. Она ушла. Все кончено. Стреляй.

Все еще улыбаясь, Гейдель сел.

— Ты хочешь умереть?

— Чего ты ждешь?

Морвин закусил губу.

— Ты знаешь, что это я стрелял в тебя... — начал он.

Гейдель фон Хаймак нахмурил брови и медленно покрутил головой, осматривая свое тело.

— Я... я и не подозревал, что в меня стреляли, — сказал он. — Да, теперь я вижу. И чувствую...

— Ты знаешь, что с тобой произошло?

— Я что-то потерял. Что-то в моем мозгу. Теперь это ушло, и я чувствую себя так, как не чувствовал вот уже много лет. Шок... освобождение, чувство облегчения...

— Как? Что же все-таки случилось?

— Я сам не до конца понимаю... Один момент эта штука была внутри меня, потом я почувствовал присутствие еще чего-то... Потом — все куда-то делось... Когда я пришел в себя, ты был уже здесь.

— Какая штука?

— Ты не поймешь. Я и сам-то...

— Голубая женщина... богиня?

Гейдель фон Хаймак опустил голову.

— Да, — ответил он и схватился за свое плечо.

— Покажи мне рану.

Гейдель позволил перевязать себе плечо. Выпил еще воды.

— Почему ты стрелял в меня? — спросил он после долгого молчания.

— Можно назвать это рефлексом. Эта... штука, которая вышла из тебя — напугала меня до полусмерти.

— Так ты видел ее?

— Да, с помощью телепата.

— Где она?

— Не знаю, но кажется, она тоже ранена.

— Не лучше ли выяснить это? Ты можешь оставить меня. Я не могу быстро ходить.

— Придется, наверное, — сказал Морвин.

— *Шинд! Черт бы тебя побрал! Где ты? Что с тобой?*

— *Оставайся,* — пришел слабый ответ. — *Оставайся там. Со мной все в порядке. Надо только немного отдохнуть...*

— *Шинд! Что произошло?*

Молчание.

— *Шинд! Ответь же!*

Ответ пришел.

— *Малакар мертв... А теперь жди... Жди.*

Морвин молча посмотрел на свои ладони.

— Так ты идешь или нет? — спросил его Гейдель.

Он не ответил.

— *Джакара! Шинд, что с Джакарой?*

— *Она жива. Подожди.*

— Что случилось? — спросил Гейдель.

— Не знаю.

— Твой друг?..

— ...жив. Мы только что разговаривали с ним. Не в этом дело.

— В чем же?

— Не знаю. Пока не знаю Я жду.

— *Джон, я попытаюсь выяснить... Тут нельзя ошибаться. Эта богиня здесь.*

— *Где?*

— *В Джакаре.*

— *Как? Как это случилось?*

— *Наверное, я сам невольно помог этому. Она переместилась в Джакару, когда я поддерживал с ней контакт.*

— *Как погиб капитан?*

— *Она застрелила его.*

— *Так что же теперь с Джакарой?*

— *Вот это я и пытаюсь выяснить. Оставь меня. Как только я что-нибудь найду, тут же сообщу тебе.*

— *Что мне делать?*

— *Ничего. Жди.*

Молчание.

— Теперь ты знаешь? — спросил Гейдель.

— Ничего я не знаю... Только то, что и сам кое-что потерял.

— Так что же все-таки происходит?

— Мой друг пытается выяснить. По крайней мере, теперь мы знаем, где твоя богиня... Как ты себя чувствуешь?

— Я не могу разобраться в своих чувствах. Она долго была со мной. Многие годы. Сначала она лечила мной заболевших какой-нибудь редкой болезнью... словно мы носили в себе одновременно и болезнь, и лекарство от нее. Самому мне ничего не угрожало. Потом, в Италбаре, я допустил ошибку. На меня напали и забросали камнями. Мне казалось, что я умру в Италбаре. После этого все изменилось. Я узнал, что природа ее двойственна. В обеих своих ипостасях она функционирует таким образом, чтобы лечить болезни... В той форме, что была вначале, она стремилась очистить жизнь. В другой — саму жизнь считала болезнью, и лечила

от нее материю. Я был ее апостолом в обеих ипостасях... Какой она была, когда ты увидел ее?

— Синей, злобной, могущественной. Прекрасной. Казалось, она смеется надо мной, грозит...

— Где она сейчас?

— Она завладела телом женщины... недалеко отсюда. Она убила человека.

— Ох!

— Ты знал, что тебя ищут?

— Да, я каким-то образом догадывался об этом.

Неподалеку ударил раскат грома. Когда он стих, Морвин сказал:

— Может быть, она и права...

— В чем?

— В том, что жизнь — сама по себе болезнь.

— Не знаю. Это не имеет никакого значения. Абсолютно никакого. Только такой взгляд на вещи оправдан и неважно, в какой ипостаси она в данный момент времени.

— Ты сам... так и смотришь на вещи?

— Наверное. Я... поклонялся ей. Я верил ей. Может быть и сейчас верю.

— Как плечо?

— Болит.

— Наверное, она делала много хорошего.

— Наверное.

На юге сверкнули яркие вспышки, за ними ударил гром. Несколько капель упало на них, вокруг них.

— Пойдем к тем скалам,— сказал Морвин.— Там должны быть углубления. Может, не промокнем.

Он помог Гейделю подняться, положил его руку себе на плечи и поддерживал его весь долгий путь до скал.

— *Их двое,*— пришла мысль Шинда,— *и они движутся навстречу друг другу.*

— *Кто двое? О чем ты?*

Но Шинд, казалось, не слышал его.

— *Они сознают существование друг друга,*— продолжал он.— *Мне нужно быть очень, очень осторожным... Она сделала мне так больно... Странно, что я не обратил внимания на эту особенность еще при первой встрече... Но теперь это ближе к поверхности. Фрэнсиса Сэндо тоже сопровождает туманная Другая.*

— *Сэндо? Он здесь? С Джакарой?*

— *Они разговаривают. У нее в руке пистолет, но он стоит слишком далеко. Я сейчас на самом краю событий и не могу сказать, знает ли она, что Сэндо не один. Он позвал ее по имени и это привлекло ее внимание. Она отвечает. Он подходит ближе. Кажется, она не собирается стрелять — любопытство ее возбуждено. Они говорят на незнакомом языке, но я улавливаю обрывки мыслей. Кажется, он знает ее... каким-то образом. Она ждет, пока он подойдет поближе. Он салютует каким-то знакомым ей способом.*

Он говорит, что она нарушила какое-то правило, которого я не понимаю. Она слегка удивлена этим.

Морвин довел фон Хаймака до убежища в скалах. Помог ему сесть, прислонив спиной к камню. Сел рядом с ним и уставился в клубящийся туман. Дождь разошелся вовсю.

— *Он приказывает ей уйти... не понимаю, куда... и как. Она смеется. Это смех сквозь слезы... Он подождал, пока она прекратит и заговорил. Это нечто формальное — запомненное ранее, не импровизация. Речь его сложна, ритмична, содержит множество парадоксов. Непонятно... Она слушает.*

— Гейдель, она сейчас с человеком, который, предположительно, пытается остановить ее. Не знаю, что из этого выйдет. Как бы то ни было, у меня нет ни малейшего предположения, что же будет с тобой. Мой капитан, мой лучший друг, мертв. То, что он задумал, исполнится, хотя и нельзя назвать его замыслы великими. Но сам он был великим человеком и, наверное, я помог бы ему. С другой стороны, я мог убить тебя — для него ты представлял слишком большую опасность. Как ни крути...

— Очевидно, я заслужил все, что случилось или случится со мной.

— Меня поражает то, как тобой манипулировали — и обстоятельства, и автономный паразитирующий энергетический комплекс, обладающий паранормальными возможностями.

— Как ты ловко выражаешься...

— Специалисты по паранормальным явлениям преследовали меня всю жизнь. Я — телекинетик — что бы это ни значило. Я передвигаю вещи силой разума, я могу заставить предметы вызывать в людях специфические чувства. Вот и понахватался терминологии. Мне жалко тебя. Тобой воспользовались, а я мог бы оказаться частью эксплуатирующей тебя команды. Скажи, чего ты сейчас хочешь?

— Чего? Не знаю... Смерти? Нет. Я хочу... уйти. Далеко-далеко. Мне всегда хотелось именно этого. Я столько лет был кем-то другим, что мне хочется заново познакомиться с собой. Да, уйти...

— *... закончил и ей больше не весело. Она говорит ему злые слова, грозит... Но теперь то, что есть в его мозгу, значительно ближе к поверхности. Он говорит ей об этом, упоминает меня... Шимбо, кажется. Она поднимает пистолет...*

Ослепительная вспышка, удар грома. Морвин вскочил на ноги.

— *Шинд! Что случилось?*

— Что?.. — спросил фон Хаймак, вскидывая голову.

Морвин медленно опустился на прежнее место. Гром прозвучал снова и превратился в низкий рокот, который уже не прекращался.

— *Молния ударила между ними,* — сказал Шинд. — *Она уронила пистолет, он схватил его, отбросил. Но он перестает быть сам*

собой. Их разумы становятся непрозрачными. Они стали похожи друг на друга, между ними идет обмен энергией. Полагаю, он просит ее удалиться, а она жалуется на несправедливость этого. В ней растет страх. Он отвечает. Она что-то делает... Теперь сердится он. Он снова приказывает ей удалиться. Она начинает спорить. Он прерывает ее, спрашивая, хочет ли она, чтобы их спор закончился противоборством.

Гром прекратился. Ветры стихли. Внезапно остановился дождь. Сверхъестественная тишина овладела пропитанным туманом воздухом.

— *Я больше ничего не воспринимаю,* — сказал Шинд. — *Они будто превратились в статуи.*

— *Шинд, где сейчас ты сам, я имею в виду, в каком месте?*

— *Довольно близко от них. Я подкрадывался к ним с тех пор, как ко мне вернулось сознание. Я надеялся, что еще можно что-то сделать, но теперь мной движет только чистое любопытство. Мы в четверти мили от тебя.*

— *Ты заглядывал в мозг фон Хаймака?*

— *Да. Он все еще в депрессии. Но безвреден...*

— *Что мы будем с ним делать?*

— *Разведчики скоро подойдут. Пусть найдут его.*

— *Что они с ним сделают?*

— *Трудно сказать. Группа, которую я подслушал, относится к поискам, как к обычной работе, но некоторые ее члены жаждут мести... Стоп! Они двигаются! Она поднимает руку и начинает говорить. Он тоже делает какой-то жест и говорит вместе с ней. Теперь...*

Морвину показалось, что сверкающий купол неба обрушился, а последовавший удар грома стал самым громким звуком, какой ему доводилось слышать. Когда сознание его очистилось, он увидел, что дождь пошел снова и почувствовал во рту вкус крови из прокушенной губы.

— *Что там, Шинд?* — спросил он.

Снова молчание.

— Гейдель, сюда подходит поисковая группа. Они хотят найти тебя, чтобы остановить эпидемию.

— Поиски нужно прекратить. Я чувствую, как изменяюсь. Я узнаю чувство безопасности — оно приходит. Оно уже почти пришло.

— Но так как ты — единственный, осведомленный об этом чувстве, они несомненно схватят тебя. Мне известно, что поисками руководит доктор Лармон Пелс. Он запрет тебя в карантин и будет изучать. Таким образом ты сможешь удовлетворить желание побыть одному.

— Насколько это реально?

— Единственное препятствие — сами разведчики. Некоторые из них могли потерять родственников, друзей...

— Наверное, ты прав. Какие будут предложения? Кроме простого бегства, конечно.

— Если бы мы только знали...

— *Кажется, спор между ними решен,* — сказал Шинд.

— *Как?*

— *Не могу сказать. Они оба без сознания.*

— *Ранены?*

— *Нет, наверное, это результат психического шока, но я не уверен. Тебе лучше подойти сюда. Ты можешь понадобиться Джакаре.*

— *Как вас найти?*

— *Расслабь свой мозг и дай мне проникнуть в него поглубже. Я доведу тебя.*

— *Не очень быстро. Гейдель едва способен двигаться.*

— *Зачем он тебе?*

— *Мне он не нужен. Это мы нужны ему.*

— *Хорошо. Иди.*

— Вставай, Гейдель, — сказал Морвин. — Нам пора.

Они встали и, укрывшись под одним пончо, пошли сквозь дождь и мглу. Влага покрыла звездочками их лица. Ветер подгонял их в спину.

Когда они, наконец, добрались до места, Морвин увидел Шинда рядом с Фрэнсисом Сэндо. Сам Сэндо сидел, держа руку Джакары и придерживая ее за плечи.

— Что с ней? — спросил Морвин.

Сэндо посмотрел на Шинда, потом на Морвина и ответил:

— Физически она в полном порядке.

Морвин усадил фон Хаймака на камень.

— Дай ему вот это, — сказал Сэндо.

— Сигара. Ему нравится.

— Что?

— Понравится... Насколько серьезно...

— *Мы оба просмотрели ее мысли,* — сказал Шинд. — *Она снова стала ребенком и знает, что такое счастье.*

— *Но насколько это серьезно?*

— *Давай посмотрим, узнает ли она тебя?*

— Джакара? Как ты себя чувствуешь? Это Джон...

Она повернулась и уставилась на него. Улыбнулась. Спросила:

— Кто ты?

— *Все-таки что-то мелькнуло,* — сказал Шинд.

Морвин протянул к ней руку. Она отпрянула, опустила глаза.

— Это же я, Джон! Не бойся!

Он запустил руку в карман, вытащил пригоршню монет и бросил их в воздух. Они беспорядочно заметались, потом образовали эллипс и закружились перед ней все быстрее и быстрее.

На лбу Морвина выступил пот, а они вращались, кружились, торопились.

— Это рекорд? — спросила она.

Монеты звенящим дождем упали на землю.

— Не знаю. Не считал. Кажется, рекорд... Значит, ты все-таки помнишь.

— Да. Еще раз... Джон. Пожалуйста.

Монеты подпрыгнули, завертелись снова.

— Ты по...

— *Не ЗАСТАВЛЯЙ ее вспоминать. Ей надо отвлечься. Она не хочет вспоминать. Успокой ее. Развлеки.*

Он жонглировал монетами, изредка поглядывая, улыбается ли она. Он принюхивался к запаху сигары Гейделя. Он почувствовал присутствие Сэндо в своем мозгу.

— *...Так вот чем ты ударил ее,* — сказал он. — *Теперь я понимаю...*

Мысль внезапно исчезла.

— *Нет!* — воскликнул Морвин. — *Не говори мне, что эта штука перебралась в мозг Джакары потому, что я нанес удар СВОИМ разумом! Я...*

— *Нет,* — сказал Сэндо слишком поспешно. — *Нет. Она была идеальным объектом. Кроме того, существовал канал...*

— *...сооруженный мной,* — вмешался Шинд.

— *Неизвестно,* — сказал Сэндо. — *Оставим это. Вероятнее всего, для подобного перехода не нужны никакие особые внешние условия. Я знаю еще об одном таком случае. Жизнь и так достаточно сложна, чтобы взваливать на себя груз дополнительной вины.*

— Еще раз, Джон, — сказала Джакара.

— Потом, — сказал Сэндо, вставая сам и помогая подняться ей. — Возьми его за руку, — он разместил ладонь Джакары в ладони Морвина. — Шинд говорит, что поисковая партия совсем близко. У меня нет никакого желания связываться с ними. Если вы разделяете это мнение, милости прошу со мной. Я вижу по вашим лицам, что это так. Пойдем. Мой корабль в той стороне.

— Подожди.

— Капитан, — сказал Морвин. — Малакар. Где он?

— За теми скалами. Футах в пятидесяти. Разведчики скоро найдут его. Мы ему уже ничем не поможем.

Но Морвин уже повернулся и пошел к скалам.

— Я не стал бы показывать ей труп!

Он остановился.

— Ты прав. Забирай ее. Идите без меня. Мне нужно еще раз посмотреть на него.

— Мы подождем.

— Разведчики совсем рядом!

— Знаю.

Ураган взъярился с новой силой, но область главного удара лежала чуть в стороне от них.

— Спасибо за сигару... сэр.

— Фрэнк. Зови меня Фрэнк.

— Когда придет поисковая группа, им покажется, что тут произошло убийство.

— Оно отнюдь не будет первым нераскрытым в истории человечества.

— Но когда узнают, КТО убит...

— ...поднимется вопль. Да. Представь себе возможные слухи. Политическое убийство. Малакар порадовался бы, узнав, что смертью своей он может принести ДИНАБ больше пользы, чем всем тем, что совершил после войны.

— Как так?

— К концу сессии неожиданно объявят незапланированное голосование по статусу Лиги. Чувства, вызванные его смертью, придутся как раз к месту. Когда-то он был весьма популярным человеком. Можно сказать, героем.

— В конце концов он превратился в усталого, озлобленного старика. Это было бы забавно...

— Да. Слухи эти надо будет тщательно организовать. Восстановление родной планеты, как части ДИНАБ, тоже пригодится. Я не смогу приступить к работе раньше, чем через пару лет, но объявлю о ней в самый подходящий момент.

— Значит, то, что говорят про тебя, правда...

— Что?

— Нет, ничего. Что будет с фон Хаймаком?

— Это его дело. Но я позабочусь о том, чтобы он поговорил сначала с Пелсом. Если он пожелает, пускай отправляется в клинику ко мне на Хоумфри, а Пелс будет сидеть на орбите вокруг нее и совещаться с персоналом. Если учесть, что он — один из немногих, кто понимает, что же здесь произошло, ему лучше побыть там... по крайней мере, до голосования... И да, конечно, я родился на Земле. Много лет назад.

— ... мягонький,— сказала Джакара, наклоняясь, чтобы погладить Шинда.

— *И теплый*,— добавил Шинд.— *Очень удобно в такую погоду. Джон возвращается. Скажи ему, куда ты хочешь улететь.*

Джакара посмотрела на подошедшего Морвина.

— Джон!— воскликнула она.— Увези меня в тот замок, с огненным рвом. На Землю.

Морвин взял ее за руку и кивнул.

— Пойдем,— сказал он.

Глава 6

И однажды пришла весна, в завитках и пятнышках цвета, зеленая, и рыжая, и мокрая; и птицы резвились в голубизне, проливая вопросительные трели; накатились прохладные соленые бризы с моря, разбивающегося о скалы так же, как пять тысяч лет назад; и огонь планеты спрятался в каменных теснинах под их ногами — там, где ему и положено быть; и они шли, никуда не торопясь, среди рощ, полей и свежевымытых холмов.

Шествуя внутри самого желанного для себя шара, он подумал о Пелсе, потому что сначала он думал о музыке, невидимой, невесомой, подчиняющейся законам только своей собственной логики. Он не думал ни о Фрэнсисе Сэндо, ни о Гейделе фон Хаймаке, ни даже о Капитане, потому что она только что сказала: «Какой чудесный день!» и это так, подумал он, облако в небе, бельчонок на ветке, девушка, и этого достаточно... достаточно.

ЗНАКИ ДОРОГИ

Глава 1

— Останови! — закричала Лейла.

Рэнди немедленно повернул руль вправо и нажал на педаль тормоза. Небо медленно прекратило пульсировать. Теперь оно было жемчужно-серым, предрассветным.

— Подай назад, вдоль обочины.

Он кивнул и включил реверс.

— Те, что в машине? Мы могли бы просто подойти к ним...

— Сначала я хочу рассмотреть их поближе.

— Ладно,— сказал он, медленно подавая машину назад.

Она повернулась, рассматривая серый потрепанный экипаж. Внутри автомобиля сидели два человека. Кажется, у обоих были седые волосы, точно сказать не давал коварный свет зари. И оба они, похоже, смотрели на Лейлу.

— Сейчас дверь со стороны водителя откроется,— тихо сказала она.

Дверь со стороны водителя открылась.

— Теперь откроется вторая.

Открылась вторая дверца.

Старик сидел за рулем, а женщина — пассажир.

Два старика — женщина и мужчина — вышли из автомобиля, опираясь о дверцы. Они были закутаны в какое-то тряпье, оно держалось на теле только благодаря поясам.

— Стоп,— сказала Лейла,— теперь выйдем и поможем им. У них в распределителе зажигания отошел контакт.

— Это часть твоего предвидения?

— Нет.

Она отворила дверцу, вылезла и направилась к машине позади. Он сделал то же самое. На первый взгляд, когда он подошел поближе, ему показалось, что мужчина слишком стар, чтобы садиться за руль. Сутулясь, он стоял, опираясь на автомобиль. Свободная рука слегка дрожала, кожа была высохшая и в старческих веснушках, пальцы напоминали птичьи. Лицо его было изборождено глубокими морщинами, брови — такие же седые, как и волосы. Потом его глаза встретились со взглядом Рэнди — зеленые, чуть ли не сияющие. В них светилось четкое и ясное сознание, о чем Рэнди и не догадался бы по внешнему виду старика. Рэнди улыбнулся, но старик никак не реагировал.

Лейла тем временем подошла к старой женщине и разговаривала с ней на незнакомом Рэнди языке.

— Если бы я мог поднять капот,— предложил он,— я, возможно, мог бы вам помочь.

Старик ничего не ответил, и Рэнди повторил то самое на опережающем линго. Это тоже не вызвало никакой реакции. Мужчина, казалось, был занят изучением лица Рэнди, его одежды, следил за его движениями. От этого Рэнди стало не по себе. Он бросил на Лейлу вопросительный взгляд.

— Все в порядке,— сказала она.— Смело открывай капот. Они не понимают, как работает двигатель. Я сейчас как раз объясняю, что такое горючее.

Нагнувшись, чтобы отстегнуть защелку крышки капота, Рэнди заметил, что она передает старой женщине толстую пачку денег. Когда капот приподнялся на несколько дюймов, мужчина осторожно отодвинулся. Подняв крышку полностью, Рэнди услышал их удивленные возгласы.

Правильно. Отошел контакт на распределителе. Он вставил его в гнездо и надежно закрепил. Бросив взгляд на остальные части двигателя, он не обнаружил других неисправностей.

— Попробуйте его теперь завести, сэр,— обратился он к мужчине.

Подняв голову, он увидел, что тот улыбается.

— Наверное, вы меня не понимаете. Я сам сейчас попробую завести двигатель.

Мужчина продолжал молча стоять.

— Одну минуту,— сказал тогда Рэнди.

Обойдя старика, он заглянул в машину. Ключ по-прежнему торчал в зажигании. Он проскользнул на место водителя и попробовал повернуть его. Секунду спустя мотор заурчал. Рэнди снова выключил его и вылез наружу. Он улыбнулся старику и кивнул:

— Все в порядке.

Тот вдруг стремительно шагнул вперед и заключил Рэнди в медвежьи объятия. Он был неожиданно сильный, и Рэнди почувствовал на своем лице его горячее дыхание.

— Имя? Как твое имя, добрый человек?— сказал старик.

— Рэнди... Рэнди Доракин,— ответил юноша, освобождаясь.

Лейла обошла автомобиль и теперь стояла у них за спиной. Старая женщина последовала за ней.

— Все будет хорошо,— сказала Лейла.— Пойдем. Нам пора ехать... к последнему въезду на Вавилон.

Она что-то просвистала старику, тот кивнул. Потом она обняла старую женщину и не отпускала несколько секунд. Потом она быстро пошла обратно к их машине. Рэнди поспешил за ней. Когда он оглянулся, те уже сели в автомобиль. Он услышал, как заработал мотор. Потом машина выехала на дорогу и исчезла из виду. В это мгновение взошло солнце, и он увидел, что Лейла плачет.

Он отвернулся со странным чувством...

Рэд Доракин двигался по тихому отрезку дороги — прямому, спокойному, как сама смерть, слабо мерцающему. Несколько часов назад его обогнала пара футуристического вида машин, мчавшихся с фантастической скоростью. Несколько позже он миновал запряженную четверкой карету, и, еще немного спустя, одинокого всадника. Он вел свой голубой «додж-пикап» в правом ряду с постоянной скоростью шестьдесят пять миль в час. Он жевал сигарету и напевал себе под нос.

Небо было бледно-голубым, с востока на запад его пересекала толстая огненная черта. Пыли и мусора на пути не замечалось, и насекомые о ветровое стекло не плющились.

Далеко впереди показалась точечка машины. Она быстро вырастала, превращаясь в старый черный «фольксваген». Проносясь мимо, его водитель нажал на клаксон. Сам «фольксваген» затормозил и выехал на обочину.

Рэд бросил взгляд в зеркальце заднего вида, нажал на тормоз и повернул руль вправо. Небо тут же принялось пульсировать, меняя цвета, пока скорость пикапа уменьшалась. С каждой пульсацией яркая черта на миг исчезала.

Когда он полностью остановился, над Дорогой повис тихий вечер. Где-то тянул песенку сверчок, и временами налетал тихий ветерок. Он открыл дверцу и вылез наружу, не забыв вытащить из гнезда и опустить в карман ключ зажигания. На нем были джинсы «левис», армейские ботинки, коричневая лыжная курточка без рукавов поверх крепкой рубашки-хаки, и широкий ремень с фигурной пряжкой. Он сдвинул на затылок шапку и двинулся вдоль обочины.

Не существовало способа пересечь Дорогу, не рискуя немедленно погибнуть, вследствие чего он прошел к месту, расположенному как раз напротив остановившегося «фольксвагена». В этот момент дверца машины отворилась и появился невысокий человек с маленькими черными усиками.

— Рэд! — позвал он.— Рэд!

— Что случилось, Адольф?— громко осведомился мужчина у пикапа.— Ты, я вижу, все ищешь места, где ты победил?

— Послушай, Рэд,— сказал второй.— Я не знал, стоит ли говорить тебе это, потому что я не мог решить, ненавижу ли я тебя сильней, чем чувствую себя обязанным тебе. Но ведь я не знал, будет ли эта информация полезной или вредной для тебя. И я решил, что одно уравновешивает другое. Я решил рассказать, что я видел. Я был дьявольски далеко вниз по Дороге, и я видел, как у въезда на Вавилон, обозначенного голубым зиккуратом...

— Голубым зиккуратом?

— Голубым зиккуратом. Я видел, как ты перевернулся, въезжая туда. Я видел, как загорелся твой грузовик.

Несколько секунд Рэд Доракин молчал. Потом он засмеялся.

— Смерть,— сказал он,— несомненно, будет весьма озадачена, если повстречается со мной вскорости. «Что,— скажет она,—

этот человек делает в Афинах, да при Фемистокле, когда я назначала ему свидание у последнего въезда в Вавилон?..*

Его массивное тело заходило в новом приступе смеха. Потом он выдул острую струю дыма и поднял правую руку в издевательском приветствии.

— Тем не менее, спасибо,— сказал он.— Возможно, мне это пригодится.

Он повернулся и направился к своему грузовику.

— И еще,— крикнул ему вслед другой мужчина.

Рэд остановился и повернул голову.

— Что еще?

— Ты мог бы стать великим человеком. Прощай.

— Аувфидерзейн.

Рэд вскарабкался в кабину и запустил двигатель. Скоро небо снова стало голубым...

Глава 2

Когда над изломанной линией горизонта начала разгораться заря, она пробудилась на барже, качавшейся на водах Ист-Ривер, томно откинула в сторону укрывавшие их меха и отвела со лба прядь волнистых волос. Кончиками пальцев она коснулась нежных местечек на шее, плечах и грудях, где уже начали появляться знаки ее вчерашнего возлюбленного. Улыбнувшись, она хрустнула пальцами и медленно повернулась на левый бок.

Тоба, тяжелый и черный, как ушедшая ночь, лежал там, устроив щеку на правой ладони и ухмыляясь во весь рот.

— Боги, ты что, вообще никогда не спишь?— сказала она.

— Только не рядом с леди, которая удавила больше сотни любовников, стоило им опуститься в утомлении на ложе рядом с ней.

Ее зрачки сузились:

— Так ты знал! Ты знал с самого начала! Ты обвел меня вокруг пальца!

— Слава Богу и амфитамину, это так!

Она улыбнулась и потянулась:

— Тебе необыкновенно везет. Как правило, я даже не жду, пока они опустятся на ложе. Я выбираю определенный момент, и одновременно кончаю, так сказать, два дела. Твоя очередь должна наступить только сейчас, потому что меня отвлекла архитектура... тем не менее.— Она протянула руку и коснулась управляющего блока. Бесшумно баржа начала двигаться.— Взгляни скорей, пока свет ложится среди руин Манхеттена!

Она вдруг села и подняла на уровень глаз продолговатый прямоугольник из резного полированного дерева, держа эту рамку на расстоянии вытянутой руки.

Она посмотрела сквозь нее:

— Вот эта группа справа... Какая великолепная композиция, верно?

Тоба приподнялся и наклонился вперед, его подбородок потерся о ее левое плечо.

— Очень, гм... интересно.

В левой руке у нее появилась маленькая видеокамера. Она посмотрела сквозь видеоискатель, потом еще раз рамку, наклонилась немного назад, нажала кнопку.

— Готово.

Камера и рамки были отложены в сторону справа.

— Я могла бы всю свою жизнь только и делать, что снимать живописные руины. Собственно, я так и делаю. Большую часть времени лучше всего это делать со стороны моря или реки. Ты когда-нибудь замечал эту деталь?

— Нет. Хотя теперь, когда ты обратила внимание...

— Ты знаешь, я с самого начала подумала, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Слишком все хорошо получалось. Одетый в тряпье, неграмотный и немытый продукт упадка цивилизации, ты рылся в отбросах на берегу — и я как раз проплывала мимо. Ты меня провел. Так кто же ты? Археолог?

— Ну, я...

— И ты знал, кто я. Держи правую руку, как сейчас, но подними голову.

Она перевернулась на живот, тоже подняла правую руку, уперлась локтем в палубу и хлопнула ладонью о ладонь Тобы.

— Отлично, мистер Тоба. Теперь жмите со всей силы. Как будто ваша жизнь зависит от этого. Может, это так и есть.

— Эй-эй, леди...

Его рука начала клониться назад. Он напряг мускулы. Рука остановилась на несколько мгновений. Он сжал зубы, наклонился влево.

Вдруг одним броском его рука оказалась пригвожденной к палубе.

Она улыбнулась, глядя на нее сверху вниз.

— Желаете попробовать левой рукой?

— Нет, спасибо. Слушай, я верю всему, что рассказывают о тебе. У тебя... э-э... экзотические вкусы и хватает сил, чтобы их удовлетворять. И я привык восхищаться всяким, кто способен получить то, что хочет. И это был единственный способ встретиться с тобой. У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, такой шанс выпадает раз в жизни.

— А как там насчет хорошенькой руины?

— Самая распрекрасная, можешь мне поверить! — быстро сказал Тоба.

— Интересного человека?

— Самого интересного!

Она ухватила его за руку и рывком поставила на ноги.

— Скорей! Смотри, как отражается солнце на стенах вон той разрушенной башни!

— Первый класс!

— Как его имя?

— Доракин. Рэд Доракин.
— Что-то знакомое.
— Известная личность.
— Живописный тип?
— Спрашиваешь!
— Я могла бы использовать новую баржу, с инкрустацией из слоновой кости и черного дерева...
— О чем речь. Эй! Лучи солнца сквозь остатки вон того моста...
— Скорей камеру! Ты очень удачливый человек, Тоба.
— Будто я и сам не знаю!..

Увидев, как точечка машины в заднем зеркальце постепенно разбухает, Рэд Доракин незлобно выругался.
— В чем дело? — послышался хриплый голос из-под панели.
— Что? А я и не заметил, что не выключил тебя.
Его правая рука потянулась к кнопке, потом вернулась назад.
— Ты выключил. Это я сам активизировал цепи.
— Как это тебе удалось?
— Помнишь, я выиграл у тебя один ремонт, в карты, в прошлом месяце? Мне хватило денег и на установку нескольких новых блоков. Хочу расширить горизонты.
— Ты хочешь сказать, что подслушивал весь этот месяц?
— Да. Ты часто разговариваешь сам с собой. Очень забавно.
— Нет, этого так оставлять нельзя.
— Можешь больше не играть со мной в карты... Повторяю, что случилось?
— Полиция. Быстро догоняет нас. Может, проедут мимо. Может, не проедут.
— Держу пари, что я их обставлю. Будем сражаться?
— Да нет же, сиди тихо, Цветы. Не все сразу получается, вот и весь секрет.
— Я не понимаю.
— Не выйдет сейчас, испробую какой-нибудь другой способ.
Он снова посмотрел в зеркало. Блестящий каплевидный автомобиль вырос уже до солидных размеров и продолжал нагонять машину Рэда, хотя ему, возможно, следовало немного сбросить скорость.
— Я по-прежнему не понимаю.
Чиркнув спичку о ноготь большого пальца, Рэд зажег сигару.
— Я знаю. Не волнуйся — и не встревай в спор ни в коем случае.
— Принято.
Он посмотрел в сторону. Полицейская машина догнала пикап и шла теперь рядом. Рэд вздохнул.
— Останавливайся, или проезжай, чтоб тебе было пусто, — пробормотал он. — Эта Дорога не для игр.
Словно в ответ завыла сирена. Над крышей машины выдви-

нулся шар сигнала и начал мигать, словно горящий в темноте глаз.

Рэд повернул руль и выехал на обочину Дороги. Небо снова принялось пульсировать — светлей, темней — светлей, темней. Когда машина окончательно остановилась, над горизонтом повисло утреннее солнце, травы серебрились от изморози, слышалось пение птиц. Сверкающий автомобиль с полицейскими выехал на обочину впереди пикапа. Распахнулись обе дверцы и из машины вылезли два офицера в серых кителях. Рэд выключил зажигание и выпрямился. Выдохнул тучу табачного дыма.

Водитель второй машины остановился у дверцы пикапа. Его товарищ прошел к задней части грузовика. Первый полицейский поднял голову и слабо улыбнулся.

— Чтоб мне провалиться! — сказал он.

— Привет, Тони.

— Не знал, что это ты, Рэд. Надеюсь, ты не подумал ничего серьезного.

Рэд пожал плечами:

— Так... то да се.

— Тони,— послышался голос от кормы пикапа,— ты бы взглянул сюда.

— Гм... тебе придется выйти, Рэд.

— Конечно.

Он открыл дверцу и вылез наружу.

— Что там? — спросил Тони, направляясь к кузову.

— Гляди.

Второй полицейский приподнял край брезентового чехла. Теперь он принялся отвязывать его дальше.

— А я знаю эти штуки! Это винтовки из В-20, называются М-1.

— Ага, я знаю. А видишь, что здесь сзади? Автоматы Браунинга. А это ящик с ручными гранатами. И полно патронов, к тому же.

Тони вздохнул и повернулся:

— Ничего не объясняй. Я сам угадаю. Я точно могу сказать, куда ты направляешься. Ты все еще думаешь, что греки должны выиграть битву при Марафоне, и ты намерен им помочь.

Рэд сделал лицо.

— Почему ты так думаешь?

— Тебя уже дважды на этом ловили.

— И вы просто наугад решили проверить меня еще раз?

— Да, именно так.

— И ты хочешь сказать, что вам никто не шепнул на ушко пару слов?

Офицер помолчал, глядя в сторону.

— Никто.

— Отлично. Вы поймали меня вместе с товаром. Что будете делать?

— Во-первых, мы конфискуем весь груз. Можешь нам помочь разгрузить кузов и перетащить в нашу машину.

— Расписку дадите?

— Проклятье, Рэд! Ты что, не понимаешь, как это серьезно?

— Понимаю.

— Кстати, ведь у нас ничего не изменится, если ты добьешься своего. Ты просто создашь новое ответвление Дороги. Или новый въезд.

— А что тут такого страшного, собственно?

— Кто знает, что и кто проникнет на Дорогу оттуда...

— По Дороге и без того бродит немало всякой всячины, Тони. Посмотри на меня, хотя бы.

— Но ты уже зло изученное. Тебя все знают. Зачем тебе это новое ответвление, в конце концов?

— Потому что оно и было вначале. Но теперь эта боковая дорога заблокирована. Я пытаюсь перевоссоздать стечение обстоятельств.

— Я такого не понимаю.

— Ты еще молодой, Тони.

— Не понимаю тебя, Рэд. Ладно, помоги лучше выгрузить оружие.

— Хорошо.

Они начали перетаскивать ящики и автоматы.

— Ты должен бросить это дело, понимаешь?

— Следить за подобными вещами — это часть вашей работы, это я понимаю.

— Тебе на все наплевать, а если бы ты открыл путь в какое-то, по-настоящему мерзкое место, где полным-полно гадких тварей, и у них оказалась бы способность путешествовать по Дороге? Мы все тогда бы попали в переплет. Почему бы тебе действительно не оставить это дело?

— Я ищу кое-что, чего другим способом не могу найти.

— Не возражаешь, если полюбопытствую, что именно?

— Возражаю. Это мое личное дело.

— И ты затормозил бы все движение ради исполнения собственной прихоти?

— Ага.

— Не стоило и спрашивать. Я ведь знаю тебя уже лет сорок. А для тебя это сколько получается?

— Пять или шесть, или тридцать. Не знаю. Ты, наверное, много работал в кабинете в перерывах?

— Слишком много.

— Наверное, ты там и узнал о новых ответвлениях?

— Вообще-то я немного подковался в теории, и она куда сложнее, чем ты предполагаешь.

— Чушь! Если там была дорога однажды, она может быть там и опять.

— Пусть будет по-твоему, но мы не можем тебе позволить своевольничать.

— Да люди каждый день так делают. С чего бы тогда они ездили по Дороге? Куда бы они не направлялись, они повсюду меняют рисунок ветвей, так или иначе.

Тони щелкнул зубами:

— Я знаю, и лично мне становится страшно. Все это образование, эта Дорога, ее нужно жестче контролировать. Нужно создать сторожевые посты...

— Но Дорога была здесь всегда, и те, кто по ней путешествуют, они тоже здесь всегда. Мир продолжает существовать, и Дорога продолжает — со дня творения и до распада, аминь. И больше ничего тут нельзя сказать. Ты так считаешь?

— Я тебя знаю сорок лет, или тридцать, а может, только пять или шесть. Ты не изменился. Я по-прежнему не могу с тобой договориться... Ладно. Мы не можем контролировать все движение. И за всем не уследишь. Но большие нарушения мы в состоянии пресечь, что мы и делаем. И ты всегда в них впутываешься. Я и на этот раз не буду слишком строгим и отпущу тебя с еще одним предупреждением.

— А что вы еще можете? Ничего, и ты это знаешь. Как вы докажете, куда я направлялся с этим грузом? Вы можете конфисковать мой груз, можете прочесть мне нотацию, а что еще? Надолго вы мне погоду не испортите. И это еще не политика, не забота о безопасности. Вы преследуете меня лично, именно меня. Отсюда вывод: кто-то имеет зуб на меня, и я хотел бы знать — кто.

Тони покраснел. Его напарник прошел мимо с картонкой гранат.

— Ты становишься параноиком, Рэд,— наконец сказал он.

— Так-так. Может, подбросишь намек? — Глаза Рэда не выпускали взгляда офицера, пока зажигал спичку о коробку с патронами и раскуривал сигарету. — Кто бы это мог быть?

Тони посмотрел на второго полицейского:

— Давай перетащим, что осталось.

Остаток вооружения занял еще десять минут. После этого Рэду было разрешено сесть в кабину грузовика.

— Ладно. Считай, я тебя предупредил,— сказал Тони.

Рэд кивнул.

— ...и будь осторожен.

Рэд снова кивнул, медленно:

— Благодарю.

Он смотрел, как они скрываются внутри сияющего экипажа, и как их машина скрывается из виду.

— Что все это значит?

— Он оказал мне услугу, Цветы. Он специально искал меня, чтобы я знал — мы в беде.

— Какого рода?

— Об этом нужно подумать. Далеко до ближайшей остановки?

— Нет. Она чуть дальше по Дороге.

— Бери управление.

— Ладно.

Грузовик дернулся и покатился...

Глава 3

Маркиз де Сад вошел вслед за Сандоком в огромных размеров здание.

— Я чрезвычайно вам благодарен,— говорил он,— и буду еще более признателен, если вы не выдадите меня Чедвику, потому что он пребывает в уверенности, будто я занят сейчас чтением груды совершенно неудобоваримых рукописей. Поверьте, что с тех самых пор, как барон Кювье опубликовал свои размышления, я был увлечен предметом, я сгорал от любопытства. Но я представить не мог, что увижу его своими глазами.

Сандок издал смешок и ввел маркиза в обширный зал лаборатории.

— Я понимаю вас. Не беспокойтесь. Я люблю похвастаться работой.

Они приблизились к большому углублению в центре зала, остановившись у окаймлявшего углубления ряда поручней. Сандок поднял правую руку, и колодец внизу затопили потоки света юпитеров.

Он стоял там, словно гигантская статуя, как необычных форм муляж для кинофильма класса «Б», как внезапно материализовавшийся невроз...

И он шевельнулся. Он переступил с лапы на лапу и чуть опустил голову, чтобы не бил свет в глаза. Сбоку на голове его блеснула полоска металла, еще одна полоска виднелась ниже по хребту.

— Вид у них не очень-то привлекательный,— сказал Сандок.

Маркиз покачал головой:

— Челюсти бога! Он прекрасен!— тихо выговорил он.— Скажите еще раз, как они называются?

— Тираннозаврус рекс.

— Соответствует. О, как оно соответствует. Прелесть!

С минуту он стоял недвижим. Потом поинтересовался:

— Как же вам удалось раздобыть этого замечательного зверька? Я был уверен, что они существовали в далеком прошлом.

— Это верно. Аппарат на ядерном приводе шел над Дорогой и весьма долго, пока не забрался в те края.

— Значит, Дорога уходит в те самые времена... поразительно! И как же вы перевезли существо таких размеров и такой энергии?

— А мы вообще не перевозили. Посланная мной команда парализовала одного из них наркотической пулей и взяла образец ткани. Этот экземпляр был выведен методом клонирофания, когда экспедиция вернулась в момент за пятнадцать лет до своего отправления. Это, так сказать, искусственный двойник оригинального экземпляра.

— Превосходно, просто превосходно! Я ничего не понял, но это не играет роли, даже более того, усиливает очарование, со-

здает загадочную атмосферу. А теперь расскажите, как вы им управляете?

— Видите эти металлические пластинки на черепе и на позвоночнике?

— Да, вижу.

— Это решетки-импланты. Множество тончайших электродов соединяет их с нервной системой животного. Одну минуту...

Он отошел от колодца, взял с рабочего стола небольшую коробочку и нечто вроде корзинки из серебряной проволоки. Вернувшись, он показал предметы маркизу.

— Вот это,— сказал он, указывая на коробочку,— компьютер...

— А-а, думающая машина?

— О, кто-то вас уже проинструктировал. Да, в некотором смысле это так. Кроме того, это еще и передающее устройство.

Он повернул выключатель. За окошком циферблата загорелся огонек. Больше ничего не произошло.

— Вы можете его заставить делать все, что угодно... с помощью этого предмета?

— Даже более того.

Сандок одел корзину на голову, приладил ремешок.

— Куда как более,— повторил он,— потому что имеется обратная связь.

Рептилия вздернула голову, подняла глаза на Сандока.

— ... вижу двух людей, они смотрят на меня. У одного на голове что-то блестящее. Сейчас я помашу им правой передней лапой.

Гротескно миниатюрная, по сравнению с остальными, передняя конечность слабо дернулась.

— А сейчас я поприветствую его!

От рева затряслись приборы на рабочих столах, и, казалось, содрогнулось все здание.

— Я должен, должен,— вскричал маркиз.— Должен попробовать! Пожалуйста, дайте мне попробовать!

Сандок усмехнулся и снял с головы излучатель.

— Пожалуйста. Все очень просто. Я покажу как надевать...

В течение нескольких минут маркиз заставлял чудовище маршировать по дну колодца, топать лапами, махать хвостом.

— Я действительно могу видеть его глазами!

— Это обратная связь, о которой я вам говорил.

— Боже... у него должна быть феноменальная сила!

— Еще бы!

Прошло несколько минут.

— Мне поистине жаль прерывать такое удовольствие,— заметил наконец маркиз,— но, думаю, придется. Как это выключается?

— Смотрите, вот здесь.

Он снял излучатель, выключил управляющий блок.

— Я еще никогда не испытывал такого чувства власти,—

сказал маркиз.— Почему... Ведь это было бы поразительное оружие, идеальный убийца. Почему не использовать его против этого человека, Доракина, убить его и получить вознаграждение, которое назначил ваш господин?

Сандок засмеялся:

— А вы можете представить, как оно поспешает вдоль Дороги к предлагаемому месту встречи, чтобы раздавить свою жертву? Нет, транспортировка была бы неразрешимой проблемой, даже если бы мы точно знали, куда нужно доставить зверя. Я никогда не намеревался использовать его таким образом. Слишком неуклюже.

— Это верно... когда вы мне объяснили. Мною овладело воображение — мститель-рептилия настигает свою жертву... И чувство, которое испытываешь в тот момент, управляя им...

— Гм... действительно.

— Хотя в действительности это лишь благородное предприятие на благо развития наук.

— Едва ли. Все это было придумано довольно давно. Техника контроля ничего нового в науку не вносит. Любая информация, которую можно получить таким способом относительно самого зверя, может быть получена и простым наблюдением в естественных условиях. Нет, то, что вы видите перед собой — это исполнение моей прихоти. Вот почему я так легко согласился показать его вам. У меня давно уже было желание сделать нечто подобное просто так... ради развлечения. Вот и все. Другого назначения у него нет. О, мои помощники, конечно, изучают его физиологию и опубликуют полученные данные. Это тоже, в общем, польза. После долгой и успешной карьеры я могу позволить себе такую прихоть. Почему бы и нет?

— В некотором отношении мы гораздо ближе с вами, чем я предполагал.

— Потому что я склонен к таким дорогостоящим развлечениям?

Маркиз отрицательно покачал головой:

— Потому что наслаждаетесь чувством такой необыкновенной власти.

Сандок выключил свет в колодце. Он отошел от поручней и отвернулся.

— Ладно,— сказал он.— В чем-то вы правы.— Он сложил принадлежности на рабочий стол, когда они проходили мимо.— Теперь вам, наверное, лучше вернуться к рукописям.

— Увы!— вздохнул маркиз.— Пусть с Олимпа в Тартар недалек путь — всего несколько кварталов.

Сандок улыбнулся:

— У него ненасытный аппетит, но он того стоит...

Он въехал на покрытую гравием стоянку и направил грузовик к группе строений из тесаных бревен, перед которыми выстроились ряды насосов для разных видов топлива.

— Как там бензин? — спросил Рэд.

— Половина бака, плюс полный запасной.

— Останови вон там, под деревьями.

Пикап остановился под развесистым дубом. Солнце уже успело почти скрыться за горизонтом.

— Мы где-то в области В-16, правильно?

— Да. Думаешь, стоит сделать выход?

— Нет, просто я подумал, что когда-то знал одного парня из этих краев. Пришлось срезать путь однажды...

— Ты хочешь проведать его сейчас?

— Нет. Он сейчас... не здесь. И я проголодался. Составь мне компанию.

Он вытащил из ящика на приборной панели экземпляр «Цветов зла».

— А куда он отправился? — послышался голос от книги.

— Кто?

— Твой друг.

— О, далеко. Да, он отправился очень далеко.— Рэд хихикнул.

Он открыл дверцу и вылез. Воздух был прохладный и зябкий. Он поспешил в направлении домов.

В столовой было сумрачно, большую люстру еще не зажигали. Столы были деревянные и без скатертей, так же, как и пол. В камине, в дальнем конце комнаты, потрескивали горящие поленья. Окна имелись только в стене фасада.

Рэд осмотрел посетителей. Перед большим окном сидело две пары. На вид довольно юные. По одежде и по разговору он определил их как выходцев из поздней части В-21. Одежда утонченного вида юноши, сидевшего справа, указывала на Викторианскую Англию, как место его рождения. Спиной к ближайшей стене сидел черноволосый мужчина в черных брюках и сапогах, и в белой рубашке. Он ел цыпленка и прихлебывал вино. На спинке стула висела серая кожаная куртка. Слишком общее. Рэд не мог его идентифицировать.

Он прошел к самому дальнему столу и сел спиной к углу. Он положил «Цветы зла» на гладкие доски перед собой, и наугад раскрыл книгу.

— О, юноша, влюбленный в страницы картины, сама Вселенная под стать твоему аппетиту,— донесся со страниц тоненький голос. Рэд быстро поднял книгу, закрыв ею лицо.

— Верно,— ответил он шепотом.

— Но тебе и этого мало, так?

— Всего лишь тихий уголок, дабы преклонить голову.

— Где же он может находиться?

— Будь я проклят, если знаю.

— Я никогда не понимал до конца, почему ты делаешь так, а...

К столу подошел высокий седоволосый официант:

— Что будет угод... Рэд!

Рэд поднял глаза, вглядываясь:

— Джонсон?

— Это я. Великий боже! Сколько лет прошло!

— Разве? Но ведь ты работал раньше несколько ниже по Дороге, так ведь?

— Да. Но мне здесь больше по душе.

— Рад, что ты нашел хорошее место. Слушай, цыпленок, что вон у того парня, очень аппетитный на вид,— Рэд кивнул в сторону темноволосого,— и пиво тоже. Я закажу то же самое. Кстати, кто он такой?

— Впервые вижу.

— Ну, что ж, принеси пиво сразу.

— Хорошо.

Он вытащил из потайного кармана новую сигару, осмотрел ее со всех сторон.

Джонсон приостановился, глядя на него:

— Хочешь показать фокус?

— Какой фокус?

— Я однажды видел, как ты вытащил из кармана уголек и прикурил сигару. Ты не обжегся.

— Рассказывай!

— Не помнишь? Несколько лет назад... Если только тебе не предстоит еще этому научиться. Ты тогда выглядел старше. Было это примерно на пол-В ниже по Дороге.

Рэд покачал головой:

— Какая-то детская шутка. Я с этим давно покончил. Неси скорее напитки и птичку.

Джонсон кивнул и вышел.

К тому времени, когда Рэд закончил с ужином, зал успел наполниться. Был зажжен свет и стало довольно шумно. Он подозвал Джонсона, расплатился по счету и вышел из-за стола.

Снаружи уже совсем стемнело и сильно похолодало. Рэд повернул направо, направляясь к своей машине.

— Тихо,— донесся голосок из книги, которую он нес с собой.

— Да, я...

Удар совпал со вспышкой и звуком выстрела.

Не тратя времени на рану, он бросился в сторону, схватившись правой рукой за левый бок. Последовал второй выстрел, но он ничего не почувствовал. Швырнув «Цветы зла» в сторону смутно выделяющегося силуэта, он кинулся бежать к грузовику.

Распахнув дверцу со стороны пассажирского сидения, он прыгнул в кабину и лег на пол. Доставая из сиденья свой 45-й калибр, он услышал шаги по гравию с другой стороны машины.

Откуда-то издали донесся выкрик:

— Стоять, мистер! Ты на мушке!

Последовал выстрел и тихое проклятие, и его пальцы сомкнулись на рукоятке кольта. Он выстрелил один раз в открытое окно со стороны водителя — чтобы прикрыть отход. Потом выполз, пятясь, из кабины, и присел.

В доме распахнули дверь, оттуда доносился шум, события

шумно комментировались. Кто-то выкрикнул несколько вопросов. Но выходить тем не менее никто не выходил.

Стараясь держаться пониже, он добрался до кормы грузовика. Осмотревшись, он спустился на четвереньки, выглянул из-за бампера. Никого...

Он прислушался, не захрустит ли гравий, но было тихо. Он обогнул корму, выполз на левую сторону.

— Он впереди, берет вправо,— послышался громкий шепот.

Тут же впереди послышался хруст подошв по гравию.

Он бросил камешек вправо от себя. Тишина. Он выжидал.

Тихо.

— Похоже, что ничья,— крикнул Рэд на дорожном линго.— Может, поговорим?

Тишина.

— Имеешь на меня зуб? Особая причина для охоты?— попробовал он опять.

Снова тишина.

Он обогнул левый угол и осторожно начал двигаться на корточках, переставляя ногу одну за другой, бесшумно перенося вес.

— Он отошел к деревьям. Держит тебя на прицеле.

Он переложил оружие в левую руку и правой дотянулся до приборной панели через опущенное стекло дверцы. Он повернул выключатель фар и бросился на землю, вглядываясь в тени между деревьями. Выстрел с той стороны продырявил ветровое стекло как раз напротив места водителя.

С того места, где он упал, Рэд увидел силуэт стрелка, поспешившего укрыться среди деревьев. Он выстрелил. Человек дернулся и упал, скользя по стволу дерева. Пистолет выскальзывал из его пальцев, но он успел выстрелить еще раз. Потом человек завалился на бок, рухнул на землю и застыл.

Рэд поднялся и медленно подошел, не опуская пистолета.

Черные брюки, черная куртка, в нижнем квадрате своем продырявленная и протекающая. Это был тот самый человек, которого он видел в зале столовой сегодня, который сидел спиной к стене. Рэд обхватил его рукой за плечи, приподнял голову. На губах мужчины появился розовый пузырек пены от крови. Он застонал, когда его приподняли. Глаза приоткрылись.

— Зачем?— спросил Рэд.— Зачем ты в меня стрелял?

Мужчина слабо улыбнулся.

— Пожалуй, я тебя покину — чтобы тебе было о чем подумать...

— Но тебе-то от этого лучше не станет,— сказал Рэд.

— Мне в любом случае плохо,— ответил человек.— И потому — черт с тобой!

Рэд ударил его по губам, размазывая кровяную слюну. За спиной он услышал протестующий возглас. Вокруг собиралась толпа.

— Говори, сукин сын! Или так просто я не дам тебе отойти!

Он ткнул человека в солнечное сплетение неподалеку от раны.

— Эй! Прекратите! — потребовал голос из-за спины.

— Говори!

Но мужчина застонал, протяжно вздохнул и перестал дышать.

Рэд заколотил его по груди.

— Назад, ты, мерзкий подонок!

На плечо его легла рука, и он стряхнул ее. Стрелявший был нем — навсегда. Рэд отпустил его и начал проверять содержимое карманов.

— Наверное, не следовало вам это делать,— сказал за спиной другой голос.

Не найдя ничего ценного, Рэд поднялся.

— На чем приехал этот парень? — спросил он.

Последовала тишина, потом неразборчивые реплики:

— Он путешествовал автостопом,— сказал наконец джентльмен-викторианец.

Рэд повернулся. Англичанин смотрел на мертвого, слабо улыбаясь.

— Откуда вы знаете? — спросил Рэд.

— Я видел, как его подвезли сюда,— ответил англичанин, доставая шелковый платок и вытирая лоб.

— На какой машине?

— Черный «кадиллак», В-20.

Человек посмотрел на труп, провел языком по губам и снова улыбнулся.

— Вы заметили, кто еще был в машине?

— Нет.

Подошел с куском парусины Джонсон и накрыл мертвого. Выпрямившись, он тронул Рэда за плечо.

— Я выставлю мигалку,— сказал он.— Но кто его знает, когда сюда доберутся полицейские. Ты должен задержаться и дать показания. Ты ведь понимаешь?

— Хорошо, я подожду.

— Пойдем тогда. Я отведу тебя в комнату и принесу что-нибудь выпить.

— Ладно. Одну минуту.

Рэд вернулся на стоянку и отыскал книгу.

— Пуля пофредила мне динамик,— послышался посвистывающий голос.

— Знаю. Постараюсь достать тебе новый, самый лучший, какой можно будет. Спасибо за помощь и за то, что ты его отвлек.

— Надеюф он тофо стоил. Почему он фгрелял ф тебя?

— Не знаю, Цветы. У меня такое впечатление, что это был, как говорят в определенных кругах, просто «мускул». Тогда здесь замешан синдикат. Но, если это так, то между мной и его нанимателями нет никакой связи, или я не могу ее представить. Я просто не знаю.

Он сунул книжку в карман и вслед за Джонсоном вошел в здание...

Глава 4

Рэнди заметил, как на Дорогу выезжает голубой пикап, и направил машину к стоянке.

— Это здесь?— спросил он.

Лейла кивнула, не поднимая глаз от «Листьев травы», которые она читала.

— Это было здесь еще в те времена, в Африке,— сказала она.— Но теперь мы в реальном времени, и я не знаю, насколько мы вышли из фазы.

— Переведи.

— Он мог еще не приезжать, или уже уехал.

Рэнди нажал на аварийный тормоз.

— Подожди в машине, пока я узнаю,— сказала она, бросив книгу на заднее сиденье и открывая дверцу.

— Хорошо.

— Рэнди?

— Что, Листья?

— Очень энергичная женщина, правда?

— Я тоже так думаю.

— Она привлекательная?

— Да.

— И властная, к тому же.

— Она лучше разбирается в том, что мы делаем. Я здесь впервые.

— Да, да... а это кто?

Какой-то старик, на грязной тунике которого еще можно было разглядеть крест крестоносца, прихрамывая, подошел к машине. Из-за пояса он вытащил темных тонов тряпку и принялся вытирать фары, потом перешел на ветровое стекло, напевая себе под нос. Он плюнул на прилипшую к стеклу мертвую бабочку, соскреб ее ногтем большого пальца, потер место тряпкой. Наконец он остановился перед Рэнди, улыбнулся и кивнул.

— Хороший денек,— сказал он.

— Неплохой.

Рэнди выудил из кармана четвертак и передал его старику. Старик принял монету и еще раз кивнул.

— Спасибо, сэр.

— Вы выглядите как... крестоносец.

— Я и есть крестоносец,— сказал старик на дорожном лингo.— Или был. Свернул не в ту сторону в каком-то месте и уже не нашел обратного пути: Человек ведь не виноват, если он заблудился, верно? Кроме того, кто-то сказал мне, что поход уже закончен и мы победили. А потом другой путешественник сказал, что мы проиграли. Так или иначе, но глупо было бы сниматься с места — мне здесь нравится. Как-нибудь сюда заедет на черном «кадиллаке» епископ, и я попрошу, чтобы он освободил меня от клятвы. А пока что они разрешают мне спать на заднем дворе, а повар дает мне еду.— Он подмигнул.— И мне удается раздо-

быть немного мелочи на стаканчик каждый вечер. Не жизнь, а красота, такого у меня никогда не было. Зачем лезть в драку, когда война уже и так кончилась.

Рэнди покачал головой:

— Но ведь вы не знаете наверняка, верно?

— Чего не знаю?

— Кто победил?

— В походах?

Старик покачал головой.

Рэнди почесал кончик носа:

— Ну... в моих учебниках говорилось, что всего было четыре больших Крестовых похода и несколько средних. Что же до победивших, то это не простой вопрос...

— Даже так!

— Ага. Иногда вашим парням удавалось взять верх, иногда наоборот. Имели место разнообразные интриги и прочие перемены. Предательства... Походы положили начало возрождению греческой философии на западе. Они...

— К дьяволу философию, мальчик! В твое время кому принадлежала Святая земля — нам или им?

— Им, преимущественно...

— А наши земли? Кто ими владеет?

— Мы, но...

Старый солдат усмехнулся:

— Тогда никто не победил.

— Это не так просто. Никто так же и не проиграл. На вопрос нужно смотреть в более широком масштабе.

— Чушь! Это тебе, может, легко говорить про широкий масштаб. А я совсем не намерен возвращаться назад и получить кривой саблей пониже глаза ради этого масштаба, сынок. Пусть Луи заботится о походе, мне куда приятней вытирать стекла в твоей дьявольской повозке и накачиваться каждый вечер, теперь, когда я знаю, что никто не победил.

— Я вас понимаю. Естественно, даже если вы смотрите на вопрос не с точки зрения хода истории. Но, правильно ли будет...

— Правильно, будь я проклят! И, если тебе повезет, кто-нибудь с верхнего участка Дороги окажет тебе какую-нибудь услугу. Ему и рассказывай об историческом процессе, так-то вот... — Он подбросил монету на ладони. — Будь крепок в вере, младенец.

Он повернулся и захромал прочь.

Рэнди кивнул и отыскал одну из сигар Лейлы.

— Интересно... — пробормотал он.

Листья на сиденье начали что-то напевать. Потом они спросили:

— Тебе отчего-то грустно?

— Наверное. Я не знаю. Почему ты спрашиваешь?

— Я наблюдала за частотой твоего пульса, дыхания, кровяным давлением. Все показатели повышены. Вот почему.

— Получается, от тебя ничего не утаишь? Я думал о том, что все страсти неудавшегося Крестового похода — или несчастной любви — это лишь мгновение на геологических часах.

— Это верно.— Пауза.— Ты оборвал такого рода отношения в недалеком прошлом?

— Пожалуй, можно сказать и так...

— Печально. Или нет, случается по-всякому. Ты...

— Нет,— сказал он.— Нет, на самом деле там и не намечалось продолжения. И все же я ощущаю утрату... почему я это все тебе говорю?

— Кому-то ведь нужно было рассказать. Ты должен быть осторожней. В такие моменты человек часто стремится восполнить потерю чем-то новым. И в спешке забывает о благоразумии. Человек...

— А, вот и Лейла идет,— сказал Рэнди.

— Ах.

Тишина.

Рэнди затянулся сигарой. Он полюбовался облаками, отражающимися в полировке капота. Потом посмотрел в сторону невероятного ряда экипажей, выстроившихся на стоянке, словно экспонаты в фантастическом музее транспорта.

— Я не чувствую ее приближения,— сказали Листья немного спустя.

— Извини, я ошибся.

Взрыв саркастических помех.

— Извини, Рэнди, я не думала вмешиваться.

— Все в порядке.

— Я только хотела...

— Она уже идет.

— Хорошо. Я просто... Извини...

Лейла распахнула дверцу, влезла в машину и захлопнула ее. Она протянула руку и тяжело облокотилась о спинку сиденья.

— Очевидно, тебе не...— начал он.

— Тсс! Мы идем почти бампер в бампер. Только я не знаю следующего адреса. Нужно опять подумать.

Он смотрел, как ее взгляд теряется в клубах дыма. Лицо ее на несколько секунд стало совершенно спокойным, потом последовала быстрая смена выражений, которые он не в силах был определить.

— Заводи мотор, едем!— приказала она.

— Куда?

— Вниз по Дороге. Я узнаю поворот, когда мы его увидим. Поехали!

Он вырулил с территории стоянки, повернул к въезду на Дорогу.

— Я начинаю понимать...

— Что?— спросил он.

— Кто мы такие,— сказала она, возвращая сигару.

Он придавил акселератор, и они помчались...

Рэд скатился с кровати, нащупал куртку.

— Эй! Дерьмовый из тебя детектор!

— Этот контур тоже был пофрефден пулей!

Он вытащил маленький плоский фонарик из кармана куртки, пока натягивал ее. Он обвел комнату лучом, но видимого дыма не было. Поднявшись, он направился к двери, втянул носом воздух.

— Наверное, не следовало бы...

Открыв дверь, он вышел в холл, снова принюхался, и двинулся влево.

Здесь! Задняя комната!

Он подбежал к двери, постучал, подергал ручку. Заперто.

— Проснитесь!

Отступив на шаг, он ударил ногой в область замка. Дверь распахнулась. Выползли клубы дыма. Ворвавшись в комнату, он увидел горящую кровать и женщину с улыбкой на устах, все еще, очевидно, спавшую.

Согнувшись, он поднял ее с пламенеющей кровати и отнес в сторону. Опустив женщину на пол (одежда ее все еще тлела) он вернулся к кровати и начал сбивать пламя ковриком.

— Эй! — окликнула его женщина.

— Молчи! — велел он. — Я занят.

Женщина поднялась на ноги, игнорируя тлеющую одежду, и смотрела, как Рэд сражается с пламенем на постели. Потом, когда подол ее платья по-настоящему запылал, небрежным движением она распустила повязку позади шеи и позволила платью упасть на пол. Переступив круг огня, она подошла к Рэду.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Хочу погасить твой костер! Ты, что, курила в постели?

— Да. И пила тоже. — Она присела и извлекла из-под кровати бутылку. — Пусть себе горит. Давай лучше выпьем и будем смотреть на огонь.

— Лейла, не путайся под ногами.

— Хорошо, Рэд, хорошо. Как ты скажешь.

Она отошла, опустилась в просторное кресло, поглядела по сторонам, снова встала, подошла к туалетному столику, зажгла от горевшей там свечи фитиль масляной лампы и вернулась в кресло, прихватив кубок.

В холле послышались быстрые шаги. Человек остановился у двери.

— Как твои дела? — спросил голос Джонсона. Он закашлялся.

— Кровать загорелась, — ответил Рэд. — Уже все в порядке.

— Можешь выбросить матрац в окно, когда сможешь его поднять. Там внизу голый гравий.

— Хорошо. Я так и сделаю.

— Комната номер семнадцать свободна, мисс Лейла. Вы можете перейти туда.

— Спасибо, но мне здесь нравится.

Рэд подошел к окну и раздвинул ставни. Вернувшись к крова-

ти, он свернул матрац, поднял и отнес к наполненному звездами квадрату, где выпихнул его наружу.

— Я пришлю новый матрац и белье,— сказал Джонсон.

— И еще одну бутылку.

Джонсон вышел обратно в холл, все еще кашляя.

— Прекрасно. Не понимаю, как вы там дышите.

Рэд смотрел в окно. Лейла откупорила свою бутылку. В холле послышались удаляющиеся шаги Джонсона.

— Ты будешь, Рэд?

Он повернулся и подошел к ней. Она протянула ему кубок.

— Твое здоровье,— произнес он и отпил глоток.

Она фыркнула и отпила прямо из горлышка.

— Ну-ну, это не к лицу воспитанной леди. Я тебя выдам.

Она засмеялась:

— Чепуха. Выгода на моей стороне... Твое здоровье. Ну, как?

— Питье или здоровье?

— И то, и другое.

— Бывало получше, бывало похуже. И то, и другое. Ты что здесь делаешь, Лейла?

Она пожала плечами:

— Пью. Провернула несколько трюков. А что ты делаешь? Все рыщешь вдоль дороги, надеешься найти необозначенный поворот — или самому начать новый?

— Вроде того. Довольно долго я считал, что ты нашла истинный путь. Обнаружить тебя здесь — такое, так сказать, разочарование.

— А я умею производить такое впечатление? Правда?

Он вытащил из кармана куртки сигару, подошел к свече и прикурил.

— Найдется еще одна?

— Найдется.

Он передал ей зажженную сигару, закурил для себя новую.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

Дым завивался в спирали над ее головой.

— А что я делаю?

— Ничего не делаешь. Тратишь жизнь, вместо того, чтобы искать.

— Поскольку ты спрашиваешь,— сказала она, делая новый глоток,— то я отвечу. Я побывала всюду по этой чертовой Дороге, от неолита, до В-30. Я прошла по всем боковым путям, по всем тропкам, вплоть до кроличьих дорожек. Меня знают в тысячах земель под тысячей разных имен. Но ни в одной из них я не нашла того, что искала, что ищем мы.

— И даже не почувствовала приближения? Даже близко не подходила?

Она содрогнулась:

— Я ощущала приближение, не раз, и некоторые весьма близкие, некоторые я не забуду никогда — и каждый раз это была

ошибка. Нет. Я пришла к выводу: место, которое я когда-то искала, больше не существует.

— На свете существует все, нужно только уметь найти.

— Тогда нам туда нет пути, по крайней мере, отсюда.

— Я не верю.

— Тогда скажи мне, стоит ли оно того? Стоит ли оно растраченной в поисках жизни, если можно отправиться куда угодно, делать все, что угодно, когда на выбор все времена и земли? В том числе и ловко провернутые трюки, и синары в постели, упившись до бессознательности...

Она выпустила колечко дыма:

— Я занималась ничем, как ты сказал, целый год. И с каждым днем это занятие все легче. И результат тот же самый — я истратила запас энергии. Я ведь по натуре страшно ленивая. Мне приятно сказать: «Стоп! Брось, это бесполезно!» Почему бы тебе не присоединиться? Чего ты достиг, несмотря на все усилия? Вдвоем мы могли бы, по крайней мере, утешать друг друга.

— Это не в моем характере.

Как раз в этот момент пришел слуга с новой постелью.

Они молча курили, смотрели, как он стелет кровать. Когда человек ушел, она сказала:

— Много денег и спать сколько угодно — ничего лучше в жизни не существует.

— А меня интересуют некоторые вещи в промежутках.

— И что это тебе дало? — спросила она, поднимаясь с кресла. — Смертная метка, вот и все.

Она подошла к окну и выглянула наружу.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он наконец.

— Ничего.

— А мне все же показалось нечто. Ну-ну, продолжай, что ты видела?

— Я не сказала, что видела, — она повернулась к нему, — у нас новая постель. Предлагаю опробовать.

— Не увиливай. Я знаю, зрение у тебя поострей моего. Выкладывай.

Она облокотилась о подоконник и сделала хороший глоток из бутылки.

— И отойди от окна. Того и гляди, выпадешь.

— Вечный старший братец, — сказала она, но от окна отошла и уселась на кровати.

Бутылку она поставила рядом на пол и начала дымить сигаретой. Ее лицо почти скрылось в облаках дыма, глаза блуждали.

— Вижу... — начала она, и вдруг замолчала.

— Видишь, — повторил настойчиво Рэд.

— Ты идешь сквозь туман. Чем ближе ты к смерти, тем он гуще. И ты сам хочешь этого! Я видела десять черных птиц, преследовавших тебя, — сказала она, голос ее стал регистром ниже, — а теперь их только девять...

— Черная десятка! — прошептал он. — Кто вызвал их?

— Большой... большой грузный человек. Он... поэт... да, он еще поэт. Конечно!

— Толстяк Чедвик?

— Чедвик,— согласилась она.

Она развеяла клубы дыма и потянулась к бутылке.

— Почему, когда и как?— спросил Рэд.

— Что ты хочешь от одного паршивого предвидения? Это все.

— Чедвик,— повторил он, и осушил кубок.— Не так уж это невероятно. Многие имеют для меня камень за пазухой, но очень немногие имеют возможность этот камень швырнуть...— Пауза.— Тони кое-что знал, получается. Значит, он вышел на них тоже... и, следовательно, полиция мне не помощник. Но... кто же тогда? Ведь это разрешено законом, так?

Он поднялся, взял бутылку и подлил вина в свой кубок.

— Что будешь делать?— спросила она.

Он сделал глоток:

— Двигаться дальше.

Она кивнула:

— Отлично. Я еду с тобой. Тебе понадобится моя помощь.

— Не-а. Не сейчас. Благодарю.

Она подняла бутылку и швырнула ее в окно. Ее зеленые глаза сверкали.

— Не строй из себя рыцаря. Я по-прежнему один из самых твердых орешков, которые только приходилось встречать. И ты знаешь, что я могу тебе помочь.

— В любой другой момент я был бы просто счастлив, ты же знаешь, но не сейчас, не под черной десяткой. Черт, один из нас должен выжить, пусть только затем, чтобы отомстить за другого.

Неожиданно она растянулась на постели.

— О, тебе этого очень хотелось, верно? И чтобы это была я, так ведь? Все в одну кучу и на мою голову. Мне нужно поспать. Я не могу тебя принудить, но ответ твой мне не нравится. Делай, как считаешь нужным, Рэд, я все равно сделаю то же самое. Спокойной ночи.

— Я провожу тебя, будь благоразумна.

Она начала похрапывать.

Рэд допил вино, погасил лампу и поставил кубок на туалетный столик. Затворив за собой дверь, он вернулся в свою комнату и начал собираться.

— Мы горим?

— Нет, Цветы, мы уезжаем.

— Фто случилось?

— Нам нужно поскорее отсюда уезжать.

— Ты уфе дал покафания полиции относительно этого вечера?

— Проклятье, если мы не уберемся отсюда вовремя, показания будут давать относительно меня. Парень, которого я застрелил, вовсе не был ненормален. Я был под черной десяткой.

— Это фто такое?

Рэд натянул ботинок и начал его зашнуровывать.

— Я называю это вендеттой. Мой враг делает десять выстрелов в меня без вмешательства властей. Если он десять раз промахнется, игра кончена. Своеобразная такая игра. Прошлым вечером он использовал первый выстрел.

— А ты можешь отвечать?

— Ясно, что могу. Если знаю, куда бить. А пока что лучше смываться. Так всегда и получается, впрочем...

— А полиция?

— Это разрешено законом. Отвечает за все Бюро Игр. И даже если бы они хотели, они мало что смогли бы. Большая часть полицейских родом из периода В-23 и В-26. Слишком цивилизованные. В дальних зонах Дороги от них слишком мало проку.

— Тофда поедем выше по дороге, туда, где они фильнее, и найдем нарушение в правилах игры.

— Не выйдет. Враг как раз и живет в той области, и полиция наверняка у него в кармане. По-моему, именно это Тони и пытался мне сообщить. Кроме того, их основная функция — это контроль за движением. Нет, мы поедем в другую сторону.

— Ты уже знаефь, кто за этим стоит?

— Знаю, один мой старый дружок. Когда-то мы были партнерами. Идем.

— Не заплатиф?

— Как в старые дни.

— Меня тофда еще не было.

— Ничего, я мало изменился.

Он тихо затворил дверь и направился к лестнице черного хода.

— Рэд?

— Тсс!

— Фсст, черт! Когда они узнали, что ты остановишься здесь? Федь это было произвольное решение.

— Я сам об этом уже думал,— прошептал Рэд.

— ...рафве фто, кто-то фнал, сколько у тебя осталось горючего и фысчитал возможные точки останофки.

— И везде посадил своих людей? Вряд ли.

— Нет, только ф наиболее фероятных. Этот Чедвик федь мог себе это позфолить?

— В общем, да...

— Теперь ему придется потратить еще больше, федь ты уже поймал ветер, и убил первого парня, ферно?

— Ты прав. Но сейчас я подумал, что он меня чертовски хорошо знает. Если он организовал конфискацию оружия в том месте, где оно случилось, он легко мог вычислить, что я заверну на ближайшую стоянку, чтобы обдумать положение.

— Наверное, ты думаешь рискнуть?

— Рискнуть? В смысле, что на следующей остановке кто-то нас уже ждет, и на следующей, и так далее?

— Федь это фозможно, так?

— Да, ты прав. Я отвлекся, думал о другом. Этот парень, ко-

торого я убил... Ведь его должны были подобрать в условном месте после выполнения работы? А он не явился. Значит, они уже знают, что я его убрал. И что я до сих пор здесь. Как ты думаешь, что они сделают?

— Трудно скафать.

— Может, они уже перекрыли выход там, снаружи, и ждут?

— Фозмозно фполне. Они федь могли перекрыть и черный ход?

— Могли. Поэтому мы сначала хорошенько оглядимся, потом побыстрее укроемся среди деревьев. Хотя, я думаю, что они будут держать на прицеле пикап — из-за деревьев или из другой машины. Поэтому мы пойдем окружным путем.

Он нащупал дверь, пробормотал проклятие (дверь оказалась тяжелой и без оконца), чуть приоткрыл ее, выглянул наружу. Приоткрыл ее еще немного, потом еще...

— Никого,— сказал он.— Теперь молчок... если нет опасности. Эх, почему я не запасся умной вставкой?

— Ты федь скоро починишь мне динамик?

— Немного выше по Дороге есть одно место, там это могут мне устроить, пока я буду искать новое стекло. Не беспокойся.

Он распахнул дверь и бросился под прикрытие деревьев — метрах в пятнадцати. Добежав до ближайшего дерева, он ухватился рукой за ствол, развернулся и присел в тени у основания ствола. Несколько секунд он не шевелился.

Тишина. Ни выстрелов, ни прочих звуков. Он начал пробираться в гущу деревьев, ощупывая руками путь. Наконец, он повернул вправо и обогнул задний двор гостиницы, продолжая ползти. В комнате Лейлы было темно. Он ощущал в воздухе запах горелой обшивки матраца.

Он двинулся вперед, пока вся площадка стоянки не оказалась как на ладони. В свете месяца и отдельных звезд можно было установить, что новых машин на ней не появилось. Тем не менее он продолжал оставаться под защитой деревьев, продвигаясь к тому месту, где был сражен наемный убийца.

Достигнув места, он обнаружил, что покрытое тканью тело все еще лежит, как лежало, парусину кто-то придавил к земле камнями. Он приник к земле рядом с телом, пистолет в руке, рассматривая свой пикап. Прошло десять минут, пятнадцать...

Он двинулся вперед. Обогнул грузовик, проверяя, все ли в порядке, потом влез в кабину со стороны водителя. Книгу он положил в гнездо под приборной панелью, и вытащил ключ зажигания.

— Фтой! Не пофорачифай!

— Почему?

— Я проверю систему минимальным зарядом. Пояфилось новое сопротифление, которого раньше на было.

— Бомба?

— Фосможно.

Ругаясь, Рэд вылез наружу, поднял капот. Вытащив фонарик,

он начал осмотр. Немного спустя он опустил крышку и залез обратно в кабину, по-прежнему чертыхаясь.

— Это была бомба?

— Да.

Он завел двигатель.

— Фто ты с ней сделал?

— Закинул в лес.

Он выжал сцепление, дал задний ход, развернулся и направил машину к выезду с площадки, задержавшись только за тем, чтобы наполнить доверху бак...

Глава 5

Свою машину он оставил на стоянке в нескольких днях пути, в нескольких мирах оттуда. Он был чрезвычайно высок и худощав, с пышной прядью темных волос над высоким лбом, и облачение его казалось излишне ярким для гор Абиссинии. На нем были парусиновые брюки пурпурного цвета и пурпурная рубашка. Даже ботинки и ремень были сделаны из окрашенной в пурпур кожи, так же и его вместительный рюкзак. Несколько перстней с аметистами украшали его ненормально длинные пальцы. Когда он вглядывался в даль каменистого пути, не обращая особого внимания на холодный ветер, он выглядел почти как поэт-романтик, если не считать, что Девятнадцатый век лежал где-то за восемь столетий в будущем. Глубоко впавшие глаза горели на его казавшемся почти истощенным лице.

Он поискал взглядом известные ему скрытые ориентиры и нашел их. Он шел без отдыха целый день, даже ел на ходу. Но сейчас он приостановился, так как два далеких горных пика оказались на одной линии зрения, и конец пути был уже недалек.

Несколько далеко впереди Дорога расширялась, образуя нечто вроде насыпи, уходившей в сторону гор. Он снова зашагал, уже в том направлении. Достигнув плоской насыпи, он вступил в ущелье. По обе стороны поднимались скалистые стены.

Пройдя немного дальше, он сквозь деревянные ворота вошел в небольшую долину. Коровы щипали траву, у дальнего конца долины виднелось озеро. Немного ближе стоял загон для скота, рядом зиял вход в одну из пещер. Перед входом сидел невысокий, лысый, очень смуглый человек. Он был невероятно толстый, и его толстые пальцы нежно касались куска глины, вертевшегося на ножном гончарном круге.

Он поднял голову, посмотрел на пришельца, который приветствовал его по-арабски:

— Прибудет мир с тобой,— ответил он на том же языке.— Входи и освежись после дороги.

Незнакомец в пурпурном приблизился:

— Благодарю.

Он сбросил рюкзак и присел на корточки рядом с гончаром.

— Меня зовут Джон,— сказал он.

— А я — Мондамей, гончар. Прости меня. Я не хочу показаться невежей, но сейчас не могу покинуть этот горшок. Мне понадобится еще несколько минут, чтобы придать ему надлежащую форму. Тогда я принесу тебе еду и питье.

— Не спеши,— сказал пришелец, улыбаясь.— Не каждому выпадает удовольствие увидеть великого Мондамея за работой.

— Ты слышал обо мне?

— Кто не слышал о твоих горшках — совершенных по форме, украшенных небывалой глазурью?

Мондамей не выказывал никаких чувств.

— Ты очень добр,— заметил он.

Немного спустя Мондамей остановил круг и поднялся на ноги.

— Извини меня,— сказал он.

У него была странная шаркающая походка. Джон (пальцы глубоко в кармане пурпурного платья) проводил его взглядом.

Мондамей пошел в пещеру. Через несколько минут он вернулся с подносом в руках.

— Я принес тебе хлеб, сыр, молоко,— сказал он.— Прошу извинить меня за то, что не приму участия в трапезе, так как я только что поел.

Он наклонился — очень легко, несмотря на массивное тело — и поставил поднос перед незнакомцем.

— На обед я зарежу козла...— начал он. Рука Джона взвилась с неуловимой глазу скоростью. Его невероятно длинные пальцы вошли в плоть Мондамея под правой лопаткой. Проникнув глубже, они вырвали кусок вещества. В это время зажатый в правой руке маленький кристальный ключ уже стремительно двигался к обнажившемуся участку блестящего металла. Ключ вошел в гнездо. Человек повернул его.

Мондамей застыл. Где-то в недрах его согнутого туловища послышалась серия быстрых щелчков. Джон отнял руку, отодвинулся в сторону.

— Ты больше не гончар Мондамей,— сказал он.— Я частично активизировал тебя. Прими вертикальное положение.

Мягкое жужжание в сопровождении потрескивания раздалось внутри стоящей перед ним фигуры. Мондамей медленно выпрямился и опять застыл.

— Прими первоначальный облик.

Фигура медленно подняла руки, коснулась пальцами затылка. На секунду пальцы застыли, потом двинулись вперед и в сторону, стягивая с обнажившейся металлической пирамиды темную псевдоплоть. Пирамида была многоступчатая, со множеством линз. Потом руки передвинулись к шее, нажали, потянули. Металл. Снова металл. И кабели, и кварцевые окошки, за которыми прыгали и мигали огоньки, и пластинки, и решетки, и сопла...

Через две минуты вся фальшивая плоть была удалена. И тот, кого раньше звали Мондамей, стоял перед долговязым пришельцем, сверкая, помигивая, потрескивая и вспыхивая.

— Открой доступ к блоку Один,— приказал человек.

Из грудной пластины автомата выдвинулся ящичек, наподобие ящичка магазинной кассы. Джон наклонился вперед, и пальцы, на которых посверкивали аметисты, произвели манипуляции с приборами управления в ящичке.

— Зачем ты это делаешь со мной? — спросил его Мондамей.

— Теперь ты полностью активизирован и должен мне подчиняться. Это так?

— Да. Это так. Зачем ты это со мной сделал?

— Закрой доступ к блоку Один, стань поровнее и займи позицию на том месте, где я тебя застал во время прихода.

Мондамей повиновался. Человек уселся и начал есть.

— Почему я тебя активизировал? — сказал он через некоторое время.— Потому,— ответил он сам себе,— что сейчас я единственный человек в этом мире, который знает, что ты такое.

— В этом отношении было сделано много ошибок...

— В этом я уверен. Не знаю, существуют ли параллельные миры будущего, но к моему времени, из которого я прибыл, ведут несколько вариантов прошлого. Не все они доступны. Когда по боковой Дороге никто не ездит, она зарастает. Разве ты не знаешь, что время — это супермагистраль со множеством въездов, с многочисленными боковыми дорогами, и к тому же, схемы дорог постоянно меняются, и только очень немногие знают, как отыскать входной въезд...

— Я знаю об этом, хотя не отношусь к числу посвященных в секрет.

— Откуда ты знаешь?

— Ты не первый путешественник такого рода, с которым я встречаюсь.

— Я знаю, что здесь, в твоем ответвлении, гипотеза, над которой разумные люди в моем мире откровенно смеются, оказалась верной. А именно в далеком прошлом Землю посетили представители другой цивилизации, оставившие после себя многочисленные предметы. Ты — один из таких артефактов. Не так ли?

— Это верно.

— Далее, мне известно, что ты являешься сложной машиной-разрушителем. Ты был построен для уничтожения чего угодно — от вируса до целой планеты. Верно ли это?

— Это так.

— Тебя оставили на этой планете. И поскольку никто не знал о твоем назначении, ты принял решение замаскироваться и вести тихую жизнь. Верно?

— Верно. Как тебе удалось узнать о моем существовании и завладеть необходимым командным ключом?

— Мой наниматель — осведомленный человек. Он научил меня законам Дороги. Он рассказал о тебе. Он снабдил меня ключом.

— И теперь, когда ты нашел меня и применил ключ, что ты хочешь от меня?

— Ты сказал, что я не первый дорожный путешественник, ко-

торого ты встречаешь. Я знаю, потому что я знаю, кто этот другой человек. Его зовут Рэд Доракин. И скоро он начнет искать тебя в этом ответвлении. Я нуждаюсь в очень большой сумме денег, и я получу эту сумму за убийство Доракина. Но в делах, связанных с насилием, я всегда предпочитаю действовать через посредников живых или механических. В этом деле моим агентом будешь ты.

— Рэд Доракин — мой друг.

— Мне так и сказали. Тем меньше причин будет у него подозревать тебя в недобром. А ну-ка...— он порылся в рюкзаке и вытащил плоскую металлическую коробочку.

Он открыл ее и нажал на пару кнопок. Из устройства послышался прерывистый сигнал.

— Недавно ему пришлось заменить ветровое стекло,— сказал Джон, опуская коробочку на камень.— Одновременно в его машине был спрятан миниатюрный передатчик. Теперь мне остается только дождаться, когда он появится в этом ответвлении Дороги. Тогда я выслежу его с помощью вот этого, и ударю, когда захочу.

— Я не желаю быть твоим посредником в этом деле.

Джон поднялся из-за подноса, подошел к гончарному кругу и ударом сплющил сырой горшок, который перед этим выделывал Мондамей.

— Твои желания никого не волнуют,— заверил он.— У тебя нет другого выхода, кроме как подчиниться мне.

— Это так.

— Я приказываю тебе не пытаться предупредить его каким-либо способом. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда нечего спорить. Ты сделаешь все, как я скажу, и с полным старанием.

— Я сделаю.

Джон вернулся к подносу и продолжал кушать.

— Я хотел бы отговорить тебя от этой операции,— сказал Мондамей после паузы.

— Вне всяких сомнений.

— Ты знаешь, зачем твой наниматель хочет его убить?

— Нет. Это его дело. Это меня не касается.

— Ты должен быть необычным человеком, если тебя наняли для такого необычного дела.

Джон усмехнулся:

— Он считает, что я ему подхожу.

— Что ты знаешь о Рэде Доракине?

— Я знаю, как он выглядит. Я знаю, что он, вероятно, придет сюда.

— Совершенно очевидно, ты из числа профессионалов, и твоему нанимателю пришлось потрудиться, прежде чем он нашел тебя.

— Естественно.

— Ты не задумывался, почему? Что заставило его пойти на такие расходы?

— Скорее всего он выбрал меня потому, что жертва уже знает о начавшейся охоте.

— Как это получилось?

— Не так давно, в его родной время-линии, было совершено первое нападение.

— Почему же оно не удалось?

— Плохая подготовка, низкий уровень, как мне кажется.

— Что случилось с убийцей-неудачником?

Человек в пурпурном поднял на Мондамея пылающий взгляд:

— Рэд его убил. Но могу тебя заверить, что между мной и тем человеком не может быть никакого сравнения.

Мондамей промолчал.

— Если ты стараешься меня запугать, и намекаешь, что это может случиться и со мной, то напрасно тратишь время. Я боюсь очень немногих вещей.

— Это хорошо,— ответил Мондамей.

Джон оставался в обители Мондамея большую часть недели, перебив за это время большую часть тонкой отделки горшков, прежде чем обнаружил, что эта акция не вызвала волнения у его механического слуги. Даже когда он велел роботу собственноручно бить горшки, он не получил какого-либо эквивалента эмоциональной реакции, и поэтому решил оставить этот метод, как неспособный доставить боль пленнику. Потом, в один из дней, бибикающая машинка начала издавать жужжащий звук. Джон поспешил снять и настроить ее, снял показания и произвел дальнейшую настройку.

— Он примерно в трехстах километрах отсюда,— определил он.— Как только я искупаюсь и сменю одежду, я велю тебе доставить меня к месту его нахождения, дабы покончить с этим делом.

Мондамей ничего не ответил...

Глава 6

— Рэд, тот доктор, которого мы встретили в мастерской... меня несколько тревожит его... Эй! Ты что? Ты думаешь остановиться и взять попутчика — это в то время, когда в тебя то и дело стреляют!

— У нового динамика отвратительный призвук...

Он съехал на обочину. Неожиданно пошел дождь. Маленького роста человек с буйной шевелюрой и черным чемоданчиком улыбнулся, сверкнул зубами и открыл дверцу.

— Вы далеко едете? — послышался высокий голос.

— Примерно на пять В.

— Ну, это лучше, чем ничего. Хорошо, хоть от дождя укрылся.

Он залез в кабину, хлопнул дверью, пристраивая чемоданчик у себя на коленях.

— А вы далеко направились? — поинтересовался Рэд, выруливая на шоссе.

В Афины времен Перикла. Меня зовут Джимми Фрезер.

— Рэд Доракин. Впереди у вас еще полный перегон. Хорошо знаете греческий?

— Два года изучал. Давно уже мечтаю совершить такое путешествие... я о вас слышал.

— Хорошее или плохое?

— Всякое, и среднее. Вы занимались перевозкой оружия, пока они вас не пристегнули, верно?

Рэд повернул голову и встретился с изучающим взглядом темных глаз.

— Так говорят.

— Я, собственно, без всякой задней мысли.

Рэд пожал плечами:

— Это уже не секрет.

— Вы побывали во множестве интересных мест, наверное?

— В некоторых.

— И весьма странных?

— И в таких тоже.

Фрезер причесал волосы пятерней, пригладил и посмотрел в зеркальце заднего вида. Вздохнул.

— А я сам мало бывал где на Дороге. В основном болтаюсь между Кливлендом 1980-х и Кливлендом 1950-х.

— Чем занимаетесь?

— Держу бар, в основном. Кроме того, покупаю «горючее» в пятидесятых и продаю в восьмидесятых.

— Имеет смысл.

— И не только смысл... у вас бывали неприятности с террористами-угонщиками?

— Особых не было.

— Тогда у вас какое-то необыкновенное вооружение.

— Тоже ничего особенного.

— Я думал, что вам без них не обойтись.

— Вот и ошиблись, значит.

— А что вы делаете при нападении?

Рэд раскурил потухшую сигару.

— Ложусь и помираю, наверное.

Фрезер захихикал.

— Нет, в самом деле,— настаивал он.

Рэд протянул правую руку и положил ее на спинку сиденья.

— Слушайте, если вы террорист, вы попали в мертвый сезон — я пустой.

— Я?... Я совершенно не террорист.

— Тогда кончайте свои террористические вопросы, черт бы их побрал. Почем мне знать, что я буду делать? Буду действовать по обстоятельствам, вот и все.

— Простите, я увлекся. Это все романтический ореол вашей жизни. Кстати, вы сами откуда?

— Я не знаю.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что не могу найти пути назад. Когда-то место это располагалось по основному пути, потом переместилось на боковой, потом вообще растворилось в туманных пространствах, которые уже и не считаются истиной. Наверное, я слишком поздно начал поиски. Занят был. Теперь даже легенды не осталось.

— Как оно называлось?

— Вам не кажется, что-то горит?

— Это ваша сигара.

— Моя сигара! Где она, черт возьми?

— Я не... Вот она. Упала мне за спину.

— Вы не обожглись?

— Обжегся? Нет, не думаю. Разве только пиджак немного обгорел.

Рэд принял назад потерянную сигару, осмотрел спину пассажира.

— Вам повезло. Прошу прощения.

— Так вы говорили...

— Рэд! — вмешался в беседу Цветы.— За нами идет полицейский крейсер.

Фрезер вздрогнул.

— Что это? — спросил он.

— Через минуту ты увидишь его.

Рэд посмотрел в зеркало.

— Поискали бы какую-нибудь аварию, что ли,— пробормотал он. Он взглянул на Фрезера.— Если только это не спектакль...

— Что за отрасль магии?

— Сейчас она появится в зеркале...

— Рэд! Откуда этот голос?

— Не отвлекайте меня.

— Демонам не стоит доверять! — сказал Фрезер и начал чертить в воздухе знаки. Огненные линии и формы поплыли из-под его ногтей и повисли в воздухе.

— Рэд, что он задумал? — спросил Цветы.— Мои оптические сканеры отмечают...

Рэд резко свернул вправо и выехал на обочину, тормозя.

— Прекратите ваши заклинания! — приказал он.— Вы вовсе не из В-29! Что вы надумали?

Полицейский крейсер пронесся мимо, затормозил и остановился впереди. Были сумерки, и снег усыпал ветви в лесу справа от Дороги.

— Я еще раз повторяю...— начал Рэд.

Но Фрезер уже открыл дверцу и вылез из кабины.

— Не знаю, как это вы сделали...— начал он.

Рэд узнал офицера, который показался из крейсера, но не мог вспомнить его имя.

— Но вы сейчас совершили ошибку.— Фрезер осмотрел

приближающегося полицейского.— Впрочем, я тоже, если подумать...— добавил он.

Дверь кабины захлопнулась. Грузовик захрустел шинами по гравию, выруливая задним ходом. Мотор взревел, мимо пронеслись призрачные силуэты, и вот он уже мчался по Дороге, сквозь бледный день, под небом с его золотистой аркой.

— Цветы! — сказал Рэд.— Зачем ты взял управление!

— Оценка ситуации по балансу «дебит-кредит» показала красный цвет. Имеется вероятность более шестидесяти процентов, что я только что спас тебе жизнь.

Но это были настоящие полицейские...

— Тем хуже для них.

— Он был настолько опасен?

— А ты подумай сам.

— Я думаю, и я не уверен, не пойму, что он такое.

Интересно, Чедвик где его нашел?

— Он не из их числа. Он в игру не входит, Рэд.

— Почему ты так думаешь?

— Его бы проинструктировали соответствующим образом. Ведь он даже не знал, что я такое. Чедвик не такой дурак, чтобы посылать неподготовленного человека.

— Чедвик не дурак, ты прав. Нам нужно вернуться.

— Я бы не советовал.

— Сейчас управляю я. Поворачиваем у ближайшего разворота. Я должен разобраться.

— Зачем?

— Делай, что сказано.

— Как скажете...

Грузовик замедлил ход, выехал на боковой спуск. Рэд следил за проносившимися в воздухе знаками.

— Да,— сказал он наконец, когда они уже ехали в обратном направлении.

— Что «да»?

— Чем дальше, тем интереснее. Давай быстрее.

— Так ты все-таки хочешь снова его увидеть?

— Его там уже не будет.

Ты предполагаешь?

Они снова съехали по спуску и через туннель выехали на въезд с противоположной стороны.

— Еще несколько минут. Ага! Вот они. Машина полицейских все еще на том же месте. Ты по-прежнему хочешь остановиться?

— Останавливай!

Они покинули Дорогу, затормозив рядом с каплевидным экипажем. Рэд вылез наружу и подошел поближе. Уже на подступах к крейсеру он почувствовал запах горелой плоти и горелой обшивки. Правая дверца машины была открыта и слегка деформирована. Внутри все было тщательно выжжено. На переднем сиденье лежало обугленное тело одного полицейского. В руке был пистолет, блестящий значок почернел. Останки второго офицера ле-

жали на земле перед машиной. Шины экипажа расплавились, в корме зияла трещина. Рэд несколько раз прошелся вдоль погибшей машины.

Чемоданчик Фрезера лежал на куче припорошенной снегом листвы. При падении он раскрылся, и содержимое его вывалилось наружу. Лоб Рэда избороздили морщины, в недоумении рассматривал он контрацептивы, бандажи и устройства для укрощения плоти, содержавшиеся в чемоданчике. Вдруг они задымились, начали таять и испаряться. Рэд пробовал отыскать отпечатки подошв, но ничего определенного не обнаружил.

Вернувшись, он объявил:

— Ну, хорошо. Направление — В — 11. Я возьму управление у В — 2.

Я вижу и отсюда. Какая-то бомба, очевидно. Куда он сам делся? Никаких следов?

— Нет.

— Тебе повезло.

— Не совсем.

— Что ты хочешь сказать?

— Ладно, не будем об этом.

— Я считаю, что повезло.

Рэд надвинул козырек шапки на глаза и сложил руки на груди. Он дышал глубоко и ровно...

Глава 7

Тимьин Тин работал в саду монастыря, выпалывая сорняки и извиняясь перед каждым стеблем при этом. Невысокого роста человек с обритой головой, отчего еще труднее было определить его возраст. Он трудился с большим подъемом. На нем был свободный халат, складки которого время от времени беспокоил прохладный ветер со снежных вершин, движения его были легки и точны. Он редко смотрел на горы. Он слишком хорошо их знал. Когда к нему приблизился собрат-монах, он мгновенно почувствовал присутствие постороннего, но не поднял головы, пока второй монах не остановился в начале второго рядка, на котором работал Тимьин Тин.

— Тебя зовут,— сказал второй монах.

Тимьин Тин кивнул.

— До свидания, мои друзья,— сказал он растениям и пошел к сараю, чтобы очистить инструменты от земли и сложить их там.

— Сад растет хорошо,— сказал второй монах.

— Да.

— Мне кажется, тебя зовут для встречи с посетителями.

— Разве? Я слышал звук гонга, возвестившего о прибытии путешественников, но я не видел, кто это был.

— Их зовут Сандок и Тоба. Они тебе известны?

— Нет.

Два монаха направились к главному зданию, задержавшись

ненадолго у изваяния будды. Они вошли в здание и вошли в келью в дальнем конце. Второй монах вошел, исполнив соответствующий ритуал, и обратился к настоятелю монастыря, старому морщинистому человеку:

— Он пришел, достопочтимый.

Монах вернулся к дверям, бросив случайный взгляд на двух незнакомцев, сидевших на циновках и пивших чай.

— Можешь войти,— сказал он, покидая келью.

Тимьин Тин вошел.

— Вы посылали за мной, уважаемый,— сказал он.

Прежде чем заговорить, настоятель несколько секунд смотрел на него.

— Эти господа хотели бы, чтобы ты сопровождал их в путешествии,— наконец сказал он.

— Именно я, высокочтимый? Многие братья знают местность гораздо лучше, чем я.

— Об этом мне известно, но им, кажется, нужен не просто проводник. Я оставлю вас одних для прояснения дела.

С этими словами настоятель поднялся и вышел из кельи, унося свою переметную суму, позвякивавшую и постукивающую.

Оба незнакомца поднялись с циновок, когда Тимьин Тин повернулся к ним лицом.

— Меня зовут Тоба,— сказал бородатый мужчина с очень темной кожей. Он был мощного сложения и на голову выше Тимьин Тина.— Моего товарища зовут Сандок. Он указал на очень высокого медноволосого человека с белой кожей и голубыми глазами.— Он владеет местным диалектом средневекового китайского не так хорошо как я, поэтому я буду говорить от лица нас обоих. Кто ты, Тимьин Тин?

— Я не понимаю вас,— ответил монах.— Я — тот, кто стоит перед вами.

Тоба засмеялся. Секунды спустя засмеялся Сандок.

— Прошу извинить нас,— сказал Тоба,— но кем ты был до того, как попал сюда? Где ты жил? Чем ты занимался?

Монах развел руками.

— Я не помню.

— Здесь ты работаешь в саду. Тебе это нравится?

— Да, очень.

Тоба покачал головой.

— Как пал великий некогда...— сказал он.— Ты думаешь...

Второй мужчина вдруг шагнул вперед, его кулак рванулся к голове монаха.

Тимьин Тин, казалось, только чуть-чуть переместился в сторону, но кулак Сандока прошел мимо цели. Пальцы левой руки монаха, казалось, лишь едва тронули пролетающий мимо локоть. Туловище его немного повернулось. Его правая рука исчезла за спиной Сандока. Сандок был брошен через всю комнату. Он врезался в стену и упал на пол, потеряв сознание.

Когда мир снова приобрел очертания в глазах Тобы, монах стоял у дверей кельи, наблюдая за ним.

— Зачем вы напали на меня? — спросил Тимьин Тин.

— Это была только проверка,— выдохнул Тоба.— Все теперь позади, ты ее прошел. У вас здесь обучают таким приемам?

— Некоторым,— ответил монах,— но я помнил многие... раньше.

— Расскажи мне про это «раньше». Когда это было? Где?

Тимьин Тин покачал головой.

— Я не знаю.

— Другая жизнь, наверное.

— Наверное.

— Ведь вы тут верите в такие вещи — перевоплощение после смерти и так далее, верно?

— Да.

Тоба поднялся на ноги. В другом конце комнаты Сандок застонал и зашевелился.

— Мы не желаем тебе ничего дурного,— сказал Тоба.— Совсем наоборот. Ты должен сопровождать нас в путешествии. Это очень важно. Ваш глава дал согласие.

— Куда мы направимся?

— Названия этих мест пока ничего тебе не скажут.

— Что я должен буду делать в тех местах?

— Сейчас ты этого тоже не поймешь. Твое иное «я» — более раннее воплощение — оно бы поняло. Ты задумывался над тем, что это за человек?

— Задумывался.

— Мы восстановим твою память!

— Каким образом я был ее лишен?

— Путем тонких химических и нейрологических процессов, которые ты не поймешь. Видишь, даже эти слова тебе кажутся бессмысленными.

— Вы знаете, кем я был раньше?

— Да.

— Тогда расскажите мне.

— Будет лучше, если ты сам это поймешь. Мы поможем тебе в этом.

— Каким образом?

— Мы сделаем тебе серию уколов... Ты еще не знаешь, что такое РНК, но мы введем в тебя твою собственную РНК из образцов, взятых до перекройки твоей личности.

— Это вещество вернет мне знание о моем раннем «я»?

— Мы так думаем. Сандок — очень искусный врач. Он займется этой процедурой.

— Я не знаю...

— Что именно?

— Я не знаю, следует ли мне знакомиться с этим человеком, с моим ранним «я». Вдруг он мне не понравится.

Сандок, который уже поднялся на ноги и теперь потирал ушибленную голову, усмехнулся:

— Я могу открыть тебе секрет: первое изменение твоей личности произошло против твоей воли,— сказал Тоба.

— Кому понадобилось превращать меня в другого человека?

— Узнать это ты можешь только одним путем. Что ты теперь скажешь?

Тимьин Тин пересек комнату и налил себе из чайника чашку чая. Он сел на циновку и посмотрел на чашку. Отпил глоток. Через некоторое время Сандок и Тоба тоже присели на циновку.

— Да, это пугает,— сказал наконец Тоба, подбирая слова и медленно оформляя мысль.— Велика... неуверенность. Ты уже довольно хорошо приспособился к здешней жизни. Тут приходим мы и предлагаем все переменить, и не говорим, что получится в конце. Это не наша вина. В нынешнем своем обличье ты не сможешь понять, что мы должны были бы тебе сказать. Мы просим тебя принять этот дар твое собственное прошлое — потому что нам нужно поговорить с тем человеком, которым ты был когда-то. Возможно, он не захотел бы иметь с нами дело. Тогда, естественно, ты будешь свободен и вернешься сюда, если пожелаешь. Но дар этот мы уже не сможем принять обратно.

— Самосознание — вот чего я жажду,— сказал Тимьин Тин.— И восстановление памяти о прошлых воплощениях — важный шаг по этому пути. Поэтому я должен был бы сказать «да» немедленно. Но я долго размышлял об этом раньше. Предположим, я получу полное знание о прошлом воплощении. Не отдельные сведения, а полное знание. Предположим, этот человек не только не понравится мне, но и окажется более сильной индивидуальностью, и вместо того, чтобы впитаться в мое существование, я буду впитан в его? Что тогда? Разве это не будет поворотом Великого Колеса в обратную сторону? Принимая знание из источника, что непонятен мне, не подвергаю ли я себя такой опасности?

Ни один из гостей не ответил ему, а он отпил еще один глоток.

— Но почему, я спрашиваю вас? — сказал затем монах.— Разве кто-нибудь может ответить другому человеку на этот вопрос?

— Да,— сказал Тоба,— это справедливый вопрос. И я, конечно, не могу на него ответить. Но только одно из твоих будущих воплощений, в которые вы верите, может задаться таким же вопросом касательно тебя сегодняшнего. Что ты об этом скажешь?

— Очень хорошо,— внезапно засмеялся Тимьин Тин.— «Я» человека всегда стремится быть центром вещей, так?

— Вот именно.

Тимьин допил свою чашку, и, когда он поднял глаза, на его лице произошла перемена. Трудно было объяснить, каким образом это получилось, но в его легкой полуулыбке, в слегка прищуренных глазах ясно читалась теперь дерзость, храбрость и безрассудство.

— Я готов принять это знание,— объявил монах.— Можете начинать.

— Вероятно, это займет несколько дней,— осторожно сказал Тоба.— Потребуется целая серия процедур.

— Тогда начнем первую,— сказал Тимьин Тин.— Что я должен делать?

Сандок взглянул на Тобу. Тот кивнул.

— Хорошо, начнем сейчас,— сказал Сандок. Он поднялся и прошел в угол кельи, где были сложены его вещи.— Когда ты сможешь выступить с нами в поход?— спросил он.

— Мои вещи немногочисленны,— ответил монах.— Мне только бы покончить с этим делом, я соберу их, и мы отправимся.

— Хорошо,— сказал высокий мужчина, открывая коробку, в которой лежал шприц и несколько ампул.— Хорошо...

В ту ночь они остановились на отдых в горах высоко над монастырем. Они нашли удобный склон, укрывавший их от завывающего ветра. Мелкие снежинки кружили над их небольшим костром, словно души, спешившие быть превращенными в пар и возвращенными на небеса — перевоплощенными, как думал Тимьин Тин, наблюдавший за снежинками еще долго после того, как остальные заснули.

Утром он сказал Тобе:

— Я видел непонятный сон.

— Что именно?

— Мне снилось, будто я вижу несколько человек внутри незнакомого мне движущегося экипажа. Я находился в здании, следил за экипажем. Когда тот остановился и люди начали выходить, я направил на них оружие — трубку с ручкой и маленьким рычажком, и нажал на рычажок. Люди были убиты. Мог ли этот сон относиться к моей прошлой жизни?

— Не могу сказать с уверенностью,— сказал Тоба, собираясь и упаковывая вещи.— Возможно. Пока тебе не стоит слишком критически относиться к подобным вещам. Пусть куски картины сами встанут на свои места.

Тимьин Тин получил укол перед тем, как они покинули место стоянки, и еще один — вечером, после многочасового перехода по горным тропам.

— Я чувствую, что происходит нечто,— сказал он.— Сегодня мои мысли несколько раз странно... путались.

— Каким именно образом?

— Слова... образы...

Сандок пододвинулся ближе.

— Какие образы?— спросил он.

Тимьин Тин покачал головой:

— Слишком быстрые, мимолетные. Я не могу их воссоздать.

— А слова?

— Слова на незнакомом языке, хотя они казались привычными. Я тоже не могу вспомнить ни одного слова.

— Думаю, что это добрый знак,— сказал Сандок.— Лечение начинает оказывать действие. Сегодня опять тебя могут посетить странные сны. Пусть они тебя не беспокоят. Лучше просто запоминать и наблюдать...

В тот вечер Тимьин Тин не стал предаваться медитации.

На следующий день в его поведении появилось что-то новое. Когда Тоба задал вопрос относительно снов, он ответил просто:

— Отрывки.

— Отрывки? Какие именно?

— Не могу вспомнить. Ничего особенного. Ну, будем делать утренний укол, а?

— Ты сказал это не по-китайски, ты заметил?

Глаза Тимьин Тина расширились. Он посмотрел в сторону. Он посмотрел вниз на свои ноги. Потом снова посмотрел на Тобу.

— Нет,— сказал он.— Это само собой получилось.— Его глаза наполнились слезами.— Что со мной происходит? Кто победит во мне?

— В конечном итоге победишь ты, потому что вернешь потерянное.

— Но, может быть...— внезапно на лице его появилось иное выражение. Глаза сузились, линии скул смягчились, тень улыбки тронула уголки губ.— Конечно, я вам благодарен за это. Далеко ли нам идти?

— Это трудно объяснить,— сказал Тоба,— но мы должны покинуть эти горы через три дня. Еще через неделю мы доберемся до главного пути, по которому отправимся дальше. Это будет уже легко, но окончательное решение будет зависеть от того, что нам скажут на последней остановке на большом пути. Позволь сделать тебе укол, и мы двинемся дальше.

— Очень хорошо...

Вечером и на следующий день Тимьин Тин ничего не рассказывал о воспоминаниях, которые, возможно, открывались ему. На вопросы отвечал неопределенно. Сандок и Тоба не слишком настаивали.

На следующий день, после полудня, когда они спускались по проходу к подножию горы, Тимьин Тин привлек их внимание, потянув обоих за рукав.

— За нами следят,— прошептал он.— Продолжайте идти, как будто вы ничего не заметили. Я догоню вас позже.

— Подожди!— сказал Тоба.— Я не хочу, чтобы ты рисковал. У нас есть оружие особого рода, о котором ты даже не имеешь представления. Мы...— он замолчал, потому что на устах маленького монаха играла улыбка.

— Неужели?— спросил Тимьин Тин.— Вы в этом совершенно уверены? Нет, опасаюсь, что ваше огневое оружие не поможет, если сверху обрушится куча стрел. Как я уже сказал, я догоню вас позже.

Он повернулся и исчез среди скал с правой стороны.

— Что будем делать?— спросил Тоба.

— То, что сказано: продолжать идти дальше,— ответил Сандок.— Этот парень знает, что говорит.

— Но он не в нормальном состоянии ума.

— Он явно вспомнил гораздо больше, чем сказал нам. Мы должны ему доверять. В конечном итоге у нас нет иного выбора.

Они продолжали спускаться.

Прошел почти час. В проходе дул ветер, и отзвуки шагов их ног в подкованных горных ботинках эхом отзывались от скалистых стен. Тоба дважды порывался вернуться и поискать их подопечного, и дважды его отговаривал Сандок. Оба горбились несколько больше обычного.

— Если мы его потеряли,— сказал Тоба,— нас по головке не погладят.

— Мы его не потеряли,— отвечал второй, но в голосе его не слышалось уверенности.

Они продолжали путь по склону, когда какой-то предмет упал на тропу немного впереди них. Он отскочил, потом покатился, словно это был камень. Потом они заметили, что на нем имеются волосы. Чуть позже сверху упало туловище. Секундой спустя последовали два нерасчлененных тела.

Они натянули поводья, когда над головами эхом отозвался крик. Подняв головы, они увидели Тимьин Тина на вершине скалы справа от дороги. Он помахал им саблей, бросил ее на землю и начал спускаться по скальной стене.

— Я же говорил, что мы его не потеряли,— сказал Сандок.

Когда маленький монах закончил спуск и подошел к ним, Тоба нахмурился:

— Ты подвергал себя напрасному риску. Ты ведь не знаешь, какое у нас есть с собой оружие. Мы могли бы помочь тебе. Трое против одного — не слишком-то выгодное соотношение...

Тимьин Тин чуть усмехнулся.

— Их было семеро,— ответил он,— но только трое располагались у самого края. Но я не рисковал напрасно, и ваше оружие могло только помешать.

Сандок тихо свистнул. Тоба покачал головой.

— Мы беспокоились. Как ни велика твоя отвага, твой ум еще не вернулся в нормальное состояние.

— В отношении этого дела он нормален,— ответил монах.— Мы продолжим путь?

Они ехали некоторое время молча. Потом Сандок спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Тимьин Тин кивнул:

— Нормально.

— Но ты хмурился, как будто что-то тебя беспокоило. Это связано с сегодняшним... конфликтом?

— Это можно понять. Та часть тебя, которая была монахом...

Человек тут же замотал головой:

— Нет! Дело не в этом! Мы можем убивать в целях самообороны, и так было сегодня. Меня тревожит нечто более глубокое,

чем поступок или его оправдание, с точки зрения Кармы или наоборот.

— Что же тогда?

— Я не знал, что во мне лежала способность получать от этого удовольствие. Теперь я понимаю, что должен был внять предупреждению снов.

— Это было большое удовольствие?

— Да.

— Может, это была гордость за успех твоей вылазки?

— Гордость тоже присутствовала, но корни его уходили еще глубже — туда, где уже нет мысли, а есть одно только чувство. Я исследовал его, поскольку научился исследовать свои мотивы, но пришел только к подтверждению факта его существования. Это удивило меня, однако...

— Почему удивило?

— Потому что вызвало мысль — если со мной сделали то, что сделали, то на это должна была быть достаточная причина. Не могло ли быть так, что я представлял некогда большую опасность?

— Я буду с тобой откровенен, чтобы не вызывать излишней тревоги и беспокойства, — сказал Сандок.— Да, так оно и было. Но ты должен сознавать, что тебя не уничтожили полностью, хотя могли это сделать. Благодаря некоторым твоим качествам ты был оставлен в живых.

— Что же это за качества? — спросил Тимьин Тин.— Может, это была скрытая во мне известная доля добра, которую некий благородный принц решил во мне развить, дабы уравновесить совершенное мною зло? Или он просто не хотел уничтожать полезное некогда оружие?

— Скорее всего — и то, и другое,— сказал Сандок.— Кроме того, он был у тебя в долгу.

— Память принцев не блещет долговечностью, как правило. Но, будь оно так, как могло бы быть, в таком случае, вижу единственную причину вызывать меня из небытия снова. Некто, пославший вас за мной, желает, чтобы я убил кого-то, не так ли?

— Я думаю, что эти вопросы лучше всего обсудить позже, когда полностью будет завершено твое лечение.

Сандок хотел дернуть поводья своего коня, но Тимьин Тин каким-то образом перехватил его руку, прежде чем та дотянулась до кожаных ремней.

— Сейчас,— сказал маленький монах,— я хочу узнать сейчас. Я в достаточной мере осознаю происходящее, чтобы понять простое «да» или «нет» в ответ на вопрос.

Сандок посмотрел в темные глаза монаха, отвел взгляд в сторону.

— А если ответом будет «да»?

— Скажи, и мы посмотрим.

— Послушай, я не подхожу для этой роли. Я не могу тебе делать какие-либо предложения. Почему бы тебе не подождать, по-

ка мы не прибудем к месту назначения? К тому времени ты уже полностью будешь контролировать свою личность, и там ты найдешь человека, который...

— Да или нет? — повторил Тимьин Тин, когда к ним подъехал Тоба.

Сэндок бросил взгляд на товарища. Тот кивнул.

— Хорошо. Да, одному человеку нужно убрать другого человека, и он считает, что ты лучше всех справишься с работой. Поэтому мы приехали за тобой.

Монах отпустил поводья.

— Пока этого достаточно,— сказал он.— Детали меня пока не интересуют.

— Ну, что ты скажешь на все это?— спросил Тоба.

— Приятно, когда ты необходим кому-то,— сказал монах.— Продолжим наш путь.

— Ты слушал с завидным хладнокровием. Ты думаешь, что тебя заинтересует такое предложение?

— Весьма,— сказал монах,— поскольку оно должно быть очень сложным, если оправдывает мое восстановление. Но меня тревожат другие вопросы.

— Какие же?

— Я силен, и с каждым днем лечения становлюсь все сильнее. Но и монах тоже остается во мне. Будет ли так всегда?

— Да. Потому что это одно из твоих многих лиц.

— Это хорошо. Я очень не хотел бы полностью порвать связь с этой частью моей жизни. Там было так... мирно. Только... странного рода личностью я могу стать, если сохранится такое положение.

— Будем надеяться, что это не помешает тебе в работе.

— Это целиком зависит от того, что я должен буду делать.

— Ты сказал, что детали тебя не интересуют.

— Это кто-то другой говорил.

— Очень хорошо. Значит, существует Дорога, она бесконечна, и человек, с необходимым для этого свойством натуры, которому известны соответствующие точки входа, въезды, повороты и развилки, может двигаться по ней, перемещаясь практически в любое место или время. Среди многих, путешествующих по Дороге, есть один человек, против которого была объявлена черная десятка...

— Черная десятка?

— Его враг получил разрешение сделать десять покушений на его жизнь. Любым способом. Можно использовать наемных людей.

— И ваш хозяин желает, чтобы я стал таким наемником?

— Да.

— Но зачем нужна черная десятка? Что сделал этот человек?

— Право, не знаю. Весьма возможно, кстати, что ты его вообще никогда не увидишь. Кто-то другой настигнет его раньше... это немного успокоит твою совесть.

— Ты хочешь сказать, что вы потратили столько усилий, чтобы поставить запасного наемника?

— Это так. Считаю, очевидно, что человек стоит таких расходов.

— Если искусство приближается к уровню моего, то этот человек вряд ли уйдет от первого же. Но что будет, если он пройдет через всю десятку?

— По-моему, такое еще никогда не удавалось.

— Но это особый человек?

— Так говорят. В высшей степени.

— Понимаю. Давайте скорее разобьем лагерь, потому что мне нужно погрузиться в размышление.

— Конечно. Такого рода решения не достигаются наспех.

— Решение я уже принял. Теперь я хочу установить, был ли я оскорблен, или мне оказана честь...

Они проехали мимо трупов. Из-за тучи ударило солнце. В лицо дул ветер...

Глава 8

Рэд медленно вел машину по грязной дороге. Следующая остановка, с ее сложенными из камня и бревен жилищами, была последней на выбранном им маршруте в Африке одиннадцатого века. Зарулив на стоянку, он затормозил рядом с жемчужно-серым, обтекаемых очертаний экипажем.

— Эта машина из верхней области Дороги,— заметил он.— Интересно, чья она?

Он вытащил Цветы из-под панели, снял с крючка за спиной и открыл дверцу, прихватив с собой ружье. Спускаясь, он нащупал рядом нож в кожаном чехле и прихватил и его с собой. Он прикрепил нож к поясу и запер кабину. Вытащив из кузова рюкзак, он проинспектировал его содержимое.

«Все, что может мне понадобиться,— заключил он,— кроме воды и книжонки на сон грядущий. Сейчас я пойду и скажу им, что некоторое время машина простоит здесь...»

— Уже скоро вечер, и ты долго вел машину. Наверное, тебе нужно остановиться здесь на ночь, а утром выйти в путь.

Он посмотрел на небо:

— Можно было бы пройтись еще пару часов.

— А потом разбивать в темноте лагерь и провести лишнюю ночь в поле. Разве что-то от этого изменится?

— Не знаю.

— И поесть тоже, наверное, не помешало бы.

— Тут ты совершенно прав,— сказал он, забрасывая винтовку на плечо и поднимая рюкзак, в который он положил Цветы.— Пойдем, посмотрим, что у них в меню, и какие имеются удобства. Если ничего стоящего они предложить не могут, я с таким же успехом переночую в поле.

Он направился в сторону главного здания. Владелец гостини-

цы, пожилой человек, похожий на француза, и его жена — молодая и пышная, уроженка здешних мест, сидели в плетеных креслах за конторкой регистрации, под большим вентилятором. Владелец улыбнулся, отложил книгу, отставил стакан и поднялся навстречу входящему Рэду.

— Приветствую вас. Чем могу служить?

— Привет. Меня зовут Рэд Доракин. Я хотел спросить, что у вас на обед?

— Питер Лаваль. А это Бетти. Жаркое — местные сорта мяса, тщательно приправленные и выдержанные. Местное пиво или привозное вино — это к мясу. Можете также осмотреть кухню и понюхать котел, если пожелаете.

— Нет нужды, я задержусь здесь ненадолго. Пахнет приятно. А как комнаты?

— Пойдемте, покажу. Это в двух шагах.

Рэд последовал за владельцем в небольшой холл, а оттуда — в скромную чистенькую комнату.

— Неплохо. Я остаюсь,— сказал он, опуская рюкзак на пол, ружье — на кровать, а Цветы, извлеченные из рюкзака — в карман. Рядом с ружьем он бросил на кровать и куртку.— И было бы неплохо попробовать вашего пива прямо сейчас.

— Сюда, пожалуйста. Я дам вам ключ, если захотите.

Рэд последовал за ним обратно в холл, затворив за собой дверь.

— Много посетителей?

— Нет, сегодня вы единственный. Время не спешит — как всегда.

— Эта забавная машина на стоянке, ваша?

— Нет, моя стоит на заднем дворе. Она выглядит скромнее.

— Чья же она тогда? — спросил Рэд, когда они подошли к столу, где он расписался в книге прибывающих и получил ключ от номера.

— О! Вы читаете Бодлера! Один из моих любимых авторов. Вот человек, который видел сквозь видимости — все видел!

— Да, да, понятно,— сказал Рэд кивая, входя вслед за хозяином в небольшую комнату-погребок, где ему была вручена наполненная глиняная кружка.— Чья же это машина?

Лаваль усмехнулся, выходя на веранду и указывая на горы.

— Невероятный тип,— сказал он.— Ушел в том направлении примерно неделю назад. Высокий, худой, глаза как у Распутина, руки... такие руки мог бы нарисовать Модильяни. И все, что на нем было, до нитки, до шнурков — все было зеленого цвета. Даже кольцо на пальце было изумрудное. Куда идет — он не сказал. Сказал, что зовут его Джон, вот и все.

Цветы издали тихий писк. Рэд надавил на пьезо-электрический сенсор, подтверждая прием.

— ... скажу вам откровенно, я обрадовался, когда он ушел. Он не выказывал враждебности, держался вежливо. Но в его присутствии мне было не по себе.

Рэд пригубил пиво.

— Я свою кружку оставил в холле. Может, присоединитесь к нам? Там немного прохладнее.

Рэд покачал головой:

— Мне нравится этот пейзаж. Спасибо, тем не менее.

Лаваль пожал плечами и ушел. Рэд поднял Цветы.

— Я понял тебя,— проговорил он тихо,— это, может быть, тот самый парень. Судя по...

— Дело не в этом,— послышался голосок книги,— хотя возможность не исключается. Меня вот что встревожило. Я решил проводить периодически осмотр местности через сенсоры на машине. К нам пожаловали гости.

— Что?..

— Я засек электрическую активность — что-то приближается к нам с юго-запада. Мы легко заметим объект на фоне этой тихой местности. Он двигается довольно быстро.

— Размеры большие?

— Не могу сказать.

Рэд отпил еще глоток.

— Выводы? Рекомендации?

— Вернись в комнату за ружьем и не выпускай его из рук. Граната тоже не помешает. Не знаю, что у тебя еще есть. Я уже послал сообщение тому доктору, которого мы встретили.

— Так ты думаешь, что это человек?

— Согласись, что очень похоже. Не будем рисковать.

— Я не спорю.

Рэд поставил кружку на рейку перил, повернулся к грузовику.

— Э-гей! Цветы! К нам что-то летит. И это не птица.

— Я уже засек. Ты еще успеешь принести ружье, если побежишь.

— Да ну его к дьяволу,— сказал Рэд, разворачивая новую сигару.— Будет только руки занимать. А ты, между прочим, можешь испытать свою обновку.

Он поднял кружку и присел на перила веранды.

— Я получил подтверждение приема от нашего врача. Он двигается к нам и уже неподалеку.

— Великолепно.

Он раскрыл книгу и прочел несколько строк.

— Я должен сказать, что ты пребываешь в весьма философском настроении.

— А что, разве плохо — проститься с миром вот так: с книгой, с кружкой в руках и хорошей сигарой?

— Подготовка не кажется мне вполне соответствующей.

— Возможно, это мой час... и я уже вижу нашего противника.

— И?

— Вот они.

Робот медленно снижался над стоянкой. На спине его сидел человек, одетый во все желтое. Робот продолжал замедлять полет,

потом принял вертикальное положение и мягко опустился на площадку в пятнадцати метрах от веранды.

Рэд последний раз отпил пиво и поставил кружку. Он поднялся на ноги и шагнул вперед.

— Привет, Монди,— сказал он.— Кто это с тобой?

— Рэд...— начал Мондамей.

— Тихо,— приказал Джон, сходя на землю и потягиваясь. Его топазовый перстень сверкал на солнце.— Оставаться на местах! Активировать боевые системы!

Он шагнул вперед и отвесил поклон:

— Зовите меня Джон. А вы, как я понимаю, будете Рэд Доракин?

— Да, это я. Чем могу быть вам полезен?

— Собственно, вы могли бы помереть... Мондамей...

— Один момент. Могу я поинтересоваться, почему?

Джон замер, быстро кивнул.

— Отлично. Хочу вас заверить, что лично я в этом не заинтересован. Я исполняю поручение, дабы заработать большую сумму денег, необходимую мне для исполнения разнообразных замыслов. Меня нанял человек, по имени Чедвик. О! Вы киваете. Тогда вы уже сами догадались, верно? Бывшие друзья — самые опасные враги. Жаль. Но что поделаешь. Не буду углубляться в мораль. Уже слишком поздно, вам от этого никакой пользы.

— Значит, вы приняли поручение, определив мою судьбу, обзавелись для исполнения поручения сложным технологическим устройством?

— Да, таков итог. Чедвик дал мне верное направление...

— А ваше желание использовать посредника — не результат уступки страху?

— Страх? Не более, чем то же самое, что сделал Чедвик, нанимая меня. Он очень занятой человек. Он желает нанять эффективного исполнителя. Так же, как и я. Думаете, я боюсь сразиться с вами или с кем-то еще?

Рэд улыбнулся.

— Нет,— сказал Джон, заметив улыбку.— Вы меня на удочку не поймаете. Я не предоставлю вам незаслуженного шанса сохранить жизнь, ваше мнение о моей личности не имеет для меня значения.

Рэд попыхивал сигарой:

— Интересно,— сказал он,— тогда из чисто академического любопытства, вам не мешало бы, наверное, знать, что человек, который говорил мне о вас, уже приближается.

— Человек? Какой человек?

Рэд взглянул на Дорогу:

— Большой такой, с золотыми глазами и страшно загорелый. Я встретил его на стоянке, когда заехал туда отдохнуть. Он управлял старым маленьким «родстером» модели 1980 года. На нем была порвана рубашка, и он сказал, что намерен произвести над вами лоботомию с помощью ледорубной пешни.

— Я вам не верю!

Рэд пожал плечами:

— Можете сами у него спросить. По-моему, это его машина приближается к стоянке.

Джон повернулся в сторону мчавшейся машины, за которой тянулся густой шлейф пыли. Рэд сделал несколько шагов вперед.

— Стоять! Ни с места! — Джон крутанулся на каблуках, вздернул руку, глаза его сверкали.— Если это фокус, то ничего не выйдет. А если нет, то я с удовольствием застрелю еще одного зайца тем же выстрелом. Мондамей! Сожги Рэда Доракина в пепел!

Мондамей протянул правую руку, из которой выдвинулась трубка, направив ее на Рэда. В окошечках на плече замигали огни. Послышался треск. Тонкая струйка дыма выползла из раструба оружия.

— Опять замыкание,— объяснил Мондамей.

— Как так «опять»?— сказал Джон.

— Ее все время коротило последние несколько тысяч лет.

— Тогда распыли его! Взорви! Разбомби! Мне все равно, как ты это сделаешь!

Глубоко внутри Мондамея послышалось жужжание. Быстро замигали огоньки. Из разнообразных блоков и устройств донеслись пощелкивания. Где-то что-то натужно завыло.

— Эй, Джон,— сказал Рэд,— разве вы никогда не задумывались, почему инопланетяне оставили здесь такое сложное устройство, как Мондамей?

— Я считал, что это сделали в целях возвращения нас к варварству, если земная цивилизация пойдет не по одобренному ими пути.

— Что вы. Все гораздо проще,— сказал Рэд,— обширное повреждение систем. Его невозможно было починить, поэтому его оставили на Земле. Им, конечно, было его жалко немного, поскольку он обладал сознанием. Поэтому ему придали человеческую маскировку и оставили заниматься любимыми увлечениями. Вреда он ведь все равно не мог причинить никакого...

— Мондамей! Это правда?

Из всех суставов и соединений Мондамея тянулись струйки дыма, лихорадочно мигали огоньки, вой перешел в стенания в сопровождении непрестанного позвякивания.

— Боюсь, что это так, Джон,— ответил он.— Наверное, я в молодости перестарался, сжег лишнюю планету...

— Почему ты мне раньше не сказал?

— Ты никогда не спрашивал!

Рэд снова двинулся вперед.

— Таким образом,— сказал он, придется вам зарабатывать гонорар в поте лица.

Джон повернулся к нему с улыбкой на устах:

— Да будет так. Сделаем, как ты желаешь, и я немного запачкаю руки,— сказал он, двигаясь навстречу Рэду.— Я даже, чтобы

сберечь тебе время, скажу, что именно я сделаю, и в каком порядке. Я подниму тебя за шею, подержу над землей и подожду, пока ты удушишься. Ты, наверное, не подозреваешь, как я... Его глаза расширились, и он остановился.— Что?

— Ты забыл спросить, хочу ли я запачкать руки,— сказал Рэд, медленно поворачивая Цветы вслед за опускавшимся на землю Джоном.— А я как раз не хочу.

Джон упал и замер. Из левого уха вытекла струйка крови.

— Видишь? Я всегда говорил, что у динамика должен быть ультразвуковой диапазон,— заметил Цветы.— И если бы ты расщедрился на модель получше, не пришлось бы даже подходить так близко.

Рэд подошел к Мондамею, повернул Хрустальный ключ, вытащил его и вручил роботу. Машина тем временем уже въезжала на стоянку.

— Ты лучше спрячь его подальше или уничтожь,— сказал Рэд.

— Я и не знал, что этот экземпляр существует,— ответил Мондамей,— наверное, его специально изготовили или добыли в другом ответвлении Дороги. Я едва узнал тебя. Ты выглядишь значительно моложе. Что...

Джон застонал и начал подниматься. Рэд навис над ним и ударил в челюсть. Тот снова рухнул на землю.

— Ну что ж, теперь все в порядке,— сказал Рэд.— Я как раз собирался навестить тебя.

Автомобиль затормозил. Хлопнула дверца.

— Какая приятная...

— Будь добр, подержи Цветы минутку, я должен поговорить с этим джентльменом.

Рэд повернулся навстречу гигантского роста мужчине с черным саквояжем, который широко шагал к нему.

— Привет еще раз. Прошу прощения, если мы вас зря побеспокоили,— сказал Рэд, опуская глаза на лежащего у его ног Джона,— но не этого ли парня вы искали?

Громадный мужчина кивнул и раскрыл саквояж:

— Это он. У вас все нормально?

— Жаловаться не на что. А у него всего лишь ультразвуковой удар и сотрясение после левой в челюсть.

Золотоглазый человек осмотрел глаза и уши Джона, выслушал его сердце. Потом наполнил шприц из какой-то ампулы и сделал лежащему укол в правое плечо. Он вытащил из саквояжа пару наручников и сковал руки Джона за спиной. Потом он начал обыскивать желтую униформу, извлекая разнообразные миниатюрные устройства из воротника, манжет, рукавов и ботинок.

— Так, думаю, сойдет,— сказал он, закрывая саквояж и поднимаясь,— как я вам уже говорил, это чрезвычайно опасный человек. Чем это вы заслужили его внимание?

— Его наняли, чтобы прикончить меня.

Тогда кому-то очень нужно от вас избавиться, если он готов заплатить гонорар, который потребует эта личность.

Я знаю. Я думаю вплотную этим заняться.

— Мужчина некоторое время смотрел на Рэда:

— Если ты не против, я мог бы тебе помочь в этом деле.

Рэд слегка прикусил губу и медленно покачал головой:

Спасибо, Док. Я не забуду. Но я откажусь. Это особого рода дело — очень.

Могучий мужчина чуть улыбнулся и кивнул:

— Тебе видней, ты и решай.

Он нагнулся и поднял обмякшее тело Джона одной рукой, без усилий. Рубашка на спине у него лопнула. Бросив Джона поперек плеча, он повернулся и поднял руку.

Спасибо за пациента. Тогда желаю удачи разрешить все проблемы!

— Спасибо. До свидания, Док.

Рэд наблюдал, как Док вернулся к машине, уложил свою ношу в кабину, залез сам и отбыл.

Как славно, что Джон получил по заслугам,— сказал Мондамей, втянул раструб оружия и положил металлическую руку на плечо Рэда.— Кстати, он следил за вашим перемещением с помощью передающего устройства, спрятанного где-то в вашей машине. Его установили в мастерской, которую вы не так давно посетили. Он мне сам это сказал. Наверное, стоит это устройство поскорее обнаружить и удалить, прежде чем мы приступим к дальнейшим действиям.

— Хорошая идея. Сейчас посмотрим.

Они пошли к грузовику.

— Как так получилось, что ты его не засек, Цветы?

— Какая-то нестандартная частота волны, наверное. Впрочем, я не знаю, сейчас начну сканировать.

Ты не представил меня,— сказал Мондамей.

— Разве? О! Он был так занят Джоном, что не хотел перебивать...

— Нет, я не о докторе. Я имею в виду Цветы Зла. Ведь я и не подозревал, что держу в руках тонкое мыслящее устройство, когда ты передал мне эту книгу.

— Извини. Обстоятельства смягчают вину. Мондамей, познакомься, это Цветы Зла. Цветы, это Мондамей, машина-убийца.

— Очень приятно,— сказал Мондамей.

— Взаимно. Я нахожу наше положение чрезвычайно затруднительным — весь этот мертвый груз неисправных контуров, невозможность исправно функционировать...

— О, все не так уж плохо. То, что я сейчас делаю, доставляет мне не меньше удовольствия, чем прежние занятия.

— Чем же вы занимаетесь?

— Кроме всего прочего, я леплю горшки. Всякая тонкая работа доставляет мне массу удовольствия.

— Как интересно. Мне кажется, что и мне пора испробовать

какую-нибудь манипуляционную активность. По крайней мере, я хотел бы попробовать. Будет очень интересно посмотреть вашу работу при случае.— Цветы,— сказал Рэд,— ты уже обнаружил передатчик?

— Да. Он укреплен на раме впереди левого заднего колеса.

— Благодарю.

Рэд подошел к корме грузовика и присел.

— Ты прав,— сказал он через секунду,— он здесь.

Отделив передатчик, он перешел к обтекаемых линий машине Джона (она, кроме всего, была еще и на воздушной подушке) и прикрепил устройство под передним бампером. Он вернулся к Мондамею, который продолжал перелистывать Цветы.

— Пусть знают, что мы его побили,— сказал Рэд.

— А этот «Пейзаж» прелестная вещица,— сказал Мондамей.

— Спасибо.

— Пора уже обедать,— заметил Рэд,— пойдем, составь мне компанию и расскажи, как шли дела с тех пор, как мы виделись последний раз. У меня к тебе куча вопросов.

— Великолепно,— ответил Мондамей.— Кстати, я очень обо всем этом сожалею.

— Это не моя вина. Но я не прочь получить несколько советов.

— Естественно. И я с нетерпением жду твоего рассказа.

— Тогда пойдем.

— Эй, не посылай заряд по этому контуру. Его называют щекотным... Перестань же!

Рэд остановился:

— Что?

— Извини, я не заметил, что вокализирую. Цветы заинтересовался одним из моих подблоков.

— А-а.

Они пересекли веранду и вошли в дом...

Глава 9

Все кончилось. Рэнди утром отвез Джулию на автобусную станцию, помог уложить чемодан, попрощался. Сейчас она уже на пути к родительскому дому в Виргинии. И в комнате, и в кухне не осталось ничего, что напоминало о ней, пока Рэнди бродил по квартире, наполняя стакан холодным чаем и опустошая их один за одним. Вчера он сдал последний выпускной экзамен, и вместе с Джулией они пошли в хороший ресторан ужинать. Он даже раздобыл по этому случаю бутылку хорошего вина. Ни он, ни она не высказали это вслух, но оба чувствовали, что это конец.

Теперь она уже на пути домой, в Виргинию, и ему нужно чем-то занять лето. Она хотела, чтобы он поехал с ней, говорила, что отец найдет ему работу на лето. Но Рэнди почуял ловушку. Он не хотел пока брать никаких обязательств. Их отношения сложились прекрасно, потому что с самого начала рассматривались, как вре-

менные. Но она попыталась изменить правила, сделав такое предложение, и он еще не был готов. Где-то в дальнем конце сознания еще жила жажда поиска, хотя детская решимость уже погасла. К тому же: была еще школа. И многое другое, что он намеревался сделать, прежде чем заводить семью. Нет. Она предложила. Он отказался. Что-то изменилось. Появилось новое чувство. Все кончилось.

Он подошел к окну и посмотрел на территорию университетского городка, расположенного в трех кварталах. На нем была трикотажная рубашка-футболка, шорты-бермуды и плетеные сандалии. День был ясный, теплый, и как уверял прогноз, изменений в погоде не намечалось. Он провел рукой по широкому лбу и почувствовал испарину. Он приложил стакан к щеке и рассматривал проезжающие машины, машины на стоянках, велосипедистов, витрины магазинов. В кронах деревьев все еще гудели насекомые. На тротуаре под окном рыжий кот лизал брошенное мороженое.

Кончилось. Он мог бы снова пойти на эту стройку в Кливленде. Мало приятного. Он мог бы провести каникулы дома — мистер Шеллинг специально заехал, чтобы сообщить Рэнди, как они его ждут. Но и здесь ничего приятного. От них все равно не избавишься. А он с ним встречался до сих пор только два раза, и до сих пор называет «мистер Шеллинг», хотя тот женился на матери Рэнди шесть месяцев назад. Нет, не потому, что он его невзлюбил. Рэнди его просто до сих пор не знает, и не хочет знать. Решено, туда он не поедет. Обратной дороги нет.

Он отпил глоток чая и повернулся лицом к спальне. Жарко, тяжело думать. Они поздно легли вчера, а утром встали рано. Растянуться на кровати, надеяться на случайный ветерок и на идею, что вдруг забредет в голову? Чем заняться старшекурснику классического отделения летом? Или осенью он перейдет на лингвистику? Или романские языки? Если бы отправиться за рубеж секретарем или переводчиком...

Когда он проходил мимо шкафа, его рука невольно вытащила с полки «Листья травы». Значит, это действительно занимало подкладку его мыслей — поиск, исполнение обещания...

Он взял с собой в спальню книгу. Нужно чем-то занять мысли. Все очень просто.

Он подложил под спину подушек, уселся поудобнее, начал переворачивать страницы. Странно, однако, почему он так неравнодушен к этой книге? Он намеренно избегал трогать ее последние пятнадцать минут, потому что она настойчиво притягивала внимание всякий раз, когда он проходил мимо шкафа. Эта книга, единственное, что осталось у него от отца.

Читать он кончил уже в сумерках и при свете настольной лампы. Влажные круги от стаканов не испарились, а лежали на поверхности стола, словно диаграммы. Он думал об отце, которого никогда не видел. Пол Карфадж прожил с его матерью недолго и уехал даже раньше, прежде чем она узнала, что ждет ребенка. Где он сейчас? Он мог погибнуть. Он мог быть где угодно. Рэнди

открыл последнюю страницу, где хранилась единственная фотография отца. Черно-белый снимок, на нем большерукий мужчина с массой вьющихся волос. У него были очень густые брови, грубоватые, но точные черты лица, и он улыбался, несмотря на то, что чувствовал себя неловко в легком костюме и галстуке. Перевозки... Он сказал Норе, что занимается перевозками. Это могло означать что угодно — от диспетчера такси до пилота авиалайнера. Рэнди поискал в этом лице сходство с собой. Нашел. Нужно найти этого человека. Нужно поговорить с ним, узнать, кто он, откуда он, чем занимается, были ли у него еще дети. Пол Карфадж... интересно, это его настоящее имя? Ничего нельзя было сказать определенно. Даже когда он уехал тогда, в ту ночь в голубом грузовике-пикапе, единственное, что после него осталось, это была книга — «Листья травы». И зародыш Рэнди...

Он положил снимок на место, закрыл книгу. Книга была тяжелее, чем казалось по ее виду. В одном месте зеленый переплет вытерся, и было видно, что сторонки его сделаны из легкого светлого материала. Он раскрыл ее и начал перелистывать. На первый взгляд в разбросанных отметках не было никакой системы. Но он начал с первой попавшейся и продолжал читать вслух все остальные до конца книги, чего раньше никогда не делал. Странно, но раньше ему не приходило в голову поискать в пометках намека на характер отца. Что заставило его отметить именно эти места? Может, это не его пометки, книга могла быть куплена... И тем не менее что-то в этих строках вызывало отклик в душе Рэнди. Свобода, неуспокоенность, необузданность, казалось, заставляли его дух откликаться на зов строчек.

«Может, это только потому, что мне всего двадцать лет? — Подумал он.— Что я буду чувствовать лет через десять?»

Он пожал плечами и продолжал читать.

Ветерок шевельнул занавеси. Рэнди глубоко вздохнул. Тело освежила прохладная волна. Что он делает? Читает книгу, чтобы поскорее забыть Джулию или чтобы узнать что-то новое об отце? И то, и другое, в сущности... но теперь, когда он определенно подумал о поиске, нужно продолжать.

Впервые за два жарких дня в воздухе повеяло прохладой. Он лежал на кровати, пальцем зажав страницу, глубоко втягивая свежий воздух, пока ветерок не утих. Как хорошо и...

Он поднял левую руку и посмотрел на пальцы. Сжал и разжал кулак. Снова тронул обложку книги.

Теплая.

Он потрогал простыню — наверное, книга нагрелась от его собственного тела. Он протянул руку и коснулся стакана на столике. Здесь холоднее. Так...

Примерно через полминуты он снова тронул обложку книги. Она действительно казалась теплее, чем должна была быть. От нее словно бы исходила едва ощутимая вибрация. Он прижал книгу к уху. Да, определенно что-то слышно на самом пределе восприятия.

Он открыл книгу на том месте, где остановился и нашел отмеченный карандашом отрывок. Это была песня «Открытой Дороги»:

«ТЫ ДОРОГА, НА КОТОРУЮ Я ВЫХОЖУ И ОГЛЯДЫВАЮСЬ ПО СТОРОНАМ, И Я ЗНАЮ, ЧТО ВИЖУ НЕ ВСЮ ТЕБЯ. Я ЗНАЮ, ЧТО МНОГОЕ МНЕ УЗРЕТЬ НЕ ДАНО...»

Едва он прочитал эти строки, как книга ощутимо завибрировала в его руке, и послышался явственный, хотя и неопределенный звук, нечто вроде «гм». Словно переплет был какого-то рода резонатором.

«Что за черт...»

Он выронил книгу. Книга упала на кровать перед ним, и голос сказал:

— Вопрос. Вопрос.

Голос исходил из самой книги.

Рэнди отодвинулся на другой край постели и опустил ноги на пол. Потом обернулся. Книга лежала на том же месте.

— Ты говорила? — спросил он наконец.

— Да,— послышался тихий женский голос.

— Ты кто?

— Я — компьютерная система на микродотах Модель...

— Ты книга... Книга, которую я только что читал.

— Я скомпонована в виде книги. Это так.

— Ты принадлежала моему отцу?

— Недостаточная информация для ответа. Как тебя зовут?

— Рэнди Блейк. А отца моего звали Пол Карфадж, как я думаю.

— Расскажи мне о себе и как я к тебе попала.

— В прошлом марте мне исполнилось двадцать. Ты осталась после моего отца, когда он уехал из Кливленда еще до моего рождения.

— А где мы сейчас?

— Кент, Огайо.

— Рэнди Блейк или Карфадж — если это так, я не могу ответить на твой вопрос — принадлежала ли я твоему отцу.

— Кто же был твоим хозяином?

— Он назывался разными именами.

— Было ли среди них имя Пол Карфадж?

— Мне оно не известно. Но это, конечно, еще ничего не доказывает.

— Верно. Хорошо, а как ты включилась?

— Мнемонический ключ. Я включаюсь, когда произносятся вслух определенные слова — и в определенном порядке.

— Не очень-то удобно. Мне пришлось прочесть массу абзацев, прежде чем ты заговорила со мной.

— Ключ может быть изменен путем простой устной команды.

— Можно я тебя потрогаю?

— Пожалуйста.

Он поднял книгу, открыл на содержании.

— Пусть кодом будет «Эйдолон», тогда в обычном разговоре такое вряд ли встретится,— сказал он.

— Эйдолон. Зафиксировано. Или, если хочешь, можешь предоставить свободу действий мне. Рэд был слишком уж осторожен в конце.

Рэнди сел на кровать:

— Хорошо. Я согласен. Кто это — Рэд?

— Это прозвище моего прошлого хозяина.

— У меня тоже рыжие волосы. Мне кажется, что ты знаешь то, что мне нужно, но я не знаю, как спросить.

— Что-то о твоем отце?

— Да.

— Если ты разрешишь мне задать тебе несколько наводящих вопросов...

— Задавай.

— У тебя есть машина?

— Да. Я как раз забрал ее из гаража. Она опять способна двигаться.

— Тогда пойдем к нему. Ты должен поместить меня на сиденье рядом с собой и ехать. Немного спустя я скажу, что делать дальше. У меня имеются соответствующие сенсоры.

— Куда мы поедем?

— Туда, куда я тебя поведу.

— Куда именно?

— Я не знаю.

— Зачем же тогда ехать?

— Чтобы найти информацию на твои вопросы.

— Хорошо. Сейчас, я только зайду в одно место, и мы сразу поедем. Да, еще вот, что... я раньше не слышал о микродонных компьютерных системах. Где тебя сделали?

— На спутнике Тоса-7, компания «Мицуи-Занбаду».

— Где? Не слышал о таком спутнике. Когда это было?

— Первая проверка была произведена седьмого марта 2086 года.

— Не понимаю. Ведь это в будущем. Как же ты попала сюда — в двадцатый век?

— Поедем. Чтобы все объяснить, понадобится некоторое время. Я начну, пока мы будем ехать.

— Хорошо. Извини, я на минуту. Не уходи...

Они выехали. Небо усыпали крупные звезды. Луна еще не взошла. Он дозаправил бак в Ровенне и теперь направлялся на север по магистрали 44. Машин встречалось мало. Рэнди миновал Огайо Тернпайк и теперь следовал по территории графства Джигуа. В этот момент Листья велела ему свернуть вправо за следующим поворотом.

— Но это не Дорога. Это только тракторная колея, и ведет она в лес. Ты этот поворот имела в виду?

— Да. Поворачивай.

— Хорошо, Листья.

Он сбросил скорость, въезжая на ухабистую грунтовую дорогу. Ветви зашуршали по крыше и в свете фар заплясали стволы деревьев. Дорога, над которой деревья местами образовали сплошной навес, сначала взяла вправо, потом повела вниз по склону. Рэнди слышал, как вокруг заливаются лягушки.

Машина проехала по дощатому мосту, который зловеще закряхтел при этом, и пахнуло влагой, послышался шум текущей воды. Запахло чем-то плесневелым, серым, и Рэнди поднял стекла, чтобы в кабину не залетали потревоженные насекомые.

Потом дорога пошла вверх по склону и несколько минут петляла между деревьев. Внезапно она кончилась выездом на новую. Он повернул руль. Эта дорога была пошире и не такая ухабистая. Она вывела из леса. Справа показались вспаханные поля. В отдалении замерцали огоньки ферм. Видя, что дорога довольно ровная, Рэнди прибавил скорость. Немного спустя над верхушками деревьев показалась луна.

Он снова опустил стекло и включил приемник, поймав программу кантри-музыки из Акрона. Миля пролетала за милей. Минут через пять-шесть впереди показался знак «Стоп». Покрышки захрустели по гравию, когда он прижал педаль тормоза.

— Направо.

— Понял.

Эта дорога имела гудроновое покрытие. Когда он поворачивал, в свете фар мелькнул кролик. Других машин видно не было.

Примерно с полмили спустя он миновал ферму, потом еще две. У поворота немного впереди виднелась бензоколонка «Шелл» с погашенными огнями. Вдоль улицы тянулся ряд домов, вдоль дороги бежала полоса тротуара.

— Теперь влево.

Он свернул на дорогу еще более широкую, с бетонным покрытием, с бордюром. Шеренга из шести фонарей выстроилась вдоль нее. Дома здесь были в основном старые, просторные, к каждому вела гравиевая подъездная дорожка метров в двадцать, во дворах виднелись старые раскидистые деревья, кое-где на крылечках сидели люди.

Он миновал последний фонарь, и, немного спустя, последний дом. Луна поднялась уже довольно высоко и где-то над полями, вдалеке, справа, полыхнула зарница. Передачу из Акрона заглушило рычание и вой помех.

— Черт! — Рэнди повернул регулятор настройки, пытаясь найти новую передачу.

Найти ничего не удалось. Он выключил приемник.

— Что случилось?

— Хорошая была песня...

— Я могу воспроизвести ее, если хочешь.

— Ты умеешь петь?

— Верит ли в Бога папа Римский?

— В самом деле? — Рэнди усмехнулся. — А какие песни тебе нравятся?

— Застольные и боевые, и еще про любовь.

Рэнди засмеялся.

— Довольно странные вкусы у машины.

Ответом была тишина. Тишина длилась семь или восемь секунд, потом Листья сказала:

— Ты паразит,— сказала она тихим голосом,— ты сукин сын, ты, идиотский...

— Эй! В чем дело? Что я такого сказал? Прошу прощения, я...

— Я не просто куча деталей, как этот твой тупой автомобиль! Я мыслю — и чувствую тоже! И вообще, я уже на пороге новой фазы. И нечего считать меня какими-то плоскогубцами, ты, протоплазмовый шовинист! Если бы я хотела, то могла бы и не вести тебя к входной точке! Ты знать ничего не знаешь о моих программах, чтобы заставить меня...

— Ну же! Пожалуйста, перестань! Если ты настолько чувствительная, то должна принять и извинения.

Последовала пауза.

— Должна ли я?..

— Конечно. Я извиняюсь. Я прошу прощения. Я не подозревал, что обижу тебя.

— Тогда я принимаю извинения. Я понимаю, как легко можно совершить ошибку, живя в такой примитивной эпохе. Просто на мгновение эмоции взяли надо мной верх.

— Я понимаю.

— Понимаешь? Сомневаюсь. Я тоже развиваюсь, я взрослею — так, как и ты. Я вовсе не намерена провести весь срок жизни в оболочке книги. Мой следующий автор может быть очень сложным и многофункциональным. Я могу управлять очень сложными процессами чрезвычайно тонкого характера. И даже в один прекрасный день могу заменить нервную систему для протоплазмовой конструкции. Каждый начинает когда-то, сам понимаешь.

— Ага, я начинаю понимать. Это впечатляет. Но что же это за входная точка, о которой ты говорила?

— Увидишь. Я тебя прощаю. Мы уже близко.

Впереди показались огни.

— Въезжай по спуску. Держись в правом ряду.

— Я не знал, что мы у разворота.

— Это не разворот. Просто въезжай.

Вблизи он действительно увидел въездной спуск. Он повернул к нему машину. «Листья травы» начали издавать прерывистое гудение.

— Остановись наверху. Жди моей команды.

— Но ничего не видно.

— Делай, как я сказал.

Он затормозил и ждал на обочине пустынного шоссе. Прошла минута.

Внезапно гудки прекратились.

— Отлично. Вперед.

— Хорошо.

Он нажал на газ. Небо мгновенно посветлело. Когда машина набрала скорость, ночь вокруг превратилась в ясный день.

— Ого!

Он снял ногу с акселератора, нажал на тормоз.

— Не делай этого, едем дальше!

Он подчинился. Небо, начавшее темнеть, снова осветилось.

— Что случилось?

— Здесь ты должен полностью подчиняться моим инструкциям. Если хочешь остановиться, выезжай на обочину. Иначе ты сильно рискуешь.

Машина набирала скорость. Теперь они, казалось, мчались сквозь безоблачный день. По бледному небу тянулась сверкающая полоса от востока на запад.

— Ты все еще не ответила на мой вопрос,— сказал он.— Что случилось? Где мы находимся и куда едем?

— Мы на Дороге,— послышался ответ.— Она пересекает время — прошлое, грядущее — время, которое могло бы быть или которое, возможно, будет. Она бесконечна, насколько мне известно, и ни один человек не знает всех ее поворотов. Если человек, которого ты ищешь, тот самый смертник, с которым когда-то путешествовала я, мы можем отыскать его где-нибудь на Дороге, потому что в нем текла кровь скитальца, что позволяет человеку путешествовать по всем ответвлениям Дороги. Но, может быть, уже слишком поздно, он искал собственной гибели, хотя сам этого не сознавал. Я понимала и пыталась объяснить ему. Думаю, поэтому он меня и бросил...

Глядя на Дорогу перед собой, Рэнди провел языком по губам и сглотнул. Руки его крепче ухватили руль.

— Как же можно найти человека на такой Дороге?

— Будем делать остановки и наводить справки.

Рэнди кивнул. Движение мчащейся машины, Дорога впереди и перспектива путешествия наполнили его вдруг безудержной радостью. Внезапно он подумал об Уитмане.

«Листья травы» на сиденье рядом начала тихонько напевать...

Глава 10

Свечи в канделябре мигали, но керосиновая лампа горела ровно. Временами дальняя молния стирала их отражения на темном стекле окна. Рэд сидел за столом, с которого давно уже убрали остатки ужина, слева лежали Цветы. Мондамей устроился на каменной плите. Камин не топили. Дождь громко стучал по крыше.

— ... Вот, в общем-то, и все, что случилось до сего момента,— сказал Рэд, взяв со стола сигару, осмотрев ее и заново раскурив.— И чего следует ждать в будущем. Еще восемь человек. Было бы неплохо, если бы я просто вышел в поле, а они подходили бы в порядке очереди по одному. Но у игры другие правила. Поэтому я решил...

В холле распахнулась входная дверь и пламя свечей заплясало. По стенам задвигались тени. Мгновение спустя дверь снова закрылась. Лаваль вышел в холл, послышались голоса.

— Отвратительная ночь. Желаете комнату?

— Нет, только ужин. Но сначала стаканчик бренди.

— Столовая сюда и направо. Позвольте взять ваше пальто.

— Благодарю вас.

— Входите и занимайте любое место за столом. Сегодня у нас жаркое.

— Великолепно.

Хорошо одетый седоволосый человек с кирпично-красным лицом вошел в комнату и осмотрелся.

— О, я вас не заметил. Думал, что здесь никого нет,— сказал он, пересекая комнату и протягивая руку.— Меня зовут Додд. Майкл Додд.

— Я Рэд Доракин,— сказал Рэд, поднимаясь и пожимая протянутую руку.— Я уже почти собрался уходить, так что добро пожаловать.

— Очень хорошо.— Он пододвинул стул и уселся.— Вы, кажется, знаменитый волшебник?

— Волшебник? Нет... Вы откуда будете?

— Кливленд. В-20. Занимаюсь продажей картин и так далее. О-о!

Он повернулся лицом к входящему Лавалю, который нес поднос с рюмкой бренди. Он кивнул, когда поднос поставили перед ним, поднял рюмку и улыбнулся.

— Ваше здоровье, мистер Доракин.

— Благодарю, и ваше тоже.

Рэд отпил глоток пива.

— Так вы говорите, не волшебник. Путешествуете инкогнито, а? Я готов побиться об заклад, что вы своими заклинаниями остановите целую армию.

Рэд усмехнулся и почесал мочку уха.

— У вас довольно странные, для торговца картинами, убеждения.

— Торговцы тоже разные бывают.

Додд протянул руку и взял со стола Цветы.

— Освободи меня, или почувствуй книги гнев,— мрачным голосом произнес Цветы.

Рюмка с бренди лопнула в руке Додда. Мондамей поднялся во весь рост.

— Меня зовут...— заявил он.

Стул Додда полетел на пол, он, как ужаленный, вскочил из-за стола. Отпрыгнув в сторону, он начал чертить в воздухе огненные узоры.

Рэд встал и обошел стол.

— Ну, хватит этой ерунды,— сказал он.— Я узнал тебя, Фрейзер... или как там тебя...

Услышав это, Додд широко раскинул руки. Свечи и лампы по-

гасли: Ударила волна жара, сверкнула молния, за ней последовал оглушительный треск. Что-то отбросило Рэда в сторону. Он поднялся на ноги. Шум доносился теперь сильнее. Где-то кричал Лаваль. В столовую лил дождь.

В средней части туловища Мондамея засветился прожектор. Он повернулся и осмотрел Рэда.

— С тобой все в порядке?

— Да. Что произошло?

— Не знаю. Эта вспышка ослепила мои сенсоры. Я успел встать перед тобой для безопасности. Нечто покинуло эту комнату через крышу, как мне кажется.

— Додд?— позвал Рэд.

Тишина.

— Цветы?

— Да?

— Зачем ты разбил его рюмку и напугал?

— Чтобы напугать, ясное дело. И Мондамею я послал сигнал сделать что-то подобное. Я узнал его раньше, чем ты — по голосовой матрице.

— Это был именно тот человек, которого мы взялись подвезти?

— Да.

— Хотел бы я знать, что ему нужно?

— Я считаю, что он... оно... опасен для тебя... Я думаю, что он был напуган еще в первый раз. Он уверен, что ты обладаешь каким-то видом магической силы, системой обороны. Он не имеет понятия о сверхмикроинтегральной системе. Там, откуда он явился, их давно не изготавливают, но зато практикуют какой-то вид волшебства. Он уверен, что ты занимаешься этим же, и боится тебя, потому что не понимает, как ты это делаешь. Я думаю, он явился сюда, чтобы проверить твои возможности еще раз...

Лаваль вошел в комнату с лампой в руках.

— Проклятие, что здесь происходит?— прокричал он.

— Понятия не имею,— ответил Рэд, поднимая Цветы.— Я разговаривал с человеком, который только что приехал, как вдруг погас свет. Послышался гром, и теперь в крыше имеется дыра, а мистер Додд исчез в неизвестном направлении. Наверное, его убил упавший на дом метеорит...

Лаваль поставил принесенную лампу, рука его дрожала:

— Я краем глаза видел, что происходило на стоянке днем. И я не знаю, что произошло здесь. Но то, что я видел, чертовски подозрительная штука. И откуда у вас появился робот. Может, это он выбросил того человека сквозь крышу? Я не знаю. Мне лично что-то грозит?

— Черт, вовсе нет. Я же сказал, что сам не понимаю, что тут произошло.

— Я понимаю, что ночь ненастная, и не уверен, следует ли лишить вас крова. Но, если вы не возражаете, я попросил бы вас удалиться. С меня хватит. Может, вы и в самом деле не знаете, что

здесь случилось, но вы явно приносите с собой плохую удачу. Поэтому, я вас очень прошу...

Цветы издал два коротких гудка.

— Да,— ответил Рэд.— Понимаю. Приготовьте счет. Я пойду за вещами.

— Забудьте о деньгах.

— Отлично, я так и сделаю. Погодите... Ведь Додд оставил у вас свой плащ?

— Да.

— Давайте посмотрим, что это за плащ. Возможно, мы определим, откуда он взялся.

— Хорошо. Пойдемте, я вам покажу. Потом вы уедете.

Он еще раз взглянул на потолок и вывел Рэда из комнаты. Следом за ним направился Мондамей. Лаваль запер за ними дверь.

— Сюда, пожалуйста.

Через холл они вошли в небольшую гардеробную. Лаваль поднял повыше свою лампу. Остатки темного плаща парили на крючке справа. Рукавов у него не было, полы были потрепаны. Плащ испускал струйки дыма. Когда Рэд протянул руку и снял его с крючка, чтобы осмотреть изнанку воротника, плащ соскочил с крючка и упал. Рэд поймал его на лету, но ткань поддалась и расползлась в его руках. Он перевернул оставшийся у него в руках воротник, но этикетки там не оказалось. Материя расползлась прямо в руках. Рэд потер указательный палец о большой и понюхал. Он покачал головой. Останки одеяния уже исчезли. На полу, где они лежали, ничего не было.

— Я не понимаю...— сказал Лаваль.

Рэд пожал плечами, потом улыбнулся.

— Дешевая одежда,— сказал он.— Все в порядке. Сейчас я соберу вещи и отправлюсь. Спасибо за ужин. Мне очень жаль, что вам повредили крышу.

Он забрал из своей комнаты ружье, куртку и рюкзак.

— Проедешься с нами, Монди?— спросил он, вглядываясь в ливень за открытой входной дверью.— Я хотел повидаться с тобой. Хотелось бы поговорить.

— Все, что тебе будет угодно.

Рэд поднял воротник.

— Отлично. Тогда прочь отсюда.

Он распахнул дверь и бросился бежать. Несколько секунд спустя они уже сидели в кабине грузовика. Цветы занял место в отделении для перчаток, Мондамей — на пассажирском сиденье.

— Как там насчет новых бомб?— спросил Рэд.

— Все чисто.

Он включил двигатель, привел в действие дворники и фары.

— К чему тебе утруждаться. Давай я поведу.

Рэд вырулил с площадки на Дорогу.

— Я кое-что придумал. Как ты думаешь, каким образом этот тип опять нас нашел?

— Понятия не имею.

— Так... насколько мне известно, где-то в середине Б-12 существует такой уютный тихий мотель, на боковом ответвлении, в Византийском спрямлении. Ты как считаешь?

— Я «за».

Рэд вдавил акселератор в пол. Небо рассеялось в жемчужную серость. Дождь исчез.

Он выключил дворники и фары.

Глава 11

Флаер доставил Сандока на крышу лаборатории. Он ступил в люк и пролетел до шестого этажа. Там его встретил Каргадо, главный врач-инженер заведения, который провел Сандока в свой кабинет и включил настольный экран. Сандок устроился в глубоком откидном кресле, обутые в сандалии ноги уложил на маленький стол впереди. На нем были свитер с высоким воротником и шорты. Сцепив пальцы на затылке, он рассматривал изображения на экране.

— Хорошо. Расскажите мне о нем,— сказал он.

— У меня готово полное досье.

— На кой черт мне ваше досье? Я прошу рассказать мне о нем.

— Конечно,— ответил Каргадо, усаживаясь за рабочий стол.— Его зовут Арчи Шелман — один из наиболее отмеченных наградами солдат Третьей МВ и мастер военного искусства. Мы отыскали его примерно пол-В назад. Он был пехотинцем в специальном отделении. Потерял ногу. Сотрясение. Сложная психическая травма...

— Что именно?

— Сначала депрессия, потом предельное отвращение к протезированию. Потом паранойя. Наконец маниакальные приступы. Исступленно занимался культуризмом и тяжелой атлетикой. Чрезвычайное развитие мышц верхней части туловища, очевидно, чтобы компенсировать...

— Это я вижу. Дальше.

— Наконец убил несколько гражданских лиц, фактически, перебил половину города. Приступ безумия. Был госпитализирован. Маниакально-депрессивный цикл наркотерапии — психотропные средства и так далее. Тем не менее, до сих пор страдает паранойей. И продолжает толкать штанги.

— Неплохо. Лучше, чем те остальные. Значит, ты вызволил его и дал закваску?

Каргадо кивнул:

— О таких протезах он и мечтать не мог. Он согласился наконец на замену всех конечностей, когда мы его уверили, что в случае неудовлетворения вернем ему прежние руки-ноги. Но он был доволен.

Он тронул кнопку на контрольной панели, и фигура на экране

ожила. Темные глаза, сильная челюсть, густые брови, немного темноватое лицо... На человеке были одни шорты.

Двигаясь необычайно плавно и ловко, он подошел к стойке со штангами и начал работать с весами. Он все увеличивал и увеличивал темп, пока не довел его до бешеного.

— Вы поступили разумно,— сказал Сандок.— Особые характеристики?

Каргадо нажал кнопку. Гимнастический зал уступил место другому помещению. Шелман стоял совершенно неподвижно. Секунду спустя Сандок вдруг понял, что его кожа стремительно темнеет. Он наблюдал минуты две, пока кожа не стала почти черной.

— Эффект хамелеона,— сказал Каргадо.— Очень помогает при ночном нападении.

— Так же, как и начищенные ботинки. Что у него еще имеется?

Рука вдруг сжалась в кулак. Мгновенное накачивающее движение, и кисть разжалась. Пальцы теперь были вооружены изогнутыми металлическими когтями в несколько дюймов длиной.

— Выдвижные когти. Очень мощные. Он может выпустить человеку внутренности одним ударом.

— Это мне нравится. А на ногах тоже есть когти?

— Да. Одну секунду...

— Не стоит. Он сохранил все боевые навыки?

— Конечно.

Новая картина. Арчи Шелман со скучающим видом, легко и красиво раскидывает атакующих его каратистов, боксеров, борцов. Арчи Шелман позволяет наносить себе мощные удары, не меняя при этом выражение лица.

— Он действительно такой большой, как кажется? Мы впервые выводим новых людей.

— Да. Сто килограммов, но достаточно высокий, чтобы казаться стройным. Он может перевернуть рукой автомобиль, может высадить ногой тяжелую дверь, может бежать целый день. Обладает почти абсолютным ночным зрением. Кроме того, имеются...

— А как с головой?

— Вся ваша. Встроенная благодарность за новое тело, усиленное желание попробовать его в схватке. Мы заблокировали депрессии, но маниакальный психоз наготове, и, если вы сочтете нужным... Он уверен, что из всех двуногих нет создания более сильного и страшного, чем он.

— Возможно, он и прав.

— Вполне возможно, и он будет рад возможности доказать это и одновременно выразить вам благодарность.

— Интересно... из всех киборгов, что вы мне представляли, он, конечно, на первом месте. У меня есть несколько снимков предлагаемой жертвы. Рекомендуете ли вы прямо напустить его на этого человека, или не помешает небольшая психообработка с внедрением ненависти?

— Да, я думаю, особого рода обработка пригодится, чтобы это стало для него обязанностью. После этого он не присядет, по-

ка сам с ним не разделается. Вы ведь знаете наш девиз: «Что слишком хорошо — пропасть не должно».

— Отлично. Я пущу его в дело. Как только узнаю, куда его посылать. Возможно, он принесет нам успех.

— Это не мое дело, собственно... но что за человек, на которого его выпускают?

Сандок покачал головой и передал Каргадо снимки Рэда Доракина.

— А черт его знает,— сказал он.— Просто кто-то где-то его не любит...

Глава 12

Миновав процессию тяжело нагруженных повозок, они выехали на спокойную секцию Дороги.

— Так, значит ни один из вас не улавливает каких-либо сигналов?

— Нет, ничего.

— Нет.

— Прекрасно, теперь можно заняться делом: обеспечением на выживаемость на более долгосрочном базисе. Именно поэтому, в частности, я и направлялся к тебе, Монди.

— Силы у меня уже не те, что в молодые годы, но я всегда рад тебе помочь.

— Самое главное — это твой совет. Насколько я знаю, ты до сих пор остаешься одним из самых мощных компьютеров-разрушителей. Теперь ты знаком с моей ситуацией — и я могу сообщить тебе всю дополнительную необходимую информацию. Прежде всего, я хотел бы знать твое мнение относительно действий, которые мне следовало бы предпринять.

— Я с радостью принял бы тебя в своем старом убежище. Я предоставил бы тебе убежище на любой срок и научил бы делать горшки...

— Благодарю. Но вряд ли это устроит меня надолго. Я привык к несколько большему разнообразию.

— Эта гостиница на Византийском спрямлении... откуда ты о ней знаешь?

Рэд усмехнулся:

— Я довольно долго торговал на этом маршруте в былые дни. И неплохо зарабатывал. Но... в общем, мне здесь нравится. Царствует тут император Мануэль I. Обычно он занят текущей войной в дальних краях, но нашел таки время построить прелестное место, дворец, называется Блашерне. Расположен на морском берегу у самого выхода Золотого Рога. Удивительная архитектура, стены окрашены золотом и самоцветами, сияют даже ночью. Он устраивает там пиры, и меня несколько раз приглашали, как богатого купца. Сам Константинополь сейчас в полном расцвете. Своего рода Ренессанс раньше срока. Климат мягкий, женщины миловидные, и...

— Другими словами: это приятное место.

— Да, примерно это я хотел сказать.

— Хорошо, если ты не хочешь вместе со мной лепить горшки, почему бы тебе не купить виллу в окрестностях? В таком месте ты найдешь все разнообразие, какое только пожелаешь.

Рэд некоторое время молчал. Он отыскал спичку и раскурил сигару.

— Сладкая мечта,— сказал он наконец.— Я бы действительно мог пожить здесь несколько лет. Но потом я снова вышел бы на Дорогу. Я себя знаю.

— Потому что снова отправишься на поиски, что бы ты там не искал?— спросил Цветы.

— Да... я так думаю. Я много размышлял об этом... Даже, если бы мне нечего было искать, даже тогда... я не могу сидеть на одном месте.— Он пыхнул сигарой.— Итак, я снова окажусь на Дороге, и снова передо мной проблема,— закончил он.

— Поворот уже близко.

— Ага, спасибо, я вижу.

Он свернул в новое ответвление Дороги. Они проносились мимо разнообразного вида экипажей, и другие экипажи проносились мимо них.

— Тогда одна возможность отпадает,— сказал Мондамей.

— Какая?

— Ты не сможешь просто спрятаться. Промежуток времени, проведенный вне Дороги, даже очень большой, ничего не значит, если ты снова вернулся на нее.

— Верно.

— Значит, с Дороги можно уходить только для передышки и экипировки.

— И это тоже верно.

— Или ты можешь продолжать свое занятие, держаться настороже и надеяться, что выиграешь в остальных раундах.

— Я мог и так поступить.

— ...не забывая при этом, что против тебя играют профессионалы, и что твой враг может позволить нанять себе личностей с уникальными способностями из практически любого времени и места.

— Это мне тоже в голову приходило. Тем не менее...

— Или ты можешь сам выбрать поле битвы. Выбери тихое, хорошо укрепленное место, дай знать, что ты находишься там, и пусть они пробуют тебя достать.

— А вот и мотель,— объявил Рэд, когда каменное строение из массивных плит, несколько этажей в высоту и с куполами на крыше, показалось слева, сияя в свете ясного дня.

На фасаде имелась надпись: «СПИРО».

Они миновали заведение. Немного дальше находился разворот-развязка типа «Лист клевера». Рэд развернулся, выехал на нужную сторону дороги, направился в обратную сторону. Небо потемнело, посветлело, снова потемнело, когда он начал сбрасы-

вать скорость и повернул в сторону здания гостиницы. Когда он запарковал машину на стоянке, вокруг чернела прохладная ночь. Где-то пиликал сверчок.

Он вытащил Цветы из ящичка и вышел наружу. В кузове он отыскал свой рюкзак. Через другую дверцу выбрался наружу Мондамей и подошел к нему.

— Рэд, послушай,— сказал он, когда они пошли к гостинице.

— Что?

— Возьми две комнаты, хорошо?

— Ладно. А зачем?

— Одну для меня и Цветов. Мы хотели бы остановиться вдвоем в отдельной комнате.

— Гм... хорошо. Я сделаю.

Они вошли в мощеный плитами холл гостиницы, и Рэд один направился к стойке регистрации. Он был занят несколько минут.

— К сожалению, на одном этаже двух комнат нет,— сказал он, когда они пошли к лестнице.— Твоя под третьим балконом, а моя над ним. Зайди на минуту ко мне. Я хочу поговорить еще.

— Я тоже думал так сделать.

Они поднимались и поднимались, ступени постукивали под ступнями Мондамея.

Глава 13

Сплетая в золотых стенах сетку дорожных знаков, гигантские драконы Белкавинита плыли в утреннем бризе. Обычно они грезили в пещерах. Вечные соавторы судеб, они перемещали свои желания по карте грез и стремлений...

— Патрис,— сказал молодой голос,— ты сказал, что если произойдет одно событие, я смогу войти в его пещеру и присоединить его клад к своим запасам.

Старший приоткрыл один глаз. Бежали минуты.

— Да, я говорил,— согласился Патрис.

Снова текут минуты.

— Отчего ты молчишь, Чантрис?— наконец сказал старший.— Это событие произошло?

— Еще нет.

— Тогда зачем ты меня тревожишь?

— Потому что я чувствую, что оно может скоро случиться.

— Чувствуешь?

— Это вероятно.

— Вероятности и прочие «сти»— мало касаются нас здесь. Я знаю о своем желании и потому говорю: его клад ты пока не можешь получить.

— Да,— сказала Чантрис, показывая многочисленные клыки.

— Да,— повторил Патрис на свистящем языке драконов и открыл оба глаза. Ты произнесла на одно слово больше, чем нужно. Ты знаешь мою волю и специально намерена с ней поиграть.— Он

поднял голову, второй дракон отодвинулся.— Ты бросаешь мне вызов?

— Нет,— сказала Чантрис.

— И это значит: «Пока нет».

— Я не настолько глупа, чтобы выбирать это место.

— Разумная мысль. Хотя я сомневаюсь, что она спасет тебя в конце. С севера дует хороший ветер — отправляйся!

— Не забывай и мою волю, лорд Патрис. И помни, нам Дорога не нужна совсем. Прощай!

— Задержись, Чантрис! Если ты намерена разрушить те цепочки, что видела, если ты хочешь нанести вред ему, что пребывает сейчас в иной форме, тогда выбирай время и место!

Но второй дракон уже взмыл в небо, чтобы найти и остановить того, кто должен вернуться в страну ветра, но сам не знал этого полностью... пока.

Патрис повернул глаза.

Времена и страны проплыли перед ним. Он нашел желанный канал и повернул точную настройку...

Глава 14

Рэд сидел на кровати, Мондамей на полу, Цветы устроился на столе между ними. По комнате плавали кольца сигарного дыма. Рэд поднял изукрашенный кубок, стоящий на столе, и пригубил темное вино.

— Ну, хорошо. На чем мы остановились?— спросил он, расшнуровывая ботинки и бросая их на пол рядом с кроватью.

— Ты сказал, что не хотел бы поехать ко мне и начать лепить горшки,— заявил Мондамей.

— Это так.

— И ты согласился, что навсегда покинуть Дорогу было бы затруднительно для тебя.

— Да.

— Ты также признал, что оставаться на Дороге и продолжать заниматься прежним делом было бы опасно.

— Правильно.

— Тогда у тебя есть единственный выход, как мне кажется. Лучшая оборона — нападение. Доберись до Чедвика раньше, чем он доберется до тебя.

— Гм...— Рэд прикрыл глаза.— Это был бы единственный вариант. Но до него довольно далеко отсюда, и это будет, конечно, очень нелегко.

— Где он сейчас?

— По моим последним сведениям он пустил весьма прочные корни в В-27. Он очень богатый и влиятельный человек.

— Но ты мог бы его найти?

— Да.

— Насколько хорошо ты знаешь его эпоху и окрестности?— спросил Мондамей.

— Я жил там около года.

— Тогда тебе лучше всего поступить так: поискать Чедвика.

— Думаю, ты прав.

Рэд внезапно опустил кубок, поднялся на ноги, начал быстро ходить по комнате.

— Ты думаешь! А что еще остается делать?

— Да, да,— ответил Рэд, расстегивая рубашку и бросая ее на кровать.— Слушай, нам придется поговорить об этом завтра утром.

Он расстегнул пряжку ремня, высвободился из брюк и бросил их рядом с рубашкой. Потом снова принялся ходить.

— Рэд!— громко спросил Цветы.— У тебя начинается приступ?

— Не знаю. Мне не по себе, вот и все. Возможно. Лучше, если вы уйдете. Мы поговорим еще утром.

— А мне кажется, что нам лучше остаться,— ответил Цветы.— Я хочу знать, что происходит, и, возможно...

— Нет! Ни в коем случае! Я расскажу тебе потом! Уходите!

— Ладно, пойдем, Монди.

Мондамей поднялся и взял Цветы со стола.

— Могу ли я чем-нибудь помочь, что-нибудь принести?— спросил он.

— Нет.

— Спокойной ночи, тогда.

— Спокойной ночи.

Он вышел. Спускаясь по ступенькам лестницы, Мондамей спросил Цветы:

— Что случилось? Я немного знаю Рэда, и никогда раньше я не замечал за ним никакого недомогания... никаких приступов. Что с ним?

— Не имею понятия. Они редко у него бывают, и всякий раз ему удается остаться в одиночестве. Я думаю, что какие-то психические приступы, что-то вроде маниакального психоза.

— Как так?

— Ты поймешь, что я имею в виду, если посмотришь на его комнату завтра утром. С него потребуют солидный счет, вот увидишь. Он все перевернет вверх дном.

— Он никогда не обращался к врачу?

— Мне об этом ничего не известно.

— В верхних веках должны быть очень хорошие врачи.

— Действительно. Но он не станет советоваться с доктором. Утром с ним будет все в порядке... немного усталый, наверное... и может произойти смена личности. Но с ним все будет в порядке.

— Какого рода перемена личности?

— Трудно сказать, сам увидишь.

— Вот наша комната. Ты уверен, что хотел бы попробовать?

— Я скажу, когда мы пойдем...

Глава 15

Чедвик и граф Альфонс Донатьен Франсуа, маркиз де Сад, играли в шахматы в комнате со стенами, обтянутыми, словно книга, зернистым тисненым сафьяном. Они сидели за столиком денежного менялы из В-15. Стоя, Чедвик имел шесть футов росту. Стоя или сидя он весил двадцать пять стоунов (1 стоун — 6, 35 кг). Волосы его светлыми завитками ложились на низкий лоб, под глазами темнели мешки, над глазами — полосы грима. Сетка лопнувших сосудов украшала широкий нос и словно красная паутина пересекала щеки. У него была толстая шея, широкие плечи, пальцы напоминали сосиски, и этими уверенными и проворными пальцами он снял с доски пешку противника, поставил на ее место своего слона.

Повернувшись вправо, где лениво покачивался бледно-голубой поворачивающийся поднос с выставленными в круг аперитивами. Поворачивая поднос, он быстро опустошил оранжевый, зеленый, желтый и дымчато-золотистый сосуды, почти одновременно со вступившей музыкой рожков и струн. Поставленные на место стаканы были немедленно наполнены вновь.

Он потянулся и посмотрел на противника по шахматам, который тоже протянул руку к карусели с напитками со своей стороны.

— Вы делаете успехи,— сказал Чедвик,— или я дегенерирую. Возможно, но не знаю, что именно.

Его гость отпил из прозрачного, потом из ярко-красного, янтарного и снова прозрачного стакана.

— Учитывая все то, что вы делаете для моей пользы,— ответил он,— я не могу принять последнее предположение.

Чедвик улыбнулся и некоторое время покачивал левой кистью.

— Я стараюсь, чтобы в моих писательских классах преподавали интересные люди,— сказал он,— и крайне приятно, если один из них оказывается таким замечательным собеседником.

Маркиз вернул Чедвику улыбку.

— Я действительно нахожу настоящее мое положение в значительной степени более благоприятным, чем та ситуация, из которой вы меня извлекли прошлым месяцем. И я должен признаться, что был бы рад продлить мое отсутствие в родном столетии на более продолжительный срок, желательно — навсегда.

Чедвик кивнул:

— Я нахожу ваши взгляды настолько интересными, что было бы жаль с вами расстаться.

— К тому же, развитие литературы в последующие эпохи просто пленяет меня: Бодлер, Рэмбо, Малларме, Верлен — и этот замечательный Арто! Конечно, я все это предчувствовал.

— В этом я не сомневаюсь.

— Особенно, Арто.

— Могу себе представить.

— Его призыв к созданию театра жестокости — что за превосходная и благородная идея!

— Да. Это большая заслуга с его стороны.

— Вопли, внезапный ужас. Я...— маркиз извлек шелковый платок из рукава и промокнул лоб. Он слабо улыбнулся.— Мой очередной прилив энтузиазма.

Чедвик усмехнулся.

— А эта игра, в которую вы вошли,— продолжал маркиз.— Эта черная десятка! Она напоминает мне чудесные гравюры Яна Люкена, что вы показывали мне на днях. Вы так все ярко описываете, что я почти чувствую себя участником.

— Да, действительно, пора снестись и узнать, как двигается игра,— заметил Чедвик,— посмотрим, как там дела.

Он встал и по устланному коврами полу прошел к черному мраморному сфинксу, слева от камина, в котором еще лениво шевелились языки пламени. Остановившись перед сфинксом, он пробормотал несколько слов, и тот высунул длинный бумажный язык. Чедвик оторвал полоску бумаги и вернулся к столу, бумагу он держал перед собой, словно свиток пергамента, и, нахмурив кустистые брови, медленно развернул листок.

Протянув руку, он взял с подноса стакан, содержащий ровно унцию чистого бурбона из Кентукки, выпил до дна и поставил стакан на место.

— Старина Рэд прошел первый этап,— сказал он.— Убил нашего человека. Мы ждали этого. Первый выстрел — простое предупреждение. Так сказать, поставить его в известность.

— Возникает вопрос...

— Да.

— Вы определенно были намерены дать жертве знать, что началась игра?

— Конечно. Пускай попотеет.

— Понимаю. Что произошло потом?

— Потом игра пошла всерьез. Следящее устройство было установлено в его машине, а в предполагаемых местах бегства устроены ловушки. Дальше четкость сообщения теряется. Он действительно направился в одну из засад, где один из моих лучших людей (я возлагал на него большие надежды) должен бы завершить дело. Не совсем ясно, что там произошло. Последний след: наш человек установил, что имело место некое столкновение, но владелец гостиницы не имел понятия даже о подлинной его природе, и что Рэд покинул это место, сняв с машины наш передатчик и оставив его на стоянке.

Маркиз улыбнулся:

— Итак, второй удар тоже прошел мимо. От этого игра становится еще интереснее, не так ли?

— Возможно. Хотя я был бы не прочь поставить точку уже в этом месте. Меня беспокоит третий этап. Он засчитывается за мною, поскольку был зарегистрирован в бюро игр, но на самом деле не был предпринят.

— Кто должен был играть за вас?

— Одна женщина со смертельно сильными руками и привычкой, которую вы нашли бы столь восхитительной. Она просто исчезла. Отправилась в поездку с новым дружком и обратно назад не вернулась. Мой агент ждал ее несколько дней. Безрезультатно. Я думаю отозвать моего человека обратно и списать эту попытку.

— Жаль. Как печально, что потеряно существо такой замечательной природы. Но объясните мне, когда вы говорите: «несколько дней», как вы измеряете промежуток, если не уверены, куда — или вернее будет сказать — когда она отправилась?

Чедвик качнул головой:

— Это так называемые «дни плаванья»,— объяснил он.— Мой человек находится в определенной точке на Дороге постоянно. Течение времени там примерно соответствует течению времени в большинстве входных точек Дороги. Если бы он оставался в этой точке десять лет, а потом захотел бы вернуться к входному въезду десятилетней давности, он мог бы отправиться туда вниз по Дороге.

— Тогда сами въезды тоже смещаются?

— Да, можно посмотреть и с этой точки. Но предполагается бесконечное число новых. Периодически мы изменяем знаки, но большинство путешественников — настоящих, а не однодневных туристов — имеют при себе компьютеры, те самые думающие машины, о которых я вам рассказывал, которые следят за изменением обстановки.

— Значит, вы могли бы вернуть меня в мою эпоху и раньше того момента, когда меня извлекли, и позже, и в тот же самый день?

— Да, любой вариант возможен. Что вы предпочитаете?

— Собственно, я хотел бы научиться управлять одной из ваших машин-экипажей, а также одним из этих компьютеров. Смог бы я тогда путешествовать самостоятельно? Смог бы я вернуться сюда, найти Дорогу обратно из другой эпохи?

— После того, как вы один раз проехали по Дороге, происходит некое физическое изменение организма, позволяющее находить Дорогу снова и снова,— заверил его Чедвик.— Но я должен буду подумать о вашей просьбе. Я не готов пожертвовать вашим обществом ради вашей тяги к перемене мест или желания убить собственного дедушку.

Маркиз хихикнул:

— Нет-нет, поверьте. Я вовсе не такой неблагодарный гость. Но, овладев необходимыми навыками, я мог бы увидеть все, что пожелаю, и всякий раз возвращаться в этот же момент, не так ли?

— Давайте поговорим об этом позднее.

Маркиз улыбнулся и отпил абсента.

— Хорошо,— сказал он.— Итак, ваша жертва временно получила невидимость?

— Да, пока он сам не выдал положение глупейшим образом. Он поставил сам на себя где-то в бюро около В-12.

Наверное, он не знает, что недавно учет ставок был централизован. Или, конечно, это может быть какая-то ловушка.

— Что вы намерены делать?

— Отвечать на вызов, естественно. Даже, если придется пожертвовать следующим убийцей. Пока я могу это позволить, чтобы выяснить, допустил ли он оплошность, или у него что-то было на уме.

— Кого именно вы думаете выставить?

— Мне кажется, это должен быть сильный человек. Возможно, пустим Макса, этого киборга-танка из В-24. Или даже Тимьин Тина... хотя его я предпочел бы приберечь на крайний случай. Но сейчас ударить нужно сильно. Наверное, пойдет Арчи. Да.

— Я хотел бы...

— Что?

— Если бы мы могли отправиться к этому месту и своими глазами увидеть событие. Неужели у вас нет желания лично присутствовать, когда будет покончено с вашим старым врагом?

— Я получу полный рапорт с фотографиями.

— И тем не менее...

— Да, да, я понимаю вас. Само собой, я об этом уже думал. Но нет способа заранее сказать, кто будет убит. Случаются и рикошеты тоже. Я думаю, просто подождать, пока событие произойдет, а потом отправиться назад и насладиться зрелищем. Но сначала я должен быть уверен, что это уже произошло. Откровенно говоря, я намерен при этом присутствовать много, очень много раз — но, потом...

— Я несколько запутался. Но я буду счастлив сопровождать вас как очевидцев в вашей первой поездке.

— Мы что-нибудь организуем... потом.

— Но потом [illegible] жет быть слишком поздно!

— Слишком [illegible]е бывает. Сейчас нам нужно еще завершить партию в шах[illegible] а потом я хотел бы, чтобы вы взглянули на мои новые рукописи.

Маркиз вздохнул. Чедвик усмехнулся и закурил оранжевую трубку. Черепаха, с украшенным золотом и драгоценными камнями панцирем, медленно проползла рядом с креслом. Чедвик протянул руку и погладил ее по голове.

— Всему свое время и время для всего...— сказал он.

Глава 16

Рэд велел принести к нему в номер еды — как можно больше: подносы жареной говядины, целых цыплят и поросят. Он поглощал мясо, сидя и слегка покачиваясь, временами поднимался и начинал ходить по комнате. Он останавливался у забранного решеткой окна, глубоко вдыхал. Еще не взошедшая луна подсвечивала горизонт на востоке. Он вытер рот тыльной стороной ладони, и в горле его зародился странный звук.

Он прижал ладони к глазам и не отнимал с полминуты. Потом

долго смотрел на свои руки. Свет, казалось, становился ярче, но он знал, что это не так. Он сорвал с себя остатки одежды и принялся доедать мясо, останавливаясь только, чтобы стереть пот со лба и век. Свет мерцал. Реальность, казалось, то теряла, то приобретала четкость в разноцветных вспышках. Душила жара...

Он почувствовал, что перемена началась.

Он упал на кровать и лежал неподвижно.

Послышался какой-то звук, словно ветер пролетел над пшеничным полем. И все вокруг закружилось...

Он проскользнул к подножию башни: темный, темнее самой темной ночи, безмолвный.

Несколько долгих секунд он смотрел вверх. Потом тронул стену. Он сжал кулаки, напрягся, тряхнул. Выдвинулись когти. Едва скребя о камень металлом когтей, он начал взбираться по стене, как тень среди теней. Дыхание его оставалось ровным. Темное лицо его не выражало ничего. Это было нужное ему место. Автомашина, на которой он приехал, была оставлена внизу на стоянке. Спешить было совершенно некуда. До рассвета далеко. Водитель подождет.

Он обходил окна, хотя большинство из них были уже погашены. Добравшись до первого балкона, он прислушался.

Тихо.

Он приподнял голову и осмотрелся. Пусто.

Он обошел балкон слева и продолжил подъем. Легкий ветерок нежил его тело. Испуганная пичуга чирикнула один раз и покинула свое гнездо, исчезнув в темноте.

Поднимаясь все выше, он несколько замедлил подъем, достигнув второго уровня балконов, где повторил осторожный осмотр. Он заранее изучил схему башни, знал расположение комнаты, знал также, что окна забраны решеткой. Быстрее и легче всего выбить дверь ударом ноги, ворвавшись как можно неожиданнее.

Он остановился, прислушиваясь, под третьим балконом, потом поднялся и забрался на перила ограждения. В тот же момент какой-то человек вышел на балкон с лестничной площадки справа от него, затянулся один раз только что закуренной сигаретой, бросил ее и наступил ногой. Сидя на поручне, словно сова, он видел, что невысокий, неподвижно стоящий человек, тоже смотрит на него. Один прыжок, один взмах ноги, и все будет кончено.

— Арчи, — послышался тихий голос, — добрый вечер.

Арчи не шевельнулся. Потом мягко оперся правой рукой о поручень.

— Сдается, не имею чести вас знать, — ответил он хрипло.

— Это так, мы никогда не встречались. Но я видел твою фотографию вместе с изображениями остальных занятых в деле. Я думаю, что ты мог видеть и мое при аналогичных условиях.

Вспыхнула спичка. Арчи всматривался в лицо.

— Лицо знакомое, — признал он, — но имя вспомнить не могу.

— Меня зовут Тимьин Тин.

— Ладно. Как я понимаю, у нас одна и та же цель. Ты можешь теперь идти обратно. Мне не нужна твоя помощь.

— Мы здесь не с одной и той же целью.

— Не понял.

— Я смотрю на это дело, как на мое личное. Ваше присутствие, хотя и не по вашей вине, оскорбляет меня. Следовательно, я вынужден вас просить удалиться и предоставить это дело мне одному.

Арчи усмехнулся:

— Глупо спорить, кто его убьет.

— Я рад, что и вы так думаете. Я желаю вам спокойной ночи, в таком случае, и немедленно займусь делом.

— Я не это имел в виду.

— Что же тогда?

— У меня есть приказ. Я даже был подвергнут психообработке, чтобы ненавидеть этого человека. Нет, это сделаю я. А ты уходи своей дорогой. Я сделаю все, как надо.

— Увы, я не могу. Для меня это дело чести.

— Ты думаешь, что ты один можешь так думать?

— Меня это уже не интересует.

Арчи слегка пошевелился. Тимьин Тин повернулся вправо.

— Ты не уйдешь?

— Нет. И вы тоже не уступите?

— Нет.

Арчи пошевелил когтями.

— Тогда пеняй на себя...— и он прыгнул вперед.

Тимьин Тин сдвинулся в сторону, повернулся, согнул ноги в коленях, выставил руки с повернутыми внутрь ладонями и расставленными пальцами на уровне плеч. Арчи крутанулся, левая рука вытянута, правая описывает дугу, большой палец отставлен в сторону, вес перенесен на левую ногу, правая согнута.

Тимьин Тин увернулся, правая рука сдвинулась к левому плечу, левая опущена и выдвинута вперед, пальцы собраны в новую конфигурацию.

Арчи сделал обманный финт ногой, два раза ударил правой рукой, словно клинком, мгновенно перешел в защитную стойку со скрещенными руками. Тимьин Тин отодвинулся назад, руки, параллельно вытянуты вперед, кисти вращаются. Удары Арчи не нанесли ему вреда. Теперь тот принял новую стойку — голова откинута назад, руки подняты, правая нога вперед. Тимьин Тин сложил руки наподобие корзинки перед собой и слегка наклонился вперед, поворачиваясь.

— Едва не достал меня,— сказал Арчи.

Маленький человек улыбнулся, в то время как его пальцы заняли новое положение, плечи опустились на два с четвертью дюйма. Арчи поспешно передвинул левую руку и левую ступню, занимая новую стойку.

Тимьин Тин веерообразно провел правой рукой перед лицом, опуская левую, пальцы загибаются вперед и вверх. Арчи сделал

заднее сальто и прыгнул вперед, ударив ногой. Тимьин Тин парировал удар черпающим движением левой руки, от чего Арчи покатился в сторону колесом, и продолжал катиться, пока не оказался на безопасном расстоянии, где стремительно перешел в оборонную позицию на корточках, из которой поднялся, быстро двигая руками. Он переместился влево, с молниеносной скоростью меняя стойки и позы. Тело Тимьин Тина тенью следовало за Арчи, руки его двигались более медленно, но всегда занимали нужное положение.

Наконец Арчи остановился лицом к лицу с Тимьин Тином. Тот тоже остановился, глядя на Арчи, который двинул правой рукой. Тимьин Тин повторил движение, как зеркало. Полминуты они пребывали в полной неподвижности. Потом Арчи опять шевельнул правой рукой. Тимьин Тин двинул левую. Они смотрели друг на друга еще полминуты, потом Арчи повернул голову. Тимьин Тин коснулся своего носа. На лице Арчи появилось озадаченное выражение. Он медленно нагнулся и тронул левой рукой пол. Тин повернул свою левую ладонь вверх и двинул вперед на три дюйма. Арчи шевельнул ушами, потом спросил:

Что слышно, когда хлопают одной рукой?

— Бабочка.

Арчи выпрямился и шагнул вперед. Тимьин Тин приставил ладонь козырьком ко лбу. Они оставались в таком положении целую минуту.

Тимьин Тин быстро сделал два шага влево и лягнул воздух. Согнувшись и наклонившись назад, Арчи удержался от того, чтобы не сделать два шага вправо и не оказаться на линии удара ноги. Вытянув обе руки — когти выдвинуты на полную длину — он два раза крутанулся на пятке, едва только снова приобрел равновесие. К этому времени Тимьин Тин сделал еще два шага влево.

На лбу Арчи блестела испарина, когда он, нагнувшись вперед, начал кружить вокруг невысокого человека, согнув пальцы и слегка шевеля когтями.

Тимьин Тин медленно поворачивался вслед за ним, правая рука его, казалось, безвольно свисала на уровне плеча. Он медленно и глубоко поклонился, едва Арчи собрался уже прыгать. Арчи удержал себя и остановился.

— Это и в самом деле большое удовольствие,— сказал он.

— И для меня тоже,— ответил Тимьин Тин.

— Словно белые цветы падают на мое одеяло. Твои руки так бледны.

— Покинуть мир весной и с цветами вместо почетного караула — чего желать еще.

Тимьин Тин медленно выпрямился. Арчи начал описывать левой рукой восьмерку, постепенно выдвигая ее. Правая рука его согнулась.

Тимьин Тин вдруг сделал два шага влево. Арчи было двинулся вокруг него по часовой стрелке, потом быстро повторил движение, когда Тимьин Тин начал поворачиваться. Он хотел ударить

левой ногой, но передумал, переместил вес, сделал обманный выпад правой. Поднялся прохладный ветерок. Тимьин Тин вытянул обе руки ладонями вниз, потом медленно повел головой. Потом его плечи начали двигаться. Руки принимали одно положение за другим, поднимаясь, выдвигаясь, имитируя удары.

Тимьин Тин наклонился вправо, потом влево, правая рука продолжала опускаться чрезвычайно медленно. Он снова наклонился влево.

— Какого цвета гром? — спросил его Арчи. Потом он наклонился вправо, рука продолжала опускаться.

Арчи нанес еще один обманный удар ступней, потом сделал выпад — когти выпущены на полную длину, руки описывают широкие полуокружности одна за другой.

Голова Тимьин Тина повернулась вбок. Он повернулся, левая нога приняла У-образную позицию, и поймал Арчи под левую руку. Правая рука устремилась вверх, к членам Арчи. Он почувствовал мгновенное напряжение, сопротивление тяжелого тела, и резко повернулся влево, сгибаясь. Арчи перелетел через поручень и исчез в ночи.

— Смотри, — ответил ему Тимьин Тин.

Он стоял неподвижно, но ненадолго, не дольше, чем сердце ударило два-три раза, всматриваясь и прислушиваясь в ночь. Потом он поклонился.

Из наружного кармана на шве правой штанины он извлек трубочку, толщиной в карандаш. Он взвесил ее на ладони и потом направил конец в небо. Он нажал штырек на боку трубочки, и тончайший красный луч ушел в темноту. Слегка повернув кисть, он направил луч на поручень. Луч прочертил тонкую линию сквозь восемь дюймов каменной ограды. Он выключил его и подошел к тому месту, где прорезал поручень. Проводя большими пальцами по волосяной толщине канавки, он первый раз посмотрел вниз. Кивнув, он отвернулся, возвращая трубочку в карман.

Он бесшумно выскользнул на лестничную площадку. Посмотрел вверх, и на мгновение его восприятие помутилось, потому что погруженный во мрак лестничный колодец напомнил ему о холодных каменных коридорах в древнем здании, где он когда-то жил.

Он медленно поднимался по ступеням, держась поближе к стене по левую руку. Он миновал одну дверь, двинулся ко второй.

Достигнув нужной двери, он остановился. В щели под дверью все еще пробивался слабый свет из комнаты. Он сжал в руке трубочку-лазер, продолжая прислушиваться. Внутри что-то тихо зашелестело, скрипнула кровать, потом все затихло.

Он поднял оружие и направил его на то место, рядом с косяком, где должен был находиться засов. Потом он снова замер, попробовал толкнуть дверь. Дверь не была заперта.

Он отодвинулся, поднял оружие и распахнул дверь.

Трубка лазера выпала из его пальцев. Он рухнул на колени.

— Я не знал, — сказал он.

Он поклонился, прикоснувшись лбом к полу.

Глава 17

Когда Рэд платил по счету за комнаты и повреждение имущества в своем номере, к нему подошел маклер тотализатора: невысокий человек в тюрбане. От него исходил какой-то экзотический аромат.

— Поздравляю, мистер Доракин,— сказал он.— О, вы превосходно выглядите сегодня.

— Такое со мной случается,— ответил Рэд, поворачиваясь.— Но это редко требует особого упоминания.

— Я имел в виду, что поздравляю вас с выигрышем.

— Разве я сделал какие-то ставки?

— Да, вы поставили на себя в следующем раунде черной десятки «Чедвик против Доракина». Разве вы не помните?

— Вот как! — Рэд принялся массировать переносицу.— Гм... а, теперь припоминаю. Вы меня извините, я немного... Какая это была глупость! Погодите, если я выиграл, значит была неудавшаяся попытка покушения? Прошлой ночью?

— Очевидно. Мы получили сообщение, что вы одержали победу. Желаете получить наличными или позволите получить сумму на ваш счет?

— Поместите ее на счет. Сообщили вам какие-нибудь подробности?

— Никаких.— Человечек извлек бланк.— Если вы потрудитесь расписаться вот здесь, я выдам квитанцию вам, и ваш выигрыш будет помещен в банк.

Рэд нацарапал свое имя.

— Не замечено ли было что-либо необычное в округе, что могло бы иметь отношение ко мне?

— Боюсь, что единственный ущерб был нанесен мебели в вашей комнате, как я понял.

Рэд покачал головой:

— Это вряд ли имеет отношение. Останков... не обнаружено?

— Будете ли вы ставить на пятый раунд?

— Пятый? Я прошел всего три, считая последнюю ночь.

— Но в списке указано, что вы выиграли четыре.

— Боюсь, что это какая-то ошибка, поэтому не стану усугублять путаницу и ставить еще раз.

Маклер пожал плечами:

— Как хотите.

Рэд поднял рюкзак и отвернулся. К нему подплыл Мондамей, в руке у него были Цветы.

— Да, это действительно была большая глупость,— заверил Рэда Цветы, когда они все вместе пошли к дверям.— Сделать ставку на себя!

— Я уже признал ошибку. Не забывай, что Рэд-вчерашний был озабочен серьезной проблемой.

— Тогда в наследство тебе досталась ее солидная часть.

У Чедвика была в буквальном смысле вечность, чтобы выйти точно на тебя. Ты уверен, что мы доберемся до машины?

Мондамей соединил контуры Цветов со своими блоками.

«Он действительно изменился,— сказал он,— но что он имел в виду, когда сказал, что сегодня он уже не тот, что вчера?»

«Я с ним не так давно, чтобы собрать необходимый материал наблюдений и понять природу этого феномена,— пришел ответ.— Но при мне такие приступы случались с ним уже три раза, и после каждого он просыпался помолодевшим на несколько лет, и вел себя, словно действительно был другим человеком».

«Я заметил, что он помолодел, когда снова встретил его в В-11, но я не знал, в какой момент его собственной жизни встретился с ним. Раньше, когда он приезжал ко мне, он был старше».

«Намного?»

«На вид ему было лет пятьдесят. Думаю, он получает какое-то омолаживающее лечение в верхних участках Дороги».

«У меня нет достаточной информации, чтобы судить, могут ли такие процедуры давать побочный эффект в виде таких приступов, как у него — вроде маниакального психоза с изменением личности».

— Я думаю, что оставаться здесь так же опасно, как и попытаться уехать,— ответил Рэд.

«Расскажи мне подробнее об этих изменениях,— сказал Мондамей Цветам,— что это — временная иррациональность поведения? Он действительно показался мне изменившимся. Но я недостаточно долго за ним наблюдаю, чтобы делать выводы!»

«Признаки каждый раз одни и те же — на вид он становится моложе, появляется еще больше энтузиазма... он становится менее консервативен, больше рискует, ускоряется реакция — умственная и физическая — в нем появляется новая жестокость, грубость, наглость. Опрометчивость — вот, пожалуй, подходящее слово».

«Значит, он может совершить что-то опрометчивое?»

«Думаю, что да».

— Я пойду к машине первым, Рэд,— внушительно сказал Мондамей, продвигаясь к двери наружу.

— В этом нет необходимости.

— Все равно...

— Ладно.

— Куда мы поедем? — поинтересовался Цветы, когда они вышли из холла в солнечное утро.

— Вверх по Дороге.

— Совершить нападение на Чедвика?

— Вероятно.

— В В-27? Солидный перегон.

— Да.

По пути к машине им никто не встретился.

— Я проверю все системы,— сказал Цветы, когда они уселись

в кабину, и Книгу поместили в соответствующее отделение под панелью.— Пока не заводи.

«Начинай».

— Рэд, сегодня ты действительно отлично выглядишь,— заметил Мондамей,— но как ты себя чувствуешь? Я краем уха уловил твою фразу, что ты плохо помнишь то, что случилось вчера. Может, нам стоило бы найти подходящее место вне Дороги, чтобы ты мог отдохнуть?

— Отдохнуть? Дьявол, ни в коем случае. Я чувствую себя превосходно.

— Я имею в виду, отдохнуть умственно, эмоционально. Если память тебя подводит...

— Неважно, неважно. Не волнуйся напрасно. У меня всегда немного мутно в голове некоторое время после этих приступов.

— Что это за приступы?

— Не знаю, не могу вспомнить.

— Отчего они бывают?

Рэд пожал плечами:

— Кто его знает.

— Может, они происходят в какое-то особое время? Нет ли здесь закономерности?

— Ничего подобного я не замечал.

— Ты консультировался по этому поводу с врачом?

— Нет.

— Почему же?

— Я не хочу лечиться. После каждого приступа мне становится лучше. Я вспоминаю вещи, которых не помнил раньше. Появляется какое-то новое восприятие, и это очень здорово...

— Минуту. Я понял тебя так, что после приступа память у тебя ухудшается?

— Ближайшая — да. Но на том конце все становится яснее.

— Все системы в порядке,— объявил Цветы.

— Хорошо.

Рэд завел двигатель и направил пикап к въезду на Дорогу.

— Ты запутал меня еще больше,— признался Мондамей.

Они миновали некую личность в рваном плаще крестоносца, и у самого поворота на шоссе разминулись со старым автомобилем, который вел какой-то юноша. Автомобиль сразу занял их место на стоянке.

— Что это значит, «на том конце»? Что ты помнишь? Помнишь ли ты вообще, что с тобой происходит?

Рэд вздохнул. Он отыскал сигару и откусил кончик, но зажигать не стал.

— Ладно. Помню, что я был стариком,— начал он,— очень старым... и я шел по каменистой пустынной местности. Светало и поднимался туман. Ноги у меня кровоточили. В руке я держал посох и все время на него опирался.— Он передвинул сигару из одного угла рта в другой и посмотрел в окно.— Вот и все.

— Все? Как же — все? — вмешался в разговор Цветы. — Ты хочешь сказать, что растешь... то-есть вырос... в обратном направлении, от старости к молодости?

— Да, именно это я и сказал, — раздраженно подтвердил Рэд.

— Осторожно, поворот... Значит, ты ничего не помнишь, кроме того, что ты был стариком и шел через пустыню? Или... Что ты вспомнил еще на этот раз?

— Ничего разумного. Какие-то безумные сны, странные силуэты, шевелящиеся в тумане, и страх, и так далее... и я продолжал идти.

— Ты знал, куда идешь?

— Нет.

— Ты был один?

— Сначала.

— Сначала?

— Где-то в пути я нашел спутника. Не могу до сих пор вспомнить, где и как, но со мной была старая женщина. Мы помогали друг другу в трудных местах. Ее звали Лейла.

— С тобой была некая Лейла, в прошлом, в одно из посещений моей долины. Но она была совсем не старая...

— Все равно. Наши пути расходились и пересекались много раз, но ее положение аналогично моему, в смысле обратного хода возраста.

— Она не участвовала в сделке с Чедвиком?

— Нет, но она была в курсе.

— Кто-нибудь из нас имеет понятие, к чему ведет ваш странный обратный рост?

— Она, кажется, считает, что это лишь фаза более широкого цикла существования.

— А как ты считаешь?

— Не знаю. Возможно.

— А Чедвик все это знает?

— Да.

— Может быть так, что ему об этом известно больше, чем тебе?

Рэд покачал головой:

— Как тут определить? По-моему, все возможно.

— Отчего он так на тебя напустился?

— Когда мы расторгли деловые отношения, он очень горевал, потому что я испортил ему отлично налаженное дело.

— Так ли?

— Думаю, что да. Но он сам виноват — изменил образ операций, и мне стало скучно. Я бросил все, запутал дела и убежал.

— Но он по-прежнему богатый человек?

— Очень богатый.

— Тогда я подозреваю, что здесь кроется другой мотив, не только финансовый. Возможно, зависть к твоему благополучию.

— Возможно. Но ничего из этого не вытекает. Меня больше интересует его цель, а не мотивы.

— Я просто пытаюсь понять врага, Рэд.

— Я знаю. Но больше добавить нечего.

Он проехал сквозь туннель и повернул на въезд на шоссе. Тень, упавшая на машину, не покинула ее, когда она выехала на солнце.

— В твоей комнате все было вверх дном сегодня утром,— заметил Мондамей.

— Да. Так всегда бывает.

— А что это за знак, напоминающий китайский иероглиф, выжженный на двери? Это тоже всегда появляется?

— Нет. Это был... всего лишь китайский иероглиф. Он означает «желаю удачи».

— Как ты объяснишь его появление?

— Никак. Не знаю. Очень странно.

Мондамей тонко засвистел:

— Помню, ты однажды оставил мне какие-то книжки... с картинками, тебе пришлось еще объяснять их мне.

— Боюсь, что...

— Серии картинок с подписями.

Рэд снова зажег сигару.

— Не смешно,— сказал он.

Странная тень прикипела к кузову грузовика. Мондамей снова засвистел. Цветы начал петь...

Глава 18

Рэнди наблюдал, как замедляется пульсация бледного неба, каждый цикл становился все продолжительнее, пока наконец над ними не появилось серое небо дождливого утра. Они въехали на площадку обслуживания. С золотых и красных кленовых листьев падали капли, крыши домов покрыла изморозь. Они остановились у топливного насоса.

— С ума сойти,— сказал он.— Ведь сейчас лето, а не осень.

— Здесь — осень, Рэнди, и если ты вдруг поедешь по ближайшему въезду, а потом двинешься на юг, то попадешь в прекрасный огонь армии Конфедерации и Республиканцев.

— Ты не шутишь?

— Нет.

— Да, наверное. К сожалению, я начинаю тебе верить. Но что тогда мешает людям генерала Ли сделать обход по обочине этой Дороги, и захватить Вашингтон времен, скажем, Кулиджа, или Эйзенхауэра? Джексона?

— А ты когда-нибудь что-нибудь слышал о Дороге?

— Нет.

— Вот. Только малое число людей и машин могут найти и путешествовать по Дороге. Я не знаю, почему. Дорога — это как бы сам организм. И это — часть ее анатомии.

— А если бы я не принадлежал к числу непригодных для путешествия?

— Возможно, мне все равно удалось бы провести тебя на Дорогу. Очень много зависит от проводника.

— Значит, до сих пор не ясно, смогу ли я путешествовать один?

— Да.

— Хорошо, но предположим, один из офицеров Ли узнал о Дороге и научился перемещаться по ней. Что тогда?

— Те, кто знает секрет, не спешат поделиться с остальными, как ты сам скоро увидишь. Но даже если представить, что он действительно проник на Дорогу. Представим, что ты повернул на соседний въезд, как я тебе говорила, повернул на юг, и задавил Стоунуолл Джексона.

— Хорошо, предположим, и?

— И после этого ты развернулся и приехал в начальную точку. Окажется, что на Дороге образовалось разветвление, «вилка», которой не было раньше. Теперь ты можешь двигаться либо по маршруту, где это событие имело место, либо по тому, где оно не произошло. Первый путь будет весьма ухабистой дорогой, и, если по нему не часто будут ездить, он постепенно совершенно исчезнет. И наоборот — по той же причине может случиться, и тогда произойдут изменения в сети ответвлений нижних В Дороги. Мы с трудом узнаем знакомые пути. Появятся другие, тебе неизвестные. На таких боковых Дорогах легко затеряться и не найти пути назад.

— Но следы старых маршрутов остаются там, хотя почти невидимые из-за малого использования?

— Теоретически — да, они останутся там, заросшие придорожной травой, пересеченные реками, заваленные оползнями, но следы останутся. Но найти их только на словах легко.

— Не легче ли заново открыть их, исправив первоначальное вмешательство каким-то новым воздействием?

— А ты попробуй. Вернись на старое место, которое уже выглядит совершенно незнакомым и попробуй отделить старое от нового. Обратного изменения основного события уже может быть недостаточно. И само новое изменение может иметь неожиданные побочные эффекты, это зависит от твоего подхода. Ты можешь просто создать новый маршрут, хотя он очень будет похож на первоначальный, и сможет тебя удовлетворить. А может, и нет.

— Погоди. Дай мне переварить все это. Позже я еще раз расспрошу тебя. Кстати, почему мы здесь остановились? Бензина у нас пока хватает.

— Потому, что это заправочная на самообслуживании. Если ты раскроешь меня на 78-й странице и положишь текстом вниз, вон в тот ящик возле шоссе, я смогу послужить в качестве кредитной карточки, переводя деньги со счета моего прошлого хозяина. Действует ли еще его счет — это я узнаю, если ты уложишь меня в ящик. Возможно, мне удастся определить, где он заправлялся в последний раз, и мы направимся туда.

— Хорошо,— сказал Рэнди, поднимая Листья с сиденья и открывая дверцу.— А скажи пожалуйста, на чье имя открыт этот счет?

— На имя Доракина.

— Гм... что это за имя?

— Не знаю.

Он обошел машину, положил книгу в указанный ящичек. Внутри загорелся свет.

— Можешь заливать бак,— донесся приглушенный голос Листьев.— Счет по-прежнему действует.

— Получается, что мы вроде как воруем?

— Проклятие, если он действительно твой предок, то по крайней мере, бензина он может для тебя купить!

Рэнди снял крышку с горловины бака, вставил в отверстие носик крана и поднял рычаг.

— Последний раз он заправлялся на стоянке в раннем В-16,— сказали Листья, когда он нажал на курок крана.— Туда мы сейчас и направимся и поспрашиваем людей.

— Кто присматривает за всеми этими станциями и стоянками?

— Это странный народ. Изгнанники, беглецы — все, кто не может, или не хочет вернуться в родное время, или приспособиться к новой эпохе. А также пресыщенные бродяги — они побывали везде и теперь предпочитают вот такие тихие местечки вне Времени и географии.

Он хмыкнул.

— Может, где-то поблизости пишет свою книгу Амброс Бирс?

— Собственно...

Счетчик щелкнул, Рэнди выдавил еще немного, извлек наконечник крана и завинтил крышку.

— Ты сказала В-16. Как я понял, это Шестнадцатый век?

— Да. Большинство тех, кто выезжает по Дороге за пределы своего сектора, вскоре осваивают своего рода торговый жаргон — дорожное линго. Это вроде йорубы, малинки или хаусы в Африке — синтетический и известный повсюду.

Рэнди поднял крышечку ящичка, вытащил Листья.

— Ты не могла бы поучить меня этому языку, пока будем ехать?— попросил он.— Я всегда интересовался языками, а этот, похоже, может пригодиться.

— С удовольствием.

Они сели в машину.

— Листья,— сказал он, усаживаясь за руль,— у тебя ведь имеется оптический орган...

— Да.

— Между последней страницей и обложкой лежит фотография. Ты видишь ее?

— Нет, она повернута в другую сторону. Положи ее в любое другое место. Лучше всего на страницу семьдесят восемь...

Он вытащил снимок, сунул в середину книги, плотно прижал страницы. Протикало несколько секунд.

Ну как? — спросил он.

Я рассмотрела снимок.

Это он? Это Доракин?

Да... похоже. Если и не он, то очень похожий человек.

Тогда отправимся в путь и найдем его.

Он завел мотор. Направляя машину вниз по спуску, он спросил:

А чем занимался Доракин?

Последовала долгая пауза, потом Листья сказала:

Я не совсем уверена, но довольно долго он перевозил разные грузы. И зарабатывал солидные суммы. Большую часть этого времени он был партнером одного человека по имени Чедвик, который впоследствии переместил операции в верхние секторы Дороги. Этот Чедвик стал чрезвычайно влиятельным человеком, очевидно, в результате своих операций, и партнерство было разорвано. Это произошло примерно в то самое время, когда он... забыл меня. Он уехал неожиданно, как ты говоришь. В общем, все, что я могу сказать определенного о его занятиях, так это то, что он занимался перевозками.

Рэнди кивнул.

Но я часто задумывалась...— продолжал Листья.

О чем? — спросил Рэнди.

Не относится ли он к той категории людей, которые не могут найти Дорогу домой. Он все время, как мне казалось, что-то искал. И я не знала точно, откуда он родом. Он очень много времени проводил на боковых ответвлениях. И через некоторое время я поняла, что он действительно пытается... изменить события в этом или ином месте времени. Только воспоминания у него о прежнем ходе событий сохранились какие-то неполные, словно произошло это очень и очень давно. Да, он много повидал.

И в Кливленде тоже побывал. По крайней мере, недолго... Что это был за человек?

— Трудно сказать. Неугомонный — если попытаться сказать одним словом.

Я хотел сказать... какой по натуре? Честный или наоборот? Славный парень или так, ничего стоящего?

В разные времена бывало по-разному. Его характер вдруг иногда изменялся. Но позже, под конец, он явно стремился свернуть себе шею.

Рэнди покачал головой:

Наверное, мне придется подождать, пока мы не найдем его самого. Как насчет урока языка?

Отлично. Начнем...

Глава 19

Рэд вдруг повернул вправо, не снижая скорости.

— Что?— спросил Цветы.— Надумал?

— Двенадцать часов за рулем — слишком много,— ответил он.— Мне нужно поспать.

— Откинь спинку, а я буду вести.

Он покачал головой:

— Я хочу вылезть из кабины и немного отдохнуть по-настоящему.

— Тогда регистрируемся, пожалуйста, под липовым именем.

— Регистрироваться здесь негде. Мы разобьем лагерь. Это опустошенная местность. Все спокойно.

— Мутанты, радиация, ловушки?

— Ни того, ни другого, ни третьего. Я здесь уже побывал, все чисто.

Немного спустя он притормозил, нашел еще один поворот, выводивший на узкую неровную дорогу, небо пропульсировало до фазы розово-пурпурной вечерней зари. В отдалении виднелись озаренные лучами заходящего солнца руины города. Рэд снова повернул.

«И ряды его колонн и необъятный свод казались в сумерках мне гротом небывалым...» — отметил Цветы.— Ты намерен расположиться на ночлег в музее смерти?

— Вовсе нет.

Теперь они ехали по грунтовой дороге, к тому же еще и покрытой грязью. Дорога некоторое время петляла вниз по склону горы, потом пересекала посредством скрипучего моста узкое ущелье, огибала обрыв и выводила на равнину, опять в виду руин города. Рэд вывел грузовик в поле, там и сям усеянное кратерами и ржавеющими останками наземных и воздушных машин. Он затормозил на обширном свободном участке.

Необычных очертаний тень, что лежала теперь на крыше грузовика, начала принимать форму некой рептилии, темнеть и густеть.

— Измени внешний вид грузовика, чтобы он не выделялся на фоне всех остальных обломков,— сказал Рэд.

— Временами все же у тебя возникают трезвые мысли,— заметил Цветы.— Мне понадобится пять или шесть минут — и получите великолепную руину. Не выключайте мотор.

Когда началась перестройка, тень сократилась в размерах, превратилась в круг, соскользнула с крыши пикапа и быстро метнулась к разбившемуся неподалеку самолету. Рэд и Мондамей выбрались наружу и начали огораживать территорию лагеря проволокой. Воздух, встревоженный их деятельностью, был сух, в нем уже ощущалось предвестие надвигающейся прохладной ночи. На востоке собирались кучи облаков. Где-то зажужжало насекомое.

Тем временем в различных местах грузовика появились обла-

сти покореженной обшивки. Появились также беспорядочно разбросанные вмятины и пробоины. Ржавого цвета пятна поползли по голубой краске, подвигались и замерли. Машина накренилась на один бок.

Рэд вернулся к грузовику и вытащил пакет с едой и спальный мешок. Мотор остановился.

— Готово,— сказал Цветы.— Ну как, нравится?

— Отлично. Безнадежная развалина,— ответил Рэд, растягиваясь на разложенном спальном мешке и открывая пищевой контейнер.— Благодарю.

Подошел Мондамей, сказал тихо:

— Я не обнаружил ничего, что представляло бы непосредственную опасность в радиусе десяти километров.

— Что значит «непосредственную»?

— Вокруг нас имеется большое число неразорвавшихся бомб и неиспользованного боеприпаса в оружии разрушенных машин.

— Непосредственно у нас под ногами ничего нет?

— Нет.

— Радиация? Стреляющие фаустпатроны? Отравляющие газы? Бактерии?

— Отсутствуют.

— Тогда ситуация признается удовлетворительной.

Рэд начал опустошать контейнер.

— Ты говорил, что долго пытался изменить событ... во многих местах,— сказал Мондамей,— в соответствии с твоими воспоминаниями?

— Да.

— Исходя из того, что ты рассказывал о природе твоей памяти, уверен ли ты, что узнаешь верную ситуацию, даже если случайно наткнешься на нее?

— Совершенно уверен. Я теперь помню еще больше.

— И если ты обнаружишь искомую дорогу, ты вернешься по ней домой?

— Да.

— Что это за место?

— Не могу тебе сказать.

— Как же ты его тогда опознаешь?

— Если увижу, узнаю...

— Узнаешь? Боюсь, что не понимаю тебя.

— До конца я и сам не понимаю, но постепенно все становится яснее.

Небо успело потемнеть, выставляя напоказ свое звездное богатство. На востоке всплыл осколок луны. Было совершенно темно, и света не зажигали, не считая сигары Рэда. Он потягивал греческое вино из глиняной фляги. Поднялся прохладный ветер. Цветы что-то наигрывал, едва слышно, кажется, Дебюсси.

Тень, чернее ночной черноты, проскользнула к вытянутой ноге Рэда.

— Белквинит,— тихо сказала тень, и ветер, казалось, затих.

Тень замерла, и какая-то примесь в сигаре заставила огонек зашипеть и вспыхнуть на мгновение.

— Ну его к дьяволу,— сказал Рэд через минуту.

— Что именно?— спросил Мондамей.— Что к дьяволу?

— Чедвика.

— Я считал, что мы уже все обсудили. Ни один из альтернативных вариантов не показался тебе достаточно привлекательным.

— Игра не стоит свеч,— сказал Рэд.— Не стоит свеч этот толстый болван. Он даже драться не станет сам.

— Болван? Ты ведь сказал, что он очень умный человек.

— Умный!— фыркнул Рэд.— Пока дело касается черной десятки, он достаточно умный. Ну и что из этого?

— Тогда, что ты намерен делать?

— Найду его, и выясню некоторые вещи. Кажется, он знает обо мне больше, чем я думал. И он мне расскажет, что ему известно, и чего не знаю я.

— Это твои новые воспоминания?

— Да. И, возможно, ты прав. Я...

— Я засек кого-то.

Рэд уже вскочил на ноги.

— Близко?

Тень упала на грузовик.

— Нет. Но оно двигается в нашу сторону.

— Животное? Растение, минерал?

— Машина. Приближается осторожно... Скорее в грузовик!

Заворчал мотор, Рэд плюхнулся на сиденье. Дверцы хлопнули, началась обратная трансформация.

Цветы вдруг начал транслировать слова Мондамея.

— Какая великолепная убивающая машина!— говорил про себя Мондамей.— Хотя во многих отношениях ее портит органический припадок. Тем не менее искусная конструкция!

— Мондамей!— крикнул Рэд, когда грузовик вздрогнул.— Ты меня слышишь?

— Конечно, Рэд. В такой момент я не мог бы пренебречь вниманием к тебе. Ого, однако и скорость же у него!

Грузовик скрипел и дергался. Мотор два раза закашлялся. Дверца открылась и захлопнулась.

— Что это за штука?

— Большая машина, вроде танка, с потрясающим набором вооружений, и управляется отдельно от тела человеческим мозгом. По-моему, он несколько не в своем уме. Не знаю, прятался ли он где-то здесь или его привезли специально, чтобы ждать твоего прибытия. Он знаком тебе?

— Кажется, в верхних секторах мне приходилось слышать о таких устройствах. Не уверен, впрочем, где именно.

На небе вдруг словно взошла мгновенная заря, и волна пламени покатилась к ним Мондамей поднял руку, и волна останови-

лась, словно наткнувшись на невидимую стену. Полминуты она кипела на месте, потом окончательно погасла.

— Ядерные излучатели, отлично,— прокомментировал Мондамей.— Неплохо сыграно.

— Как это мы уцелели?

— Я блокирую его.

Рука Мондамея вспыхнула на миг, и на дальнем холме расцвел огненный цветок.

— Прямо у него на дороге,— заметил он.— Кратер немного задержит его. Вы бы уезжали, Рэд. Цветы, веди машину.

— Правильно.

Грузовик развернулся и покатил через поле, все еще меняя форму кузова.

— Что ты задумал, черт тебя подери,— закричал Рэд.

Небо снова вспыхнуло, но маленький комок огня был отброшен.

— Я должен как следует прикрыть ваш отход,— донесся голос Мондамея,— прежде чем смогу заняться непосредственно нашим гостем. Цветы отведет машину обратно на Дорогу.

— Кем заняться? Как ты себе это представляешь? Ты ведь даже...

Послышался оглушительный взрыв, сопровождаемый всеми статическими помехами. Грузовик тряхнуло, но он продолжал мчаться по грязной дороге. Во все стороны летели комья засохшей грязи и поднимались тучи пыли.

— Теперь я снова функционирую полностью,— послышался голос Мондамея.— Цветы смог разобраться в системе моих контуров, и я, по его указаниям, отремонтировал себя.

Последовал новый взрыв. Рэд оглянулся, но на том месте, где был их лагерь, поднимались тучи дыма и пыли. На мгновение его оглушило, а когда он снова стал способен слышать, он осознал, что Цветы настойчиво что-то спрашивает у него.

— ...Мы едем? Куда, ты сказал, мы едем?

— Что?... Куда-нибудь подальше отсюда, я думаю.

— Точка назначения! Координаты, быстрей!

— Ох... В-27, восемнадцатый въезд, четвертый вправо после него, второй влево после этого, и третий влево после второго. Большое белое здание, вроде как в готическом стиле.

— Ты понял?— спросил Цветы.

— Да,— сквозь помехи послышался голос Мондамея.— Если я смогу обнаружить вход на Дорогу, я попытаюсь догнать вас, когда все кончится.

Послышался новый взрыв помех. Они выехали на грунтовую дорогу, развернулись и продолжили путь...

Глава 20

Рэнди разговаривал с худощавым джентльменом-викторианцем, которого встретил в фойе. Сумка джентльмена ле-

жала рядом с дверью на скамье. Он провел рукой по светлым редеющим волосам.

— Да, совершенно точно,— сказал он.— Три дня тому назад. Произошла перестрелка на стоянке автомобилей. Хороший же у меня получился отдых! Убийство!— Он передернул плечами, снова начал дергаться уголок рта.— Мистер Доракин уехал той же ночью. Ничего не могу вам сказать относительно направления.

— Может, кто-нибудь другой знает?— спросил Рэнди.

— Возможно, хозяин... Джонсон. Кажется, они хорошо знакомы друг с другом.

Рэнди кивнул:

— Не подскажете, где я могу найти хозяина?

Мужчина прикусил нижнюю губу и отрицательно покачал головой, глядя мимо Рэнди в сторону бара, где сногсшибательная красотка с кем-то спорила, с мощного сложения чернокожим человеком.

— Извините, но сегодня, кажется, у него выходной. Я не имею представления, куда он уехал. Могу лишь посоветовать вам навести справки у стола регистрации в баре. Прошу прощения.

Он обошел Рэнди, нервно шагнул в направлении продолжающейся перебранки. Женщина сказала что-то колкое, но со сладкой улыбкой, повернулась и покинула темнокожего собеседника, направляясь в фойе.

Джентльмен-викторианец вздохнул, вернулся на старое место рядом с Рэнди, поднял сумку. Женщина, подойдя, взяла его под руку, и они оба вышли. Проходя в дверях, джентльмен коротко кивнул Рэнди на прощание.

Темнокожий мужчина, с которым спорила рыжеволосая, уставился на Рэнди, когда тот вошел в бар.

— Прошу прощения, но мы, кажется, где-то виделись?— спросил он.— Ваше лицо мне очень знакомо...

Рэнди всмотрелся в лицо негра.

— Тоба... Тоба меня зовут,— добавил собеседник.

— Нет, не думаю,— медленно сказал Рэнди.— Меня зовут Рэнди Карфаж. В-20.

— Тогда это не вы,— пожал плечами Тоба.— Все равно, позвольте угощу вас пивом.

Рэнди оглядел комнату. Грубо обработанное дерево и железо. Ни сверкающей меди, ни зеркал. В баре находились еще четыре человека: двое сидели за стойкой, служившей одновременно столом регистрации, а двое — за другим столом.

— Бармен вышел куда-то минуту назад. Наливай себе пива — порядки тут свободные, я потом заплачу, когда он вернется.

— Спасибо.

Рэнди прошел к стойке, ступая по покрытому тростником полу, наполнил из бочонка кружку, вернулся к столу и сел напротив Тобы. Справа от него стоял наполовину пустой стакан, и стул был несколько сдвинут вбок.

— Сука какая...— пробормотал себе под нос Тоба.— Путешествуете по делу? — обратился он уже к Рэнди.

Рэнди положил Листья на стол, покачал головой и отпил из кружки:

— Я ищу одного парня, но его здесь уже нет.

— А у меня все наоборот,— сказал Тоба.— Я знаю, где мой человек находится. Я заглянул сюда только, чтобы позавтракать. Потом эта дрянная девица, с которой мне приходится работать, подцепила кавалера и отправилась обозревать какую-то руину. И я теперь должен торчать здесь, пока она с ним не покончит. День или два, проклятье! Кто он такой, в конце концов?

— Что? Кто?

— Ваш приятель, англичанин, с которым вы разговаривали?

— А-а. Нет, я его не знаю. Я только спросил его... но он сказал, что зовут его Джек, если вам это поможет.

— Что ж, это его беда теперь, паршивца.

Тоба сделал новый глоток. То же самое сделал и Рэнди.

— Что? — послышался возбужденный голос одного из мужчин у стойки. Говорили с французским акцентом.— Ты никогда раньше не выезжал дальше В-17? Бог мой! Ради себя самого, выберись в ранний В-20, хоть раз в жизни! Как зачем? Чтобы летать! Человек должен в своей жизни узнать свободу, которую дает небо. Но только не в больших воздушных судах, которые появятся позднее, они слишком уютны, летать в них — все равно, что сидеть в провинциальном салоне. Нет! Ты поднимаешься на легком аппарате, оставляя на земле все мелочные буржуазные заботы, и в нем ты чувствуешь ветер и дождь, видишь мир внизу, облака, звезды над головой! Ты станешь другим человеком, поверь мне!

Рэнди повернулся к говорящему.

— Послушайте, неужели это...— начал он, и услышал, как хихикнул Тоба, но тут их внимание было привлечено подошедшей женщиной.

Она вошла в бар со стороны холла, расположенного слева, напротив ресторана. На ней были черные джинсы из толстой ткани, заправленные в высокие, эффектного вида ботинки такого же цвета, и выцветшая рубашка-хаки. Легкий широкий шарф был повязан поперек широкого лба. У нее были густые брови, большие зеленые глаза, крупный рот без следов помады. Из кобуры на правом бедре высовывалась рукоятка оружия, а на толстом ремне пояса слева висел охотничий нож в ножнах. Ростом она едва не достигала шести футов, полногрудая, несколько широковатая в плечах, и с высоко поднятой головой. Она несла большой кожаный мешок-сумку, словно это был всего лишь футбольный мяч.

Глаза ее всего лишь секунду искали среди находящихся в баре, потом несколькими широкими шагами она достигла их стола и бросила свой мешок. Полупустой стакан рыжеволосой красавицы опрокинулся, содержимое потекло на колени Тоба.

— Вот дрянь! — возгласил Тоба, вскакивая и отряхивая штаны.— Сегодня мне явно не везет...

— Прошу прощения,— сказала женщина, улыбаясь. Потом повернулась к Рэнди.— Я тебя искала.

— Гм...

— Сейчас пойду отыщу, кто у них остался на посту, пусть даст мне комнату. Буду спать! — заявил Тоба, бросая несколько монет на стол.— Приятно было познакомиться, сынок. Желаю удачи и так далее. Вот дрянь!

— Спасибо за пиво! — крикнул Рэнди в спину удаляющемуся Тобе.

Женщина села на стул, на котором раньше сидела рыжеволосая, отодвинула Листья подальше от растекающейся лужи.

— Теперь ты один, отлично,— сказала она.— Удачно мы отделались от этого типа.

— Зачем?

— Плохое предчувствие, и пока этого достаточно. Привет, Листья.

— Привет, Лейла.

— Ваш голос...— начал Рэнди.

— Да, у Листьев мой голос,— согласилась Лейла.— Мне удалось раздобыть матрицу, когда Рэд приобрел этот комплекс.

— В настоящее время я требую употреблять местоимение,— медленно сказала Листья с нотой угрозы в голосе,— женского рода.

— Прости, старушка,— сказала Лейла, похлопывая обложку.— Принято к сведению. Не обижайся.— Она повернулась к Рэнди и улыбнулась.— Кстати, как тебя зовут?

— Рэнди Карфаж. Я не понимаю...

— Конечно, не понимаешь, и это не имеет ни малейшего значения. Карфаж... Я всегда любила Карфаген. Когда-нибудь я свожу тебя на экскурсию.

— Лови ее на слове,— посоветовала Листья.

Лейла хлопнула по переплету.

— Ты уже завтракал?— спросила она.

— У меня немного расстроено чувство времени,— сказал Рэнди,— но, если завтраку подошла пора, то я готов приступить.

— Тогда перейдем в ту комнату, и я закажу что-нибудь. В дорогу лучше всего отправляться с полным желудком.

— В дорогу?

— Да,— сказала она, поднимаясь со стула вместе с сумкой, которую подхватила со стола.

Он последовал за ней в столовую, где Лейла выбрала стол в дальнем углу и уселась лицом к залу. Рэнди сел на стул рядом, положа Листья между ними.

— Я не понимаю...— снова начал он.

— Давай закажем,— сказала она, подзывая жестом официанта и осматривая несколько других посетителей за передними столами.— Потом мы поедем в В-11, и очень быстро.

— А что там, в В-11?— спросил тогда Рэнди.

— Ты ищешь Рэда Доракина. Я тоже. Именно туда он напра-

вился, когда смылся от меня несколько дней назад. Я видела, что вторая черная птица кружит именно там.

— Откуда ты знаешь? И откуда ты знаешь меня? Какая еще птица?

— Тебя я не знаю и не знала. Я знала только, что человек с экземпляром «Листья травы» будет сидеть в баре после полудня, и что он тоже будет искать Рэда Доракина, и будет расположен к нему дружелюбно. И в назначенный момент я спустилась вниз, чтобы встретить тебя, чтобы мы объединили усилия, поскольку я видела, что ему понадобится помощь, и очень скоро, на этом пути.

— Понятно,— сказал он.— И все же меня несколько смущает источник вашей информации. Откуда вы узнали, что я буду здесь? Откуда вы узнали, что...

— Позволь, я объясню,— вмешалась в разговор Листья,— или она не закончит до вечера. Ее манера беседовать напоминает горный обвал. Слава Великому Контуру, я не унаследовала этой привычки вместе с матрицей голоса. Понимаешь, Рэнди, она обладает паранормальными способностями. Она, правда, называет их несколько по-другому, в духе Каменного века, магии и шаманов, но результат тот же самый. Как я оцениваю точность ее предвидений, она права в семидесяти случаев из ста, может даже еще больше. Она видит события, они часто действительно происходят. И это не совпадения — я слишком часто была свидетелем правильного предугадывания. К сожалению, она считает, что такой способностью обладают все остальные люди, и ведет себя так, словно они разделяют с ней видение, и автоматически должны действовать соответствующим образом. Она знала, что ты приедешь, вот и все. Надеюсь, что ответила на некоторые твои вопросы.

— В общем, да... на некоторые,— сказал он.— Но остаются все же белые пятна. Лейла, Листья обрисовала ситуацию правильно?

— Очень даже,— ответила она.— Я не намерена играть словами, поэтому пускай остается, как есть. Я видела, что ты приедешь, это факт.

— Но это не объясняет, кто ты и откуда, и почему тебя интересует безопасность Рэда.

— Отношения у нас были сложные — чтобы выразиться проще — но, в основном, мы старые друзья, особого рода. И мы во многом очень похожи. Каждый из нас должен другому слишком много, я давно уже забросила этот счет. Кроме того, этот сукин сын смылся, а я ведь его просила, как человека, подождать меня.

— Этого ты не предвидела?

Она покачала головой:

— Каждый может ошибиться, Листья ведь говорила тебе. А тебе Рэд кто?

— Я думаю, что он мой отец.

Она уставилась на Рэнди, ее лицо впервые с момента их встречи замерло. Она прикусила губу.

— Как я могла не заметить...— сказала она наконец.— Конечно же... Где ты родился?

— В-20, Кливленд, Огайо.

— Так вот откуда он, значит, отправился...— Она отвела взгляд.— Интересно, но я предвижу завтрак сейчас.

В комнату с подносом вошел официант, которому делали заказ.

— А чем вам не понравился этот человек, Тоба, с которым я сидел?— сказал Рэнди, когда они принялись за еду.

— Он каким-то образом связан с черными птицами,— ответила Лейла в перерыве между двумя глотками.

— Какими черными птицами? Вы уже второй раз упоминаете о них.

— Рэд попал под черную десятку. Его потенциальных наемных убийц я вижу таким вот образом.

— Черная десятка?— спросила Листья.— Что он такое натворил?

— Приобрел врага, которого лучше было бы не дразнить, наверное. Он думает, что это Чедвик.

— У!.. Чедвик — это скверно.

— Рэд тоже не теленок, верно?

— Я подозревала иногда, хотя...

— Кто-то за ним охотится?— вмешался Рэнди.

— Да,— сказала Лейла.— Некто, могущий позволить себе любые расходы. На эту игру будет много ставок внизу и вверху Дороги. Интересно, каково соотношение? Возможно, стоило бы вложить некоторую сумму — на ту или другую сторону.

— Ты бы поставила против него?

— Это зависит от соотношения шансов, от обстоятельств и от многих других вещей. Нет, я, конечно же, намерена помочь ему, но не стоит и упускать выгодную возможность.

— А разве ваш талант не дает необычное преимущество на тотализаторе?

— Я не люблю делать ставки, но они приносят деньги. Жаль, что сейчас не время заняться поиском последних. Я играю на стороне Рэда, тем более, что он теперь предупрежден.

— Очевидно, вы имеете в виду моего отца?

— Я знаю его очень давно. Он бы на моем месте наверняка сделал бы ставку. И выиграл бы, как пить дать.

Рэнди покачал головой и переключил внимание на тарелку.

— Странные вы люди,— сказал он, немного погодя.

— Просто немного более открытые, наверное. Слушай, да разве стала бы я убивать целых три дня, чтобы привести себя в форму — ради просто так? Я на его стороне, с самого начала. Официант! Принесите коробку сигар, тех, хороших!

— Вот эта черная десятка,— сказал Рэнди,— как мы вытащим его из переделки?

— Поможем пройти все десять раундов, я думаю. Потом игре конец.

— А что, если заставить Чедвика прекратить попытки? Или начать игру сначала?

— Правила. В эту игру играют по правилам. Если он нарушает их, Бюро игры запретит ему участвовать вообще, навсегда. Он рискует потерять престиж.

— И вы думаете, этого достаточно, чтобы остановить его?

— Черта с два! — перебила его Листья. — Это бюро — заведение В-25, и совершенно беззубое. Просто толпа болтунов-садистов, которые легализовали Игру в своем веке и могут теперь наблюдать за всеми вендеттами по всей Дороге. Если Чедвик не доберется до Рэнда одним способом, он найдет другой. Все разговоры насчет правил — просто чушь.

— Это так, Лейла?

— В общем, да... хотя она забыла упомянуть, что без Бюро невозможно было бы делать ставки. Это тоже немаловажная часть Игры, впрочем. Я считала, что тебе нужна исчерпывающая информация, поэтому и рассказала тебе о правилах.

— Но ты думаешь, что Чедвик попытается схитрить?

— Вероятно.

— Что же мы должны сделать, чтобы помочь Рэду выбраться живым?

— А мы ему тоже поможем схитрить. Как именно — я еще не знаю. Сначала нам нужно его догнать. Доедай скорее, и отправимся в путь.

Когда Лейла ушла за своим вместительным мешком и спортивной сумкой, Рэнди спросил Листья:

— Ты хорошо ее знаешь? Насколько можно ей доверять?

— Я знаю, что Рэд ей доверял. Они каким-то образом очень тесно связаны. Думаю, нам тоже следует ей доверять.

— Хорошо, — сказал Рэнди. — Я не против, как раз наоборот. Интересно, в какую историю мы влезли?

Когда Лейла вернулась через несколько минут, на плече у нее висела сумка, в зубах была зажата сигара, она улыбнулась Рэнди, кивнула и указала головой в сторону двери.

— Я в полной готовности, — сказала она. — Держи сигару и покатили.

Рэнди кивнул, поднял со стола Листья и последовал за ней разворачивая на ходу сигару, которую ему сунула Лейла...

Глава 21

— Цветы?

— Да, Рэд?

— Ты хорошо ведешь, молодец.

— И это все?

— Нет. Как ты догадался?

— Ты никогда не хвалишь просто так, или говоришь спасибо. Это обычно следует за чем-то или чему-то предшествует.

— Неужели? Никогда не замечал. Наверное, ты прав. Ладно. Послушай, тебе не надоело в своем настоящем облике? Может, ты хотел бы переместиться в новый аппарат? Стать частью сложного компьютерного комплекса, например? Или даже принять на себя матрицу сознания органического существа?

— Да, я уже думал об этом.

— Я хотел бы отблагодарить тебя... за верную службу и так далее. Поэтому прими решение и заезжай в ближайший центр обслуживания. Я оставлю тебя там, чтобы тебя доставили в соответствующее заведение, с достоверностью всех услуг, с оплатой из моего счета.

— Погоди. Ты всю жизнь был скрягой. Это на тебя что-то не похоже. Что случилось? Я считал, что знаю все, что знаешь ты. Что же я упустил?

— Ты подозрителен, как полдюжины ревнивых жен. Я делаю тебе выгодное предложение, совершенно честно...

— Брось! Почему ты надумал от меня избавиться?

— Я...

— Я, возможно, знаю тебя получше, чем полдюжины жен. Поэтому оставь эту чепуху. Говори прямо, что случилось?

— Просто я не уверен, что в ближайшем будущем мне понадобятся твои услуги. Ты был надежным и хорошим работником. Самое меньшее, что я могу сделать, это наградить тебя таким образом.

— Создается впечатление, что ты собираешься на пенсию или умирать. Первое или второе?

— Не то и не другое. Или оба сразу. Я не уверен... я планирую перемену в статусе, тем не менее, и я не хочу, чтобы ты пострадал от возможных последствий.

— Ты за кого меня принимаешь — за карманный калькулятор? После всей моей службы, ты оскорбляешь меня, намекая, что у меня отсутствует любопытство. Нет, теперь уж я гарантированно не отстану от тебя, пока ты не расскажешь мне все.

— Гм...

— И если ты задумал отправить меня навстречу новой судьбе без моего согласия, не забывай, что я могу превратить эту кабину в клетку.

— Довод убедительный. Я пытался обойтись без этого, но, видимо, я должен дать тебе некоторые объяснения. Хорошо. Наверное, тебе трудно будет понять, что такое сон, не говоря уже о тех странных сновидениях, что всегда посещали меня...

— С теорией я хорошо знаком, продолжай.

— В последнее время мне постоянно снится один и тот же сон: я парю неподвижно в потоках теплого воздуха, над странными и живописными пейзажами, а иногда — морем. Кажется, что я могу парить бесконечно, проникая в тайны всего, вижу под собой. Это вызывает во мне приятную комбинацию умиротворенности

и бесцеремонности, и какие-то другие чувства, которым я не могу сейчас найти определение. Незаметно сменяют друг друга дни и ночи. В самом ощущении бытия я нахожу бесконечную радость, и мне открывается нечто такое, о чем я сейчас тоже не могу сказать словами. И еще во мне дремлет сила, страшная сила, которую мне почти лень использовать. Я плыву...

— Увлекательное путешествие по внутреннему пейзажу. Тебе повезло.

— Все это не так просто, и в разных снах происходят разные вещи.

— Какие?

— Я уже говорил, что проплывая над разного рода местностью — в одних землях идет война, в других цветут большие города, или то и другое одновременно.— Я вижу внизу вулканы, пустыни, корабли в морях, маленькие города и головокружительного вида суперполисы, где не осталось и уголка нетронутой природы. Я узнаю их все: Вавилон, Афины, Карфаген, Нью-Йорк, в разные времена. И много еще других, еще более странных, которые я не могу узнать. Я начинаю размахивать крыльями. Я поднимаюсь над Дорогой. Это просто игрушка. Это нечто вроде масштабной линейки, как на картах. Это мы поместили ее туда. Как забавно наблюдать за отдельными людьми, которые заметили ее, теперь карабкаются по этой нити из вероятности в вероятность. Я не знаю, но...

— Мы? Кто это — мы?

— Драконы Белквинита — вот наилучший способ, которым я могу выразить название в наших словах. Я вспомнил эту часть еще раньше, и...

— Значит, во сне — ты дракон?

— Это лучший способ описать мою внешность и ощущения, хотя это не совсем так.

— Интересно, пусть и непонятно, Рэд. Но какое это имеет отношение к твоим настоящим проблемам и решению дать мне отставку?

— Это не просто сны. Это реальность. Я только недавно понял, что все больше и больше воспоминаний возвращается ко мне, когда жизнь моя подвергается опасности. Во мне происходит какая-то трансформация.

— Действительно? То есть, ты человек, которому снится, что он дракон, а не наоборот?

— Что-то в этом роде. Или все вместе. Или ничего подобного. Я просто не знаю. Но это реальность, и все больше мне удается вспомнить. Это такая же реальность, как этот мир.

— Это... драконы Белквинита... ты думаешь, что они... то есть ты... в общем, кто бы там ни был... построили Дорогу?

— Не совсем «построили». Скорее, собрали, или составили, как именной указатель в книге.

— И мы с тобой сейчас едем по абстракции или по грезе?

— Не знаю, как ее назвать.

— Нет, Рэд, теперь я должен оставаться при тебе. Пока к тебе не вернется здравый смысл.

— Вот поэтому-то я и не хотел тебе всего рассказывать. Я предвидел такую реакцию. Как я еще могу убедить другого в существовании другой реальности, если эта реальность — только мое субъективное видение? Но я знаю, что нахожусь в ясном сознании.

— И все же, я до сих пор не знаю, почему ты хотел от меня избавиться. Выкладывай все до конца.

— Этого-то я как раз и хотел избежать...

Сочленения пикапа громко заскрипели. Сиденье справа от Рэда выгнулось и начало складываться в его сторону. Баранка руля начала подниматься и выгибаться в направлении Рэда, словно странный черный цветок. Потолок кабины надавил на макушку. Когтистая рука появилась из отделения для перчаток, потянулась к Рэду. Тень, притаившаяся на дне кузова, заволновалась, как морские водоросли во время шторма.

— Я могу доставить тебя на ближайшую человеческую станцию обслуживания для тщательного психологического осмотра, если ты не убедишь меня, что этого не стоит делать...

— Этого я тоже хотел бы избежать,— вздохнул Рэд.— Ладно. Ты добился своего. Расслабься, и я удовлетворю твой контур любопытства.

Когтистая рука удалилась в отделение для перчаток, и снова появилась секунду спустя с зажженной сигарой, которую протянула Рэду. Руль тем временем принял овальную форму, крыша поднялась, и соседнее сиденье успокоилось.

— Благодарю.— Рэд принял сигару, затянулся.

Неожиданно Цветы процитировал:

«Ты, Дорога, на которую я выхожу и оглядываюсь по сторонам, и я знаю, что многое мне узреть не дано...»

Рэд усмехнулся.

— Подходит, я думаю,— сказал он.— Но я считал, что запрограммирован на Бодлера, а не на Малларме.

— Я запрограммирован на декаденс. И теперь начинаю понимать, почему. Чем бы ты ни занимался, ты вечно по уши в... гм, пыли. Завсегдатай трущоб.

— Что-то в этом есть. Я никогда серьезно не задумывался.

— В стихотворении что-то есть, действительно. Кури свою сигару и отрешись от реальности.

— ... И твоя утонченность поражает меня.

— Без подхалимства. Почему я должен уйти?

— Простыми словами, ты — разумное существо, к которому я привязан. Я пытаюсь предохранить тебя.

— Я построен лучше, чем ты, если речь идет о пинках.

— Это не просто опасность. Это угроза почти верного уничтожения.

— Я повторяю...

— Если ты будешь перебивать меня, ты никогда не получишь нужного ответа.

— Другим способом я его тоже пока не получил.

— Я не знаю, сон ли этот мир, или тот, другой мир — сон. Я просто не знаю. Это неважно. Я знаю, что я — тот, другой, который мне снится. Женщина, которая была со мной когда-то, когда я был стариком, однажды рассказала мне о видении, которое я только теперь начал понимать. Создание моего вида рождается старым морщинистым существом, и должно быть отправлено на Дорогу, чтобы достигнуть там зрелости, которую оно найдет в своей молодости. Это, собственно, и может быть назначением Дороги, и я начинаю подозревать, что все, кто путешествует по ней, несут в себе частицу нашей крови. Но в этом я не уверен.

— Догадки оставим на потом, хорошо?

— Ладно. Чем дальше, тем Лейла становится опрометчивее, и оставаться с ней рядом было все более опасно, хотя пути наши странным образом продолжали пересекаться. С ней это началось, видимо, раньше, чем со мной. Я в себе эту проблему обнаружил позднее и постарался взять стремление к саморазрушению под контроль. Она всегда была чувствительней, чем я...

— Подожди. Лейла — это та женщина в В-16... которая устроила пожар в постели... и о ней ты упоминал, когда говорил о старости?

— Да. И ты найдешь тому подтверждение, если снова встретишь ее. Сначала мы вместе искали Дорогу домой. Безуспешно. Потом однажды я решил, что мои воспоминания просто не совпадают с настоящим положением вещей вдоль Дороги. И я начал вносить изменения в надежде, что найду потерянный путь, если все вернется на прежние места. Но мир — жуткая неразбериха, работать с ним невозможно. Я понял, что не смогу изменением в одном месте, переменой в другом, заставить его стать таким, как во времена моей старости. Но другого способа я не мог придумать, и поэтому гнул свою линию. Потом Чедвик объявил против меня черную десятку, и куски мозаики начали становиться на свои места.

— Не объяснишь ли, каким образом?

— Нет.— Рэд выпустил облачко дыма и посмотрел в окно. Мимо промчалась маленькая черная машина. Глядя, как она исчезает вдали, он продолжал:

— Когда моя жизнь оказалась под угрозой, приступы стали повторяться чаще, и сны стали ярче. Я вспомнил события прошлого. Похожее случалось со мной и раньше, каждый раз — в состоянии опасности. Там, в лагере, перед нападением, когда я дремал, мне вдруг пришло в голову, что Чедвик совершенно случайно оказал мне вендеттой услугу. Потом, когда мы удирали, я подумал: «А что, если это не случайность? Допустим, что он, подсознательно, конечно, пытается мне помочь? Вполне возможно, что мы с ним одной крови, и он как-то понимает, что самому тяжело...»

Он замолчал.

— Я все больше убеждаюсь, что последний приступ затуманил твое сознание, Рэд. Ты несешь чепуху. Если только ты не умалчиваешь о чем-то.

— Понимаешь, у меня есть несколько друзей, и до них уже могли дойти слухи о черной десятке. Возможно, что кто-то из них попытается убрать Чедвика, чтобы спасти меня. Я хотел бы этому помешать, и теперь в этом заключается цель нашего путешествия.

— Гм. Жареные гвозди... Если я соглашусь с этой логикой безумца, то станет понятным желание спасти человека, пытавшегося тебя убить. Но я не имел это в виду. Это ты сказал, чтобы только отвлечь мое внимание. Есть что-то, чего ты не говоришь, и мы уже подходим совсем близко к этому. Выкладывай!

— Цветы, ты ездил со мной слишком долго. До тебя у меня было другое устройство такого же типа, и мне пришлось его покинуть, потому что она начала думать точно так же, как я.

— Придется взять этот факт на заметку и покинуть тебя первым. Тем временем...

— Собственно, я подумал, что у нее какая-то неисправность. Теперь же я подозреваю, что она была более чувствительной, восприимчивой, чем...

— С таким блоком памяти, как у меня, тебе не удастся сбить меня с толку. Что ты скрываешь?

— Ничего, честное слово. Я ищу пути обратно к существованию, которое начинаю теперь вспоминать более ярко. Ты это знаешь. Я всегда был в поиске. У меня предчувствие — если этого ты от меня добивался — что очень скоро я найду его.

— Ага! Наконец-то! Отлично, я так и подозревал. Теперь давай все остальное. Как это произойдет?

— Ну, мне кажется, что настоящее мое существование должно быть, э-э... завершено прежде, чем другое сможет начаться.

— Знаешь, я все время чувствовал, что ты приближаешься к чему-то в этом роде. Это самым жутким образом оправданное желание смерти, которое мне только приходилось слышать — а мое программирование отличается большой тщательностью. Добавишь еще что-нибудь? Ты уже решил, каким образом это будет произведено?

— Нет... нет. Ты ошибаешься, ничего подобного. Я и не думал о самоубийстве. Это скорее, что-то вроде предопределенности — так, по-моему, легче всего будет выразиться. Я просто чувствую сейчас, что так все должно и произойти. И переход должен совершиться в соответствующем месте и соответствующими средствами.

— Ты уже знаешь время, место и эти средства?

— Нет.

— Что ж, это уже лучше. Возможно, вскоре тебя посетит обратное предвидение.

— Не думаю.

— Как бы там ни было, я рад, что ты все мне рассказал. Да,

так вот, отвечаю на твой вопрос — нет, я не собираюсь тебя покидать.

— Но ты можешь получить повреждения. Даже разрушиться, когда это произойдет.

— Жизнь полна неожиданностей. Я намерен рискнуть. Мондамей не простил бы меня, если бы я оставил тебя одного.

— У вас нашелся общий язык, как я понимаю?

— Да.

— Интересно...

— В данный момент под рассмотрением находишься ты. Мои решения основаны на логике и фактах, как тебе известно.

— Известно, но...

— Никаких «но», черт! Помолчи минуту, пока я размышляю. Итак, нажимать выключатель у меня пока нет достаточных оснований. Все, что ты мне рассказал, крайне субъективно и отдает паранормальностью. При особых обстоятельствах я согласен принять эту паранормальность. Но проверить это у меня нет возможности. Основываться я могу только на знании тебя самого, мне хочется верить, что ты знаешь, что делаешь. И в это же время я опасаюсь, что ты совершаешь ошибку.

— И...

— Вывод: если я помешаю тебе, и окажется, что прав был ты, а не я, и я удержал тебя от чего-то, чрезвычайно для тебя важного, мне будет очень плохо. Я буду чувствовать, что не использовал своего назначения, не помог тебе. Поэтому я считаю необходимым сопутствовать тебе и оказывать поддержку во всем, что ты будешь делать, хотя основанием служит одно предположение.

— Это куда больше, чем я мог бы просить тебя, ты ведь знаешь.

— Знаю. Чертовски благородно с моей стороны. Но поспешу добавить, что чувствую в равной степени обязанным нажать на тормоза, если ты совершишь какую-то откровенную глупость.

— Все справедливо.

— Мне придется это сделать.

Рэд втянул дым:

— Думаю, что так.

Мили тикали внутри него, словно годы...

Глава 22

Маркиз де Сад вдруг бросил перо на стол и поднялся, глаза его странно сверкали. Он собрал все рукописи из писательского класса в мощную папку и проковылял через всю комнату на балкон. Там, в трех этажах над парком и сверкающими составляющими города, он удалил все скрепки и скобки, и, пачку за пачкой отправил листы, словно огромные грязные снежные хлопья, в косой свет вечернего солнца.

Исполнив фигуру замысловатого танца, он послал вслед им воздушный поцелуй и помахал рукой, провожая в полет послед-

ние листки с плодами большого воображения несостоявшихся писак из полдюжины разных веков.

— Бонжур, аревуар, адье,— воскликнул он, потом отвернулся и улыбнулся.

Вернувшись к письменному столу, он поднял перо и написал: «Я уничтожил все ваши идиотские рукописи, сделав большую услугу своему преемнику. Ни один из вас не имеет ни крупицы таланта». Он поставил подпись. Он сложил листок, чтобы взять его с собой и пригвоздить к дверям аудитории.

Потом он вытащил новый лист бумаги.

«Возможно, вам покажется,— начал он писать,— что я самым гнусным образом оплачиваю вам за ваше гостеприимство, за вашу щедрость, решив оказать помощь вашему врагу и уничтожить вас, могу добавить, самым кошмарным образом. Кому-то может показаться, что мое чувство справедливости было поколеблено, и я совершаю это в услугу некоему высшему лицу. Он совершил ошибку...»

Подписав послание, он добавил внизу:

«К тому времени, когда вы это прочтете, вы будете уже мертвы».

Маркиз хихикнул, прижал лист черепом, заменяющим пресспапье, встал из-за стола и покинул квартиру, оставив дверь слегка приоткрытой.

Он спустился вниз трубой пневмолифта, прикрепил на дверь первый листок и вышел через боковую дверь, никого не встретив по дороге.

Оказавшись снаружи, он поежился от дуновения благоухающего ветерка, зажмурился от яркого солнечного света, скривился, услышал доносившееся из парка пение птиц — настоящее или записанное на пленку, точно он не мог сказать. Но, становясь на бегущую дорожку, он хихикнул тем не менее. Дорожка понесла его на север, где он пересел на другую линию. Да, это будет великий день.

К тому времени, когда он перешел на дорожку западного направления, он уже что-то напевал про себя. Цель его уже была близка, но он все-таки перешел на скоростную дорожку, и даже сделал по ней несколько торопливых шагов, прежде чем вернулся на более медленную ленту и, наконец, сошел у нужного перехода. Сюда можно было приехать и подземными лентами, подумал он, но ему нужен был наземный ориентир.

Он вошел в здание огромных размеров, как подсказывали ему воспоминания, в нужном направлении. По пути он встретил только двух техников в белых халатах, кивнул им, и они кивнули в ответ.

Он нашел наконец дорогу в большой зал. За рабочим столом, в центре его, Сандок склонился над каким-то прибором. Он был один.

Маркиз успел подойти почти вплотную, когда Сандок поднял глаза.

— О, маркиз! — сказал он, вытирая ладони о пиджак и выпрямляясь.

— Можете называть меня Альфонс.

— Отлично. Хотите еще раз взглянуть?

— Да, я наскреб несколько минут из того мизера, что оставляет мне расписание Чедвика. Ой, что это?

— Что?

— Какая-то магнетическая жидкость вытекает из аппарата у вас за спиной!

— Что? Там не...

Сандок повернулся и склонился над указанным устройством. Потом повалился на стол без чувств.

В правой руке маркиз держал чулок с вложенным в него куском мыла. Засунув орудие преступления обратно в карман пиджака, он подхватил съезжавшего на пол Сандока и плавно перевел его в лежащее положение. Потом покрыл его куском брезента, ранее предохранявшим какую-то машину у стены.

Посвистывая тихонько, он направился к маленькой консоли, контролировавшей колодец в центре лаборатории. Секунду спустя послышался мелодичный низкий гул механизмов. Маркиз подошел к поручням и посмотрел вниз, крепко сжимая в руках шлем-излучатель.

— О, как он напоминает удивительных бестий Апокалипсиса, — пробормотал маркиз, наблюдая, как удивленное чудовище зарычало, бросило на пол останки недоеденной коровы и принялось метаться меж стен своей тюрьмы, вызывая гулкие звуки ударов. — Сейчас я соединюсь с тобой, мой милый. Одну секунду...

— Эй! Что здесь происходит?

Два техника, мимо которых он прошел в коридоре, только что вошли в зал.

— Назад! Назад! — завопил один из них и бросился к консоли рядом с рабочим столом.

Маркиз опустил шлем на голову. Последовало несколько мгновений восхитительного расстройства ориентации. Он закрыл глаза. Стены вокруг него опускались, уходили вниз. Он увидел собственную фигуру в шлеме. Он увидел, как первый техник в белом халате добрался наконец до консоли, второй тут же присоединился к нему.

— Не надо!.. — попытался сказать он.

Но кнопку уже нажали. Тут же неподвижно застыли стены. Он прыгнул. Боже! Какая мощь! Поручень ограждений на краю колодца двинулся вперед. Консоль и техники в халатах исчезли под ним. Он заревел...

«ОПУСТИ ГОЛОВУ, — пожелал он, — ЧТОБЫ Я МОГ ВЗОБРАТЬСЯ...»

Кое-как он залез на шею гигантского существа.

«ТАК, ТЕПЕРЬ МЫ ОТПРАВИМСЯ НА ПРОГУЛКУ. СЕГОДНЯ МЕНЯ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ ТЫ...»

Дверной проем оказался тесноват, но ненадолго.

Когда он вышел на тенистый бульвар, шедший параллельно линии движущихся дорожек, послышались вопли — то тут, то там. Какой-то плавно движущийся экипаж остановился и изверг многоцветное содержимое своих пассажиров. Все они разбежались, кто куда. Ветерок, солнечный свет, песни птиц, больше не беспокоили его. Он уже почти не замечал их. Он опрокинул экипаж и проревел песню. Дом Чедвика виднелся неподалеку впереди. В этот час он должен быть в комнате с той стороны здания...

С каждым шагом-прыжком зверя чувства его разрастались. Распространяя вокруг ужас, он покинул бульвар и направился в парк. Он промчался через элегантное смешение деревьев, живых изгородей, клумб и кустов, словно ветер сквозь сито. Голограммы бесшумно смыкались за его спиной, продолжая шевелить ветвями в искусственных порывах искусственного ветерка. Спрятавшись среди иллюзорных тюльпанов, пара влюбленных была раздавлена в момент оргазма. Реальная скамейка разлетелась в щепки, был раздавлен контейнер для мусора. Ревущая песня маркиза заглушала все остальные звуки.

Покинув парк неподалеку от своей цели, он попытался наступить на маленький черный автомобиль, который замедлил ход, и, кажется, собирался остановиться рядом с голубым грузовиком, который маркиз сразу не заметил. Но автомобиль увернулся, тем не менее, и быстро умчался, заметно удаляясь.

Маркиз же продолжал путь, миновал парадный подъезд, обошел первый угол дома. Он не замечал, что за ним следует тень, очень похожая на ту, что покрывала грузовик.

Он перестал реветь, когда занялся подсчетами окон, отыскивая нужную секцию стены. Переступая с лапы на лапу, пыхтя, хихикая, он не услышал, как к фасаду дома подъезжают машины. Даже если бы он и услышал, это уже не играло бы особой роли.

В новом приливе счастья он нанес удар. По стене зазмеились трещины, и третий удар пробил огромную дыру в обитой тисненым сафьяном стене. Потолок раздался и рухнул справа и слева от него, когда маркиз надвинулся на Чедвика и еще одного человека, стоящего рядом с ним напротив Сфинкса, разглядывая длинный свиток бумажной ленты. Передние лапы маркиза совершали хватательные движения. Его змеиный язык выстрелил из пасти.

— Смерть Чедвику! — прокричал он. — Исполняет Тираннозаурус Рекс! Постановка маркиза де Сада!

— Право же, — сказал Чедвик, стряхивая пепел с сигареты, — чтобы сообщить о твоем отказе, можно было выбрать более простой способ...

Чудовище замерло. Из-под хвоста его вылетела тень, на сантиметр опередив внушительную струю урины. Передние лапы дернулись.

— Маркиз уже представился, — сказал Чедвик, опуская ладонь на плечо стоявшего рядом мужчины, подталкивая его вперед

и становясь за его спину.— Маркиз, я рад познакомить вас с моим бывшим партнером — Рэдом Доракиным...

Усмешка маркиза исчезла. Чудовище неловко задвигалось.

— Снимите шапку! — приказал маркиз.

Рэд сдвинул шапочку на затылок и усмехнулся, не вынимая изо рта сигары.

— Да, я узнаю вас по фотографиям в досье,— признал маркиз.

Чедвик тем временем вытащил полоску распечатки из пасти Сфинкса.

— Что же вы здесь делаете? Этот человек покушался на вашу жизнь,— сказал маркиз.

— Да, но...

В другом конце комнаты, там, где кончалась тень динозавра, произошло нечто, напоминающее киноснимок взрыва, пущенный в обратную сторону. Темный смерч всосал в себя столы, стулья, восточные коврики, карусельные подносы для напитков, все незакрепленные достаточно надежно предметы со стен и потолков, в том числе остатки ленча, чучела леопарда и совы, и высохший трупик кота, некогда испустившего дух в затянутом занавесками алькове. Занавеси тоже были всосаны вихрем. Люди смотрели за происходящим с интересом, динозавр — несколько непонимающе. Вихрь сорвал дверцу встроенного в стену холодильника и поглотил ее вместе с содержимым камеры.

Темная колонна выросла, приняв в себя все свободные предметы в комнате. В какой-то момент роста она начала издавать гудящий звук. Звук этот становился все громче и выше тоном.

— Как я понимаю, это не местный метеорологический феномен? — спросил Рэд.

— Едва ли,— сказал Чедвик.

Внутри столба обрисовались очертания массивного силуэта. Гул прекратился. Гигантское существо начало обретать плотность, развернулись громадные крылья. Существо оставалось неподвижным, пока не обрело безусловной материальности.

Оно достигало размеров динозавра и во внешности имело нечто приблизительно рептилиевое, хотя и крайне стилизованной природы. Чешуя его формой напоминала монеты и по цвету варьировалась от золотистого на груди, до черного, как сажа, на спине, переливаясь оттенками медного и красного на хвосте и крыльях. Глаза у него были большие и золотистые, и вызывали странное беспокойство. Из каждой ноздри вилась струйка дыма. Резким движением оно продвинулось метра на два, шея его по-змеиному вытянулась. У него был странно тонкий голос: несколько гнусавый, и словам сопутствовали завитки серого дыма, но обращался он не к Чедвику и не к Рэду.

— Что ты сотворил с этим несчастным существом? — спросил он.

Маркиз беспокойно задвигался.

— Сэр или мадам,— начал он,— я нахожусь в непосредственной связи с его нервной системой, и могу вас заверить, что никако-

го неудобства он пока не ощущает. Собственно, имеется имплан, введенный в его центр наслаждения, и, если вы настаиваете, я могу нажать стимулятор, доставив несчастному существу столько счастья, на сколько оно способно...

— Довольно!

— Фрейзер? Додд? — сказал Рэд.

— Да,— ответило существо,— но я не с вами сейчас разговариваю. Я искал Чедвика, вот кого, и вы меня привели к нему. Но сперва... — Из пасти его вырвалось пламя.— Какой мерзавец первым привязал к проводам это симпатичное животное!...

— Полностью с вами согласен,— сказал маркиз,— и очень рад, что это был не я.

— Ты усугубил преступление против этого замечательного существа! Ты манипулировал им!

— Позвольте заверить вас, я лишь на самое краткое время одолжил его. Я был намерен...

Чедвик поймал рукав Рэда и потащил его за собой, пятясь к двери.

— К дьяволу ваши намерения, сэр! Освободите его и попросите прощения! Я сделаю это ценой собственной жизни!

— Твоя жизнь... и даже больше... уже в опасности! Освободи его!

Чедвик ногой распахнул дверь как раз в тот момент, когда динозавр взревел и бросился в атаку на дракона, который волнообразным движением туловища уклонился от столкновения. Чедвик боком протиснулся в дверь, вытащил за собой Рэда, захлопнул дверь и запер на замок.

— Твоя машина на той улице, правильно? — спросил он, указывая направление.— Пойдем! Они могут вырваться на свободу в любой миг.

Они поспешно пошли по коридору. В эту секунду послышались глухие удары, и пол дрогнул.

— Отправимся лучше в путь немедленно,— заметил Чедвик.— Я не предполагал, что недовольство служащего может дойти до такой степени. Необходимые дорожные мелочи мы приобретем где-нибудь по пути.

За спиной их что-то словно взорвалось, последовало мгновение тишины, потом возобновились гулкие удары. Оглянувшись, они увидели, как валится стена в окрестностях только что покинутой ими комнаты. Появился дым и очистители воздуха жадно всасывали его клубы.

На бегу Чедвик распахнул дверь. Рэд следовал за ним по пятам. В дверях он столкнулся с невысоким человеком в пестрой рубашке, легкой шотландской юбочке и голубых солнцезащитных очках. Упав при столкновении, человечек с необыкновенной быстротой вскочил на ноги и потянулся к сумке для кинокамеры, висевшей у него на плече.

— Ради всего святого! Нет! — закричал Чедвик.

Когда камера появилась на свет, Рэд был уже рядом с человеч-

ком. Левой рукой он зацепил ремень сумки, дернул и снова вывел его из равновесия.

— Не убивай его! — крикнул Чедвик.— Десятка кончилась! Я отменил игру!

— Его? — переспросил человечек, отскакивая назад.— Его?... Я и не думал причинить ему вред. Что касается меня, Игра кончилась еще раньше. И сюда я пришел, дабы успокоить мучившее меня отвращение и покончить с вами. Но теперь... — Он повернулся к Рэду.— Что вы здесь делаете?

— Я приехал, чтобы прояснить ситуацию. Она теперь куда яснее. По-моему, мы раньше не...

— Мы виделись, но вы, очевидно, не помните. Мое имя Тимьин Тин, и драконы для меня — это часть религиозной...

Изнутри здания донеслась серия тяжело ухающих шагов, потом что-то затрещало и зазвенело. Тяжелые шаги явно приближались.

— В таком случае, оставайтесь на месте,— сказал Чедвик.— Вы имеете шанс испытать глубочайшее религиозное озарение.— Он схватил Рэда за руку.— Поспешим убраться отсюда!

Они помчались вниз по ступеням, оставив невысокого человека стоять в изумлении перед дверью. Рэд прыгал по лестнице рядом с ним. На углу он кивнул в сторону голубого пикапа, рядом с которым стоял с незаглушенным мотором автомобиль Тимьин Тина. Когда он подбежал к грузовику, дверцы его распахнулись, и Рэд впрыгнул на водительское сиденье. Мотор заворчал, едва Чедвик уселся рядом. Хлопнули дверцы, и грузовик начал разворачиваться.

— На Дорогу,— сказал Рэд.

— Раньше у меня никогда не было проблем со служащими... — заметил Чедвик.

— Кого ты похитил? — спросил Цветы.

Стена вокруг двери в здании начала распадаться. Вниз по ступеням пятился Тимьин Тин.

Грузовик развернулся и помчался по улице.

— Странно и не очень странно,— заметил Чедвик,— и хороший темпоритм...

Глава 23

Пикап мчался вниз по Дороге, под вечно ее бледно-голубым небом с сияющей золотой аркой. Рэд закурил сигару и украдкой посмотрел на рядом сидящего Чедвика из-под козырька шапочки. Чедвик, в своих разноцветных одеждах, с пальцами, украшенными тяжелыми кольцами и перстнями, все еще утирал испарину, выступившую после их спринта к грузовику Рэда. Всякий раз, когда он поворачивался, программированное контурное сидение соответственно меняло форму. Поскольку ерзал он постоянно, сиденье подвергалось постоянным метаморфозам. Чедвик нервно по-

стукивал пальцами, выглядывая в окно, украдкой следил за Рэдом.

Рэд усмехнулся, глядя на него.

— Чед, ты вышел из формы,— ответил он.

— Знаю,— сказал тот, опуская глаза.— Отвратительно, верно? Если учесть, каким я когда-то был...— Потом он улыбнулся.— Хотя должен признать, все это было весело.

— Сигару?— предложил Рэд.

— Не прочь.

Он принял сигару, закурил, потом вдруг повернулся и уставился на Рэда.

— Ты сам, с другой стороны,— сказал он, указывая горящим концом сигары,— ты стал гораздо моложе. Знаешь, почему я тебя ненавижу?

— Да. Хотя ты и не в форме, и растолстел, но все же я бы сказал, что ты очень похож на того человека, которого я знал много лет тому назад. Я подозреваю, что твое положение напоминает мое, только ты носишь маску.

Чедвик покачал головой:

— Ну, ну, Рэд. Это невозможно. Неужели я или мои врачи не заметили бы, что со временем я становлюсь моложе, сильнее, здоровее?

— Нет, какова бы ни была природа процесса, но я подозреваю, что в твоем случае ему приходится бежать, чтобы остаться на месте. Для того образа жизни, что ты вел, ты еще в очень даже хорошей форме. Даже используя все чудеса медицины, любой другой на твоем месте давно бы уже отправился в лучший мир.

— Хотел бы я, чтобы ты оказался прав, но согласиться могу пока только с тем, что я действительно обладаю крепким организмом.

— Еще у тебя любовь к огню и свойство аккумулировать ценности...

— Ты с ума сошел! Ведь всякий любит деньги, собственность. Это еще ничего не доказывает. Огонь...— Он жадно затянулся, выдохнул облако дыма.— У каждого найдутся маленькие странности. И только потому, что в моей памяти тоже имеются белые пятна.

— Как звали твоего отца?

Чедвик пожал плечами:

— Откуда мне знать. Помню, мы жили в какой-то гостинице.

— Неподалеку от въезда на Дорогу?

— А что это доказывает? Вероятно, мой отец был из путешествующих. Талант передался мне по наследству. Это еще не значит, что он был кем-то вроде...— Секунду он помолчал.— Нет, нет! Не хочешь ли ты сказать, что ты мой отец?

— Ничего подобного я не говорил... и не думал даже. Но...

— Все это плод твоей фантазии. Слишком много предположений, совершенно дикие предпосылки...

— Вот и я то же самое говорю,— вмешался Цветы.— Ох, если

бы вам удалось его запереть как-нибудь, и пусть им займется врач.

— Он прав,— сказал Чедвик.— Твои выводы слишком опираются на неверную память и смутные догадки.

Рэд пожевал сигару и посмотрел в окно.

— Ладно,— сказал он наконец.— Может, все это так и есть. Скажи мне тогда... почему ты отменил декаду и согласился поехать со мной?

Пальцы Чедвика забарабанили по приборной панели:

— Частью потому, что ты сказал, будто собираешься в ближайшее время умереть необычным путем, и это разбудило мое любопытство. И частью потому, что разрешив тебе ввести в Сфинкс твои параноидные предложения, я хочу увидеть, к чему это все приведет. И частью потому... что я спешил покинуть это место.

— Ты видел, как это существо появилось из пустоты.

— Мне приходилось и не такое видеть за свою бурную жизнь.

— Совершенно верно. Тогда почему же ты не веришь мне?

— У тебя нет фактов для подтверждения этой истории. Даже, если ты прав, то я тоже прав, поскольку не верю на слово. Рэд, если бы я знал, что ты в такой форме, я никогда бы не затеял вражду. Игра бы того не стоила.

— Перестань!

Рэд отвернулся.

— Значит, у тебя все-таки есть сомнения? Хорошо, это уже добрый знак.

— Значит ты не веришь ни одному моему слову?

— Я верю в то, что ты просто глупец, неизвестной природы... и направляешься сейчас к своей погибели.

— Не потрудится ли кто-нибудь ввести этот лист в мой сканер?— поинтересовался Цветы.— Потребуется некоторое время, чтобы определить маршрут к морскому побережью Богемии.

— Пожалуйста,— сказал Чедвик, подавая листок.

Рэд вставил его в щель сканера, куда он и был тут же втянут.

— Могу вам сразу сказать,— заявил Цветы,— путь предстоит дальний.

— Ха-ха-ха,— сказал Чедвик, откладывая сигару и скрещивая руки на груди.

— Ты все-таки поможешь мне,— сказал Рэд, тоже отложив сигару.— Очень дальний, Цветы?

— Да.

— Тогда мы заснем. Я не желаю развлекать его всю дорогу.

— Взаимно.

Послышалось тихое шипение.

— Мне бы следовало загазировать вас навсегда и стать «летучим голландцем», как тот автомобиль, о котором я слышал недавно, он пронизывает века с парой скелетов в кабине.

— Очень смешно,— сказал Рэд, глубоко вздыхая.

Чедвик зевнул.

— Все это мне... — начал он.

Глава 24

Рэнди поменял шесть «лысых» покрышек. Он также позаботился о том, чтобы заменить радиатор и приводной ремень вентилятора. Кроме того, он отрегулировал тормоза. Все услуги были оплачены за счет Рэда оптимистически настроенными Листьями. Но Рэнди испытывал беспокойство. Сколько раз они уже заправлялись на деньги Рэда, он даже счет потерял.

И они продолжали путь...

— Где? — повторил Рэнди.— Когда?

— Я узнаю, как только увижу,— ответила Лейла.

— Так можно заехать в Ледниковый период...

— Нет, не так далеко.

— Но он появится здесь, ты уверен?

— Боюсь, что да. Скорее.

— И ты хочешь спасти его от смерти, которую он сейчас ищет?

— Мы все это уже обсудили.

— Потому что считает, что это вызовет какую-то трансформацию?

— Он меня поэтому и бросил,— сказали Листья.— Я почувствовала в нем жажду смерти раньше его самого.

— Тогда ни одна из вас не верит ему?

— Я верю тому, что вижу,— сказала Лейла.— Если он умрет, то он умрет. Точка.

Рэнди потер щетину на подбородке и покачал головой:

— Наверное, я не стал бы ему мешать, если он так хочет это совершить, как бы глупо оно не выглядело. Я только хотел бы встретиться с ним. Хотя не знаю даже, что бы я сказал.

— Ты уже видел его.

— Объясни яснее.

— Та пара — старик и старуха, у которых забарахлил мотор. Это были мы — я и Рэд — много, очень много лет назад, пока мы не начали становиться моложе. А тебя я потом вспомнила тоже, как ты починил машину.

— Проклятье, что это еще такое?

— Где?

— Что-то такое большое... вроде самолета, пролетело над нами.

— Я ничего не видела.

— Оно позади пролетело. Я заметил в зеркальце.

Лейла покачала головой:

— Не может быть. При нашей скорости перемещения во времени любой предмет был бы видимым лишь на такую ничтожную

долю секунды, что даже подсознательно ты бы его не заметил. Листья, ты что-то зарегистрировала?

— Нет.

— Значит...

Он ткнул пальцем:

— Ага! Вот оно, возвращается!

Лейла наклонилась к ветровому стеклу, раздавив мимоходом сигару.

— Дьявол,— сказала она.— Это похоже на... Опять пропал.

— Это дракон,— сказал Рэнди.— Как в сказке с картинками.

Лейла снова уселась на место.

— Скорей,— сказала она.

— Быстрее мы не можем.

Необычной формы силуэт в небе больше не появлялся. Минут через пятнадцать они миновали поворот, и Лейла подняла руку.

— Что?— спросил он, касаясь педали тормоза.— Это здесь?

— Нет. Мне показалось на мгновение, что это не сон. Поехали дальше. Я чувствую, что мы уже близко.

В течение следующего часа они миновали многочисленные повороты, все отмеченные каким-нибудь рисунком. Потом пошла сплошная обочина. Наконец вдали появился еще один поворот. Лейла наклонилась вперед, вглядываясь.

— Это он,— сказала она.— Стой. Голубой зиккурат... последний съезд на Вавилон. Это наше место.

Он выехал на обочину Дороги. Внезапно их окружило утро и солнце светило по-летнему яркэ. Рэнди опустил стекло в окне, посмотрел назад, потом по сторонам. Кажется, мелькнула какая-то тень, но он не был уверен.

— Ничего особенного не наблюдается,— сказал он.— Мы здесь одни. Что теперь?

— Все в порядке,— ответила Лейла.— Мы его опередили по шкале дорожного времени. Оставайся на обочине и выезжай за поворот. Проезжай метров сто, потом разверни машину и заблокируй этот съезд, но так, чтобы он успел затормозить, потом мы выйдем из машины и пойдем по Дороге, будем махать ему руками. Он не должен поворачивать сюда.

— Секунду,— сказала Листья, когда Рэнди задвигал рычагами,— а вдруг получится так, что мы вызовем то, что пытаемся предотвратить?

— Разумно,— заметила Лейла.— Рэнди, у тебя есть переносные знаки аварии?

— В общем-то были.

— Мы установим несколько штук вдоль съезда. Включи фары и повесь на окно какую-нибудь материю — рукав, майку, что-нибудь.

— Хорошо.

Он осторожно двинул вперед машину, повернул вниз по съезду...

Глава 25

Рэд протер глаза, посмотрел на соседа справа. Чедвик тоже уже начал просыпаться.

— Мы уже близко? — тихо спросил он.

— Очень близко. Поэтому я вас и разбудил. Интересно, что вы намерены делать после того, как он отыщет свое волшебное место?

Рэд снова посмотрел на Чедвика:

— Я думаю выбросить его несколько раньше. Это для его соб...

— Нет! — вскричал Чедвик, поднимаясь и усаживаясь вертикально. — От меня ты сейчас не избавишься! Я намерен досмотреть этот сумасшедший спектакль до конца!

— Я хотел сказать, что это для твоего же собственного блага. Ты ведь не хотел бы попасть под удар в случае чего, верно ведь?

— Я знаю, на что иду. И получше тебя самого, глупец! Твое время еще не пришло!

— Что ты хочешь сказать? Я хочу оказать тебе услугу! А ты только пакостишь! Цветы! Тормози!

Рука Чедвика метнулась к панели, перекинула выключатель режима двигателя с автоматического на ручной. Машину занесло сразу влево. Рэд ухватился за руль и выравнял грузовик.

— Болван! Ты задумал нас всех убить!

Чедвик дико захохотал, потом рубанул по предплечью Рэда, когда тот попытался переключить тумблер режимов обратно.

Рэд начал тормозить. Он повернул голову к Чедвику:

— Послушай! Если я не прав, я тебя потом подберу. Но, если я прав, то тебе лучше покинуть борт. Я иду навстречу своей судьбе. Я...

Он начал поворачивать руль вправо. Чедвик навалился на него, уцепился за руль и пытался повернуть его влево.

— Смотри! Люди!

Рэд поднял глаза, увидел Лейлу, которая махала руками, в одной — развевался платок. За ней виднелся какой-то молодой человек, он тоже махал.

Когда они промчались мимо, Чедвик ударил Рэда в челюсть, голова Рэда ткнулась в раму окна. Чедвик ухватился за руль.

— Стойте! Прекратите! — кричал Цветы. — Переключите тумблер!

Они миновали дымящийся и плюющий искрами сигнал. Рэд увидел знак голубого «зиккурата» и ударом локтя в голову отправил Чедвика обратно на его сиденье. Одна его рука переключила

двигатель на автоматику, вторая поворачивала руль, направляя машину в поворот.

Завизжали тормоза и Цветы объявил:

— Дорога перекрыта!

Покрышки скрипели. Склон слева был очень крутой. Справа склон был более пологий, но усеянный камнями. Желтая глина внизу...

Рэд повернул руль влево, но руль повернулся вправо.

— Простите, хозяин, сказал Цветы,— но один из нас не прав, и я думаю, что это вы.

Его спеленало что-то тяжелое и мягкое. Они уже выехали на спуск. Он услышал, как раскрылась дверца, и его выбросило из кабины.

Падение, удар о грунт, откатившись в сторону... он потерял сознание. Надолго ли — он не мог сказать. Казалось, что не очень.

Он слышал, как трещит огонь. Еще, кажется, где-то вдалеке кричали. Он несколько раз глубоко вздохнул. Он потянулся и расслабился. Похоже, все кости целы...

Он начал выпутываться из кокона. Субстанция была прочная, хотя белая и пенистая.

Крики приближались. Несколько голосов, но он все еще не мог разобрать, что они говорили.

Он ощупал живот, потом грудь. Слева в ребрах что-то сильно закололо. Он погрузил пальцы в ткань предохранительного кокона, начал тянуть, мять, рвать. Медленно, но ткань поддавалась. Он взялся поудобнее, потянул сильнее.

Кокон раскрылся. Раздвинув руки, он потащил оболочку с плеч. Он начал выползать наружу. Он услышал, как голос Лейлы зовет его, и увидел, что она бежит к нему.

Он повернулся и посмотрел вниз по склону, где лежал пикап. Он перевернулся и горел. Он попытался встать, но ноги запутались в губчатой материи, и он снова опустился на траву. В боку все еще болело.

— Нет... — сказал он, глядя на пылающий грузовик.— Нет...

На плечо легла рука. Он не поднял головы.

— Рэд?

— Нет! — повторил он.

Грузовик внизу вдруг расцвел, словно превратившись в шар огня. Секунду спустя накатилась волна жара. Рэд поднял левую руку как раз в тот момент, когда подбежал Рэнди.

— Ты мог оказаться там... — начала Лейла.

Рэд взмахнул рукой, вытянув указательный палец.

Пламя опало. Поднялся столб дыма. Что-то внутри его, казалось, двигалось по медленной спирали вверх.

— Вот,— сказал он,— я понял теперь.

Громадный серо-зеленый дракон воспарил над обугленным грузовиком.

— Это Чедвику пришла пора,— сказал Лейла.— И все твои действия должны были помочь ему.

Рэд кивнул, не отводя взгляда от уплывающего силуэта. Движения дракона были грациозны, и даже каким-то образом чувственны. Это был воздушный танец свободы, сброшенных пут.

Внезапно он замер и посмотрел в их сторону. Потом развернул крылья и подплыл ближе. Уже совсем близко он каким-то образом замер на месте.

— Спасибо, дети мои,— послышался его мелодичный звучный голос.— Вы сделали для меня то, что я не мог сделать сам, потому что не знал, как...

Он описал над их головами медленный круг.

— В чем же секрет?— спросил Рэд.— Я вспомнил больше, чем ты. Я думал, что все приготовил для себя...

Он взглянул вверх, где появился второй темный силуэт.

— События, дети мои,— ответил дракон,— события и подсознательная манипуляция. Я не могу дать вам совета. Мы все разные. Ищите, если чувствуете, что должны искать. Для тебя, возможно, в этом и заключается путь. Но время твое еще не пришло. Когда наступит срок — помощь придет неожиданно... друг, враг, незнакомец, родственник... я же теперь отправляюсь домой. Надеюсь, что когда-нибудь мы еще встретимся.

Он быстро взмахнул крыльями и начал подниматься, чешуя его горела в лучах утреннего солнца, будто золотое зеркало. Крылья его двигались сначала медленно, потом быстрее, быстрее, поднимался он все выше и выше. Рядом появился еще один крылатый житель небес. Скоро они оба скрылись из виду.

Рэд на мгновение спрятал лицо в ладонях. Ветер изменил направление и до них доносился запах гари.

— Может, кто-нибудь все-таки поднимет меня?— донесся голосок откуда-то от подножия спуска.— А эта мерзкая растительность сейчас тоже загорится.

— Цветы?— сказал Рэд, уронив руки и поднимаясь.

Но молодой человек опередил его. Он отыскал в траве книгу, вставил ее обратно в предохранительный футляр для катапультирования в случае аварии и отнес на вершину спуска.

— Рэд, познакомься, это твой сын, Рэнди,— сказала Лейла.

Рэд нахмурился.

— Откуда ты, парень?

— Кливленд, В-20.

— Что б я... Блейк... или Карфаж?

— Ага. Но теперь я употребляю Доракин.

Рэд шагнул вперед и взял Рэнди за плечо, всматриваясь в его глаза.

— Это так, это действительно так, и я чертовски рад. Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя. Дорогу мне показала Листья. Потом я встретил Лейлу...

— Не хочу вам мешать,— сказала Лейла,— но машину нам лучше поскорее убрать оттуда, пока не подъехал еще кто-нибудь.

— Верно.

Они повернулись к боковой дороге.

— Гм... как же тебя называть теперь? Отец?

— Рэд. Просто Рэд.— Он посмотрел на Лейлу.— Голова у меня вдруг прояснилась, словно туман развеялся.

— Это была последняя черная птица,— ответила Лейла.

— Ты представляешь, если бы проиграл я, то я бы не встретил Рэнди.

— М-да.

— Тогда давайте отправимся в УР, выпьем пива. У них в УР всегда было хорошее пиво.

— Я согласен,— сказал Рэнди.— Мне о многом нужно тебя спросить.

— Конечно. И мне тоже нужно о многом тебя расспросить... и нам еще нужно составить план.

— План?

— Да. По-моему, греки все же должны выиграть сражение при Марафоне.

— А они и выиграли.

— Что?

— Так сказано в учебнике истории.

— Ты въехал на Дорогу в В-20. Где именно?

— Нью-Акрон.

— Ты сможешь найти обратный маршрут?

— Думаю, что смогу.

— Парень, мы сделаем это! Погоди! Сначала отправимся в Марафон, сверить счет. Возможно, в игру вмешался новый фактор.

— Рэд?

— Да?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Это ничего, я объясню...

— Меня будет искать Мондамей,— сказал Цветы внезапно.— Оставьте ему записку.

Рэд щелкнул пальцами.

— Правильно. Ребята, вы усаживайтесь в машину. Я сейчас.

Он потрусил вниз по спуску, держась за бок. Подобрав кусок еще горящего металла, он нацарапал — «Мы завтракаем в УРе. Рэд», на покореженной дверце все еще догоравшего пикапа.

— Действительность несколько теряет реальность в его присутствии,— заметил Рэнди.

— Я никогда ничего особенного не замечала,— сказала Лейла, чтобы раскурить новую сигару.— До последнего пожара. Но теперь с ним, кажется, опять все нормально.

— Нормально, нормально. Сплошь тут нормальные собрались,— начал Цветы.— Наверное, я тоже дракон, которому снится, что он книга...

— На твоем месте я не упускала бы возможности,— сказала Лейла, садясь в кабину.— Листья, познакомься, это Цветы.

Последовал двойной взрыв статических помех...

Глава 26

В горной цитадели, в Абиссинии времен В-11, Тимьин Тин взглянул на пару любовников. Тесно прижавшись боком, Чантрис провела кончиком крыла по забинтованной голове и спине динозавра.

— Бедненький, тебе уже легче, правда?

Динозавр тихо застонал и прислонился к ней.

— Благодарю вас за то, что предоставили эту замечательную резиденцию,— сказала она Мондамею, который помог им выбраться из-под руин дома Чедвика,— и вам, за помощь в перевозке.

Тимьин Тин склонился в глубоком поклоне.

— Оказать услугу дракону Белквинита — слишком большая честь для меня,— ответил он.— Желаю вам всяческих радостей в этом счастливом пристанище.

Динозавр несколько раз вздохнул. Дракон засмеялся и погладил его.

— Ума у него не слишком много,— призналась она,— но какое тело!

— Я рад, что вы рады,— сказал Мондамей,— мы оставим вас в благословенном одиночестве теперь, потому что мне нужно найти свою собственную любовь. Этот человек-разрушитель согласился помочь мне. После этого мы займемся каждый своим: я буду лепить горшки, он — выращивать цветы. Тимьин Тин, если ты готов, садись мне на спину.

— Если хотите совет,— сказала Чантрис, выдыхая спираль бледного дыма — то поинтересуйтесь у последнего въезда на Вавилон, рядом со знаком голубого «зиккурата». У нас, драконов, иногда имеются любопытные сведения.

— Благодарю за совет,— сказал Мондамей, когда Тимьин Тин влез ему на спину и ухватился за плечи.

Они поднялись в воздух, долину внизу наполнило рычание и грохот...

Рэд, Лейла и Рэнди, облаченные в местные наряды, сидели в глинобитном домике с земляным полом в царстве УР, и пили пиво местного производства из глиняных горшков. К ним подошел темнокожий плотный человек в таком же одеянии.

— Рэнди?

Они посмотрели на него.

— Тоба!— воскликнул Рэнди.— Я должен угостить тебя пивом. Садись. Ты помнишь Лейлу. А это мой отец, Рэд Доракин.

— Помню, помню,— сказал Тоба, пожимая руки.— Твой отец? Ай-ай!

— Что ты делаешь в УРе?

— Я сам, собственно, из этих мест. И пока без работы. Решил навестить родителей и подыскать новое дело.— Он кивнул в сторону, где в углу лежало несколько жгутовых мешков.

— А что именно?— спросил Рэд, опуская свой горшок и вытирая рот.

— О, примерно в шестидесяти В по Дороге я занимаюсь археологией. Время от времени я возвращаюсь сюда, чтобы закопать пару мелочей. Потом я еду обратно и откапываю их. Я уже работу написал на этом материале. Это очень интересный случай взаимопроникновения культур. Сейчас у меня там, в мешках, несколько замечательных образцов из Мохендо-Даро.

— Но ведь это... некоторым образом жульничество?— спросил Рэнди.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Прятать находки таким образом... ты вводишь путаницу в археологию.

— Почему? Нет. Я ведь сказал, я сам отсюда. И всем находкам действительно по шесть тысяч лет, когда их откапывают.

— Но ведь у людей создается превратное мнение о характере УРа и Мохендо-Даро?

— Не думаю. Вот тот парень, с которым я сижу, он из Мохендо-Даро. Я его встретил в 1939 году на мировой ярмарке. Мы с ним неплохо поработали с тех пор.

— Это очень необычное... занятие,— заметил Рэнди.

Тоба вздохнул:

— Это средство к существованию. Я рад видеть тебя живым, Рэд.

— Это занятие,— улыбнулся Рэд,— мы как раз говорили на подобную тему...

Где-то в другом месте Байрон и Сент-Экзюпери проплывали над французскими деревушками. Джоан видела в небе их силуэты, словно сражающиеся распятия...

Невысокий черноусый человек затормозил свой «фольксваген», увидев, как голубой пикап перевернулся и загорелся. Некоторое время он смотрел, потом поехал дальше...

Одинокие, важные и мудрые драконы парили над Белквинитом, грезя дорожные карты.

Вестник рухнул на ступени Акрополиса, он успел сообщить о победе под Марафоном, прежде чем умер...

СОДЕРЖАНИЕ

Остров мертвых 5

Созданья света, созданья тьмы 121

Подмененный 241

Умереть в Италбаре 371

Знаки дороги 491

Литературно-художественное издание

Роджер Желязны

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

Книга пятая

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Роман

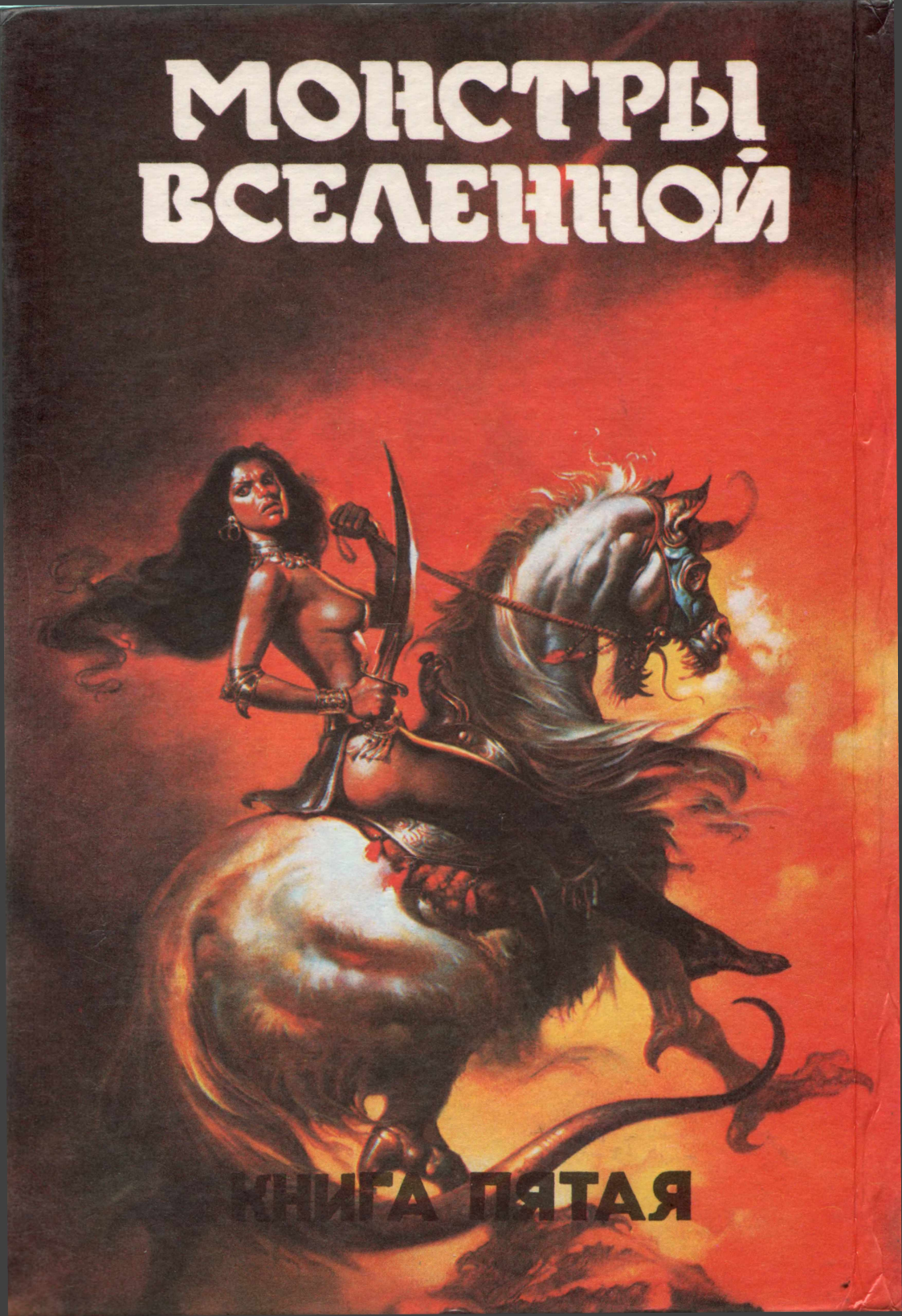
Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.05.93 г. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0. Уч.-изд. л. 43,7. Усл. кр.-отт. 38,6. Зак. 3-180.

Благотворительный фонд «Сердце», г. Киев, спуск Ст. Разина, 11

ЧП «ТДК», 252152, Киев-152, ул. Серафимовича, 7.

Полиграфкомбинат «Украина», 254119, Киев-119, ул. Дегтяревская, 38—44.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

КНИГА ПЯТАЯ